

ISSN 2410-0722

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Средневековые тюрко-татарские государства

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–64143
от 25 декабря 2015 г. выдано Роскомнадзором

Выходит 1 раз в год

Адрес редакции:

420111, г. Казань, ул. Батурина, 7
Тел./факс (843) 292 84 82 (приемная), 292 19 15
E-mail: istkazan@mail.ru

ACADEMIC JOURNAL

Medieval Turkic-Tatar States

FOUNDER:

Sh. Marjani Institute of History
of Tatarstan Academy of Sciences

Certificate of registration in the mass media ПИ № ФС77–64143
given by Roskomnadzor on 25 December 2015

Published once a year

Editorial Office Address:

420111, Kazan, Baturin Str., 7
Tel./Fax (843) 292 84 82 (reception), 292 19 15
E-mail: istkazan@mail.ru

2017. № 9

Казань

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор:

И.К. Загидуллин, д.и.н., заведующий отделом новой истории,
Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань)

Научный редактор:

И.А. Мустакимов, к.и.н., заведующий сектором научного использования
архивных документов и международных связей
Государственного комитета Республики Татарстан по архивному делу (Казань)

Ответственный редактор номера и ответственный секретарь журнала:

Б.Р. Рахимзянов, к.и.н., старший научный сотрудник отдела новой истории,
Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Р.С. Хакимов, председатель (Казань), И.К. Загидуллин (Казань), И.А. Мустакимов (Казань),
Б.Р. Рахимзянов (Казань), В.В. Трепавлов (Москва), Д.Н. Маслюженко (Курган),
И.В. Зайцев (Москва), С.Г. Бочаров (Симферополь), А.Г. Ситдииков (Казань)

EDITORIAL OFFICE

Editor-in-Chief:

I.K. Zagidullin, Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of Modern History,
Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan)

Science Editor:

I.A. Mustakimov, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department
for Scientific using of Archival Documents and International Relations,
State Committee of the Republic of Tatarstan on Archives (Kazan)

Executive Editor of Issue, Executive Secretary of Journal:

B.R. Rakhimzianov, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher
of the Department of Modern History, Sh. Marjani Institute of History
of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan)

EDITORIAL BOARD:

R.S. Khakimov, Chairman (Kazan), I.K. Zagidullin (Kazan), I.A. Mustakimov (Kazan),
B.R. Rakhimzianov (Kazan), V.V. Trepavlov (Moscow), D.N. Maslyuzhenko (Kurgan),
I.V. Zaytsev (Moscow), S.G. Bocharov (Simferopol), A.G. Sitdikov (Kazan)

Средневековые тюрко-татарские государства. 2017. № 9. 272 с.

Medieval Turkic-Tatar States. 2017, no. 9, 272 p.

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).
The Research Annual is included in the Russian Science Citation Index Database.
http://elibrary.ru/title_about.asp?id=52838

© ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан», 2017
© Отдел новой истории Института истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2017
© «Средневековые тюрко-татарские государства», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Загидуллин И.К. Предисловие	5
-----------------------------------	---

СТАТЬИ

Арсланова А.А. Из истории изучения «Тарих-и Вассаф» в отечественной и зарубежной историографии	7
Беляков А.В. Канбаровы (Камбаровы) в Московском государстве XVI–XVII вв.	15
Бочаров С.Г., Сейтумеров Ш.С. Бахчисарай – введение в историческую топографию столицы Крымского ханства	21
Валеева-Сулейманова Г.Ф. Болгаро-хазарский генезис и проблема средневожского варианта Салтовской культуры в искусстве казанских татар	31
Виноградов А.В. Посольства князя М.А. Щербатова в Крым и заключение русско-крымского договора 1594 года	38
Гатин М.С. О татарском влиянии на Русь – Россию в работах немецких историков	60
Грибовский В.В. Якуб Рудзевич на службе Крымскому ханству	65
Гусейнов Г.-Р.А.-К. Монгольский термин <i>даруга</i> в постзолотоордынском контексте политической истории Дагестана и Северного Кавказа	78
Идрисов И.Ю. К истории Какашуринского удела Мехтулинского ханства в первой половине XVIII века	83
Исхаков Д.М. К вопросу об этносоциальной топографии центрального владения вятской ветви Арских князей в XVI – начале XVII вв.	87
Конкин Д.В. Особенности налогообложения крымских татар в первые десятилетия после присоединения Крыма к Российской империи	94
Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А. Брачная политика правителей Тюменского и Сибирского ханств	103
Моисеев М.В. Ногайско-русские отношения при Исмаил-бие (1554–1563 гг.)	110
Нарожный Е.И., Соков П.В. Об одной группе средневековых каменных изваяний Северного Кавказа («христианские рыцари»). Некоторые дискуссионные аспекты	128
Несин М.А. Царевич Касим на службе Ивану III: как Касим пытался добыть казанский престол в 1467 г.	137
Парунин А.В. К вопросу о «великодержавной» политике шибанида Ибак-хана	142
Тихонов С.С. Бухарские татары и поиск материальных свидетельств их пребывания в Среднем Прииртышье	149

ПУБЛИКАЦИЯ ДОКУМЕНТА

Муштафина Д.А., Мустакимов И.А. Письма Ивана IV в Крым. Август 1564 г.	155
--	-----

МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА

«Тюрко-татарское и славянское казачество: общее и особенное»

Галлям Р.Г., Хисматуллин Б.Р. Казачество в призме социально-политической иерархии Казанского ханства (XV – сер. XVI в.)	167
Думин С.В. Татары-казаки в Великом княжестве Литовском (XV–XVI вв.)	170
Мустакимов И.А. Из истории азовских (татарских) казаков второй половины XVI в.	184

НОВЫЕ КНИГИ, РЕЦЕНЗИИ

Дискуссия по книге Б.Р. Рахимзянова «Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен, XV–XVI вв.» (СПб.: Евразия, 2016. 396 с.)

Исхаков Д.М. «В начале было слово»: введение к дискуссии	190
Аксанов А.В. Рецензия на книгу Б.Р. Рахимзянова «Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен, XV–XVI вв.»	192
Беляков А.В. Москва и татарский мир – доноры и реципиенты	196
Измайлов И.Л. Татарский мир и Московское государство: вместе и врозь	202
Ислаев Ф.Г. Москва и татарский мир: конфронтация или сотрудничество?	209
Маслова С.А. О книге Б.Р. Рахимзянова «Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен, XV–XVI вв.»	213
Пенской В.В. Свой среди чужих, чужой среди своих? Москва и татарский мир в XV–XVI вв.	216
Почекаев Р.Ю. Московское государство и пост-ордынские ханства: новый взгляд на историю отношений?	225
Соколов Р.А. Москва – наследница Золотой Орды?	231
Рахимзянов Б.Р. Можно ли приватизировать историю? Ответ рецензентам книги	235

Другие рецензии

Сабитов Ж.М. Рецензия на книгу Кәрібаева Б.Б. «Қазақ хандығының күшеюі (XV ғ. соңғы – XVI ғ. алғашқы ширектері)» (Укрепление Казахского ханства (последняя четверть XV – первая четверть XVI вв.))	241
---	-----

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Загидуллин И.К. Подготовка молодых специалистов в отделе средневековой истории Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (1998–2014 гг.)	245
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Рахимзянов Б.Р. Международная научная конференция «Внутренние периферии в международной перспективе, 1500–2015 гг.»	262
Рахимзянов Б.Р. IX Международная научная конференция «Комплексный подход в изучении Древней Руси»	263
Рахимзянов Б.Р. XI Всероссийская (с международным участием) научно-практическая конференция «Историческая судьба Искера»	264
Рахимзянов Б.Р. III Всероссийская (с международным участием) научная конференция «История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири»	265
Аминов Р.Р. Всероссийская научная конференция «Ad marginem: тюркское казачество и служилые татары Османской империи, Крымского ханства, Польско-Литовского государства и России»	266

IN MEMORIAM

Мухаметшин Д.Г. Одаренный сын своего народа: Р.Г. Фахрутдинов (1937–2014)	269
--	-----

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дорогой читатель!

В новом номере научного журнала мы решили не ограничиваться только постзолотоордынским временем и представили материалы, выходящие за рамки этого исторического периода, а также постарались обрадовать публикациями представителей различных областей гуманитарных наук. Двигаясь в направлении превращения научного ежегодника в журнал, также ввели новые разделы «*История и современность*» и «*In memoriam*», предполагающие разговор (и дискуссии) о тенденциях и достижениях развития современной исторической науки и возрождении исторической памяти.

В самом большом из разделов журнала – «*Статьи*» – представлены 17 новых работ исследователей.

Известный искусствовед *Г.В.Валеева-Сулейманова* анализирует влияние Салтово-Маяцкой археологической культуры на искусство и архитектуру волжских булгар и выявляет эту преемственность в произведениях искусства казанских татар.

Два материала раздела имеют источниковедческо-историографическую направленность. *А.А.Арсланова* дает характеристику сочинению персидского историка Шихаб ад-Дина 'Абд Аллаха «Шараф» Ширази (663–735/1264/1334) «Таджзийат ал-амсар ва таджзийат ал-а'асар» («Разделение областей и прохождение времен»), подтверждая свои суждения также оценками коллег. Статья *М.С.Гатина* посвящается анализу оценок немецких ученых XIX–XX вв. степени воздействия Золотой Орды и татарских государств на русские земли, выделяя три точки зрения (от «негативного до преимущественно позитивного»).

Традиционно ряд статей посвящен международным отношениям: ногайско-русским (*М.В.Моисеев*), московско-казанским (*М.А.Несин*) и московско-крымским (*А.В.Виноградов*).

«Крымская тематика» объединяет две публикации. Археологи *С.Г.Бочаров* и *Ш.С.Сейтумеров* представляют реконструкцию генерального плана города Бахчисарай третьей четверти XVIII в., выделяя ключевые моменты градостроительства и этноконфессиональной топографии столицы Крымского ханства на протяжении XVII и XVIII вв. *В.В.Грибовский* делится результатами изучения деятельности ханского переводчика из литовских татар Якова Измайловича Рудзевича (Якубага) в третьей четверти XVIII в.

«Сибирская тематика» также представлена двумя научными изысканиями. Объектом изучения *Д.Н.Маслюженко* и *Е.А.Рябинина* является брачная политика правителей Тюменского и Сибирского ханств XV–XVI веков как важный элемент в выстраивании внешней политики и внутренней клановой системы. *А.В.Парунин* выдвигает предположение о том, что действия шибанида Ибакхана после убийства хана Ахмата в 1481 г. были вызваны не стремлением укрепиться на золотоордынском престоле, а решением локальных задач.

Четыре материала раздела имеют непосредственное отношение к взаимоотношениям с русской администрацией тюрко-татар в статусе российских подданных. *Д.М.Исхаков* повествует об этносоциальной топографии деревни Карино Вятской земли в XVI–XVII в. (арские князья и «берсермяне»). *А.В.Беляков* отслеживает историю проживания в Московском государстве XVI–XVII в. бывшего ногайского мирзы служилого князя Канбар Мамалеева и его преемников. *Д.В.Конкин* освещает первоначальные мероприятия российского правительства по налогообложению крымских татар после 1783 года. *С.С.Тихонов* сосредоточился на анализе материалов, свидетельствующих о пребывании бухарцев в Западной Сибири, и на возможностях их использования в археолого-исторических и этноархеологических исследованиях.

История Северокавказского региона представлено тремя текстами. Археологи *Е.И.Нарожный* и *П.В.Соколов* ставят на повестку вопрос об изучении сохранившихся на Северном Кавказе средневековых каменных статуй с изображениями крестов. Языковед *Г.-Р.А.-К. Гусейнов* исследует применение монгольского термина «даруга» на землях Северного Кавказа в XV–XVIII вв. *И.Ю.Идрисов*, анализируя письменные источники, уточняет некоторые сюжеты по истории Какашуринского удела и Мехтулинского ханства первой половины XVIII в.

В разделе «*Публикация документа*» *Д.А.Мустафина* и *И.А.Мустакимов* презентуют одиннадцать писем русского царя Ивана Грозного, адресованные крымскому хану Девлет-Гирею и его ближайшему окружению, и письмо царевича Ивана, предназначенное мурзе Мураду, от августа 1564 г., составленные с целью склонения к заключению русско-крымского мирного соглашения.

В 2016 г. при поддержке проекта РФФИ №16–46–161053 в Казани состоялась Всероссийская научная конференция «Ad marginem: тюркское казачество и служилые татары Османской империи, Крымского ханства, Польско-Литовского государства и России» (см.: Средневековые тюрко-татарские государства. 2016. №8. С.56–171), в рамках которой был организован *Круглый стол на тему «Тюрко-татарское и славянское казачество: общее и особенное»*.

Редакция журнала представляет некоторые публикации данного научного мероприятия. В своей статье *С.В.Думин* объясняет прекращение во второй половине XVI в. практики использования в отношении литовских татар термина «татары-казаки» дальнейшей их интеграцией в качестве служилых татар в шляху Великого княжества. *И.А.Мустахимов* вводит в научный оборот неизвестные указы султана Мурада III от 1576 г., адресованные азовскому санджакбею (наместнику), в которых упоминаются азовские казаки (азовские татары). Статья *Р.Г.Галляма и Б.Р. Хисматуллина* содержит ряд интересных наблюдений о месте казачества в этносоциальной структуре Казанского ханства.

В разделе *«Новые книги, рецензии»* представлены рецензии коллег на два новых издания.

Восемь специалистов (*А.В.Аксанов, А.В.Беляков, И.Л.Измайлов, Ф.Г.Ислаев, С.А.Маслова, В.В.Пенской, Р.Ю.Почекаев, Р.А.Соколов*) откликнулись на предложение написать рецензию на монографию *Б.Р.Рахимзянова «Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен, XV–XVI вв. (СПб.: Евразия, 2016)*. Эти материалы претендуют на самостоятельный раздел, который открывается вводным словом *Д.М.Исхакова*. Поднятые в ряде текстов проблемы представляются продолжением дискуссии круглого стола «Московское государство и постзолотоордынские тюрко-татарские государства: история взаимоотношений» (г. Казань, 16 марта 2012 г.) (см.: Средневековые тюрко-татарские государства. 2012. №4. С.170–226). Конечно же, тема имеет давнюю историографию, и сегодняшний разговор является неким итогом обсуждения на материале постсоветского периода. В отзывах красной линией проходит обсуждение вынесенных на суд читателя идей автора о неравноправии между Москвой и тюрко-татарским миром (вопрос дани), рассмотрении жалованных Чингисидам русских городов с волостями в качестве «юртов», а Московского великого княжества (государства) – как части политической системы Степи и т.д. Рецензенты дискутируют с автором, также указывают на некоторые спорные трактовки в монографии, сделанные при анализе источников. Автор монографии *Б.Р.Рахимзянов*, резюмируя, в своей небольшой статье отвечает на замечания коллег-оппонентов.

Казахский исследователь *Ж.Сабитов* выносит на суд читателей свою рецензию на книгу на казахском языке *Б.Б. Карибаева «Укрепление Казахского ханства (последняя четверть XV в. – первая четверть XVI в.)»* (Алматы: Сардар, 2016. 176 с.). Все ошибки, констатирует рецензент, заключаются в переиздании автором своей кандидатской диссертации, защищенной в 1996 г., поэтому не учтены новые открытия ученых последних двадцати лет.

В разделе *«История и современность»* *И.К.Загидуллиным* приводятся результаты подготовки молодых специалистов в отделе средневековой истории Института истории им. Ш.Марджани за период его существования, в 1998–2014 гг.

В разделе *«Научная жизнь»* *Б.Р.Рахимзянов и Р.Р.Аминов* представили сообщения о научных форумах, в которых принимали участие: о Всероссийской научной конференции «Ad marginem: тюркское казачество и служилые татары Османской империи, Крымского ханства, Польско-Литовского государства и России» (г. Казань, 29–30 ноября 2016 г.), III Всероссийской (с международным участием) научной конференции «История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири» (г. Курган, 21–22 апреля 2017 года), XI Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции «Историческая судьба Искера» (г. Тобольск, 21 июля 2017 года), IX Международной научной конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси» (г. Москва, 11–15 сентября 2017 года), Международной научной конференции «Внутренние периферии в международной перспективе, 1500–2015 гг.» (Австрия, г. Вена, 20–21 октября 2017 г.).

В разделе *«In memoriam»* *Д.Г.Мухаметшин*, возрождая историческую память, повествует о научной деятельности известного татарского историка-археолога, специалиста по средневековой истории тюрко-татар доктора исторических наук *Рауиля Габдрахмановича Фахрутдинова (1937–2014)*.

Завершая предисловие, от имени редакции журнала благодарю всех авторов за сотрудничество и надеюсь, что публикации станут заметным вкладом в накопление исторических знаний по средневековой истории Восточной Европы.

И.К. Загидуллин

СТАТЬИ

УДК 930.2

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ «ТАРИХ-И ВАССАФ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

© 2017 г. А.А. Арсланова

Статья посвящена некоторым аспектам истории изучения одного из выдающихся представителей персоязычной историографической традиции монгольского периода, а именно Шихаб ад-Дина 'Абд Аллаха «Шараф» Ширази, более известного как Вассаф, или Вассаф ал-Хазрат («панегирист его величества», или «придворный панегирист») (663–735/1264/1334) и его сочинения «Таджзийат ал-амсар ва тазджийат ал-а'асар» («Разделение областей и прохождение времен»), обычно называемого «Тарих-и Вассаф», которое он написал в качестве продолжения знаменитого сочинения Ала ад-Дина Джувайни «Тарих-и джахангуша». Вассаф пользовался также сочинением своего покровителя Рашид ад-Дина, но иногда излагал иначе те события, которые уже были им изложены ранее. Труд Вассафа хорошо известен исследователям и признан ценнейшим нарративным источником для изучения социально-политической истории, дает широкую картину жизни Ирана в период правления ильханов во второй половине XIII – первой четверти XIV вв., но из-за своего излишне витиеватого и высоко искусственного стиля относится все же к числу малоизученных памятников средневековой историографии.

Ключевые слова: персидская историография монгольского периода, Вассаф ал-Хазрат, «Тарих-и Вассаф».

Некоторых персидских историков монгольского периода объединяют в одну группу по сходным идейно-политическим и пропагандистским позициям, по специфическим критериям в изображении современной им действительности и прошлых событий, которые они в той или иной степени скомпилировали у своих предшественников. Безусловно, они выражали про-монгольские идеи чиновной знати и поддерживали централистские традиции иранской государственности. Речь идет о таких историках, как Джувайни, Рашид ад-Дин, Вассаф ал-Хазрат, Хамдаллах Казвини. Все они по-своему выполняли заказ монгольских повелителей и покровителей. Но именно благодаря их аутентичным трудам историографию данного периода можно назвать одним из наиболее уникальных и значительных явлений в мировой истории.

Здесь мы обращаемся к краткому историографическому обзору изучения текста одного из некоторых упомянутых сочинений персидских историков, фактически являвшихся подчиненными Рашид ад-Дина, которого, в свою очередь, можно назвать основоположником так называемой «монгольской школы» в историографии и идеологом монгольского управленческого аппарата. Известно, что почти для всех позднейших компиляторов произведение Рашид ад-Дина явилось основным источником. Некоторые историки в дальнейшем почти полностью или частично переписали его (Банакати, Хафиз-и Абру, «Анонимо Искендера» и др.). Но так, между прочим, иногда поступал и сам Рашид ад-Дин с трудами своих предшественников¹.

¹ Как заметил Т.И.Султанов, «...каждый компилятор имел дело с наличными историческими фактами; ему не было нужды изобретать сюжеты. Составляя исторический свод, он выступал, прежде всего, как специалист литературного монтажа, и его искусство заключалось в том, чтобы изобретательнее провести новую группировку уже известного.... Когда историк приступал к составлению сводного труда, то для описания каждого периода и царствования, каждого события он отбирал из числа доступных ему источников одно сочинение, которое в наибольшей степени отвечало авторскому замыслу, и выписывал из него нужные сведения. По ходу изложения он обращался к соответствующим главам и разделам других источников, выбирая из одних трудов дополнительный материал, приводя из других иные версии события или факта, делая ссылки справочного характера или просто упоминая сочинения из третьей группы. Обращение к новой теме или вопросу, даже в пределах одной главы, вновь начиналось с выбора основного, стержневого источника, данные которого дополнялись бы сведениями из других, и процедура повторялась... Таким же

Великий везир, находившийся в авангарде науки своего времени, проявил себя как весьма дальновидный и мудрый человек, администратор и ученый. Своим покровительством он вдохновил еще целую школу историков, стремившихся к точности и широкому охвату материала. Некоторые из его подчиненных были непосредственно обязаны ему личной поддержкой и участием в «презентации» своих исторических сочинений перед сильными мира сего.

Шихаб ад-Дин (или Шараф ад-Дин?) 'Абд Аллах «Шараф» Ширази, сын 'Изз ад-Дина Фазл Аллаха, более известный как Вассаф, или Вассаф ал-Хазрат («панегирист его величества», или «придворный панегирист») (663–735/1264/1334), был родом из Фарса и являлся человеком образованным, просвещенным, имел великолепную память, был хорошим литератором и поэтом. Он служил сборщиком налогов в пользу монгольского правительства, находился под покровительством сначала Рашид ад-Дина, а впоследствии его сына и преемника Гийас ад-Дина. Поэтому он, безусловно, имел исчерпывающее представление о финансовой системе в Иране, чему уделил особое внимание в своем труде. Как заметил В.В.Бартольд, Вассаф, очень старался польстить не только султану, но и своему великому покровителю, сравнивая его с величайшими богословскими авторитетами или «обновителями веры» разных эпох. Он называл его также «проводником истины, земного мира и веры» (Рашид ал-хакк ва-д-дунья ва-д-дин), или «проводником державы и веры» (Рашид ад-дауля ва-д-дин) (Бартольд, 1963, с. 290). В то же время Вассаф предпочитал явно умалчивать роль Рашид ад-Дина в дворцовых интригах, если она казалась ему не совсем благовидной. Никаких других биографических данных о нем до нас не дошло.

В возрасте 34 лет Вассаф начал писать свое сочинение «Таджзийат ал-амсар ва тазджийат ал-а'асар» («Разделение областей и прохождение времен»), обычно называемое «Тарих-и Вассаф», в ша'бане 699 г. (22 IV–20 V 1300²) в качестве продолжения сочинения Джувайни, которого Вассаф в предисловии пышными оборотами назвал человеком, во всем достойным похвалы. Как заметил недавно в своей докторской диссертации Стефан Камола, «труд, первоначально состоявший из трех томов, описывает историю Монгольской империи и ильханата от смерти Мунке до первого вторжения Газан-хана в Сирию. Из-за своего предыдущего опыта в администрации салгуридских атабеков Фарса Вассаф включает в свою историю значительное количество информации об иранской политической и административной истории во время ранней Монгольской империи, включая большое описание салгуридской династии. Сахиб-диван и везир [Рашид ад-Дин – А.А.] представил историка Газану, который одобрил его работу, одарил значительными милостями и попросил продолжения с включением истории второго и третьего сирийских походов и о жизни Чингиз-хана» (Kamola, 2013, P. 114).

Книга состоит из пяти томов, которые в фихристе названы словом муджаллад. Между четвертым и пятым томами дано краткое содержание «Тарих-и джахангушай». Пятая часть (закончена в 1328 г.) содержит обзор истории Чингиз-хана, Джучидов и Чагатаидов и продолжение истории Хулагуидов до 723 (=1323) г., главным образом, историю правления Абу-Саида, до 728 (1328) г. (D'Ohsson, 1852. – P. XXVIII–XXXIII)³.

образом работали Рашид ад-Дин, Мирхонд, Хондамир, Махмуд ибн Вали, ал-Лари и другие авторы всеобщих историй. В результате едва ли не каждая статья больших сводных трудов представляет собою своеобразную мозаику, сюжетный рисунок которой взят из какого-либо одного источника, а дополнительные и орнаментальные детали заимствованы из многих других сочинений в виде текстов-вставок разного объема и значимости». См.: (Султанов, 2005, с. 155–156).

² Как отметил Н.Д.Миклухо-Маклай, «во всяком случае, эта дата как текущая приведена в предисловии к сочинению». – См.: (Миклухо-Маклай, 1975, с.165). По мнению Аббаса Икбала, «История Вассафа» является продолжением «Джахангушай» Джувейни, то есть состоит из событий истории монгольских ильханов Ирана по образцу «Джахангуша» и истории правителей и эмиров с 656 до 728 г.х., то есть охватывает середину правления ильхана Абу Саида Бахадур-хана. И Вассаф начал составлять свою книгу в 699 г., первую ее часть он представил Газану через посредство ходжи Рашида ад-Дина и ходжи Са'ад ад-Дина Мухаммада Сауджи в воскресенье 13 раджаба 702 г.х. на одной из стоянок возле Фурата по дороге в Сирию. В результате доброжелательного представления этих двух везиров было достигнуто расположение ильхана. Затем, после того, как была закончена почти половина книги, в Султании 24 мухаррама 712 г.х. при посредничестве ходжи Рашид ад-Дина она так же была представлена Улджайту, и со стороны этого ильхана была такая же любезность». См.: (Икбал, 1312, с.486).

³ Очень важно, что Вассаф свидетельствует об интенсивной торговле между Золотой Ордой и иранским Азербайджаном и о том, какое большое значение ей придавали Джучиды и Хулагуиды. Определяя границы Золотой Орды и Хулагуидов, Вассаф писал, что «до окраин Дербенда Бакинского он [Чингиз-хан – А.А.]

Как было отмечено выше, источниками для автора явились, сочинения Джувайни, Рашид ад-Дина, а также официальные документы (особенно финансового ведомства) и, по-видимому, устная традиция и рассказы очевидцев⁴.

Труд Вассафа давно и хорошо известен исследователям, он признан ценнейшим нарративным источником для изучения социально-политической истории, дает широкую картину жизни Ирана в период правления ильханов во втор. пол. XIII – перв. четв. XIV вв. (Сборник материалов, 1941, с.80–81). Но, несмотря на свою известность, как справедливо заметила Е.А.Полякова, из-за своего «курьезно» высокоискусственного стиля «Тарих-и Вассаф» относится все же к числу малоизученных памятников средневековой историографии.

В свое время французский исследователь Д'Оссон, широко использовавший это сочинение по рукописи Парижской королевской библиотеки, уделил ему достаточно большое место в обзоре источников в 1 томе «Histoire des Mongols». Он обратил внимание на то, что Вассаф следовал тому же плану, что и значительно восхваляемый им Ала ад-Дин Джувайни, и сам автор заявил, что его история начинается там, где кончается история этого его предшественника. Очень важным моментом Д'Оссон справедливо признает достоверность данных персидского автора. Но удивительным образом чрезвычайно простая и прямолинейная проза его патрона и покровителя Рашид ад-Дина не стала для него предметом для подражания. Видимо, труд Рашид ад-Дина являлся тогда слишком новаторским. Надо сказать, в те времена история считалась областью литературного искусства, и историческим работам надлежало быть искусно составленными и украшенными в полном соответствии с витиеватым стилем. Уже Джувайни, писавший относительно простым и ясным слогом, любил завершать свои длинные предложения хорошо подобранными прилагательными или точными оборотами. А у учеников Рашид ад-Дина украшательство было доведено до крайности⁵. В дальнейшем труд Вассафа был взят за образец и повлиял на более поздние историографические сочинения (Пигулевская, Якубовский, Петрушевский, Строева, Беленицкий, 1958, с.170).

предназначил старшему сыну Туши. Что позади Дербенда, называемого Демир-капук (Железные ворота), то всегда было местом зимовки и сборным пунктом разбросанных частей войск (Туши); по временам они делали набеги до Аррана и говорили, что Арран и Азербайджан также входят в состав владений и становищ их (Джучидов)... Вот почему с обеих сторон, хулагидской и джучидской, стали проявляться одна за другой причины раздора и поводы к озлоблению». Из этого сообщения очевидно, что ханы Золотой Орды не без основания претендовали на земли Закавказья, т.к. по завещанию Чингиз-хана они были выделены старшему сыну Джучи, но затем были захвачены Хулагуидами. Большинство же средневековых историков считают границы золотоордынского государства, начиная от Дербенда и далее к северу. Начало военных столкновений, по словам современника, арабского историка Ибн Василя, относится к 662/1263 г., причем он заявил, что первым выступил Хулагу [Тизенгаузен, Т.1, Текст, с.70–71; перевод, с.73]. Вассаф считал, что военные действия начались зимой 662/1263–1264 г. [Тизенгаузен, Т.II, с.50]. По Рашид ад-Дину, первая война между Хулагу и Берке началась с нападения Улуса Джучи на территорию Хулагуидов в августе 1262 г. (Тизенгаузен, 1941, с.74). В результате Берке овладел Дербентом и вернулся обратно. Битва на Тереке имела тяжелые последствия для торговых отношений обоих государств. Вернувшись в Табриз, Хулагу приказал казнить и конфисковать имущество находившихся там золотоордынских купцов, так же поступил и Берке с купцами из государства ильханов. По словам Вассафа, Хулагу приказал, «... чтобы купцов Берке-Огула, которые были заняты торговлей и торговыми сделками в Тебризе и которые имели огромные и бесчисленные богатства, всех казнили, а все имущество, которое у них было найдено, отобрали в казну.... Многие из их числа держали свои вклады и ценности в руках именитых граждан Тебриза. После их истребления те [упомянутые] богатства остались в руках держателей вкладов. Берке-Огул, в свою очередь, стремясь к возмездию, убил купцов их ханского царства [Хулагу] и так же поступил с ними. Дороги въезда и выезда и путешествие купцов, как и работы людей большого мастерства, – были разом стеснены, [зато] шайтаны вражды из бутылки времени выпрыгнули» [Цит. по кн: Греков и Якубовский, с.77].

⁴ Как заметила Е.А.Полякова, «...В стиле «Тарих-и Вассаф» отразилось не совсем характерное для рассматриваемой эпохи пристрастие автора к конкретным деталям, благодаря чему в хронике приводятся сведения, выпущенные его предшественником Рашид-ад-дином. Но поскольку общий ход развития персоязычной литературы имел тенденцию к усилению этикетной условности в изображении действительности, это стремление Вассафа не могло привести к реалистичности. Сопоставление стиля «Тарих-и Вассаф» со стилем хроник более ранних и более поздних эпох свидетельствует о том, что это произведение отражает важный этап развития данного жанра, помогающий понять общий характер его эволюции». См.: (Полякова, 1978, с. 46).

⁵ Ян Рипка в связи с этим отмечал, что «устрашающим примером – а для тогдашнего мира прямо идеальным стандартом – является хроника Вассафа, характерное сплетение стиливого гротеска с весьма надежным и ценным по содержанию материалом. См.: (Рипка, 1970, с. 239).

Нужно отметить, что сам Вассаф неоднократно подчеркивает свой приоритет в написании книги весьма цветистым стилем⁶. Как отметил А.Т.Тагирджанов, «в предисловии первой части он считает существующие формы устаревшими и, перечисляя известных арабских и персидских красноречивцев, говорит, что ученейшие люди не могут удовлетворяться их достижениями... , жалуется, что в его время нет людей, понимающих высокое искусство, поэтому перо отказывалось подчиняться ему, но его возбужденное сердце решило порвать с подражателями... и он уговорил перо, которое пришло с ним в согласие, и приступил к написанию этой книги. 2. В начале второй части автор подчеркивает, что до него никто не писал таким стилем как на арабском, так и на персидском языках, что цитировано и Хаджи Халифа (т. 2, с. 157). 3. Он еще более решительно говорит в четвертой главе, что его риторическая (рисала), пересыпанная стихами Корана, вызвала восхищение у присутствующих, и категорически отрицает наличие другого подобного произведения, даже предлагает послать ему экземпляр в подарок, если таковой имеется, и обещает в таком случае бросить свою книгу в Тигр или в Евфрат и не заниматься больше сочинением книг» (Тагирджанов, 1962, с.168)⁷.

Но все это привело к тому, что признанная высокая точность данных Вассафа вынуждает современных ученых с трудом добираться до них, поскольку он топчет их в витиеватом многословии и изысканном красноречии своего повествования. Вассаф даже был здесь своеобразным образцом, но другие персидские историки тщетно старались сравняться с ним в этом стиле.

Как отметил иранский исследователь Айати, «книга Вассафа по причине утомительных красноречивых оборотов и нелепых рифмованных упоминаний, употребления излишнего некрасивого многословия, холодных каламбуров и избыточной рифмованной прозы в расположении известий, стихов, арабских аятов настолько выходит из естественного состояния, что, по словам покойного Бахара: «Чтение этой книги возможно для мудрых и ученых людей, которые любят писания такого рода, иногда удручает и утомляет. Чтение нескольких страниц ее для аристократа, который имеет намерение прочитать и использовать исторические сведения, истощает» (Айāti, 1431/1967).

Еще до XIX в. указанная трудность чтения «Тарих-и Вассаф» вызвала целый ряд указателей и комментариев. Так, например, известен комментарий Хусайн афанди ал-Багдадаи, известного под именем Биктадж Назми-зада (ум. В 1130/1717–78 г.) и дополнение к нему, а также выполненный этим же автором в 1706–07 г. глоссарий трудных слов, выражений, научных терминов с объяснениями на турецком языке под названием «Лугат-и Вассаф». Можно также указать на трехтомный турецкий комментарий под названием «Шарх-и Вассаф ал-Хазрат фи-т-тарих», составленный Абу Бакром бин Ахмадом аш-Ширвани (ум. 1723–24 г.). Ибрахим Ханиф (XVIII в.), Расми б. Ибрахим

⁶ П.Савельев в связи с этим сравнивал Вассафа с Шатобрианом: «Слог Вассафа отягощен метафорами, каламбурами, игрой слов и разными другими украшениями. «Целью моей было, говорит он в предисловии, чтобы вместе с историей нашего времени, сочинение мое представляло черты красот языка, образцы всех родов красного стиля, собрание всех фигур риторических; чтобы отличнейшие знатоки дела согласились в том, что ни одно творение на Арабском или Персидском языке не может превзойти моего отборностью выражений, изящностью оборотов и богатством украшений речи». Несмотря на то, роскошь риторических игрушек, которыми так тщеславится автор, нередко до того затмевает мысль или факт, что с трудом можно выжать ясный смысл этой тучи метафор и стихов; что факты исторические служат ритору только канвою для шитья по ней богатейших фигур блестками Арабских наречий, ему коротко знакомых; что в книге его более изысканных Арабских слов, нежели персидских. – сочинение Персидского Шатобриана важно и для Европейского ученого как запас современных материалов для Монгольской истории. При всей разности духа Персидского и Французского языков, из которых первый не знает границ своей дерзости в фигурах, а другой принужден скрывать всякую подобную смелость под Эллипсисами, то есть, не доказывая метафор... , между Вассафом и Шатобрианом есть многия точки сходства, – та же напыщенность, та же страсть к цветистым распространениям, та же готовность пожертвовать верностью идеи блеску ложного красноречия, и порой тот же недостаток в логической отчетливости выражений... на него написано множество комментариев и объяснений на трех главных магометанских языках, и прилежное изучение его творения наставляется в долг всякому турку персиянину, который хочет иметь притязание на образность. Сочинение Вассафа не издано и не переведено ни на один европейский язык, но рукописные экземпляры его нередки: в Петербурге находится их несколько, и университетский экземпляр, употребляемый при преподавании Персидского языка, отличается особенным великолепием; он был некогда оценен в тысячу рублей». См.: (С.П.С.С. Энциклопедический лексикон, 1857, с. 102).

⁷ Вместе с тем, указывает А.Т.Тагирджанов, «стиль Вассафа вызвал и нападки, его осуждали даже в период ильханов – один говорил, что стиль хотя и красивый, но затрудняет понимание исторических событий, но ильхан (Улджайту Мухаммад Худа Банда) взял автора под свою защиту». См.: (Тагирджанов, 1962, с. 170–171).

(ум. 1783 г.), Ахмад Васиф афанди, Мухаммад Ариф Туфанджи Баши также написали свои комментарии к книге Вассафа.

В связи с проблемой стилистических особенностей труда Вассафа необходимо отметить, что в последние годы в Иране придают им достаточно большое внимание. Так в 2008 г. вышла статья Махбубе Шарафи «Историография Вассаф-и Ширази» (Sharafi Mahboubeh, 2008, Pp. 143–164.), в которой автор пытается проанализировать и объяснить хронологию, морфологию, информативные ресурсы и стиль книги Вассафа. Автор пришла к выводу, что Вассаф пытался использовать подходы, основанные на исторической объективности и нейтральности, что приближает его хронологию к современной научной хронологии. В еще одной работе того же автора в соавторстве с Муфарадом Фарахани под названием «Основы исторической науки в мышлении Вассаф-е Ширази» (Farahani Moufared. 2009, Pp. 99–122) признается, что сочинение Вассафа является одним из наиболее важных текстов иранской историографии. Вдобавок к историческим событиям эта книга также охватывает исторические взгляды автора об основах и принципах исторического знания. Как отмечают авторы статьи, «познавательное проникновение Вассаф-и Ширази в принципы исторической науки ведет к использованию причинно-следственного и критического метода, основанного на исторической объективности и совершенствованию его историографии от уровня описания событий до уровня очень научного». Авторы приходят к выводу, что в своей работе Вассаф рассматривает историю как часть философии. «...Поэтому он сделал шаг далеко от простого описания события, повел историческое знание за пределы его обычных и традиционных границ».

Еще два иранских исследователя – Захра Эхтияри и Али Реза Махмуди опубликовали две статьи, посвященные стилю Вассафа. В одной из них, под заглавием «Аллюзивные иллюстрации и их использование в «Истории Вассафа» (Ekhtiyari Zahra, Mahmoudi Alireza, 2010, Pp. 129–156.) авторы считают аллюзию – стиль скрытого выражения – одним из основных элементов иллюстрации в «Истории Вассафа» и создании двусмысленности. Вассаф, таким образом, пытался сделать прозу ближе к поэтической. В другой статье те же авторы обращаются к рассмотрению инноваций сравнительных образов в «Истории Вассафа» (Ekhtiyari Zahra, Mahmoudi Alireza, 2011, p. 59–76). Они считают метод сравнения одним из выдающихся фигуративных элементов образности и традиционной персидской риторики в поэтической прозе «Истории Вассафа». Надо отметить также статью Казем Заде Сейида Али и Сайида Хатами «Интертекстуальный анализ литературно-прозаических координат «Тарих-и джахангуша» и «Тарих-и Вассаф» (Kazemzadeh Seyid, Khatami Sayid, 2012, p. 77–94). Данные авторы заявляют, что средневековые историки не идентичны в изображении событий. Они как бы находятся на состязательном поле, где необходимы усилия в проявлении инноваций. Такой эффект они наблюдают между «Тарих-и джахангуша» Джувайни, которая считается кульминацией персидской профессиональной историографии, и книгой Вассаф ал-Хазрата Ширази. Используя интертекстуальный анализ, исследователи констатировали наличие искусственного тренда в написании исторической прозы в эпоху ильханов и желание Вассафа освободиться от природы предыдущего писателя. Несмотря на доминирование мастерства Джувайни, Вассаф как бы старался показать себя в качестве инноватора и основателя собственного стиля, используя творческий подход в использовании литературных терминов.

Объективно сочинение Джувайни твердо соответствует существовавшему в то время литературному этикету, «согласно которому действительность изображается не такой, какой она была, а какой ей приличествует быть по представлениям той эпохи» (Kazemzadeh Seyid, Khatami Sayid, 2012, p. 77–94). Именно этот этикет, по наблюдению Е.А.Поляковой, определял подбор фактов, авторскую интерпретацию явлений и характеристику исторических деятелей (Полякова, 1978, с. 44). Задача автора состояла не в приближении повествования к действительности, а в подборе эталонных стандартов для характеристики событий и лиц. «Однако, если условные, эпически обобщенные образы и картины в хронике Джувайни сочетаются с реалистическими деталями и зарисовками, которые придают яркость этикетному в своей основе изложению, то, что касается Вассафа, он проявил еще большую приверженность к конкретным деталям, чем даже Рашид ад-Дин, который, во многом повторяя Джувайни, дополняет его фактическими данными... Однако увлечение конкретными деталями не приводит автора к упрощению языка. Разумеется, между различными по содержанию частями хроники существует значительное расхождение в словесном оформлении, и философские размышления Вассафа неизмеримо сложнее, чем изложение конкретных наблюдений» ((Полякова, 1978, с. 45–46).

Нельзя, однако, забывать очень меткой оценки Д'Оссона, для которого цветистый стиль Джувайни «...есть не заслуга, но лишь неприятная напыщенность (*trop ampoulé*), а уж что касается от-

ношения к событиям, то приходится пожалеть, почему автор не внес больше правды в окраску событий и больше порядка в изложение» (D'Ohsson, 1934–35).

Эдвард Гранвиль Браун в третьем томе своей «Литературной истории Персии», изданной в Кембридже, был согласен с мнением Рьё, что эта «История» «содержит аутентичную современную хронику важного периода, но ее несомненная ценность до некоторой степени снижена недостатком метода... и в высшей степени искусственностью и утомительной чрезмерностью стиля. «Улджайту, – пишет он, – был не в состоянии понять отрывки, прочитанные ему вслух автором по случаю его аудиенции... Мы могли бы с большей готовностью простить автору, если бы его работа была бы менее ценной как оригинальный источник по периоду (1257–1328), с которым он имеет дело, но фактически он настолько же важен, насколько нечитаabelен» (Brown, 1902, p.67–68). Английский ученый особое внимание обратил и на тот примечательный факт, что «Тарих-и Вассаф», хотя по времени и было написано позже сочинения Рашид ад-Дина, в первую очередь, все же являлось продолжением «Тарих-и джахангуша» Джувайни. Ч.А.Стори явился последователем той же позиции в отношении труда Вассафа, как к «напыщенной и утомительной истории Монгольской империи в Иране. Надо сказать, это характерно и для современной англоязычной историографии. Так, например, Ян Рипска писал в 1970 г. в своей «истории персидской и таджикской литературы»: «Устрашающим примером – а для тогдашнего мира прямо идеальным стандартом – является хроника Вассафа, характерное сплетение стилевого гротеска с весьма надежным и ценным по содержанию материалом» (Рипска, 1970, с. 239).

Позднее В.В.Бартольд также отметил, что сочинение Вассафа является непосредственным продолжением труда Джувайни и начинается с рассказа о смерти Мункэ, а рассказ о правлении Хубилая довольно существенно отличается от повествования Рашид ад-Дина, и поэтому «в некоторых случаях трудно решить, на чьей стороне истина» (Бартольд, 1963, с. 97). В то же время в написанной Вассафом пятой книге, имеющей окончание истории монголов и содержащей главу о Джучидах и Чагатаидах, «автор придерживается изложения Рашид ад-Дина даже в тех случаях, когда сам в первой книге рассказал те же события иначе» (Бартольд, 1963, с. 97).

Литографическое издание труда Вассафа с толковым словарем архаических и специфических терминов и выражений, которыми он наполнен, было опубликовано в 1853 г. в Бомбее (в 1959 г. в Тегеране была осуществлена офсетная перепечатка этого издания) (Щеглова, 2011, С. 252), а в 1856 г. Хаммер-Пургшталь, который впервые познакомил европейских читателей с Вассафом, опубликовал первую книгу текста с немецким переводом, прекрасно изданную в Вене⁸. Дальнейшая публикация труда была прервана в связи с кончиной этого ориенталиста (Sir H.M.Elliot, 1856, p. 25–26). К сожалению, в глазах последующих исследователей XIX – начала XX в. это произведение несколько утратило интерес из-за своей стилевой изощренности.

Бомбейское издание полного текста хранится в ЛО ИВ под номером 26. Однако, к сожалению, оно пока осталось нам недоступным. Вероятно, в дальнейшем будет необходимость познакомиться с ним непосредственно, так как, к сожалению, нет иной возможности изучить полный аутентичный текст, без купюр.

В 1941 г. выдержки из сочинения были изданы во втором томе «Сборника материалов, относящихся к истории Золотой Орды» (Сборник материалов, 1941). Перевод был сделан по бомбейскому изданию (1853 г.), для сравнения привлечен изданный Хаммером 1 том (Вена, 1856), а также рукопись Института востоковедения АН СССР (С 384). Составители А.А. Волин и С.Л. Ромаскевич включили в него переводы отрывков из «Тарих-и Вассаф» по следующим нескольким сюжетам: «О причинах вражды, происшедшей между Хулагу-ханом и Берке-огулом», «О царствовании Газан-хана», «О Джучи», «О сыновьях Джучи-хана», «Вторжение царевича Узбека и бесовского войска в Арран». Как видим, в большинстве своем эти сведения касаются очень важных событий, происходивших во взаимоотношениях между Джучидами и Хулагуидами в их борьбе за Кавказ.

⁸ Хаммер-Пургшталь при этом использовал очень красивый список этой книги из своего личного собрания, который ранее принадлежал османскому султану XV в. Мухаммад Фатиху (1756–1774). В настоящее время он принадлежит Национальной библиотеке Австрии в Вене. Кстати, по мнению Й. Хаммера, если Хафез являлся величайшей вершиной поэзии, то Вассаф был таковым в области персидской риторики. Поэтому в своей работе «История искусства персидской риторики» Хаммер уделил особое место Вассафу при описании взлета персидского языка и литературы наравне с Фирдоуси, Руми, Са'ди, Хафезом и Джами.

В 1968 г. иранский исследователь Абдул Мухаммад Айати, посоветовавшись со своим старшим наставником – известным ученым Моджтаба Минови, предпринял издание переложения сочинения Вассафа. Сначала он начал эту работу по бомбейскому изданию. Но, как он пишет «хотя оно и хорошее, и его брали за основу покойные Казвини, Экбал и другие ученые, но для большей точности он всегда был в поиске лучшей рукописи, пока не нашел очень старый (1493 г.) список в Центральной библиотеке Тегеранского университета. Почти уже готовую работу он сравнил с указанной рукописью и найденные отличия отметил внизу страниц. Надо сказать, что в своей публикации автор решил устранить все напыщенные места Вассафа и оставить только ценный фактический материал, а также финансовую и канцелярскую терминологию на монгольском языке и на фарси, так как, по словам Айати, «они имеют особое значение». Для нас, бесспорно, с одной стороны ценен и такой подход, но, вместе с тем, таким образом, утрачивается ценная аутентичность источника.

Собственно, на это же указала немецкая исследовательница Юдит Пфайфер в своей обстоятельной статье под названием «Ознакомительные разъяснения о критическом издании «Газжийат ал-амсар...» Вассафа, изданной на персидском языке в 2008 г. в журнале «Айине-йи мирас» (Пфайфер, 2008). Автор обратила внимание на то, что в разных библиотеках мира хранится около 160 списков этого интересного и, к сожалению, до сих пор неизданного исторического сочинения. Наиболее интересным она признает рукописи из Индии и бывшей Османской империи, то есть из мест, где особо высоко оценивались его форма и стиль. Достаточно сказать, что султаны Мухаммад Фатих (XV в.) и Селим I (XVI в.) имели в своем распоряжении его прекрасные списки. Мухаммад Дафтари (XVI в.) – поэт и историк – перевел его на турецкий язык.

Что касается отмеченного выше облегченного издания Абд ал-Мухаммада Айати, исследовательница совершенно справедливо, с нашей точки зрения, констатировала очевидный недостаток в таком подходе. «Хотя компетенция Айати, – пишет она, – дает возможность книге Вассафа стать более доступной для читателей, эта работа, как это представляет и сам Айати, никоим образом не может считаться заменой критического издания основной рукописи». Таким образом, Ю.Пфайфер указала на весомые основания для полноценной публикации этого исторического труда, «независимо от перемен читательского вкуса» и которая потребует объединенных усилий целой группы исследователей в различных областях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Brown E.G. A Literary History of Persia. London, 1902.
2. D'Ohsson. Histoire des Mongols, depuis Tchinguiz-khan jusqu'a Timour Bey ou Tamerlan par M. le baron C. D'Ohsson. T. 1. Amsterdam, 1852.
3. Ekhtiyari Zahra, Mahmoudi Alireza. Allusive illustrations and their uses in the history of Vassaf // Literary Studies, Summer 2010. Vol. 9. 43, 2 (169). Pp. 129–156.
4. Ekhtiyari Zahra, Mahmoudi Alireza. Innovations of simile-based images in Vassaf history // Researches on Persian Language and Literature. Winter 2011, Vol.46, № 8. Pp. 59–76.
5. Elliot, Sir H.M.E., Dowson J. The History of India as told by its own historians. Vol.1–8. London. 1867–1877.
6. Farahani Moufared P., Sharafi Mahboubeh. The Bases of the historical science in Vassaf-e Shirazi's Thought // Historical perspective and Historiography. Spring 2009. Vol. 19. № 1 (76). Pp. 99–122.
7. Kazemzadeh Seyid, Khatami Sayid. Internextual analysis of prose literary coordinates of Jahangusha History and Vassaf History books // Journal of Stylistic of Persian poem and prose (Bahar-e-adab). Winter 2012, Vol.4, № 4 (14). Pp. 77–94.
8. Sharafi Mahboubeh C. Wassaf-e Shirazi's historiography // Moskuya. Summer-Fall, 2008, Vol. 3. № 9. Pp. 143–164.
9. Sharafi Mahboubeh. Wassaf-e Shirazi's historipgraphy // Moskuya. Summer-Fall, 2008, Vol. 3, # 9. Pp. 143–164.
10. Айәти, 'Абд ал-Мухаммад. Тахрир-и тарих-и Вассаф бе кәләм-и 'Абд ал-Мухаммад Айәти. Техран: Интишарат-и Бунйад-и фәрхәнг-и Иран, 1431/1967.
11. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч., Т. 1. М., 1963.
12. Миклухо-Маклай Н.Д. Описание таджикских и персидских рукописей Института востоковедения. М.; Л.: Изд-во СССР. Вып. 3: Исторические сочинения. 1975.
13. Петрушевский И.П. Земельные и аграрные отношения в Иране в XIII–XIV вв. М.-Л., 1960.
14. Пигулевская Н.В., Якубовский А.Ю., Петрушевский И.П., Строева Л.В., Беленицкий А.Л. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. Л., 1958.
15. Полякова Е.А. Некоторые сведения о «Тарих-и Вассаф» // Общественные науки в Узбекистане. 1978. № 8.

16. Рипка, Ян. История персидской и таджикской литературы. М., 1970.
17. С.П.С.С. Энциклопедический лексикон. Т.9. СПб., 1857. С. 102.
18. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.II. / Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. М.-Л: Изд-во АН СССР, 1941.
19. Султанов Т.И. Зерцало минувших столетий. Историческая книга в культуре Средней Азии XV–XIX вв. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2005.
20. Тагирджанов А.Т. Описание таджикских и персидских рукописей Восточного отдела библиотеки ЛГУ, Т.1: История. Биографии. География. Л.: Изд-во ЛГУ, 1962.
21. Тарих-и пор та́мта́рак аз фирманравайи-йи могул дār Иран та'амолат-и ма'рифāt шинасане дār ба-ре-йи йек чап-и интикади аз Та́жзийāt ал-амсар ва́ та́жзийат ал-а'сар āсār-и Вассаф // *Ayina-yi virath (Mirror of Heritage)*, New Series, Vol. 5, Issue No. 4(39), Winter 2008.
22. Щеглова О.П. Литографские издания персоязычных сочинений по истории в научных библиотеках С.-Петербурга (XIX – перв. пол. XX в.) // Коллекции и архивы.
23. Эқбал, Аббас. Тарих-и муфāссāl-и Иран аз истилайи могул та а'лан-и машрутин бе дāстур-и визарат-и джалиле-йи моареф. Дār чахар джилд. Джилд-и āввāl аз джомле-йи Чингиз та та́шкил-и дāулат-и Тимури. Та'ли-фи Аббас Иқбал. – Техран, 1312 шāмси-йи хиджри.

A.A. Arslanova

FROM HISTORY OF STUDY OF «TARIKH-I WASSAF» IN DOMESTIC AND FOREIGN HISTORIOGRAPHY

The article is devoted to some of the aspects of history of study of one of the outstanding representatives of the Persian historiographical tradition of the Mongol period, namely Shihab al-Din 'Abd Allah Sharaf Shirazi, better known as Wassaf, or Wassaf al-Hadrat (the «panegyrist of his Majesty» or «the court panegyrist») (663–735/1264/1334) and his historical work «Taziyat al-amsar va tazjiyat al-a'asar» («Separation of fields and the passage of times»), usually called «Tarikh-i Wassaf», which he wrote as a continuation of the famous work of Ala al-Din Juwayni «Tarikh-i djahangusha». Vassaf was also using the work of his patron, Rashid al-Din, but sometimes described the events otherwise that had already been set out earlier. The work of Wassaf is well-known to scholars and is recognized as the most valuable narrative source for study of socio-political history, gives a broad picture of life in Iran during the reign of the Ilkhans in the second part of the XIII – first quarter of the XIV centuries, but because of its overly ornate style is yet among the least studied monuments of medieval historiography.

Keywords: Persian historiography of the Mongol period, Wassaf al-Hazrat, «Tarikh-i Wassaf».

Сведения об авторе:

Арсланова Алсу Айратовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела новой истории Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан; старший библиограф Отдела рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского К(П)ФУ; заведующая Центром иранистики при Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань); alsuarlanova044@mail.ru

Arslanova Alsu – Candidate of Historical Sciences, Senior Scientific Researcher of the Department of Modern History, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences; Senior bibliographer of the Department of rare books and manuscripts of N.I. Lobachevsky Scientific Library of Kazan (Volga) Federal University; Head of the Center of Iranian Studies, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan)

УДК 94(47).04

КАНБАРОВЫ (КАМБАРОВЫ) В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ XVI–XVII вв.

© 2017 г. А.В. Беляков

Ногайские мирзы начинают выезжать в Москву в самом начале XVI в. Хотя по-настоящему массовым данный процесс можно назвать только с середины XVI в. Первыми в Россию оказались мирзы, впоследствии князя, Канбаровы. История этого рода уже не раз привлекала исследователей. Каждый из них внес свой вклад в дело изучения этой семьи. Но по настоящее время здесь остается еще много белых пятен. Мы предпримем попытку собрать воедино все имеющиеся в нашем распоряжении факты и найти потерянных представителей этого рода, оставившего заметный след в истории России. Полученные результаты показывают, что в XVI в. тюркские выходцы в России могли упоминаться под двумя и более прозвищами, что значительно усложняет их идентификацию.

Ключевые слова: Князя Канбаровы, Московское государство XVI–XVII вв., служилые князя, ногаи.

Ногайские мирзы начинают выезжать в Москву в самом начале XVI в. Хотя по-настоящему массовым данный процесс можно назвать только с середины XVI в. Первыми в Россию оказались мирзы, впоследствии князя, Канбаровы. История этого рода уже не раз привлекала исследователей (Вельяминов-Зернов, 1863, с. 439–440; Хорошкевич, 2001, с. 305, 307; Трепавлов, 2003; Трепавлов, 1998; Беляков, 2011, с. 183–184, 187, 193; Кобрин, 2008, с. 80). Каждый из них внес свой вклад в дело изучения этой семьи. Но по настоящее время здесь остается еще много белых пятен. Мы предпримем попытку собрать воедино все имеющиеся в нашем распоряжении факты и найти потерянных представителей этого рода, оставившего заметный след в истории России. Практически все известия об этой семье сохранились в разрядных книгах. Проанализируем их.

В октябре 1505 г. Канбар мирза Мамалеев (Мамалаев) сын отмечен в Муроме по казанским вестям: «у передова же полку на праве Дзенай (Джанай б. Нур-Даулет – А.Б.) царевич з городецкими татары да Канбар мурза» (Разрядная, 1966, с. 37). Это первое упоминание Канбара в источниках. Данное сообщение не позволяет нам однозначно определить статус мирзы. По нему он мог быть как членом двора касимовского царевича, так и являлся одним из служилых татар московского князя со своим собственным военным отрядом. В пользу последнего говорит следующее известие о мирзе. В июле 1506 г. «ис Северы (Новгород-Северский – А.Б.) от князей посылал государь воевод своих на Литву». Канбар значится во главе передового полка с воеводою удельного князя Юрия Ивановича князем Василием Федоровичем Охлябиным (Разрядная, 1977а, л. 53, с. 94; Разрядная, 1966, с. 38). Это, скорее, указывает на статус мирзы как служилого князя. Хотя, как мы увидим, с касимовскими Чингисидами он имел самые тесные связи. В сентябре этого же года мирза вновь отпечен в походе на литовские места. На этот раз он упоминается с астраханским царевичем Шейх-Аувляром (Разрядная, 1977а, л. 59об., с. 104; Разрядная, 1966, с. 38). На смоленские места из Дорогобужа он уже ходил во главе передового полка, без сопровождения воевод великого князя (Разрядная, 1977а, л. 60, с. 105; Разрядная, 1966, с. 41). На это следует обратить особое внимание по ряду причин. Во-первых, это не типично для начала XVI в. Знатные выходцы с Востока со своими военными отрядами не включались в состав великокняжеских полков, а присоединялись к ним с соблюдением определенной автономности. К примеру «у большого полку на праве». К тому же даже в более поздний период мусульмане не командовали русскими подразделениями единолично. Документы скорее говорят об исключительно статусной, парадной, составляющей подобных назначений. Наиболее часто они фиксируются Ливонской войны в правление Ивана IV.

Откуда появился мирза в России? А.Л. Хорошкевич пожалуй первой предположила, что Канбар происходит из Крыма (Хорошкевич, 2001, с. 305). В настоящее время считается, что он – представитель рода крымских Ширинов. Полная родословная Ширинов в России неизвестна. Князя Ширинские-Шихматовы выводят свой род от некоего Шихмата (в крещении Василий) Келядемаевича, правнука Канбара, неизвестного по документам (Гребельский, 1996). К тому же в источниках прямо указывается на то, что он происходит из рода мангыт. В.В. Трепавлов предполагает следующую их родословную: Канбар б. Мамалай б. Дин-Суфи б. Мансур б. Эдиге. Тогда это действи-

тельно крымский выходец (Трепавлов, 2003, с. 323–324). Сам Канбар приходился племянником большеордынскому и крымскому беку Хаджике (Азик) б. Дин-Суфи б. Мансуру и в конце XV в. посылался им с посольством к Ивану III. Это произошло до марта 1502 г. Камбар просил за себя, дядю и астраханского царя Сеид-Ахмета, чтоб великий князь Иван III взял их к себе. Азик великокняжеским жалованием хотел «достать свой юрт». Иван III отпустил Канбара к Азику и Сеид-Ахмеду с приказанием ехать к себе (Сборник, 1884, с. 385). Как мы видим, приехал назад один Канбар Мамалаев. Таким образом, выезд смог состояться между мартом 1502 г. и октябрем 1505 г.

Каково было имущественное положение мирзы в России? Прямых известий об этом в нашем распоряжении нет. Однако мы можем привлечь информацию по иным знатным татарским выходцам. В нашем распоряжении имеется информация по содержанию служилых татарских царей и царевичей (Чингисидов) (Беляков, 2011, с. 259–371) и ногайских мирз более позднего периода. В таком случае Канбар был пожалован одной из дворцовых волостей с размерами пашни до 2000 четей в одном поле. Позднее, одному из его потомков, князю Ивану Камбарову, принадлежало поместье в Усмерском стане Коломенского уезда село Константиново (601 четь земли помимо пашенного леса и 1775 копен сена) (Писцовая, 1872, с. 583, 588–589). Но это явно не все владения князя.

Более Канбар в документах не встречается. Когда он умер, мы не знаем. Теперь обратимся к его потомкам в России. В июле 1519 г. на литовские места уже направили его сына (имя не указано). Публикаторы разрядных книг неправильно интерпретировали запись и у них получилось: «Канбар, мурзин сын». Он находился в полку правой руки «на праве» вместе с сибирским царевичем Ак-Даулетом б. Ак-Куртом (Разрядная, 1977а, л. 105, с. 169; Разрядная, 1966, с. 63). Получается что Канбар умер или за старостью отошел от дел. Как звали сына, мы попытаемся разобраться ниже. В июне 1528 г. сын Канбара упоминается в Торопце «от литовские украины». Он вновь находился с царевичем Ак-Даулетом. У них отмечен общий пристав, Степан Отяев (Разрядная, 1977б, л. 134об., с. 206). В 1534 г. сын Канбара находился в Вязьме уже с сыном царевича Ак-Даулета, Шах-Алеем. В разрядной книге отмечено, что с царевичем «был» Александр Семенов сын Упин, а с татарами Посник Сатин (Разрядная, 1977б, л. 167, с. 247). Таким образом, мы можем предположить, что сын безымянный сын Канбара возглавлял собственный относительно крупный татарский военный отряд. В 1535 г. Канбаров сын с сибирским царевичем Шах-Али вновь участвовали в литовском походе. На этот раз они зафиксированы «на праве» у передового полка. Вместе с ними здесь же были и городецкие (касимовские) татары (Разрядная, 1977б, л. 170об., 171об., с. 251, 253; Разрядная, 1966, с. 87). В 1536 Канбаров сын и царевич Шигалей (в рукописи ошибочно назван казанским царевичем) Находились в Торопце (Разрядная, 1977б, л. 178об., с. 262; Разрядная, 1966, с. 90). На следующий, 1537 г., они отмечены в Одоеве (Разрядная, 1977б, л. 183, с. 268; Разрядная, 1966, с. 91).

В декабре 1541 г. во Владимире и Муроме стояли русские полки «для приходу крымского царя». В полку правой руки, вновь с соблюдением некой автономии, упомянуты сибирский царевич Шах-Али и Мамет мирза Канбаров мирзин сын (Разрядная, 1977б, л. 204, с. 299; Разрядная, 1966, с. 91).

14 ноября 1551 г. к Ивану IV в Москву из Казани с известием об избиении казанских князей изменников приехал от царя Шах-Али б. Шейх-Аулеара Уразлый (Ураз-Али) мирза Канбаров (Полное, 2005, с. 489). Мы видим, что представители рода по прежнему имеют тесные связи со служилыми Чингисидами и Касимовым. Хотя, возможно, в данном случае речь идет о совсем другом человеке, изначально входившим во двор Шах-Али или же имевшем казанские корни. Для окончательного решения нам не хватает данных.

В 1555 г. московский государь послал свои полки на Выборг. В походе принял участие и астраханский царевич Кайбула б. Ак-Кобек с городецкими татарами. Именно он отправил с сеунчем к Ивану IV Уразлы Канбарова (Разрядная, 1977в, л. 315, с. 506). В Москву он приехал 7 февраля 1556 г. (Полное, 2005, с. 567.) С сеунчем с театра военных действий Ливонской войны его же отправили к царю и в 1558 г. Правда, теперь мирза Уразлы стал князем Иваном (Разрядная, 1981а, л. 331, с. 20). Однако Львовская летопись весной («в Масленое заговение») этого года еще называет князя татарским именем но при этом князем: Уразлый князь Канбаров мангит» (Полное, 2005, с. 589).

В апреле 1560 г. князь Иван Махметевич Канбаров (первый воевода) с Афанасием Михайловичем Бутурлиным возглавлял передовой полк в ливонском походе под Рую (Разрядная, 1966, с. 193; Разрядная, 1975, с. 102; Разрядная, 1981а, л. 354, с. 84; Разрядная, 1974, с. 12). Имеется упоминание, что в военных действиях тогда он возглавлял сторожевой полк (Разрядная, 1974, с. 13). В апреле 1561 г. первый воевода передового полка, отправлен воевать литовские земли. Здесь же он

назван князем Иваном Уразлый Ахметевичем Канбаровым (Разрядная, 1981а, л. 367, с. 88). Теперь мы знаем, что Иван (Уразлы) – внук Камбара Мамалаева и сын Ак-Мухаммеда Камбарова. Но можно ли отождествить безымянного сына Камбара с Ак-Мухаммедом? Пока в нашем распоряжении слишком мало данных для этого. Вновь обратимся к разрядным книгам. Летом 1561 г. князь Иван назначается первым воеводой передового полка на Ливонской войне (Разрядная, 1981а, л. 370, с. 94). В 1563 г. князь Иван Канбаров первый воевода сторожевого полка в Луках (Разрядная, 1966, с. 209; Разрядная, 1975, с. 132; Разрядная, 1981а, л. 404, с. 157; Разрядная, 1974, с. 17). В октябре 1564 г. он второй воевода большого полка в походе с Лук Великих под Озерища (Разрядная, 1966, с. 211; Разрядная, 1975, с. 138). На следующий год он вновь значится вторым воеводой большого полка (Разрядная, 1966, с. 220; Разрядная, 1975, с. 149, 151; Разрядная, 1981а, л. 409, 410об., с. 167, 170). В июле 1564 г. он второй воевода во Пскове (Разрядная, 1966, с. 221; Разрядная, 1981а, л. 396 об., 411, с. 145, 171). В 1565 г. Иван Канбаров во Ржеве для охраны границы от литовских людей (Разрядная, 1981а, л. 421об., с. 192). С этим назначением связано его первое местническое дело (январь 1565 г.). Местничал князь Петр Иванович Татев, не захотевший быть третьим воеводой большого полка под Иваном Канбаровым (второй воевода). «И государь ... писал: ... напрасно бьешь челом» (Эскин, 2009, с. 115, 123; Эскин, 1994, № 164). После этого его вновь отправляют в Псков (Разрядная, 1981а, л. 422, 423об., с. 192–196). В 1565/66 г. он как второй воевода большого полка ходил в Литву(?) (Разрядная, 1981а, л. 430об., с. 208). Вторым воеводой (по другим данным первым) в Пскове он был в 1566/67 г. (Разрядная, 1975, с. 160; Разрядная, 1966, с. 226; Разрядная, 181а, л. 436, с. 216; Разрядная, 1974, с. 49). А позднее второй воевода большого полка для литовского похода. Стоял в Вязьме (Разрядная, 1975, с. 164). В сентябре 1567 г. было второе местническое дело князя Ивана. «Для приходу литовских людей» полки оставили в Великих Луках и Торопце. Камбаров был вторым воеводой большого полка и стоял на Великих Луках. На него бил князь Андрей Иванович Шеин, второй воевода полка правой руки. Он должен был ехать в Торопец, но отказался (Эскин, 1994, № 175; Разрядная, 1981б, л. 441, с. 226–227; Разрядная, 1974, с. 53). Зимой 1567/68 г. во главе большого полка ходил на литовские земли (Разрядная, 1981б, л. 441, с. 226–227; Разрядная, 1974, с. 53). В этом же году воевода полка левой руки «на берегу на полском» (Разрядная, 1981б, л. 445об.–446, с. 234–235). В 1568/69 г. он значится вторым воеводой в Данкове (Разрядная, 1966, с. 229.), по другим данным первым (Разрядная, 1981б, л. 453об., с. 247). С весны 1570 г. князю Ивану вновь велено быть в Данкове вторым воеводой. Однако вскоре ему было велено ехать в Москву (Разрядная, 1975, с. 172; Разрядная, 1966, с. 231; Разрядная, 1981б, л. 458, с. 252; Разрядная, 1974, с. 60). Было решено послать его послом в Речь Посполитую. До места, однако, ему так и не суждено было доехать, он умер по дороге (Обзор, 1990, с. 94; Выписка, 1997, с. 266–267). Нужно еще добавить, что отдельные исследователи относят князя Ивана Канбарова к предполагаемым опричникам (Эскин, 2009, с. 115).

Князь Тевекелев (Деветелев, Теукечев, Теукелев, Теукчеев, Тевекелевич) Иван Мовкошеевич (Мавкошев). Впервые упоминается в январе 1558 г., голова в большом полку в походе на Ливонию из Пскова (Разрядная, 1981а, л. 330об., с. 19). В разрядах зимой 1558/59 гг., голова при первом воеводе большого полка в походе на Нарву и Ригу (Разрядная, 1981а, л. 341об., с. 40; Разрядная, 1966, с. 176). В 1561/62 г. в походе из Юрьева на литовских людей второй воевода большого полка (Разрядная, 1981а, л. 371, с. 94; Разрядная, 1966, с. 193). Записан в дворовой тетради и в третьей статье тысячной книги по Торжку (Кобрин, 2008, с. 80; Тысячная, 1950, с. 60, 198). С июля 1567 г., по утверждению В.Б. Кобрина, в опричнине. Ездил на литовский рубеж менять полоцкого воеводу Станислава Станиславовича Довойна (Довойду) на князя В.И. Темкина (Полное, 2000, с. 408). Однако в списке опричников Ивана Грозного 1573 г. отсутствует (Список, 2003). В сентябре 1567 г. в разряде похода Ивана IV в Новгород князь Иван Тевекелев числится в голова (Разрядная, 1975, с. 163), «другие головы» (Разрядная, 1966, с. 229). В государеве походе 1570/71 г. «с шоломом и з доспехом» (Разрядная, 1966, с. 239; Разрядная, 1974, с. 72). В государевом новгородском походе 1571/72 г. он значится «с шоломом» (Разрядная, 1975, с. 197; Разрядная, 1966, с. 243; Разрядная, 1974, с. 79.). В сентябрьском ливонском походе 1572 г. Ивана IV он голова «у государя в стану» (Разрядная, 1975, с. 204; Разрядная, 1974, с. 93). Имеются утверждения о том, что он получил чин оружничего (Кобрин, 2008, с. 80). В этом же году он послан воеводой в Орешек (Разрядная, 1975, с. 216). «А нечто придут к Ругодиву немецкие люди для городского стоянья», тогда князю Ивану предстояло быть первым воеводой в передовом полку (Разрядная, 1974, с. 101). Воеводой в городе он был как минимум до 1574 г. (Сборник, 1910, с. 241, 242, 244, 245, 247, 248, 250, 353, 255, 271, 273). В литературе есть упоминания о том, что Иван Тевекелев был оружничим с 1572/73 г. «Вы-

был» в 1576/77 г. Так же имеется очень спорное свидетельство, возможно, подделанное А.И. Сулукадзевым, о том, что ревность к оружничему побудила Ивана IV бросить в тюрьму одну из своих не венчанных жен – Василису Мелентьевну (Зимин, 1986, с. 85–86).

В разряде свадьбы царя Ивана IV на Марфе Собакиной (октябрь 1571 г.) читаем: «збирати детей боярских и ведать – князь Иван Тевекелевич Канбаров (Разрядная, 1981б, л. 479, с. 287). В таком случае получается, что Иван Тевекеевич также относится к роду Канбаровых. Но в какой степени родства находился он с Иваном (Уразлы) Канбаровым? По нашему мнению это двоюродные племянник и дядя. Что позволяет нам это предположить? Мы видим существенную разницу в возрасте у Ивана (Уразлы) Акмаметева сына Канбарова и Ивана Тевекелевича. Когда первый достиг значительных служебных назначений второй только начал службу. Ак-Мухаммед не мог быть тем анонимным Канбаровым сыном, которого мы встречаем с 1519 по 1537 г. Канбар имел более чем значительный статус и известность в служилых кругах. Когда его старший сын подрос, то для того чтобы объяснить кто это достаточно было отметить что он Канбар мирзин сын. Когда же стал служить младший сын, потребовалось уже его имя, дабы не спутать его со старшим братом. Так появился Мамет (Акмамет) мирза Канбаров мирзин сын. Но анонимный сын Канбара не мог быть отцом Ивана Мавкошевича/Тевкелева. Между последним упоминанием Канбарова мирзина сына (1537 г.) и первым упоминанием Ивана Тевкелева (1558 г.) лежит 21 лет. К тому же вспомним наиболее полное имя Ивана Тевкелева – Теукечеев Иван Мавкошевич. В таком случае Тевкель это анонимный сын Канбара. Мавкош же – внук Канбара и двоюродный брат Ивана/Уразлы. Следует отметить, что В.В. Трепавлов высказал иную версию. По его мнению Иван Тевекелевич является сыном или же внуком крымского карачи мангыт-бека Таввакула б. Тимура б. Мансура б. Эдиге (Трепавлов, 2003, с. 332).

Это все, что нам удалось найти о князьях Канбаровых в XVI в. В литературе можно встретить ошибочное утверждение о том, что Иван Камбаров был женат на дочери Малюты Скуратова (Башнин, 2017). Данное утверждение основывается на сообщении вкладной книге Московского Новодевичьего монастыря 1674 – 1675 г. На 25 мая приходилась «память» по князю Ивану Келмамаевичу Канбарову и «по князь Иванове сестре по княжне Елене». В синодике в роду князя Иоанна Келмамаева записаны «благочестивый князь Иоанн и княжна Елена» (Источники, 1986, с. 198, 230) Однако это довольно поздний источник. Уже отмечалось, что при переписывании старых книг, вольно или невольно, монахи допускали значительные искажения текста (Беляков, 2011, с. 74). Здесь произошло объединение информации по двум ногайским князьям – Ивану Канбарову и Ивану Келмамаевичу (Шейдякову? – А.Б.). Однако данное сообщение позволяет нам утверждать о том, что у православных Канбаровых имелись тесные связи с обителью.

В литературе без ссылок на источники можно встретить упоминания о потомках князей Канбаровых, неких Федоре и Александре Ивановичах, а также Василии Васильевиче, являвшимся воеводами при Иване IV (Белоусов, 2008, с. 298). По-видимому, источником этих утверждения стала ложная информация из энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона (Камбаровы, 1895, с. 137–138). Подтверждение данной информации нами не обнаружено.

Мы видим, что все крещеные и некрещеные потомки Канбара заняли в России высокое положение. Однако только принятие православия по настоящему открыло для них возможности карьерного роста в составе государева двора. Если бы род не вымер во второй половине XVI в., то его представители, скорее всего, заняли бы более чем заметное положение среди служилых людей Московского государства.

В первой половине XVII в. в России вновь появляются князья Канбаровы. В 1629/30 г., скорее уже в 1630 г. принимает крещение некий Тимофей Абдул мирзин сын Канбаров (Канбаев, Камбаров) («Подлинные», 2015, с. 381, 392). В 1649/50 г. по прежнему имел статус служилого иноземца и находился в Цареве-Кокшайске (Белоусов, 2008, с. 298). В 1649 г. его отпустили в Самару за телом его свояка (мужа старшей сестры жены) Давыда Жеребцова. На обратной дороге, «верст за 10 до Казани», Тимофей умер. Его тело отправили в Нижний Новгород. Жену князя звали Дарья (РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1649 г. Д. 10). В боярских списках рубежа XVII–XVIII в. этот род отсутствует (Захаров, 2009). Очень осторожно следует подходить к возможному родству Тимофеева Канбарова с нашими героями. Пока на это ничего не указывает.

В 60-х – 80-х гг. XVIII в. также известны некие князья Канбаровы – Михаил, Иван, Александр Иванович, Матвей Аникеевич и Александр Матвеевич (Степанов, 2000). Однако утверждать о их связях с Канбаровыми выходцами XVII в. на настоящий момент мы не можем. Здесь требуются дополнительные исследования.

Получившееся исследование одной семьи интересно еще с одной стороны. Дело в том, что мы на примере одного человека, в данном случае князя Ивата Тевекелева, показали сложности, которые возникают подчас при попытках отождествить тех или иных знатных выходцев с Востока. Ведь только в издании одного источника (Разрядная книга 1475–1605 гг.) в указателях он значится под тремя именами: Тевекелев Иван, Канбаров Иван Тевекелевич и Теукелев Иван Мовкошевич.

Эдиге – Мансур – Дин-Суфи – Мамалай – Канбар	Ак-Мухаммед – Ураз-Али (Иван)
	Тевекель – Мавкош – Иван

Родословная Канбаровых в России XVI в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Башнин Н.В., Корзинин А.Л. Новые данные к биографии опричника Малюты Скуратова // *Российская история*. 2017. № 2. С. 172–188.
2. Белоусов М.Р. Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник. Казань, 2008. Т. I. 316 с.
3. Беляков А.В. Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань, 2011. 512 с.
4. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1863. Ч. 1. 558 с.
5. Выписка из посольских книг о сношениях Российского государства с Польско-Литовским за 1547–1572 гг. // *Памятники истории Восточной Европы*. М.; Варшава, 1997. Т. II. С. 266–267.
6. Гребельский П.Х., Думин С.В. Князья Ширинские-Шихматовы // *Дворянские роды Российской империи*. М., 1996. С. 197–200.
7. Захаров А.В. Государев двор Петра I. Публикация и исследование массовых источников разрядного делопроизводства. Челябинск, 2009. 447 с.
8. Зимин А.А. В канун грозных потрясений. М., 1986. 333 с.
9. Камбаровы // *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*. М., 1895. Т. XIV. С. 137–138.
10. Источники по социально-экономической истории России XVI – XVIII вв. из архива Московского Новодевичьего монастыря. М., 1986. Ч. 1. 210 с.
11. Кобрин Б.В. Опричнина. Генеалогия. Антропонимика. Избранные труды. М., 2008. 370 с.
12. Обзор посольских книг из фондов – коллекций хранящихся в ЦГАДА (Конец XV – начало XVIII в.). М., 1990. 240 с.
13. Писцовые книги Московского государства XVI в. СПб., 1872. Ч. I. 924 с.
14. «Подлинные» боярские списки 1626 – 1633 годов. Сборник документов. М., 2015. 736 с.
15. Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. XIII: Никоновская летопись. 544 с.
16. Полное собрание русских летописей. М., 2005. Т. XX: Львовская летопись. 704 с.
17. Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. 612 с.
18. Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. I. Ч. 1.
19. Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. I. Ч. 2.
20. Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. I. Ч. 3.
21. Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1981. Т. II. Ч. 1.
22. Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1981. Т. II. Ч. 2.
23. Разрядная книга 1550–1636 гг. М., 1975. Ч. 1. 430 с.
24. Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974. 436 с.
25. Сборник Русского исторического общества. СПб., 1884. Т. 41. 638 с.
26. Сборник Русского исторического общества. СПб., 1910. Т. 129. 594 с.
27. Список опричников Ивана Грозного. СПб., 2003. 152 с.
28. Степанов В.П. Русское служилое дворянство 2-й половины XVIII в. СПб., 2000. 751 с.
29. Трепавлов В.В. Российские княжеские роды ногайского происхождения (генеалогические истоки и ранняя история) // *Тюркологический сборник*: 2002. М., 2003. С. 320–353.
30. Трепавлов В.В. Тюркская знать в России (ногаи на царской службе) // *Вестник Евразии*. 1998. №1–2. С. 97–109.
31. Тысячная книга и дворовая тетрадь. М., 1950. 449 с.

32. Хорошкевич А.Л. Русь и Крым: от союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. М., 2001. 336 с.
33. Эскин Ю.М. Местничество в России XVI–XVII вв. Хронологический реестр. М., 1994. 266 с.
34. Эскин Ю.М. Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. М., 2009. 512 с.
35. РГАДА. Ф. Оп. 1. 1649 г. Д. 10.

Список сокращений

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

A.V. Belyakov

KANBAROV(S) (KAMBAROV(S)) IN THE MOSCOW STATE OF THE XVI–XVII CENTURIES

The nogai mirzes begin to leave for Moscow at the very beginning of the 16th century. Although truly mass this process can be called only from the middle of the XVI century. The first to Russia were mirzis, later the princes, the Kanbarovs. The history of this kind has attracted researchers many times. Each of them contributed to the study of this family. But there are still a lot of blank spots to this day. We will try to gather together all the facts at our disposal and find the lost representatives of this kind, which left a notable mark in the history of Russia. The obtained results show that in the XVI century. The Turkic natives of Russia could be mentioned under two or more nicknames, which greatly complicates their identification.

Keywords: Princes Kanbarovs, Moscow state of the XVI–XVII centuries, service princes, nogai.

Сведения об авторе:

Беляков Андрей Васильевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт российской истории Российской академии наук (г. Москва); feb@ru.ru

Belyakov Andrey – Candidate of Historical Sciences, Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

УДК 94.904

БАХЧИСАРАЙ – ВВЕДЕНИЕ В ИСТОРИЧЕСКУЮ ТОПОГРАФИЮ СТОЛИЦЫ КРЫМСКОГО ХАНСТВА*

© 2017 г. С.Г. Бочаров, Ш.С. Сейтумеров

В статье впервые предпринята попытка реконструкции генерального плана столицы Крымского ханства – города Бахчисарая, третьей четверти XVIII в. – финального периода существования этого государства. Рассматриваются сведения письменных источников, на основании которых выявлена динамика развития столичного города в XVII и XVIII вв. Выявляются общие изменения в городском пейзаже, с момента его возникновения в начале XVI в. и до момента прекращения его столичного статуса в 1783 г. Воссоздаются все основные базовые элементы исторической топографии позднесредневекового Бахчисарая. Реконструирован план квартальной застройки и сети улиц. Выявлены особенности размещения кварталов, занятых в столице греческим, армянским и еврейским населением, среди основного массива татарских жителей. Локализованы городские мечети, бани, фонтаны, снабжавшие горожан водой, гостиницы – караван-сарай, торговые ряды, производственные мастерские. Выявлены два основных элемента, повлиявших на планировку столицы государства – это естественный фактор рельефа горного ущелья, где размещён город и расположение основного административного здания государства – ханского дворца. Площадь занятая городской застройкой составляла 121,9 гектар.

Ключевые слова: столица Крымского ханства, города Крымского ханства, Бахчисарай, историческая топография, мечеть, ханский дворец.

В 1475 г. после Османского завоевания политическая карта Крымского полуострова претерпела значительные изменения. В горной и прибрежной частях Таврики турки захватывают земли Генуэзской Газарии (Бочаров, 2016, с. 263–266; Бочаров, 2017, с. 61) и поздневизантийского княжества Феодоро (Мыц, 2009, с. 419–500). Крымское ханство становится вассальным государством (Bennigsen, Lemerrier-Quelquejau, 1970, p. 326–327), в то время как владения генуэзцев и феодоритов на полуострове были включены в новую провинцию (санджак, затем лива) Османской Империи – Кефе (Veinstein, 1990, p. 587).

Туркам в Таврике достались города генуэзцев – Кефе (Каффа), Керчь (Воспоро), Судак (Солдайя), Балаклава (Чембало) и феодоритов – Мангуп (Феодоро), Инкерман (Каламита) (Бочаров, 2013, с. 16). Во время своего возникновения в середине XV в. Крымское ханство «получает в наследство» на полуострове только два золотоордынских города Солхат – Старый Крым и Кырк-Ер – Чуфут-Кале. За три века (1475–1774 гг.) османского присутствия в Крыму количество подчинённых им городов осталось практически неизменным – их было шесть (Veinstein, 1986, p. 221). В XVIII в. из посада новой турецкой крепости построенной для защиты Керченского пролива от проникновения кораблей Российской империи возникнет седьмой город – Ени-Кале (Бочаров, 2015, с. 5).

Если в османском Крыму продолжают существовать города основанные генуэзцами и византийцами, хотя и приобретая некоторые новые восточные черты, то в это же время (конец XV – первая половина XVI вв.) на территории Крымского ханств помимо двух существующих центров Старый Крым (Солхат) и Кырк-Ер, появилось пять новых городов. Это Бахчисарай, Карасубазар, Ак-Мечеть, Гезлёв и Ор. В дальнейшем развиваются и преуспевают не два старых а именно эти новые города (Бочаров, 2013, с. 16–17). Утратит своё административное влияние и экономическое значение а также значительно уменьшится территориально главный золотоордынский город полуострова Солхат, который получит новое название Старый-Крым. Хаджи-Гирей (1441–1466 гг.) (основатель династии крымских ханов) переведёт столицу в город Кырк-Ер из Восточного в Юго-Западный Крым (где с XIV в. существует урбанистическая агломерация Эски-Юрт – Кырк-Ер) (Бочаров, Кирилко, 2016, с. 373). Находиться в ранге столичного города Кырк-Ер будет не долго (Герцен, Могаричев, 1993, с. 58–59). Третий крымский хан Менгли-Гирей (1478–1515 гг.) перенесёт столицу государства с укрепленного горного плато в близлежащую долину, где вокруг ханского

* Исследование подготовлено в рамках выполнения Государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2014–2019 годы)».

дворца вырастет город Бахчисарай. Кырк-Ер – первая ханская столица потеряет свой городской статус, но не исчезнет а станет еврейским, позднее караимским районом Бахчисарая (Чуфут-Кале) (Бочаров, Сейтумеров, 2012, с. 16).

Для дальнейших исследований важно особо выделить один момент – все новые города Крымского ханства (Бахчисарай, Карасубазар, Ак-Мечеть, Гезлёв, Ор) не связаны с предшествующей многовековой традицией крымских византийских или генуэзских городов, возникают на ранее не занятых местах, на которых в лучшем случае располагались золотоордынские поселения (Бочаров, 2013, с. 17). Исходные градостроительные основы этих городов следует искать в золотоордынской (в широком смысле – восточной) градостроительной традиции (Бочаров, 2013, с. 17).

Историческая топография городов Крымского ханства сегодня находятся в стадии изучения (Бочаров, 2013, с. 15–18) и отдельные вопросы, связанные с этой темой освещены в научной литературе неравномерно и не с базовых историко-топографических канонов а скорее с акцентами на публикацию отдельных архитектурно-археологических объектов (Гаврилов, Майко, 2014, с. 3–12¹; Науменко и др, 2016, с. 228; Свод, 2016, с. 3–4). Издано исследование только по одному городу Ак-Мечети (современный Симферополь) – резиденции второго лица в государстве калги-султана (Бочаров, 2015, с. 5–9).

В статье небольшого размера трудно дать исчерпывающие ответы на весь комплекс вопросов связанных с изучением исторической топографии крупного а тем более столичного позднесредневекового города. По этому здесь мы попытаемся затронуть только основные моменты градостроительной истории столицы Крымского ханства – Бахчисарая, и главное, представить реконструкцию его генерального плана. Традиционно для решения вопросов связанных с изучением исторической топографии крымских средневековых мы привлекали три группы источников: письменные, картографические и археологические (Бочаров, 2000, с. 6–8; Бочаров, 2005, с. 145–151; Бочаров, 2008, с. 191–212; Бочаров, 2015, с. 6). Письменные источники позволяют выяснить названия и даты строительства или функционирования различных городских строений. Картографические материалы дают возможность локализовать эти строения, а результаты археологических исследований дают конкретные данные о размерах и устройстве этих объектов. Их комплексное сопоставление позволяет реконструировать урбанистическую картину средневекового города во всем её разнообразии: точно измерить площадь городской территории; локализовать мечети, церкви, синагоги, принадлежавшие различным общинам города и, как следствие, установить какие городские кварталы занимали разные этнические группы. Выявить нахождение зданий связанных с экономической жизнью города: караван-сараев, рынков, торговых лавок, определить месторасположение основных источников снабжавших город водой. В настоящей статье мы в первую очередь используем источники картографические с привлечением письменных свидетельств и натурного обследования городской территории и отдельных объектов микротопографии.

Генеральный план средневекового города Бахчисарай (Рис. 1) удалось реконструировать на основании картографических источников – генеральных планов снятых российскими военными инженерами-топографами в 70–90-х гг. XVIII в.

На сегодняшний день мы не можем проследить динамику развития городской территории отдельно в XVI, XVII и XVIII вв. В связи с отсутствием для XVI в. письменных источников с описаниями Бахчисарая. Гипотетически можно предложить такой процесс появления этого городского центра. Город возникает в одном из двух главных ареалов золотоордынской (восточной в широком смысле) осёдлости и единственном располагавшимся в Юго-Западном Крыму (Бочаров, Кирилко, 2016, с. 373–374). Это агломерация Эски-Юрт – Кырк-Ер. Средневековое селение в местности Эски-Юрт находится на северо-западной окраине современного Бахчисарая в долине между Второй и Третьей грядами Крымских гор. Через Бахчисарайское ущелье Эски-Юрт был связан с первой столицей Крымского ханства – городом Кырк-Ер (Смирнов, 2005, с. 125; Бочаров, Кирилко, 2016, с. 374). Как и большинство новых крымских городов, Бахчисарай обязан своим возникновением и быстрым ростом хану Менгли-Гирею (1478–1515 гг.). Именно этот хан спускает столицу государ-

¹ При знакомстве с этой книгой невольно возникает ощущение, что авторы ставили своей целью не столько создание археологической карты города, как заявлено в названии, а скорее публикацию и, тем самым, легализацию находок, сделанных грабителями на территории городища. Так как большая часть книги иллюстрирует и описывает различные категории безинвентарных археологических предметов, то есть происходящих из частных сборов и коллекций неясного происхождения.

ства с горного плато Кырк-Ера в долину Чурюк-Су. Позднее строениями Бахчисарая будет занята почти вся ранее пустовавшая горная долина между Эски-Юртом и Кырк-Ером.

Для XVII в. в нашем распоряжении есть очень подробное описание города турецкого путешественника Эвлия Челеби, побывавшего в Крыму в 1666–1667 гг. Попытаемся сравнить данные реконструируемого нами генерального плана столицы с сведениями содержащимися в трёх главах книги османского автора: «Описание великого города, древней столицы и избранного древнего престола, прибежища Газиев, рудника Гераев, подобному ирему на опорах, огромного и густозаселённого Бахчисарая», «Рассказ о постройках города Бахчисарая» и «Рассказ о местах паломничества в окрестностях Бахчисарая...» (Книга путешествия, 2008, с. 91–135).

Вначале Эвлия-эфенди приводит описание городских мечетей: *«Всего в городе Сарая двадцать четыре михраба. Прежде всего, вызывают удивление находящиеся внутри двора ханского дворца две купольные [мечети], крытые свинцом. В них похоронены... ханы из предшествовавших ханов».* Здесь упомянуты два мавзолея у ханского дворца (Рис. 1: 94, 95). *«Соборная мечеть Сахиб Герай-хана. Её стены прочно сложены из камня. Это старой конструкции дом Божий с куполом, крытым дранкой... Внутри мечети на двадцати высоких дубовых столбах – потолочная балка, а над ней – простой потолок старой постройки. Справа находится место поклонения семьи достославных ханов»*, это описание центральной ханской мечети Бахчисарая (Рис. 1: 22). *Мечеть Куба. Она находится на базарной площади и собирает множество прихожан. Это старая мечеть, крытая черепицей, с каменным минаретом. Самые лучшие из них – мечеть Куба и мечеть Сефера Гази, что перед дворцом Сефер Гази-аги... В этом городе всего пять каменных минаретов».* (Книга путешествия, 2008, с. 104–105).

Далее приведены сведения о высших духовных школах – медресе. *«Самое лучшее – В Саджике, около дворца Менгли Гирай-хана, а так же медресе Сахиб Герай-хана. Но специальных отделений для изучения хадисов и стилей чтения Корана нет».* Одно из упомянутых путешественником зданий, Зинджирли – медресе сохранилось до наших дней (Рис. 1: 3), вторая высшая школа находилась при центральной городской мечети (Рис. 1: 22). О начальных школах турецкий путешественник сообщает: *«Всего семнадцать школ, где учат азбуку. Лучшие – школы Бехадыр Герай-хана, Ислам Гирай-хана и Мухаммед Гирай-хана, они благоустроены».* Такие школы располагались обычно при городских квартальных мечетях. Есть сведения и о исламских монастырях – текие: *«Всего девять обителей»* (Книга путешествия, 2008, с. 105–106).

О важнейших объектах городской инфраструктуры фонтанах с питьевой водой Эвлия-эфенди пишет так: *«Описание источников проточной воды. Всего этих источников семьдесят, каждый из них – сверкающий родник с холодной, чистой и прозрачной водой. Прежде всего – источник высокодостоинного хана, недалеко от дворца Сефер Гази-аги... источник Ахмада аги с тарихом (999 г. Х. = 1591–1592 гг.). Далее – источник Абу Ахмед-аги, источник Сефер Гази-аги, источник Мухаммед Герай-хана и много других источников. Описание придорожных источников – мест отдохновения души. Всего в сорока семи местах находится множество придорожных источников... Самые лучшие источники: Исла Герай-хана, Сефер Гази-аги, татского аги Танбури Рамазан-аги и Алемшаха»* (Книга путешествия, 2008, с. 106). Нам удалось определить месторасположение сорока одного городского фонтана (Рис. 1: 59–87, 96, 105–115).

При описании городских строений Бахчисарая отмечено: *«Лучшие из городских кварталов: Ханский квартал, квартал Сефер Гази-аги, квартал Куба, квартал Ислам-аги. Описание дворцов благородных людей. Лучший из них – дворец высокодостоинных ханов. Далее дворец визиря Сефер Гази, в Саджике – дворец Менгли Гирай-хана, дворец Кайтас-аги, дворец дефтердара Ислам-аги, дворец приближённого аги Ахмеда-аги, (Книга путешествия, 2008, с. 106) дворец Шах Булат-аги, дворец Ахмеда-аги, дворец Эмильдеш Ахмеда-аги и много прочих больших дворцов»* (Книга путешествия, 2008, с. 106). В этом отрывке турецкий путешественник сообщает о центральных кварталах Бахчисарая, расположенных в окрестностях ханского дворца (Рис. 1: 99)

Далее следуют описания гостевых домов для купцов: *«Гостиниц в больших благоустроенных зданиях здесь нет. Но с двух сторон от этого города Сарая есть много сот одиноких пещер. В них останавливаются и проживают сотни людей. Это удивительный и странный караван-сарай. Описание постоянных дворов для купцов и гостей. Всего имеется семь постоянных дворов. Самый лучший Сефер Гази-аги, подобный крепости, он находится на базаре (тарих: 1071 г. Х. = 1660–1661 гг.)».* Нам удалось локализовать четыре караван-сарая на городской территории, три из которых действительно размещены среди торговых площадей (Рис. 1: 45, 48–50). *«Заметка о жилище приезжих холостяков. Всего в семи местах есть комнаты для холостяков. В каждой из них –*

мастера различных искусств, холостяки из других стран, живут здесь и занимаются ремёслами. В основном это баумачники, тюбетеечники и портные. У них есть старшина, а жилища обеспечиваются вакуфами» (Книга путешествия, 2008, с. 107). В позднесредневековом Бахчисарае, в большинстве случаев, мастерские находились непосредственно при торговых лавках. Мануфактурные лавки с головными уборами, тканями и одеждой находились в центральной части главной городской улицы (Рис. 1: 55), а торговый ряд обувщиков был первым с восточного края (Рис. 1: 57).

«Оговорка о базаре-безестане. Всего в городе насчитывается тысяча сто лавок. В каменном, крытом куполом здании безестана есть бесконечное множество разнообразных товаров. Там очень много [лавок] портных, сапожников, москательщиков, а так же кофеен и буза-хане. Но бронников там нет» (Книга путешествия, 2008, с. 107). Городские лавки и мастерские были размещены по двум сторонам центральной городской улицы на протяжении полутора километров (Рис. 1). Подтвердить свидетельство о существовании в Бахчисарае крытого рынка-безистаны другими письменными и картографическими источниками не удалось. Возможно, как и в случае с Ак-Мечетью, так были нагваны – многочисленные городские торговые ряды, сконцентрированные в одном месте (Бочаров, 2015, с. 7).

О главных объектах городского благоустройства Эвлия-Эфенди оставил такой рассказ: «... о светлых банях – усладе души. Всего там четыре бани с хорошим воздухом. Но самая прекрасная баня с горячей водой – большая баня Мухаммед Гирай-хана. Это прекрасная баня под куполом, крытым рубиново-красной черепицей. (Тарих 1071 г. X. = 1659–1660 и второй 1070 = 1658–1659 гг.)... Далее баня Сахиб Гирай-хана. Эта баня находится рядом с ханский дворцом (тарих 939 г. X. = 1532–1533 гг). Маленькая баня. Мне не известно, кто её построил. Это старая баня. Баня Табе-хане. Это покрытая низким сводом старая тёмная баня...» (Книга путешествия, 2008, с. 107–108). Определено месторасположение всех четырёх бань. Три из них находятся у ханского дворца в центральной части города (Рис. 1: 89–91) и одна Табе-хане в северо-западной его части (Рис. 1: 118) плюс пятая баня была открыта в ходе археологических исследований в Салачике (Рис. 1: 128) (Гаврилук, Ибрагимова, 2010, с. 17).

Затем следует описание других объектов городского благоустройства: «В этом городе в сорока трёх местах есть мосты через Чурук-су, каменные и деревянные. Ниже по дороге от дворца Кайтас-аги, на каменном мосту Хаджи Османа Акая тарих: 1076 г. X. = 1665–1666 гг. Всего в трёх местах есть места для пропитания немощных. Прибывающие к ханскому дворцу обязательно утоляют голод и молятся за прежних ханов» (Книга путешествия, 2008, с. 109). Городские мосты находились в местах выхода к реке Чурук-Су основных городских улиц (Рис. 1) а места раздачи милостыни концентрировались на площади с севера от ханского дворца (Рис. 1: 94).

«Не похвала церквям беспутных монахов. В городе есть греческая и армянская церкви. Но иудейской синагоги нет. Все иудеи живут в верхней крепости Чуфут-кале, и все синагоги расположены там. Церквей мадыарских и ляшских в этом городе Сарае нет» (Книга путешествия, 2008, с. 113). Армянский храм (Рис. 1: 116) находился в балке, с севера примыкающей к центральной части городской территории. В этой балке у храма находились городские кварталы занятые армянским населением. В XVII в. севернее этой церкви был построен ещё один армянский храм, один притвор которого был вытесан в скальном массиве (Петровский, 2004, л. 4). В восточной части города в ущелье Майрам-Дере находились кварталы занятые греческим населением (Рис. 1: 34). Там же был православный монастырь с церковью Св. Богородицы (Вторая учебная экскурсия, 1888, с. 70) с главным греческим храмом Бахчисарая (Рис. 1: 104). Еврейское население размещалось отдельно и занимало укреплённую территорию первой столицы ханства Кырк-Ера, который в это время получил новое название Чуфут-Кале – Еврейская крепость (Исторический атлас, 2015, с. 11). Католические храмы в этот период в городе отсутствуют. Создаётся впечатление, что христианское, еврейское и караимское население было намеренно отселено и отделено от центрального ущелья занятого городом либо в отдельные отдалённые скальные балки как в случае с греками и армянами или на скальный останец как в случае с Чуфут-Кале.

«О достойных похвалы ремёслах и искусствах. Основным славным ремеслом людей этого города является изготовление разнообразных сёдел для коней, татарских колчанов, плетей и стрел, отделанных пером кориуна. Ни в одной стране не может быть таких тканей с белой кромкой и разноцветных рубашек как в этом Сарае» (Книга путешествия, 2008, с. 113). Седельщики и оружейники занимали несколько отдельных торговых рядов в престижной части торгового центра города (Рис. 1: 56).

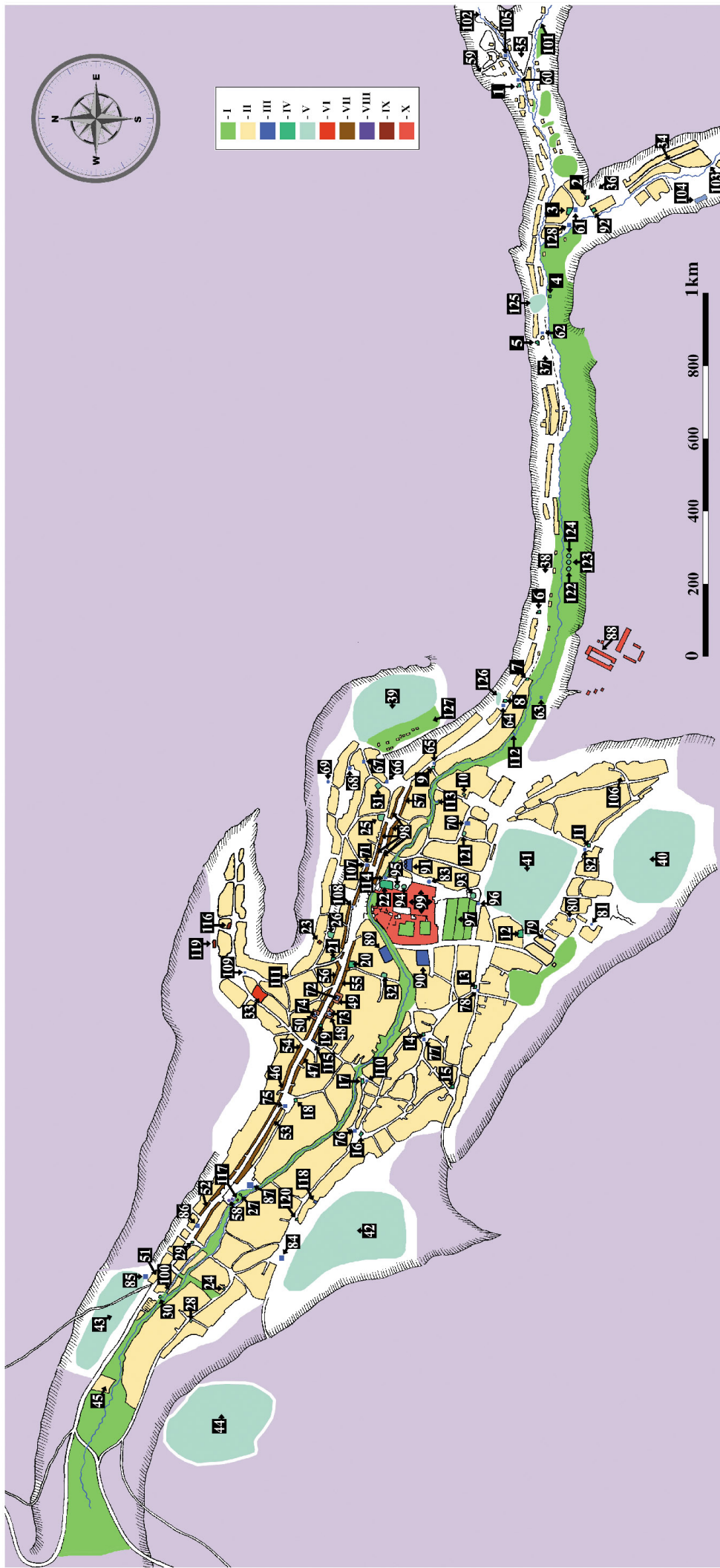

Рис. 1. Город Бахчисарай. Реконструкция генерального плана.

Цветовые обозначения: 1 – сады, 2 – Зинджирли, 4 – название не установлено, 5 – Баба-Курт, 6 – Калдар-эфенди, 7 – при Орта медресе, 8 – Малич-Ага, 9 – Тахталы, 10 – Окюз, 11 – Шехер-Усто, 12 – Савускан, 13 – Асма-Куто, 14 – Бурма-Чепме, 15 – Ак-Каш, 16 – Кайгасап, 17 – Сырлы Чепме, 18 – Арслан-Ага, 19 – Орта Джами, 20 – Ени Джами, 21 – Ешил Джами, 22 – Большая ханска, 24 – Иеми-Хан, 25 – Торгай Джами, 26 – Хаджи-Кожей челеби, 27 – Табана, 28 – Молла Мустафа, 29 – Абит-эфенди, 30 – Ум Гульсум, 31 – Совету-Коба, 32 – Шах Болат, 120 – Калы маале; **Медресе:** 3 – Зинджирли, 7 – Орта медресе, 22 – Сахиб Гирей; **Мавзолеи:** 92 – Хаджи-Бекер, 93 – Дилшары Бекер, 94, 95 – на ханском кладбище, 121 – Эски-Дюрбе, 122–124 – названия не установлены; **Кладбища:** 35 – Салачик, 36 – Ханык (при Зинджирли медресе), 37 – Баба Курт, 38 – Калдар-эфенди, 39 – Капа Асты (Калас), 40 – Кыз мезерлик, 41 – Савускан, 42 – Кады маале, 43 – Дерагац, 44 – Ак-Каш, 125, 126 – названия не установлены; **Караван-сарай:** 45, 48–50 – названия не установлены; **Католическая церковь:** 23; **Двор российского резидента и русский квартал:** 33; **Казармы Фанаторийского полка:** 88; **Греческий квартал:** 34; **Греческий монастырь и храм св. Богородицы:** 104; **Армянские церкви:** 116 – св. Григора Просветителя, 119 – св. Богородицы; **Фонтаны:** 59–61, 64, 67–76, 78–80, 83, 96 – названия не установлены, 106 – Шехер Кусто, 108, 109, 111, 113–115 – названия не установлены, 62 – Баба Курт, 63 – Орта Медресе, 65 – Тохталы, 66 – Суяту-Коба, 77 – Бурма-Чепме, 81 – Савускан, 82 – Шехер Усто, 84 – Кады маале, 85 – Аггалылак, 86, 87 – Табана, 60 – Салачик Асма куто, 110 – Сырлы Чепме, 112 – Салджик; **Бани:** 89 – Мухаммед Гирей IV, 90 – название не установлено, 91 – Сахиб Гирей (Сары-Гозель), 118 – Кобала; **Военные мельницы:** 58; **Отводной канал реки Чурюк-Су:** 100; **Река Чурюк-Су (ручей Апшамы):** 101; **Ручей Курук-Апшамы:** 102; **Ручей Газы-Мансур:** 103; **Место отдыха в саду Салынджак:** 127; **Лавки, торговые и ремесленные места:** 46, 47 – Туз (соляной), 51 – Налбат (подковщики), 52 – Табана (кожевники), 53 – Соган (луковный), 54 – Апшылк-базар (продовольственный), 55 – Базиргалар Ичи (мануфактурщики), 56 – Саррап (седельщики), 57, 98 – Араста (обувщики), 107; **Кожевенные заводы:** 117; **Сады у ханского дворца:** 97; **Дворец крымских ханов:** 99

ВШ – торговые ряды, лавки, мастерские, VIII – армянский храм, IX – караван-сарай, X – здания, связанные с российским присутствием

Эвлия-эфенди завершает путевые заметки о столице ханства описаниями двух западных пригородов Эски-Юрта и Азиса: «Вниз на запад от города Бахчисарая, на краю садов, в древние времена был большой город Экси Юрт, в две тысячи шагов в длину. И теперь там во многих тысячах мест – отличные строения. Сейчас это деревня лишь с тремястами домами, садами и виноградниками, в каждом здании там протекают живые реки. (Книга путешествия, 2008, с. 122). В этом месте на кладбище, под тремя куполами, крытыми свинцом, лежат, навсегда умолкнув, шахиншахи – ханы. Каждый купол полон света, там есть искусно сделанные подвески и светильники. Это место паломничества знати и простолюдинов. Все ханы и султаны, их жёны и дочери приходят сюда, возжигают амбру и алоэ, происходит благородное чтение Корана в память усопших. Под этим куполами и со всех сторон от них похоронены калги и султаны..., в общем, все благородные люди Бахчисарая, а также прочие богачи и нищие. Потому что со времён святой Опоры Пророчества в этом месте кладбище» (Книга путешествия, 2008, с. 123).

Эвлия Челеби приводит скрупулёзное полное описание городской территории которое практически полностью совпадает с реконструируемым нами генеральным планом Бахчисарая (Рис. 1. Город Бахчисарай. Реконструкция генерального плана. Цветовые обозначения. I – сады, II – городские кварталы, III – бани, фонтаны, реки, ручьи, IV – мечети, медресе, V – кладбища, VI – ханский дворец, VII – торговые ряды, лавки, мастерские, VIII – армянский храм, IX – караван-сарай, X – здания связанные с российским присутствием; см. вкладыш к журналу).

Во второй части нашего исследования попытаемся проследить те изменения в городском пейзаже, которые произошли в XVIII в. Для этого воспользуемся наиболее подробным описанием города оставленного в 1793 г. российским академиком П.С. Палласом. Сначала автор приводит свои общие впечатления от городской застройки: «Маленький ручеёк Джурюк-су протекает по долине, изливаясь в Качу и разделяя город в длину на две части; он вполне заслуживает своё название, так как выносит собой все городские нечистоты с улиц и многих выгребов, для чего через них пропущены высокие трубы; это очень способствует плодородию огородов, разводимых в долине несколько ниже города, для поливки которых употребляется большая часть речной воды, отведённой канавами близ горы, что невежды принимают за родниковую воду, текущую с высот. Улицы города – по ширине почти версты и по длине двух с половиной – построены по обеим сторонам ручья, поднимаясь уступами одна над другой; они извилисты, узки, ничтожны, неправильны, чрезвычайно нечисты, с плодовыми садами, в которых вмешанные ломбардские тополя составляют украшения, придавая городу вместе с башнями мечетей и изящными дымовыми трубами большой части домов, впрочем очень жалких, красивый вид» (Паллас, 1999, с. 29).

Отдельно описана основная городская магистраль. «Главная улица, ведущая к ханскому дворцу по правой стороне Джурюк-су, обставлена с обеих сторон жалкими лавками, построенными под домами отчасти из дерева; эта улица так узка, что две повозки разъезжаются только с великими затруднениями; к этому неудобству приходится прибавить ужасную мостовую. В нескольких других улицах едва может проехать одна повозка, а в иных могут двигаться только пешеходы и всадники; в большей их части уложены широкие камни, чтобы пешеходам избежать грязи» (Паллас, 1999, с. 29).

Лучшее украшение города – мечети, училища (медресе), бани и ханский дворец с его усыпальницами. В Бахчисарае насчитывают 31 мечеть; большая часть их построена из тёмного камня, а над ними возвышаются изящные башни. Кроме того, в городе находятся греческая и армянская церковь, две синагоги и три магометанских школы» (Паллас, 1999, с. 29). Количество мечетей, которые удалось нанести на генеральный план города точно такое же – тридцать одна (Рис. 1: 1, 2, 4–22, 24–32, 120). О расположении греческого (Рис. 1: 104) и армянских (Рис. 1: 116) храмов было написано выше. Три высших школы – медресе были размещены в восточной и центральной частях города (Рис. 1: 3, 6, 22).

«Две бани устроены по-турецки, сводчатые, с круглыми куполами». Городские бани размещались у ханского дворца (Рис. 1: 89, 91). «В городе числят 16 больших ханов, служащих заезжими домами или складами, между ними – шесть особенно больших, каменных», на генеральном плане удалось локализовать четыре больших караван-сарая (Рис. 1: 45, 48–50). «21 питейное заведение, 17 татарских кофеен», все располагались среди торговых рядов и четырёх караван-сараях (Рис. 1: 7). «5 мельниц, работающих водой Джурюк-су», для размещения водяных мельниц использовался отдельный канал реки Чурюк-Су (Рис. 1: 58, 100). «517 лавок. В том числе: 121 лавка с шёлковыми и другими товарами розничной продажи; 41 искусных седельников и хороших кожаных изделий, 135 съестных припасов, 24 баумачника, 23 с изделиями больших и малых татарских но-

жей и иных острых инструментов, пользующихся известностью за их закалку; 5 медников, 10 брадобреев, 19 портных, 6 ювелиров, 5 оружейников, 8 продаж баимачных изделий, 9 обозных и лесных, 5 канатных заведений, 8 бочарных, 7 с войлочными изделиями и дождевыми плащами, 4 горшечника; 5 продающих трубки с чубуками, 20 пекарен, 13 дубильных для кож и сафьяна, 6 кузниц, 13 лавок с продажей крепких татарских напитков, выделяемых из проса; 13 свечных заводов и 7 резчиков по дереву» (Паллас, 1999, с. 29–30). В этом абзаце академик очень подробно описывает различные лавки в торговых рядах Бахчисарая (Рис. 1: 7) и даже приводит их точное количество.

Приведены и подробные сведения о количестве городского населения: «В городе насчитывают домов 1561, а разных жителей: 3166 – мужчин и женщин – 2610. В этом населении есть 210 греков обоего пола, между ними 14 дворянского происхождения и 42 купца; 51 армянин; 1162 еврея, в числе которого 420 записаны купцами, и почти 3000 татар, из коих – 20 дворян, 237 купцов, 173 духовных и 78 учеников к ним. По приказу покойной императрицы этот город назначен одним татарам, и в нем нет русских горожан. Всего более там татар и жидов, имеющие свои отдельные магистраты» (Паллас, 1999, с. 30).

Далее следуют описания главного городского объекта – резиденции крымских ханов. «Ханский дворец расположен ближе к западному дворцу города, на самой речке, на южном склоне долины. Большой плодовый сад состоит из четырёх террас, поддержанных стенами тёсаного камня, по ним переходят с одной на другую по каменным разорённым лестницам, устроенным сбоку. Нижняя терраса совершенно покрыта виноградными беседками, а на верхних – одни плодовые деревья разных сортов, их прививки лучшего качества и между ними есть превосходные груши», этот сад с тремя террасами был расположен к югу от строений дворца (Рис. 1: 97). Далее следует описание большой ханской мечети (Рис. 1: 22): «Большая мечеть, стоящая против дворца, – одна из наиболее значительных и самая красивая в Бахчисарае. Внутри её устроено отделение или лоджа с окнами, назначавшаяся для самих ханов; в неё поднимаются со двора по особой лестнице». Приведены сведения о ханском кладбище и расположенных на нём двух мавзолеев (Рис. 1: 94, 95): «Сзади мечети начинается большое кладбище, поднимающееся вдоль садовых строений; в нем погребены лица ханского рода, наиболее значительные мурзы и духовенства. В том же месте замечаются стоящие рядом два новых прекрасных могильных сводчатых зданий и того же назначения – третье, более древнее; первые наполнены гробами ханов, поставленными на земле и покрыты чёрной или зелёной тканями» (Паллас, 1999, с. 30–31).

Затем приведено описание мавзолея, расположенного с юга выше ханского дворца (Рис. 1: 93): «Значительно выше, на краю самой верхней садовой террасой, построен изящный мавзолей для грузинки, супруги доблестного хана, Крым-Гирея, покрытой купольным сводом, с золоченым шаром над ним. По высочайшему повелению все дворцовые здания содержатся в возможно хорошем состоянии, как внешними починками, так и сохранением убранства; и то и другое – образцы причудливого стиля азиатов. В верхнем, прекрасном мавзолее, находящемся вне сада погребена любимая жена Крым-Гирея Дилира – Бикез, бывшая христианкой, умерла она в 1176 г. эгире, или сорок лет тому назад» (Паллас, 1999, с. 31).

«Нельзя в достаточной мере похвалить в Бахчисарае также, как и во многих татарских городах, старательного ухода за водопроводами, проведёнными с далёких высот подземными глиняными трубами в общественные фонтаны, а также для непрерывного пропуска воды во дворы знатных или богатых лиц. Здесь так умело распоряжаются этими водами, что те, вытекая из каменных водоёмов, поступают на поливку маленьких городских садов, а частью особыми каналами проведены в выгребы, устроенные для общественного удобства вблизи фонтанов; таким образом, эти водные струи уносят не только эти нечистоты, но и уличные в ручей Джюрюк-су. Татарская полиция тщательно блюдёт за исправным содержанием водопроводов на общественный счёт, тогда как в других городах, как, например, в Ак-Мечете и Кафе оставили разрушаться по нерадивости и недостатку доброго желанья» (Паллас, 1999, с. 31–32). Не обошёл своим вниманием П.С. Паллас один из основных вопросов благоустройства южного города – водоснабжения (Рис. 1: 59–87), в целом давая ему высокую оценку.

«Бахчисарай, несмотря на нечистоту его улиц, тесных и сырых, должен почитаться здоровым местом, что следуют приписать постоянным таям воздуха, образующимся в узкой долине, открытой в её верхней части, так как она совершенна закрыта от северных ветров, то положение её чрезвычайно тёплое, и в ней персики, миндаль и иные плодовые деревья и весенние цветы распускаются гораздо ранее; большую часть зимы здесь погода тёплая, и даже в ту пору, когда в

других местах Крыма чувствуются общие холода. Все необходимое для жизни и ее потребностей получается из населённых мест по Алме и Каче, а также из гор в большом количестве и по очень умеренных ценам. Его торговля довольно значительна, как потому, что ведётся с деревнями, так и благодаря частым приездам верхом в город мурз; все это даёт благосостояние и торговцам, и ремесленникам». Оставил учёный описание и о городском климате и основных регионах снабжающих его продовольствием.

Далее следует подробное описание бывшей еврейской части города, в конце XVIII в. уже занятой караимами, кварталов и сооружений на плато Чуфут-Кале: «В расстоянии трёх вёрст от верхней части долины Бахчисарая, считая по прямой линии, как раз в начале узкой долины, откуда вытекает Джурюк-су, между этой долиной и другой, на высокой известковой горе, расположен Джуфут-кале или Жидовская крепость, столь известная и посещаемая иностранцами. В начале юго-западной долины, вне города, находится жидовское кладбище, осенённое прекрасными деревьями, в нем примечаются ряды большей частью однообразных надгробных камней; на некоторых надрублены еврейские надписи. Жиды придают такое большое значение этой маленькой, называемой Йософатовой, долине, что когда бывшие ханы надумали вытребовать с них добровольный подарок, то, чтобы получить его, им достаточно было угрозы вырубить деревья этого места, будто бы нуждаясь в дровах. (Паллас, 1999, с. 32). Татары в то время имели много домов и мечеть а Чуфут-кале. Синагога хорошо построена и владеет маленьким садиком, служащим для «праздника кущей». Все дворы города по татарскому обычаю окружены высокими стенами, построенными из бутового камня на глине. В городе насчитывают около 200 домов, тесно построенных; население его – около 1200 душ обоего пола. Все караимы, или караимы, как они сами себя называют, не принимают к себе иных жидов, кроме польских караитов, так же отвергающих талмуд. Живущие здесь жиды держат много ослов для своих поездов, а так же для доставки воды и съестных припасов, что может делаться только вьючными животными; при владычестве ханов им не позволяли ездить на лошадях, а их закон воспрещает разводить мулов». (Паллас, 1999, с. 33). Как видно из этого описания, произошло достаточно жёсткое разделение еврейской общины Бахчисарая на караимскую и раввинистскую части, причём караимы остались жить в Чуфут-Кале.

Не обошёл своим вниманием учёный путешественник расположенную западнее города местность Азис, оставив такое её описание: «Ниже Бахчисарая, в двух вёрстах от него, находится деревня Дозис, подле Джурюк-су с капустными огородами; между нею и южными высотами видны древние ханские мавзолеи, называемые татарами Эски-юрт... Между этими строениями находятся многие надмогильные столбы и камни, из коих немало мраморных с листовым орнаментом лучшего вкуса». (Паллас, 1999, с. 34).

П.С. Паллас особо выделил несколько ремесленных производств, которыми славился именно столичный город: «...наиболее значительны сафьяновые фабрики в Бахчисарае и Карасубазаре. В Бахчисарае их – тринадцать, одна из них принадлежащая мечети Яни-Джами и в ней самой, пять из них – изготавливающих белую кожу. Крымский сафьян, выделяемый только двух цветов, красный и жёлтый, не уступают турецкому, и ежегодно на много тысяч употребляется на обувь и конскую сбрую, а частью вывозится в Россию. В Бахчисарае есть 16 мастерских, где выделывают всякого сорта кожи, сабли и прочие режущие предметы, отличающиеся прекрасной закалкой; несколько войлочных фабрик, выделяющих довольно большие различных цветов войлоки, до пяти тысяч штук, так же войлочные накидки, сходные с употребляемыми черкесами. Баумачное и седельное производство очень славится в Бахчисарае» (Паллас, 1999, с. 204–205).

Рассмотрим изменения произошедшие в городском пейзаже между 1666 и 1793 гг. (Рис. 1). Они незначительны. Все основные социально значимые сооружения продолжают функционировать. Городская территория, занятая жилой застройкой, увеличивается. Количество городских мечетей возрастает с двадцати четырёх до тридцати одной. Появляется одно новое медресе (Орта-медресе). С семи до шести уменьшается число караван-сараев. Исчезает городская баня Кабалы и баня в Салачике. Основные изменения коснулись топографии христианских и караимской общин. На короткий период с 1706 по 1736 гг. в Бахчисарае иезуиты получили ханское разрешение на строительство католического храма (Рис. 1: 23), который был возведён во внутренней части жилого квартала занятого коллегией иезуитов (Мурзакевич, 1860, с. 466–467). Армянская община была представлена ещё в первой столице Крымского ханства – Кырк-Ере, о чем есть упоминание в ярлыке жителям города 1468 г. (Смирнов, 1918, с. 10), при перемещении с горного плато, для размещения жилых кварталов этой общине было выделено отдельно ущелье, где построен храм (Рис. 1: 116) св. Богородицы (Саргсян, 2006, с. 140). Второй армянский храм св. Григора Просветителя был

исследован археологически в 1997 – 2004 гг. По мнению исследователя, церковь строится: «в XVII веке и просуществовала до 1751 г.»² (Петровский, 2004, л. 4). Появление второго храма связано с новой волной армянских переселенцев в город, вызванной восстанием джелалиев (Микаелян, 2004, с. 103). Если армянская община получила места для размещения на новом столичном месте, то еврейская, позднее караимская, общины были оставлены в кварталах Кырк-Ера – Чуфут Кале, по сообщению Эвлия Челеби «...все евреи лавочники и богатые иудейские купцы Бахчисарая... Каждое утро они спускаются вниз из этой крепости и добираются до своих лавок в Бахчисарае за один час» (Книга путешествия, 2008, с. 83). После присоединения Крыма к России запрет на проживание иудеев в Бахчисарае был отменён и там строится синагога (одна из упомянутых П.С. Палласом), это здание разрушалось к началу XIX в. и на её месте евреи переселенцы из Польши построили новый храм (Фарфель, 1917, с. 66).

На основании данных генеральных планов Бахчисарая последней четверти XVIII – начала XIX вв. удалось реконструировать средневековую городскую планировку и проиллюстрировать размещение общественных, культовых, ремесленных и жилых зданий. В целом площадь городской территории, без учёта кладбищ, последней четверти XVIII в. составляла 121,9 га. Планировка столицы Крымского ханства была продиктована двумя основными факторами. Первый фактор естественный – рельеф узкой горной долины, в которой расположен Бахчисарай. Основная часть города находилась на левом берегу реки Чурюк-Су. Второй фактор – расположение административного центра государства – ханского дворца. Центр столицы маркируют постройки этого дворца. Городские кварталы имели иррегулярную планировку. Основным градообразующим элементом была центральная улица, проходившая в меридиональном направлении через весь город от района Салачик до завершения горного ущелья. Основные городские улицы выводили на эту центральную магистраль. В административном отношении город был разделён на кварталы – махалле. В количестве исламских махалле занятое татарским населением достигало 92 плюс были кварталы греков (Рис. 1: 34), армян (Рис. 1: 116), русских (Рис. 1: 33) и иудеев (Чуфут-Кале) (Абибуллаева, 2015, с. 168–173). В городских кварталах локализованы тридцать одна мечеть (Рис. 1: 1, 2, 4–22, 24–32), греческий храм, католический храм, две армяно-григорианские церкви. На генеральном плане города удалось показать три медресе (Рис. 1: 3; 7), четыре караван-сарая (Рис. 1: 45, 48 – 50), сорок девять фонтанов, пять баней (Рис. 1: 89–91, 118), торговые места (Рис. 1: 46–57). На реке Чурюк-Су в северно-западной части города размещались водяные мельницы и мастерские по обработке кож (Рис. 1: 58, 117). Была реконструирована сеть улиц с планировкой жилых кварталов и торговых рядов, определены территории, занимаемые городскими кладбищами, площадь которых составляла 41,3 га (Рис. 1: 35–44, 125, 126).

Это небольшое исследование, в котором мы смогли затронуть только ключевые пункты, связанные с городской пейзажем, – первый шаг в написании монографии по исторической топографии Бахчисарая. Предлагаемую в статье реконструкцию генерального плана столицы Крымского ханства (Рис. 1) необходимо дополнять описаниями объектов микротопографии и новыми археологическими материалами по мере их публикации, и в итоге она должна стать базовой основой для дальнейшего историко-топографического исследования самого большого города позднесредневекового государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абибуллаева Э.Э. Махалле – территориальная единица средневекового Бахчисарая по материалам Кадискерских тетрадей // Золотоордынское обозрение. 2015. № 2. С. 163–186.
2. Бочаров С.Г. Историческая топография Каффы (конец XIII – 1774 г.). Фортификация, культовые памятники, система водоснабжения. Автореф. канд. дис. М., 2000. 21 с.
3. Бочаров С.Г. Топография османской Керчи XVI–XVIII вв. // Археологические записки. – Ростов-на-Дону: Донское археологическое общество, 2005. Вып. 4. С. 145–151.
4. Бочаров С.Г. Картографические источники по топографии турецкого города Мангуп // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь: Антиква, Т. 3. 2008. С. 191–212.
5. Бочаров С.Г., Сейтумеров Ш. Топография города Бахчисарая в XVI–XVIII вв. // IV научные чтения памяти Усейна Боданинского, Тезисы докладов. Бахчисарай: Антиква, 2012. С. 15–16.

² Иной вариант датировки церкви (Днепровский, Чорев, 2007, с. 19) нуждается в более развёрнутой аргументации.

6. Бочаров С.Г. Историческая топография городов Крымского ханства // V Международный Болгарский форум «Политическое и этнокультурное взаимодействие государств и народов в постзолотоордынском пространстве (XV–XVI вв.)», Тезисы докладов. Симферополь: Барановский, 2013. С. 15–18.
7. Бочаров С.Г. Ак-Мечеть: историческая топография города Крымского ханства // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань: ЦИН, Т. 7. 2015. С. 5–10.
8. Бочаров С.Г. Историческая география Генуэзской Газарии 1275–1475 гг. // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы Седьмой Международной конференции посвящённой памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова (Ялта, 8–12 ноября 2016 г.) / Ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Казань, Ялта, Кишинёв: Stratum plus, 2016. С. 263–268.
9. Бочаров С.Г. Археология Латинской Газарии: определение термина и научное содержание // Труды III Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй» / Ред. Н.Н. Крадин, А.Г. Ситдииков. Владивосток: Дальнаука, 2017. С. 57–63.
10. Бочаров С.Г., Кирилко В.П. Исторические и архитектурные метаморфозы Шейх-Коя // Stratum plus. 2016. Вып. 6. С. 371–392.
11. Вторая учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии. Бахчисарай и его окрестности / Сост. А.Н. Попов. Симферополь: Таврическая губернская типография, 1888. 132 с.
12. Гаврилов А.В., Майко В.В. Средневековое городище Солхат – Крым (материалы к археологической карте города Старый Крым). Симферополь: Бизнес-Информ, 2014. 212 с.
13. Гаврилюк Н.А., Ибрагимова А.М. Тюрбе хана хаджи Герая (по материалам археологических исследований 2003–2008 гг.). Киев, Запорожье: Дикое Поле, 2010. 176 с.
14. Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Крепость драгоценностей. Кырк-ор. Чуфут-кале. Симферополь: Таврия, 1993. 128 с.
15. Днепровский Н.В., Чореф М.М. К вопросу о локализации и датировке армянского наземного храма в Бахчисарае // Историческое наследие Крыма. Симферополь. 2007. Вып. 20. С. 18–25.
16. Исторический атлас Республики Крым. Бахчисарайский район. Кырк-Ор. Чуфут-Кале / Науч. ред. С.Г. Бочаров. Казань: Фолиант, 2015. 276 с.
17. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века) / перевод, вступительная статья и комментарии Е.В. Бахревского. Симферополь: Доля, Изд. 2-е, исправленное и дополненное. 2008. 270 с.
18. Микаелян В.А. История крымских армян. Ереван, Симферополь: ООО Энергия Плюс, 2004. 224 с.
19. Мыц В.Л. Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. Симферополь: Универсум, 2009. 528 с.
20. Мурзакевич Н.Н. Пребывание иезуитов в Крыму // Записки Одесского Общества истории и древностей. 1860. Т. IV. С. 466–467.
21. Науменко В.Е., Сейдалиев Э.И., Сейдалиева Д.Э. Новые материалы к изучению топографии средневекового Бахчисарая: по результатам археологических исследований 2012–2013 гг. // Материалы Конгресса исламской археологии России и стран СНГ / Отв. ред. Х.М. Абдуллин, А.Г. Ситдииков. Казань: Изд. Дом Казанская недвижимость, 2016. С. 228–238.
22. Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах. Научное наследство. М.: Наука, 1999, Т. 27. 246 с.
23. Петровский В.А. Отчёт о раскопках скальных гробниц и предполагаемого дома настоятеля на территории средневекового армянского монастыря «во имя Григория Просветителя» в г. Бахчисарае по Пушкина 42 а – 44. Бахчисарай, 2004 // Научный архив Института археологии Крыма РАН. Инвентарная книга 7. Инвентарный № 736. Папка 1098. 127 л.
24. Саргсян Т.Э. Об армянских духовно-культурных центрах Бахчисарая (XVII–XIX вв.) // VI Таврические научные чтения. / Отв. ред. Е.Б. Вишневская. Симферополь: ЧП «Еворстрой», 2006. С. 136–142.
25. Свод памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар. Бахчисарай / Отв. ред. Ш.С. Сейтумеров. Симферополь: ООО ФОРМА, 2016. 168 с.
26. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. – М.: Рубежи XXI, 2005. Т. 1. 541 с.
27. Смирнов В.Д. Татаро-ханские ярлыки из Коллекции Таврической ученой архивной комиссии // Известия Таврической учёной архивной комиссии. 1918. Вып. 54. С. 1–19.
28. Фарфель И.Г. Древняя еврейская синагога найденная в Феодосии / Перевод с древне-еврейского Г.Э. Айзинберга. Феодосия: Тип. Центральной станции Гидро-Метерологической службы, 1917. 143 с.
29. Bennigsen A., Lemerrier-Quelquejau C. Le khanat de Crimée au début du XVIe siècle. De la tradition mongole à la suzeraineté ottomane d'après un document inédit des Archives ottomanes // Cahiers du monde Russe et Soviétique. 1970. Vol. XIII. 3. P. 321–337.
30. Veinstein G. La population du Sud de la Crimée au début de la domination Ottomane // Mémorial Ömer Lütfi Barkan. – Bulletin de l'Institut Français d'Etudes Anatoliennes. 1980. Fis. XXVIII. P. 227–249.

31. Veinstein G. From the Italians to the Ottomanes: The Case of the Northern Black Sea Coast in the Sixteenth Century // *Mediterranean Historical Review*. 1986. Vol. 1. № 2. P. 221–237.

32. Veinstein G. Réalités et problèmes de l'implantation Ottomane au Nord de la mer Noire (XVIe siècle) // İkinci Tarih boyunca Kara deniz Kongres. Samsun. 1990. P. 584–606.

S.G. Bocharov, Sh.S. Seytumerov

BAKHCHISARAY – INTRODUCTION TO THE HISTORICAL TOPOGRAPHY OF THE CAPITAL OF THE CRIMEAN KHANATE

The article presented the reconstruction of the general plan of the capital of the Crimean Khanate – the city of Bakhchisaray, in the second half of the 18th century – the final period of the existence of this state. On the basis of the information of written sources was revealed the dynamics of development of the capital city in the XVII and XVIII centuries. There are general changes in the urban landscape, since its inception at the beginning of the XVI century until the termination of its capital status in 1783. Recreated all basic elements of the historic topography of the late medieval Bakhchisaray. Reconstructed the plan of quarterly building and a network of streets. Revealed the features of accommodation of the quarters occupied in the capital by the Greek, Armenian and Jewish population, among the main mass of the Tatar inhabitants. Localized the places of location of mosques, baths, fountains – supplying town's people with water, hotels – caravan-sarais, shopping malls, production workshops. Identified two main elements that influenced the layout of the capital it is a natural factor in the relief of the mountain gorge, where the city is located and the location of the main administrative building of the state – the khan's palace. The area occupied by urban buildings was 121.9 hectares.

Keywords: The capital of the Crimean Khanate, the cities of the Crimean Khanate, Bakhchisaray, historical topography, mosque, khan's palace.

Сведения об авторах:

Бочаров Сергей Геннадиевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии Крыма Российской академии наук (г. Симферополь); старший научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан (г. Казань); sbotcharov@mail.ru

Сейтумеров Шукри Сейтмететович – старший научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (г. Симферополь); crimeanhr@gmail.com

Bocharov Sergey – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Archaeology of Crimea Russian Academy of Sciences (Simferopol); Senior Researcher, A. Khalikov Institute of Archaeology of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan)

Seytumerov Shukri – Senior Researcher, Crimean Scientific Center of Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Simferopol)

УДК 930.85

БОЛГАРО-ХАЗАРСКИЙ ГЕНЕЗИС И ПРОБЛЕМА СРЕДНЕВОЛЖСКОГО ВАРИАНТА САЛТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ИСКУССТВЕ КАЗАНСКИХ ТАТАР

© 2017 г. Г.Ф. Валеева-Сулейманова

В статье поднимается до сих пор остающаяся в тени проблема салтовских традиций в искусстве и архитектуре казанских татар. Изучение феномена Салтовской культуры позволяет по-новому осветить основополагающие аспекты болгаро-хазарского наследия в истории и культуре татар, определить генезис этнических традиций. В статье раскрывается парадигма данного понятия и ареал бытования Салтовской культуры; выявляются общие, характерные для области архитектуры (жилая, крепостная, усадебная дворцовая) и художественных ремесел (керамика, металл, ювелирное искусство) черты. В качестве источников привлекаются сравнительные материалы по искусству и архитектуре волжских булгар; в них прослеживаются элементы Салтовской культуры, выявляется их преемственность в произведениях искусства казанских татар.

Ключевые слова: Салтовская культура, волжские булгары, хазары, казанские татары, художественные ремесла, архитектура, ювелирное искусство, керамика, художественный металл.

В освещении истории ряда народов Поволжья и Приуралья спорным является вопрос о болгарском (болгарском) наследии, получивший разную трактовку в трудах ученых. В исследованиях Волго-Уральской этнографической области, рассматривающих народы Среднего Поволжья, в том числе татар, преимущественно в системе урало-алтайских контактов, по существу не затрагивается обширный пласт наследия Салтовской культуры, крайним северо-восточным рубежом которой являлась Волжская Булгария. Между тем, в этногенезе тюркских народов Юго-Восточной и Восточной Европы (татары, чуваша, башкиры, балкарцы, кумыки, карачаевцы, ногайцы, отчасти – азербайджанцы и др.) вопрос о преемственности традиций Салтовской культуры может стать краеугольным.

В Волго-Камье в VIII в. появляются болгарские племена, часть которых (савиры-сувары, барсилы-берсула, беленджеры), согласно письменных источников (называющих их «северокавказскими гуннами») и археологических данных, формировалась на территории Хазарского каганата, в долине вдоль западного побережья Каспийского моря и северокавказских гор до г. Дербента. Это был сложившийся союз гунно-болгарских и отчасти, тюрко-алтайских (хазары) племен, включивший также местное ираноязычное население (аланы). Вместе с болгарскими племенами из Великой Болгарии хана Кубрата, в результате нескольких волн миграции на территорию Волго-Камья, они образовали волжскую группу болгар, которых в литературе принято именовать волжскими булгарами – народность, легшая в основу этногенеза казанских татар. Материальная и художественная культура волжских булгар была частью Салтовской культуры, которая простиралась по всей территории расселения болгарских племен на юго-востоке Европы. В основу этой культуры легли значительные достижения, которые были накоплены болгарскими племенами за 350 лет обитания в Приазовье и Причерноморье, на Северном Кавказе.

Изучение Салтово-Маяцкой или Салтовской археологической культуры (название ее по могильнику в Верхнем Салтово на р. Северский Донец и городищу Маяцкому в верховьях р. Дона), связанной с населением Хазарии, впервые было предпринято М.И. Артамоновым. Опираясь на письменные источники, он писал, что основу населения Хазарского каганата в VII–VIII вв. составили гунно-болгары, в частности, савиры и барсилы, вошедшие в состав этого государства, которое к VIII в. стало самым могущественным политическим образованием Восточной Европы. Поселения гунно-болгар (сувар, хазар) отмечаются по письменным источникам и в Закавказье, степной Албании (Азербайджане) (Артамонов, 1962, с.132).

Исследования М.И. Артамонова получили последовательное развитие в широко проводившихся археологических изысканиях С.А. Плетневой, отнесшей Салтовскую культуру к раннесредневе-

ковым болгаро-аланам. Как она пишет: «именно болгары, смешанные с некоторым количеством алан, и были основными создателями Салтово-Маяцкой культуры» (Плетнева, 1967, с. 38). Территория распространения этой культуры простиралась от Приазовья и Восточной Таврики (Крым), Северного Кавказа до верховьев Дона и Северского Донца, от Волги и до Днепра, включала Подунавье (Северо-Восточную Дунайскую Болгарию). Среднее Поволжье явилось крайним северо-восточным рубежом распространения Салтовской культуры. Хотя население регионов было единым по этнической принадлежности, однако по всей громадной территории расселения болгар в этой культуре, в зависимости от ряда природных, исторических, экономических факторов, традиций местной среды, было выделено семь вариантов: дагестанский, приазовский, крымский, дунайский, нижнедонской, верхнедонской и средневожский (Плетнева, 1967).

По исследованиям ученого Ф.Х.Валева, впервые поставившего проблему «средневожского» варианта Салтовской культуры в развитии искусства и архитектуры татар, ее носителями были вожские булгары, и наследниками явились казанские татары (Валеев, 2002, с.6). Изучение традиций декоративного искусства, художественных ремесел позволило ему сделать вывод о том, что «средневожский вариант» Салтовской культуры раскрывает характерные особенности синтеза древней степной культуры болгар и земледельческой культуры алан, эллинизированных традиций искусства приазовско-причерноморских городов-колоний и культуры Закавказья и Ирана (Плетнева, 1967, с. 21).

Начало болгарской эпохи в Волго-Камье, времени становления болгарской цивилизации с ее традициями Салтовской культуры, приходится на вторую половину VII в. Оно связано с событиями распада Приазовской Великой Болгарии и первой волной миграций болгарского населения на территорию Самарско-Ульяновского Поволжья. В первой половине VIII в., как следствие арабско-хазарских войн и покорения «страны гуннов» (722/723), происходит вторая волна миграций болгарских племен из регионов Северного Кавказа, вверх по Волге, на территорию будущей Вожской Болгарии. Эти племена – сувары и берсула (с прикаспийского региона), «черные болгары» (с берегов степного течения рек Терека и Кубани), и, после похода арабов в 737 г., и захвата их столицы – г.Варачана (Беленджер, Ванандер), берсула, известные по письменным источникам под именем албаранджар (выходцы из Баранджара). Об этом свидетельствуют, помимо письменных, материалы археологических раскопок Большетарханского, Кайбельского, Уреньского и других могильников в Татарстане, Самарской и Ульяновской областях (Валеев, 2002, с.20; Багаутдинов, 2006).

Во второй половине IX в. проходит третья волна миграции болгар с территории Хазарского каганата, связанная с их противостоянием принятию иудейства правителями этого государства [Багаутдинов, 2006, с. 121]. К данному времени, отнесены Танкеевский, Тетюшский, Старомайнский, Кокрятский могильники, захоронения на Самарской Луке. В начале X в. четвертая волна миграции верхнедонских салтовцев, по археологическим исследованиям, усилила проявления этой культуры у вожских булгар (Валеев, 2002, с.21).

Со второй половины IX в. вожские булгары осваивают низовья левобережья и частично правобережья р. Камы, где у них появляются селища и городища с глиноплетневыми, глинокаркасными, саманными и срубными жилищами. К концу IX – началу X вв. на базе городищ возникли замки с прилегающими поселениями (Булгарское, Билярское, Суварское и др.), к X в. сложились такие крупные города, как Булгар, Сувар, Биляр, Ошель, Джуке Тау и другие, номинально подчинявшиеся в это время хазарскому кагану.

В искусстве и архитектуре салтовцев, в том числе вожских булгар, наблюдается множество сходных черт. Наиболее близкими являются средневожский, верхнедонской, и дагестанский варианты Салтовской культуры. Об этом свидетельствуют археологические материалы из раскопок могильников и городищ, раскрывающие общность в строительных технологиях, видах и специфике ремесленных производств, архитектурных форм, элементов украшений, бытовых изделий, орнамента.

Значительную роль в формировании характерных черт Салтовской культуры у вожских булгар сыграли сувары и берсула – выходцы с прикаспийского Дагестана. В середине VI в. савиры появляются и в соседней Албании (Азербайджан) и поселяются в районе г.Кабалы (Артамонов, 1962, с. 132). Ранний переход на оседлость, развитие ремесел, торговли, возникновение городов, таких как Чунгарс, Тарки, Хамзин, Семендер и др., выросших на базе феодальных замков, определило

проявления высокого уровня их культуры. Через их земли проходили основные караванные пути, связывавшие Юго-Восточную Европу с Закавказьем, Ираном, Средней Азией. Как пишет М.И. Артамонов, «создатели Салтовской культуры не были кочевниками», они прошли длительный путь от кочевий-становищ до поселений-селищ и экономически развитых городов (Артамонов, 1962, с.357). Повсюду, где развивалась эта культура, будь то Северный Кавказ или Прикаспий, верховья Дона или Северского Донца, территории вдоль Волги или Днепра, Крым, археологи выявляют остатки различных типов жилых построек, белокаменных сооружений, свидетельства развитых ремесленных производств, раскрывающие этнокультурную общность создавшего их населения. К тому же, традиции Салтовской культуры частично продолжали сохраняться в культуре некоторых из географических ареалов и в более поздние эпохи, например в золотоордынскую эпоху и в эпоху татарских ханств.

Надо отметить, что «средневожжский вариант» Салтовской культуры имел свои отличия, обусловленные включением в этнос вожжских булгар во второй половине IX в. тюрко-угорских (прикамско-приуральских) племен. Их культура связывается археологами с Большетиганским могильником, принадлежавшим ранним венграм (Халикова, 1976). О слиянии болгарских и тюрко-угорских племен свидетельствует Танкеевский могильник, артефакты которого раскрывают преобладающее влияние Салтовской культуры болгар, занявшей доминирующее положение в культуре Волго-Камья (Казаков, 1971, с. 154).

В строительстве и архитектуре салтовцев, в том числе вожжских булгар, общность в традициях Салтовской культуры проявляется в устройстве каменных, глиноплетневых (турлучных), глиносаманных и срубных построек с плоскими, двускатными и шатровыми покрытиями, в конструктивных и строительных принципах возведения белокаменных сооружений, в отдельных архитектурных формах и планировочных схемах. Что касается художественных ремесел, то сходство и общность салтовских традиций находят проявление, как в формах изделий, так и в технологии их изготовления. В гончарном искусстве это сосуды с характерными приземистыми формами, лощением, с ручками и сливными носиками в виде фигурок животных. В художественном металле об этом свидетельствуют образцы поясных и нагрудных украшений. В ювелирном искусстве – серьги салтовского типа, височные подвески, в том числе с фигурками уточки, наконечники типа татарских тезме и чулп; техника скани, зерни, инкрустация самоцветами. Параллели выявляются в мотивах и композициях орнамента, их семантике (кресала с образами бога грома и молний Куара и бога неба Тенгри) и других.

Приведем некоторые, наиболее яркие, примеры, свидетельствующие о проявлениях салтовских традиций в культуре вожжских булгар и преемственно от них в культуре казанских татар. В архитектуре это особенности камнетесного дела и высокое искусство в возведении белокаменных сооружений, в частности, оборонного назначения. Самое раннее на территории Волго-Камья белокаменное сооружение, сохранившееся в виде башни так называемого Чертова городища, вблизи г. Елабуги в Татарстане, представляет часть мощной цитадели-замка, размерами 20 на 20 метров и высотой угловых башен в 10 метров. Система кладки стен, толщиной в 1,8 метра, состояла из двух рядов параллельных блоков с забутовкой щебнем пространства между ними. Она имеет античное происхождение и была усвоена народами Кавказа, Приазовья и Причерноморья. Кладка стен башни осуществлена без перевязки с кладкой основных стен, которые были возведены впритык к башне, что отражает византийско-закавказскую традицию. По планировочным и строительно-конструктивным особенностям елабужская цитадель имеет много общего с подобными постройками верхнедонских салтовцев, и она была отнесена к одной группе памятников конца IX – начала X вв. Судя по сходству в археологических материалах с салтовскими постройками, возможно, что в ее строительстве принимали участие выходцы с верховьев Дона или Северского Донца (Валеев, 2002, с. 37). Фортификационные и архитектурно-строительные особенности данного сооружения нашли дальнейшее развитие в белокаменных сооружениях Волжской Булгарии и Казанского ханства.

Срубные, глиноплетневые и каркасно-глинобитные жилища вожжских булгар восходят к традициям их строительства в местах прежнего обитания в богатых лесом предгорных и равнинных районах Северного Кавказа (современный Северный Дагестан, Чечено-Ингушетия, Карачаево-Черкессия). Так же, как и в жилищах салтовцев Приазовья и Крыма покрытия их были односкатными, двускатными и шатровыми. Примечательно, что двухэтажные дома вожжских булгар

(суварский, биярский), характерные для населения юга Восточной Европы (Северный Кавказ, Закавказье, Крым), в том числе и с галереями на втором этаже, получили распространение у казанских татар в двухэтажных деревянных домах с галереями – айванами в аулах Заказанья, а также в каменных постройках Старотатарской слободы Казани.

Салтовские традиции в художественной керамике наиболее ярко раскрываются в гончарных сосудах, оформленных ручками и сливными носиками в виде стилизованных лепных фигурок животных (барана с закрученными рогами, коня, медведя, тура, лося), распространенных в искусстве волжских булгар особенно X–XII вв. (Валеев, 2002, рис. 53, 54). Археологи (Е.П.Казаков, Т.А.Хлебникова) связывают это явление с включением в X в. в состав волжских булгар верхнедонских салтовцев (Казаков, 1971; Хлебникова, 1984). Часто зооморфные изображения по традиции заменялись условно имитирующими их выпуклостями на ручках сосудов, что было характерным явлением для салтовской керамики.

Рисунки клейм – знаков мастеров на днищах болгарских гончарных сосудов также находят аналоги в верхнесалтовских предметах (кирпичи, керамика, костяные поделки) из Саркела, Северо-Восточной Болгарии (А и Н-образные тамги, изображения длиннорогих козлов и др.) (Валеев, 2002, рис.27). А-образная тамга в орнаментальной трактовке встречается в украшении болгарских браслетов и в надгробиях казанских татар первой половины XVI в., в украшении кожаного колчана из раскопок Казанского Кремля ханского времени (Валеева-Сулейманова, 2014, с.637, рис. цв. вклейки] и др.

Среди изделий художественного металла общность в традициях салтовской культуры проявляется в стилистике форм и мотивов декора (соляные, «древа жизни», лотосные, пальметты, стилизованные львиные личины, конские головы, мотивы змеи и др.) наборных поясов и украшений одежды в виде бронзовых, медных и серебряных блях, накладок, различных подвесок. Образы птиц и змей, распространенные в мотивах салтовского, в том числе болгарского, орнамента, олицетворяя стихию неба и земли, были популярными и в искусстве казанских татар (резьба по дереву, вышивка).

В женском костюме надо обратить внимание на комплексы нагрудных подвесных блях, подвесок, миниатюрных кинжалов, ножей, стилизованных фигурок животных и птиц вместе с бронзовыми флаконами, подвешивавшимися к круглому медальону или к луннице. О том, как носились эти обереги можно судить по этнографическому костюму туркменок (сарыки, йомуты), нашивавших их вокруг грудного разреза рубахи, и нагрудному украшению казанских татарок – изю. Ношение миниатюрных кинжалов сохранилось и в казанско-татарском украшении хасите (нагрудная перевязь).

Аналогичными верхнесалтовским накосякам были накосяки волжских булгарок, составленные из колесообразных подвесок и коромысликов (Валеев, 2002, рис.19). К последним на цепочках крепились бронзовые кольца, украшенные соколиными головками по сторонам света. Такие накосяки, судя по позднему времени, носившиеся казанскими татарками, заплетались в нижней части двух кос, соединяя одновременно оба конца. Что касается формы женских накосяков в двух их разновидностях: типа «чулпа» и типа «тэзме», бытовавших у казанских татарок, то Ф.Х. Валеев проследил их преемственную эволюцию на археологических и этнографических материалах VIII – конца XIX в., представив их эволюцию в проиллюстрированной им схеме. Она наглядно раскрывает салтовские прототипы данных украшений (Валеев, 2002, рис.21). О том же свидетельствуют и, получившие распространение в ювелирном искусстве волжских булгар, женские серьги общепринятого в литературе названия их, как салтовского типа, характерные для всей территории распространения этой культуры. Процесс видоизменения и обогащения формы серег шел от простейших, характерных для гунно-болгар, до форм дополненных различными обогащающими их деталями в виде подвесок – бусинок и боченкообразных пронизей в серьгах салтовского типа и завершился, классическими формами казанско-татарских серег с грушевидной формой щитка и листовидными подвесками. Боченкообразные пронизи на кольца, система украшения мельчайшей зернью в форме треугольников в ряд – явления типичные в целом для болгарского ювелирного искусства.

Важнейшим источником в выявлении истоков и преемственности Салтовской культуры болгар являются произведения ювелирного искусства. Особенно это относится к своеобразиям в технологии производства и к таким способам декора украшений, как скань и зернь (Валеева-

Сулейманова, 2014). Об этом свидетельствуют традиционность навыков производства, сохраняющийся один и тот же набор инструментариев (начиная с эпохи раннего средневековья) и техника орнаментации, существующая почти без изменений на протяжении многих столетий. Например, плоская скань и зернь являются характерными для ювелирного искусства татар и известны по археологическим данным в Поволжье, начиная с раннебулгарского времени (VIII–X вв.). По известному высказыванию Б.А.Рыбакова, «волжские булгары создали в средневековой Европе своеобразную культуру скани и зерни» (Рыбаков, 1948, с. 355). Примером общих истоков в Салтовской культуре в технологии зерни может служить височное украшение в виде пирамидки с углом направленным вниз, целиком составленное из горошин зерни. Оно было найдено на территории Дагестана (в 1890-х гг.) и хранится в коллекции Государственного Исторического музея в Москве.

К шедеврам мирового искусства отнесены булгарские филигранные серебряные, золотые и электрумные височные подвески, отдельные высокохудожественные образцы которых, датируемые X–XII вв., украшены сканой фигуркой уточки. Форма подвесок, филигранный декор и его исполнение являются оригинальными и встречаются только в искусстве волжских булгар. Примечательно, что серебряные кольца с фигуркой птицы бытовали среди традиционных украшений дагестанских ювелиров, по времени относящихся к этнографическим. Синхронные по времени булгарским, однако весьма отдаленные по технике исполнения, аналоги известны в искусстве Ирана X–XI вв. (Украшения Востока, 1999, с. 122, 123).

Преимственность в технике орнаментации позволила проследить истоки и эволюцию филигранных изделий волжских булгар. Наиболее близкие по времени аналоги обнаруживаются в ювелирных украшениях, декорированных зернью, из «гуннских» погребений VI–VII вв., найденных в Крыму (Дмитриев, 1982, с.80). Технология скани и зерни получила яркое выражение в произведениях ювелирного искусства греческих городов-колоний Северного Причерноморья, управлявшихся приазовскими болгарами в составе Великой Болгарии, затем Хазарского каганата. Ряд близких аналогий прослеживается в украшениях из Серогозских курганов на Днепропровщине, из аланосарматских катакомбных могил. Филигранные изделия, подобные булгарским, были найдены на Тамани, в Херсонесе, курганах Пантикапея, Ольвии, Феодосии и в других погребениях в Крыму (Ефимова, 1960), что соответствует ареалу распространения Салтовской культуры.

Важным источником в аспекте заявленной проблематики является комплекс и составные части мужского и женского костюмов. Как свидетельствуют археологические материалы, женские головные уборы салтовцев украшались металлическими бляшками или серебряными монетами и куполком с трубочкой для пера. На голове также носили шелковые платки, орнаментированные серебряными бляшками (Халикова, 1971, с.82). Поверх платка надевался конусообразный головной убор – такья. Такой способ ношения платка с головным убором сохранялся у казанских татарок вплоть до конца XVIII в. О мужских парадных головных уборах можно судить по изображению болгарского всадника на ободке салтовского серебряного ковша из Подонья, хранящегося в коллекции Эрмитажа (Даркевич, 1976, табл.54, рис.6). На нем также переданы изображения девушки и юноши в схожей верхней одежде с длинными полами и рукавами.

Писатель X в. ал-Балхи пишет о длинной верхней одежде болгар и хазар и ношении ими «курток». Эти куртки, скорее всего, были разновидностью татарского камзола с рукавами до локтя. Кафтано́м их называет В.П.Даркевич, когда пишет, что с VII в., как влияние болгар, в Иране появляются кафтаны («куртки» по ал-Балхи) с двумя отворотами, двумя поясами (один наборный), с наклонным креплением меча, а также седло с твердым остовом, стремена, мягкие сапожки, головная повязка (о ней упоминалось выше) (Даркевич, 1976).

Куртки, кафтаны, являющиеся прототипом женских и мужских камзолов казанских татар, дают основание говорить о том, что этот вид одежды, как и длиннополый казакин с рукавами, своими истоками уходят в Салтовскую культуру. Булгарские камзолы получают распространение не только в Иране, но и в Закавказье, где с середины VI в., как упоминалось выше, были расселены болгарские племена. Например, «архалык» азербайджанок соответствует по форме камзолам казанских татарок (Каракашлы, 1964, с.154).

Значимые в общности и преимущественности салтовских традиций культурно-исторические параллели выявляются также в верованиях, мифологии и родовых символах болгар, следы которых обнаруживаются в фольклоре, традиционных обрядах казанских татар. В частности, речь идет об

образе Шурале, празднике Сабантуй, о семантике образа аждахи, казанского «Зиланта», других сюжетах болгарского искусства, которые впервые были освещены Ф.Х.Валеевым и получили дальнейшее изучение в трудах фольклористов, историков (М.И.Ахметзянов, М.Х.Бакиров, Н.Г. Ханзафаров, Д.Р.Шарафутдинов и др.).

В этноэстетике татарского народа, традициях его художественной культуры, архитектуре, декоративно-прикладном искусстве, орнаменте, технологических приемах обработки материалов выявляется глубокая связь с наследием прошлого, которое уходит своими корнями в древнетюркский период, периоды Волжской Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства. Об этих связях наглядно свидетельствуют этнографические материалы и материалы по народному искусству татар XVIII – начала XX вв. Изучение их позволяет сделать вывод о том, что среди тюркских народов Волго-Уральского региона только у казанских татар существовали высокоразвитые формы ремесленного производства (керамическое, ювелирное, металлообработка, резьба по камню, золотошвейное дело и др.), монументально-декоративное искусство и архитектура, которые получили развитие с эпохи средневековья. Именно в этих областях искусства казанских татар, выявляется преемственность салтовских традиций, которые отличают их художественную культуру от соседних родственных народов, но раскрывают общность с культурой народов северокавказского и прикаспийского регионов. Изучение генезиса Салтовской культуры позволяет по-новому осветить средневековую историю восточноевропейских тюрков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артамонов М.И. История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа. 1962. 533 с.
2. Багаутдинов Р., Хузин Ф. Ранние булгары на Волге // История татар. Т.2. Ч.2, гл. 2. Казань: Ин-т истории АН РТ, Изд-во «Рух ИЛ». 2006. С.116–123
3. Валеев Ф.Х., Валеева-Сулейманова Г.Ф. Древнее искусство Татарстана. 2-е изд. Казань: Татар. кн. изд-во. 2002. 104 с.
4. Валеева-Сулейманова Г.Ф. Искусство татарских ханств // История татар. Т.4. Раздел 3, гл. 6. Казань: Ин-т истории АН РТ, Изд-во «Рух ИЛ», 2014. С.627–639.
5. Валеева-Сулейманова Г.Ф. Памятники ювелирного искусства как источник в изучение этнокультурных процессов // Бюллетень общества востоковедов России: Институт Востоковедения РАН, М., 2014. Вып. 21. С. 56–63
6. Даркевич В.П. Художественный металл Востока. М., 1976.
7. Дмитриев А.В. Раннесредневековые фибулы из могильника на р.Дюрсо // Древности эпохи Великого переселения народов 5–8 вв. М., 1982.
8. Ефимова А. Бутаевский клад ювелирных изделий волжских булгар // Советская археология, 1960.
9. Казаков Е.П. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань: ИЯЛИ им.Г.Ибрагимова, 1971.
10. Каракашлы К.Т. Материальная культура азербайджанцев. Баку, 1964.
11. Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М., 1967.
12. Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М., 1948.
13. Украшения Востока (из коллекции П.К. Берч, США). Париж, 1999.
14. Халикова Е.А. Погребальный обряд Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971.
15. Халикова Е.А. Большетиганский могильник // Советская археология, 1976. № 2.
16. Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Булгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М., 1984.

*G.F. Valeeva-Suleymanova***BULGAR-KHAZAR'S GENEZIS AND THE PROBLEM OF MIDDLE VOLGA VARIETY
OF SALTOVO'S CULTURE IN THE ART OF KAZAN TATARS**

Article deals with the problem of Saltovo's Culture traditions in the Arts and Architecture of Kazan Tatars, which is, by the opinion of author, is still in shadow of historical researches. The study of the phenomena opens new fundamental aspects of Bolgaro-Khazar legacy in the history, culture of Tatars, follows the genesis of Ethnical traditions. Paradigm of the term and the area of Saltovo's Culture expansion are exposed by the huge territory of the Eastern Europe; common features for the spheres of Architecture (civil, fortress, manor palace) and Artistic handicrafts (ceramics, metalwork and jewelry) were determined. For comparative study the several objects of art and architecture were attracted as the historical sources; the elements of Saltovo's Culture traced and shown as their successiveness in the artifacts of Kazan Tatars.

Keywords: Saltovo's Culture, Volga Bulgarians, Khazars, Kazan Tatars, Artistic handicrafts, Architecture, Jewelry, Ceramics, Metalwork.

Сведения об авторе:

Валеева-Сулейманова Гузель Фуадовна – доктор искусствоведения, главный научный сотрудник Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан (г. Казань); valeeva_art@mail.ru

Valeeva-Suleymanova Guzel – Doctor of Arts, Head Research Associate, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan)

УДК 94

ПОСОЛЬСТВА КНЯЗЯ М.А. ЩЕРБАТОВА В КРЫМ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ РУССКО-КРЫМСКОГО ДОГОВОРА 1594 ГОДА

© 2017 г. А.В. Виноградов

Статья посвящена поворотному моменту в русско-крымских отношениях последней четверти XVI века – заключению русско-крымского договора 1594 года, единственного из договорных актов Крымского юрта и Русского государства, заключенного в XVI веке, и соблюдаемого сторонами на протяжении длительного периода.

Ключевые слова: русско-крымские отношения, Крымское ханство, посольский приказ, Гирей.

Выступление русского посольства князя М.А.Щербатова в Крым по завершению посольского съезда и размена под Ливнами

Осенью 1593 года в русско-крымских отношениях наступил новый период. Обе стороны пошли к необходимости прекратить затянувшейся период военно-дипломатической конфронтации, продолжавшейся на протяжении 70-х, 80-х и начала 90-х годов XVI века. После длительных русско-крымских переговоров 1591–1593 гг. был осуществлен посольский съезд и размен под Ливнами на реке Сосне, во время которого было заключено предварительное мирное соглашение¹. Переговоры на реке Сосне должны были быть первым этапом заключения русско-крымского «докончания». Составленный в Москве текст договора – русский и крымский противни везло в Крым русское посольство. После его утверждения ханом Гази-Гиреем II – принесением им шерти на крымском противне текста договора он должен был быть возвращен в Москву с этим отпущенным посольством. Русский противень договора должно было привести в Москву крымское посольство, где предполагалось его утверждение – «крестоцелование» царем Федором Ивановичем. Затем уже новое русское посольство должно было вести крымский противень текста договора в Крым для повторного принесения шерти ханом². Сложный механизм заключения русско-крымских договорных актов ни разу не завершался успехом на протяжении XVI столетия, начиная с эпохи Менгли-Гирея I. В январе 1564 года хан Девлет-Гирей I шертовал на крымском противне текста договора привезенным посольством А.Ф.Нагого, но только после внесенных в него изменений. Русский противень с аналогичными изменениями был утвержден «крестоцелованием» Ивана IV в марте 1564 года. Однако в дальнейшем крымская сторона внесла в текст договора новые изменения, фактически лишаящие его конкретного значения, и в конечном итоге русские послы отказались его признать при повторном принесении шерти ханом в июле 1566 года (Виноградов, 2016, с. 34–39). Следующий проект русского-договора, привезенный в Крым в 1578 году посольством князя В.В.Масальского, вообще не был принят к рассмотрению ханом Мухаммед-Гиреем II. С 1589 года хан Гази-Гирей II и фактический правитель Русского государства Борис Федорович Годунов начали рассматривать вопрос о возможности заключения нового договора. Взаимный дипломатический зондаж относительно возможности заключения русско-крымского «докончания» возобновился осенью 1591 года после провала крымского похода на Москву. Однако взаимное недоверие сторон, усугублявшееся непрочностью положения на престоле хана Гази-Гирея II, наличием проблемы нахождения на территории Русского государства вдовы претендентов на крымский престол Сеадет-Гирея и Мурад-Гирея «царицы» Ертуган с частью приверженцев покойных «царевичей» и, главное, позицией Порты делало проблему заключения договора между Москвой и Крымом труднореализуемой по «прежним обычаям».

Именно поэтому в ходе сложных дипломатических переговоров сторон в 1591–1593 годах было решено прибегнуть к заключению предварительного соглашения «разменными послами» в ходе посольского съезда. Это соглашение составленное в Москве было утверждено принесением шерти

¹ О ходе посольского съезда см: (Виноградов, 2015).

² О шертных соглашениях на постордынском геополитическом пространстве см.: (Зайцев, 2008); (Моисеев, 2014).

9 ноября 1593 года «разменным послом» хана Гази-Гирея II, Ахмед-пашой «Сулешевым»-Яшлавским, представителем калги Фетх-Гирея Казы Байрамом и эмиссарами кланов крымской знати. 10 ноября произошел посольский размен. Через Сосну переправилось крымское посольство «князя Ишмамета Ширинского», 12 ноября двинувшись в Ливны и далее в Москву.

Исполнение этого посольства остававшегося на территории Русского государства до лета 1595 года сложилось не менее драматично, чем отправившегося в Крым русского посольства, но это тема отдельного исследования.

В противоположную сторону через Сосну переправилось направлявшееся в Крым русское посольство князя Меркурия Александровича Щербатова и дьяка Афанасия Демьянова. Уже первые дни его пребывания в крымском лагере на реке Сосны показали сложность стоящей перед послами задачи.

Принесение шерти Ахмед-пашой «Сулешевым»-Яшлавским и представителями кланов крымской знати 9 ноября 1593 года еще не обеспечивало заключение русско-крымского «докончания». Сама по себе шерть принесенная перед русскими разменными послами имела характер присяги прежде всего представителя клана «Сулешевых»-Яшлавских и могла быть оспорена в ходе пребывания русского посольства в Крыму ханом, калгой и главами других влиятельных крымских кланов. К тому же переговоры на реке Сосне оставили ряд нерешенных вопросов. К ним относились согласие Москвы на требование крымской стороны присылке «поминок» в сумме десяти тысяч рублей при каждом посольском размене, по существу уже на стадии ратификации царем Федором Ивановичем русско-крымского «докончания» в случае принесения шерти ханом в Крым. Это требование русскими разменными послами было отвергнуто. Московские эмиссары – «разменные послы» князь Федор Иванович Хворостинин и Богдан Яковлевич Бельский во время посольского съезда также огласили половинное снижение суммы «запросных денег», открыто истребованных крымской стороной.

Еще более запутанная и сложная ситуация складывалась в плане реализации неофициальных договоренностей между Борисом Федоровичем Годуновым и эмиссаром хана Ямгурчеем аталыком относительно поддержки Москвой Гази-Гирея II в случае его смещения с престола султаном. Их выполнение зависело от развития событий в Крыму. Хотя главное условие проведения посольского съезда – возвращение в Крым вдовы Сеадет-Гирея и Мурад-Гирея «царицы» Ертуган русской стороной было выполнено, значительная часть лиц из окружения покойных Гиреев не пожелало возвращаться в Крым. Все это усугублялось проявившийся во время посольского съезда конфликтной ситуацией в среде участвовавших в переговорах представителей кланов крымской знати, как с разменным послом Ахмед-пашой «Сулешевым»-Яшлавским, так и с возвращавшимся из Москвы эмиссаром хана Ямгурчеем аталыком. Однако все это при всей сложности переговоров на реке Сосне во время посольского съезда не проясняло перед русским посольством в Крым главного: насколько прочно стремление хана Гази-Гирея II к заключению «докончания» с Москвой и какова позиция Порты по этому вопросу.

С одной стороны казалось, что в условиях разгорающегося военного конфликта Порты с австрийскими Габсбургами в Стамбуле заинтересованы в скорейшем выступлении хана Гази-Гирея II на театр военных действий. В таком случае было возможно принесение шерти ханом в кратчайший период. При этом в Стамбуле могли обусловить «одобрение» принесения шерти ханом предъявлением им требований к московским послам «обуздать» нападения донских казаков на османские владения и снести возводимые крепости на Кавказе («города на Тереке»). Во время посольского съезда эти требования Порты уже были «озвучены» Ахмед-пашой «Сулешевым»-Яшлавским (Виноградов, 2015, с.74).

С другой стороны поступающая по разным каналам донесения посланника в Крым С.В.Безобразова, в Турции Г. Нащокина и, главное, сведения, сообщаемые самим ханским эмиссаром Ямгурчеем аталыком, свидетельствовали о возможности смещения Гази-Гирея II с престола Портой. В этом случае сама возможность заключения «докончания» становилась проблематичной, а в условиях начала, или точнее возобновления борьбы за бахчисарайский престол между различными представителями династии Гиреев, в случае смещения с него хана Гази-Гирея II, вообще теряла смысл. Поэтому перед русским посольством отправляемым в Крым стояло сразу несколько задач в контексте возможных изменений в военно-политической ситуации и в Крыму и в целом в Восточной и в Центральной Европе.

Итак, 14 ноября 1593 года после завершения посольского съезда и размена под Ливнами в Крым с берегов реки Сосны двинулось посольство князя Меркурия Александровича Щербатова и дьяка

Афанасия Демьянова. Это было первое русское посольство в Крым отправленное в царствование Федора Ивановича. Одиннадцать лет прошло с отправления в Крым летом 1584 года после съезда и размена на реке Сейм под Путивлем посольства князя Михаила Федоровича Барятинского. Судьба этого посольства погромленного «черкасами» и погибшего практически в полном составе явно довела над М.А.Щербатовым и А.Демьяновым. Посольство везло с собой огромные «материальные ценности» – «поминки» хану и Гиреям, «жалование знати», «запросные деньги», предназначавшиеся лично Гази-Гирею II. Посольство сопровождали участвовавшие в съезде под Ливнами представители крымской знати во главе с официальным «разменным послом» Ахмед-пашой «Сулешевым»-Яшлавским. Вместе с послами двигались отпущенные из Москвы крымские гонцы во главе с Аллабердеем-мурзой «Сулешевым» и эмиссаром хана Ямгурчеем аталыком. Он сопровождал отпущенную в Крым «царицу» Ертуган и лиц из состава «двора» ее покойного супруга Мурад-Гирея.

Огромный посольский караван двигался на юг под угрозой нападения «черкасов», а движение его сопровождалось ожесточенными распрями между представителями различных кланов крымской знати, начавшимися еще в крымском лагере на берегах Сосны.

Сами русские послы прекрасно должны были понимать и тяжесть своей миссии и опасность своего положения. Князь М.А.Щербатов должен был двинуться в Крым в качестве посла еще весной 1591 года. За срывом посольского размена последовало крымское нападение летом 1591 года. В феврале 1592 года назначение князя М.А.Щербатова было подтверждено во время приема царем Федором Ивановичем крымских гонцов во главе с Ибрагимом Азии и эмиссара хана Ямгурчей аталыка (Виноградов, 2014, с.29). Посольство было переформировано, но стало готовиться к отправке только летом 1593 года. За это время князь Меркурий Александрович, скромный дворянин московский, простой «статист русской истории» превратился в достаточно квалифицированного дипломата: он был не только в курсе всех обстоятельств сложной дипломатической игры между Москвой и Бахчисараем, но и сам принимал непосредственное участие в решении всех вопросов на многочисленных совещаниях русских «разменных послов» князя Федора Ивановича Хворостинина и Богдана Яковлевича Бельского с участием отпущенного из Крыма посланника Семена Владимировича Безобразова. Двое последних были опытными дипломатами, посвященными во многие тайны русско-крымских «ссылок».

Послы везли с собой «тайные грамоты» – послания царя Федора Ивановича и Бориса Федоровича Годунова к хану Гази-Гирею II. Ханский эмиссар Ямгурчей аталык, который должен был доставить эти послания, принять их в Москве отказался, небезосновательно ссылаясь на то, что не может гарантировать их сохранность на пути в Крым. Содержание посланий не было внесено в посольскую книгу, но оно вероятнее всего в достаточно полном объеме было изложено в «тайном наказе», врученным послам в Посольском приказе. Таким образом, наряду с официальной задачей – заключением русско-крымского «докончания», послам предписывалось исполнять и «тайное дело» в случае смещения Портой хана Гази-Гирея II с престола.

Задачи посольства князя М.А.Щербатова. Русский проект «докончания» с Крымом

«Наказная память» посольству Щербатова подготавливалась в период подготовки к посольскому съезду под Ливнами. Инструкции представляли собой две части: «открытую» и «тайную». Неопределенная ситуация связанная с возможностью смещения хана Гази-Гирея II с престола Портой и вообще сложное внутривосточное и внешнеполитическое положение «Крымского юрта» отразившиеся в ходе официальных и неофициальных русско-крымских «ссылках» с конца 1591 года привели к тому, что в «тайной части» «наказной памяти» посольству князя М.М.Щербатова в наиболее четкой форме были изложены задачи на случай любого поворота событий. Они были изложены в объемном «тайном наказе» (РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 20, лл. 407–416). Так Щербатову были даны инструкции на случай если «похочет крымскому юрту салтан царя переменить». Если Гази-Гирей вынужден будет покинуть полуостров и отойти со своими сторонниками за Перекоп русскому послу при встрече с ним надлежало сообщить о готовности Москвы оказать ему вооруженную поддержку. Хану следовало расположиться на Донце и ожидать прибытия московской рати «с вогненным боем» (Там же, л. 409 об.). В данном случае предполагалось, что хан может создать в южной части западного Дешт-и Кипчака «альтернативное государственное образование». Далее уточнялось, что возможно «похочет царь стояти на Донце или на Дону меж государевых городов» (Там же, л. 411 об.). В случае, если «Казы-Гирей царь из Крыму вышев» станет «кочевать

на поле» и «промышляти государевым вспоможением над Крымом», т.е. осуществит, как его племянники летом 1584 года, вторжение на полуостров, ему предписывалось предложить воспользоваться московской ратью «с вогненным боем» для взятия крепостей «у турского» (Там же, л. 110).

В случае если угроза смещения Гази-Гирея с престола обозначится в ходе пребывания посольства в Бахчисарае, Щербатову следовало также предложить военную помощь со стороны Москвы. При этом прямо указывалось, что в ходе переговоров Ямгурчя аталыка уже рассматривался вопрос об отходе хана их Крыма к Днепру где он предполагал создать укрепленный пункт «на Кошкином перевозе» (Там же, л. 409). Щербатову следовало заверить хана что Москва расположена «стояти против турского за него» (Там же). При любом случае развития событий хану предлагалось послать «ко государю наскоро своего верного человека» для ведения переговоров о борьбе против «турского» (Там же, л. 410 об). Москва определяла и контуры предполагаемого перехода «под свою руку» крымского «царя». В Москву хан должен прислать своего старшего сына «царевича» Тохтмыш-Гирея и представителей от оставшихся ему верными «больших родов». Мало того, учитывался и вариант, при котором Гази-Гирей «похочет» лично прибыть в Москву, где он будет встречен «с великою честью» (Там же, л. 411). Намекалось и на возможность крупноформатной войны против «турского»: «и государь царь и великий князь договорясь с Кази Гиреем царем рать свою многую с ним пошлет и над Крымом и над Азовом и над Кафою промышлять велит» (Там же, л. 411 об.).

Рассматривались и другие комбинации. В случае необходимости хан мог бы отпустить «в Астрахань» внучатого племянника Девлет-Гирея сына Сеадет-Гирея и Ертуган (Там же, л. 415). При этом в курсе предложения явно была и мать «царевича». Если это окажется невозможным (т.к. было известно что Девлет-Гирей находится «под плотной опекой» Арслана «Дивеева»), можно было предложить вызвать в Астрахань с Кавказа его сводного брата Мухаммед-Гирея, который «ныне в черкасах в юрте Канбулатова» (Там же). Борис Федорович, таким образом рассчитывал «реанимировать» свой любимый «астраханский проект».

Показательным был уровень секретности. Переговоры о «тайном деле» предполагалось вести через Ямгурчя аталыка. Подчеркивалось, что «у боярина и воеводы князя Федора Ивановича Хворостинина и оружничего и воеводы Богдана Яковлевича Бельского и у дьяка Дорофея Блохина о тех делах в наказе не написано» так как ответственному за посольский съезд Ахмед-паше говорить им о «тайном» деле было «не велено». Также предписывалось во время следования в Крым не говорить о «тайном деле» Ахмед-паше в случае его «расспросов» (Там же, л.414). «Тайные грамоты» хану надлежало вручить через Ямгурчя аталыка.

Вместе с тем учитывался и иной вариант развития событий: смещение или убийство Гази-Гирея II по приказу «турского». В таком случае следовало действовать «по старине»: вручить «поминки» «новому царю» и заново начать переговоры о «добром деле» (Там же, лл. 395–395 об.). Эти инструкции, впрочем содержались уже в «официальной» наказной памяти.

Этот объемный документ (Там же, лл. 349–407 об.) содержал подробные инструкции так по порядку следования в Крым, так и детально расписывал проведение переговоров с «царевыми ближними людьми» и порядок приведения «царя» к шерти.

Содержательным было и изложение «внешнеполитических приоритетов» на «официальных» переговорах с «ближними царевыми людьми». Это касалось и детального рассмотрения претензий Порты относительно действий донских казаков и усиления позиций Москвы на Кавказе, во многом опиравшееся на результаты посольства в Стамбул Г.Нащокина (Там же, лл. 385- 387 об.). Давалась сдержанная и без подробностей информация о состоянии «ссылок» Москвы с Сефевидами (Там же, лл. 389–391). Констатировалось наличие перемирия с Речью Посполитой. Вместе с тем Москва декларировала отказ Москвы от посылки «жалования» запорожским «черкасам» (Там же, л. 402 об.).

«Официальная» наказная память данная посольству по традиции содержала предписание детально выяснить внутривосточное положение Крымского юрта, в первую очередь перспективы нахождения Гази-Гирея II на престоле, и выяснить обстоятельства предполагаемого участия крымской орды в войне против австрийских Габсбургов. Однако главной задачей являлось заключение русско-крымского «докончания».

Борис Федорович Годунов в ходе переговоров с Ямгурчеем аталыком видимо четко уяснил, что принесение шерти ханом на тексте, который везло посольство в Москву в принципе возможно. Однако достижение этой задачи должно быть во-первых «подкреплено» принесением «предварительной шерти» Ахмед-пашой и представителями крымской знати и во-вторых зависело от того насколько успешно послы, направляющиеся в Крым будут настаивать на принятие крымской сто-

роной разработанного в Москве договора. Вековой опыт дипломатических «ссылок» с Крымом показывал, что добиться этого будет далеко не просто.

Текст договора, который везло в Крым посольство князя М.А.Щербатова являлся первым с 1578 года из известных в русской посольской документации³. По традиции он представлял собою два документа – «шертную грамоту» т.е. крымский противень – «Великой Орды Великого Царя Казы-Гиреево цареву слово» (Там же, лл .416 об.–421) и русский противень – «таковой бытии записи государеву цареву и великому князю Федора Ивановича всея Руси самодержцу цареву слову» (Там же, лл. 421 об.–425 об.). Крымский противень был переведен на язык официального крымского делопроизводства (в посольской книге по традиции был помещен кириллический текст). На это указывает концовка противня: «А написана такова грамота татарским письмом и послана подклея под рукою».

Было также указано лицо произведшее перевод: «А писал переводчик Степан Степанов» (Там же, л. 421). Отметим, что был это первый случай в русском посольском делопроизводстве по связям с Крымом, когда в тексте был указан конкретный составитель «шертной грамоты». Помимо всего прочего это указывает и на исключительную «востребованность» Степанова, без сомнения достигшего именно в это время пика своей служебной карьеры⁴.

Структура «шертной грамоты» сохранялась прежней и включала в себя пять пунктов:

- 1) общие условия союзничества;
- 2) взаимные обязательства сторон к третьей стороне;
- 3) отказ от враждебных действий сторон по отношению друг к другу и взаимные меры по предотвращению «самочинных действий воинских людей» двух сторон;
- 4) обеспечение безопасности дипломатическим представителям и торговым людям.

Характеристика условий союзничества в русской редакции «шертной грамоты» выглядела следующим образом:

Обязательства Гази-Гирея II Федору Ивановичу:

- 1) «от сего дня вперед и навеки быти нам в доброй любви (Там же, л. 417);
- 2) « на общего недруга бытии заедин» (Там же л. 417 об.);
- 3) «хто мне Казы-Гирею царю друг тот и брату нашему царю и великому князю Федору Ивановичу Всея Руси друг», соответственно «хто мне Казы-Гирею царю недруг, тот и тебе брату нашему царю и великому князю Федору Ивановичу Всея Руси недруг» (Там же, лл. 417 об.–418).

Первые два пункта традиционно содержали три формулировки. Это соответствовало традициям всех русско-крымских договоров, как введенных так и не введенных в действие начиная с 1518 года. Русская дипломатия традиционно огромное внимание уделяла статьям об одинаковой позиции сторон по отношению к третьей стороне. В данном случае русская редакция предусматривала традиционные формулировки «прошедшие проверку» предшествующими «докончаниями». Польско-Литовское государство – Речь Посполитая, исходя из наличия перемирия с Москвой, в качестве конкретного «недруга» не упоминалось.

На первый взгляд полностью соответствовал традиции и третий пункт обязательств хана о запрете «воевати» земли «брата нашего». Однако помимо традиционного перечисления «племянника нашего калги Бахт-Гирея царевича и иных царевичей», а также «карачеев, князей и мурз, всех наших ближних людей и всех наших воинских людей» запрет на нападение на Русское государство распространяется и на «ногайских людей Арасланаева улуса Дивеева и на всяких нагайских людей» (Там же, л. 418 об.). Здесь подразумевались как Малые Ногаи так и «вновь прибывшие» в западный Дешг-и Кипчак из за Волги Большие Ногаи. Карательные меры по отношениям к нарушившим запрет также были традиционны: «казнити» (Там же, л. 419).

Русская сторона в проекте 1593 г. в отличии от текста, которое везло в 1578 году посольство князя В.В.Масальского не стала конкретизировать вопрос о неприкосновенности русских земель в плане перечисления «украинных» городов. Видимо безрезультатный опыт обсуждения данного вопроса посольствами А.Ф.Нагого и князя В.В.Масальского был хорошо усвоен.

Полностью соответствовал традициям и пункт о безопасности торговым людям и дипломатическим представителям (Там же, лл. 419 об.–420 об.).

³ Последний из сохранившихся в составе русской посольской документации и разработанных в Москве текстов договора везло в Крым в 1578 году посольства князя В.В. Масальского. Опубликован крымский противень из состава пятнадцатой крымской посольской книги: (Филошкин, 2013, с. 716–717).

⁴ О роли С.Степанова в русско-крымских переговорах 1591–1593 гг. см.: (Виноградов, 2014, с. 22–26).

После принесения шерти хан должен был «у той шертной грамоты печать свою золотую приложить» (Там же, л. 421). Это соответствовало традициям заключения первоначального русско-крымского «докончания». Текст договора 1564 года на котором шертовал хан Девлет-Гирей I был с подвешенным «золотым нишаном»⁵.

Обязательства «царя» Гази-Гирея II царю Федору Ивановичу: «на всякого нашего недруга обема нам быти зодин» (Там же л. 417 об.) и далее с приведенными выше традиционными формулировками: «кто мне Казы-Гиреют царю друг тот и брату нашему царю и великому князю Федору Ивановичу Всея Руси друг а хто мне Казы-Кирею царю недруг тот и брату нашему царю и великому князю Федору Ивановичу всея Руси недруг (Там же).

Традиционное обязательство со стороны крымского хана «вашего государства не воевати» в редакции «шертной грамоты» 1593 года давалось в расширенной формулировке «мне Казы-Кирею царю брату моему калге Фети-Гирею царевичу и племяннику нашему Бахты-Гирею царевичу и иным царевичам нашим брать и детям и племянникам и нашим карачеем и князем и мурзам и всем нашим людям ближним ...и дальним и всяким нашим воинским людям крымского юрта и нагайским людям Арасланова улуса Диввева и всяким нагайским людям» (Там же, лл. 417 об.–418). Русская сторона в данном случае усилила соответствующий раздел предварительной шертной записи принесенной на посольском съезде у Ливен Ахмед-пашой Сулешевым 9 ноября 1593 г.

Статьи о репрессиях за взаимные враждебные действия двух сторон в русском проекте в целом оставались неизменными по отношению к проекту 1578 г. Статьи по обеспечению безопасности также были аналогичные проекту 1578 г.

Русский проект содержал и традиционные условия ратификации «Я Казы-Кирей царь у сей шертной грамоте печать свою золотую приложил». Предполагалось что данный список с подвешенным золотым нишаном (печатью оттиснутой на золотом воске) должен был привезен в Москву для ратификации его московским государем – «крестоцелования» в присутствии новых крымских послов.

Русский противень шертной грамоты – «договорная запись» была идентична. Естественно, что в документе был изменен порядок наименования монархов: «Хто мне царю и великому князю Федору Ивановичу Всея Руси друг тот и тебе...» и т.д.

Это полностью соответствовало джучидской дипломатической практике, в которой шерть не являлась межгосударственным соглашением, а была персональным договором между правителями (Трепавлов, 1997 с. 153). Таким образом договор фактически терял силу в случае смены правителя на престоле. Для русской стороны это являлось традиционно главной проблемой при заключении «докончания» с Крымом.

В отличие от «наказной памяти» посольству князя В.В.Масальского в 1578 г. инструкции посольству князю М.А.Щербатова содержали конкретные варианты ответов на предложения изменений формулировок проекта «шертной грамоты по всем пунктам» со стороны «ближних царевых людей» в ходе переговоров.

Возможность попыток внесения крымской стороной изменений в текст «шертной грамоты», естественно не исключалась. Необходимо было «стояти накрепко» по основным ключевым позициям. Вопрос о титулатуре московского государя (его царский титул) имел принципиальное значение уже в проекте договора 1578 года (Филюшкин, 2013, с. 712).

Также следовало категорически исключить включение в «шертную грамоту» обязательства выплат «поминоков» и требования «посошных пошлин» (РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 20, л. 375). Для русской дипломатии эта традиционно была основная проблема.

Вопрос о введении в действие русско-крымского «докончания» также являлся центральным в «наказной памяти» посольству князя М.М.Щербатова

Вновь подчеркивалось, что «шертную грамоту», которая после принесения ханом шерти именовалась «шертной записью», должно доставить в Москву новое крымское посольство. Затем должно было состояться крестоцелование государя. Затем повторное принесение шерти ханом перед новым русским посольством. Крымский противень текста договора с приложенным уже не «золотым», а «калым нишаном», то есть печатью оттиснутой на красном воске, должен быть отослан в Москву.

Русская сторона для обеспечения ввода в действие договора стремилась реанимировать институт «закладничества», что проявилось уже в ходе «тайных» переговоров в Москве с Ямгурчеем

⁵ О термине «нишан» см.: (Самойлович, 2005, с. 213–218).

аталыком. Вопросы о «закладничестве», естественно предполагалось рассматривать в рамках «тайного дела». Предполагалось еще на пути в Крым уговорить «царицу» Ертуган отпустить своего сына Девлет-Гирея в Москву «на время», т.е. до окончательной ратификации договора (Там же, л. 415). Этому придавалось огромное значение. О решении «царицы» следовало известить Москву еще с пути в Крым. Впрочем, учитывалась возможность и отказа хана отпустить Девлет-Гирея. Тогда предполагалось присылать в Москву «другого сына Сеадет-Гирея царя, который ныне в черкасах». Имелся в виду Мухаммед-Гирей, будущий крымский хан, который действительно находился в это время на Кавказе. Русская сторона «любезно соглашалась» сама отыскать «царевича» и с согласия хана отправить его прямым путем в Астрахань. Однако не исключалась и возможность отправить его в Москву «видеть государевы очи». В дальнейшем предполагалось отправить его «ко царю в Крым» (Там же, л. 415 об.). Повторение «эксперимента» с Мурад-Гиреем в Астрахани серьезно видимо занимало Б.Ф.Годунова. Во всяком случае послам предписывалось в случае если хан пошлет своих людей «в черкасы» для поисков Мухаммед-Гирея отправить с его людьми своих служилых татар.

Все эти предполагаемые династические комбинации Гиреев с Москвой, естественно, могли быть реализованы только исходя из личной позиции хана Гази-Гирея II, если он вообще будет в добром здравии ко времени прибытия русского посольства в Крым. Возможность смены хана Портой и его замены другим лицом, предположительно калгой Фетх-Гиреем, либо Алп-Гиреем либо Селамет-Гиреем, либо кем либо еще из оставшихся в живых «царевичей» -султанов представлялась в Москве весьма вероятной. В случае сопротивления воле султана хана следовало действовать согласно «тайному наказу». В случае его отбытия в Стамбул либо физического устранения в ходе смещения с престола возможность заключения договора представлялась маловероятной. Тем не менее в случае замены Гази-Гирея на престоле конкретно калгой Фетх-Гиреем переговоры о заключении «докончания» следовало начать с «ближними людьми» нового хана. В Посольском приказе учитывая опыт бурных событий в Крыму 80-х годов учитывали и вероятность того что смещение хана может состояться после завершения посольского съезда размена ко времени прибытия посольства в Крым. В случае замены Гази-Гирея Фетх-Гиреем учитывая предполагаемое присутствие его эмиссара на посольском съезде и принесения им шерти (что и произошло) теоретически открывалась возможность для переговоров.

Наконец следовало учитывать что посольский съезд и размен у Ливен вообще может быть сорван крымской стороной и посольство вернется из Ливен обратно в Калугу. Впрочем эта часть инструкций послам после успешного завершения посольского съезда утратила значение. Серьезные опасения вызывало и следование в Крым в случае успешного завершения посольского съезда, как оказалось вполне оправданно. Послам предписывалось принять исключительные меры безопасности.

Послам предписывалось в ходе посольского съезда действовать в тесной координации с «разменными послами» Хворостининым и Бельским, чему они и следовали в ходе тяжелейших переговоров с крымцами на берегах реки Сосны (Виноградов, 2015, с. 72).

Следование посольства князя М.А.Щербатова в Крым

Первый опыт общения с крымскими эмиссарами послы получили в ходе посольского съезда под Ливнами. Щербатов и Блохин были вызваны Хворостининым и Бельским из Ливен в русский стан у реки Сосны и активно участвовали в финальной части переговоров с крымскими эмиссарами. 10 ноября посольство перешло Сосну и водворилось в крымском «стане». Несколько дней Щербатов и провели в напряженном ожидании исхода заключительной части посольского съезда. В эти дни они имели возможность контактировать с Ахмед-пашой Яшлавским неоднократно являвшимся к ним с претензиями относительно «невыплаты» всем крымским эмиссарам и прежде всего лично ему обещанного жалования. Наконец 14 ноября посольство вместе с крымцами покинуло реки Сосны.

Путь от реки Сосны до Перекопа занял для русского посольства и многочисленных крымских «сопровождающих» почти месяц. Обстановка в огромном «караване» была напряженная. Прежде всего следовало опасаться нападения «черкасов». Памятуя события 1582 года при следовании Ахмед-паша принимал усиленные меры предосторожности.

Внутри «каравана» кипели страсти и плелись интриги. Прежде всего это был конфликт между Ямгурчеем аталыком и Яшлавскими-«Сулешевыми».

Руководивший посольским разменом к Ахмед-паша «князь Сулешев» свалил на него ответственность за присылку недостаточного количества «жалования» «царевым ближним людям». Это было впрочем формальной причиной. На самом деле «князь Сулешев» на всякий случай хотел устранить от всякого касательства к миссии Ямгурчей аталыка в Москву, которая касалась не только организации посольского съезда, но и отпуска Ертуган с ее двором. Кроме того Ахмед-паша «Сулешев» был раздражен высокомерным поведением Ямгурчей аталыка по отношению к своему племяннику Аллабердею-мурзе в период их совместного пребывания в Москве. Во всяком случае именно Аллабердей-мурза был отправлен Ахмед-пашой с пути к хану с извещением о благополучном возвращении посольства (РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 21, л. 192 об.). При этом как впоследствии выяснили русские дипломаты у «царицы» Ертуган племянник Ахмед-паши «Сулешева» «оклеветал» Ямгурчей перед Гази-Гиреем: «А на него донес Аллабердей будто поминки убавлять велел у царя и у царевича калги и у цариц и у царевичей и у царевен и у всяких людей на Москве он» (Там же, л. 215 об.). Вероятно подобные обвинения имели под собой основания так как задачей Ямгурчей аталыка было добиться максимального увеличения количества «запросных денег» что не могла не сказаться на количестве официальных «поминок» и «государевого жалования». Еще более серьезным был конфликт между аталыком и имелдешем калги Фетх-Гирея Казы Байрамом, который, небезосновательно подозревал Ямгурчей в «нелояльности» по отношению к ханскому брату. Сам Ямгурчей аталык следовал в Крым в «караване» Ертуган т.е в обозе посольства, но при этом не особенно стремился показываться на глаза русским послам.

4 декабря посольский обоз Песковским бродом перешел Донец (Там же, л. 193 об.). 6 декабря произошла стычка «с черкасскими немногими людьми». После этого начались бурные препирательства послов с Ахмед-пашой Яшлавским. Тот явно нервничал, опасаясь повторения катастрофы 1582 года и предлагал отклониться от прямого маршрута на Перекоп, отправившись к Балы-Сараю – «городку» («полевой ставке») Арсланая «Дивеева». Суть интриги заключалась в предварительном сговоре Ахмед-паши с Арсланаем «Дивеевым» стремившимся доставить Ертуган в свой улус для встречи с сыном Девлет-Гиреем. Однако и угроза нападения была вполне реальной. В дальнейшем из разных источников выяснилось, что «по присылке литовского короля» более двух тысяч конных «черкасов» действительно готовились атаковать посольский караван (Там же, лл. 197 об.).

11 декабря посольский караван находился уже в «Дивеевом улусе». Посольский обоз остановился у Балы Сарая, куда отправился Ахмед-паша. (Там же, л. 195 об.) Вскоре обоз был окружен большим отрядом под предводительством аталыка Девлет-Гирея Мухаммеда Казы, который вежливо, но жестко сообщил послам, что ему поручено доставить Ертуган к ее сыну Девлет-Гирею, Самим послам предлагалось прибыть в Балы-Сарай (Там же, л. 196). Послы не хотели отпускать Ертуган, но выбора не было: Ямгурчей аталык категорически заявил, что отказать в свидании матери и сына невозможно (Там же, лл. 196 об.–197). После непродолжительных препирательств Ямгурчей аталык, вместе с «коллегой» Мухаммедом Казы увез «царицу», а посольство отправилось в Балы Сарай.

15 декабря сам глава «Дивеевых» в сопровождении Ахмед-паши «Сулешева» прибыл к русским послам, которые заявив что «таким гостям рады» устроили в честь него пир с «почиванием государевым жалованием» (Там же, л. 197 об.). Это являлось нарушением традиций русско-крымских «ссылок»: карача-беки Мансуров, как и все «ближние царевы люди» могли получать «дары» от московских государей только после аудиенции русских послов у хана. Однако Арсланай, находящийся в зените могущества мог себе это позволить.

На пиршестве обсуждались важные вопросы. Арсланай выразил желание оставить «царицу» в своих улусах. Послы категорически возражали, причем их активно поддержал Ахмед-паша «Сулешев», указавший на волю хана. Арсланай приняв к сведению его позицию, не стал настаивать на своем требовании и в конечном итоге вдова Мурад-Гирея отправилась дальше в Крым. Обсуждались на пиршестве и недавно прошедший посольский съезд и рамен на Ливнах Арсланай подтвердив сведения о возможном нападении на русское посольство на пути к его кочевьям запорожских казаков выразил мнение о нецелесообразности проведения посольских разменов под Ливнами, отдав предпочтение прежнему месту их проведения у Путивля на реке Сейме. На вопрос о том прибудет ли Арсланай в Бахчисарай в случае принесения ханом шерти на «докончании» Арсланай ответил уклончиво (Там же, лл. 197 об.–198). Действительно, шерть на «докончании» с «московским» Арсланай приносить не стал. Он так и не прибыл в Крым весной 1594 г. предпочитая присоединиться к хану со своими силами к хану на пути в венгерский поход. Правда в июне Арсланай съездил к хану в Перекоп с тем, чтобы принять участие в заключительной перед походом «думе».

Как бы то ни было остановка в Балы Сарае была необходима Тяжелая затянувшаяся дорога в осеннюю распутицу привела к конскому падежу. Ощущался и недостаток провизии. Ертуган присоединилась к посольскому каравану 19 декабря у реке Берте. Туда же прибыли крымские должностные лица. Были доставлены новые подводы. Долгий и тяжелый путь подходил к концу. У Перекопа посольство было встречено видным «ближним царевым человеком» Усейном – агой (Там же, л. 199 об.). 25 декабря посольство вступило в Перекоп. В начале января оно было уже в Бахчисарае и разместилось в Яшлове (Там же, л. 200 об.).

Итак, посольство благополучно прибыло в Крым, доставив в целостности и сохранности огромные материальные ценности и именитую представительницу ханской семьи. Само по себе это было успехом. Однако события по пути в Крым давали основание предполагать, что переговоры в Бахчисарае предстоят нелегкие. Действительно, путь к заключению в апреле 1594 года «докончания» оказался исключительно тяжелым.

Первый этап переговоров (январь – март 1594 года)

Аудиенция у хана состоялась 7 января в Бахчисарайском дворце. Калга Феих-Гирей отсутствовал. В церемониальной части приема участвовали все давно известные послам «ближние царевы люди», кроме Ямгурчя аталыка. Усейн-ага прибыл звать послов «к царю» с тем чтобы «очи его видеть и поминки и деньги с собою привести». Он же по прибытии во дворец велел послам «идти ко царю в палату» у которой их встретили глава клана «черкасскихх мурз» Муртоза-ага и глава клана Яшлавских Ахмед-паша «Сулешев» (Там же, лл. 202 об.–203).

На аудиенции послы после приветственных «речей» торжественно вручили хану текст «шертной грамоты». Предполагалось, что документ будет переписан «слово в слово» и подготовлен в «ратификации» – принесения шерти ханом. Аудиенция прошла достаточно гладко. После произнесения «речей» и явления «поминок» и «запросных денег» хан по традиции спросив о здоровье «своего брата» государя Федора Ивановича, затем спросил о и здоровье самих послов (Там же, л. 203 об.). Затем послам было предложено подняться с коленок и сесть за стол. Само по себе эти на первый взгляд малозначительные детали «посольского обычая» свидетельствовали о стремлению крымской стороны «к доброму делу». Затем послам было поданы «чаши». За столами оказался цвет крымской знати. Хан выразил надежду что отныне «з братом нашим с царем и великим князем Федором Ивановичем Всея Руси братства и дружба и любовь зделаются» и «поднял чашу» за здоровье государя (Там же, л. 204). Затем последовал «обмен тостами» Князю Меркурию Щербатову хан велел «пити» за здоровье Ахмед-паши Сулешева. Ахмед-паша Сулешев пил за здоровье дьяка Афанасия Демьянова. Демьянов пил за нового фаворита хана «князя Касыма Тобулукова». Затем хан велел своим «ближним людям» пить за здоровье друг друга, причем Ахмед-паша «Сулешев» должен был пить за здоровье «князя» Касыма «Куликова», представителя «конкурирующего клана» (Там же, л. 204 об). Интересно, что самый известный в Москве представитель клана «Куликовых» бек Дербыш отсутствовал.

Затем Ахмед-паша Яшлавский-«Сулешев» и «казначей» Ахмед Ази Челеби торжественно явили послам «жалование платьем» многозначительно заметив, что прежним послам «того не бывало» (Там же, лл. 204 об.–205). «Жалование» в виде подарков было привезено к послам на следующей день. В завершении пира хан прислал послам еще и «по кубку меду». Наконец Гази-Гирей II объявил что он приказал «своим ближним людям» начать «говорить о добром деле с братом нашим, как нам в любви и в братстве быти» (Там же, л. 205).

Первые недели пребывания русского посольства в Бахчисарае после аудиенции у хана по традиции оказались посвящены разбору «материальных претензий» крымской знати. Претензии касались как выплаты «жалования» конкретным лицам так и количества «поминок». Особенно недовольны были калга Фетх-Гирей и его приближенные.

«Запросные деньги» хану в количестве пятнадцати тысяч и «поминки» хану в количестве десяти тысяч в денежном эквиваленты, а также в виде других ценностей на сумму пяти тысяч были переданы послами «казначеем» Абдель Ази Челеби в день аудиенции (Там же, лл. 167 об.–168).

9 января через день после аудиенции Ахмед-паша явился к послам с тем, чтобы лично «проконтролировать» распределение «поминок» членом династии Гиреев. Все было в его присутствии «разослано» с толмачем Енчюрюю. Ахмед-паше было в соответствии с «наказной памяти» объявлено, что ему лично, а также бекам Кутлу-Гирею Ширинскому, Дербышу «Куликову», а также другим «ближним людям» Муртозе-аге и казначеем Ахмед Ази Челеби «жалование» прислано в

большем объеме (он не уточнялся). Этим же лицам предписано «правити поклон». Ахмед-паша со своей стороны выразил уверенность в успехе «доброе дела (Там же, л. 206).

10 января Ахмед-паша прибыл уже с традиционными претензиями от «цариц, царевичев и царевен»: «сказывали с послы поминки привезли великие, а таковы поминки и с гонцы малыыми не бывали» (Там же, лл. 206–206 об.). Кроме того часть «цариц, царевичев и царевен» «поминки» не получили вообще. Началось очередное разбирательство. Послы жестко ответили, что «поминки» были разосланы исходя из «списков» предоставленных крымской стороной во время пребывания гонцов Ивана Бибикова, Михаила Протопопова и Семена Безобразова (Там же, лл. 207–207 об.). В итоге было решено «обновить» «списки» перед очередным посольским разменом.

В тот же день 10 января «ближним царевым людям» было разослано «жалование» с толмачем Енчурюю. При этом послы напомнили, что оно отправлено исходя из желания «ближних царевых людей» содействовать «доброму делу». Персонально Енчюра повез «жалование» «во дворы» Ахмед-паши Яшлавского, Дербыша «Куликова», Муртозы-аги, Ахмед Ази Челеби и Касыма «князя» Тумбулукова. (Там же, л. 208). Прочие «князья, мурзы и уланы» жалование прибыли к послам получать лично.

11 января Ахмед-паша «Сулешев»-Яшлавский явился к послам с претензиями от «царя», которому «били челом» многие «князья, мурзы и уланы» о недостаточном количестве «жалования». Послы ответили что «жалование дается исходя из содействия конкретных лиц успеху «доброе дела» (Там же, лл. 209 об.–210).

12 января к послам пожаловали приближенные калги – его имелдеш Казы-Байрам, участвовавший в посольском съезде, его «конюший» «Акай князь черкасский» и Татар-мурза, привезшие с собой Ахмед-пашу (Там же, л. 211). Они выразили недовольство калги, которому было прислано, как было объявлено на посольском съезде, «всего» пятьсот рублей «запросных денег». Калга запрашивал пять тысяч. Поэтому Фетх-Гирей прежде чем принимать у себя послов желает прояснить этот вопрос. При этом Казы Байрам обвинял во всем Ахмеда-пашу: «А Ахмед-паша сидел тутже» (Там же, л. 212). Ахмед-паша активно защищался: «Государь наш калга на меня кручинится не по делу я у государя царя и великого князя Федора Ивановича на Москве не был а был от него гонец у государя на Москве и о том что писано ко государю с тем гонцом о запросе я не ведаю» (Там же, л. 212 об.). Щербатов, надо отдать ему должное, Ахмед-пашу поддержал. В конечном итоге после проникновенных слов русских послов о том, что они привезли калге и его «царицам» большие «поминки» и о том, что без «исправления посольства» ими у наследника престола «доброе дело не учинится», приближенные Фетх-Гирея нехотя согласились «донести» до него их слова (Там же, л. 213 об.).

Положение Ахмед-паши было очень уязвимо: в кругу крымских вельмож не сомневались, что сам он получил достаточное «жалование». Правда часть полученных при посольском съезде материальных средств он сдал в казну хана но об этом естественно следовало помалкивать, тем более что Гази-Гирей уже распорядился выделить именно из этих средств компенсацию части знати. Конфликт обострялся. В «лучших традициях» бахчисарайского двора в течении всего января последовали визиты к послам крымских вельмож с выяснениями причин малого «жалования» и «поминок» привозивших с собою Ахмед-пашу.

Благожелательное отношение русских дипломатов к Ахмед-паше было вызвано конечно не личными симпатиями, а интересами «государева дела»: глава рода «Сулешевых» формально являлся главным организатором переговоров о заключении русско-крымского «докончания». Вообще, казалось, что он играл в это время ключевую роль в «московском деле» и, что самое главное, пользовался доверием хана.

Естественно что Ахмед-паша оказался в центре конфликтной ситуации связанной с раздачей «крымским вельможам «государева жалования». При этом он дал понять что сам хан устраняется от выяснения вопросов о претензиях крымской знати так как «компенсировал» им недостающее из своей «казны». Русские дипломаты приняли это к сведению и по мере возможности ограждали Ахмеда-пашу от нападков недовольных. Однако вопросов общих материальных претензий это не касалось. Здесь позиция русской стороны была предельно жесткой. Так было категорически отказано в претензиях на ежегодную присылку в Крым десяти тысяч рублей, которые озвучил Ахмед-паша еще в своей речи пред Хворостининым и Бельским во время посольского съезда под Ливнами.

Ахмед-паша понимал что его престиж поставлен на карту и неоднократно пытался убедить Щербатова и Демьянова хотя бы в неопределенной форме согласиться на рассмотрение этих требований но всякий раз получал категорический отказ. При этом Ахмед-паше напомнили о полученных представителями всех кланов крымской знати и эмиссаром калги Фетх-Гирея «платьем» и

деньгами «жалования» на общую сумму семнадцать тысяч рублей. Ахмед-паша принял это к сведению и в конечном итоге убедил хана изменить позицию.

Впрочем, калга Фетх-Гирей занимающей особо агрессивную позицию относительно количества «запросных денег» не забывал и о беке Дербыше «Куликове». В его глазах обе фигуры среди «ближних царевых людей» оказались заложниками «семейной ситуации»: пребыванием «на Москве» Ибрагима-мурзы «Сулешева» и Пашая-мурзы «Куликова». Так представители калги явившиеся к русским дипломатом 12 января прямо заявили «Ахмеда паша князь выстранял брата своего а Дербыш князь хочет выстранить сына своего» (Там же, л. 211 об.). Подобные настроения получили широкое распространения среди политической элиты Крыма.

13 января послы послали толмача Енчюру к Муртозе-аге, Ахмеду-аге Ахмеду-паше Яшлавскому «князю Дербышу» и Ахмеду Ази Челеби с просьбой прояснить ситуацию относительно принесения ханом шерти и вообще о том, хочет ли он «доброе дела». «Ближние царевы люди» заверили что хан «дружбы любви и братства» хочет, а аудиенция состоится в самое ближайшее время так как хан должен вскоре выступать «со всеми людьми» «на Можары». Выяснилось, что недавно в Бахчисарае побывал очередной чавуш с приказом Порты спешно готовить орду к выступлению на театр военных действий (Там же, лл. 214–214 об.). Было ясно, что хан будет шертовать только при условии консолидированной позиции калги и всех группировок знати в диване относительно условий договора. Однако было очевидно озлобление лично калги и части знати недостаточностью «материального обеспечения» «дружбы и братства».

Сложность ситуации заключалась в невозможности послам прояснить позицию самого хана. Они не могли воспользоваться предписанными им в «тайном наказе» возможностью «конфиденциального обращения» к Гази-Гирею II.

Напряженные препирательства относительно «запросов» и «жалования», естественно не означали, что послы оставили «тайное дело» – передачу «тайных» посланий к хану, которую должен был осуществить Ямгурчей-аталык. Однако здесь ситуация оказалась сложной.

При попытке контакта с ним 15 января толмача от русского посольства Агилдея, который «говорил ему чтобы у вас был для государева дела», Ямгурчей «отказал». Он заявил «что нельзя ему к послам ехать да и невместно ныне со мною говорити ни о чем царь и калга на меня опалу положили а донес на меня Аллабердей-мурза» (Там же, л. 215). Одновременно стало известно что Ямгурчей сослан в улусы принадлежавшие матери Мурад-Гирея Хан Тутай (Там же, л. 215 об.). Гази-Гирей таким образом «выводил из игры» свое доверенное лицо, которого он в очередной раз спровадил в почетную ссылку. Знаменательно что хан не отдал аталыка на расправу калге, требовавшим его смерти.

Не менее интересно, что в улусах матери астраханского «царевича» проживала тогда и «царица» Ертуган, которую Гази-Гирей спровадил туда сразу же после ее возвращения в Крым вместе с русскими послами. 16 января послы отправили к Ертуган толмача Енчюру выяснить ситуацию относительно позиции «царя» и калги по вопросу заключения договора и вообще о развитии ситуации после приезда «от турецкого чауша» (Там же, л. 215).

Ответ «царицы» переданный через толмача не обнадеживал. Ертуган сообщила, что Фетх-Гирей страстно желает гибели Ямгурчею аталыку который в обозримом будущем будет у ней «курываться» (Там же, л. 215 об.).

Ертуган также подтвердила, что прибывший османский чавуш привез приказ о выступлении хана «на Можары».

Русским дипломатом в Крыму стало очевидно что всякие упоминания о миссии Ямгурчея аталыка неуместны. Тем не менее он оставался именно той фигурой к которой следовало согласно «наказу» обращаться при «конфиденциальных переговорах» с ханом. Репутация Ямгурчея у русских дипломатов позволяла им «поразмыслия и поговорити промеж себя» прийти к мнению что он по прежнему является доверенным лицом хана намеренно отстраненным им от участия в официальных и полуофициальных переговорах (Там же, лл. 262 об.–263). Первое время казалось что Ямгурчей аталык действительно «неуловим». Он всячески уклонялся от встреч с посланцами князя М.А.Щербатова и А.Демьянова из числа толмачей и русских служилых татар. Тогда русская сторона прибегла к помощи людей «царицы» Ертуган, причем было заявлено что «буде ему к нам в день приехать не мочно и он бы с нами ночью виделся» (Там же, л. 263). Опять был получен отказ. Щербатов и Демьянов проявили в поисках контакта с Ямгурчеем аталыком завидное упорство которое в конечном итоге увенчалось успехом.

Но пока до этого было еще далеко. Вторая половина января была для послов периодом полной неопределенности, которая как всегда внезапно во время пребывания русских посольств в Крыму была прервана потоком событий. 20 января к послам пожаловал «повидаться» накануне своего отбытия из Крыма османский чавуш Иса. Само по себе это было событие экстраординарное: русская посольская документация до сих пор не фиксировала ни одного случая прибытия османского чавуша к русским дипломатическим представителям в Крыму.

Чавуш сообщил, что Порты осведомлена о том, что послы приехали «великому царю Казы-Гирею» договариваться «о добром деле», и напомнил что «у государя вашего» также находится сейчас «государя нашего посол» (Там же, л. 216). Имелся в виду отправленный вместе с Г.Нащокиным из Стамбула Резван чавуш, который действительно в это время находился в Москве.

После обмена «любезными словами» послы спросил у чавуша о том с чем он «приезжал от турецкого салтана к Казы Гирею царю» и получили, вероятно сверх всяких ожиданий обстоятельный и подробный ответ. Чавуш сообщил, что хан должен в самое ближайшее время выступить в поход, но калге султаном предписано оставаться в Крыму. Война будет продолжаться долго так как «можарский государю нашему добре грубен» (Там же, л. 216 об.).

Перспектива оставления в Крыму Фетх-Гирея в период нахождения Гази-Гирея на театре военных действий послов встревожила. От калги можно было ожидать срыва «добраго дела». Если вообще договор будет утвержден шертованием хана до его отбытия на войну. Сразу же после отъезда чавуша посла активизировали агентуру из числа пленяемых.

25 января с одним из них были доставлены важные сведения. Некий «Остап пленяемый» сообщил что хорошо известный послам приближенный калги Татар-мурза «в разговоре» упоминал о конфликте Фетх-Гирея с ханом. После получения приказа Порты остаться в Крыму Фетх-Гирей заявил брату, что после отъезда хана он пойдет «на московскую Украину» вне зависимости от того принесет ли Гази-Гирей шерть на «докончание». В целом «у царевича у калги со царем рознь великая». Правда Гази-Гирей стремится к урегулированию конфликта и посылал к Фетх-Гирею «коногого своего Лачина -агу», однако чем окончилась их встреча неизвестно (Там же, л. 217).

Еще неделя прошла в ожидании каких-либо инициатив со стороны «ближних царевых людей». Наконец 30 января послы вновь послали толмача Енчуру к «ближним царевым людям» с настоятельным призывом прояснить ситуацию к принесению хана к шерти (Там же, л. 217 об.). В тот же день толмач привез ответ: хан дал указание своим «ближним людям» «съехаться» с послами на другой день на «другим дворе» в Иски Юрте с тем, чтобы определиться «как меж государя нашего Казы Гирея царя з государем вашим царем и великим князем Федором Ивановичем Всея Руси в дружбе и в любви неподвижно навеки бытия» (Там же, л. 218)⁶.

Переговоры 31 января в которых участвовали Муртоза-ага, Ахмед-ага, беки Дербыш «Куликов» Ахмед-паша «Сулешев»-Яшлавский и Абдель Ази Челеби завершили период неопределенности. Для послов началось время тяжелых и изнурительных переговоров. В соответствии с «наказной памятью» послы зачитали «речь» в которой согласно традиции изложили историю русско-крымских «ссылок» начиная с миссии Джан-паши мурзы в Москве и Михаила Протопопова в Крыму и заканчивая изложением хода посольского съезда под Ливнами (Там же, лл. 218–220 об.). Подчеркивалось, что были отпущены «Мурат-Киреева царица и царевичевы люди и Ибрагим паша Сулешев».

В завершении была изложена уверенность в скором принесении «царем» шерти вместе с калгой Фетх-Гиреем, нураддином Бахт-Гиреем и всеми «карачяями, уланами, князьями и мурзами», после чего должен был состояться отпуск послов. Наконец было предложено разрешить послам послать «наперед себя» служилого татарина для определения точной даты посольского размена. Крымское посольство должно будет привести утвержденный противень договора. «И как будет у государя нашего царев посол и государь наш царь и великий князь с того списка свою докончальную грамоту слово в слово напишет и к той грамоте велит золотую свою печать привесит и на той докончальной грамоте пред царевым послом крест целует и правду учинит». После этого с новым «большим» послом будут доставлены «великие поминки» (Там же, лл. 220 об.–221).

В ответ последовали жесткие контрпретензии крымской стороны. В них, на первый взгляд, превалялись по традиции вопросы «материального характера». Однако за этим угадывались как противоречия внутри крымской политической элиты, так и конфронтация между ханом и калгой. Нали-

⁶ Иски Юрт – предместье Бахчисарая в районе современного ж.д. вокзала, достаточно удаленное от ханского дворца.

цо была и общее нежелание связывать себя обязательствами по отношению к Москве без получения гарантий присылки заявленного крымской стороной количества «поминок» и «запросных денег».

Материальные претензии касались недостаточного по мнению крымцев количества «поминок» «царевичам и царицам» (имелись ввиду младшие представители династии – многочисленные жены и малолетние дети), «жалования» знати и «запросных денег». Здесь речь шла о «недоданных» хану пятнадцати тысячах рублей «запросных денег» (Там же, л. 223). «Обмен мнениями» в лучших традициях перешел в традиционную склоку, причем с оскорблениями Ахмед-паши. Суть проблемы заключалась в том, что Ахмед-паша во время посольского съезда согласился на немедленное отправление десяти тысяч рублей в качестве «поминок». Количество «запросных денег» во время «посольского съезда» не уточнялось. Абдель Ази Челеби выразил недовольство присылкой «только» пятнадцати тысяч «запросных денег», в то время как на переговорах в Москве Ямгурчей аталык якобы договорился о немедленной присылке в качестве «запросов» тридцати тысяч рублей. Послы резонно заявили что имелось в виду не одновременная выплата этой суммы перед заключением договора, а возможная присылка с новым посольством уже после принесения ханом шерти и крестоцелования государя т.е. после окончательной ратификации «докончания»

В итоге было озвучено главное требование: «давать двадцать тысяч запросных денег» и присылать десять тысяч рублей в качестве «поминок» с новыми послами (Там же, л. 225). При этом такую сумму должно было присылать каждое новое посольство. При этом подразумевалось, что это только «поминки» в денежном эквиваленте, помимо присылки «платья», оружия и прочих «мелочей». О форме принятия послами таких обязательств речь пока не шла.

Однако было ясно что эти обязательства могут быть включены в крымцами в подготавливаемый текст договора, на котором будет шертовать хан. Речь шла об изменениях которые крымская сторона намеревалась внести в крымский противень договора. Послы заявили что «царь учиняет новое дело» нарушая договоренности достигнутые Ямгурчеем аталыком, и дезавуирует предварительную шерть под Ливнами. Послы выразили недоумение о том «чему верити» и заявили что при таких требованиях «ссылки меж государей о добром деле не быти» (Там же, л. 231).

В течении февраля послы вели осторожный зондаж настроений крымских верхов пытаясь определить имеет ли место полный провал переговоров или это очередной маневр Гази-Гирея в условиях жесткой антимосковской позиции калги и части крымской знати. 3 февраля посланный царевым «ближним людям» толмач Енчура выяснил что указаний от хана на возобновление переговоров нет – «царь им не приказывал ничего» (Там же, л. 231 об.). 16 февраля к послам «заезжали» Мурад-ага и Ахмед дуван «царева Казы Гиреева другово сына аталык», а затем и Ахмед-паша «Сулешев». Они «дружески» посоветовали послам принять требования относительно присылки «запросных денег».

На следующий день 17 февраля Ахмед-паша вновь «заехал» к послам и сообщил что хан не может игнорировать позицию своих «ближних людей» о выплатах остальных «запросных денег» и намекнул на желательность точного определения количество «больших поминок» которые должны быть присланы с новыми послами (Там же, л. 235).

Послы напомнили Ахмед-паше о принесенной им на реке Сосне шерти и достаточно жестко поставили под вопрос «особые отношения» Москвы с кланом «Сулешевых»-Яшлавских.

Предпринятые попытки связаться через толмачей с «царицей» Ертуган в очередной раз дали отрицательный результат. Прибывший «в ночи» к послам «человек» Ертуган завил послам, что Ямгурчей-аталык не может с ним встретится и просил воздержаться от поисков контактов.

Послы решили с помощью Ертуган послать через Перекоп выкупленных ими полоняников с посланием к государю о положении в Крыму. Однако шедшие в течение нескольких «ночей» переговоры с «царицей» через ее людей в конечном итоге завершились отказом вдовы Ертуган участвовать в этом деле.

В конце февраля послы в очередной раз разослали толмачей к «царевым ближним людям».

В ответ 28 февраля к послам явился только Ахмед-паша с фактическим ультиматумом от имени хана (Там же, л. 241об.). Гази-Гирей II сам обвинил русскую сторону в нарушении договоренностей достигнутых на переговорах Б.Ф.Годунова с Ямгурчеем аталыком. Вновь была названа пресловутая цифра тридцати тысяч запросных денег, которую следовало доставить послам. Опять напоминалось, что с каждым дипломатическим представителем Москвы вне зависимости от ранга должны присылаться по десять тысяч рублей.

На это послы резонно отметили что при посольском съезде Ахмед-паша не настаивал на предъявлении этих требований и вообще вопрос о точном количестве «запросных денег» не был и

не мог быть в принципе внесен в «шертную грамоту». Послы вновь «озвучили» сумму денег и материальных ценностей переданных в ходе посольского съезда представителям крымских кланов, в том числе Ахмед-паше и его клану – семнадцать тысяч рублей.

Наконец послы заявили, что подобные только что озвученным суммы «запросных денег» являются «выходом», чего никогда не бывало при «прежних царях» (Там же, л. 243 об.).

К терминологии принятой в золотоордынский период русские дипломаты до сих пор не прибегали. В целом встреча завершилась тяжелым конфликтом. 5 марта последовали тяжелые переговоры с прибывшим к послам «казначеем» Ахмедом Ази Челебли. Последний вновь огласил требование ежегодной присылки десяти тысяч. Послы жестко ответили, что «у нашего государя казны нет» и что такие требования неприемлемы, вновь сравнив их с «выходом» (Там же, л. 247 об.). На следующий день 6 марта послы потребовали у Ахмед-паши съехаться с «ближними царевыми людьми» для обсуждения сложившейся ситуации, но получили отказ (Там же, лл. 247 об.–248).

Обозначившейся кризис в переговорах послов с «царевыми ближними людьми» дополнился в течение марта их конфликтом с приближенными калги Фетх-Гирея.

4 марта прибыл посланец калги Фетх-Гирея Татар-мурза с очередными претензиями (Там же, л. 244). Калга требовал якобы обещанных ему пятнадцать тысяч рублей «запросных денег». Без предоставления этой суммы Фетх-Гирей не только отказывался вести какие либо разговоры о принесении им шерти, но и вообще давать аудиенцию послам. Послы заявили, что отказ послам в аудиенции является вопиющим нарушением всех посольских обычаев, «что при прежних царевичах того не бывало» (Там же, л. 245). В течение марта конфликтная ситуация с аудиенцией послов у Фетх-Гирея развивалась. 7 марта последовал очередной визит Татар-мурзы с требованием изъятия «поминок» (Там же, л. 248 об.). 9 марта выезжавший из Бахчисарая калга потребовал чтобы послы явились к нему «на поле» вместе с «поминками» (Там же, л. 250). Отказ послов переданный через толмача Енчуру привел калгу в ярость. 23 марта Ахмед-паша «Сулешев» вместе с племянником, не слишком расположенным к Москве, Аллабердеем-мурзой и имелдешем калги Казы Байрамом явились к послам чтобы изъять «поминки» адресованные Фетх-Гирею и членам его семьи (Там же, лл. 255–255 об.). Послы отказались. Через нескольких часов Ахмед-паша и Казы Байрам являлись к послам с повторными требованиями (Там же, лл. 257–257 об.). Затем речь пошла уже и о принудительном изъятии грамот от имени Федора Ивановича адресованных калге. Послы заняли жесткую позицию, указав на очередное нарушение «прежних обычаев» крымской стороной. Затем Ахмед-паша и Казы Байрам удалились, но спустя непродолжительное время явились вновь вместе с Татар-мурзой. Последовали многочасовые препирательства послов с эмиссарами калги и представителями клана Яшлавских-«Сулешевых» (Там же, лл. 259 об.–260 об.). Дело в том, что с Ахмед-пашой прибыл его брат Ибрагим-мурза, отпущенный из Москвы по его просьбе Ибрагим-мурза перед выездом принес в Москве «шерт» о том, что будет содействовать в Крыму «доброму делу». (Виноградов, 2015, с. 69). «Сулешевы» дали понять, что хан не может повлиять на позицию калги. В конечном итоге грамоты, адресованные калге, послами были переданы Татар-мурзе, но «поминки» оставлены. 24 марта послы отправили толмача Енчуру с протестом ко всем «ближним царевым людям». Ответа не последовало. На следующий день 25 марта послы вынуждены были обратиться за помощью к формально не участвовавшим в их конфликте с калгой «ближним людям» хана – Ахмеду-аге и Ахмед Ази Челеби. Послы через толмача Енчуру просили их информировать хана о сложившейся ситуации (Там же, л. 262).

Им было передано что «царь на царевича кручинится добре» из-за его отказа принять послов, и даже вызывал к себе Татар-мурзу «с объяснениями», но позиция калги Фетх-Гирею остается прежней (Там же, л. 262 об.).

Стало ясно, что опрос об аудиенции послов у Фетх-Гирея мог быть решен только в зависимости от принесения шерти ханом Гази-Гиреем.

Конечно предъявление претензий о недостаточном количестве «поминок» и «запросных денег» и со стороны хана Гази-Гирея и со стороны калги Фетх-Гирея в качестве предлога к отказу о заключении договора было вызвано опасением на реакцию Порты. Через служилых татар к послам приходила информация о прибытии очередного османского чавуша Сулеймана с предписанием ускорить приготовления к походу. Чавуш также «поинтересовался» у хана как он хочет «мирится з государем московским вековым миром» в то время как он «на турецкой земле города ставит». Подразумевалось возведение русских крепостей на Кавказе (Там же, л. 251).

16 марта обозначился очередной кризис в переговорах послов с Ахмед-пашой «Сулешевым». Он передал, что хан отпускает послов без заключения договора. Перед отъездом послы обязаны

дать обязательство о присылке каждый год с новыми послами десяти тысяч рублей «запросных денег». В случае отказа с послами не только не будет отправлено в Москву новое крымское посольство, но и вообще никакой крымский дипломатический представитель даже в ранге гонца. Хан мотивировал это тем, что он отправляется «на службу государю своему в Можары» и не может дожидаться решений Москвы. Послы заявили протест и обвинили Ахмед-пашу в нарушении им шерти принесенный во время посольского съезда под Ливнами. Ахмед-паша яростно защищался. Препирательства кончились тем, что послы потребовали чтобы Ахмед-паша напомнил хану «о котором деле царь ссылался с государем нашим с Ямгурчем аталыком» (Там же, л. 254). Это был вынужденный шаг, но вероятно он повлиял на позицию хана.

После этого контакты послов с Ахмед-пашой до конца марта касались лишь препирательств о принудительном изъятии калгой «поминок» и посланий государя.

30 марта Татар-мурза прибыл к послам и передал им повеление калги Фетх-Гирея прибыть к нему на аудиенцию в Кафу, куда его вызвал прибывший из Стамбула очередной османский чавуш. Послы отказались (Там же, л. 264).

Второй этап переговоров и заключение русско-крымского договора (апрель 1594 года)

К концу марта ситуация складывалась следующим образом: принесение «шерти» ханом зависело от урегулирования вопроса о количестве «запросных денег» и «поминок». Вместе с тем просматривалась и возможность «выбивания» послов из Крыма без заключения договора. Гази-Гирей II явно не желал идти на уступки, опасаясь реакции Порты. При этом позиция хана в отношении «тайного дела» оставалась неясной. Все это усугублялось откровенно враждебной по отношению к послам позицией калги Фетх-Гирея. Ситуация приобретала тупиковый характер. Было принято решение отправить толмачей на поиски Ямгурчей аталыка и выяснить у него «чему верить» послам в сложившейся ситуации. Толмачи аталыка нашли и получили у него, хотя и в очень осторожной форме, заверения, что хотя сам он не может пока прибыть к послам, но надеется, что скоро «доброе дело» установится.

Действительно вскоре произошли изменения. 31 марта толмач Енчура был встречен возвращавшимся в Бахчисарай с охоты ханом, который поинтересовался у него «здоровьем» послов (Там же, л. 265). 1 апреля неожиданно явился Ахмед-паша и поведал, что скоро послов примет хан (л. 265 об.) 4 апреля посланец «царицы» Ертуган заверил, что ситуация с заключением «докончания» скоро прояснится, но от послов требуется осторожность. Поэтому «царица» не будет отправлять никакие послания от послов в Москву со своими людьми (Там же, л. 266). Наконец 6 апреля неуловимый Ямгурчей-аталык прибыл «в ночи» к русским послам (Там же, л. 267). От каких либо обсуждений «тайного дела» он отказался но «тайные грамоты» Гази-Гирею от Годунова в ханский дворец согласился передать (Там же, лл. 268–268 об.). После этого неофициальные контакты послов с ханом действительно начались. 8 апреля Ямгурчей опять прибыв «в ночи» доложил что хан «тайные грамоты вычел» и приказал послам ни с кем кроме него не обсуждать «тайного дела». На следующий день предваряя официальное приглашение на аудиенцию от хана с Ахмед-пашой «Сулешевым» Ямгурчей аталык вновь прибыл к послам сообщил им о предстоящей аудиенции опять напомнив что о «тайном деле» нельзя упоминать.

Аудиенция послов у хана завершившаяся принесением им шерти состоялась 14 апреля 1594 года.

Официальное приглашение на аудиенцию доставил Ахмед-паша.

Он же доставил Щербатова и Демьянова к ханскому дворцу и вместе с Муртозой-агой встречал послов «наспех» (Там же, л. 271). Тем не менее ничего не говорит о его особой роли на последовавших затем длительных переговорах Их вел сам хан правда время от времени обращавшийся с краткими репликами к своим «ближним людям». При перечислении присутствующих на аудиенции «царевых ближних людей» Ахмед-паша в статейном списке послов назван ими третьим по счету (Там же, л. 285 об.).

Калга Фетх-Гирей и вообще все «царевичи» Гиреи отсутствовали. Присутствовали только «царевы ближние люди» участвовавшие в обсуждении порядка заключения договора на «думе» – ханском диване.

Арсланай «Дивеев» отсутствовал. Вообще не было никого от клана Мансуров. Отсутствовал и племянник хана бек Кутлу-Гирей «князь Ширинский». Представители других кланов были налицо:

от «черкасских мурз» Муртоза-ага, от Яшлавских Ахмед-паша «Сулешев», от «князей Куликовых» бек Дербыш. Кроме них рядом с ханом находились Ахмед-ага, «конюший» Лачин-ага и «казначей» Абдель Ази Челеби. Прочие «ближние царевы люди» находились на отдалении, как и новый гонец хана в Москву Казан-ага.

После торжественного представления хану послов Муртозой-агой и Ахмед-пашой «Сулешевым» между ними начался обмен «речами».

Гази-Гирей II пространно обрисовав ход подготовки посольского съезда под Ливнами, не упоминая миссию Ямгурчя аталыка, но упомянув направление непосредственно перед прибытием крымского посольства к реке Сосне в Москву «князя» Баубека Киятского, интерпретировал ход переговоров Ахмеда-паши Яшлавского с князем Ф.И.Хворостининым и Б.Я.Бельским как безусловное согласие Москвы на присылку десяти тысяч рублей «запросов» с каждым посольством и присылку тридцати тысяч рублей «запросных денег» с непосредственно с прибывшим посольством князя М.А.Щербатова (Там же, лл. 271 об.–273).

Послы напомнили о розданных под Ливнами деньгами «платьем» «семнадцати тысячах рублех», заявили что хану прислано «поминками» в денежном эквиваленте десять тысяч рублей, и «запросные деньги» в количестве «которых прежде не бывало», и вообще «такова посылка никеле прежним царям не бывала».

Далее послы напомнили об отпуске «царицы» Ертуган и лиц ее двора. Выслушав позицию послов Гази-Гирей обратился к своим «ближним людям» с вопросом «слышали ли они что послы государя своего а моего брата мне говорили». «Ближние люди» ответили что только сам «царь» может решить как ему быть «с братом его московским государем», а их мнение ему известно (Там же, л. 276).

Тогда Гази-Гирей огласил уже озвученное его «ближними людьми» требование согласия на ежегодную присылку «поминок» в эквиваленте десяти тысяч и «присылку» «запросов» следующим посольством в количестве двадцати тысяч. Причем все это должно было быть включено в текст составленной по приказу хана «шертной записи» (Там же, лл. 276–276 об.). Послам стало ясно, что в Бахчисарае в очередной раз внесли изменения в изготовленной в Москве крымский противень договора.

Послы заявили что никогда вопрос о «поминках» не включался в текст «докончания» («преж того в шертную запись поминки не бывали вписаны») и им предписано принять только тот текст крымского противня, который написан «слово в слово» с привезенной ими «шертной грамоты». Гази-Гирей после некоторых препирательств согласился и началось обсуждение вопроса о тождественности противней.

«Государеву запись» зачитывал дьяк Афанасий Демьянов (Там же, л. 277). Гази-Гирей II первоначально отказывался от написания в крымском противне предложенной московской стороной полной титулатуры Федора Ивановича с царским титулом. После напряженных препирательств с послами хан принял условия титулатуры в том виде в каком они указывались в привезенном послами проекте договора (Там же, лл. 277 об.–278).

Зато в вопросе ответственности за нападения на московские «украины» казыевцев хан занял непреклонную позицию. Упоминание о «Казыевом улусе» должно было быть убрано из шертной записи. Шертовать хан согласился только за «Дивеев улус». Русские послы напомнили что в проекте договора Казыев улус как таковой не упоминается а присутствует формулировка «и всем Ногайским людям брата нашего... земель не воевати». Хан на это согласился.

Послы были уже осведомлены «ближними царевыми людьми» что Хакк-мурза фактически возглавившей «Казыев улус» еще в феврале прислал из Азова послание хану с жалобами на нападение донских казаков и на агрессивные действия против него со стороны Арслана «Дивеева». Кроме того на «казыевцев продолжались нападения «заволжских» ногаев. В этой связи Хакк-мурза сообщал, что ему трудно будет выполнить распоряжение султана о участии его подданных в готовящемся походе хана «на Можары» (Там же, лл. 233–233 об.).

После того как текст договора был согласован Гази-Гирей перешел к обсуждению «общеполитических вопросов».

Позиция Гази-Гирей II заключалась в следующем:

- отправляясь «в Можары» он «оставляет для бережения» в Крыму калгу Фетх-Гирейя;
- он постарается препятствовать нападениям на «московские украины» со стороны калги Фетх-Гирейя в свое отсутствие;

– после возвращения из венгерской кампании он обещает, что будет совершен посольский размен;

– он не может гарантировать отсутствие нападений со стороны «Казыева улуса».

В связи с этим Гази-Гирей II четко дал понять, что султан занимает враждебную позицию в отношении Москвы по причине активности донских казаков и опасается усиление позиций Москвы на Кавказе. В связи с этим хан напомнил, что «турский преж того хотел рать свою послати к Астрохани». (Там же, л. 281). При этом хан заявил послам «что мы живем под турецкого рукою» (Там же, л. 281 об.).

Послы в ответ начали пространно говорить о посольстве Григория Нашокина, которому якобы удалось убедить султана в том, что Москва не несет ответственности за нападения донских казаков. Они также напомнили что в настоящее время «турского посол у государя нашего». Вновь, в который уже раз послами было объявлено, что Москва не несет ответственность за действия донских казаков против Азова (Там же, лл. 283–284). На Гази-Гирея это не произвело впечатления. Главной его целью было показать послам, что в отношении Москвы он следует в русле политики Порты.

Хан, естественно не упомянул о «тайном деле». Вообще создавалось впечатление, что он исходит из того, что ход аудиенции немедленно будет известен в Стамбуле. Он в очередной раз объявил, что отправляется «на Можары» и по возвращению ожидает в Крыму новое русское посольство. О времени возвращения Москва будет им извещена. Пока с отпускаемым посольством отправляются гонцы. Ханским гонцом является присутствующий Казан-ага. Срок своего пребывания в походе хан не конкретизировал.

Вероятно Гази-Гирей II рассчитывал к зиме вернуться в Крым. Для организации следующей кампании в Центральной Европе он рассчитывал получить средства с новым русским посольством. В этой связи интересно, что Гази-Гирей II подробно обсуждал с послами вопросы безопасности их следования в Крым и отметил, что следующий посольский съезд и размен под Ливнами должен быть более тщательно подготовлен. Это касалось прежде всего синхронного подхода русского и крымского посольств к реке Сосне, с тем чтобы не затягивать размен.

Далее хан «призвал к себе своих ближних людей» (Муртазу-агу, Ахмед-агу, Ахмед-пашу «Сулешева», Дербыша «Куликова», «конюшего» Лачин-агу и «казначая» Абдель Ази Челеби) и объявил им что оказывает «своему брату» «великую честь» принося шерть «чего при прежних царях не бывало» (Там же, л. 285 об.). Вероятно Гази-Гирей II имел в виду своих братьев Мухаммед-Гирей II и Ислам-Гирей II.

Описание принесения шерти послами, к сожалению, лишено подробностей. Указано что царь после принесения шерти прочитал молитву и приложился к Корану.

Принесение шерти ханом чуть не обернулось новым конфликтом. Послы «поинтересовались» причиной отсутствия Фетх-Гирея. Гази-Гирей II, явно раздраженный, ответил что его брат будет шертовать перед послами отдельно, а приводить его к шерти будет Ахмед-паша «князь Сулешев». Послы благоразумно выразили согласие. После этого хан, прочитав молитву, приложился к Корану⁷.

Затем к шерти были приведены «ближние царевы люди»: Муртоза-ага, Ахмед-ага, «Дербыш, князь Куликов», «Ахмед-паша князь Сулешев», «конюшей» Лачин ага, «казначей» Абдель Ази Челеби и «дворецкий» Агуш-ага. Всего семь человек (Там же, л. 287).

Текст крымского противня договора был доставлен послами в Москву. Перевод был внесен в крымскую посольскую книгу (Там же, лл. 312–316). Этот документ был опубликован Ф.Ф. Лашковым в 1890 году (Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв., хранящихся в Московском Главном Архиве Министерства Иностранных дел, ИТУАК №9 док. №30, с. 45–47).

Он целиком соответствует проекту составленному С.Степановым за исключением титулатуры крымского хана. В русском проекте в крымском противне содержалась формулировка «Великой Орды великого царя Казы-Гиреево цареве слово» (Там же, ед. хр. 20, л. 416 об.). Текст крымского противня утвержденный ханом 14 апреля содержал формулировку «Силы находца и победителя Казы Гиреево цареве слово» (Там же, ед. хр. 21 л. 312 об., ИТУАК №9 с. 45). Этот торжественный

⁷ «Прямая шерть учинялась на Куране», т.е. крымские ханы приносили на Коране. Это было обязательным атрибутом принесения шерти» (Юзефович, 2007, с. 293).

оборот титулатуры крымских ханов («Отец победы и борец за веру») был введен в обращение ханом Сахиб-Гиреем во время его правления в Казани (Усманов, 1979, с. 189).

Официальное принесение ханом шерти не означало прекращения переговоров, как официальных, так и неофициальных.

16 апреля через Ямгурчю аталыка послами был отправлен запрос хану о возможности отправления им в Москву одного из сыновей Сеадет-Гирея. 17 апреля аталык доставил ответ: хан в принципе не возражал, но он не может отправить Девлет-Гирея, находящегося у Арслана «Дивеева», а о местопребывании Мухаммед-Гирея он не знает. Ясно было что хан хочет избежать «закладничества» как такового. Мало того Ямгурчю аталык передал слова хана о том, что для «турского» отправления им кого либо из «царевичей» к Московскому будет поводом для его смещения с престола. В завершении Ямгурчю аталык передал послам надежду хана на то, что он «сходит на службу» к султану и «брата своего калгу удержит к себе любовью» (РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 21, л. 291). Таким образом Гази-Гирей дал понять, что он фактически отменяет договоренности «о тайном» деле с Борисом Годуновым.

Затем 24 апреля состоялась аудиенция послов у калги Фетх-Гирея.

В соответствии «с обычаем» Фетх-Гирею были явлены «поминки» и произнесена «речь» от имени государя (Там же, лл. 294–294 об.) При этом князь М.А.Щербатов жестко напомнил, что не может подать «царевичу» грамоты адресованные ему от имени московского государя, так как они были изъяты у послов по его «царевича» приказу (Там же, л. 294). В целом ход аудиенции не носил откровенно конфронтационного характера, но враждебная реакция со стороны Фетх-Гирея ощущалась. «Царевич» выразил возмущение малым количеством «поминок» и «запросных денег». Он напомнил, что он не таков как «прежние калги» и только по своей «доброй воле» не будет разорять «государя вашего украины» (Там же, лл. 296–296 об.). В конечном итоге он заявил, что «перед вами правду учиню на той же записи на которой брат мой Казы Гирей царь перед вами правду дал» и состоялась церемония приведения калги к шерти (Там же, л. 297). Фетх-Гирей прочитав молитву «приложился к корану». Затем к Корану приложились его «ближние люди» Это была демонстрация политического веса Фетх-Гирея в «Крымском юрте». Послы обратили внимание на присутствие среди «ближних людей» «царевича» его «конюшего» «князя Акая» из «черкасских князей» и брата небезызвестного Муслы аталыка Асанзи (Там же, лл. 297–297 об.) (Беляков, Виноградов, 2014, с. 51–61)⁸. Главную роль среди приближенных Фетх-Гирея играл его имелдеш Казы Байрам. После аудиенции последовало пиршество. Сначала калга приказал «поднять чашу» за здоровье своего брата Казы-Гирея царя, затем за здоровье московского государя (Там же, лл. 298 об.–299). По окончании пиршества Ахмед-паша «Сулешев» и Казы Баирам опять привели послов к калге, который призвав их к руке, сообщил что посылает им свое «жалование» (Там же, л. 299 об.).

27 апреля Ахмед-паша пригласил послов на отпускную аудиенцию (Там же, л. 300). Она прошла исключительно в «благожелательном ключе». Хан произнес обширную «речь» выразив уверенность, что «правда» будет соблюдаться обеими сторонами. Правда затем Гази-Гирей II «попросил» послов передать «брату моему», чтобы он «не задирает бы ничем турского» (Там же, лл. 300–301). В полном соответствии с «посольским обычаем» послам был представлен новый гонец в Москву Казан-ага. Заем хан объявил что по возвращении «из Можар» он тотчас же известит Москву с новым гонцом о подготовке очередного посольского размена (Там же, л. 301 об.). В заключении Гази-Гирей II сообщил, что в одной из «грамот» посылаемых к «своему брату» с Казан-агой он вновь просит отпустить в Крым Пашая-мурзу «Куликова» (Там же, л.302).

Послы заверили, что все передадут своему государю. В заключении хан позвал послов «к руке». Однако затем русские дипломаты подняли вопрос о отпуске ряда полоняников. Хан переадресовал это Казан-аге.

В лучших традициях русско-крымских посольских «ссылок» после отпускной аудиенции последовал «финальный аккорд»: беки Ахмед-паша «Сулешев» и Дербыш «Куликов» нагнав направлявшихся к месту своего расположения гонцов изложили им «речи» от имени «ближних царевых людей» (Там же, л. 302 об.). Они в цветистой и многословной форме содержали «твердое обещание» служить «доброму делу» за обильное «жалование». Обоих претендентов на «амиатство» уполномочили Муртоза-ага, Ахмед-ага, «казначей» Ахмед Ази Челеби и «конюшей» Лачин ага (Там же, л. 303). Затем от своего имени обеими «князьями» было предложено передать лично Борису Федоровичу чтобы он для того, чтоб «братская любовь не порушилась» «с турским заруки б

⁸ Фетх-Гирей вероятно полагал, что Муслы аталык еще жив.

ни чинил» (Там же, л. 304). Ахмед-паша помимо всего прочего напомнил о «службе» московским государем своего брата «Мурата князя» Послы заверили, что передадут содержание этих «речей» – «государю своему да и Борису Федоровичу скажут» (Там же, л. 304 об.).

Завершающим аккордом пребывания в Бахчисарае явились для послов «деловые переговоры» с отправляемым гонцом Казан-агой о выкупе «полоняников (Там же, лл. 304 об–306).

30 апреля Гази-Гирей II выступил из Бахчисарая «на Можары» (Там же, л. 308).

Хан остановился в Перекопе, отдавая последние распоряжения по сбору воинских сил со всех бейликов («чтоб люди съехались со всех улусов»). «Провожать» брата прибыл калга Фетх-Гирей. На «царевом лугу» около Перекопа состоялся «смотр» орды. По завершении «смotra» Усейн-ага был отправлен в Кафу доложить о скором выступлении орды в поход. Калга Фетх-Гирей был послан в Козлев (Гезлев, современная Евпатория). До послов ранее дошла информация, что предполагается поход калги на «литовские украины». Однако Гази-Гирей в конечном итоге предписал калге оставаться в Крыму решив самому попутно разорить «литовские украины». Затем хан со всеми силами выступил из Перекопа (Там же, л. 308). Начался поход 1594 года хана Гази-Гирея II «на Можары» страшным валом прокатившийся по южным областям Речи Посполитой.

Возвращение посольства

Обратный путь послов лежал через «Арсланаев улус». Там их приветствовал Иссей «аталык третьеве Арсланаева сына» (Там же, лл. 309 об–310). Аталык поведал им, что Арсланай «от царя приехал» и до своего выступления в поход готов «сослаться» с послами. К Арсланай был послан толмач Енчюра который вернувшись из его «стана» передал послам, что карача-бек намерен соблюдать «шерть», принесенную «царем» в том числе и за его улус. Однако Арсланай одновременно передал, что не будет нести ответственности за возможные нападения на «московские украины» в его отсутствие. Причина была четко определена: в его улус продолжалась откочевка из «Урмагметова улуса» из-за того, что «казаки донские государя вашего многие» совершают нападения на заволжских ногаев. Кроме того продолжают нападения донских казаков на «Казыев улус» (Там же, лл. 311–311 об.). Послы в ответ передали с аталыком, что доведут эту информацию «до государя» и выразили надежду на то «чтоб Арсланай князь в своей правде стоял» (Там же, л. 312). После этого послы двинулись дальше.

Первые сведения о благополучном отпуске посольства из Крыма были получены в Москве 3 июня 1594 г. от елецких воевод князя Федора Масальского и Ивана Мяснова.

Они сообщили о прибытии в Елец служивого татарина станичного головы Исенчюры Дакешева с известием о следовании посольства к московским рубежам вместе с крымскими гонцами (Там же, л. 175). Елецкие воеводы переслали в Москву грамоту послов на имя государя, извещающую о благополучном исходе посольства (Там же, лл. 175–178). Одновременно в Елец прибыли татары посланные ханским гонцом Казан-агой. В Посольском приказе началась интенсивная подготовка к приему крымцев.

Послам же 4 июня было предписано в грамоте отправленной в Ливны от имени государя следовать вместе с крымскими гонцами до Новосили, а затем оставив их там быстро двигаться к Москве (Там же, л. 180 об.). Эти распоряжения должен был передать послам ливенский воевода Иван Михайлович Бутурлин. 9 июня Бутурлин сообщил что вечером 3 июня послы и крымские гонцы прибыли в Ливны. Крымских гонцов пришедших с «добрым делом» было до тридцати человек (Там же, лл. 187–187 об.). 5 июня все они двинулись на Новосиль и далее на Калугу (л. 188) Как и предусматривалось в Новосили послы оставили крымских гонцов и 14 июня прибыли в Москву (Там же, л. 189).

В тот же день в Посольский приказ послами были предоставлены статейный список и «список с шертной грамоты», утвержденной ханом крымский противень договора. Таким образом вся эпопея посольства М.А.Щербатова и дьяка А.Демьянова, включая посольский съезд под Ливнами, заняла около восьми месяцев с середины октября 1593 г. по середину июня 1594 г. Для многолетней истории русско-крымских «ссылок» это был редчайший случай столь быстрого, и главное успешного исполнения отправленной из Москвы посольской миссии.

Посольство князя М.А.Щербатова и дьяка А.Демьянова явилось первым за многие десятилетия XVI столетия посольством сумевшим выполнить свои задачи в полном объеме причем обозначенные как в «официальной» наказной памяти, так и в «тайном наказе». Договор был заключен, официальные и «тайные» переговоры проведены, военно-политическая ситуация «Крымского юр-

та» выяснена. Гази-Гирей II даже в условиях явной угрозы своего смещения с престола Портой и замены Фетх-Гиреем рассчитывал укрепить свои позиции во время военной кампании в Центральной Европе и не хотел открытой помощи со стороны Москвы. Отказ хана от «тайного дела», возможно не окончательный, вероятно предполагался Борисом Годуновым. Вместе с тем хан при пребывании посольства в Крыму не отказался от осуществления неофициальных контактов с Москвой как таковых, что проявилось в проведении «тайных» переговоров послов с Ямгурчеем аталыком.

Отдавая должное квалификации и дипломатическому искусству послов следует признать, что их успех во многом был обеспечен исключительными обстоятельствами личной заинтересованностью хана «стабилизировать» отношения с Москвой путем заключения «докончания». Гази-Гирей II удалось добиться согласия на это со стороны по крайней мере значительной части крымской политической элиты и даже нейтрализовать «негативное» отношение к заключению договора со стороны калги Фетх-Гирея.

В отечественной историографии причиной побудившей Гази-Гирея II принести 14 апреля 1594 года шерть традиционно указывается необходимость урегулировать отношения с Москвой накануне выступления в поход «на Можары». Наиболее четко ее обозначил А.А.Новосельский: «Причина поворота политики Крыма заключается в том, что в 1593 г. Турция начала войну с Венгрией, войну тяжелую и длительную (до 1606 г.), в которой должен был принять участие Крым» (Новосельский, 1948 с. 42). А.А.Зимин также отмечает, что «Крым с 1593 г. увяз в длительной и бесперспективной войне на стороне Турции против Империи», уточняя при этом что первый длительный поход «в Угорскую землю» «Казы Гирей» совершил летом 1594 года, и «поэтому хан стремился срочно урегулировать отношения с Россией» (Зимин, 1986 с. 187).

Тем не менее успех посольства еще не означал обеспечения безопасности южных рубежей страны и вообще устранения угрозы со стороны Крыма Русскому государству. «Расстановка сил» на политической арене Крымского юрта могла радикально измениться в кратчайший период. Противостояние калги Фетх-Гирея с правящим ханом, и в первую очередь в плане следования его линии в отношениях с Москвой, не имело аналогов со времен открытого третирования калгой Адыл-Гиреем своего брата Мухаммед-Гирея II в 1577–1578 гг. Тогда это в конечном итоге привело к «ссоре великой в Крымском юрте». Сейчас складывалась аналогичная ситуация.

Как и в конце 70-х годов при Мухаммед-Гирее II правящий хан не пользовался расположением османского султана. Итоговая «аналитическая» часть статейного списка послов делала четкий вывод: «у турецкого с крымским царем рознь» (Там же, л. 307). Послы увязывали сохранение престола Гази-Гиреем II прежде всего с необходимостью привлечения крымцев к войне против Габсбургов.

Для сохранения «добраго дела» с Крымом русской дипломатии предстояло действовать в условиях войны Порты против австрийских Габсбургов в Центральной Европе. Между тем само наличие этого конфликта сохраняло в силе вопрос о присоединении Русского государства к «антиосманской лиге». Такое развитие событий Б.Ф.Годунов видимо не исключал в принципе, но ставил его в зависимость от общего развития военно-политической ситуации в Восточной и Центральной Европе. (Могилина, 2012, с. 112–113).

Между тем общие контуры военно-политической ситуации вернувшиеся послы четко обозначили в своем статейном списке:

- между Портой и Сефевидами сохраняется мир («которые города турецкий у кызылбашского поимал те города за турецким»);
- война «турецкого» с «цезарем» будет носить затяжной характер;
- Гази-Гирей II занимает в отношении Речи Посполитой враждебную позицию («царь с литовским немирен»). Это объяснялось прежде всего нападениями «литовских казаков» (РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед.хр. 21, лл. 306–306 об.). Таким образом Порта могла использовать крымскую орду для военно-политического давления на Речь Посполитую с целью предотвратить ее присоединение к «антиосманской лиге».

Открытого разрыва хана Гази-Гирея II с Портой, возможность которого всерьез рассматривалась Годуновым осенью 1593 года и несомненно учитывалась им при переговорах с дипломатами австрийских Габсбургов и Сефевидов в антиосманском контексте не произошло. Это снимало проблему немедленного вовлечения Русского государства в военную конфронтацию с Портой. С другой стороны в условиях неопределенного положения Гази-Гирея II на престоле и откровенно антимосковской позиции его самого вероятного преемника калги Фетх-Гирея достигнутое с тру-

дом «докончание» могло быть не введено в действие или вообще дезавуировано крымской стороной, как это имело место в 60-х гг. XVI вв.

Есть все основания предполагать, что Б.Ф. Годунов в конкретных условиях 1594 года рассматривал русско-крымский договор как тактический успех, но не рассматривал возможности сохранения мирных отношений с Крымом в длительной перспективе.

Несомненно, что наличие договорного акта с Крымом, пусть и предварительного, не закрепленного повторным принесением шерти ханом, открывало для московской дипломатии широкие возможности в отношениях с Большими Ногаями и кавказскими правителями. Напомним, что именно в это время Годунов перешел к политике военного давления на шамхала. Речь шла по словам А.Беннигсена и Ш.Лемерсье-Келькеже о решительном «броске вперед» на Кавказ, чему содействовало отвлечение сил Порты и Крымского ханства, «войска которых, начиная с 1594 года были практически постоянно задействованы в борьбе против войск Империи в Венгрии» (Беннигсен, Лемерсье-Келькеже, 2009, с. 247). В этом контексте заключение договора Москвы с Крымом было крупным успехом. Однако это же и создавало серьезные проблемы. Послы четко отметили в своем «статейном списке» что в Крыму опасаются усиления Москвы на Кавказе и «за шевкала князя и иных черкасских князей хотели стояти» (РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед.хр. 21, л. 307 об.). При этом послы особо отмечали, что подобные настроения особенно были сильны в окружении калги.

В случае прихода к власти Фетх-Гирея новый виток антимосковской политики Крыма был реален. Между тем материальные обязательства принятые русскими послами в Бахчисарае были значительными, а перспективы нахождения хана Гази-Гирея II на престоле неясными. Все зависело от того, состоится ли новый посольский размен с окончательной ратификацией договора. Пока же Годунов удерживал в Москве посольство бека Ширинского и готовился принимать крымских гонцов во главе с Казан-агой.

С лета 1594 года дипломатическая «дуэль» Москвы и Бахчисарае вступила в новый этап, завершившийся очередным кризисом русско-крымских отношений после династического кризиса Гиреев 1596–1597 гг.

Тем не менее, русско-крымский договор 1594 года был подтвержден в дальнейшем вернувшим себе престол ханом Гази-Гиреем II, но это произошло уже в других внешнеполитических обстоятельствах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беннигсен А. Лемерсье-Келькеже Ш. Московия, Османская империя и кризис наследования ханской власти в Крыму в 1577–1588 гг. // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей: Сборник статей. Казань, 2009. С. 220–254.
2. Беляков А.В., Виноградов А.В. «Дело Муслы аталыка». К истории военно-политического противостояния Речи Посолитой, Русского государства и Порты в период династического кризиса в Крыму в 1584–1588 гг. // Средневековые тюрко-татарские государства №6. Казань, 2014. С. 51–61.
3. Виноградов А.В. Русско-крымские отношения 1591–1593 годов: от конфронтации к поискам мирных решений / Средневековые тюрко-татарские государства №6. Казань, 2014. С. 18–50.
4. Виноградов А.В. Русско-крымский посольский съезд под Ливнами осенью 1593 года // Средневековые тюрко-татарские государства №7. Казань, 2015. С. 62–77.
5. Виноградов А.В. Русско-крымские отношения 1567–1572 гг. в тринадцатой крымской посольской книге // Посольская книга по связям Московского государства с Крымом 1567–1572 гг. М., 2016. С. 34–45.
6. Зайцев И.В. Проблема удостоверения клятвенных обязательств мусульманина перед христианской властью в России XVI–XIX веков // Отечественная история. №4. 2008. С. 3–9.
7. Зимин А.А. В канун грозных потрясений: Предпосылки первой Крестьянской войны в России. М., 1986. 333 с.
8. Магилина И.В. Россия и проект антиосманской лиги в конце XVI – начале XVII вв. Волгоград, 2012. 372 с.
9. Моисеев М.В. Шертные грамоты в контексте русско-ногайских отношений в XVI веке // Средневековые тюрко-татарские государства. №6. Казань, 2014. С. 84–90.
10. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.-Л., 1948. 447 с.
11. РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом). Ед.хр. 20.
12. РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом). Ед.хр. 21.
13. Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв., хранящихся в Московском Главном Архиве Министерства Иностранных дел // Известия Таврической архивной комиссии. №9. Симферополь, 1890. С. 45–47.

14. Самойлович А.Н. О «пайцза»-«байса» в Джучиевом улусе (К вопросу о басме хана Ахмата) // Тюркское языкознание. Филология. Руника. М., 2005. С. 213–218.
15. Тrepавлов В.В. «Белый царь». Образ монарха и представление о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М., 2007. 255 с.
16. Филюшкин А.И. Проекты русско-крымского военного союза в годы Ливонской войны (1563–1564, 1578) // Филюшкин А.И. Изобретая первую войну России и Европы. Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб., 2013. С. 716–717.
17. Филюшкин А.И. Проект договора Московского государства с Крымским ханством 1578 г. // Филюшкин А.И. Изобретая первую войну России и Европы. Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб., 2013. С.699–712.
18. Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань, 1979. 315 с.
19. Юзефович Л.А. Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. СПб., 2007. 344 с.

Список сокращений

ИТУАК №9 – Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 9. Симферополь, 1890.
РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

A.V. Vinogradov

EMBASSIES OF THE PRINCE M.A.SHCHERBATOV TO THE CRIMEA AND THE CONCLUSION OF THE RUSSIAN-CRIMEAN CONTRACT OF 1594

Article is devoted to a turning point in the Russian-Crimean relation of the last quarter of the XVI century – to the conclusion of the Russo-Crimean treaty of 1594

Keywords: Russian-Crimean relations, Crimean khanate, ambassadorial order, Girei,

Сведения об авторе:

Виноградов Александр Вадимович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук (г. Москва); avinogradov1957@yandex.ru

Vinogradov Aleksandr – Candidate of Historical Sciences, Senior scientific employee of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

УДК 94(470)

О ТАТАРСКОМ ВЛИЯНИИ НА РУСЬ – РОССИЮ В РАБОТАХ НЕМЕЦКИХ ИСТОРИКОВ*

© 2017 г. М.С. Гатин

Статья посвящена проблеме татарского влияния на Русь – Россию в работах немецких историков. В статье представлены трактовки немецких авторов результатов взаимодействия Золотой Орды и татарских государств с русскими землями, татарского и русского народа. Выделяется три основных направления в оценке татарского влияния на Русь – Россию: от главным образом негативного до преимущественно позитивного.

Ключевые слова: татары, «остфоршунг», немецкая историография, тюрко-татарские государства, Золотая Орда.

В России еще недавно, начиная со школьной скамьи, объясняли свою отсталость от Западной Европы 250-летним «татаро-монгольским игом». Эта идея была популярна и среди историков. Как же обстоит дело с этой проблемой в немецкой историографии? Проблеме татарского влияния на историческую судьбу Руси – России в работах немецких историков посвящена эта статья.

Анализируя основные работы немецких авторов, выясняется, что оценка татарского влияния на Русь–Россию неоднозначна. Можно выделить три основных направления, внутри которых тоже имеются различия.

Первое направление, поддерживающее концепцию интенсивного и устойчиво отрицательного влияния татар на характер Русского государства, наиболее ярко выражено в «Истории России» выходца из Прибалтики профессора новейшей и восточноевропейской истории университета Эрлангена – Нюрнберга Ганса фон Римши (1899–1987). В труде уроженца Российской империи читателю предлагаются многочисленные сравнения между «татарским государством» и «государством большевиков». Неевропейская преемственность русской истории доказывается также тезисом о чрезвычайной агрессивности внешней политики Московского государства в XVI веке. Это влияние было неизменным и даже усилилось в действиях Советского Союза по отношению к своим соседям. Фон Римша рассматривает советскую внешнюю политику как подражание монголо-татарским претензиям на мировое господство (Rimscha, 1960, с. 112, 587).

Австрийский политик и историк Франц Шуселька (1811–1886) полагает, что «азиатская кабала» стала хорошей школой для России, она привела ее в будущем к господству в Азии. От татар русские научились заключать мир только побеждая. По мнению Ф. Шусельки, от татар же русские восприняли представление о самодержавии и стали его очень ценить. Азиатский пример слепой и бездумной преданности и исполнения воли правителя отразился в русском самодержавии (Schuselka, 1854, с. 5–7). Современные русские, утверждает австрийский историк, в сущности своей народ азиатский. Из-за татарского рабства русский народ стал играть демоническую роль в культурной жизни Европы. Норманны имели благотворное влияние на восточных славян, чего нельзя сказать о монголах (Schuselka, 1854, с. 9–10). «300-летнее иго ... навсегда осквернило» национальный характер русского народа (Schuselka, 1854, с. 53).

По мнению отправленного во время русификаторской политики Александра III в отставку профессора Дерптского университета Александра Брюкнера (1834–1896, в России – Александр Густавович Брикнер), русский народ с древнейших времен был подвержен опасности со стороны азиатов. С XIII же века Русь стала провинцией восточного государства. Причем Россия сама лишила себя на столетия влияния западноевропейской культуры. Она попала под влияние Востока, «разлагающий эффект» которого можно видеть, как утверждает уроженец Российской империи, в «хронической слабости» русского народа и государственного аппарата. Зависимость от татарских

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ и Правительством Республики Татарстан научного проекта «Приграничные районы средневековья: место пересечения политической и этнической истории разных народов (на примере Московского государства и Казанского ханства)» № 16–11–16011.

ханов существенно поспособствовала тому, что увеличился разрыв, который и без того разделял Московское государство и Запад. По сравнению с историческим развитием Европы здесь наблюдалась стагнация или даже регресс (Brückner, 1896, с. 443–444). «Татарское иго» привнесло восточное понимание организации управления, придворного бюджета и княжеской казны, определенное величие при централизации административных дел, идею государственного единства как деспотической однородности с ее беспощадностью, безразличием к локальным и частным особенностям, игнорирующую общественный интерес (Brückner, 1896, с. 456).

«Нет никакого сомнения, и это установлено, что чужеземное татарское господство глубоко повлияло на Русское государство, экономику, общество и культуру и в целом на русских людей. Оно, – пишет умерший в советском лагере немецкий историк Рихард Мёллер (1890–1945), – привнесло в страну азиатский деспотизм, вопреки ее отличному от чужеземцев происхождению. Варяжское же государство – германское государство не знало деспотизма» (Moeller, 1939, с.27).

Западный поход Бату и более чем двухсотлетнее правление ханов принесли России большой вред, констатирует восточногерманский историк Эрих Доннерт (1928–2016). Грабежи и уничтожение бесчисленных городов отбросили назад развитие экономики, культуры, торговли и ремесла. Население Руси, утверждает профессор университета Халле – Виттенберга, стало объектом облавной охоты, тот, кто попадался, становился предметом работорговли на международных рынках. Татарское владычество ухудшило связи России с другими государствами, тем не менее, дело не дошло до полной изоляции, что доказывают тесные отношения Новгорода и Галицко-Волынского княжества с остальной Европой (Donnert, 1992, с. 53).

Наиболее ярким представителем второго направления является профессор Кёльнского университета Гюнтер Штёкль (1916–1998). В своей «Русской истории» и других опубликованных работах он в основном придерживается тезиса о непрерывно увеличивающемся во время татарского господства разрыве между Россией и странами Запада. Влияние татарской культуры и государственного устройства на Россию он рассматривает иначе, чем сторонники первого направления. Профессор Кёльнского университета большое внимание уделяет дипломатическим усилиям московских князей добиться благосклонности золотоордынского хана. Г.Штёкль готов признать, что татары действительно вызвали застой и упадок в стране. Иноземное господство, по мнению автора, определило своеобразие Московского государства. Касаясь начавшегося при Василии III приема татар на русскую государственную службу, Г. Штёкль пишет, что использование татарских эмигрантов было одним из многих симптомов того, что Великое княжество Московское изменило свой характер и перешло к применению любых политически пригодных средств для расширения основы своего социального могущества, чтобы стать тем централизованным единым государством, в качестве которого оно потом определяло русскую историю. При рассмотрении затем внутренней политики русских царей профессор Кёльнского университета говорит о татарском влиянии на некоторые методы управления. Г.Штёкль исключает Россию из Европы со второй половины XIII века и до времени петровских реформ, он видит в ней лишь отдельные европейские тенденции, например проникновение итальянских мастеров в Москву, участие немцев в завоевании Казанского ханства (Stökl, 1997, с. 185).

Австрийский востоковед и дипломат Йозеф Хаммер фон Пургшталь (1774–1856) пишет, что жестокость, с которой татары совершали нападения на Россию, Польшу, Молдову, Валахию, Трансильванию и Венгрию, не уступала жестокости монголов, и поэтому их имена синонимичны варварам (Hammer-Purgstall, 1856, с. 147). В то же время австрийский ориенталист указывает на то, что татарское владычество обогатило русский язык, множество слов в нем имеет тюркское происхождение. Русские восприняли татарскую моду, в частности ходили в одеждах из пушнины, носили бороды. Телесные наказания, по мнению австрийского ориенталиста, получили распространение именно в годы татарского владычества. Заметным было влияние и на военное дело. Многие представители русской знати имеют татарские корни (Hammer-Purgstall, 1840, с. 409–410).

«Власть варваров», пишет профессор Берлинского университета Отто Хётч (1876–1946), своим неэтичным поведением, жестокостью, обманом, телесными наказаниями и вообще неуважением к отдельной личности, искажила на столетия представления о нравственности у русских, особенно у их правителей. Развращающее влияние на покоренных было и потому, что оно еще более отдалило русских от европейского Запада. Татары содействовали возникновению в Москве деспотии – так называемого самодержавия. Однако татарское господство, считает профессор Берлинского университета, имело и положительные последствия для Русского государства. Обязательство

выплаты дани держало в единстве распавшееся некогда государство. Власть завоевателей способствовала объединению русских земель (Hoetzsch, 1949, с. 37).

На это также указывает и эмигрант из России, творивший на немецком языке Михаил Правдин (Хароль, 1894–1970). Множество маленьких княжеств-государств Руси было объединено в Русский улус, который управлялся одним великим князем. Впоследствии эта политика привела к образованию «Московии, освобождению России от «татарского ига» и ее вступлению в роль наследницы Золотой Орды», и тем самым был определен на столетия тот политический курс России, который, пожалуй, навсегда сделал ее евразийской державой (Prawdin, 1935, с. 157–158; Prawdin, 1979, с. 381–382). Более чем двухсотлетнее господство Золотой Орды тяготело над «Русским улусом», и в течение этого времени вся жизнь в России была пропитана, за исключением религии, татарским влиянием. Эти два века господства неизгладимо повлияли на Россию и определяли ее судьбу до эпохи Петра Великого. В «монгольском» кулаке хаотично распадаящаяся страна была перестроена по «монгольскому» образцу в Московское государство, воспринявшее традиции Золотой Орды. Монгольское завоевание отделило Россию от Запада и приобщило к транспортной и финансовой системе огромной Монгольской империи, судьба России решалась в Сарае, и оттуда она перенимала многое из обычаев и традиций, мышление и образ жизни. Московские князья, которые лучше всего приспособились к новым условиям, переняли также имперскую идею. М. Правдин характеризует Ивана IV Грозного как типичного восточного властителя. В духе ханов он сломил сопротивление бояр, истребляя целые роды. Россия проникла в азиатские страны, в первую очередь, не как завоеватель и христианизатор, а как осознанный наследник Золотой Орды. Москва – это непосредственный и законный продолжатель Улуса Джучи. В то время как борьба России на Западе всегда шла только вокруг славянских областей, на Востоке же Московское государство не признавало никаких границ (Prawdin, 1935, с. 270, 274).

По мнению профессора Кёльнского университета Лотара Рюля (1927 г. рожд.), татары привели Киевскую Русь к окончательному закату и обособлению будущей Украины. Политический раскол постепенно усугублялся религиозными и культурными различиями между востоком и западом Руси, т.е. между великороссами, с одной стороны, и белорусами и украинцами, с другой. Разрушение таких больших городов, как Киев и Чернигов, сократило и без того небольшую численность городского населения, опустошение южнорусских земель увеличило степь, которая перешла на столетия к кочевникам, сельское население нашло на севере менее плодородные, но зато лучше защищенные большими лесами земли. Жители «восточной России», беззащитные перед татарскими «разбойничьими набегами», уходили на запад через Волгу в области вокруг Ярославля, Костромы, Твери и Москвы.

Таким образом, русский север с Владимиром, Тверью и Новгородом заметно усилился. Эта концентрация сил после монголо-татарского нашествия с переселением на запад и север с разрушенного юга русских крестьян способствовала подъему Москвы как нового великорусского политического центра под властью татар. Так часто проклиняемое в русских летописях и литературе «татарское иго» уже через полвека не так тяготило Россию, иначе, как считает Л. Рюль, удельные княжества не смогли бы возродиться на руинах Киевской Руси. Русские осуществили расширение собственной страны, идею великого государства, напоминающую Монгольскую империю. Русских вдохновлял пример монголо-татарских завоеваний. Завоеватели привнесли идею евразийского великого государства в Россию. В глазах европейцев русские до сегодняшнего дня остаются под кое-каким влиянием татар (Rühl, 1992, с. 24–27). Татары оказали влияние на русских, прежде всего, в их отношении к государству, власти и силе. Вплоть до начала XIV столетия жестокие вмешательства татар снова и снова прерывали поступательное развитие России (Rühl, 1992, с. 38).

Однако влияние татар, указывает профессор Кёльнского университета, имело и положительную сторону для России: осознание собственной христианской веры, подъем русской культуры, который способствовал религиозному рвению, которое, в свою очередь, стало одной из характерных черт русского народа. Татарское наследие отразилось в русском менталитете, в московских традициях царской власти и в имперской политике, превратившей большую часть Евразии в Россию (Rühl, 1992, с. 53).

Третье направление, видным представителем которого является профессор Гамбургского университета Бертольд Шпулер (1911–1990), исходит из тезиса, что татары и их государство – Золотая Орда в XIV веке достигли высокого уровня материальной и духовной культуры и что это культурное государство оказало заметное влияние на русское развитие. Допуская, что подчинение татарской власти означало тяжелое бремя для русских земель, Б.Шпулер, тем не менее, утверждает:

«В конечном счете, это имело для Руси также и заметное положительное значение» (Spuler, 1955, с. 400). Б.Шпулер считает, что Золотая Орда сыграла решающую роль в образовании Русского централизованного государства. «Движение русского народа на юг и юго-восток, проходившее в XI–XII веках, пусть и медленно, было остановлено монгольским переселением; так как эти пространства были захвачены завоевателями, русский народ должен был искать себе другие области. Русские устремились на север и северо-восток на огромные равнины. Таким образом, татарское господство является не только причиной того, что центр Восточной Европы переместился из Киева в Москву. Исторически значимое колонизационное движение русских на север и северо-восток, сравнимое с колонизацией немцами в средневековье Восточной Европы, является косвенным последствием завоеваний Бату» (Spuler, 1948, с. 39).

Монгольское нашествие приостановило связи России с Западом. К религиозному расколу окончательно добавились культурный и экономический. Татарское господство повлияло на государственную жизнь, на духовный мир и психику русского населения так, что восток Европы обособился от ее центра и запада. Различие религии, и тем более иная политическая судьба, которая постигла русский народ, окончательно разделили Европу (Spuler, 1940, с. 1–2). В то же время татары оказали влияние на военное дело русских. Немалое количество арабских и персидских слов в русском языке, заимствованных у тюрко-татар, доказывает, что в области одежды и ювелирного ремесла, строительства, питания и вооружения можно наблюдать восточное влияние. Золотая Орда повлияла и на московский дворцовый церемониал (Spuler, 1942, с. 30).

Таким образом, подводя итог, влияние татарских государств на Россию оценивается немецкими исследователями по-разному. Можно выделить три направления.

Первое направление отмечает отрицательное влияние татар на характер Русского государства. Постулируется тезис о чрезвычайной агрессивности, под воздействием татар, внешней политики Российского государства. Именно татары виновны, по мнению представителей этого направления, в возникновении русского самодержавия. Татарское господство привнесло в Россию «азиатский деспотизм», правление ханов отбросило назад развитие русской экономики, культуры, торговли и ремесла.

Представители второго направления в основном придерживаются положения о непрерывно увеличивающемся во время татарского господства разрыве между Россией и странами Запада. Они подчеркивают негативные последствия чужеземного правления, но в то же время отмечают и некоторые положительные итоги владычества татар. Так, например, обязательство выплаты дани сначала приостановило распад, а затем способствовало единению русских земель. Политика ханов привела к образованию Русского централизованного государства, после чего оно выступило наследником Золотой Орды и, в конце концов, стало евразийской державой.

Третье направление исходит из тезиса, что татары и их государство – Золотая Орда в XIV веке достигли высокого уровня материальной и духовной культуры и что татарское государство оказало заметное влияние на русское развитие. Золотая Орда сыграла решающую роль в образовании Русского централизованного государства. По мнению исследователей этого направления, татарское владычество для России имело наряду с отрицательными и заметные положительные результаты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Brückner A. Geschichte Rußlands bis zum Ende des 18. Jahrhunderts. Bd.1. Überblick der Entwicklung bis zum Tode Peters des Großen. Gotha: F. A.Perthes, 1896.
2. Donnert E. Das russische Zarenreich. Aufstieg und Untergang einer Weltmacht. München; Leipzig: List Verlag, 1992.
3. Hammer-Purgstall J. von. Geschichte der Chane der Krim unter osmanischer Herrschaft. Aus türkischen Quellen zusammengetragen mit der Zugabe eines Gasels Schachingerai's. Als Anhang zur Geschichte des Osmanischen Reiches. Wien, 1856.
4. Hammer-Purgstall J. von. Geschichte der goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland. Pesth: C.A. Hartleben's Verlag, 1840.
5. Hoetzsch O. Grundzüge der Geschichte Russlands. Stuttgart: K.F. Köhler Verlag, 1949.
6. Moeller R. Von Rurik bis Stalin. Wesen und Werden Russlands. Leipzig: Wilhelm Goldmann Verlag, 1939.
7. Prawdın M. Das Erbe Tschingis-Chans. Stuttgart; Berlin: Deutsche Verlags, 1935.
8. Prawdın M. Dschinghis-Khan. Herrscher der Mongolen. Bergisch Gladbach: Lübbe, 1979.
9. Prawdın M. Tschingis-Chans. Der Sturm aus Asien. – Stuttgart; Berlin: Deutsche Verlags, 1934.
10. Rimscha H. von. Geschichte Russlands. Wiesbaden: Rheinische Verlags-Anstalt, 1960.

11. Rühl L. Aufstieg und Niedergang des Russischen Reiches: Der Weg eines tausendjährigen Staates. Stuttgart: Deutsche Verlag Anstalt, 1992.
12. Rühl L. Russlands Weg zur Weltmacht. Düsseldorf; Wien: ECON, 1981.
13. Schuselka F. Russland im Joche der Tataren, im Kampf gegen und um die Krim in Demütigung und Übermut gegen die Türkei. Dresden: Verlag von Robert Schaefer, 1854.
14. Spuler B. Die Außenpolitik der Goldenen Horde. Die Horde als Großmacht in Osteuropa und Vorderasien // JGO. 1940. Heft 1–2.
15. Spuler B. Die Goldene Horde und Rußlands Schicksal // Saeculum. Bd.6. Hf.4. 1955.
16. Spuler B. Geschichte der islamischen Länder, ein Überblick. Die Mongolenzeit. Berlin: Wissenschaftliche Editionsgesellschaft, 1948.
17. Spuler B. Idel-Ural. Völker und Staaten zwischen Wolga und Ural. Berlin: Otto Stollberg, 1942.
18. Stökl G. Russische Geschichte von den Anfängen bis Gegenwart. 6., erweiterte Auflage. Stuttgart: Kröner, 1997.

M.S. Gatin

ABOUT THE TATAR INFLUENCE ON RUS' – RUSSIA IN THE WORKS OF GERMAN HISTORIANS

The article is devoted to the problem of Tatar influence in Russia in the works of German historians. Examines the relation of German authors to the results of the interaction of the Golden Horde and Tatar States with the Russian lands, Tatar and Russian people. There are three main directions in assessment of the Tatar influence on Russia – from mostly negative to mostly positive.

Keywords: Tatars, ostforschung, German historiography, Turko-Tatar States, Golden Horde.

Сведения об авторе:

Гатин Марат Салаватович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Татарстана, археологии и этнологии Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета (Казань); marat_gata@mail.ru

Gatin Marat – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan (Volga) Federal University (Kazan).

УДК 94(477.7)325"1700/1800"

ЯКУБ РУДЗЕВИЧ НА СЛУЖБЕ КРЫМСКОМУ ХАНСТВУ

© 2017 г. В.В. Грибовский

В статье представлены результаты исследования происхождения и деятельности Якова Измайловича Рудзевича (Якуб-ага) как чиновника Крымского ханства, исполнявшего обязанности ханского переводчика, «гетмана дубоссарского» и пограничного губернатора. Установлена его принадлежность к литовским татарам. Выяснена его роль в начале русско-турецкой войны 1768–1774 гг.

Ключевые слова: Крымское ханство, литовские татары, украинское казачество, гайдамаки, ногайцы, степной фронт Восточной Европы.

Яков (Якуб) Измайлович Рудзевич (? – 1784) известен в литературе как один из тех исторических деятелей, которые сыграли решающую роль в завоевании Крыма Российской империей (Мурзакевич, 1883, с. 255–258; Муфтизаде, 1899, с. 5; Лопатин, 2005, с. 59, 391–392, 378; Прохоров, 2016, с. 281, 284–287). Однако его биография до момента перехода в российское подданство остается совершенно неисследованной. Ханский переводчик Якуб-ага, отдельные аспекты деятельности которого описаны достаточно подробно (Андриевский, 1894), до сих пор еще не идентифицирован как Я.И. Рудзевич. Предмет этой публикации составляет его происхождение и служба как чиновника Крымского ханства, прослеживаемая по источникам с сентября 1759 г. по июль 1770 г.

Крымскотатарский историк Исмаил Муфтизаде, изучая документы архива Канцелярии Таврической губернии, заключил, что Я. И. Рудзевич происходил «из буджакских татар», как и его «родной племянник» Юсуф Ибраимович, вместе с которым он в 1770 г. «явился под Бендерами» к командующему 2-й армии П. И. Панину (Муфтизаде, с. 5). Его официальная служба Российской империи действительно началась именно с этого события. Но Якуб Рудзевич никак не был связан с буджакскими ногайцами. С большой долей уверенности можно утверждать о его принадлежности к известному роду литовских татар Рудзевичей, княжат герба Месяц. Этот род прослеживается с начала XVI в. как ответвление рода Мысаковичей, владельцев большого поместья в Ошмянском повете (современный г. Ашмяны, районный центр Гродненской области, Беларусь). В 60–80-е годы XVII в. Рудзевичи упомянуты как владельцы части с. Сорок Татар Троцкого воеводства Литовского княжества. В XVIII в. владения разрозненных его представителей измельчали и о них сохранились лишь отрывочные сведения. Из лиц, принадлежавших к данному роду, известны: Давид Рудзевич, товарищ в легком полку булавы польной коронной в 1725 г. и ротмистр в 1740-м; Роман Рудзевич, товарищ в королевском полку передней стражи в 1748 г.; Юзеф Рудзевич, сын Давида, ротмистр того же полку в 1765 г.; есть еще одно упоминание о Юзефе Рудзевиче, товарище в полку 2-й передней стражи войск литовских в 1773 г. В конце XVIII в. засвидетельствованы литовские землевладельцы Александр и Давид Рудзевичи, а также сестра их Елизавета, бывшая замужем за Александром Крычинским (Dziadulewicz, 1929, s. 277–279). В 1692–1693 гг. документы фиксируют Абáза Рудзевича, землевладельца с. Сорок Татар, и Мустафу Рудзевича из с. Мерешляны той же местности (Jankowski, p. 149, 155).

Мы не располагаем данными о степени родства Якова Измайловича с кем-либо из перечисленных лиц. То, как могли складываться отношения между родственниками, менявшими место жительства и подданства, показывает пример «хорунжего янычарского, обывателя хотинского» турецкого подданного Мустафы Романовича, свидетелевавшего о себе на суде Подольской губернии в 1801 г., что оставил родовые имения в Литве своему брату, Давиду Романовичу, подполковнику российской службы (Kruczyński S., 1938, s. 37). Якуб Рудзевич тоже мог отказаться от своих измельчавших фамильных владений в малоземельной Литве в пользу родственников и попытаться счастья на раздольном Юге. Многие говорят о его происхождении из литовских татар: прежде всего – славянизированная форма родового имени, тюркская в своей основе, как и у его племянника: Ибраимович. Как известно, фамильные имена литовских татар, как правило, заканчивались на *-icz* (Talko-Hrunczewicz, 1924, s. 43). Об этом же свидетельствует и польскоязычная документация, писанная им в бытность чиновником Крымского ханства, с подписью: *Jakub Aga* (Biblioteka

Czartoryskich. Akta i listy dotyczące spraw polsko-tureckich, 1767–1769 rr. Rps. 627. S. 13–13 zw.), также: *Якуб-ага Лек* (ИР НБУ. Ф. 9. Ед. хр. 2244–2247. 1765 г. Л. 1–2.); последнее, можно полагать, было прозвищем (*Lech*, т.е. «поляк»), полонизмы, сохранившиеся в русскоязычной корреспонденции («Домбасарсаго и Балцянского» – о населенных пунктах Дубоссары и Балта, «подлуг», «жадного письма»), знание бытовой подноготной г. Львова, проскальзывавшей в его ругани (Андриевский, 1894, с. 14, 44, 62).

Литовские татары (липки, липканы) в конце XIV–XVI вв. расселились компактными группами на территории современной Литвы и Беларуси. В середине XVII в. значительная их часть переместилась на украинскую Волынь и Подолье. Будучи военно-служебным сословием, они составляли хоругви, возглавляемые собственными ротмистрами, и использовались для обороны восточных воеводств Речи Посполитой. Нарастание религиозной нетерпимости в Речи Посполитой, бытовая неустроенность из-за хронической задержки жалования и другие сложные причины побудили некоторые хоругви татар-липок перейти на сторону Османской империи. Согласно Карловицкому мирному договору 1699 г., липки-перебежчики подлежали отселению от польско-турецкой границы в Молдову и Добруджу. С 1709 г. дискриминация липок в Речи Посполитой усилилась, поскольку они активно поддерживали Станислава Лещинского и нападали на сторонников Августа II Саксонского, конкурентов за польский трон. После поражения шведского короля Карла XII под Полтавой и выезда из Польши Станислава Лещинского, поддерживавшего его, «саксонцы» требовали репрессий литовских татар, конфискации их имущества, запрета назначения их представителей на офицерские должности и ограничения их религиозной свободы. Это вызвало очередную волну эмиграции липок в Османскую империю (Kruczyński S., 1938, s. 29–37; Kruczyński Leon Najman Mirza, 1935, s. 3–15; Смирнов, 1881, с. 38–41; Артамонов, 1990, с. 164). Переходы отдельных групп литовских татар продолжались в течение большей части XVIII в.; так, в 1760 г. подольские липки пытались выйти из польского подданства и переселиться в турецкий Хотин (ЦГИАУК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 88. Л. 19–19 об.).

В турецкой нахие Хотин и в Молдове тогда возникли новые села и кварталы в городах, компактно заселенные липками. Здесь они оставались носителями польско-литовско-белорусской культуры, обогащенной тюркскими и исламскими традициями. Их повседневный быт, сложившийся в Речи Посполитой, был воспроизведен на новом месте. Филипп (Пылып) Орлик, избранный в украинские гетманы в эмиграции (г. Бендеры), сам родом из белорусской шляхты, в 1722 г. отмечал благоустроенность и гостеприимство в здешних липковиких селах; «среди липок я нахожусь как среди своих людей», – писал он. Также свидетельствовал, что в османском подданстве они сохранили деление на хоругви во главе с ротмистрами, назначаемыми из их среды, владели собственной артиллерией (Рендюк, 2013, с. 138, 207, 209, 214, 219, 221). Что интересно, Ф. Орлик в Хотине встречался с «паном Колчаком, стражником и липканским полковником», т.е. начальником всех местных липок (Рендюк, 2013, с. 207, 209, 212, 215). Вероятно, это был тот самый Ильяс Колчак, которого впервые упомянул молдавский хронист Ион Некулче в описании Прутского сражения 1711 г. как «булюбаша (полковника), ренегата, серба родом из Боснии»; в поощрение за доставленное султану известие о поражении Петра I он «стал впоследствии пашей трехбунчужным и губернатором Хотина» (Плотников, 2001, с. 139).

Находясь на турецкой службе, липки продолжали поддерживать связь с «партией» Станислава Лещинского и участвовать в ее вооруженных выступлениях. В походе гетмана Ф. Орлика и крымского султана Мехмед-Гирея на Правобережную Украину в 1711 г. принимало участие около 3 тыс. литовских татар во главе с Юзефом Потоцким, лидером «станиславцев» (Артамонов, 1990, с. 52, 125). В мирное время липки выполняли дипломатические поручения и занимались шпионажем. Как, например, в феврале 1712 г. в Санкт-Петербург прибыл некий «ротмистр волоский» Александр Давыденко, привезший тайное «прошение» крымского хана Девлет-Гирея о «принятии его в российское подданство с Крымскою и Белгородскою ордами» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 4. Д. 1. 1712 г. Л. 1–18)¹. Оставшиеся в Речи Посполитой липки были информаторами турецких пограничных губернаторов; как, например, в 1722 г. некий гродненский татарин (Рендюк, 2013, с. 219). В 1766 г. из Очакова в Киева через «Польскую Украину» со шпионской целью пробирался некий липкан Сулейман, с паспортом, писанным по-польски на имя Самуила, возрастом до 60 лет; он хорошо говорил и по-русски, и по-турецки (Андриевский, 1894, с. 57). Порта еще долго использовала

¹ В допросе А. Давыденко показал, что живет в г. Хотин, в «волошской» (молдавской) земле, а прежде служил в Польше; это вполне удостоверяет его принадлежность к липкам (там же, л. 2).

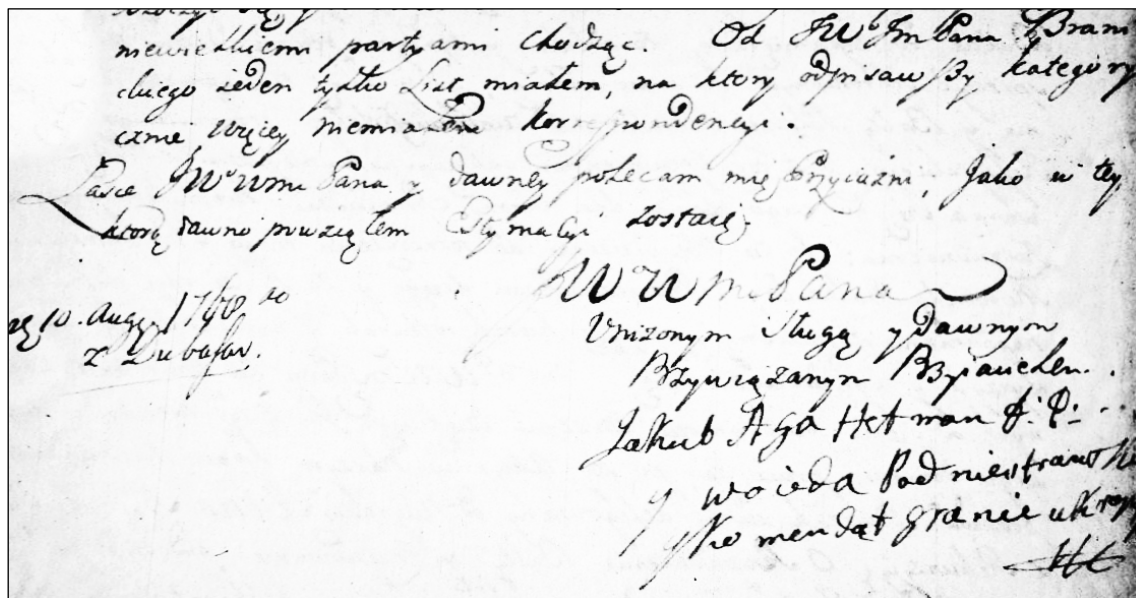
липок как курьеров с тайными поручениями к европейским дворам, в частности – при попытке заключения союза с Пруссией в 1779 г. (Смирнов, 1881, с. 41). Знание языков, обычаев и быта сопредельных стран делало их весьма полезными в этих делах.

Первое известное нам упоминание о Якубе Рудзевиче датировано сентябрем 1759 г. Тогда он, будучи ханским «толмачом» (переводчиком), взял «толмацкие деньги» (плату за перевод документа) со значкового товарища Полтавского полка Ивана Ниженца, прибывшего в Крым с товарами (ЦГИАУК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 88. Л. 13). Второе по хронологии свидетельство прямо связывает Якуба с Литвой. Сотник Новослободского полка Филипп Устимович, находившийся в г. Каушаны (ханская ставка в Бессарабии) с 2 по 27 марта 1760 г. (здесь и далее даты представлены по Юлианскому календарю), упомянул «*недавно прибывшего из Литвы*» в Каушаны ханского переводчика Якуба-аги». От него сотник узнал, что «во всех татарских и ногайских аулах» австрийские («цесарские») и прусские ремонтеры массово скупают коней по 15 червонцев за голову; брат Якуба на момент упоминания успел отогнать 20-тысячный табун для продажи, да и сам он получил круглую сумму за перегон лошадей к прусской границе (ЦГИАУК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 88. Л. 19 об.).

Ограниченная источниковая база не позволяет сделать вывод о том, было ли это прибытие из Литвы переходом в крымское подданство или возвращением из очередной деловой поездки. Ясно одно: эти переезды были связаны с крупной торговой сделкой, имевшей следствием быстрый рост влияния Якуба Рудзевича в Бахчисарае. В декабре 1761 г. он явился в Берлин во главе посольства хана Крым-Гирея с объявлением королю Фридриху II о готовности Крымского ханства в марте следующего года вступить в Семилетнюю войну на стороне Пруссии и действовать против России (Beydilli, 1985, s. 161–162; Мундт, 1909, с. 1, 30). Интронизация нового российского императора Петра III в феврале 1762 г. и заключение им союза с Фридрихом II лишали смысла эту договоренность. Крым-Гирей хоть и продолжал заявлять о своей нелюбви к России с детства (он пережил поход Б.К. Миниха в Крым 1736 г.), однако уклонился от дачи обязательств выступить против нее. Посланники Фридриха II в Бахчисарае теперь говорили о найме крымского войска и его участии в военных действиях в Центральной Европе, а также о продолжении закупок «нескольких тысяч» лошадей. Окончательное ханское слово зависело от возвращения Якуб-аги из Берлина. 14 февраля он письменно известил Крым-Гирея об оказанном ему прусским королем торжественном приеме. По возвращении Якубу было поручено известить прусского представителя К.А. фон дер Гольца о том, что ханское войско, собранное в Буджаке, отправится в распоряжение Фридриха II после получения от него 100 тыс. пиастров (Мундт, 1909, с. 15, 30–37).

Итак, на тот момент Якуб-ага занимал видное положение в Крымском ханстве, был драгоманом – переводчиком и главой внешнеполитического ведомства. Возвышение его, татарина из Литвы, произошло благодаря выгодным сделкам крымского хана по продаже ногайских лошадей Прусскому королевству во время Семилетней войны. Как ханский чиновник, он сопровождал Крым-Гирея в его частых переездах из Бахчисарае в Каушаны. В середине августа 1762 г. Якуб-ага принимал в Каушанах запорожского полкового старшину Самуила Недзельского, привезшего из Сечи письма об организации очередной пограничной комиссии по рассмотрению взаимных претензий запорожцев и крымцев. С. Недзельский удостоверился в подготовке похода 25-тысячного крымского войска в «венгерские области» (Андриевский, 1894, с. 663–664). Однако известие о детронизации Петра III и восшествии на престол Екатерины II (28 июня) остановило военные приготовления хана и принудило его ждать новых указаний из Стамбула. В Варшаве и Санкт-Петербурге с большой настойчивостью отслеживали развитие прусско-крымских отношений. Тот же С. Недзельский 20 августа 1762 г. информировал российские власти, что киевский воевода граф Потоцкий планирует предстоящую зиму провести в пограничном местечке Палиево Озеро (Юзефгород) с 10 тыс. войском «для бережения границы польской» (Андриевский, 1894, с. 664). По состоянию на 8 сентября, Крым-Гирей со своим войском расположился возле «ханской слободы» Кривое Озеро, за несколько миль от польской границы; намерения его оставались неизвестными. Примечательно, что король Речи Посполитой назначил своим представителем для приветствия Екатерины II мечника коронного князя Любомирского, который владел приграничными землями вдоль р. Кодымы. Вместо военного похода через земли Речи Посполитой в Центральную Европу хан отправил своего посла к великому гетману коронному Яну Клеменсу Браницкому с письмом, в котором были изложены обновленные данные об ущербе крымских и османских подданных, понесенном от польских, и излагалось требование проведения дополнительной комиссии для «инквизиции и суда» по пограничным делам. Коронный гетман назначил уполномоченных по их организации, а для пущего бережения приказал стянуть на границу войска. Были предприняты и диплома-

тические меры сдерживания крымцев. В конце концов, договорились о проведении этой комиссии в Юзефгоде 25 сентября (Kuryer Warszawski. 1762. № 66. S. 5–6; Supliment do Kuryera Warszawskiego. 1762, pazdziernika 16. № 66. S. 3.).

Автограф Якуба Рудзевича

(Biblioteka Czartoryskich. Akta i listy dotyczące spraw polsko-tureckich, 1767–1769. Rps. 628. S. 13 zw.)

Якуб-ага находился в эпицентре всех этих событий. Отказ Порты от участия в Семилетней войне был озвучен ханским переводчиком, который заявил прусскому посланнику фон дер Гольцу о нежелательности его дальнейшего присутствия в Бахчисарае и вручил ему ханский фирман, разрешавший покупку очередной партии лошадей (Мундт, 1909, с. 36–37). Дипломатия Фридриха II, едва не втянувшая Крымское ханство в Семилетнюю войну, имела результатом своих усилий банальную торговую сделку, с которой, собственно, и начались прусско-крымские отношения. Турецкий султан Мустафа III разрешил своим подданным беспрепятственно наниматься в прусскую армию – среди таких наемников упомянуты казаки, татары и боснийцы (Beydilli, 1985, s. 158), но никаких войск в помощь Фридриху не отправил. По сообщению от 10 июня 1762 г., из Стамбула в Молдову прибыл «пруссский посланник [...] к волоскому господарю с фарманом (фирманом. – В.Г.) о дозволении ему вербовать людей, почему и дозволено ему из волных разных людей, бурлак [набирать], которой де и навербовал до пятидесяти человек, коим дано было лошади, амуниция и денги». Но случилось так, что эти «бурлаки» «бывших при них для обучения эксерциии двух пруссаков связав, разбежались», прихватив с собой все выданное для похода имущество. Пруссский посланник безуспешно жаловался крымскому хану о происшедшем (Канцелярия, 2005, с. 336).

Крым-Гирей в течение нескольких лет вызывал восторги ногайцев и крымских татар уверениями, что снова будут богатые добычей войны, он лично разрушит крепость св. Елизаветы (современный г. Кропивницкий, Украина), угрожавшую безопасности крымских границ, и повесит свою плеть в Петербурге (Смирнов, 1889, с. 238). Но вскоре этот хан не только ужесточил наказания своих разочарованных подданных за нападения на жителей соседних государств, но и согласился на постоянное присутствие в Бахчисарае российского консула. Этого никогда не допускали даже самые слабые его предшественники. Для слабеющего Крымского ханства это означало создание разветвленной шпионской сети его основным противником и бессмысленность ведения собственной внешней политики. Впрочем, в этом вопросе от действий Крым-Гирея, тем более – его драгомана, мало что зависело. Решение о российском консуле в Бахчисарае принимали в Стамбуле.

На фоне всех этих событий выглядят весьма примечательными доверительные разговоры Якуб-аги с запорожским старшиной С. Недзельским. Ханский драгоман ему «под клятвою объа-

вил: счастливо де ваше Войско и все сегобочное (по российскую сторону границы. – В.Г.) население, что в России известная перемена сделана (интронизация Екатерины II. – В.Г.), а как бы де так не переменилось, то б де государь бывший запорожския и все сегобочния земли хану крымскому жаловал, а запорожцы де за Кубань переведены б были, и уже обещал» (Андриевский, 1886, с. 663–664). Сложно судить, действительно ли Петр III давал хоть малейший намек Мустафе III на подобные мероприятия, но желание ханского драгомана сблизиться с запорожским старшиной, как российским представителем, здесь явно присутствовало.

Якуб-ага «приобрел к себе доверенность» первого российского консула в Крыму А. Ф. Никифорова (с 1763 г.) и обязался информировать его о тайных делах ханства. После скандального выдворения Никифорова в 1765 г. это конфиденциальное общение продолжилось, как и осталась шпионская сеть, созданная им за время своего консульства. Киевский генерал-губернатор И.Ф. Глебов предписал ему поддерживать письменное сообщение с Якубом, используя «цифирный ключ», известный только им двоим (Андриевский, 1894, с. 20). Следует отметить, что А.Ф. Никифоров был учеником и протеже видного российского дипломата И.И. Неплюева, российского резидента (посла) в Стамбуле в 1721–1734 гг. Выстроенная им за то время система шпионажа на территории Османской империи показала свою эффективность в ходе русско-турецкой войны 1735–1739 гг. (Кочубинский, 1899, с. 395) Никифоров, следуя его примеру, постарался восстановить доверие начальства усердным кураторством конфиденентов, проживающих в Крымском ханстве.

Российская тайная дипломатия недолго считала ханского переводчика наиболее важным своим агентом в Крыму. Смещение Крым-Гирея и возведение на ханский престол Селим-Гирея в 1765 г. резко снизили его ценность как информатора. При новом хане Якуб-ага приобрел титул «гетмана дубоссарского». В апреле 1766 г. он уже сам предложил свои услуги киевскому генерал-губернатору. Но, по сведениям, полученным от других конфиденентов, было установлено, что Якуб-ага, «яко хитрой и пронырливой человек, своими представлениями (тайной информации о России. – В.Г.) в великой кредит вошел» у хана Селим-Гирея, от которого «всем министрам Порты рекомендован». И.Ф. Глебов все же решил связь с ним не прерывать. Присланная из Коллегии иностранных дел инструкция предписывала посылать Якубу небольшие подарки, а если его сведения окажутся важными – давать «пенсию». Киевский губернатор сразу начал с выплаты «пенсии» в 900 р.; с этой суммой из Киева в Дубоссары был отправлен капитан Анастасий Бастевик, лично знавший Якуба и теперь получивший задание восстановить с ним систематическую связь (Андриевский, 1894, с. 10, 23–24).

Литовский татарин Якуб Рудзевич вряд ли испытывал какие-то патриотические чувства к Крымскому ханству. Да и к титулу гетмана, связанного с государственной традицией украинского казачества, он не относился иначе, как средству, дававшему право на власть над определенной территорией и доход от нее – «Ханской Украины» (г. Дубоссары и побережье р. Ягорлык). Сомнительно, чтобы личное обогащение было для него самоцелью, поскольку он жил в мире, в котором лишь власть могла гарантировать аккумуляцию богатств, а одних только денег было недостаточно для достижения и поддержания власти, как и гарантий личной безопасности. Для этого нужны были титулы и производные от них полномочия. Поскольку титул «гетмана ханской милостью», дававшийся представителям правобережного украинского казачества, после Карловицкого договора 1699 г. уже не мог быть использован официально (Чухліб, 2014, с. 153–156), в османской делопроизводительной практике правителя «Ханской Украины» называли воеводой (по примеру Молдовы), а возглавляемую им территорию – *войводалык*; фискальные сборы по этой линии административного подчинения предназначались для военных нужд (Серета, 2009, с. 37–38). Представители Речи Посполитой называли Якуб-агу «воеводой татарским»; его же подпись содержала такую формулировку: «гетман и воевода поднестровский и комендант границ украинских» (Biblioteka Czartoryskich. Akta i listy dotyczące spraw polsko-tureckich, 1767–1769. Rps. 628. S. 2, 13–13 zw.). Барон де Тотт характеризовал его положение как «губернатора и начальника таможни Балты» (Memoirs, 1785, p. 103).

К середине XVIII в. «гетманы дубоссарские» уже имели мало общего с украинским казачеством; этот титул, вместе с обозначаемыми им прерогативами в отношении определенной территории, крымские ханы отдавали на откуп. А. Г. Серета привел данные из турецких документов того времени о «мукатаа Томбасар», т.е. откупе г. Дубоссары и прилегающей к нему местности с широ-

кими правами откупщика (Серета, 2009, с. 36, 57, 59). Согласно старой практике Османской империи, военные и государственные служащие могли получать право откупа-мукатаа на фискальные сборы с определенного района. Откуп обычно давался на 3 года; собранную сумму в фиксированном размере в определенные сроки откупщики должны были отдавать в государственную казну под угрозой ареста за невыполнение обязательств. Крупный мукатаа, как, например, в Венгрии, мог включать до 13 сел (Кальди-Надь, 1964, с. 76–78, 86, 89). По сообщению Шарля де Пейссонеля (1755), французского консула в Бахчисарае, казна Крымского ханства ежегодно получала 8 тыс. турецких пиастров от «хатмана из Дюбассара», который «почти всегда из армян» (Пейссонель, 2013, с. 27). В июне 1762 г. упомянут «дубосарский хатман, именем Шернез» (судя по имени, армянин), который отправил в Очаков сто вооруженных людей во главе с хорунжим Ионицей Беректарем (Байрактаром), жителем молдавского местечка Фокшаны, для встречи хана Крым-Гирея. В ходе подготовки похода крымского войска в Венгрию «гетман дубосарский» не только мобилизовал сто человек, но и посылал «дубосарского ведомства села Гедерим сотника Штефана Балана» и местного жителя Иваницу Фрунзе для шпионажа в Новую Сербию, а также руководил заготовкой провианта (сухарей) (Канцелярия, 2005, с. 335–336).

Как видим, «мукатаа Томбасар» был не только даваемой на откуп фискальной единицей, но и автономным образованием со смешанным украинско-молдавским населением, где сохранялись черты бывшего казацкого строя, явленные в названиях чинов: гетман, полковник, сотник. Титул «гетмана дубосарского» Якуб-ага не столько купил, сколько получил как своеобразный патент на специфическую деятельность, которая заключалась и в управлении пограничной территорией, и в осуществлении фискальных и таможенных сборов, и в шпионаже. Неслучайно, что Якуб-ага в корреспонденции редко называл себя «владельцем» (т.е. откупщиком). Свое новое положение в тайной переписке с киевским генерал-губернатором в 1766 г. он охарактеризовал так: вступил «в правление округов Каушанскаго, Домбасарскаго и Балцянскаго» (Андриевский, 1894, с. 14). После детронизации Крым-Гирея Якуб-ага искал способ убедить нового крымского хана, Селим-Гирея, в своей нужности. И нашел: предложил заселить пограничную с Речью Посполитой территорию – от устья р. Синюха, впадающей в Южный Буг, по р. Кодыма до местечка Палиево Озеро (Юзефград) – выходцами из Левобережной Украины (гетманскими казаками и посполитыми) и Новороссийской губернии. На эту территорию тогда распространилось название «Ханская Украина». Как писал российский агент в Очакове, «о вызове [...] переселенцев» он, Якуб, немалое прилагает старание, объявляя им данные выгоды и облегчения в податях с учреждением ярманков и протчих полезных распоряжений, по которой причине народ с помянутых сторон сильно туда стекается и селения гораздо умножились, да и безпрестанно прибавляются». Отмечено еще одно важное обстоятельство: «для прикрытия сего намерения от соседственных держав приказано Якубу разгласить, что все те слободы ему на откуп отданы» (Андриевский, 1894, с. 12, 31).

Крымскому ханству создание зоны оседлости на границах с Речью Посполитой и Российской империей кроме экономической выгоды давало и важные политические преимущества. Во-первых, Гиреи нуждались в создании своего постоянно действующего административного аппарата на степном пограничье; конечно, без возникновения на севере кочевий едисанских ногайцев постоянных поселений об этом не могло быть и речи. Во-вторых, Бахчисараю было необходимо буферное пространство, отделяющее его территории от нападений украинских гайдамаков и казаков, неподконтрольных польским и российским властям, а с другой стороны – сдерживающее собственных подданных от набегов на северных соседей. Это было одной из главных проблем крымских ханов, начиная с 1699 г.: взаимные нападения крымских, польских и российских подданных дестабилизировали границы и осложняли межгосударственные отношения. Например, в 1760 г., в отместку за набеги гайдамаков, ногайцы и крымские татары захватили вблизи границы до 20 «поляков и некоторых купцов» (ЦГИАУК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 91. Л. 5), что стало предметом длительных разбирательств. В-третьих, северный берег пограничной р. Кодыма в то время энергично заселяли польские осадчики. Князь Любомирский в 1760–1761 гг. строил здесь «город» Кривое Озеро и разместил в нем надворных казаков под предлогом защиты от гайдамаков. Крымские власти отреагировали на это возведением на противоположном берегу своего «города» (ЦГИАУК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 91. Л. 41–41 об.). Кроме того, польские помещики укрывали в своих имениях ногайских и крымскотатарских бунтовщиков, бежавших от преследований со стороны хана (Канцелярия, 2005, с. 293). Ха-

лим-Гирею приходилось посылать письма в Сечь с просьбой отправить запорожские караульные команды в Побужье для поимки гайдамаков и взбунтовавшихся ногайцев, не взирая на границы (Скальковський, 1994, с. 369). Из Бахчисарая к запорожцам подобные предложения поступали и в отношении восставших ногайцев (1758 г.), с обещанием того, что «весь их скот и имение да будет пред вами, а нам толко отдавать их головы» (АВПРИ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 1. Л. 103 об.). Было еще и четвертое важное обстоятельство: отсутствие у Бахчисарая собственного канала получения информации о намерениях правительств соседних государств. Даже Речь Посполитая, все более попадавшая в зависимость от Российской империи, располагала агентурной сетью, руководимой пограничными «командирами». Тому пример подает сообщение 1755 г. о том, что от губернатора г. Торговица, что на р. Синюха, «шпионы, а больше из жидов, посылаютца, и там уже они, разведав и записав, приносят известия» (ИР НБУ. Ф. 9. Ед. хр. 132–214. 1755 г. Л. 17 об.).

Предложение Якуб-аги сулило комплексное решение этого сложного вопроса. Заселение южного берега р. Кодыма началось задолго до его назначения в «гетманы дубоссарские». Первыми здесь возникли слободы Балта (около 1748 г., напротив Палиевого Озера или Юзефграда), Голма и Перелеты (1753); еще три – в 1762 г. (ЦГИАУК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 143. Л. 79–81), т.е. в год пограничных осложнений из-за Пруссии. Следует полагать, у хана Крым-Гирея были свои планы на эту полосу земледельческой оседлости, и Якуб играл в них весьма важную роль, в которую новый хан, Селим-Гирей, по всей видимости, был не полностью посвящен. После детронизации Крым-Гирея его драгоман наложил на них руку и подверг преследованию некоторых местных управителей. 10 сентября 1765 г. Якуб-ага, «воевода дубоссарский, владелец слободы Кривое Озеро», сообщил коменданту крепости св. Елизаветы В. А. Черткову о принятии от него «бежавшего отсюда бывшего голтанского каймакана, прозываемаго Черкеса» (ИР НБУ. Ф. 9. Ед. хр. 2244–2247. 1765 г. Л. 1–4). В других документах беглецом назван каймакан слободы Голта Гарбет Попов, вероятно, армянин, который со «служебными» деньгами скрылся в Новороссийской губернии (ИР НБУ. Ф. 9. Ед. хр. 2236–2243. 1765 г. Л. 1–1 об.). Что примечательно, «полковник дубоссарский Черкас» в декабре 1763 г. вел переписку с запорожским кошевым атаманом П.И. Калнышевским о пограничных вопросах (Петро Калнышевський, 2009, с. 125), т.е. выполнял функции местного управителя. Российская пограничная администрация, имея секретные инструкции о содействии Якуб-аге, поспешила удовлетворить его требования.

По всей вероятности, султанское и ханское правительства знали о шпионских играх «гетмана дубоссарского» с киевским генерал-губернатором; точнее, эти игры велись с их согласия. При хане Селим-Гирее он, не занимая должности драгомана, продолжал прежнюю практику доверительных разговоров с прибывавшими из Российской империи посланниками, выуживая у них нужную информацию и предоставляя им данные о ханстве в наиболее выгодном для него свете. В январе 1765 г. новый ханский переводчик, Дауд, которому по должности было положено встречать и сопровождать официальных иностранных гостей, привел поручика Климовского, отправленного киевским генерал-губернатором, к тому же Якуб-аге, эту должность уже не занимавшему. Разговор зашел о возобновлении российского консульства в Бахчисарае (Донесение Елчанинова, 1887, с. 481). О содействии в этом вопросе Якубу настойчиво писали из Киева. Он отвечал, что прилагает все усилия, но не может действовать напористо, боясь вызвать подозрения в тайной связи с Петербургом; сообщал незначительные новости, уверял в своей преданности России; писал об истраченных на исполнение конфиденциальных поручений деньгах и просил платы на два года вперед; сетовал на то, что нынешний хан – невежда, который не может навести порядок в своей стране; извещал о намерении перевести свою семью в Дубоссары, ибо в Крыму дом его сгорел, а новый он строить там не собирается; спрашивал, может ли он найти прибежище в России, если его враги в Крыму настроят против него крымского хана. Но, в то же время, Якуб-ага установил отношения с французским консулом Ференцом де Тоттом и получил от него 200 червонцев. Узнав об этом, российское правительство перестало платить своему неоправдавшему надежд агенту. В ответ Якуб ограбил российского купца Федора Бондарева на сумму 1869 руб., полагая, что взял себе причитающееся, о чем не без бахвальства сообщил киевскому генерал-губернатору 22 августа 1768 г. А в сентябре, перед самым началом военных действий, «гетман дубоссарский» арестовал в очередной раз приехавшего к нему капитана А. Бастевика (Андрієвський, 1894, с. 13–14, 16).

Приведенного достаточно для понимания того, что Якуб Рудзевич вовсе не был российским шпионом, а использовал эту агентурную связь в своих интересах. Каковы же были эти интересы? Были ли они тождественны интересам Крымского ханства и Османской империи, о которых речь шла выше? Ответить на это трудно, ввиду ограниченной источниковой базы и наличия стойких историографических стереотипов, уводящих рассмотрение в сторону от поставленных вопросов. Но предположительные ответы на них можно дать, исходя из анализа событий лета 1768 г., в которых прослеживаются следы татар-липок и Барской конфедерации – не слишком заметные на фоне общего ухудшения отношений между Османской и Российской империями.

Зыбкий порядок, установившийся на польско-крымском пограничье после заключения Белградского мира 1739 г., балансировал на грани разрушения в начале 1760-х годов. После интронизации Станислава Понятовского в 1764 г. резко увеличилось российское влияние в Речи Посполитой, вызвавшее противоречивые реакции внутри и вокруг этого слабеющего государства. Вмешательство монархии Романовых в его внутренние дела под предлогом защиты православного населения вошло в резонанс со старыми конфессиональными и этническими конфликтами. Стремительно росли антироссийские и прокатолические настроения среди поляков, что выразилось в провозглашении в подольском г. Бар конфедерации и погромах православных церквей и общин. С другой стороны, на Правобережной Украине набирало силу гайдамацкое движение, неформально связанное с Запорожьем, выступавшее за восстановления казацкого строя, ликвидированного Варшавой в 1699 г., и защиту православия. Гайдамаки составили основу крупного восстания, охватившего Правобережную Украину в июне 1768 г., – Колийивщины. Восстание возглавил запорожец (следовательно, российский подданный) Максим Зализняк. Правомерность его действий была изложена в фальшивой «Золотой грамоте», в которой он был назван «полковником и атаманом Войска Запорожского» с полномочиями «вступить на территорию Польши, взяв с собой части нашей российской армии и донских казаков, дабы уничтожить с Божьей помощью всех поляков и евреев, поругавших нашу святую веру» (Мірчук, 1973, с. 133–134). Текст этой «грамоты» был опубликован во французской прессе вскоре после Колийивщины и получил широкую огласку как документ, подтверждающий обоснованность объявления Турцией войны России. По всей видимости, М. Зализняк был уверен в подлинности этого документа, иначе он вряд ли доверился бы призыву генерал-майора М. Кречетникова явиться к нему для согласования общего выступления против конфедератов и тем дать возможность так легко себя арестовать (26 июня). Исходя из содержания «золотой грамоты» (ее «язык» далек от делопроизводственного стиля российских документов) и контекста ее появления, можно предположить, что она была сфабрикована в среде православного духовенства Правобережной Украины.

Отношения Якуб-аги с Максимом Зализняком прослеживаются с момента взятия им г. Умань (10 июня). «Гетман дубоссарский» тогда письменно обратился к предводителю Колийивщины с просьбой о защите находившихся там «турецких» купцов. М. Зализняк отправил ответное письмо с запорожцем Фомою Дурным, уверявшим, что «оныя купцы ничем не были тронуты» (Гайдамацкий, 1970, с. 436–437). Т.е. он, представляясь официальным лицом, якобы уполномоченным российской императрицей на борьбу с Барской конфедерацией и «защиту православия», считал себя вправе сообщаться с пограничным губернатором иностранного государства, придерживаясь (в поступках и письмах) неких правовых и этикетных норм.

16 июня к местечку Палиево Озеро (Юзефград) прибыл отряд «сотника» Семена Шило, состоящий из 50 гайдамаков; причиной его появления было получение М. Зализняком известия о нахождении там 50 конфедератов. Как и в других местностях, охваченных Колийивщиной, здесь произошли убийства и грабежи местных польских и еврейских жителей. Многие из них успели скрыться на турецкой стороне границы, в Балте. Не осмелившись нарушить границу, С. Шило обратился к Якуб-аге с требованием их выдачи; но тот отказал. Четыре дня «погуляв» в Палиевом Озере, Шило со своими гайдамаками «замирлся» с балтянскими «турками», которые скупали у них награбленное (на допросах гайдамаки утверждали о «возвращении» всего награбленного), а затем отправился в Умань. Воспользовавшись его уходом, поляки и евреи, укрывшиеся в Балте, вместе с конфедератами вернулись в Палиево Озеро, ограбили местных православных жителей, убили четырех купцов (сербов и «русских»), осквернили их церковь, в отместку за убийства и погромы, совершенные гайдамаками. Кроме того, балтянские «турки» убили четырех гайдамаков, оставленных Шило охранять мост, соединяв-

ший Балту и Палиево Озеро. Узнав об этом, гайдамаки снова нагрянули в Палиево Озере «с немалым азартом, многочисленно», погнались за конфедератами и «турками» через мост на противоположный берег пограничной речки Кодымы, обстреляли из четырех пушек Балту, принудив Якуб-агу и подчиненный ему небольшой гарнизон (состоящий из сейменов, т.е. наемных солдат; источники их называют турками) бежать, и разграбили этот крымско-турецкий «город». В ходе столкновения погибло 15 османских и крымских подданных (АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6/79. 1768 г. Д. 932. Л. 20–20 об.; Гайдамацкий, 1970, с. 361–363, 436–438, 370; Serczyk, 1972, s. 331).

Это событие стало поводом для продолжения «официальной» переписки М. Зализняка и Якуб-аги. 19 июня 1768 г. предводитель Колийивщины изложил в письме к «гетману дубоссарскому» свою оценку произошедших событий: «По выступлению нашем (нашего войска; Зализняк на тот момент оставался в Умани. – В.Г.) из города Балта напали ваши с той стороны, почему – не можем знать, или жолнеры, или мещане, вторглись в город [Палиево Озеро], стали христиан убивать, тогда мы, узнав о том, принуждены были назад вернуться и своих людей защищать[...]. Вернувшись назад, мы не хотели с вами никаких столкновений иметь, только когда одного нашего казака убили (выше было указано четыре убитых, один из них отдельно упомянут как «гусар», видимо о нем здесь идет речь. – В.Г.), должны были мы себя защищать[...]. Как мы в первый раз приехали, мы очень хотели быть в хороших отношениях с вами, и просьбу вашей вельможности пана выполнили» (вернули 4 коней и удовлетворили другие претензии Якуба). Далее: «Мы ездили по границах, но не самовольно, а согласно указу нашей царицы, поляков и евреев и других злодеев убивая и в Польшу загоняя, а вы таких людей прячете на своей земле и еще за них заступаетесь, посему прошу Вас, милостивого пана и благодетеля, за таких людей больше не заступаться и на своей земле не прятать» (Biblioteka Czartoryskich. Akta i listy dotyczące spraw polsko-tureckich, 1767–1769. Rps. 628. S. 2(49)– 2(49) zw.). Копия этого письма была сделана в Балте и отправлена Якуб-агой одному своему польскому корреспонденту.

В описанных событиях присутствовала одна весьма важная для понимания специфики политической традиции «Ханской Украиной» деталь: гайдамаки привезли из Балты захваченный там атрибут гетманской власти – «употребляемой в Войске Запорожском войсковой знак, называемой пернач, деланной из железа» (Гайдамацкий, 1970, с. 438). Какое это имело отношение к объявлению М. Зализняка гетманом в Умани (Мірчук, 1973, с. 179) – несложно догадаться. Вполне вероятно, что этот пернач принадлежал первым гетманам «Ханской Украины» – Степану Лозинскому (1690–1695) и Петру Иваненко (1695–1712), и, в конце концов, из рук Якуб-аги перешел к Максиму Зализняку как последнему крупному руководителю казачества Правобережной Украины. По сообщению от 24 июня, он имел при себе есаула с перначом, одну хоругвь и восемь прапоров (флагов) (Гайдамацкий, 1970, с. 373). Впрочем, овладение этими казацкими регалиями никак не повлияло на признание его как предводителя правобережного казачества.

21 июня 19 гайдамаков («несколько человек, якобы запорожских казаков») совершили нападение («с крайнею продерзостию и зверскою яростию») на другую ханскую слободу – Голту, находящуюся при устье р. Кодыма напротив слободы Орел, расположенной по другую сторону Южного Буга в Новороссийской губернии. Укрывавшиеся в Голте «несколько человек полских шляхтичей и жидов», а также «голтянские жиды» – турецко-крымские подданные, были убиты («измуча, покололи и убили[...], а других в реку Буг потопили»). Каймакан слободы Голта, отказавшись выдавать «польских» беглецов по требованию гайдамаков и спасая бегством в слободу Орел (Гайдамацкий, 1970, с. 373; Serczyk, 1972, s. 332).

«Гетман дубоссарский» проявил бурную активность в ходе всех этих событий. Сразу после нападения гайдамаков на «ханские слободы» к Балте подошли собравшиеся для военного похода ногайцы. На тот момент у Якуб-аги находились запорожский представитель Семен Галицкий и посланные от М. Зализняка есаул и сотник для улаживания конфликта. Обращаясь к гайдамакам, Якуб сказал: «Что вы это сделали и с каким вы намерением город сей, Балту, разорили? Видеть де вы можете сами, что орда подоспела и она напрасно отойти не может. От вы запропастили своим самовольством Украину» (Гайдамацкий, 1970, с. 371). Представители М. Зализняка подписали какие-то обязательства о возмещении ущерба. Якуб показал С. Галицкому письма, присланные от предводителя Колийивщины, в которых он обозначил себя как представитель Войска Запорожского, действующий по указу «царицы». Галицкий отрицал это и заявил, что они не запорожцы, а «са-

мозбройцы» и что турецко-крымские власти могут с ними поступать, как посчитают нужным (Гайдамацкий, 1970, с. 371–372).

С конца июня до начала августа Якуб-ага «калатал» претензийными письмами об «обидах и казнях» в «ханских слободах», рассылая их в Варшаву и Стамбул к польскому послу (Rawita-Gawroński, 1913, s. 231). 30 июня (10 июля) «гетман дубоссарский» сообщил польским властям об отправке ханом своего представителя в Россию для заявления протеста по поводу нападения ее подданных-запорожцев на Балту и Голту, «тирански замученных нескольких сотнях людей», и требования «сатисфакции причиненного ущерба крупных сумм». Он ежедневно докладывал начальникам турецких крепостей Очаков и Бендеры обо всем происходящим и о том, что последние события являются прямым поводом для объявления войны («apparencyu do wojny w naszym kraju») (Biblioteka Czartoryskich. Akta i listy dotyczące spraw polsko-tureckich, 1767–1769. Rps. 627. S. 13–13 zw.). По сообщению от 8 (19) июля в Балту приезжал пан Багинский, представитель ловчего коронного и региментаря генерального (коронного гетмана) Браницкого, для выяснения обстоятельств и ущерба, нанесенного гайдамаками, подданными Речи Посполитой и Российской империи. Выяснилось, что в ходе тех событий было убито до 300 людей и угнано много скота. Парируя претензии «гетмана дубоссарского», гетман коронный заявил встречную претензию о том, что во время преследования гайдамаков подначальные Якуб-аги напали на территорию Речи Посполитой, нарушив тем самым Карловицкий договор (Biblioteka Czartoryskich. Akta i listy dotyczące spraw polsko-tureckich, 1767–1769. Rps. 628. S. 2).

Российская дипломатия пыталась блокировать обвинения, исходящие от Якуб-аги, в том, что нападения на Балту совершили российские подданные-запорожцы. 10 июля посол в Варшаве Н.В. Репнин писал послу в Стамбуле А.М. Обрескову о получении письма от Я.К. Браницкого, в котором говорилось: «вышепомянутое разорение произошло от разбоиников или россииских людей, коими *разумеет тот ага* запорожских наших бродяг» (Гайдамацкий, 1970, с. 382–383). Российские власти предлагали Якуб-аге выбрать место на границе для публичной экзекуции М. Зализняка и его 70 соратников – предания их такой «казни, которая в империи нашей употребительна с величайшими только преступниками»; произвести ее так, чтобы «турецкие подданные купно с поляками всему происхождению самовидцами быть могли». Назначенная для них смертная казнь затем была заменена на вырывание ноздрей, заковывание в кандалы и вечную ссылку в Нерчинск на каторгу (Гайдамацкий, 1970, с. 411–412, 430, 434, 457–458).

Обратимся еще раз к сообщению С. Галицкого от 2 июля о подходе вооруженных ногайцев к Балте и угрозе Якуб-аги по этому поводу гайдамакам, что они «запропастили своим самоволством Украину». 13 (24) июля некий грек из Хотина сообщил польской пограничной администрации, что турки собирают войска на границах, «все татары поднялись, в особенности ногайцы», имея своим намерением перейти границу и атаковать Новую Сербию (Biblioteka Czartoryskich. Akta i listy dotyczące spraw polsko-tureckich, 1767–1769. Rps 627. S. 10–10 zw.). В происходящем постоянно присутствовал фактор Барской конфедерации. После поражения под г. Бар от российских войск отряды конфедератов перешли р. Днестр у г. Могилев-Подольский и, передав свою артиллерию турецким властям, расположились в Молдове (Гайдамацкий, 1970, с. 383). Их поддержали местные липки, которые также вооружались, готовые вступить на территорию Речи Посполитой для ее освобождения от российского присутствия. По недатированному сообщению 1768 г. (его можно отнести к концу осени того года) к маршалку коронному Ежи Мнишху, один из лидеров конфедератов, Пулавский (скорее всего, Франтишек Ксаверий, избранный в генеральные канцлеры конфедерации 23 ноября), выступил во главе нескольких колон из Молдовы в направлении Польши с несколькими тысячами татар-липков и тысячею турок (Biblioteka Czartoryskich. Listy do Jerzego Mniszcha, marszałka kor., w sprawach publicznych i prywatnych. T. 29, 1769. Rps. 3863. S. 9–9 zw.). Конфедераты часто посещали Стамбул, активно агитировали ногайцев Буджакской и Едисанской орд выступать в поход против России, с той же целью приезжали в Запорожскую Сечь (Скальковский, 1994, с. 449). Начиналась новая война Османской и Российской империй.

Итак, Якуб-ага сыграл значительную роль в превращении балтского инцидента в повод для начала войны. Без сомнения, он знал, кто вырвал из его рук гетманскую булаву и для каких целей; ему было известно и о происхождении этой булавы, ее исторической связи с казачеством Правобережной Украины. Не мог он не знать и того, что в Колийвщине хоть и участвовали запорожцы, но

отнодь не массово и без разрешения своих властей, и что основной ее силой было правобережное гайдамачество, добивавшееся своим стихийным напором восстановления казацкого строя, уничтоженного в начале XVIII в. Во всем этом он, пронырливый шпион, не мог не быть осведомленным до мелочей; не исключено, что ему было известно и о происхождении той «золотой грамоты». И, тем не менее, он создал и активно пропагандировал ту трактовку событий, которая прямо вела две империи к войне. Вполне вероятно, что нападение подначальных ему «турок» на гайдамаков, оставленных сотником С. Шило охранять мост, было сделано по его приказу с целью провокации. Ввиду этого примечательна его связь с французским представителем в Стамбуле Францом де Тоттом, со своей стороны прилагавшим усилия к тому, чтобы Порта объявила войну России. К этому Османов подталкивали и польские конфедераты, на это возлагали надежды и татары-липки. Выбитые из ареала своего проживания с устоявшимся укладом жизни, они поддерживали протестные движения в Речи Посполитой (от «партии» Станислава Лещинского до Барской конфедерации) и принимали участие во всех крупных антироссийских акциях, надеясь вернуть прежний порядок вещей. Принадлежность Якуба Рудзевича к этой этнической группе во многом объясняет его поведение в июне–июле 1768 г. Впрочем, намеченные нами контуры его связи с липками необходимо проанализировать на более широкой источниковой базе.

Незадолго до начала войны с Якуб-агой произошел случай, едва не стоивший ему головы. Согласно свидетельству Ф. де Тотта, хан Максуд-Гирей, руководимый стремлением наполнить свою скудную казну, приказал бросить в тюрьму и конфисковать имущество «губернатора и начальника таможни Балты». «Я посчитал очень важным попытаться спасти и восстановить положение этого человека, который наилучшим образом удовлетворял интересы Франции», – писал барон де Тотт. Этого он и добился, заручившись поддержкой «министров» ханского дивана, муфтия и некоей семидесятилетней султанши из рода Гиреев, покровительствующей Якубу (Memoirs, 1785, p. 103).

6 января 1769 г. хан Крым-Гирей во главе 100-тысячного войска прибыл в Балту (Записки, 2004, с. 183–186). Накануне сюда подошли 10 тыс. турецких сипахи, которые самовольно опустошили Балту и сожгли близлежащие деревни (Memoirs, 1785, p. 173). Известные нам источники не упоминают Якуб-агу в тех событиях. В 1770 г. он фигурирует как переводчик хана Каплан-Гирея (Записка, 1878, с. 465), а также «начальник турок и татар, жительствовавших около сел[ения] Балты, расположенных по речке Кодыме, и владелец селидьбы при урочище Кривое Озеро» (Мурзакевич, 1883, с. 255). В июле того года Якуб-ага предложил свои услуги командующему 2-й армии П. И. Панину и оказал ему содействие в подчинении буджацких и едисанских ногайцев (Записка, 1878, с. 465–470, 474). С этого момента начинается его служба Российской империи, превратившая его в ключевую фигуру уничтожения Крымского ханства.

ЛИТЕРАТУРА

1. АВПРИ. Ф. 112. Оп. 1. 1758 г. Д. 1.
2. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6/79. 1768 г. Д. 932.
3. Андриевский А. Русские конфиденты в Турции и Крыму в 1765–1768 гг. К., 1894. 70 с.
4. Андриевский А.А. Дела, касающиеся запорожцев, с 1715–1774 // ЗООИД. Т. 14. Одесса, 1886. С. 283–715.
5. Артамонов В.А. Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1714 гг.). М., 1990. 205 с.
6. Гайдамацький рух на Україні. Збірник документів / упор. І.Л. Бутич та ін. Київ, 1970. 660 с.
7. Записка, каким образом предводителем Второй армии генералом графом Паниным начато производиться предпринятое российским императорским двором и ему порученное намерение, клонящееся к поколебанию татарских орд против нынешнего их подданства (1770) // Русский архив. 1878. Кн. 3. Вып. 12. С. 451–482.
8. Записки генерал-фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровского. 1756–1776. М., 2004. 784 с.
9. ИР НБУ. Ф. 9. Ед. хр. 132–214. 1755 г.
10. ИР НБУ. Ф. 9. Ед. хр. 2236–2243. 1765 г.
11. ИР НБУ. Ф. 9. Ед. хр. 2244–2247. 1765 г.
12. Кальди-Надь Д. Турецкие реестровые книги мукатаа как исторические источники // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы: сб. / под. ред. А.С. Тверитиновой. Т. 1. М., 1964. С. 76–90.

13. Канцелярія Новосербського корпусу / упор. В. Мільчев, О. Посулько / Джерела з історії Південної України. Т. 7. Запоріжжя, 2005. 442 с.
14. Кочубинский А. Граф Андрей Иванович Остерман и раздел Турции: Из истории Восточного вопроса. Война пяти лет: 1735–1739. Одесса, 1899. 622 с.
15. Лопатин В.С. Светлейший князь Потёмкин. М., 2005. 477 с.
16. Мірчук П. Коліївщина. Гайдамацьке повстання 1768 р. Нью-Йорк, 1973. 318 с.
17. Мундт Т. Крым-Гирей, союзник Фридриха Великого. Пролог столкновения между Россией и Турцией / пер. с нем. В. Остермана // ИТУАК. № 43. Симферополь, 1909. С. 1–86.
18. Мурзакевич Н.Н. Якуб-ага (Яков) Рудзевич // ЗООИД. Т. 13. Одесса, 1883. С. 255–259.
19. Муфтизаде И. Очерк военной службы крымских татар с 1783 по 1889 год // ИТУАК. Т. 30. Симферополь, 1899. С. 1–24.
20. Пейссонель Ш.-К., де. Записка о Малой Татарии / пер. с фр. В.Х. Лотошниковой / вступ. ст. и ком. В.В. Грибовского. Изд. 2-е: испр. и доп. Київ, 2013. 110 с.
21. Петро Калнишевский та його доба: Збірник документів та матеріалів / упор. В.В. Грибовський, В.І. Мільчев, І.Л. Синяк. Київ, 2009. 432 с.
22. Плотников И.Ф. Родословная адмирала Колчака // Вестник Челябинского государственного университета. 2001. Т. 1. №. 1. С. 134–153.
23. Прохоров Д.А. Крымские татары в органах управления Таврической области после присоединения Крыма к России (1783–1787) // Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск, 2016. №01 (51). С. 278–295.
24. РГАДА. Ф. 123. Оп. 4. Д. 1. 1712 г.
25. Рендюк Т.Г. Пилип Орлик: молдовські та румунські шляхи. Чернівці, 2013. 240 с.
26. Донесение Елчанинова о возвращении поруч[ика] Климовского из Крыма и с препровождением его журнала // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 57. Ч. 3. М., 1887. С. 481.
27. Середа А. Силистренско-Очаковский еялет през XVII – нач. на XIX в.: Административно-территориально устройство, селища и население в Северозападного Причерноморье. София, 2009. 262 с.
28. Скальковський А. О. Історія Нової Січі, або останнього Коша Запорозького. Дніпропетровськ, 1994. 678 с.
29. Смирнов В. Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты в XVIII в. до присоединения его к России // ЗООИД. Т. 15. Одесса, 1889. С. 152–403.
30. Смирнов В. Д. Сборник некоторых важных известий и официальных документов касательно Турции, России и Крыма. СПб., 1881. 44 с.
31. ЦГИАУК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 143.
32. ЦГИАУК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 88.
33. ЦГИАУК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 91.
34. Чухліб Т. Де й коли існувала так звана Ханська Україна? / відп. ред. В. Смолий; упор. Г. Борзяк // Крим: шлях крізь віки. Історія у запитаннях і відповідях. Київ, 2014. С. 153–156.
35. Beydilli K. Büyük Friedrich ve Osmanlılar XVIII. Yüzyılda Osmanlı – Prusya Münasebetleri. Istanbul, 1985. 219 s.
36. Biblioteka Czartoryskich. Akta i listy dotyczące spraw polsko-tureckich, 1767–1769 rr. Rps. 627.
37. Biblioteka Czartoryskich. Akta i listy dotyczące spraw polsko-tureckich, 1767–1769. Rps. 628.
38. Biblioteka Czartoryskich. Listy do Jerzego Mniszcha, marszałka kor., w sprawach publicznych i prywatnych. T. 29, 1769. Rps. 3863.
39. Dziadulewicz S. Herbarz rodzin tatarskich w Polsce. Wilno, 1929. XXVIII, 495 s.
40. Jankowski H. The Tatar Name of Sorok Tatory // *Orientalis Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos visuomenės tradicijoje: toliai ir karaimai*. Vilniaus, 2008. P. 147–160.
41. Kryczyński Leon Najman Mirza. Tatarzy polscy a wschód muzułmański // *Rocznik Tatarski. Czasopismo naukowe, literackie i społeczne, poświęcone historii, kulturze i życiu Tatarów w Polsce*. T. 2. Zamość, 1935. S. 1–130.
42. Kryczyński S. Tatarzy Litewscy. Próba monografii historyczno-etnograficznej. Warszawa, 1938. 318 s.
43. Kurjer Warszawski. 1762. № 66. S. 5–6.
44. *Memoirs of the baron de Tott, on the Turks and the Tartars. Translated from the French: in 3 vol. Vol. 2*. Dublin, 1785. 255 p.
45. Rawita-Gawroński Fr. *Historia Ruchów Hajdamackich w XVIII w.* T. 2. Brody, 1913. 248 s.
46. Serczyk W. *Haydamacy*. Kraków, 1972. 462 s.
47. *Supliment do Kurjera Warszawskiego. 1762, października 16*. № 66. S. 3.
48. Talko-Hryncewicz. *Muslimowie czyli tak zwani Tatarzy Litewscy*. Kraków, 1924. 127 s.

Список сокращений

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи.

ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей.

ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии.

ИР НБУ – Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

ЦГИАУК – Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киев.

*V.V. Hrybovskyi***JAKÓB RUDZIEVICZ IN THE SERVICE OF THE CRIMEAN KHANATE**

The article presents the results of the study of the origin and activities of Yakov (Jakób) Izmailovich Rudzievicz (Yakub-aga) as an official of the Crimean Khanate, acting as a khan's interpreter, «hetman of Dubossary» and the border governor. His relation with the Lithuanian Tatars has been proved. His role in the beginning of the Russo-Turkish war of 1768–1774 was clarified.

Keywords: Crimean Khanate, Lithuanian Tatars, Ukrainian Cossacks, Haidamaks, Noghais, the Eastern European Steppe Frontier.

Сведения об авторе:

Грибовский Владислав Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института украинской археологии и источниковедения им. М.С. Грушевского Национальной академии наук Украины (г. Киев, Украина); nuradyn@ukr.net

Hrybovskyi Vladyslav – Candidate of Historical Sciences, Senior Scholarly Researcher, M.S. Hrushevsky Institute of Ukrainian Archaeology and Source Studies, National Academy of Sciences of Ukraine (Kyiv, Ukraine)

УДК 94:325.11

МОНГОЛЬСКИЙ ТЕРМИН ДАРУГА В ПОСТЗОЛОТООРДЫНСКОМ КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ДАГЕСТАНА И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

© 2017 г. Г.-Р.А.-К. Гусейнов

Было установлено, что в Дагестане термин даруга использовался в XV–XVIII веках как наименование административной должности, так и административной единицы. Последнее имело место в Казанском ханстве, а затем в пределах некоторых территорий, населенных татарами и башкирами, которые вошли в состав Русского государства. Даруги в Кумыкском государстве могли иметь в своем распоряжении и вооруженные силы. Они использовались в областях, населенных иноязычным податным этносом, например, в Дарго (в его основу легло слово даруга) и Кайтаге. Кумыкское название жителей первой области послужило в дальнейшем, в XVIII – конце XIX веков, основой для русского их именованья в форме «даргинцы». Последнее было обусловлено тем, что носители данного экзоэтнонима еще были конгломератом разрозненных политических образований, которые входили до этого времени в состав Кумыкского государства. С 30–50 гг. XIII в. по XVII в. в Аварии были известны даруги – наместники шамхалов (верховных правителей), которые взымали подати и с соседних народов. При этом в данной области первоначально было представлено тюркоязычное население. Те даруги, которые упоминаются в области Анди, на протяжении следующих двух поколений еще оставались кумыками. В части нынешней Чечни, ареально смежной этому региону, словом «даруга» обозначен населенный пункт, где, вероятно, проживал носитель этого титула.

Ключевые слова: даруга, постзолотоордынский, политическая история, Дагестан, Северный Кавказ, Дарго, Кайтаг, Авария, Чечня.

1. О термине *даруга* и его использовании в Золотой Орде, татарских ханствах и Русском государстве

Рассматриваемый в данной работе вопрос еще не становился предметом изучения. Известно, что термин *даруга* традиционно возводится к монг. *daruga*, калм. *daruᠭ* «старейшина или предводитель племени, предводитель отряда, атаман, начальник округа» (Ramstedt, 1935, S.77).

Его корень *daru-* в значении «давить», «подчинять», «ставить штамп», «ставить отпечаток печати» (Cleaves, 1953, p.240) синонимичен тюркскому корню *bas-*, представленному в известном на Руси социониме «баскак». По поводу его отношений с *даруга* – представителем монгольского императора в завоеванных странах (Pelliot, 1949, p.72–73) известны различные точки зрения, в т.ч. с учетом более широкого контекста данным вопросам (Маслова, 2015, с.17–18).

В Китае и Средней Азии *даруги* были административными начальниками с различным объемом полномочий. В Закавказье в качестве постоянных представителей монгольской администрации были представлены баскаки, как и в первое время на Руси. В конце XIV–XV вв. [по собственно языковым данным, даруги появляются гораздо раньше, ср.: *даруга*, *дорага*, *дорога́* «тат. чиновник» в ханских грам. XIII–XIV вв. (Фасмер, 1964, с.484–485, 530–531), а также русск. *дорога* (1313, 1555, 1624 гг.), *дорага*, *дарога* (1673 г.) то же (Сл. РЯ XI–XVII вв.)], здесь появляются *даруги*, которые следили за налогообложением подчиненных территорий, но они находились в ставке золотоордынского хана. В XV в. они были и самой Золотой Орде [здесь они управляли отдельными ее регионами (Почекаев, 2009, 105–106)], в Волжской Булгарии и Крыму. В последнем они после распада Золотой Орды стали представителями местной династии Гираев (см. Маслова, 2014).

В постзолотоордынское время термин *дорога́* был известен и в значении административной единицы в Казанском уезде, сформированном русской администрацией на части территории бывшего Казанского ханства после 1552 г. По оспариваемому (см. Чураков, 2005, с. 142–143) мнению, деление на *даруги* существовало еще в период Казанского ханства (Исхаков, 2009, с.127–128) при том, что тогда же *даруги* (*дороги*) были известны и в административно-территориальном размежевании башкир (Сибирская даруга; Осинская даруга).

2. Дагестан (XV–XVIII вв.)

2.1. Кумыкское шамхальство: Дарго и Кайтаг

Чрезвычайно интересная картина по вопросу значения данного термина открывается в рассматриваемом регионе, в частности, в *Кумыкском шамхальстве*, возникшем одновременно с

Крымским ханством в 1442/1443 г. Его возглавили, как и в Крыму, правители из второй чингизидской (Тука-Тимуриды) династии после прекращения в 1396г. первой (Гусейнов, 2009, с. 62). С этого времени, т.е. с середины XVв., следует, наверно, говорить о постзолотоордынской эпохе в истории обоих государств.

Так, немецкий путешественник Адам Олеарий упомянул в 1638г. в столице *Кумыкского шамхальства* Тарку (Тарки) *даругу*, наименование которого возводится к *дарга*, *даруга* «у монголов смотритель или начальник города, области, провинции» (Сатыбалов, 1958, с. 185). Здесь, в Дагестане, имело место и более раннее, чем данное, использование данного термина в значении административной единицы. Об это м говорит запись на полях арабской рукописи XIV века, в которой говорится о походе Тимура на селения [области] *Дарга*, а также в XV веке [без конкретизации значения] в другой записи. С этим ойконимом связывают этноним даргинцы и даже полагают, что он якобы упоминается в «Книге познания мира» Иоанна Галлонифонтийского (1404г.) (см. Багомедов 2013, с.59–60).

Однако данный этноним, который передается в этом источнике как [*Turidi*], имеет иное написание в рукописи – [*Thurigi*] (Дагестан в известиях, 1992, с. 37; Махмуд, 1977, с.196, 197 прим. 3, 4, 6, 7, 8). Это указывает на искаженный характер первой формы и возможность ее отождествления с названием тюрков – *türk*, в передаче которого буква *-h-* может быть использована для передачи звука [ü].

И в дальнейшем отмечали, что название *даргва/даргалу* даргинцев имеет «географическое или политико-экономическое значение» и восходит к «тат. *даруга* или диал. *даруга* «пристав или надсмотрщик» (Дирр, 1909, с. 115; Ган, 1909, с. 46). Причем «жители Даргинского округа составляли несколько политических союзов, самый значительный из которых был Акушинский», их «кумыки называли *даргиляр*, что у русских обратилось в *даргинец*» (Козубский, 1902, с.43) В свою очередь, кумыкское название этого «народа *даргъылар* расшифровывается в системе монгольского языка»: *даргалах* «возглавлять»; *дарга* – «старшина», «начальник», «председатель», «правитель», «наместник», «командир» (Сатыбалов, 1958, с.185).

Представляется недостаточно убедительным мнение о том, что слова *даргва/даруга* означают «союз» и восходят при этом к *дарг* «внутренность»... в противоположность внешнему, иноязычному (Козубский, 1902, с. 43), как и возведение этнонимов *дарган(ти)* «даргинец», «даргинцы» к *даргва/даруга* «группа, народ» (< *дарг* «внутренность, нутро») (Багомедов 2013, с. 59), которое еще в 1929 г. в самом Акуша-Дарго, употреблялась редко (Джанашиа, 1969, с. 133) при том, что во всех восточнокавказских языках в значении «народ» используется арабизм *халк* (Климов, Халилов 2003, с.264) . Трудно предполагать бытование формы *дарг* «внутренность, нутро», ибо первичными по отношению к ней можно считать *darkk* «живот» (Магомедов Р., 1999, с.10) и *dark^o-max* «живот», «внутренность» (Кибрик, Кодзасов, 1989, с.56).

По данным «Истории Каракайтага» (конец XV–начало XVI вв.), в распоряжении даруги в податном регионе Дарго были и воинские силы. В ней упоминается Даркэ [его имя комментаторы предлагают читать как Дарга – «Дарго» и полагают, что речь идет об общине Акуша-Дарго], к которому обратились за помощью местные жители и выступили «с войском от него» против султана-насильника, сидевшего в Маджалисе – столице Кайтага, основанной до конца XVI в. (История Каракайтага).

Таким образом, речь идет о даруге, который представлял в данном регионе интересы кумыкского шамхала – верховного правителя Дагестана, так как Акуша-Дарго еще в XV–XVI вв. входило в состав шамхальства (Алиев, Умаханов, 2004, с.186–188). Это подтверждается другими документальными данными XV–XVI вв. и историческим фольклором.

В нем говорится о наличии в целом ряде ныне даргинских обществ воинских гарнизонов шамхала, возглавлявшихся талкъанами-помещиками [ср.: *тагпан* «титул», «высокое звание» (др.-тюрк.), «титул правителя (др.-кыпч.), вельможи» (ст.-узб.) (Севортян, 1980, с.151–152)], взывавшими подати. Они впоследствии были якобы изгнаны даргинскими общинниками, образовавшими союзы сельских обществ (Алиев, Умаханов, 2004, с. 184–189).

Таким образом, Дарго было податной территорией шамхальства, которая в турецких источниках второй половины XVI в., а также в Сефевидской хронике «Нусрет-наме» (конец XVI в.) именуется «Вилаят Дагестан», а его правитель Чопан (1569/71–1589) – «*Dagistan Komuk-Kaitag Hakimi Ulu-Şaḥal*» («Дагестанский кумыкско-кайтагский великий правитель Шаухал»)(Алиев, 2006, с.12, 27). Его титулатура указывает на то, что в составе Кумыкского государства находился и вышеупомянутый Кайтага с его даругой.

В это время население Кайтага, по сведениям 1578–1579 гг., еще являлось огузским племенем – «природными татарами», и во второй половине следующего века кайтаки продолжали быть носителями тюркского языка. Только в конце XVIII в. (1797г.) в пределах Кайтага стали противопоставляться белые кайтаги [ак сюек?], которые «живут на берегах моря, говорят на особом тюркском диалекте, почему их обычно и называют тюрки, что доказывает их происхождение от тюрков-сельджуков». В отличие от них, «(кара кайтаги) [кара сюек?] или горцы, по-видимому, лезгины, или сродни лезгинам, как акушинцы...» (Алиев, 2003, с.28) (ср. выше «Историю Каракайтага»). Закрепление этнонима даргинцы в русской традиции, по языковым данным, также имеет место в конце XVIII-конце XIX вв. (Брокгауз, Ефрон, 1893, с. 142; Гусейнов, Мугумова, 2012, с. 54), когда, как полагают исследователи, его носители еще были конгломератом разрозненных политических образований (Агеева, 2000, с. 422).

2.2. Кумыкское шамхальство: Авария и Анди

Даруги были известны и в другом регионе Дагестана – в Аварии. Тогда в конце XVI в. при верховном правителе-шамхале «Вилайата Дагестан» Чопане (см. выше) его младший брат Тучилав / Тунч-Алав (Джучилав, Меликутдин) Санджакбеги, по данным турецких и персидских источников, носил титул «Avar Hakimi» и «Avar Zabiti Tusalav Bek» (Правитель Авара Тучалав-бек) (см.: Алиев, 2008, с. 161, 162, 142; Тунай-Джалав) [точнее, управляющий Аваром]. Кроме того, как уже было отмечено нами, его имя обнаруживает явную близость к имени сына Чингис-хана Джучи (Гусейнов, 2013, с. 81,84), чем еще раз подчеркивается чингизидское происхождение всей династии.

На возможность того, что Джучилав был даругой Чупана в Аварии указывает письмо середины XVII в. шамхала Тарковского Сурхая (1642–1668) следующему управляющему Авара Дугри-нуцалу II (1646–1668 гг.) [первая часть его имени может передавать слово даруга]. Ему поручалось способствовать поступлению в Тарки дани овцами с территориально Чамалала, смежного (см. ниже) Анди на основании их былой зависимости в XV в. Сюда шамхал уже послал своих «мулазимов» (слуг), ибо шамхалы по традиции (с XV в.) продолжали считать земли по Аварскому Койсу (выше Гоцатля) своей «сферой влияния» (Магомедов, 1998, с.145). Точнее, надо полагать, податной областью, зависевшей от них.

На это указывает форма налога – харадж [брался с иноверцев (кафиров) с земель, которые были завоеваны мусульманами] в условиях, когда эта область и пограничное общество Кенхи уже были исламизированы в конце XVI–начале XVII вв. (Ахмадов, 2009, с. 234). И не ранее конца XVI в. или конца XVII в. шамхалы взымали харадж также с округа Хумзак (Хунзах), т.е. Аварии (!), Анди (!) и др. (Алиев, 2006, с.145).

Соответственно к числу взимавших эту подать относились андийские «шамхалы», которые возводили свой род к некоему Султан-Алибеку по прозвищу «дугри-нуцал» (Агларов, 2002, с.153). Он во второй половине XVII в. в течение 15 лет брал харадж «с задних и южных гор, начиная с гор Салатау и доходя до Шубута [Чечня] со стороны запада, и по направлению к Большой реке со стороны киблы» (Магомедов А., 2017) [юга]. Последняя часть его имени – авар. нуцал – традиционно возводится к груз. *paswali* уст. «помощник старшины на селе; наместник» (Криштопа, 1989, с.79), а в нем, в свою очередь, последняя – к араб. валий «руководитель одного из вилайатов (регионов) халифата, которого назначает халиф».

Именно такую функцию и выполняет даруга. Тем более, что речь идет о даруге шамхала, говорившем, как впоследствии его сын и внук, по-кумыкски (Гусейнов, 2013, с.79), т.е. о кумыке. Не исключено, что на то же самое может указывать и третье повторение рассматриваемого имени – Дугри-хан III, который помещается в родословной аварских ханов после Мухаммед-хан II (1668–1688), сына Дугри-нуцала II, Умма-хан II (1688–1699), сына предыдущего, и Андуник-хана III (1699–1706), сына предыдущего (см. Аварское ханство). Хотя вместе с тем могло иметь место воспроизведение данного имени и по традиции.

Обращает на себя внимание и то, что наличие даруг могло быть достаточно давней традицией в Аварии, если принять во внимание известность здесь Дугри-хана I, сына Саратана II, наследовавшего Суракату (1353/1354) (Аварское ханство). Тем самым начало установления вассальных связей и даже приведения к власти в исторической Аварии правителей золотоордынского происхождения могло иметь место, в принципе, еще в 30–50 гг. XIII в.

Тем более, что в данное время, не ранее середины XIII в., в центре исторической Аварии – Хунзахе – уже было представлено огузированный булгаро-(восточно)тюркское население, а в дальнейшем, конце XIII – начале XIV в. имела место исламизация Центральной Аварии – Хунзахского плато (Гусейнов, 2016, с. 94). Не случайно, видимо, в дальнейшем, в XVI–XVII вв., после того, как

в шамхальстве к власти в XV в. пришла вторая чингизидская династия, правители которой назначали в ханстве Аварском своих даруг (см. выше), действовала тюркская лествиничная система наследования. При ней титул нуцала передавался от старшего в одной ветви к старшему в другой ветви в потомстве трех ветвей владетелей, известных в это время (Гусейнов, 2011, с.109).

3. Чечня

На Северном Кавказе соционим даруга использовался и в несколько иных значениях, в частности, административного центра, где находился даруга. Так, сюда же примыкает в рассматриваемом отношении ареально смежный ойконим Даргга «Дарго», название которого не объясняется средствами нахских и родственных им языков (Сулейманов 2006, с. 293), в Веденском районе нынешней Чечни, пограничном с уже упоминавшимся Анди. Не исключено, что и данный населенный пункт был административным центром соответствующей даруги либо входил в даругу Анди (см. выше). Не случайно, надо полагать, что именно в Дарго после похода Воронцова в 1845 г. Шамиль перенес ставку, так как это был стратегически важный пункт, откуда был кратчайший путь в Анди.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеева Р. А. Какого мы роду-племени? Народы России: имена и судьбы: Словарь-справочник. М.: Academia, 2000. 524 с.
2. Агларов М. Андийцы. Махачкала, 2002. 304 с.
3. Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Дагестан в XV–XVI вв. (Вопросы исторической географии). Махачкала, 2004. 492 с.
4. Алиев К.М. Тайны кумыкской этнонимии. Этнонимические этюды (камак, гюен, тюмен, кайы, окочан) // Вести Кумыкского научно-культурного общества. Махачкала, 2003. Вып. № 8–10. С.28–32.
5. Алиев К.М. Шамхалы Тарковские. Кумыкская аристократия. Махачкала, 2006. 278 с.
6. Алиев К.М. Шамхалы Тарковские. Страницы кумыкской родословной. Махачкала, 2008. 203 с.
7. Ахмадов Я.З. Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI–XVIII веках. М.: Благотворительный фонд поддержки чеченской литературы, 2009. 422 с.
8. Багомедов М.Р. Топонимика Дарга: структурно-семантический аспект. Махачкала: Изд. ДГУ, 2013. 346 с.
9. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь СПб., 1893. Т. 10. 489 с.
10. Ган К.Ф. Опыт объяснения кавказских географических названий//Сборник статей и материалов для описания местностей и племен Кавказа// Тифлис. 1909. Вып. 40. Отдел третий. С.1–164.
11. Гусейнов Г.-Р.А.-К. К генеалогии династии Джучидов на Северном Кавказе и Дагестане по историческим, лингвистическим и фольклорным данным (вторая половина XIII – конец XIV вв.) // Генеалогия народов Кавказа. Традиции и современность. Владикавказ, 2009. Вып. I. С. 60–64.
12. Гусейнов Г.-Р.А.-К. О тюркском (золотоордынском) компоненте в генеалогии ханов Аварских (XIII–XVI вв.) // Генеалогия народов Кавказа. Традиции и современность. Владикавказ, 2011. Вып. III. С.107–111.
13. Гусейнов Г.-Р.А.-К. Шамхалы, наместники и карачи-беки: аспекты тюркско-кумыкской генеалогии (Дагестан, Северный Кавказ и Крымское ханство) // Генеалогия народов Кавказа: история и современность. Владикавказ, 2013. Вып. IV. С.76–85.
14. Гусейнов Г.-Р.А.-К. Об одной новейшей концепции древней и средневековой истории Северо-Восточного Кавказа в контексте современных проблем межнациональных отношений в регионе // Гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации Кавказа. Назрань, 2016. С.80–104.
15. Гусейнов Г.-Р.А.-К., Мугумова А.Л. Концепты «Дагестан», «дагестанцы», этниконны и этнонимы – названия народов Дагестана – в тюркской и новой русской традициях // Вопросы тюркологии. Махачкала, 2012. Вып.8. С.52–55.
16. Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII–XVIII вв. Махачкала, 1992.
17. Джанашия Р.С. «Дагестанский дневник» Симона Джанашия // Вестник института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра РАН. Филологические науки. Махачкала, 1969. Вып.27. С.120–135.
18. Дирр А.М. Современные названия кавказских племен // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1909. Вып. 40. Отдел третий. С.1–28.
19. Исаков Д.М. К вопросу об этносоциальной структуре татарских ханств (на примере Казанского и Касимовского ханств XV – середины XVI вв.) // Исаков Д.М. Исторические очерки. Казань: ФЭН, 2009. С.122–139.
20. Кибрик А.Е., Кодзасов С.В. Сопоставительное изучение дагестанских языков. М.: Наука, 1989. 366 с.
21. Климов Г.А., Халилов М.Ш. Словарь кавказских языков. М.: Наука, 2003. 511 с.
22. Козубский Е. И. Дагестанский сборник. Темир-Хан-Шура, 1902. Вып. 1. 443 с.

23. Криштопа А.Е. О возможном происхождении дагестанского титула «нуцал» // Социальная терминология в языках Дагестана. Махачкала, 1989. С. 76–82.
24. Магомедов Р.М. История Дагестана. Махачкала, 1998. 198 с.
25. Магомедов, Р. М. Даргинцы в дагестанском историческом процессе. – Махачкала, 1999. 419 с.
26. Маслова С.А. Даруги и баскаки: соотношение должностей // Древняя Русь. 2014. №4(58). С.23–36.
27. Маслова С.А. Институты ордынской власти над Русью (баскаки, даруги, послы): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. 30 с.
28. Махмуд из Хиналуга. О событиях в Ширване и Дагестане XIV-XV вв. Махачкала, 1977. 208 с.
29. Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды. Казань: Фэн АН РТ, 2009. 260 с.
30. Сатыбалов А. Социально-политические термины тюрко-язычных документов эпохи феодализма в некоторых языках северо-восточного Кавказа // Ученые записки Института истории языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР Т.5., Махачкала, 1958. С.180–191.
32. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. М.: Наука, 1980. 395 с.
33. Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1977. Вып.4. С.323.403 с.
34. Cleaves F.W. Daruga and gerege // Harvard journal of Asiatic studies. 1953. № 16. P. 237–259.
35. Pelliot P. Notes sur l'histoire de la Horde D'or. Paris, 1949. 292 p.
36. Ramstedt G. Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1935. 527 с.
37. Сулейманов А.С. Топонимия Чечни. Грозный, 2006. 457 с.
38. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1964. 562 с.
39. Чураков В.С. Ещё раз о происхождении русского административно-территориального термина «дорога» // Материалы межрегиональной научно-практической конференции «Материальная и духовная культура народов Урала и Поволжья: История и современность». Глазов, 2005. С. 142–143.
40. Аварское ханство. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Аварское_ханство (дата обращения 19.10.17).
41. История Каракайтага. URL: <http://dargo.ru/lib/Karakajtag.rar...> (дата обращения 19.10.17).
42. Магомедов А.Р., Магомедов З.М. Земельно-правовые отношения в Дагестане XV–XVII вв. М.: Садр, 2017.
43. Осинская даруга. URL: https://www.ru.wikipedia.org/wiki/Осинская_даруга (дата обращения 19.10.17).
44. Сибирская даруга. URL: http://www.ru.wikipedia.org/wiki/Сибирская_даруга (дата обращения 19.10.17).
45. Тунай-Джалав. URL: <http://www.dic.academic.ru> (дата обращения 19.10.17).

G.-R.A.-K. Guseynov

THE MONGOLIAN *DARUGA* TERM IN A POST GOLDEN HORDE'S CONTEXT OF DAGHESTAN AND NORTH CAUCASUSES POLITICAL HISTORY

It has been established that in Daghestan the a *daruga* term was used in the 15–18th centuries as the name of an administrative position, and an administrative unit. The last took place in the Kazan khanate and then within some territories, inhabited by Tatars and Bashkirs, who were a part of the Russian State. *Daruga* in the Kumyk State could have at the order armed forces too. They were used in the areas, inhabited by foreign-language paying a tax ethnos, for example, in Dargo (its basis was formed by the *daruga* word) and Kaytage. The Kumyk name of the first area's residents has served further, in 18 – the end of the 19th centuries, as a basis for their Russian naming in shape Dargins. The last has been caused by the fact that carriers of this ekzoetnonim still were conglomerate of separate political educations which were till this time a part of the Kumyk State. From 30–50 of the 13th century to the 17th century in Avaria were known *darugas*-deputies of shamkhal (the Supreme Governor) who collected taxes and from the neighbouring peoples. At the same time the Turkic-speaking population in this area has been originally presented. Those *darugas* which are mentioned in area of Andi throughout the next two generations still remained Kumyks. Regarding present Chechnya, areal adjacent to this region, the word of a darug has designated the settlement where probably the carrier of this title lived.

Keywords: daruga, post Golden Horde, political history, Daghestan, North Caucasus, Dargo, Kaytage, Avaria, Chechnya.

Сведения об авторе:

Гусейнов Гарун-Рашид Абдул-Кадырович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Дагестанского государственного университета (г. Махачкала); garun48@mail.ru

Guseynov Garun-Rashid – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Russian Language Department, Daghestan State University (Makhachkala)

УДК 94(470.67)

К ИСТОРИИ КАКАШУРИНСКОГО УДЕЛА МЕХТУЛИНСКОГО ХАНСТВА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

© 2017 г. И.Ю. Идрисов

В данной статье рассматриваются исторические сведения о Какашуринском уделе Мехтулинского ханства в первой половине XVIII века. При анализе политических событий автор использует малоизвестные источники местного происхождения. Центральным сюжетом их повествовательной канвы стало разрушение Какашуры «кызылбашами» и борьба князей Гебека и Эльдара за власть над восстановленным Какашуринским уделом. Сравнение этих источников с сообщениями русских военных чиновников и народными преданиями, а также их общий анализ в значительной мере позволяют уточнить политическую историю Какашуринского удела и Мехтулинского ханства.

Ключевые слова: Какашуринский удел, Мехтулинское ханство, Эльдар, Гебек, письменные источники, предания, хронограф.

В середине XVII века, выделившись из состава Тарковского шамхальства, сформировалось Мехтулинское ханство (кумык. Махтиулу – что можно перевести примерно как «вотчина (буквально: потомство) Махти»). Несмотря на сравнительно меньшие размеры территории и значительно меньшую численность жителей, оно во много копировало политическое устройство шамхальства, с которым продолжало состоять в теснейшей связи, обусловленной единым происхождением династий, географическим соседством (ханство с трёх сторон было окружено владениями шамхалов), исторической и языковой общностью населения политических центров. Характерной чертой внутреннего устройства Мехтулинского ханства было наличие уделов. Одному из них, а именно Какашуринскому уделу, и посвящена наша статья.

История Какашуры уже с ранней поры имела письменную фиксацию, которая породила, по меньшей мере, три источника, освещающих события XVI–XVII и XVIII веков. Первый источник «Тарихи-Какашура», обнародованный известным тюркологом Г.М.Р. Оразаевым (Оразаев, 2003, с. 227–228). Второй источник это «Письмо общества селения Какашура верховному комиссару» 1283 года Хиджры (1866/1867г.), которое поместил в своей статье директор какашуринской школы писатель Абдулкадыр Вагабов. Третий документ – это записи репрессированного в 1920-е годы какашуринского муллы Абдулла-Хаджи, выявленные в архиве школьного учителя и краеведа Ахмеда Бекбулатова (1914–1966). Бекбулатов по просьбе своего односельчанина бывшего вероучителя местной школы Шихабутдина Бейбулатова перевёл рукопись Абдулла-Хаджи на кумыкский язык и сохранил перевод у себя. Эти записи сам Ахмед Бекбулатов обозначил словом «фракьямлар», которое можно перевести как «цифры», «даты» или, если следовать контексту, точнее было бы применить к ним термин «хронограф». Несмотря на такое название, автор данного «хронографа» весьма вольно обращается с датами, перемещая события и деятелей XVIII столетия в XV век.

Какашура как особый удел фигурировала в источниках ещё до выхода Мехтулинского владения из-под власти шамхалов. Так в списке Аллаги (1598 г.) упоминается её владетель князь Султан, племянник шамхала (Тамай, 1935, с. 130). Его можно сопоставить с упоминаемым в «Тарихи-Какашура» князем Али-Султаном (Оразаев, 2003, с. 228–229). К середине XVII столетия Какашура отошла во владение князя Ахмедхана Дженгутаевского, сына Махти – основателя Мехтулинского ханства. По крайней мере, об этом свидетельствует факт заключения договора между её жителями и сыном Ахмедхана Султанахмадом (Айтберов, Шмелёв, 1990, с. 172). Само наличие такого договора говорит о высокой политической сознательной жителей селения, письменно регламентирующих свои отношения с князем. Об этом свидетельствует и текст «Тарихи-Какашура», в котором проводится мысль о том, что это жители добровольно «призывали» князей, а не князья подчиняли их.

Какашуринский удел являлся довольно стабильным политическим образованием и с некоторыми перерывами просуществовал как минимум с 1598 по 1866 год. Указанные перерывы в основном были вызываемы превращением Какашуры в резиденцию хана, оккупацией ханства (напри-

мер, при А.П. Ермолове) и иноземными вторжениями. Мы в своей работе рассмотрим именно последний случай.

В неоднократно опубликованном и потому хорошо знакомом специалистам «Реестре горским владельцам 1732 года» Д.Ф. Еропкина, владельцем Какашуры указан Махти сын Пирмухаммада («Мегди, Перметев сын») (Еропкин, 1958, с. 125), то есть мехтулинский хан Махти.

В 1735 году Мехтулинским ханом стал Ахмедхан сын Умахана, сын Махди. В «Письме общества селения Какашура верховному комиссару», излагающем историю села, он назван Уллу-Ахмедханом, то есть Ахмедханом Великим. Именно в его правление произошли катаклизмы, составившие повествовательное ядро «Хронографа» Абдуллы-Хаджи и вышеназванного письма.

В марте 1735 года Россия и Персия заключили Гянджинский трактат, по которому первая уступала второй земли к югу от реки Сулак. Это открыло дорогу правителю Персии Надир-Шаху путь в Центральный Дагестан. По преданию, зафиксированном в вышеуказанном письме, в это время Какашура подверглась разорению со стороны «кызылбашей». При этом был убит местный удельный князь Магомедхан (Алиев, 1988, с. 17–18). Данное событие можно приурочить к масштабному походу войск Надира во второй половине 1735 года против Сурхайхана Казикумухского, провозгласившего себя шамхалом Эльдара Казанищенского и деда Ахмедхана Мехтулинского кайтагского уцмья, тоже носившего имя Ахмедхан. Известно, что Надир сам лично прибыл с войском в соседний с Какашурой Губден, где соединился со своим союзником шамхалом Хасбулатом для дальнейшего похода на Казикумух (Абдусаламов, 2008, с. 139).

После разорения большинству какашуринцев удалось обосноваться в селении Канабур на одноимённом хребте к юго-западу от Тарков. Меньшая часть жителей поселилась в долине реки Шура-озень близ селения Халимбекаул. Любопытно, что в данном макрорегионе присутствует топоним Какашура. Так называется местность, ныне застроенная посёлком Зареченский города Буinakск. В хронике Абдулла-Хаджи говорится, что Халимбекаул основал предводитель какашуринцев Халимбек, но такой важный источник как «Дневные записки малороссийского подскарбия-генерального Якова Марковича» упоминает Халимбекаул как уже существующее к 1725 году поселение (Маркович, 1859, с.141). Об этом же свидетельствуют и архивные данные дагестанского народного суда, в которых приводится свидетельство о происхождении коренных халимбекаульцев из Эрпелинского владения (ЦГАРД, ф. 90, оп. 2, д. 31, л. 17). Третья часть переселилась в селение Кадар (Бекбулатов, 2005).

Необходимо обратить внимание на тот факт, что все три села, в которые перебрались беженцы, входили в подчинение шамхала Тарковского Хасбулата, лояльного Надир-Шаху и потому были безопаснее для проживания нежели территория Мехтулы, правитель которой Ахмедхан по мнению некоторых авторов играл ведающую роль организации борьбы с Надир-Шахом (Гамай, 1958, с. 118,120; Багаутдинов, 2015, с. 2).

Согласно письму представителей какашуринского общества, после гибели князя Магомедхана, их предки, обосновавшиеся в Канабуре, избрали своим вожаком князя Эльдара сына Хасай-Мурзы (в русских источниках фигурирует как Эльдар Саимурзин), а те, которые жили на Шура-Озени избрали своим предводителем некоего чанку Гебека. По данным «Хронографа» Абдулла-Хаджи данных феодалов звали Эльдар и Халимбек и они приходились друг другу братьями. Она же называет количество семей подвластных каждому из них. С Эльдаром в Канабур перебралось сто дворов, а с Гебеком (или иначе Халимбеком) в долину Шура-озень отправилось только 15 дворов.

Эльдар фигура вполне историческая. В частности, он фигурирует в 1832 году «Реестре горским владельцам» («Деревня Канабур, оною владеет Элдар Саимурзов» (Еропкин, 1958, с. 121)), а также является автором «Письма канабурского владетеля Элдара сына Касай-Мурзы Кизлярскому коменданту Н.А. Бунину», датированного августом 1738 года (Оразаев, 2002, с. 142–143). Тот факт, что он упоминается в 1732 году как владетель Канабура, может свидетельствовать о его изначальном подчинении шамхалам, а не мехтулинским ханам.

После победы над Надир-Шахом, одержанной Ахмедханом Мехтулинским в Аймакинском ущелье и коалицией горских обществ в Андалале, какашуринцы постепенно начали возвращаться в родное селение. Первой вернулась группа беженцев, скрывавшаяся в Халимбекауле. В восстановленном селе стал править Гебек. Однако, через некоторое время в Какашуру возвратились и беженцы, возглавляемые Эльдаром. Между двумя феодалами начинается борьба за власть в какашуринском уделе. Победителем из противостояния вышел Эльдар. Гебек со своей семьёй удалился сначала в Кубинское ханство, а потом перебрался в Кайдаг, где стал известен под прозвищем Шура-Гебек (Вагабов, 1967), указывавшим на его родное селение.

Х.-М.О. Хашаевым были выявлены материалы, подтверждающие существование и Шура-Гебека. В частности, им приводятся сведения о принадлежности наследникам Шура-Гебека доходов с семи дворов янгикентских евреев и трёх дворов раят селения Хан-Мамед-Кала (ныне посёлок Мамедкала Дербентского района) и нескольких участков в селении Янгикент (ныне в составе Кайтагского района). Потомки Шура-Гебека имелись в начале XX в. и в селении Ерси (ныне в составе Табасаранского района). По сведениям его потомков, Шура-Гебек не был чанкой, а был племянником Магомед-шамхала и по материнской линии восходил к мехтулинскому ханскому дому (Феодальные отношения..., с. 186–187). По мнению К.М. Алиева под Магомед-шамхалом в данном случае подразумевался Тишсиз-Баммат («казанищенский владетель Мамет» русских документов), правивший несколько месяцев в 1763 году (Алиев, 2008, с. 71). В пользу того отождествления говорит и нахождение самого Гебека с его подданными в Халимбекауле – на территории бамматулинского удела Тарковского шамхальства, правителями которого были Тишсиз-Баммат и его отец – младший брат шамхала Хасбулата Саадат-Герей. Родство с мехтулинским домом по женской линии, по всей видимости, послужило для Гебека мотивацией претендовать на наследство какашуринского князя Магомедхана.

Таким образом, оба противоборствующих феодала были связаны с шамхальским домом. Гебек мог опираться на родство с мехтулинским и тарковским владетельными домами, а Эльдар на популярность среди подданных. В какашуринских преданиях о нём говорится как о человеке мужественном, наделённом большой физической мощью и снискавшим уважение у всего народа (Оразаев, 2002, с.146). Его авторитет был настолько значим, что с ним считались и его новые сюзерены – мехтулинские ханы Ахмедхан и Махти, так и не вмешавшиеся в его борьбу с Гебеком.

Эльдар став какашуринским владетелем получил в мюлк горы Калан-тау и Шурабах. Наследником Эльдара был Исхак. Ему удалось вернуть под контроль какашуринцев, захваченные было кадарцами в период их отсутствия кутаны Иргак, Сайманак и Яртюп-буршумук. После Исака правителем какашуринского удела стал младший брат мехтулинского хана Али-Султана Мутук. Любопытно, что человек по имени Исхак упоминается и в «Тарихи Какашура» и, при этом, согласно данной рукописи владел той же горой Шурабах (Оразаев, 2003, с. 228), которая была мюлком и Эльдара. Мы предполагаем, что данное совпадение совершенно не случайно и составитель «Тарихи-Какашура» также допустил ошибки в хронологии, подобно автору «Хронографа», отнеся исторического деятеля XVIII века к более раннему времени.

Обнародованное Абдулкадыром Вагабовым письмо уточняет родословную мехтулинских ханов, указывая, что у Уллу-Ахмедхана были наследники (внуки) Алисултан, Ахмед-Аджи и Мутук. Первые двое также упоминаются Я. Рейнегсом, допустившим ошибочное отождествление Ахмед-Аджи с его отцом Уллу-Ахмедханом (ДИРЗЕА, 1992, с. 273). Мутук был гораздо менее известен, но именно он стал удельным какашуринским князем после Исхака сына Эльдара, однако период его правления выходит за хронологические рамки нашего исследования.

Сведения, изложенные в использованных нами источниках, в частности «Хронограф» Абдулла-Хаджи, и «Письмо общества селения Какашура верховному комиссару», в целом совпадают с уже введёнными в научный оборот источниками и известными фактами, дополняют их и позволяют существенно уточнить сведения о политических событиях в 1730–1740-х годов в Какашуринском уделе и в Мехтулинском ханстве в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдусаламов М.-П.Б. Кумыкские феодальные владения в политической Дагестана в первой половине XVIII века. Махачкала: Издательский дом «Народы Дагестана», 2008. 191 с.
2. Айтберов Т.М., Шмелёв А.И. Геналогия и хронология мехтулинских правителей // Древний Хунзах и хунзахцы. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1990. С. 166–176.
3. Алиев Б.Г. Предания, памятники, исторические зарисовки о Дагестане. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1988. 128 с.
4. Алиев К.М. Шаухалы Тарковские. Махачкала: Республиканская газетно-журнальная типография, 2008. 204 с.
5. Багаутдинов М.М. Ахмедхан Дженгутаевский – забытый герой Кавказа. Махачкала: Типография «Радуга-1», 2015. 137 с.
6. Бекболатов П. Из архивов моего отца Ахмеда Бекбулатова (на кумык. языке) // Ёлдаш, 12.03.05.
7. Вагабов А. Какашура – древнее селение // Заря коммунизма (на кумыкском языке), № 8, 1967.
8. Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII–XVIII вв. / Сост. В.Г. Гаджиев. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1992. 301 с.

9. Еропкин Л.Ф. Реестр горским владельцам. 1732 г. // ИГЭД. М: Изд-во вост. лит-ры, 1958. С. 121–125.
10. Маркович Я. Дневные записки малороссийского подскарбия генерального Якова Марковича. М: Типография В. Готье, 1859. 283 с.
11. Оразаев Г.М.-Р. Памятники тюркоязычной деловой переписки в Дагестане XVIII в. Махачкала: Республиканская книжно-журнальная типография № 1, 2002. 482 с.
12. Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. Махачкала: Издательский дом «Эпоха», 2003. 331 с.
13. Тамай А. Материалы к вопросу о феодализме в истории Дагестана // Революционный Восток. М.: Издание Научно-исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем. 1935. №5 (33). С.116–137.
14. Тамай А.И. К вопросу о провале Дагестанской кампании шаха Надира (1741–1743 гг.) // Уч. зап. ИИЯЛ ДФ АН СССР. 1958. № 5. С.108–132.
15. Феодалные отношения в Дагестане: XIX – начало XX веков. М.: Наука, 1969. 369 с.
16. ЦГА РД Ф. 90. Оп. 2. Д. 31.

Список сокращений

- ДИРЗЕА – Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов
ИГЭД – История, география и этнография Дагестана
ИИЯЛ ДФ АН СССР – Институт Истории языка и литературы Дагестанского филиала Академии наук Союза Советских Социалистических Республик
ЦГА РД – Центральный государственный архив Республики Дагестан

Yu.M. Idrisov

TO THE HISTORY OF KAKASHURINSKY UDEL OF THE MEKHTULINSKY KHANATE IN THE FIRST HALF OF THE 18TH CENTURY

This article is devoted to historical information on Kakashura domain of Mekhtuli khanate in the first part of XVIII century. Analyzing political processes the author refers to the unknown local sources. The main ideas of their narrative was a destruction of Kakashura by Kyzylbashes and struggle of princes Gebek and Eldar for the power in reconstructed Kakashura domain. Comparing information from these sources with messages of Russian military officials and folk tall stories and their analysis reveal properly political history of Kakashura domain and Mekhtuli khanate.

Keywords: Kakashura domain, Mekhtuli khanat, Eldar, Gebek, written sources, legends, chronograph.

Сведения об авторе:

Идрисов Юсуп Магомедович – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Дагестанского государственного института народного хозяйства (Махачкала); markes06@mail.ru

Idrisov Yusup – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities, Dagestan State Institute of National Economy (Makhachkala)

УДК 94(470)

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОСОЦИАЛЬНОЙ ТОПОГРАФИИ ЦЕНТРАЛЬНОГО ВЛАДЕНИЯ ВЯТСКОЙ ВЕТВИ АРСКИХ КНЯЗЕЙ В XVI – НАЧАЛЕ XVII вв.*

© 2017 г. Д.М. Исхаков

Группа Арских князей, оказавшихся после 1489 года в составе Вятской земли Московского великого княжества, была первоначально сосредоточена в центральном поселении, по русским источникам XVI–XVII вв. известном как «Карино» (татарское название – «Нократ»). Этот населенный пункт, расположенный в районе устья реки Чепцы, существовал уже к началу 1460-х годов. По источникам у него выявляется сложная внутриселенческая структура, одним из элементов которой было средневековое этносоциальное деление. В топографическом отношении Карино/Нократ к началу XVII в. делилось на три части – Верхний, Нижний и Ильясов Погосты. Эти подразделения селения восходят к XV в. Кроме такого деления у двух погостов – Верхнее и Нижнее Карино – имелись еще внутренние подразделения этносоциального характера – деления на бияк и бочорман як, соответственно означающие княжескую и бесермянскую стороны селений. В средневековый период на княжеской стороне этих частей Карино жили Арские князья, а на бесермянской стороне – зависимое от князей «черное» ясачное население, состоявшее из удмуртов (вотяков) и «чувашей», в последнем случае являвшихся потомками болгар. Под таким же наименованием последняя группа в XVI – начале XVII вв. фиксируется и в более южных районах, ранее входивших в состав Казанского ханства. Находившиеся в Карино удмурты и «чувашаи» во многом являлись выходцами из Казанского ханства. Они постепенно слились в бассейне реки Чепцы в единое этносоциальное образование – бесермян. Кроме Карино/Нократа, к началу XVII в. эти бесермяне оказались в некоторых других селениях, расположенных по соседству (Погост Шамардан), затем, скорее всего после 1588 г., достаточно далеко – «Вверх Чепцы». В целом изучение этносоциальной структуры села Карино/Нократа и ее окрестностей в средневековье позволяет лучше понять историю формирования так называемой чепецкой этнографической группы казанских татар.

Ключевые слова: Арские князья, зависимое население, бесермяне, удмурты, чувашаи, Карино/Нократ, Каринский стан, этносоциальная топография.

Под «вятской» ветвью группы Арских князей, в период Казанского ханства контролировавших его Арскую даругу, имеются ввиду те представители татарской знати из клана Кыпчак, которые после успешного похода московских войск на Вятскую землю в 1489 г. оказались вначале в плену у москвитян, а затем были отпущены «в свою землю» с условием перехода на службу к московским государям (детальнее см.: Исхаков, 2016; 2017). В духовной грамоте Ивана III от 1504 г. именно они фигурируют в числе населения Вятской земли: «Да сыну же своему Василию дам Вяцкую землю всю... со всем, что к ней потягло, и с арскими князьями, как было при мне...» (Духовные, 1950, с.337).

Ранее нами была установлено (Исхаков, 2010), что центральным поселением Арских князей вятской ветви было расположенное в районе устья р. Чепцы с.Нократ, имевшее еще одно наименование –Карино (смысл их номинаций был разобран в указанной выше работе). Данный населенный пункт, скорее всего существовавший уже к 1462–63 годам, имел укрепленное место, городище которого у местного населения в конце XIX в. было известно как «Кала тау» (второе наименование «Шаптак тау»). Основное ядро Арских князей в XVI – начале XVII вв. проживало в отмеченном селении, имевшем и подчиненное татарской знати «черное» население, первоначально бывшее разноэтничным и проживавшем не только в с. Нократ. Так как по истории с.Нократ (Карино) и его окрестностей существует значительный объем источников (о них см.: Исхаков, 2010, с.34–38), мы имеем уникальную возможность проследить процесс постепенного формирования в бассейне р.Чепцы такой этнографической группы татарского народа, как «чепецкие (нукратские) татары» (Мухамедова, 1978). Одним из важных аспектов исследования этого процесса является реконст-

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ и Правительством Республики Татарстан научного проекта «Приграничные районы средневековья: место пересечения политической и этнической истории разных народов (на примере Московского государства и Казанского ханства)» № 16–11–16011.

рукция на основе сохранившихся письменных источников и полевых этнографических данных, собранных автором настоящей публикации в ходе академических экспедиций 1972–1973 гг. к чепецким татарам, ранней – XIV – начала XVII вв. картины становления этносоциальной топографии района проживания в бассейне р.Чепцы Арских князей и подчиненного им населения, оказавшегося с конца XV в. на Вятской земле Московского государства.

Повторное наше обращение к данной теме (предыдущий анализ ее см.: Исхаков, 2010, с. 39–59) объясняется тем, что ранее вопрос об этносоциальной топографии с.Нократ (Карино) и его окрестностей был рассмотрен больше с точки зрения изучения этнических процессов, приведших к формированию группы чепецких татар. В данном же случае мы хотим сосредоточить внимание на тех аспектах информации из письменных источников, которые позволяют выявить некоторые исторические детали особенностей формирования специфической этносоциальной топографии тюрко-татарского и связанного с ним удмуртского населения бассейна р. Чепцы в XVI – начале XVII вв.

Нократ/Карино и его поселенческая структура в XVI – начале XVII вв.

Несмотря на то, что нахождение предков Арских князей вятской ветви в районе устья р.Чепцы по татарским родословным отмечается с начала 1460-х годов, наиболее раннее упоминание конкретного места их проживания там в письменном источнике относится лишь к 1505 г. – в жалованный этой группе татарской знати грамоте Василия Ивановича за тот год есть уточнение о том, что фигурирующие в ней Арские князья находились «в Карино» (Исхаков, 2010, с.142. Далее ссылка на документальные письменные источники будет делаться как на данную работу автора, содержащую значительный объем публикаций письменных источников). В следующий раз пребывание рассматриваемой группы татарской знати в этом населенном пункте отмечается в грамоте Василия Ивановича за 1520 г., где речь идет о жаловании Давлетъяра Магмет Казыева сына (он упоминается еще в грамоте того же великого князя от 1510 г.) «половиною Карино», а другая «половина» этого селения и его «черного» населения, как видно из этого документа, принадлежала иной группе Арских князей (см.: Исхаков, 2010, с. 142–144). К 1522 г. относится послание Ивана Васильевича «на Вятку, в Слободской городок», содержащее фразу: «.. Каринские князья .., которые живут в Слободском уезде» (Исхаков, 2010, с. 156–157), подтверждающее, таким образом, нахождение Арских князей в Нократе/Карино в первых десятилетиях XVI в.

Эпиграфические памятники, находящиеся на кладбище с.Нократ, дополняют сведения письменных источников. В частности, сохранилось надгробие бека Сейтяка б. Альсуфья, в котором указана дата его смерти – 1553 г., с добавлением, что он умер в возрасте 60 лет, родившись, таким образом, в 1493 г. (Исхаков, 1998, с.39). Между тем, Сейтяк Алисуфов фигурирует в числе Арских князей «с Вятки» в жалованных грамотах Ивана IV за 1542 г. и за 1544 г., а его отец – Алисуф Алев, упоминался в явно более ранних данных писцов ур. Каробина (ссылка на них приводится в последней грамоте) (Исхаков, 2010, с.145, 147). Кроме того, на упомянутом кладбище есть еще одно надгробие – за 1504 г., поставленное на могиле супруги Али бека (Исхаков, 1998, с.39–40), скорее всего, бабушки Сейтяка бека и матери упомянутого Алисуфа (Альсуфья), так как Гали бек присутствует в генеалогии Арских князей как второй сын основателя этого рода Кара бека и отец Альш бека и Альсуфий бека (Исхаков, 1998, с. 35). А раз это так, то существование Нократа/Карино по письменным источникам отодвигается на конец XV – начало XVI вв. Еще более ранняя дата основания указанного селения вытекает из косвенных сведений генеалогического характера, подтверждаемых письменными источниками.

Дело в том, что в генеалогии, принадлежавшей одному из Арских князей из поколения «предка Мирсайта» (известен из жалованной грамоты от 1505 г. как Мурсеит Ильясов – см.: Исхаков, 2010, с.141, 147), есть дата – 867 г. по хиджре (т.е. 1462/63 г.), в которой житель с.Нократ, его потомок, предлагал видеть дату основания этого поселения, точнее, его части, названной по имени Ильяса (Татар, 1987, с.76). В другой генеалогии потомков Арских князей из с.Нократ есть фраза, что у Мухаммеда, «первого сына Кара бея», был сын Ильяс, чей сын Мурсеит (речь идет об отмеченной выше личности) «остался в Ильясове того Кара бия», а другой сын – Мавлябердий, «поселился в Нижнем Погосте» (Исхаков, 2010, с.40). Так как в данном случае выражение «в Ильясове» также подразумевает структурную часть Нократа/Карино, что станет ясно далее, оно подкрепляет приведенную выше дату – 1462/63 г., как возможное время ее появления.

В итоге получается, что селение Нократ/Карино, отчетливо фиксирующееся по письменным источникам с начала XVI в., на самом деле было основано значительно раньше – не позже начала 1460-х годов.

Теперь нам надо рассмотреть вопрос об структурных частях этого центрального поселения вятской ветви Арских князей. Наиболее развернутая информация такого рода содержится в дозорной книге воевод князя Ф.А.Звенигородского и В.Т.Жемчужникова 1615 г., в которой есть описание Каринского стана Хлыновского уезда (Исхаков, 2010, с. 176–190). В нем приводятся сведения и о Нократе/Карино, к тому времени ставшего центром Каринского стана («уезда»), включавшего 13 погостов, но сохранившего первоначальное ядро в виде отдельного поселения, обобщенно именуемого в источнике в одном месте «Карино» (Там же, с.183). По этнографическим материалам XIX – начала XX вв. можно разобраться (см.: Исхаков, 1978) в том, какие именно погосты из Дозорной книги 1615 г. относились к Нократу/Карино. Это были: Погост большой, Погост Нижний, Погост Ильясов, которым соответствовали традиционные выделяемые в этом селе Верхнее Карино (татарские названия – «*Олы ил*» или «*Югары авыл*»), Нижнее Карино (*Тубән авыл*) и Ильясово (*Ильяс ил*). В родословных записях татар с.Нократ/Карино, датированных 1784 г., присутствует именно такое трехчастное деление поселения (Исхаков, 2010, с.202–206). Хотя позже эти внутренние подразделения Нократа/Карино получили еще более дробные деления, к началу XVII в. их еще не было. Поэтому, применительно к более раннему времени, которому и посвящена настоящая статья, нам необходимо проследить исторические истоки формирования прежде всего указанных трех основных частей данного поселения.

Первые отчетливые указания на первоначальное деление Нократа/Карино на две «половины» появляются в жалованной грамоте Василия Ивановича за 1520 г., которую мы уже начали рассматривать. Согласно ей, Давлетьяр Магмет Казыев и его дети получили «половину Карино «аран татар» и «вотяков», что было за Хази Шептяком за [Агзяновым] сыном да за его детьми, да за Шептяковым братом за Шомачем, да за его сыном Шегабом». Другой «половиной» селения владели «Тактамыш да [Тонеш] со всем потому, как была та половина за [Сейтяком] и за его братом и за их детьми» (Исхаков, 2010, с.143). В двух других жалованных грамотах, на этот раз от 1534 г. и от 1538 г., дети названного выше Давлетьяра – Семенец и Иван, получили «половину Карино арян татар и отяков, что было за отцом их» (Исхаков, 2010, с.144). Из этнографических данных вытекает (Мухамедова, 1978; Исхаков, 1978), что под «половиною» Карино, в 1520–1530-х годах находившейся во владении князя Далетьяра и его детей, имеется в виду Верхнее Карино (*Олы ил, Югары авыл*), в своем составе позже имевшее подразделение «Давлетьярово», явно названное по имени его прежних владельцев.

Труднее определиться со второй «половиной» Нократа/Карино, ибо в грамоте от 1520 г. имена ее владельцев написаны (за исключением имени «Тактамыш», про которого нет других сведений) недостаточно разборчиво. Тем не менее, можно предположить, что под ней скрывается Нижнее Карино, еще не разделившееся на две части – на Нижний Погост/*Тубән авыл* и на Погост Ильясов/*Ильяс авыл*. Дело в том, что Сейтяк из грамоты за 1520 г., это скорее всего князь Сейтяк б. Алисуф (Альсуфый), о котором речь уже шла и который фигурирует в жалованных грамотах Арских князей от 1542, 1544, 1547, 1551 годов (Исхаков, 2010, с.145–148, 150, 168). Его потомки, согласно Дозорной книге 1615, жили как раз в Нижнем Погосте (Исхаков, 2010, с.177). С другой стороны, под не вполне ясно прочитываемым именем из грамоты 1520 г. – «Тонеш», можно предполагать одного из Арских князей – Дюняша, отмечаемого в жалованной грамоте Ивана IV за 1548 г. в числе «Мурсеитовых детей» (Исхаков, 2010, с.149). Тогда получается, что речь идет о линии Мурсеита б.Ильяса, брат которого – Мавлябердий, как уже говорилось, поселился в Нижнем Погосте. Если следовать указанной уже генеалогической записи, от Мурсеита (известен в 1505 г.) началось формирование Погоста Ильясова, а Нижний Погост, где поселился его брат Мавлябердий, к тому времени уже существовал.

О том, что две «половины» Нократа/Карино – Верхнее и Нижнее Карино – образовались раньше, говорят следующие данные. Как видно из грамоты за 1520 г., до Давлетьяра б. Магмет Казыя (первые упоминания в документах в 1505 и 1510 годах) «половиной Карино», ставшем позднее Верхним Карино, владел князь Хази Шептяк б. Агзян [Ализан], фигурирующий в грамоте за 1505 г. (Исхаков, 2010, с.141). Так как сохранилась генеалогия этой личности, где после Шаптака б.Агзяна (Ализана) идут звенья Ших [Мансура] и его сына Газы (Исхаков, 2010, с. 206), этот ряд можно ввести в исторические рамки. Так, Газы Шимансырев известен из грамоты за 1505 г. (Исхаков, 2010, с.141), а его сын Касым Газыев в первый раз упоминается в грамоте за 1542 г. (Исхаков,

2010, с. 145). Следовательно, время жизни самого князя Хазы Шептяка (Шаптака) отодвигается на вторую половину XV в., когда видимо и образовалось Нижнее Карино. В этой связи показательно, что к 1556 г. имя Шептяк/Шаптак уже успело стать топонимом – так называлась деревня «Шептяковская», принадлежавшая Давлетьяровым (Исхаков, 2010, с.159).

После того, как были выяснены основные топографические сведения о Нократе/Карино, можно обратиться к анализу данных по этносоциальной структуре этого центрального поселения вятской ветви Арских князей и его окрестностей – Каринского стана – в XVI – начале XVII вв.

Этносоциальная структура Нократа/Карино в XVI – начале XVIII вв.

Из наиболее ранней сохранившейся жалованной Арским князьям грамоты, данной им в 1505 г., т.е. спустя 16 лет после их перехода в 1489 г. под московский сюзеренитет, видно, что у них имелись свои «люди», к которым представители власти (тиун, доводчик) не имели права «въезжать» и у которых они ничего не могли взять (не «емлют у них ничего»). Далее в грамоте уточняется, что под этим «людьми» имеются в виду каринские «аренины» и «отяки» (Исхаков, 2010, с.141–142). В 1510 г. была дана грамота уже знакомому нам Давлетьяру б. Магмет Казью, в которой речь идет о том, что в Чепецком стане у этого князя были «ловля» и деревня, которая была населена «чувашами», но они «запустили», поэтому Василий Иванович разрешал этому князю «звати ... в те деревни к себе ...людей из-за рубежов», но не из «вотчины великого княжества» (Исхаков, 2010, с.142–143). В тех условиях это означало привлечение людей из Казанского ханства.

В следующей грамоте, данной в 1520 г. тому же Давлетьяру и двум его сыновьям по поводу, как уже было сказано, жалования им «половины Карино», отчетливо появляется фраза, что эта часть поселения состояла из «аран татар и вотяков», далее в первой части названной группы, именуемой «аранами». Тут опять четко сформулировано положение о том, что хлыновские наместники московского великого князя и их тиуны Арских князей и «аран и вотяков не судят ни в чем, опричь душегубства и разбоя с поличным». Кроме того, «привотчики и доводчики» не могли брать у них «поборов» и не имели права «въезжать к ним ни по что» (Исхаков, 2010, с.143).

В разбираемом документе есть и ряд других деталей, позволяющих точнее представить статус названных каринских «аран татар/арян» и «вотяков». Во-первых, Давлетьяр и его сыновья вносили с них «дань» (похоже – ясак) «по старине, как с них шло Шептяку да его брату Мамачу с детьми (речь идет, как видим, о более раннем, чем 1520 г., времени). Во-вторых, в случае судебных разбирательств этих подчиненных Арским князьям «аран татар» и «вотяков» с иными жителями Вятской земли («с городскими людьми», «волостными людьми» и «вотяками»), на суде кроме наместников хлыновских и их тиунов присутствовали и Арские князья. Наконец, когда собирався (очевидно, с крестьян) «корм» для этих представителей власти (наместникам и тиунам), его собирали сами князья, а пошлинники наместников не могли его брать (Исхаков, 2010, с.144).

Точно такая же картина вытекает из жалованной грамоты Василия Ивановича Арскому князю Карачуре б. Рамазану начала XVI в. (Там же, с.144–145). Получается, что «черное» население Нократа/Карино находилось под двойной юрисдикцией – московской и княжеской. Очевидно, такое положение, сохранявшееся в бассейне р.Чепцы довольно долго, являлось отражением субординационных связей еще периода вхождения рассматриваемых групп в состав Казанского ханства. Просто казанский хан как верховный сюзерен после 1489 г. был заменен на московского великого князя, которого на Вятской земле представляли его наместники с их аппаратом власти (тиуны, доводчики, пошлинники и пр.).

Весьма важно установить, откуда у Арских князей появилось двухставное (аран/арян татары, вотяки/отяки) зависимое население. Как видно из только что рассмотренной грамоты, данной в начале XVI в. Карачуре б. Рамазану, Василий Иванович предоставил тому право «призвать отяков в Карино ... жити из Казанские земли на Гожлево (варианты: Гожелеево, Гожалово. – Д.И.) рамень и на реку Кассемо», на земли «не писанные», которые «не пашут... и не косят». До того, как вятские писцы этих новоприбывших «не опишут», они великому князю не должны были платить «дань», а наместникам давать «некоторые иные пошлины» (Исхаков, 2010, с.144).

Такое же право призывать «людей» было предоставлено в 1510 г. и князю Давлетьяру б. Магмет Казью (см. выше). Поэтому одним из источников появления у представителей вятской ветви Арских князей зависимого населения мог быть подобный «призыв» из-за рубежа. Этот вывод получает окончательное подтверждение в жалованной группе Арских князей в 1542 г. грамоте, где речь идет о том, что «от казанских мест казанские люди вотяки и чувашени (обратим внимание на

то, что «чувашах» речь шла уже в грамоте за 1510 г. – Д.И.) хотят идти на ... великого князя имя на спас на Вятку жити». При этом выясняется, что среди таких желающих переселиться были те «вотьяки», жены и дети которых оказались «в полону на Вятке». В грамоте поясняется: «и которые люди вотьяки и чуваша придут ... на великого князя имя на Вятку за которою за арского князя жити, за тем живут». Попутно выясняется, что «старые вятские каринские вотьяки и чувашени» смогли ходить в «казанские места своего полону жен и детей окупати», приводя их затем жить «на Вятку» (Исхаков, 2010, с.145–146). Из других грамот, данным Арским князьям в 1547, 1548, 1551, 1556 гг., также вытекает, что у них имелись их «вотьяки и чуваша арские» (Там же, с.148–152).

Итак, мы можем заключить, что в Нократе/Карино, кроме Арских князей и, возможно, рядовых татар (см. далее), имелись зависимые от татарской знати группы населения, этнический состав которых был неоднороден – это «вотьяки/отьяки» и «арские татары, аряне/чуваша, арские чуваша». В ряде случаев они были призваны жить на Вятскую землю с территории Казанского ханства. Для того, чтобы окончательно прояснить вопрос об этнической принадлежности зависимого населения, особенно той его части, которая в документах именуется «чувашами», нам полезно будет взглянуть на приводимую ниже таблицу, в которую сведены все известные данные о населении Нократа/Карино с конца XV по начало XVI вв.

Социально-этнический состав населения Карино и его окрестностей в конце XV – начало XVII вв.

Годы	Упомянуты в документах					
	Князья, татары	Зависимое население				
		Карино			Окрестные селения	
		Аряне, Арские татары	Чуваша	Вотьяки	Вотьяки	Чуваша
1489	Арские (татарские князья)	Аряне	–	–	–	–
1504	Арские князья	–	–	–	–	–
1505	Арские князья	Аренези каринские	–	Отьяки каринские	–	–
нач. XVI в.	–	–	–	–	Отьяки казанские	–
1510	–	Аран татар, Аран	–	–	–	Чуваша
1520	Тотарин	Аран татар	–	Вотьяки	–	–
1522	Каринские князья	–	Чувашени	Вотьяки	–	–
1534	–	Аран татар	–	Вотьяки	–	–
1542	Арские князья	–	Чуваша старые	Вотьяки каринские старые	Вотьяки казанские	Чуваша казанские
1546	–	Арские татарове	–	–	Отьяки	Чувашане
1547	Арские князья	–	Чуваша арские	Вотьяки	–	–
1547	Арские князья	–	–	–	–	–
1548	Арские князья	[Беяки]	Чувашу	Вотьяки	–	–
1551	Каринские татары	–	–	–	–	–
1551	Арские князья, татары	–	Чувашане арские	Вотьяки	–	–
1553	Арские князья	–	–	–	–	–
1556	Вятские татары	–	–	–	–	–
1572	Арские князья	–	–	–	–	–
1588	Каринские, Вятские служилые татарова, князья	–	–	–	–	–
1588	Каринские мурзы	–	–	Каринские отьяки	Отьяки	Чуваша
1615	Князья и татары	Бесермяне	Бесермяне	Отьяки	Отьяки	Бесермяне

Источники: (см. Исхаков, 2010).

Как видно из приведенных в таблице материалов, в Карино в составе зависимого от Арских князей населения кроме удмуртов (вотяков ~ отяков), выделяются еще две этнические группы – «чуваши» или «чуваши арские» и «аряне ~ арени» или «аран (арские) татары».

Упомянутые в грамоте за 1548 г. «беляки», скорее всего, были социальной, а не этнической группой, входя в целом в состав «арских татар». Причем из документов XVI в. вытекает, что жившие в Карино «чуваши» и «вотяки» были тут частично давними жителями («каринские старые»). Такой же группой являлись и «аренези», «аран татары» или «арские татары», видимо, под наименованием «арян» фиксируемые уже в 1489 г. Обращает на себя внимание следующее: в документах XVI в. термины «чуваши» и «аряне» или «арские татары» ни разу вместе не отмечаются. Поэтому и возникает вопрос, а не применялись ли эти два понятия для обозначения одной и той же этносоциальной группы? С начала XVII в. в с. Карино и в Каринском вместо «чуваши арских» и «арских татар» мы видим уже «бесермян», иногда не совсем последовательно, ибо понятие «чуваши» еще сохраняется.

Относительно понятия «чуваши»/«арские чуваши» уже было обращено внимание на то, что оно в XVI – начале XVII вв. и применялось к конкретной группе населения Казанского ханства, позже – Казанского уезда. Кроме прочего было отмечено упоминание «чуваши арских» в «Царственной книге» под 1551 г. при описании их столкновения с группой крымцев, тогда находившихся в окружении ханши Сююмбике в г.Казани.

Из совокупности фактического материала следует, что термин «чуваши» в Казанском ханстве использовался применительно к татаро-мусульманскому «черному» населению болгарского происхождения (suas – в смысле «крестьянин, пахарь, земледелец») (детальнее см.: Исхаков, 1998, с.80–102). А так как из документов XVI в., связанных с Арскими князьями вятской ветви, достаточно хорошо прослеживается практика прихода на их земли казанских «чуваши», их и надо рассматривать как исходную группу, из которой позже образовались «каринские чуваши». Но в последнем случае следует учесть, что в с.Карино наряду с «чуваши» имелись и «отяки каринские», т.е. удмурты, которые позже слились в единую общность с «арскими чуваши», образовав группу бесермян (подробнее см.: Исхаков. 2010; 1978).

Этнографические материалы показывают былое существование в Нократе/Карино этносоциального деления населения на две страты – князей (население *бияк*) и бесермян (население *бочорман як*), нашедшего отражение и во внутренней поселенческой структуре этого центрального поселения Арских князей. Так, Верхнее и Нижнее Карино подразделялись на *бияк* (княжеская сторона) и *бочорман як* (бесермянская сторона), причем в Верхнем Карино в части «Деветьярово» были сосредоточены в основном потомки Арских князей, а в части «Митюково» – потомки бесермян; в Нижнем Карино потомки Арских князей живут в таких частях, как «*Арслан авыл*» и «*Касимау* или *Кач авыл*», а бывшие бесермяне – в «*Абаи авыл*». Лишь в д.Ильясово (бывший Погост Ильясов) живут одни потомки Арских князей (Исхаков, 2010).

Первоначально зависимое от Арских князей население было сосредоточено главным образом в Нократе / Карино, особенно та его часть, которая оказалась там по «призыву» этой знати. Но уже в XVI в. иногда «чуваши» и «отяки», связанные с этими князьями, отмечаются за пределами Нократа / Карино. Например, в 1546 г. в стане «Чистом» и «Верховине» (Исхаков, 2010, с.56). К началу XVII в. группы каринских «чуваши» и «отяков» как «половники» Арских князей отмечаются в Шамардановском Погосте (позже они считались бесермянами и выселенцами из Карино) (Исхаков, 2010), расположенном недалеко от Нократа/Карино. Изучение Дозорной книги 1615 г. показывает, что в остальных погостах, входивших в состав Каринского стана, тогда «чуваши/ бесермяне» не числились. Но зато без указания конкретного населенного пункта они упоминаются «Каринского уезда вверх Чепцы» (см.: Исхаков, 2010, с.180–190). Но их там было еще немного, и, скорее всего, «чуваши/бесермяне» начали выселяться «вверх Чепцы» после 1588 г., когда произошло отделение от Арских князей их крестьян, о чем уже писалось (Исхаков, 2010; 2017).

Таким образом, при исследовании проблемы формирования в рамках Московского великого княжества группы Арских князей (а именно ее вятской ветви), полезно выяснить этносоциальную топографию с.Нократа/Карино и его окрестностей, позволяющих лучше понять исторические реалии, имеющие отношение к раннему периоду складывания чепецкой этнографической группы казанских татар.

ЛИТЕРАТУРА

1. Исхаков Д.М. Патронимия у чепецких татар // Новое в этнографических исследованиях татарского народа. Казань: ИЯЛИ им.Г.Ибрагимова КФ АН СССР, 1978. С. 60–66.
2. Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв). Казань: Изд-во «Мастер Лайн», 1998. 276 с.
3. Исхаков Д.М. Арские князья и нукратские татары (историко-этнографические сведения, генеалогии, клановая принадлежность, место в социально-политической структуре Казанского ханства и Русского государства. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. 224 с.
4. Исхаков Д.М. Статус Арских князей в вятской земле Московского княжества в первой половине XVI в. // Средневековые тюрко-татарские государства. 2016. № 8. С.167–174.
5. Исхаков Д.М. Арские князья на службе у московских государей: походы в Сибирь // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы III Всероссийской (с международным участием) научной конференции (Курган, 21–22 апреля 2017) / отв. ред. Д.Н. Маслюженко, С.Ф. Татауров. Курган: Изд-во Курганского гос.ун-та. 2017. С. 49–52.
6. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 587 с.
7. Мухамедова Р.Г. Чепецкие татары (краткий исторический очерк) // Новое в этнографических исследованиях татарского народа. Казань: КФ АН СССР, 1978. С. 5–17.
8. Татар халык ижаты. Риваятьләр һәм легендалар. Казан: Татар. кит.нәшр., 1987. 368 б.

D.M. Iskhakov

**TO A QUESTION OF ETHNOSOCIAL TOPOGRAPHY OF THE CENTRAL POSSESSION
OF VIATKA BRANCH OF ARSKY PRINCES IN XVI – THE BEGINNING OF THE 17TH CENTURIES**

A group of Arsk princes, caught after 1489 in the composition of the Vyatka land the Grand Duchy of Moscow, was originally concentrated in the Central settlement, according to Russian sources XVI–XVII centuries, known as «Carino» (Tatar name – «Nokrat»). This settlement, located near the mouth of the river Chepsa, existed already at the beginning of 1460 years. According to the sources, he revealed internal settlement complex structure, one element of which was the medieval ethno-social division. Topographically, Karino/Nokrat to the XVII century. divided into three parts – Upper, Lower and Ilyasov Pogosts. These units of the village date back to the XV century. In addition to this division of the two Pogosts – the Top and Bottom Karino, there were still internal divisions of ethnic and social character – dividing by Biac and Boshorman Yak, respectively, meaning the Prince and Besermyan villages. In the medieval period to the Prince's side these parts of Karino lived Arsk princes, and to the besermyan side – dependent princes «black» yasak population, consisting of the Udmurts (votyaks) and «Chuvashs», in the latter case, who were descendants of the Bulgars. Under the same name of the last group in the XVI – the beginning XVII centuries is recorded in more southern regions, formerly part of the Kazan khanate. Located in Karino, Udmurts and «Chuvashs» in many ways, were natives of the Kazan khanate. They gradually merged in the pools of the river Chepsa in a single ethnosocial group of the besermyans. In addition to Karino/Nokrat to the beginning of the XVII century these besermyans was in some other villages nearby (the Pogost of Shamardan), then, most likely, after 1588, just far enough «Up Chepsa».

In general, the study of ethno-social structure of the village of Karino/Nocrat and its environs in the middle ages allows a better understanding of the history of the formation of the so-called Chepetskiy ethnographic group of the Kazan Tatars.

Keywords: Arsk princes, dependent people, Besermyans, Udmurts, Chuvashs, Karino/Nokrat, Karinski stan, ethno-social topography.

Сведения об авторе:

Исхаков Дамир Мавляевевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А.Усманова Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан (г. Казань); monitoring_vkt@mail.ru

Iskhakov Damir – Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan)

УДК 94(47).072+1–924.71

ОСОБЕННОСТИ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ КРЫМСКИХ ТАТАР В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ ПОСЛЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ КРЫМА К РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ¹

© 2017 г. Д.В. Конкин

В статье рассмотрены первоначальные мероприятия российского правительства по налогообложению крымских татар после 1783 года. Российская администрация во главе с Г.А. Потемкиным изначально обратила внимание на особенности фискальной системы мусульман Крыма и ее несоответствие общеимперским традициям. С целью адаптировать налогообложение мусульман Потемкин предложил вместо неприемлемой для крымских «татар-поселян» подушной подати собирать с них налоги «с земли» и «с произрастений», имитировавшие привычные для последователей ислама харадж и ушр. Данная система так и не была внедрена в Крыму, но и общероссийские фискальные правила, подушную подать, рекрутскую повинность российская администрация также не решалась применить в полном объеме. В течение продолжительного времени крымские татары оставались вне унифицированной системы налогообложения, исполняя только земские повинности и выплачивая местные сборы.

Ключевые слова: Крым, Российская империя, крымские татары, мусульмане, налоги, подушная подать, рекрутская повинность, дворовой сбор.

Присоединение Крыма к России в 1783 г. стало важным опытом интеграции российским государством территории с преобладающим мусульманским населением в рамках новой политики веротерпимости официально провозглашенной Екатериной II. Изначально Крым вошел в состав Российской империи на правах «административной автономии» (см.: Лысенко, 2001, с.141–142; Дамешек, 2014, с. 78), которая предусматривала верховенство коронной администрации на высшем уровне и смешанную администрацию среднего и низшего звена. Но довольно быстро новая власть перешла к общеимперской системе управления с традиционным институтом губернского правления, казенными палатами, местной полицией и судами (Загоровский, 1912, с. 76–81; Прохоров, 1996, с. 213–225). Но за этим унифицированным административным фасадом сохранялись многие особенности, которые были связаны с религиозными аспектами жизни местного населения, сложившимися еще в период Крымского ханства внутренними традициями и обычаями. Не имея достаточного практического опыта мирной интеграции мусульманской окраины, имперская власть использовала в Крыму известные ей традиционные инструменты управления, приспособивая их к местным условиям. Важной частью данного процесса стали попытки интегрировать сложившиеся на полуострове правила налогообложения, приспособить их к знакомым в России образцам.

В манифесте от 8 апреля 1783 г. Екатерина II обещала всем жителям Крымского полуострова «...содержать их наравне с природными Нашими подданными» (ПСЗ–1, т. 21, № 15708). Такое обязательство подразумевало, прежде всего, распространение ряда общероссийских привилегий на соответствующие слои местного населения. Так, были освобождены от налогов мусульманские священнослужители (Киреенко, 1897, с. 17). Исходя из принципов манифеста, не должны были подлежать налогообложению местные дворяне. И хотя процесс обретения крымскотатарской знатью дворянского статуса имел свои особенности и шел медленно (см.: Маврина, 2011; Маврина, 2013; Хайрединова, 2016а), тем не менее, налоговый иммунитет автоматически распространялся и на них. Далее в документе звучали обязательства по защите «имущества и веры» местных жителей (ПСЗ–1, т. 21, № 15708). Свобода вероисповедания, равно как и гарантия имущественных прав, подразумевали, по-видимому, и подтверждение фискальных традиций Крымского ханства, которые, как в любом мусульманском государстве, основывались на религиозном аспекте. В целом, манифест носил декларативный и символический характер, но имел несомненный авторитет для властей на протяжении многих лет. Конкретика же наступила в последующих распоряжениях.

¹ Исследование выполнено в рамках базовой части госзадания Минобрнауки РФ № 33.5763. 2017/БЧ по теме «Российская империя и Крым: основные проблемы, концепции, понятия».

В именном указе Г. А. Потемкину от 28 июля 1783 г. «О принятии крымских жителей и прочих татарских народов в Российское подданство» гарантировался исключительно добровольный характер службы крымских татар в вооруженных силах империи: «В службу воинскую сих новых Наших подданных никого без собственной его доброй воли и желания не брать и не принуждать...» (ПСЗ–1, т. 21, № 15798). Тем самым был снят с повестки дня острый и конфликтогенный вопрос, поскольку таврические мусульмане в целом отрицательно относились к подобной обязанности (см.: Распоряжения..., с. 262, 287)². В этом же указе, после еще одного подтверждения неприкосновенности и целостности «природной веры» крымских жителей, говорилось о необходимости собирать на местные расходы таможенные пошлины и налог от оптовой продажи соли, добываемой на крымских озерах, а также установлении общих налогов для местных жителей «с земли вместо поголовных и десятинные с произрастений, наблюдая, дабы она не была в тягость народную». Уточнения эти были внесены по предложению Потемкина, который в письме императрице от 16 июля 1783 г. сообщал о просьбе крымскотатарских крестьян, «чтобы подать им платить не по душам, а с земли и со всего – десятину, что учинит гораздо более доходу, да для них честнее» (Екатерина II и Г.А. Потемкин, с. 176). Действительно, поземельный налог (по сути – харадж), наряду с десятиной (по сути – ушр) – были более приемлемы и традиционны для мусульман Крыма, чем распространенная в России подушная подать³, которая, по мнению Потемкина, «вынудила бы всех татар бежать» (Чудинов, 2001, с. 234). Новороссийский правитель хорошо понимал данное обстоятельство и поэтому, как отмечали хорошо информированные секретные французские агенты, хотел ввести «нечто вроде подушной подати, но чтобы это внешне на нее не походило» (Там же).

Таким образом, замена подушной подати на поземельную и сбор десятины, закрепленные в указе – демонстрировали стремление имперской власти учитывать местные культурные особенности даже в такой принципиальной для любого государства сфере, как фискальная. Но данный адаптированный для мусульман вариант государственных податей, несмотря на императорское распоряжение, не был применен на практике и сельские жители (так называемые «татары-поселяне») остались вообще вне системы имперского налогообложения. Преемник Потемкина по управлению южными российскими территориями и сердечной благосклонности императрицы П. А. Зубов в 1794 г. сообщал Екатерине II, что «татарские хлебопашцы до сих пор не обложены в Тавриде еще никакою установленною податью», за исключением почтовых сборов и добровольных казенных нарядов, за которые они получали вознаграждение (Киреевко, 1893, с. 64). Зубов хотел «для их же собственной пользы» обложить крымскотатарских крестьян натуральным налогом, предназначенным исключительно для пополнения местных хлебных магазинов. При этом также продемонстрировав определенное знание исламских традиций, предлагал собирать налог «со двора», поскольку «магометане обыкновенно не платят поголовной подати ни в Турции, ни в других местах Азии», а «таврические татары... всегда были изъяты от личной подати», которая предназначена была только «для иноверцев, в рабстве у них живущих» (Там же).

Но затея Зубова также не была реализована. В подготовленном в 1796 г. отчете Таврической областной казенной палаты сообщалось, что крымскотатарские крестьяне «...и поныне податью не обложены» (Цит. по: Хайрединава, 2016б). Подтверждение этому факту мы находим и в отчете министерства финансов, составленном в 1818 г., где говорилось, что «крымские магометане с самого присоединения Крыма к Российской империи, то есть с 1783 г., не платили никаких казенных податей» (РГИА. Ф. 1306. Оп. 1. Д. 3. Л. 2 об.). Что касается поземельного налога, то его просто технически невозможно было бы собрать с крымских татар в условиях продолжавшейся хозяйственной инкорпорации полуострова, поскольку изначально не был разработан механизм такого сбора. Являясь достаточно прогрессивным для России видом налогообложения, поземельный сбор требовал точных сведений о размерах индивидуальных владений, реестра качества земли. Но данная информация отсутствовала, а вопрос землеустройства, имущественных прав на землю, границ индивидуальных владений являлся наиболее проблемным в Крыму (см.: Лашков, 1896, с. 50–71).

² Тем не менее, добровольческие регулярные полки были быстро сформированы и порой замечательно себя проявляли во время боевых действий российской армии (см.: Габаев, 1914; Муфтий-заде, 1899; Масаев, 1999), финансирование их первоначально осуществлялось за счет соляных сборов Таврической соляной экспедиции (Масаев 1998, с. 360).

³ Подушная подать (джизья) – налог, собираемый в исламских странах с иноверцев в качестве «выкупа за сохранение жизни при завоевании» (Ислам. Энциклопедический словарь, 1991, с. 65), а потому считался уничижительным для мусульман.

Первая после присоединения к Российской империи документально подтвержденная информация о населении Крыма, его качественном составе и занятиях была получена в результате проведенной в 1795 г. 5-й ревизии (которая для Крыма стала первой), что, однако, не стало причиной повсеместного налогообложения крымских татар. «В оклад» в 1796 г. были введены только мещане, ремесленники и «рабочие люди» из числа мусульман, наравне с мещанами-христианами, которые должны были платить по 2 руб. подушного налога в год (РГИА. Ф. 1306. Оп. 1. Д. 3. Л. 3). Купцов среди местных татар в это время еще не было зарегистрировано. Таким образом, основная часть населения Крыма – лично свободные крестьяне («татары-поселяне») – государственные налоги, по-прежнему, не платили. По поводу них Таврическая казенная областная палата в 1796 г. обратилась в Правительствующий Сенат за разъяснениями. Но из-за смерти Екатерины II, воцарения Павла I и последовавшего затем административного переустройства Новороссии (включая и Таврическую область), ответ был получен только в 1799 г. и заключался в рекомендации новообразованной Новороссийской казенной палате составить собственное «мнение» по этому вопросу. В том же году палата подготовила ответ, в котором предложила уравнивать в податях крымских татар с казенными крестьянами-христианами; а всех вообще местных мусульман (то есть и крестьян, и мещан) обложить рекрутским платежом (по 360 руб. за рекрута), поскольку платеж этот они никогда не делали, и от рекрутской повинности также были изначально освобождены (РГИА. Ф. 1306. Оп. 1. Д. 3. Л. 3 об.–4). Данное мнение поддержал новороссийский губернатор Иван Яковлевич Селецкий, а затем сенатским указом от 10 декабря 1800 г. (ПСЗ–1, т. 26, № 19682) эти планы были утверждены законодательно. В результате все крымские «татары-поселяне» и ногайцы (кочевники, проживавшие в северном степном Крыму и Причерноморье) наравне с христианским населением были обложены подушной податью и поземельным налогом, всего по 2 руб. 33 коп. с души. Также решено было ввести натуральную рекрутскую повинность. Таким образом, прозвучавшие когда-то просьбы крымских мусульман и услышанные Екатериной II и Потемкиным о замене неприемлемого для них подушного налога, в утвержденном императором Павлом I мнении Правительствующего Сената было решено не выполнять. Это же касается и натуральной рекрутской повинности.

Такое положение действовало совсем недолго. И, скорее всего, на практике реализовано не было, поскольку уже 16 июля 1801 г. молодой император Александр I отменил выплаты казенных податей и рекрутскую повинность сначала для ногайцев (ПСЗ–1, т. 26, № 19944), а затем, в соответствии с указом от 6 октября 1802 г., и для всех остальных мусульман Крыма (крестьян, городских жителей) (РГИА. Ф. 1306. Оп. 1. Д. 3. Л. 5). Последний указ был утвержден на основании представления новороссийского губернатора Ивана Ивановича Михельсона, в котором он сообщал, что крымские татары сверх общих земских повинностей (порядка 1 р. 05 коп. с души), обязаны были платить до 60 000 руб. в год на отопление армейских казарм (РГИА. Ф. 1306. Оп. 1. Д. 3. Л. 5; см. также: Архив Государственного Совета, т. 3, ч. 1, стлб. 225–229).

В данном состоянии фискальная система в Крыму оставалась вплоть до 1812 г., когда снова была предпринята попытка утвердить налогообложение крымских татар на общих основаниях. Согласно сенатскому указу от 20 февраля 1812 г. городские жители-мусульмане Таврической губернии продолжили вносить 2-хрублевый подушный налог, введенный еще в 1796 г., сельских же «поселян магометанского исповедания», помимо всех местных сборов гражданского и военного характера, обязали платить «подымную подать» «по шести рублей с души» (ПСЗ–1, т. 32, № 24999). Данное решение в отношении крымских мусульман отражало общее стремление министра финансов Д. А. Гурьева максимально унифицировать систему налогообложения в империи (ПСЗ–1, т. 32, № 24976). Но, очевидно, было неподготовленным, «сырым», не учитывало уже имевшуюся налоговую нагрузку «татар-поселян», к тому же не ясен был механизм сбора «*подымной* подати», собираемой «с души»⁴. Неудивительно поэтому, что вскоре (8 апреля 1812 г.) последовал указ отменить налоговое нововведение в отношении крымскотатарских крестьян, поскольку наряду с общими земскими повинностями, они продолжали дополнительно нести расходы на отопление воинских казарм и содержание 4-х крымскотатарских полков (ПСЗ–1, т. 32, № 25078)⁵. Следует добавить, что несмотря на официально утвержденную отмену дворовых сборов, рядовые жители крым-

⁴ Тщетные попытки министра Гурьева унифицировать систему доходов и расходов и повысить налоговые сборы предпринимались в это время и в Закавказье (см.: Правилова, 2006, с. 104–106).

⁵ Изначально, напомним, эти воинские формирования финансировались за счет соляных сборов. В 1817 г. полки были расформированы (Маркевич, 2013, с. 96), соответственно, перестал взиматься и налог на их содержание.

ских уездов, крымскотатарские крестьяне, в условиях французского вторжения в Россию, добровольно решили пожертвовать по 3 р. 72 коп. с души, что в общей сумме составило почти 230 000 руб., не считая аналогичных пожертвований мусульманского духовенства Таврической губернии, городских жителей, крымскотатарской знати и др. (см.: Маркевич, 1913, с. 46–49, 63–66; Близняков, 2013, с. 517–519).

Очередная попытка ввести общее налогообложения для крымских татар состоялась в 1818 г. Инициатором ее таврический губернатор Александр Степанович Лавинский, который направил соответствующие предложения председателю Комитета министров Российской империи, санкт-петербургскому военному губернатору Сергею Кузьмичу Вязмитинову. Губернатор отмечал, что крымские «татары-поселяне», освобожденные от общегосударственных налогов, достигли такой степени благосостояния, что «даже имуществом своим превосходят поселян всех прочих губерний». По его мнению, «обложение татар государственными податями наравне с прочими крестьянами не сделало бы вовсе никакой состоянию их разницы», но напротив, «принудило их более к трудолюбию и хлебопашеству, которым при настоящих обстоятельных способах они весьма мало занимаются» (РГИА. Ф. 1306. Оп. 1. Д. 3. Л. 7, 7 об.). Здесь следует отметить, что представление «о лености татар», их хозяйственной неприспособленности к земледелию стало топосом среди российских помещиков, иностранных путешественников, части высокопоставленных чиновников (см: Храпунов, 2013, с. 466–467). Как правило, все они предлагали исправить этот «изъян». Одна часть «просвещенных» деятелей (новоприбывшие крымские помещики во главе с Н. С. Мордвиновым) предлагала выселить крымских татар из наиболее плодородных и благоприятных для сельского хозяйства территорий (Конкин, 2015), другая, напротив, считала крымских мусульман основой будущего экономического благосостояния полуострова (см. Мнение Непременного Совета от 17 апреля 1802 г.: (Архив Государственного Совета, т. 3, ч. 1, стлб. 852–853). Популярной была идея постепенного переучивания «магометанских народов», их «поощрения» различными способами к трудолюбию и земледелию (вышеназванное предложение Лавинского, см. также: (Державин, 1871, с. 782)).

Инициатива таврического губернатора была поддержана Вязмитиновым, а министр финансов Гурьев, следуя своей политике унификации повинностей, дополнительно предложил и городских жителей-мусульман Крыма уравнивать с аналогичными категориями населения других российских губерний, обязав выполнять натуральную рекрутскую повинность (РГИА. Ф. 1306. Оп. 1. Д. 3. Л. 8). Херсонский военный губернатор Александр Федорович Ланжерон, которому подчинялась гражданская часть в Таврической губернии, также согласился, что «большее взыскание с татар повинностей сделает их трудолюбивее». Но при этом высказался за то, чтобы повышать повинности постепенно (Там же. Л. 8 об.). Разобраться в объеме налогообложения крымских татар в этот период и сравнить его с другими категориями населения и регионами Российской империи помогает информация Департамента разных податей и сборов министерства финансов:

Таблица 1.

Общее налогообложение крымских «татар-поселян» в 1816–1820 гг.⁶
(РГИА. Ф. 1306. Оп. 1. Д. 3. Л. 9–11)

	Общий земский сбор	На отопливание казарм	Всего
1816–1818	1 р. 05 коп.	1 р. 65 коп.	2 р. 70 коп. в год
1818–1820 (планировалось)	1 р. 31 ¼ коп.	1 р. 55 ¾ коп.	2 р. 87 коп. в год

Таблица 2.

**Налогообложение казенных крестьян христианского вероисповедания
Таврической губернии в 1816–1818 гг.**
(РГИА. Ф. 1306. Оп. 1. Д. 3. Л. 9–11)

	Подушный налог	Оброчные выплаты	На содержание дорог	На развитие судоходства	Всего
1816–1818 г.	3 руб.	8 руб.	25 коп.	5 коп.	11 руб. 30 коп. в год

⁶ Городские жители-мусульмане Таврической губернии к этому времени за отопление казарм не платили и вносили обыкновенные земские сборы наравне с христианскими жителями по 2 руб. 30 коп., при этом, как говорилось выше, были освобождены от рекрутской повинности (РГИА. Ф. 1306. Оп. 1. Д. 3. Л. 9 об.).

Следует заметить, что в это же самое время в других российских регионах, где проживало мусульманское население (Нижегородская, Саратовская, Пензенская, Симбирская, Казанская и Оренбургская губернии) местные «татары-поселяне» платили все подати и несли все повинности наравне с другими казенными крестьянами в зависимости от класса губерний. Мусульманские купцы и городские жители вносили такие же налоги, как и христианское население, а крестьяне, исповедующие ислам, отбывали натуральную рекрутскую повинность.

Учитывая все эти обстоятельства, а также мнения краевого начальства Совет министерства финансов утвердил решение, начиная с 1820 г. дополнительно к местным сборам (см. Табл. 1) обложить таврических мусульман следующими общегосударственными налогами:

Таблица 3.

**Проект налогообложения крымских татар, утвержденный
Советом министерства финансов (1818 г.) (РГИА. Ф. 1306. Оп. 1. Д. 3. Л. 20–21)**

Категория мусульманского населения Таврической губернии	Подушный налог	Оброчные выплаты	На содержание дорог	На развитие судоходства	Сумма налога
Купцы	—	—	По 5 коп. с 1 рубля	По 5 коп. с 1 рубля	4 $\frac{3}{4}$ с капитала
Мещане, ремесленники, «рабочий люд» и цыгане	3 руб.	—	25 коп.	5 коп.	3 руб. 30 коп.
«Татары-поселяне», живущие на казенных землях	3 руб.	3 руб.	25 коп.	5 коп.	6 руб. 30 коп.
«Татары-поселяне», живущие на помещичьих землях ⁷	3 руб.	—	25 коп.	5 коп.	3 руб. 30 коп.
«Ногайцы-поселяне», на казенных землях	3 руб.	3 руб.	25 коп.	5 коп.	6 руб. 30 коп.

В «Проекте» министерства финансов ничего не было сказано относительно многочисленной категории «татар-поселян», пользовавшихся землей, принадлежавшей им в собственность⁸. Можно предположить, что их также намеревались обложить 3-хрублевым подушным налогом в сочетании с инфраструктурными сборами. Кроме того, всем крымским мусульманам, за исключением купцов, предлагался выбор: нести натуральную рекрутскую повинность или вносить за каждого рекрута по 500 руб. (РГИА. Ф. 1306. Оп. 1. Д. 3. Л. 20 об.).

Казалось бы уже утвержденное решение не было принято. А предложение министерства финансов о налогообложении крымских мусульман было направлено на рассмотрение «Комитета для разбора дел до Таврической губернии относящихся» (далее – Таврический Комитет), который был учрежден в 1819 г. по личному распоряжению императора Александра I. Как известно, в мае 1818 г. император путешествовал по Крыму. Наиболее влиятельный в это время сановник Алексей Андреевич Аракчеев сообщал, что во время проезда Александра I из Симферополя в Керчь и обратно крымские татары напрямую обращались к императору, передавали ему письменные прошения. При этом Александр I лично выслушивал жалобы татарского населения на притеснения со стороны помещиков и других лиц, на недостаток земель и «на бедное их состояние» (ГАРК. Ф. 23. Оп. 1. Д. 292. Л. 2). А в Байдарской долине, где находилось обширное поместье Н. С. Мордвинова, по сообщению флигель-адъютанта императора А. И. Михайловского-Данилевского императора ожидала «самая плачевная» встреча. «Все население Байдар, числом более двух тысяч человек, стояло на дороге со слезами и воплями, жалуясь на притеснения помещика своего, адмирала Н.С. Мордвинова, слывшего за величайшего филантропа и приобретшего себе в России необыкновенную славу мнениями, которые он подавал в Государственном Совете» (Шильдер, 1898, т. 4, с. 103; Михайловский-Данилевский, 1897, с. 100). Практически весь день своего пребывания в Байдарах Александр I посвятил разбору документов, в том числе переданных ему жалоб со стороны местных татар на Мордвинова. Возможно, следствием именно этого непосредственного общения с

⁷ Это особая массовая категория крымского населения, лично свободная, которая пользовалась землями помещиков на условиях, действовавших во времена Крымского ханства по отношению к мурзинским землям: предоставление десятины с урожая помещику и отработка на него, но не более 6–8 дней в году.

⁸ Рядовые татары-поселяне имели право владеть собственностью по указу от 9 ноября 1794 г. (ПСЗ–1, т. 23, № 17265).

крымскими мусульманами стало создание Таврического Комитета. Состоял Комитет из трех опытных и прекрасно разбиравшихся в крымской специфике чиновников: председателем стал Карл Иванович Габлиц, бывший вице-губернатор Таврической области, автор знаменитого научного описания Крыма; двое других участников – Матвей Петрович Штер – сенатор, который в 1804–1810 гг. работал, а затем возглавил землеустроительную комиссию в Крыму, и вышедший накануне в отставку таврический губернатор Лавинский (РГИА. Ф. 1306. Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 1 об.).

Заседатели Таврического Комитета, досконально изучив обстоятельства дела, обратили внимание, что подушные или поголовные подати совершенно не соответствовали «ни вере, ни обычаям магометан и совершенно им противны», поскольку «по их закону» собирали этот налог только с «иноверцев в подданстве или в рабстве у них находящихся» (РГИА. Ф. 1306. Оп. 1. Д. 3. Л. 27 об.). Проявляя определенную осведомленность в востоковедении, члены Таврического Комитета отмечали, что уместнее облагать крымских мусульман поземельной податью, а также десятиной (напомним, об этом изначально настаивал еще Потемкин), как это было принято в Турции и «во всех странах Азии». Но поскольку в Крыму проблема землевладения и определения границ и владельцев земельных участков еще не была решена, генеральное межевание завершить не удалось, то и поземельную подать ввести было невозможно. В качестве временной меры было предложено собирать налоги по дворам (то есть вариант архаичной подымной подати). И хотя чиновники понимали, что налоги при этом будут собираться в значительно меньшем размере, чем при подушной системе, но, по их мнению, «татары при первом начале обложения их податями требуют сего снисхождения к их обычаям» (Там же. Л. 28). Все собираемые в Крыму деньги предполагалось направлять на благоустройство Таврической губернии, что послужило бы «к убеждению татар, что правительство при наложении на них податей не имеет столько в предмете обогащение казны, как благосостояние обитаемого ими края...» (Там же. Л. 29).

С такими доводами согласились члены Государственного Совета. Взяв за основу предложенный Таврическим Комитетом вариант, высший законосовещательный орган Российской империи 18 июня 1820 г. утвердил следующий размер налогообложения крымских татар:

Таблица 4.

**Проект налогообложения крымских татар, утвержденный
Государственным Советом (1820 г.)**
(Архив Государственного Совета, т. 4, ч. 1, стлб. 1780–1783)

Категория мусульманского населения Таврической губернии	Подымный налог ⁹	Подушный налог	На содержание дорог	На развитие судоходства
«Татары-поселяне», живущие на казенных землях	6 руб. с двора	—	—	—
«Татары-поселяне», живущие на собственных землях	4 руб. с двора	—	—	—
«Татары-поселяне», живущие на помещичьих землях	2 руб. с двора	—	—	—
Ногайцы, живущие на казенных землях за Перекопом	6 руб. с двора	—	—	—
Ногайцы – «вольные хлебопашцы»	Уравнять с крымскими «татарами-поселянами» в зависимости от вида землевладения	—	—	—
Купцы	—	4 ¼ проц. с капитала	По 5 коп. с 1 рубля	По 5 коп. с 1 рубля
Мещане, ремесленники, «рабочий люд» и цыгане	—	5 руб.	25 коп.	5 коп.

Кроме того, всех крымских мусульман (кроме купцов) предполагалось вместо натуральной рекрутской повинности обязать выплачивать льготный денежный эквивалент в размере 250 руб. за рекрута (стандартная выплата в этот период равнялась уже 1000 руб.). Сохранялись и уже привычные для крымских татар земские сборы и выплаты на отопление казарм (см. Табл. 1). Всего, по вычислениям Ланжерона, при самом высоком 6-рублевом дворовом сборе, с учетом, что в каждом

⁹ В среднем считалось, что в одном «дыму» (дворе) проживало не более трех налогоплательщиков

«дворе» не более 3-х душ мужского пола, ежегодная подать крымскотатарского крестьянина должна была равняться двум рублям, к которым следовало прибавить «отопительный» сбор. Итого 4 руб. 50 $\frac{3}{4}$ коп в год (Тур, 2007, с. 521–522). И это, как мы видели, максимальный платеж, так как крымские татары на собственнических или помещичьих землях выплачивали меньшую сумму. В то же время «русские казенные поселяне» ежегодно платили подушные оброчные и другие сборы в размере 11 руб. 30 коп. (см. Табл. 2)¹⁰. К тому же они не были, в отличие от крымских татар, освобождены от постоя войск (Тур, 2007, с. 521–522). Внедрить данную систему рассчитывали уже с 1821 г. Общая сумма выплат «татар-поселян» должна была составить порядка 141 тыс. руб. в год, которую планировалось направлять исключительно на местные нужды, в том числе на «возобновление разрушающегося бывшего ханского дворца» (РГИА. Ф. 1306. Оп. 1. Д. 3. Л. 37). При этом в решении Госсовета снова подчеркивалось, что данная мера «сверх общественной пользы» служила «к убеждению» крымских татар, что «правительство при наложении на них податей не имеет столько в предмете обогащения казны, сколько благосостояние обитаемого ими края» (Архив Государственного Совета, т. 4, ч. 1, стлб. 1783). Херсонский военный губернатор Ланжерон отмечал, что помимо привлечения дополнительных средств на благоустройство Таврической губернии, абсолютное большинство населения которой составляли крымские татары, необходимость в наличных деньгах на уплату налогов, будет способствовать изменению их «обычаев и нравов», побудит местных мусульман «к усугублению трудов их в промышленности и сельском хозяйстве, в которых они доселе беспечны и небрежны» (Тур, 2007, с. 521).

Как видно, высокопоставленных чиновников Госсовета, членов Таврического Комитета, Херсонского и Таврического губернаторов заботила в большей степени не экономическая подоплека налоговых сборов. Задача извлечения максимального объема средств у населения Крыма не стояла. Ключевыми являлись вопросы интеграции местных жителей в структуру имперской экономики, среди которых важное место занимала проблема адаптации крымских мусульман к общероссийским правилам налогообложения при одновременном учете и сохранении, где это было возможно, старинных традиций и обычаев населения полуострова. Правительственные усилия на данном этапе были сосредоточены на развитии экономических стимулов среди крымских татар, поощрении их к активной хозяйственной жизни.

Между тем и эта, разработанная Таврическим Комитетом, поддержанная Госсоветом и, наконец, «высочайше утвержденная» 12 апреля 1821 г. система подымного налогообложения крымских татар, так и не была применена на практике. Дело в том, что активно продвигавший реализацию данного проекта таврический губернатор А. Н. Баранов, направляясь в Одессу для представления своего мнения по актуальному вопросу, неожиданно скончался в пути, а другой местный начальник херсонский военный губернатор Ланжерон посчитал внедрение новых податей среди крымских татар «затруднительным», поскольку на протяжении нескольких лет в Крыму был неурожай, образовался дефицит продовольствия и введение дополнительных налогов было нежелательным (Тур, 2007, с. 522).

В результате к началу 20-х гг. XIX в. крымские татары продолжали выплачивать исключительно местные земские сборы, главным из которых являлся эксклюзивный налог на «отапливание казарм». Унифицированную подушную подать государственная власть так и не решилась внедрить, подготовленный проект подымного налогообложения был отложен. Такая ситуация начала меняться только с конца 20-х гг. XIX в., когда стали осуществляться государственные программы по постепенному дополнительному налогообложению крымских татар с целью выравнивания размера податей этой категории населения с общероссийским уровнем (см.: ПСЗ–2, т. 4, № 2658; ПСЗ–2, т. 7, № 5073). Новации первоначально планировалось осуществлять с учетом традиций мусульманской системы налогообложения (подымный сбор), но в итоге была внедрена подушная подать, направлявшаяся исключительно на благоустройство Таврической губернии. Общий размер налогообложения крымских татар, по-прежнему, оставался более низким в сравнении с основной массой населения Крыма. В целом же, льготная система налогообложения крымских татар продолжала действовать вплоть до второй половины XIX в., когда в 1874 г. были отменены выплаты на устройства Крымского полуострова и все крымские татары были уравнены в подушном окладе с другими податными сословиями Таврической губернии (ПСЗ–2, т. 49, № 53415).

¹⁰ По подсчетам В.Г. Тура налогообложение данной категории населения было несколько выше – 13 руб. 60 коп. (Тур, 2007, с. 508 (прим.)).

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив Государственного Совета: в 5 т. СПб., 1869–1904. Т. 3. Ч. 1. 1878. 884 стлб.; Т. 4. Ч. 1. 1881. 1872 стлб.
2. Близняков Р.А. Новороссийский край в Отечественной войне 1812 года (на примере Таврической губернии) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2013. Вып. 18. С. 515–522.
3. Габаев Г.С. Законодательные акты и другие документы о военной службе крымских татар в рядах войсковых частей, предков нынешнего Крымского конного Ея Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны полка // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1914. № 51. С. 135–152.
4. ГАРК. Ф. 23 (Следственная комиссия, учрежденная для искоренения злоупотреблений по Таврической губернии). Оп. 1. Д. 292.
5. Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Ясак в Сибири в XVIII – начале XX века. Иркутск, 2014. 303 с.
6. Державин Г.Р. Записки // Сочинения: В 9 т. СПб., 1864–1883. Т. 6: Переписка (1794–1816) и «Записки». 1871. С. 405–843.
7. Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка 1769–1791 / Сост. В.С. Лопатин. М., 1997. 992 с.
8. Загоровский Е.А. Организация управления Новороссией при Потемкине в 1774–1791 годах // Записки Одесского общества истории и древностей. 1912. Т. 31. С. 52–82.
9. Ислам: Энциклопедический словарь. М., 1991. 315 с.
10. Киреенко Г.К., Ордер П. А. Зубова правителю Таврической области за 1794 г. (Продолжение) // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1893. № 18. С. 53–72.
11. Киреенко Г.К. О прошениях депутатов Таврической области на Высочайшее Имя в 1796 г. и Высочайшем Указе 17 сентября 1796 г. // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1897. 2-е изд. № 2. С. 9–19.
12. Конкин Д.В. «Мнение относительно Крыма» Н. С. Мордвинова: взгляд русского помещика на земельный вопрос в Крыму (конец XVIII – начало XIX вв.) // Крымское историческое обозрение. 2015. № 3. С. 31–46.
13. Лашков Ф.Ф. Исторический очерк крымскотатарского землевладения. (Продолжение) // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1896. № 24. С. 35–71.
14. Лысенко Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII – начало XX века). М., 2001. 358 с.
15. Маврина О.С. Щодо процедури розгляду документів татарської знаті в Таврійському дворянському депутатському зібранні // Сходознавство. 2011. № 53–54. С. 50–59.
16. Маврина О.С. Вхождение мусульманской знати Крыма в состав российского дворянства в к. XVIII–XIX вв.: бейские роды // V науковій читання пам'яті У. Боданінського: тези доповідей та повідомлень міжнародної наукової конференції (Бахчисарай, 23–27 жовтня 2013 р.). Сімферополь, 2013. С. 43–44.
17. Маркевич А.И. К столетию Отечественной войны. Таврическая губерния в связи с эпохой 1806–1814 годов. Исторический очерк // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1913. № 49. С. 1–100.
18. Масаев М.В. Таврические татарские дивизионы конного войска: краткий очерк истории (1784–1796 гг.) // Культура народов Причерноморья. Научный журнал. 1998. № 3. С. 359–361.
19. Масаев М.В. Крымскотатарские формирования в войнах против наполеоновской Франции // Культура народов Причерноморья. Научный журнал. 1999. № 6. С. 154–159.
20. Муфтий-заде И. Очерк военной службы крымских татар // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1899. № 30. С. 1–24.
21. Правилова Е.А. Финансы империи: Деньги и власть в политике России на национальных окраинах, 1801–1917. М., 2006. 456 с.
22. Прохоров Д.А. Органы управления Таврической области после присоединения Крыма к России (1783–1781 гг.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики. 1996. Вып. 5. С. 213–225.
23. ПСЗ. Собрание первое. СПб., 1830.
24. ПСЗ. Собрание второе. СПб., 1830–1881.
25. Распоряжения светлейшего князя Григория Александровича Потемкина-Таврического касательно устройства Таврической области с 1781 по 1786 год // Записки Одесского общества истории и древностей. 1881. Т. 12. С. 249–329.
26. РГИА. Ф. 1306 (Таврический Комитет при МВД). Оп. 1. Д. 1.
27. РГИА. Ф. 1306 (Таврический Комитет при МВД). Оп. 1. Д. 3.
28. Тур В.Г. Привилегии мусульман Таврической губернии (по архивным материалам XIX в.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики. 2007. Вып. 13. С. 502–522.
29. Хайрединова З.З. Правовое регулирование положения крымскотатарского крестьянства в конце XVIII–XIX вв. // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2016а. Т. 12. Вып. 1: Крымоведение: пространство и время Крыма. URL: http://www.j-spacetime.com/actual%20content/t12v1/2227-9490e-arprov_e-ast12-1.2016.32.php (дата обращения 03.10.2017).

30. Хайрединова З.З. Некоторые особенности правового регулирования положения крымскотатарской знати в России конца XVIII – начала XIX вв. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2016б. Вып. 21. С. 391–400.

31. Храпунов Н.И. Крымский полуостров после присоединения к России в сочинении Бальтазара фон Кампенгаузена // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2013. Вып. 18. С. 456–473.

32. Чудинов А.В. Французские агенты о положении в Крыму накануне русско-турецкой войны 1787–1791 годов // Русско-французские культурные связи в эпоху Просвещения: Материалы и исследования: Сборник памяти Г.С. Кучеренко. (Серия «История и память»). М., 2001. С. 202–243.

33. Шильдер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. СПб., 1898. Т. 4. 651 с.

Список сокращений

ГАРК – Государственный архив Республики Крым

РГИА – Российский государственный исторический архив

ПСЗ–1 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е.

ПСЗ–2 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е.

D.V. Konkin

THE FEATURES OF TAXATION OF THE CRIMEAN TATARS IN THE FIRST DECADES AFTER THE JOINING OF THE CRIMEA TO THE RUSSIAN EMPIRE

The joining of the Crimea to Russia in 1783 became an important experience of integration by the Russian state of a territory with predominant Moslem population within the frames of new policy of religious tolerance proclaimed by Catherine II. Without sufficient experience of cooperation with a Moslem borderland, imperial authorities in the Crimea used traditional administrative tools, adjusting them to local conditions. An important aspect of this process was an attempt to integrate taxation rules already developed in the Peninsula by adjusting them according to the cases known in Russia. For a long period, the Crimean Tatars resided outside a unified taxation system, paying only land and local taxes. The problem of taxation on the Crimean Tatars remained under discussion for ages. In result, in the 1820s under Nicholas I the administration of the New Russia headed by Mikhail Vorontsov decided to introduce capitation among the Crimean Tatars. However, the taxation capacity of the main body of the Crimean Moslems remained much smaller than of parallel categories of the Christian population of the Peninsula or the Moslems living in the governorates of the continental Russia.

Keywords: Crimea, Russian Empire, Crimean Tatars, Moslems, taxes, capitation, compulsory recruitment, household tax.

Сведения об авторе:

Конкин Денис Валериевич – кандидат исторических наук, заведующий отделом новой истории Крыма Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (г. Симферополь); denis_konkin@mail.ru

Konkin Denis – Candidate of Historical Sciences, Head of the Crimean Modern History Department, Crimean History and Archaeology Research Center at the V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol)

УДК 94(57)+94(574)"15–16"

БРАЧНАЯ ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЕЙ ТЮМЕНСКОГО И СИБИРСКОГО ХАНСТВ¹

© 2017 г. Д.Н. Маслюженко, Е.А. Рябина

В статье рассмотрены особенности брачной политики правителей Тюменского и Сибирского ханств XV–XVI веков. Обмен женщинами был важной частью создания и закрепления союзных отношений как между государствами постордынского мира, так и внутренних связей ханской семьи и кочевой аристократии. Наиболее длительными были брачные контакты между ханами из династии Шибанидов и правителями Ногайской Орды. Причем если для тюменского хана Ибрахима это мог быть и способ закрепления статуса «ногайского царя», то для его внука сибирского хана Кучума важным было установление союзных отношений с максимальным числом ногайских кланов. Среди его брачных партнеров были потомки биев Шейх-Мамай, Дин-Ахмада, Исмаила и Юсуфа, которые представляли наиболее влиятельные силы этого государства. Потомки первых двух оказали реальную поддержку сибирским правителям в период столкновений с русскими в конце XVI века. Однако, в условиях последовавшей в 1590-х гг. смуты в ногайских степях именно это разнообразие не позволило Кучуму и его детям полноценно использовать эти силы. Для сибирских ханов прослеживаются тесные связи с правящим родом Казахского ханства по линии хана Шигая, бывшего также союзником бухарского правителя Абдаллаха II. Большое значение имели брачные отношения с местными сибирскими аристократами, особенно из клана буркут, а также в период правления Кучума – с представителями суфийского тариката Накшбандийа и представителями крупного торгового города Саурана (Шаврана). Многообразие брачных контактов Кучума и его многочисленных потомков создавало возможность конструирования большого политического союза вокруг Сибирского ханства, что не было до конца реализовано.

Ключевые слова: Тюменское ханство, Сибирское ханство, Кучум, Западная Сибирь

Появление «женского вопроса» в мужском мире исторической науки было неминуемым процессом. В западноевропейской историографии на фоне значительного влияния гендерной тематики еще в начале 1990-х гг. вышел известный пятитомник «История женщин» под общей редакцией Жоржа Дюби и Мишель Перро. Благодаря работам Н.Л.Пушкаревой были раскрыты многочисленные аспекты повседневной жизни русской женщины средневековья и нового времени. Однако, в суровом мире степей женщины долго оказывались на периферии интересов исследователей. В российской историографии значительную роль в изучении данной проблемы, несомненно, сыграла работа Р.Ю. Почекаева и И.Н. Почекаевой «Властительницы Евразии. История и мифы о правительницах тюрко-монгольских государств XIII–XIX вв.» (Почекаев, Почекаева, 2012).

Для сибирской периферии ордынского и постордынского пространства выяснить точную роль женщин в местных политических процессах не представляется возможным. Однако, если ориентироваться на неопубликованную статью М.В.Моисеева «Сююн-бике и брачная политика Ногайской Орды» (Моисеев, эл.вариант), то можно попробовать рассмотреть некоторые брачные приоритеты правителей Тюменского и Сибирского ханств из династии Шибанидов.

Брачная политика в любых средневековых государствах Евразии была важнейшим фактором укрепления власти правящей династии. Не были исключением в этом Монгольская империя и ее наследники. Обмен женщинами был частью большой политической игры на евразийском пространстве. В монгольском обществе периода империи двухсторонние брачные обмены между коллективами разного уровня скрепляли систему побратимства и свойства не столько на личном, сколько коллективном уровне. П.О.Рыкин объясняет это тем, что данный обмен был частью реципрокных отношений, с помощью которых новые группы вливались в состав Монгольской империи на уровне «младших родственников» и обеспечивалась их зависимость от правящей семьи и покорность ее решениям (Рыкин, 2013, с.33–34).

В ходе дезинтеграции как Монгольской империи, так и затем Улуса Джучи кочевая аристократия начинает оказывать все большее влияние на различные сферы политики. Следовательно, и связи

¹ Авторы благодарят А.В.Белякова за возможность использовать подготовленные им к публикации в монографии «Тюменское и Сибирское ханства» источники из РГАДА.

с ними через брачные союзы тоже становятся важнейшей частью внутренней жизни, причем уже и с позиций получения реальной поддержки, а не только лояльности. Нельзя сказать, что для изучаемых нами государств эти брачные связи не изучены, различные аспекты представлены в работах А.В.Белякова и В.В.Трепавлова, на которые мы ниже еще будем ссылаться. Нам бы хотелось в большей степени показать именно преемственность брачной политики на протяжении истории Тюменского и Сибирского ханств XV – начала XVII вв., причем не рассматривая специфику браков тех представителей Сибирских Шибанидов, кто их заключил уже после попадания в Московию.

Уже для узбекского хана Абу-л-Хайра, которому к концу 1420-х гг. удалось подчинить владения большинства кланов Шибанидов и чье тронное место располагалось в 1430–1440-х гг. именно в Чимги-туре, брачная политика имела важное значение, поскольку при проведении степной политики он явно и в большой степени находился в зависимости от многочисленной степной аристократии. Необходимость получения им поддержки крупнейших кланов буркутов, мангытов и конгратов подчеркивались и выбором ханских жен именно из них (МИКХ, 1969, с.354). Однако, одна из его жен, Аганак-Бике, была вдовой уничтоженного им противника, троюродного дяди Махмуд-Ходжи (МИКХ, 1969, с.148). Еще одна жена узбекского лидера Рабия Султан-бегим была дочерью Тимурида Улугбека. Свадьба была благодарностью правнука Тимура Абу-Саида за помощь Абу-л-Хайра в захвате Самарканда (МИКХ, 1969, с.167).

Выбор жен собственно тюменскими и сибирскими ханами из числа потомков одного из первых шибанидских лидеров 1420-х гг. Хаджи-Мухаммада довольно плохо представлен в источниках.

Если верить поздним Сибирским летописям, то один из первых тюменских ханов из этой ветви Ибрахим, внук Хаджи-Мухаммада, выдал свою сестру за одного из лидеров буркутов, контролировавших долгое время Чимги-Туру, князя Мара (Умара) из династии Тайбугидов, что не помешало хану затем этого князя убить (ПСРЛ, 1987, с.47; Сабитов, 2010, с.32–36). Интересно то, что в середине XVI века, когда потомки Мара искерские князья Едигер и Бекбулат пытались дистанцироваться от власти Шибанидов и перейти под руку московского царя Ивана IV, то в их окружении была сочинена легенда, согласно которой доказывалось, что женой основателя династии Тайбуги была дочь Чингисхана: «и дочь свою даде за него в жену» (ПСРЛ, 1987, с.118). При этом еще до заключения брачного союза Тайбуга «...получил от Чингиса войско и захватил много чуди по Иртышу и Оби», а затем вернулся сюда с женой и поставил город Чингидин (Чимги-Тура) (ПСРЛ, 1987, с.47; Маслюженко, 2010, с.9–19). Подобная генеалогия призвана была несколько дезавуировать права потомков Джучи на сибирские территории, указав на факт их передачи в руки Тайбугидов самим Чингисханом. Исходя из того, что эта информация была использована сибирскими летописцами С.Есиповым и С.У.Ремезовым, то для них это давало возможность сформировать концепт законного перехода Сибири от Чингисхана к Тайбуге и его потомкам, а от них как признавших вассалитет от Москвы и к русским царям. В результате претензии любых Чингизидов, в том числе местного ханского рода Шибанидов, могли быть рассмотрены как узурпация престола.

Важнейший как для самого Ибрахима, так и для всей истории «сибирских» Шибанидов союз с Ногайской Ордой был также скреплен брачными связями. Около 1473 г. ногаи, в частности Муса, после недолгого кочевания вместе с Мухаммадом Шейбани, вернулись к идее союза с ханом Ибрахимом, которого русские летописи стали называть «царем ногайским» (ПСРЛ, 1901, с.203). По всей видимости, подчинение ногаев было номинальным и необходимым лишь из-за низкого внешнеполитического статуса их орды (Трепавлов, 2002, с.110–111). Союз был закреплен и брачными связями, как это следует из дальнейших наименований в летописях Ямгурчи и Мусы как шуринов тюменского хана, женатого на сестре ногайских биев. Кроме того, по предположению В.В.Трепавлова, дочь хана Ибрахима была первой женой Мусы, что делало его гурgenом, то есть ханским зятем (ПСРЛ, 1901, с.203; Трепавлов, 2002, с.145). В таком случае мы наблюдаем как раз классический случай взаимного обмена женщинами между двумя правящими кланами, что скрепляло их политические договоренности. Сформированный тем самым союз был апробирован в ходе совместного набега на хана большой Орды Ахмада в январе 1481 г. Наследие брачной политики Ибрахима сказалось уже в XVI веке. Ногайский бек Шейх-Мамай, контролировавший Сибирь и воспитывавший внуков Ибрахима Ахмад-Гирея и Кучума, являлся родственником тюменской правящей династии по женской линии, поскольку был сыном дочери Ибака и ногайского бия Мусы (Трепавлов, 2002, с.145). В дальнейшем именно Шихмамаевичи (Алтыулы) были постоянными союзниками Кучума и Кучумовичей.

Однако, если для Ибрахима мы видим явное сохранение брачной политики с мангытами (ногями) и буркутами, которая фиксируется и для Абу-л-Хайра, то уже о браках его братьев Мамука и

Агалака, как и его сына Кутлука, информация в источниках нам неизвестна. Интересная легенда имеется лишь о брачной политике другого сына Ибрахима Муртазы. «Казанская история» сообщает о том, что одна из жен Сафа-Гирей-хана была дочерью сибирского хана, хотя при этом не уточняется имя последнего (Казанская история, 1954, с.83). Судя по хронологии рассказа, это мог быть только Муртаза, который тем самым сохранял определенные приоритеты поволжской и приуральской политики своих предшественников. Интересно то, что С.У.Ремезов также пишет о том, что одна из жен Кучума была дочерью «казанского царя Мурата» (Сибирские летописи, 1907, с.319). Хотя связи Сибирских Шибанидов с Казанью невозможно отрицать, оба этих сообщения вполне могут носить легендарный характер.

При этом, связи с ногаями явно были значимы и для других сибирских аристократов. Так, в 1555–1563 гг. в Сибири возник конфликт между ханами из Шибанидов и их беклярибеками из числа Тайбугидов. Последние были связаны брачным союзом с ногайским бием Исмаилом. По одним источникам, на сестре Исмаила был женат сибирский бек Казым Тайбугид (Трепавлов, 2002, с.310). По другим данным, Едигер, сын Казыма, был женат на дочери Исмаила (ПДРВ, 1795, с.323; Вельяминов-Зернов, 1864, с.396–397). При этом сын Едигера оказался заложником этой ситуации в московском плену, как это следует из письма Исмаилу: «А дочери твоей, которая была за Сибирским князем, и сына ее а твоего внука к тебе не отпустили... и внуком твоим промыслити, чтоб он вперед на том юрте был» (ПДРВ, 1795, с.323). По всей видимости, Москва хотела использовать его против Ахмад-Гирея и Кучума в борьбе за Искер, хотя эта попытка так и не была воплощена.

В 1563 г. новым сибирским ханом стал старший из братьев Ахмад-Гирей, который спустя несколько лет уехал на Сырдарью принимать владения своего отца, оставив в Сибири править Кучума. Известно, что Ахмад-Гирей был женат на дочери будущего казахского хана Шигая. Скорее всего, этот брачный союз был заключен в период примирения с Казахским ханством Хакк-Назара после конфликта 1569–1570 гг. Впрочем, если верить сибирским легендам, собранным Н.Ф.Катановым, то уже спустя несколько лет около 1577/8 г. Шигай убил своего зятя Ахмад-Гирея (Катанов, 2004, с.148). Интересным нюансом этой истории было то, что одна из жен Шигая происходила из чатов (Атыгаев, с.58–59), которые, будучи ранее подданными именно казахских ханов, а второй половине 1590-х гг. стали союзниками хана Кучума (Трепавлов, 2012, с.53).

Несмотря на это убийство, две жены Кучума происходили из казахских царевен. Одной из них была дочь того же Шигая Лейла, о которой будет сказано ниже, а второй – Сюим. Согласно источникам, она была мачехой казахского царевича Ураз-Мухаммада б. Ондана б. Шигая, плененного в Сибири вместе с тайбугидским князем Сейдяком в 1588 г., и сестрой его матери, поскольку в источниках дочь Сюим Камыз называется двоюродной сестрой Ураз-Мухаммада (РГАДА. Ф.131. Оп.1. 1600 г. Д.1. Л.1–2). Таким образом, у сибирских ханов Ахмад-Гирея и Кучума явно сложились довольно тесные связи с родом казахского хана Шигая, который был одним из сторонников бухарского хана Абдаллаха II (Абусейтова, 1985, с.75), являвшегося союзником Кучума. Интересно как эти связи могли повлиять на то, что в период междоусобиц у казахов и их борьбы с Бухарой во второй половине 1580-х гг. Ураз-Мухаммад был отправлен именно в Сибирь?

Пожалуй, наиболее разветвленной была брачная политика сибирского хана Кучума. По различным источникам, нам известно, как минимум, 12 жен этого хана, 8 из которых попали в русский плен после его поражения на Оби в 1598 г. (АИ, 1841, с.3–5; Маслюженко, Рябина, 2011, с.76). Несмотря на это, установить их клановую принадлежность почти не удастся. Гораздо более подробна информация о браках дочерей и сыновей самого хана Кучума, который наиболее часто поддерживал традиционную для этой династии политику брачных союзов с ногаями.

В июле 1577 года в Москву был представлен отчет по посольству в Ногайскую Орду, который, видимо, отражает ситуацию весны этого года. В отчете Тимофея Лачинова говорится, что к мирзе Аку б. Шейх-Мамаю, который на тот момент являлся лидером Шихмаевичей и играл значительную роль в ногайской политике, приезжал посол Таилак за лошадьми и овцами, которые по договору Кучум должен был получить за свою дочь, выданную замуж за этого ногайского аристократа (ПДРВ, 1801, с.189). Тем самым еще раз были скреплены отношения к одним из самых воинственных ногайских кланов. Именно из него будут происходить: один из последних союзников Кучума Аулия в 1594–1598 гг. (Беляков, Маслюженко, 2016, с.236), а также Урус, который в 1603–1604 гг. окажет поддержку сыну Кучума Али (Миллер, 2000, с.210–212).

Другим послом Семеном Мальцевым было сообщено, что тогда же старший сын Кучума Али женился на дочери ногайского бия Дин-Ахмада (ПДРВ, 1801, с.193). Ее звали Хандаза (Кандаза) и она попала в русский плен после разгрома Кучума в 1598 г. (Беляков, 2011, с.69). Недаром летом

1577 года сам ногайский бий в письме в Москву также пишет о «сватовстве с сибирским царем Кучумом» и далее просит «и кто его будет посол, и тебе его пожаловал почтил...» (ПДРВ, 1801, с.222). Кучум расширял и связи с сыном Дин-Ахмада Ураз-Мухаммадом, который вскоре женился на дочери Кучума Карамыш и получил ссуду в пять тысяч алтын (Трепавлов, 2002, с.322–323, 372–373). В 1580-е гг. Ураз-Мухаммад будет первым ногайским тайбугой, к которому как раз и уйдут от Кучума люди Тайбугина юрта после русского вторжения (Трепавлов, 2012, с.41). Его сын Али будет в середине 1590-е гг. некоторое время владеть семью волостями на Иртыше и возможно выступать в качестве беклярибека сибирского хана (Трепавлов, 2012, с.134; Миллер, 2005, с.362). Осенью 1607 года Али б. Кучум после потери своих кочевий на Ишиме и поражения от тюменцев его ногайских союзников будет некоторое время скрываться именно у Урмаметевых до русского пленения (Трепавлов, 2012, с.76). Кстати, именно после этого политические и брачные союзы с ногаями отходят в прошлое, а при брате Али Ишиме на первое место выходят именно калмыки, которые постепенно вытесняют из брачной политики иных претендентов.

Сам Кучум и его сын Канай были также женаты на дочерях нурадина и позднее ногайского бия Уруса б. Исмаила, а его сын Джан-Арслан, видимо, был женат на дочери Кучума (Трепавлов, 2002, с.375; Трепавлов, 2012, с.43; Беляков, 2014, с.84). Известно, что жену Каная звали Танай (Данай) и она попала в русский плен после разгрома Кучума в 1598 г. (Беляков, 2011, с.69). Кроме того, одна из дочерей хана Ах-ханым, которая также попала в плен с детьми в 1598 г., была женой ногайского мирзы Бегая (Бая) б. Канбая б. Исмаила (Беляков, 2011, с.69). Летом 1601 г. в Тюмень пришла информация о том, что по осени («как хлеб поспеет») на Исеть в Пускурскую (Бачкурскую) волость хотели прийти до семи тысяч ногайцев во главе с детьми Уруса б. Исмаила мирзами Ян Расланом и Алта Улышаимом. В отписке указывается, что Урусовы хотели заключить договор с ханом Али и бывшими при нем табынцами и сынрянцами для совместного нападения на Пускурскую и Киньрскую волости (Миллер, 2000, с.198). Генеалогия Урусовых позволяет идентифицировать этих мирз именно как Джан-Арслана (одного из лидеров Урусовых в эти годы) и его брата Балта-Барака, которые на тот момент были противниками для близких к Кучуму и Али Урмаметевых.

Кроме этих случаев, известно, что сестра хана Кучума была замужем за ногайским мирзой Элем (Илем), потомком еще одного ногайского бия Юсуфа, отстраненного от власти Исмаилом. Именно их сына Чина предлагал в качестве аманата в Москву в 1586 году царевич Мурад-Гирей в переговорах с ногайскими послами от бия Уруса, когда говорил о необходимости обращения Кучума к московскому царю и о своем потенциальном посредничестве в этом (РГАДА. Ф.123. Оп.1. 1586 г. Д.1. Д.15–16; Бахрушин, 1955, с.155). Интересно то, что в Тару именно с мирзой Чином выедет мать царевича Маметкула (Миллер, 2005, с. 291, 361).

Таким образом, во всех этих случаях брачные связи оказали влияние на последующее пребывание определенных отрядов ногаев на территории Сибирского ханства и их участие в местных политических процессах. Хотя развал Ногайской Орды и война правящих кланов в конце XVI века привели к тому, что попытки Кучума и в большей степени его сыновей опереться на единую ногайскую силу оказалась безуспешной. Напротив сами Кучумовичи стали заложниками этой ситуации, вынужденные выбирать между отдельными кланами Эдигеевичей.

Однако, для Кучума были важны браки и с определенными социальными группами. Один из первых известных таких случаев относится примерно ко второй половине 1570-х гг. Руководителем второй исламской миссии в Сибири, которая пришла сюда с Ахмад-Гиреем в 1574 г., был Дин-Али б. Мирали из Ургенча. Он стал верховным сейидом Сибирского ханства и был женат на дочери Кучума (Исхаков, 2011, с.165–168). Со времен Н.Ф.Катанова считается, что ею была Лейла-ханым (Исхаков, 2011, с.165; Селезнев, Селезнева, Белич, 2009, с.137), однако, единственная женщина из семьи Кучума с таким именем была женой самого хана. Г.Ф.Миллер указывал, и это подтверждается иными русскими источниками, что женой сейида была дочь Кучума Нал-ханиша (Нал-бике) (Миллер, 2005, с.196), родившаяся в браке хана с казахской царевной Лайлой. Благодаря этому, Дин-Али стал ханским зятем (гургеном), что значительно укрепило его положение дополнительно к статусу сейида. Жена сейида Нал попала в плен после битвы на Оби 20 августа 1598 г., была увезена в Москву, а позднее оказалось в Ярославле и в Сибирь уже не вернулась (Беляков, Маслюженко, 2016, с.235). Политические браки с влиятельными представителями духовенства заключались и сыновьями Кучума. Так, Азим был женат на Карачай, дочери абыза Ибердея, который в 1595 выполнял посольскую миссию из Бухары от Абдаллаха II к Кучуму (Беляков, Маслюженко, 2016, с.236). Впоследствии она вышла замуж за внука Кучума касимовского царя Арслана (Беляков, 2011, с. 100). Данные случаи интересны тем, что хан выбирал себе новых союзников

не из числа племенной аристократии или других ветвей Чингизидов, а именно из суфийского тариката Накшбандийа.

Несомненно, что ногайские брачные союзы были доминирующим направлением для политики Кучума, хотя это может и отражать определенную специфику сохранившейся источниковой базы. Однако, известны и отдельные случаи исключений. Например, С.У.Ремезов указывал, что одной из жен Кучума была дочь сибирского мурзы Девлетима, городок которого располагался непосредственно рядом с Искером (Сибирские летописи, 1907, с.320). В 1607 г. один из их лидеров сибирского тюркского племени мякотин (бикотин) Евлубай являлся тестем царевича Чувака б. Кучума. Евлубай кочевал вместе с его братом Азимом, хотя их отношения, видимо, не сложились, поскольку он увел свою и еще 11 татарских семей на Убаган (Обага река), где их пограбил дядька царевича Алтана Я Боишан с калмыками. В результате Евлубай пришел в Тюмень на «государево имя» (Миллер, 2000, с.239–240). Брачные связи с потенциальными союзниками из сибирских племен устанавливали и другие родственники хана Кучума. Племянник хана царевич Мухаммад-Кул б. Алтыул был женат на Наг-салтан, сестре сибирских мирз Исенея и Бахтураза Карамышевых (Беляков, 2011, с.100).

Еще одним направлением политики Кучума, с учетом расположения части его владений на Сырдарье и Арале, могли быть браки с местной элитой. Одна из жен Кучума, мать царевича Каная, была родом из крупного торгового города Шавран (Сауран), где она проживала в 1601 году и куда звали на «княжение» Каная как ее сына (Миллер, 2000, с.197). Причем именно знатное происхождение матери Каная привело к тому, что среди сибирских татар большим влиянием и авторитетом пользовался не старший Алей, а Канай (Миллер, 2000, с.209).

Таким образом, брак использовался в первую очередь для укрепления внутренних и внешних политических связей с окружающими государствами (включая поддержку духовных лидеров Бухары), а также для обеспечения военного союза и поддержки воинским контингентом. При этом выбор союзника определялся конкретной политической ситуацией и статусом потенциального союзника. Несомненно, то, что долгое время доминировали связи с различными кланами ногаев, которые только после 1608 года начинают сменяться калмыкскими тайшами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абусейтова М.Х. Казахское ханство во второй половине XVI века. Алма-Ата: Издательство «Наука» Казахской ССР, 1985. 104 с.
2. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. II: 1598–1613. СПб.: Тип. II-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1841. 472 с.
3. Атыгаев Н.А. Хронология правления казахских ханов (XV – середина XVI в.) // Тюркологический сборник. 2006. М.: Вост. лит., 2007. С.50–62.
4. Бахрушин С.В. Сибирские служилые татары в XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды. Т.III. Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. Ч.2. История народов Сибири в XVI–XVII вв. М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. С.153–175.
5. Беляков А.В. Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань: Рязань-Мир, 2011. 512 с.
6. Беляков А.В. Новый документ о ранней истории г. Самары // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия история. Международные отношения. 2014. Т. 14. Вып. 1. С. 82–85.
7. Беляков А.В., Маслюженко Д.Н. Сибирско-бухарско-ногайские отношения в свете переписки бухарского хана Абдаллаха с сибирским ханом Кучумом // Stratum plus. 2016. № 6. С.229–243.
8. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1864. Ч. 2. 498 с.
9. Исхаков Д.М. Институт сейидов в Улусе Джучи и позднесолотоордынских тюрко-татарских государствах. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2011. 228 с.
10. Казанская история / Подг. текста, вступ. ст. и примеч. Г.Н. Моисеевой. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 195 с.
11. Катанов Н.Ф. Предание тобольских татар о Кучуме и Ермаке // Тобольский хронограф. Вып. IV. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2004. С.145–167.
12. Маслюженко Д.Н. Сибирская княжеская династия Тайбугидов: истоки формирования и мифологизация генеалогии // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып.2. Казань: Ихлас, 2010. С.9–21.
13. Маслюженко Д.Н., Рябина Е.А. Особенности повседневной жизни пленных Кучумовичей в Московском государстве осень 1598 – зимой 1599 гг. // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып.3. Казань: Ихлас, Институт истории им.Ш.Марджани АН РТ, 2011. С.75–93.

14. Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Сост. С.К. Ибрагимов и др. Алма-Ата: Изд-во «Наука» КазССР, 1969. 652 с.
15. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2005. 630 с.
16. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. II. М.: Восточная литература РАН, 2000. 796 с.
17. Моисеев М.В. Сююн-бике и брачная политика Ногайской Орды. URL: https://www.academia.edu/18063897/Моисеев_М.В._Сююн-бике_и_брачная_политика_Ногайской_Орды
18. Полное собрание русских летописей. Т.12. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1901. 266 с.
19. Полное собрание русских летописей. Т.36. Сибирские летописи. Ч.1. Группа Есиповской летописи. М.: Наука, 1987. 383 с.
20. Почекаев Р.Ю., Почекаева И.Н. Властительницы Азии. История и мифы о правительницах тюрко-монгольских государств XIII–XIX вв. СПб.: Евразия, 2012. 384 с.
21. Продолжение древней российской вивлиофики. Ч.Х. СПб.: При Императорской Академии наук, 1795. 327 с.
22. Продолжение древней российской вивлиофики (ПДРВ). Ч.ХI. СПб.: При Императорской Академии наук, 1801. 315 с.
23. РГАДА. Ф.123. Оп.1. 1586 г. Д.1.
24. РГАДА. Ф.131. Оп.1. 1600 г. Д.1.
25. Рыкин П.О. Монгольская концепция родства как фактор отношений с русскими князьями: социальные практики культурный контекст // *Mongolica-VI. Посвящается 150-летию со дня рождения А.М.Позднеева*. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. С.28–38.
26. Сабитов Ж.М. Тайбугиды в ханстве Абулхайр-хана // *Средневековые тюрко-татарские государства*. Вып.2. Казань: Ихлас, 2010. С.32–36.
27. Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Белич И.В. Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального. М.: Изд. дом Марджани, 2009. 216 с.
28. Сибирские летописи. Издание Имперской Археографической комиссии. СПб.: типография И.Н.Скороходова, 1907. 462 с.
29. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002. 752 с.
30. Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М.: Вост. лит., 2012. 231 с.

Список сокращений

- АИ – Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией
 МИКХ – Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений)
 ПДРВ – Продолжение древней российской вивлиофики
 ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
 РГАДА – Российский государственный архив древних актов

D.N. Maslyuzhenko, E.A. Ryabinina

THE MARRIAGE POLICY OF THE RULERS OF TYUMEN AND THE SIBERIAN KHANATES

The article considers peculiarities of marriage policy of Tyumen and the Siberian khanates rulers in XV–XVI centuries. The exchange of women was an important part of a building and strengthening allied relations as between states in the Post-Hordian world so of the internal relations of the Khan's family and the nomadic aristocracy. The longest marriage contact was the contact between the khans of the Shibanids dynasty and the Nogai Horde rulers. Moreover, if for the Tyumen Khan Ibrahim it could be a way of consolidation of the status of the «Nogai king», so for his grandson, the Siberian Khan Kuchum was important the establishment of allied relations with the maximum number of Nogai clans. Among his mates were the descendants of the beys Sheikh Mamai, Din Ahmad, Ismail and Yusuf, who represented the most powerful forces of this state. The descendants of the first two beys lent the real support to the Siberian governors during clashes with the Russians in the late XVI century. However, under the conditions of turmoil followed in 1590-ies in the Nogai steppe, this diversity did not allow Kuchum and his children to fully use these powers. For the Siberian khans traced close relations with the ruling family of the Kazakh khanate in the line of Shigay Khan, who was also an ally of the Bukhara ruler Abdullah II. The great importance had marital

relations with the local Siberian aristocrats, especially from the Burkut clan, as well as in the reign of Kuchum – with representatives of the Naqshbandiyya Sufi tariqa and representatives of the large trading city of Sauran (Savran). The diversity of marriage contacts of Kuchum and his numerous descendants created the possibility of constructing a large political alliance around the Siberian khanate that was not accomplished.

Keywords: Tyumen khanate, Siberian khanate, Kuchum, Western Siberia

Сведения об авторах:

Маслюженко Денис Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета, Курганский государственный университет (г. Курган); denmas13@yandex.ru

Рябина Елена Алексеевна – старший преподаватель кафедры «Культурология», Курганский государственный университет (г. Курган); realdenim77@yandex.ru

Maslyuzhenko Denis – Candidate of Historical Sciences, Associate professor, Dean of the Historical Faculty, Kurgan State University (Kurgan)

Ryabinina Elena – Senior Lecturer of the Department of Culturology, Kurgan State University (Kurgan)

УДК 93:929

НОГАЙСКО-РУССКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПРИ ИСМАИЛ-БИЕ (1554–1563 гг.)*

© 2017 г. М.В. Мусеев

Статья посвящена исследованию истории взаимоотношений Ногайской Орды и Московского государства в драматический период, определенный В.В. Трепавловым как Вторая ногайская смута. В работе показано, как Ногайская Орда постепенно фактически попадала в зависимость от Московского государства, которая, впрочем, юридически так и не была оформлена в это время.

Ключевые слова: Переписка Ивана Грозного, дипломатическая корреспонденция, русско-ногайские отношения, Исмаил.

В середине XVI века Россия завоевала Казанское ханство, и возвела на престол власти в Хаджи-Тархане хана из своих рук Дервиш-Али. В конце 1554 г. в Ногайской Орде погиб Юсуф-бий, и орду возглавил его последовательный противник, Исмаил (ПСРЛ, т. 13, с. 249; там же, т. 20, с. 555; РГАДА, ф. 127, оп. 1, кн. 4. Л. 255, 255об. – 256). Причины изменений в Ногайской Орде объясняются различно. Ряд историков среди причин этого переворота усматривают прямое подстрекательство русской дипломатии (Кусаинова, 1998, с. 14.). Другие исследователи связывают междоусобицу в Ногайской Орде в середине XVI века «с захватом русскими Поволжья» (Новосельский, 1948, с. 13). Среди других причин столкновения определяются последовательные действия Исмаила, направленные на блокирование антимосковских акций Юсуф-бия, а поводом – информация о готовности Исмаила принять участие в русской операции по захвату Хаджи-Тархана (Трепавлов, 2002, с. 270).

Общепринятым в историографии стало определять это столкновение как противоборство западного крыла Ногайской Орды, тяготевшего к московским рынкам, с восточным, связанным с Бухарой (Кочкаев, 1988, с. 75–76; Кусаинова, 1994, с. 52.; Исин, 2002, с. 81).

Мнение о вмешательстве России во внутренние дела Ногайской Орды опирается на данные летописей. Однако рассмотрение русских материалов посольской книги не дает оснований для подобного заключения. В посольских материалах инициатором переворота выступал Исмаил, который предложил русскому правительству сместить Юсуфа, и возвести себя на престол (ПКСРНО 1551, с. 133). В документации миссии Н. И. Бровцына, посланного в Ногайскую Орду в феврале 1554 г., документов, позволяющих считать, что русские власти как-то отреагировали на это предложение, нет.

Летописный текст представляет собой отредактированный идеологический продукт. К XVI веку летопись превращается из документа, дневника, «погодника» в историческое повествование. «Чисто литературная сторона с акцентом на дидактику начинает брать верх над исторической точностью, достоверностью, фактом» (Морозов, 2005, с. 136, 139, 152–153). Для официального общерусского летописания свойственна концепция «богоизбранности» рода московских государей, предназначенного для собирания земель. Включение же соседних государств в состав России объяснялось исторической традицией. Так, Ливония – вотчина русских государей, так как еще Ярослав Мудрый в 1030 г. «чудь повоева и победи» и основал Юрьев и лишь через два столетия Юрьев завоеван рыцарями Ливонского Ордена. Сходным образом обосновывались и претензии московских самодержцев на Казань (подробнее см.: Морозов, 2005, с. 132–168).

Подобной концептуальной правке подверглись и статьи, посвященные русско-ногайским отношениям. Летописям свойственно придание русско-ногайским контактам вида отношений вассала с сюзереном. Ногайские послы бьют русскому государю челом, «чтобы их князь великий жаловал и велел в свои государства ходити с торгом» или «чтобы князь великий жаловал, дружбу свою дръжал». С точки зрения летописца русский великий князь, а затем царь – вершитель судеб Ногайской Орды. Основой для подобного представления послужили реальные события русско-ногайских отношений.

* Исследование выполнено в рамках проекта Российского научного фонда (проект № 16–18–10091).
Руководитель проекта – К.Ю. Ерусалимский.

В 1490 г. Муса-мирза, а затем и остальные мирзы, признали себя вассалами Ивана III (ПК, с. 28). Вассалитет Ногайской Орды по отношению к Русскому государству определялся следующими параметрами. В формуляре обращения к русскому великому князю (позднее царю) не допускалось обращение как к «сыну», ногайские послы входили в княжеские покои без шапок и били челом. Послы, отправлявшиеся в орду, всегда были детьми боярскими. Ногаи не могли получать «девятные поминки», традиционно связанные с Чингизидами. Соответственно, пропорционально уменьшались и «поминки» для ногайских мирз, а племенная аристократия и члены двора (ички), вероятно, и вовсе исключались из этого процесса. Наиболее же существенным стало то, что составление шертных записей, где прописывались обязательства обеих сторон, составлялись исключительно в Москве, русской стороной. При этом существенным моментом для летописцев стало шертование ногайских мирз в 1501 г., ставшее первым упоминанием ногайско-русских отношений в летописании. Далее летописцы все дипломатические контакты Ногайской Орды и России представляют только как вассальные, даже в 1533 – 1538 годах, не упоминая о жестких, в то время, дискуссиях о статусе орды по отношению к Москве (ПСРЛ, т. 13, с. 65, 84, 85, 115–116, 120–121, 124, 125, 128; ПСРЛ, т. 20, с. 413, 424, 425). Кульминацией развития этой концепции стало как раз сообщение о приказе Ивана Грозного Исмаилу сместить с ногайского престола Юсуф-бия в 1554 г. Однако, как отмечалось выше, это не подтверждается дипломатическими материалами. Именно с этого момента летописцы начинают отсчет подчинения Ногайской Орды, окончательно выразившееся в упоминании в пропускной грамоте полоцкому воеводе С. Довоине среди «нашие вотчины» подданных ногаев (ПСРЛ, т. 13, с. 364; ПСРЛ, т. 29, с. 318).

С другой стороны, сами ногаи отмечали, что убийство Юсуфа совершено для Ивана Грозного (РГАДА, ф. 127, оп. 1, кн. 4, л. 263об.). Однако русские власти согласились с подобной трактовкой событий только при приемниках Исмаила, а первоначально дистанцировались от переворота (Трепавлов, 2002, с. 274; ПКСРНО 1551, с. 164) Инициатором переворота выступил сам Исмаил. После провала похода Юсуф-бия на Русское государство в 1553 г., Исмаил призывал царя взять юрт Юсуфа и отдать его ему, что послужило бы «чти твоему ж имени» (ПКСРНО 1551, с. 133).

Таким образом, мнение о прямом подстрекательстве русских властей ногаев к смещению Юсуфа можно отклонить. Русский фактор, несомненно, присутствовал в мятеже, однако, он не был ведущим (Трепавлов, 2002, с. 272–275). Влияние России на внутренние процессы в Ногайской Орде определялось в первую очередь экономическими затруднениями ногаев. В 1553 г. в орде начался голод (ПКСРНО 1551, с. 119). Восполнить потери ногайская кочевая экономика могла либо за счет откочевки, либо за счет оседлых народов. Откочевка в то время, видимо, ногайскими лидерами даже не рассматривалась. Поэтому очевидно стремление ногаев использовать в решении проблем оседлых соседей. Здесь отчетливо проявляются два метода: первый это конфронтация с ними, второй же – вступление в тесные союзные отношения.

Круг оседлых соседей Ногайской Орды к 1554 г. сузился: Казанское ханство вошло в состав Русского государства, тем самым западный сосед ногаев олицетворял собой зримую мощь. Отношения с Крымским ханством для ногаев были сильно затруднены ввиду частых конфликтов между ними (подробнее см.: Трепавлов, 2002, с. 162–174, 223–232, 265–269). Среди восточных соседей ногаев выделялись Бухарское ханство и Хивинское ханство. Отношения с Ургенчем (Хивинским ханством) в то время для ногаев оказались осложнены из-за того, что там укрылся изгнанник Саид-Ахмад со своими сыновьями и тревожил ногайские кочевья набегами (Трепавлов, 2002, с. 197–198). В Бухарском же государстве в середине XVI века шла напряженная междоусобная борьба (Хафиз-и Таныш, 1983, с. 132–255), что несомненно отразилось и на торговых отношениях ногаев с бухарскими купцами. Косвенным подтверждением этого предположения может служить тот факт, что в летописях среди купцов, посещавших новые территории Русского государства, бухарцы не упоминаются (ПСРЛ, т. 13, с. 284). Поэтому вполне логичной представляется резкая интенсификация экономических отношений с Россией, предпринятая Исмаилом и его сторонниками сразу после переворота (ПКСРНО 1551, с. 160–161). Ввиду этого конфронтация с Русским государством, предложенная Юсуфом и поддержанная «молодыми мирзами», правящей элитой орды (Исмаилом и Касимом) отвергалась. К противникам конфронтации с Москвой примкнул и Арслан-мирза прекрасно почувствовавший на себе силу русского оружия в 1550 г.

Таким образом, ориентация ногайской элиты на среднеазиатские государства, о которой часто пишут историки (Кочекаев, 1988, с. 75–76; Кусаинова, 1994, с. 52.; Исин, 2002, с. 81), на тот момент не смогла стать ведущей. Поэтому улучшение отношений с Россией рядом ногайских аристократов представлялось наиболее выгодным для Ногайской Орды. Препятствием для нормализации

русско-ногайских отношений оказался Юсуф-бий. Эти условия привели к перевороту и физическому устранению бия.

Однако необходимо указать и на более глубокие, чем указанные, факторы, приведшие к междоусобице в середине XVI века в Ногайской Орде. Ногайской Орде свойственна общая для всех кочевых государств удельно-лествичная система. «В основе ее лежал взгляд на политическую власть как на общественную функцию, государство же считалось принадлежностью сначала всего рода или племени, а в последствии – знатной патронимии или династии», причем между правом старшего в роде или племени и наследственной передачи власти от отца к сыну в кочевом обществе шла борьба, сопровождавшаяся «кровавыми междоусобными столкновениями» (Агаджанов, 1991, с. 59–60). Так, в конце XV века Мусе удалось преодолеть племенной характер власти бия (столкновения с Аббасом), в 1530-х годах из политической жизни Орды потомство Мусы вытеснило потомков его брата Ямгурчи. В конце 1540-х годов влияние утеряло семейство Саид-Ахмад-бия. В результате же междоусобицы в середине XVI века власть над Ногайской Ордой закрепилась за потомками Исмаил-бия. Таким образом, за изучаемое время в Ногайской Орде произошла кристаллизация правящей династии в рамках одной патронимии.

Таким образом, причины междоусобицы в Ногайской Орде в середине XVI века оказались более сложными, чем это представлялось многим историкам. Среди них надо выделить наиболее глубокие, свойственные самой политической организации орды (борьбу между удельно-лествичным и наследственным правом власти). Следующая причина, по значению – это, несомненно, экономические затруднения орды, начавшиеся еще в 1553 г., сопровождавшиеся внутренней борьбой по вопросу об их преодолении. Усилению Исмаила немало способствовали как очевидное усиление России, так и ослабление влияния Бухарского ханства из-за жестокой и длительной междоусобицы в нем.

Первый этап конфликта, вероятно, имел место в апреле – начале июня 1554 г. Это мнение опирается на следующие расчеты. Гонцы Н.И. Бровцына приехали в Москву 2 июля 1554 г. Исмаил кочевал в междуречье Волги и Яика. Путь от Волги до Касимова для гонцов занимал 10 дней (ПКСРНО 1551, с. 129). Даже если предположить, что Исмаил кочевал далеко от Волги, около Яика или Камы, в любом случае путь гонцов мог занимать не более месяца. То есть мы в любом случае получаем июнь месяц как время их выезда в Русское государство. Само посольство Н.И. Бровцына покинуло Москву 2 февраля 1554 г. (ПКСРНО 1551, с. 138). Учитывая, что путь посольства был более долгим и составлял около трех месяцев (Трепавлов, 2002, с. 271 прим. 1), русский посол оказался у Исмаила в мае. Его отписка говорит, что ногаи стояли друг против друга до начала переговоров о мире около месяца. Таким образом, столкновение Юсуфа и Исмаила предположительно приходится на апрель – начало июня 1554 г.

Лагерь Исмаила проявился только в последней фазе открытого конфликта, сторонники же Юсуфа известны в Москве уже в июле 1554 г. Так, бия поддерживали его сыновья, Белек-Пулад-мирза, военный правитель западного крыла Ногайской Орды и Атай-мирза, старейшина потомков Саид-Ахмад-бия, вернувшихся из Хорезма (ПКСРНО 1551, с. 153–154; Трепавлов, 2002, с. 270). В лагере Исмаила первоначально находились, вероятно, его дети. Поддержка Юсуфа Касимом мне не представляется очевидной. Н. И. Бровцын сообщал, что Исмаил стоял против «...Юсуфа князя и его детей и Белек Булата» три недели, после этого бий и Касим прислали своих беков для переговоров о мире (ПКСРНО 1551, с. 154). Итак, Касим появляется на конечной фазе первого противостояния и связано его упоминание с началом мирных переговоров. Дальнейший ход конфликта мало известен.

Убийство бия, по расчетам В. В. Трепавлова, произошло в октябре – декабре 1554 г. (Трепавлов, 2002, с. 271, прим. 2). Согласно посольской документации, на стороне Исмаила выступили Касим и Арслан. Юсуф погиб, а его сторонники были частью перебиты, а частью бежали из Ногайской Орды (ПСРЛ, т. 13, с. 245, 249; там же, т. 20, с. 555). Среди беглецов оказались сыновья Юсуфа: Юнус, Али, Ак, а так же ряд других, среди них, очевидно, находился и Белек-Пулад-мирза.

Первым делом Исмаил-бия и его сторонников стали претензии на старшинство в ногайско-русских отношениях. Исмаил отводил Ивану IV место своего «сына» и предлагал ему воевать его «недруга», а русский царь должен воевать врагов Исмаила (ПКСРНО 1551, с. 159–160). Возведение на хаджитарханский престол Дервиш-Али-хана он рассматривал как деяние, совершенное по его «хотению». Исмаил предлагал не постоять за то, что попросит любой из них. Бий продолжал настаивать на отправке к нему Ядгар-Мухаммад-хана, а так же ногаев, попавших в плен в ходе «ка-

занской войны». К этим требованиям присоединялись и его сторонники (ПКСРНО 1551, с. 159–161, 162, 163).

Наряду с московской политикой, Исмаил активно укреплял свое влияние на нового хана Хаджи-Тархана – Дервиш-Али. Бий выдал свою дочь за его сына (ПКСРНО 1551, с. 160).

9 марта 1555 г. в Ногайскую Орду отправились русские посланники: к Исмаилу – И.Т. Загряжский, к Касиму – М.С. Вислово, и станица служилых татар Д.-х. Усейнова, направленная к Арслану (ПКСРНО 1551, с. 163–164).

Задачей И.Т. Загряжского являлось принесение шерти, шерть же, данная ранее ногаями гонцу Д.-х. Усейнову, считалась неисправной (ПКСРНО 1551, с. 164–165). В новую шертную запись включался пункт о верности русскому царю. Согласно этому документу ногаи не должны поддерживать союзные отношения с Крымским ханством. Вводился принцип обоюдной борьбы с разбойниками, безопасности русских послов. Русская сторона обязывалась предоставить ногайским купцам право торгова в Казани (ПКСРНО 1551, с. 167).

На И.Т. Загряжского возлагалась и секретная миссия по вовлечению ногаев в войну с Крымским ханством Казани (ПКСРНО 1551, с. 168–169). Он должен был последовательно отстаивать принцип необходимости шертования. В случае же отказа, отметить, что без записей «...и та правда меж их (государей. – М.М.) некрепка». От посла требовалось ни в коем случае не позволить документального оформления, скрепленного его «правдой» именованная Исмаил-бия «братом или отцем» Казани (ПКСРНО 1551, с. 168–169).

Сохранялось напряжение в русско-ногайских отношениях, вызванное казаками, базировавшимися по Волге. И.Т. Загряжский должен был сообщить Исмаилу и мирзам, что Иван Грозный отправил на них отряд сына боярского Г. Жолобова. Ему вменялось в задачу «побить» казаков, нападавших на ногаев, и взять под свой контроль течение Волги, с целью охраны ногайских кочевий от крымцев и казаков (ПКСРНО 1551, с. 165, 169).

Русские власти уклонялись от идеи общего с ногаями похода на Крымское ханство. В случае решения Исмаил-бия совершить набег на Крым осенью 1555 г., послу предписывалось пообещать дать им в помощь отряд русских пищальников. В Москве же планировали наступление на весну 1556 г. От ногаев ожидалась присылка десятитысячного отряда, под командованием сыновей Исмаила (ПКСРНО 1551, с. 169–170).

И.Т. Загряжский должен был способствовать обеспечению безопасности Хаджи-Тархана ногаями. В его задачу входило предупреждение, в случае угрозы нападения крымцев, Дервиш-Али-хана и русского воеводы, находившегося при нем, а также призывание ногаев к нападению на крымского хана (ПКСРНО 1551, с. 170).

Со своей стороны, русское правительство предприняло ряд мер для укрепления положения своего ставленника. Во-первых, к Дервиш-Али отсылался гарем Ямгурчи-хана¹, во-вторых, в Хаджи-Тархан направляли отряд из казаков и стрельцов Л. Мансурова (ПКСРНО 1551, с. 163).

Предпринятые русским правительством меры были связаны с шатким положением на престоле Дервиш-Али-хана. Бывший хаджитарханский хан Ямгурчи объединился с ногайскими беглецами: Юсуфовичами, Ходжимухаммадовичами и другими. Эта коалиция эмигрантов заключила союз с крымским ханом Девлет-Гиреем и получила от него военную помощь. Первое нападение на Хаджи-Тархан союзники совершили в конце 1554 г. Дервиш-Али-хану удалось отразить атаку (ПКСРНО 1551, с. 166, 172; ПСРЛ, т. 13, с. 245). Крымский хан, после закрепления отношений с Ямгурчи и беглыми ногаями, планировал повторить попытку захвата Хаджи-Тархана весной 1555 г. (ПКСРНО 1551, с. 166, 172).

18 апреля 1555 г. в Москву прибыли гонцы Касим-мирзы, 26 апреля из Темников приехали гонцы от П.Д. Тургенева из Астрахани и гонцы от Исмаила и его сына Мухаммада (ПКСРНО 1551, с. 154–155).

Исмаил предлагал организовать защиту Хаджи-Тархана от нападений степью, от русских же властей ожидал защиты ханства по водному пути. Для обеспечения этого бий просил взять под русский контроль волжские перевозы. Вместе с тем его не оставляло чувство опасности, поэтому он просил прислать к нему отряд русских пищальников. Однако при этом Исмаил сохранял претензии на старшинство в ногайско-русских отношениях (ПКСРНО 1551, с. 155–156).

¹ В Москве оставалась жена Ямгурчи – Ельякши. Она, вместе с сыном Ярашты, рожденным в пути, приняла православие, и была выдана замуж за З.И. Плещеева (ПСРЛ, т. 13, с. 253).

В ответной грамоте Иван Грозный сообщал об антиногайских и антимосковских действиях Дервиш-Али-хана. Так, он взял калгу из Крымского ханства, а также переправил на «ногайский берег» Волги трехтысячный отряд противников Исмаила. Бесперспективность попыток удержать хана от столь недружественных шагов заставила русского представителя П.Д. Тургенева покинуть Хаджи-Тархан (ПКСРНО 1551, с. 156–157; Зайцев, 2004, с. 164). Мы имеем возможность установить время совершения этого поворота в политике Дервиш-Али-хана. По летописям сообщение П.Д. Тургенева о событиях в Хаджи-Тархане датируется маем 1555 г. Однако посольская книга предлагает более точную дату прибытия его гонцов в Русское государство – это 26 апреля того же года (ПСРЛ, т. 13, с. 255; ПКСРНО 1551, с. 154). Путь от Москвы до Хаджи-Тархана занимал около 2-х месяцев (ПСРЛ, т. 13, с. 171; ПКСРНО 1551, с. 84). Следовательно, гонец П.Д. Тургенева должен был отправиться в путь не позднее января – марта 1555 г.

Таким образом, Дервиш-Али-хан с конца 1554 г. до января – марта 1555 г. совершил очевидный дрейф в сторону сближения с Крымским ханством. Дервиш-Али вошел в соглашение с Юсуфовичами и их сторонниками. Беглые ногаи перебили хаджитарханского хана Ямгурчи с братьями, а так же Крым-Гирей-султана б. Озтимур-султана б. Муртоза-хана с его братом Ногайлы-султаном. В свою очередь Дервиш-Али-хан перевез их на ногайскую сторону Волги (ПСРЛ, т. 13, с. 255; ПКСРНО 1551, с. 156–157). Как видим, шаги нового хаджитарханского хана направлены на упрочнение своей власти. С помощью беглых ногаев он уничтожил претендентов на трон, а пригласив крымского султана калгой, он нейтрализовал Крымское ханство. Так же, вероятно, этот шаг можно напрямую связать с угрозой похода беглых ногаев, Ямгурчи вместе с крымскими войсками, который планировался как раз на весну 1555 г. (ПКСРНО 1551, с. 165–166, 172). В итоге эта политика не вызвала одобрения ни в России, ни в Ногайской Орде.

В результате в Москве предприняли активные действия по нейтрализации сложившейся угрозы своим интересам в Нижнем Поволжье. В Хаджи-Тархан направили отряд Г. Кафтырева, ужесточили контроль за волжскими перевозами. От Исмаила ждали идей относительно восстановления контроля над Дервиш-Али-ханом. Одновременно к бию направили отряд из 30 пищальников, позднее увеличенного до пятидесяти человек (ПКСРНО 1551, с. 157–158).

В Ногайской Орде деятельность Дервиш-Али вызвала возмущение. Исмаил и Касим послали на Волгу к Г. Кафтыреву и Ф. Павлову своих послов, в сопровождении русских гонцов. Они призывали их взять Хаджи-Тархан, а хана выдать ногаям (ПКСРНО 1551, с. 177).

Как видим, по хаджитарханскому вопросу и ногаи и русские были единомышленны. Однако в отношениях имелись и другие неразрешенные вопросы. Центральное место в ногайско-русских связях занимало шертование.

Русский посол И.Т. Загрязский прибыл в ногайские улусы 26 мая 1555 г., Исмаил в то время кочевал на Каме. Первая встреча носила организационный характер. Посла встречали три «дувана», ему назначили пристава – Кулбаши. Впрочем, встрече бия и дипломата помешали не только кочевки ногаев, но и болезнь русского представителя. В итоге, встреча И. Т. Загрязского с Исмаил-бием состоялась только 5 июня 1555 г. Исмаил прочитал поданную шертную запись лишь до половины и принял решение о проведении шертования в максимально быстрые сроки. Съезд ногайских мирз он назначил на 8 июня того же года (ПКСРНО 1551, с. 176–178).

Однако планам бия-братуубийцы не суждено было сбыться. В тот же день стало известно, что ногайские мирзы-изгнанники захватили Сарайчук. С сообщением о случившемся Исмаил направил к И. Т. Загрязскому своего имилдеша Тарпана. Опасливый бий призывал посла не попадаться в руки его врагов, чтобы «тайное слово» явным не стало. Сам же он, тем временем, готовился дать отпор своим противникам (ПКСРНО 1551, с. 177 – 178; Трепавлов, 2002, с. 277).

Исмаил поручил посла своим женам и двум своим ближним людям. 8 июня 1555 г. Юсуфовичи захватили улусы Исмаила. Пленили и его гарем. Жены бия прислали к И.Т. Загрязскому его пристава Кулбаши. Тот от них передал послу, чтобы он «промышлял собою», как советовал ему Исмаил-бий (ПКСРНО 1551, с. 178). Победители пленили Касим-мирзу и планировали его казнить, об Исмаиле они говорили как убитом: якобы ему голову «срезали». И.Т. Загрязский укрылся от опасностей в Кровавом Овраге, его же коллега М. Вислово был захвачен. Полной информации о происходящем глава русской миссии не имел (ПКСРНО 1551, с. 178), поэтому он отправил из Кровавого Оврага в разведку К. Кудинова с 2-я товарищами (Трепавлов, 2002, с. 278). 12 июня 1555 г. разведчики, так ничего и не выяснив, вернулись, после этого дипломаты покинули ногайские степи и 19 июня 1555 г. прибыли в Свияжск. 20 июня 1555 г. И.Т. Загрязский отправил гонцов в Москву,

а сам из-за болезни остался там. 1 июля 1555 г. вернулся из Ногайской Орды М. Вислово (ПКСРНО 1551, с. 178–179).

11 декабря 1555 г. ногайские послы от Исмаила Джан-болду-батыр с «товарищи» прибыли в Москву, 15 декабря они были на дворе (ПКСРНО 1551, с. 179–180). Как видим, после событий июня 1555 г. Исмаил смог вернуть себе власть. Более того, ни он, ни его окружение не отказались от претензий на главенство в ногайско-русских отношениях (ПКСРНО 1551, с. 181–183).

Ногайская элита, во главе с Исмаил-бием, шокированная происшедшим, требовала от русских взять Волгу под свой контроль, поставив по всему течению реки города, сместить с хаджитарханского престола Дервиш-Али-хана (ПКСРНО 1551, с. 181–183). Мирзы и бий обещали помочь русскому царю в борьбе с его врагами и ждали того же от него (ПКСРНО 1551, с. 181–184).

Потрясения междоусобиц не замедлили сказаться на ослабленном экономическом организме Ногайской Орды. Ногаи единодушно просили прислать им «много кун», так как их кочевья «вывоеваны» и разграблены (ПКСРНО 1551, с. 181–183).

Опасения повторения происшедшего привели к тому, что ногайские аристократы просили для себя охрану у русского царя. Исмаил хотел получить 200 пищальников, а Арслан – 100 (ПКСРНО 1551, с. 181–182). Вопрос о реальности получения военной помощи ногаями из Москвы сложен. В.В. Трепавлов осторожно пишет о том, что отряд в пятьдесят человек находился у Исмаила (Трепавлов, 2002, с. 279). Однако в июньских событиях у него русского отряда не было. Приказ о передаче Исмаилу этого отряда должен был получить Г. Кафтырев, направленный в Хаджи-Тархан с Волги (ПКСРНО 1551, с. 157). Исмаил отправил к нему своего человека за помощью 29 мая 1555 г. (ПКСРНО 1551, с. 177), но уже 8 июня он лишился власти и вынужден был бежать. Молчал о русском отряде и И. Т. Загрязский. Все это заставляет нас усомниться в возможности нахождения пищальников при Исмаиле в это время.

Ослабление Ногайской Орды привело к возрождению роли немангытской знати, оттесненной от власти в первой половине XVI века (Трепавлов, 2002, с. 491–492). Исмаил просил Ивана Грозного присылать послов и «поминки» своим четырем «временникам», которые выступали гарантами стабильности антикрымской политики орды. Ведущую роль в окружении Уруса б. Исмаила играли кипчаки². Исмаил, наверное, впервые в истории Ногайской Орды, в своей внутренней политике стремился опереться на оседлое население – тумачков (см.: РГАДА, ф. 127, оп. 1, кн. 5, л. 93об., 129об., 166об. – 167, 218об., 220об.; там же, кн. 6, л. 12об., 13)). В этом ряду особенно выделяется Бекчура, прошедший путь от ордобазарца до довереннейшего дипломатического представителя Исмаила и его сына Мухаммада; а в последствие занявшего место бийского казначея (ПКСРНО 1551, с. 208–209, 280, 297).

Исмаил-бий, после переворота 8 июня 1555 г. пошел на перестановку сил в ногайской иерархии. На волжские кочевья из Казахстана были переведены Шейхмамаевичи, а на их место – Арслан-мирза, ставший новым кековатом. Передача нурадинства потомству Шейх-Мамаея диктовалась, несомненно, тем, что они после убийства Касима находились в состоянии кровной мести с Юсуфовичами и их сторонниками. Это должно было привести к более действенной охране западной границы Ногайской Орды, и в самом деле, перейдя на Волгу, Шейхмамаевичи принялись терроризировать мирз-казаков регулярными набегами (Трепавлов, 2002, с. 278–279).

Арслан же в новой должности принялся налаживать отношения с восточными соседями Ногайской Орды. Он выдал дочь за Барак(Науруз-Ахмад)-хана б. Сююнч-Ходжи (ПКСРНО 1551, с. 182; Трепавлов, 2002, с. 309). В 1552 г. Науруз-Ахмад стал общеузбекским ханом, в 1553/54 г. захватил Самарканд и нанес ряд чувствительных поражений своему врагу Абдулле б. Искандархану. В 1555 г. они примирились. Впрочем, расчеты на Барака не оправдались. В 1556 г. он оставил трон и вскоре умер (Хафиз-и Таньш, 1983, с. 156, 157, 162, 163–164, 170–171, 180, 186–187, 189–190). Таким образом, после переворота 8 июня 1555 г. Исмаилу удалось не только вернуть свою власть, но и даже стабилизировать свое положение. Перевод «кровников» Юсуфовичей – Шейхмамаевичей укреплял западные рубежи орды. Активность же Арслана в восточной политике создавала возможность «противовеса» России в лице Бухарского ханства.

19 февраля 1556 г. в Ногайскую Орду отправились ногайские и русские послы. Миссию возглавлял А.Т. Тишков, направленный к Исмаил-бию. Перед посольством стоял ряд задач, важнейшее место отводилось шертованию. Необходимо отметить, что русский вариант шерты встретил со

² Одним из предводителей отрядов Уруса, нападавших на Крым, был Ишим-хафиз Кипчак. Главой двора являлся Кулуш Кипчак. Кроме Кипчаков заметна роль Кыятов и Келечи. См.: (ПКСРНО 1551, с. 329).

стороны ногаев глухое сопротивление. В России же отказывались принять вариант Исмаила. Русские дипломаты подчеркивали, что отказ шертовать не способствует крепким дружественным отношениям (ПКСРНО 1551, с. 164–165, 168–169, 185, 193–194). Однако необходимо отметить, что русская сторона готова была пойти на уступки в вопросе о шертовании и принять вариант Исмаила (ПКСРНО 1551, с. 189).

Вероятно, стремление стимулировать интерес ногайской знати к шертованию и, вообще, к общим с Россией действиям, вызвало денежную посылку, представляемую как возмещение ущерба ногайских купцов от разграбления по пути в Казань (ПКСРНО 1551, с. 186). Общая сумма составила 700 рублей, причем Исмаилу отправлялось 300, и еще столько же тайком. А.Т. Тишков должен был передать секретную часть суммы после «тайной речи» о судьбе Хаджи-Тархана (ПКСРНО 1551, с. 186, 193).

Таким образом, несмотря на важность шертования для дальнейшего развития ногайско-русских отношений, главным вопросом в тот момент было совместное противодействие выходу Хаджи-Тархана из-под русско-ногайского контроля. В этом деле ногайская дипломатия проявила настойчивость и изобретательность. Ногаи «бомбардировали» Москву своими проектами по поводу устройства Хаджи-Тархана. Суммируя их предложения можно выделить два плана. По первому – планировалось возведение крепостей как на основных волжских переправах, так и в черте собственно ханства, а Дервиш-Али-хана ждала ссылка к Исмаилу (ПКСРНО 1551, с. 182–183). По второму, позднему варианту, предлагалось при необходимости возвести на хаджитарханский престол служилого царевича Кайбуллу б. Ак-Кобека, а население ханства восполнить за счет ногаев (ПКСРНО 1551, с. 203–204), тем самым Хаджи-Тархан становился бы продолжением Ногайской Орды. Исмаил-бий настаивал на скорейшем, еще до ледохода, начале похода, так как в случае промедления он прогнозировал окончательный переход Дервиш-Али-хана к крымскому хану (ПКСРНО 1551, с. 204).

В результате, в Москве приняли весьма жесткое решение по хаджитарханскому вопросу. И.Черемисинов и М. Колупаев получили приказ убить Дервиш-Али, а население ханства разогнать. Планировалось возвести крепости на Переволоке и Самарском устье (ПКСРНО 1551, с. 187, 194, 195 – 196, 198, 199). Как видим, налицо ужесточение позиции Москвы, по сравнению с ногайскими предложениями. Однако и окончательно отказаться от ногайского участия в урегулировании хаджитарханской проблемы в Москве не собирались. Согласно предложению Исмаила поход назначили на весну 1556 г., а для оперативной связи с ногайской ставкой ему предлагали откомандировать к воеводам 10–15 человек (ПКСРНО 1551, с. 205).

Русская дипломатия активно призывала ногаев к набегам на Крым, однако от идеи общего похода последовательно уклонялась (ПКСРНО 1551, с. 187–188, 191–192, 195, 199). По русскому плану, союзники должны атаковать крымцев, в случае их нападения на одного из участников соглашения (ПКСРНО 1551, с. 188). Соответственно, главной целью крымской политики Русского государства являлась блокада ханства и нейтрализация возможных агрессивных действий (подробнее см.: Моисеев, 2015, с. 5–19).

Русские власти обещали помощь Исмаилу в борьбе с мирзами-казаками, но ожидали, что и ногаи не станут поддерживать казанцев, противников Русского государства (ПКСРНО 1551, с. 188, 193, 196–197, 200). В целом, Москва шла на встречу Исмаила в вопросах стабилизации его положения, как бия Ногайской Орды. Обещалось обезопасить ногайские кочевья от русских казаков и предоставляли ногаям торг в Казани. Необходимый воинский контингент Исмаил мог получить у русских представителей в Хаджи-Тархане (ПКСРНО 1551, с. 186, 188–189).

В июле 1556 г. в Москву прибыл весьма доверенный представитель Исмаила (ПКСРНО 1551, с. 208) ордобазарец Бекчура (ПКСРНО 1551, с. 207). В своем послании бий настаивал на скорейшем провидении хаджитарханской операции и тотальном уничтожении города (ПКСРНО. 1551, с. 208). Он ожидал, что русские власти, наконец-то, нормализуют ситуацию на степном фронтире и начнут действительно пресекать нападения казаков на ногайские кочевья (ПКСРНО 1551, с. 208).

Исмаил-бий и его окружение упорно продолжали настаивать на своем старшинстве в отношениях с Россией (ПКСРНО 1551, с. 208–209). Исмаил требовал и выплаты « годового » с Казани, составившего, по его подсчетам, « двадцат сот рублей » (ПКСРНО 1551, с. 208).

Мухаммад-мирза б. Исмаил развивал планы превращения Казани в собственную базу для отступления в случае нападения врагов. Для этого он предлагал ввести в Казани ногайское управление. Ввиду серьезных экономических затруднений, ногаи просили от русского царя « многих кун » (ПКСРНО 1551, с. 208, 209).

Русские дипломаты подчеркивали решимость довести «дело свое Астараханское» до конца. Предложения Мухаммад-мирзы об организации убежища в Казани в Москве доработали. От самой идеи ввести там ногайское управление естественно отказывались и предлагали свой план. При успехе операции в Хаджи-Тархане планировалось организация убежища для Исмаила и его семьи, при ее же провале «пристанище» переводилось в Казань. Число беженцев, которых русские власти были готовы принять, ограничивалось 50–60 людьми (ПКСРНО 1551, с. 211).

Вместе с тем русские власти решили дезавуировать попытки ногаев принизить статус России в обоюдных переговорах. Русские дипломаты отмечали, что Исмаилу известно как предыдущие ногайские бии и мирзы писали к московским правителям и рекомендовали впредь «бездельных слов» не писать. Возвращение к старому формуляру обращения к царю и великому князю, а соответственно отказ от своего превосходства станет фундаментом развития дружественных отношений между партнерами (ПКСРНО 1551, с. 211). В послании к Мухаммад-мирзе, сыну Исмаила эта позиция была высказана в более резкой форме: «Ведомо тебе и самому, которых юртов цари и те у нас братство выпрашивают (курсив автора. – М.М.). И тебе было нам бити челом (курсив автора. – М.М.) и просити нашего добра не тем обычаем» (ПКСРНО 1551, с. 212).

Параллельно с этим русские власти сохраняли интерес к приглашению на службу Чингизидов, ставшему одним из инструментов русской восточной политики. Иван Грозный требовал отправить к себе близкого родственника служилого царя Шах-Али – Тохтамыш-султана, бежавшего из Крымского ханства в Ногайскую Орду (ПКСРНО 1551, с. 211–212, 214; РГАДА, ф. 127, оп. 2, д. 12; Моисеев, 2003, с. 270–272). Н. И. Костомаров предполагал, что он мог пригодиться для «крымской войны» (Костомаров, 1989, с. 11, 14), однако анализ его деятельности в России заставляет усомниться в реальности этого предположения (см.: (Моисеев, 2003, с. 271–272)). Возможно, русские дипломаты преследовали иную цель. А именно: стимулировали выезд из степей максимально возможного числа Чингизидов для сокращения претендентов на освободившиеся престолы западного Дешта, что должно было привести к стабилизации своей власти в недавно завоеванных областях.

Итак, к началу 1556 г. судьба Хаджи-Тархана была решена. Россия и Ногайская Орда, несмотря на наличие ряда конфликтных моментов в отношениях (вопросы шертования и взаимного статуса), по хаджитарханскому вопросу заметно сближались.

Весной 1556 г. Л. Филимонов, до подхода основных сил, нанес поражение Дервиш-Али-хану, захватил многие улусы (эли) ханства. В итоге хан покинул город. И. Черемисин, заняв пустующую столицу, начал операцию по поимке беглеца. Столкновение объединенной хаджитарханско-ногайско-крымской рати с русскими привело к перемирию.

В сентябре 1556 г. лагерь Дервиш-Али-хана распался. Юнус-мирза с братьями напали на него, захватили крымские пушки и отослали в Хаджи-Тархан к И. Черемисину. После этого Юсуфовичи вернулись к Исмаилу. Хан же в итоге оставил планы возвращения на престол и бежал, через Азов, в Мекку (ПСРЛ, т. 13, с. 266, 273, 274–275, 277; Зайцев, 2004, с. 166–168). Так, закончилась история независимого Хаджи-Тархана и началась история русской Астрахани.

В декабре 1556 г. в Москву прибыло представительное ногайское посольство. Однако, несмотря на то, что стороны примирились, им не удалось выработать консолидированную позицию по ряду жизненно важных вопросов.

Исмаил-бий отказывался от своих претензий на старшинство в ногайско-русских отношениях (ПКСРНО 1551, с. 215) и предлагал свой план действий против Крымского ханства. Центральное место в нем отводилось Утемиш-Гирею. По мысли Исмаила, нахождение предпоследнего казанского хана в Ногайской Орде приведет к подчинению крымских карачи и беков (при условии русского военного давления) ногаям. Исмаил гарантировал дружественный характер отношений с Россией и при своих приемниках (ПКСРНО 1551, с. 215). Юнус, ставший (после возвращения) нурадином, всячески подчеркивал, что его борьба с Исмаилом не носила антирусского характера, а диктовалась намерением вернуть юрт своего отца (ПКСРНО 1551, с. 216).

Али б. Юсуф и Белек-Пулад требовали вывести русских воевод из Астрахани и отдать устье Волги ногаям. При выполнении этого условия, они объявляли о своей готовности начать войну с Крымским ханством, в обратном случае – Белек-Пулад угрожал Москве войной (ПКСРНО 1551, с. 218–219).

Однако потрясения последних лет: войны и голод – привели к тому, что вопросы освобождения пленных и экономической помощи приобрели доминирующий характер в ногайско-русских отношениях (ПКСРНО 1551, с. 215–216, 218–219).

Таким образом, в августе-сентябре 1556 г. в Ногайской Орде основные противоборствующие группировки смогли примириться. Однако это не означало конца вражде. Из правящей элиты орды исключены Шейхмамаевичи, глава которых Касим пал от рук сторонников Юсуфовичей. Потомство Шейх-Мамаея лишилось нурадинства. Согласно летописям это вызвало между ними вооруженное столкновение (ПСРЛ, т. 13, с. 274; подробнее, см.: Трепавлов, 2002, с. 281–282).

В январе-феврале 1557 г. в Ногайскую Орду отправилось русское посольство. Главными задачами русской дипломатии являлись, сохранившийся вопрос о шертовании ногайской знати, а, так же новая проблема укрепления нового режима в Астрахани (ПКСРНО 1551, с. 236, 238). Али-мирзе разъяснялось, что Астрахань взята за «неправды» Ямгурчи-хана и Дервиш-Али-хана, однако, это не угрожает интересам ногаев. Его же претензии на Астрахань отводились, так как в Москве еще не знают насколько ему можно доверять (ПКСРНО 1551, с. 238, 240–241).

Вместе с тем, русское правительство объявляло о своих действиях, направленных на обеспечение безопасности ногайских кочевий и улучшении экономической ситуации в орде. Русские головы Л. Филимонов и С. Кобелев должны были изгнать казаков с Переволоки и Самарского устья. Им же предписывалось обеспечивать (до осени 1557 г.) переправу ногайским купцам и послам (ПКСРНО 1551, с. 238, 240, 242, 243).

Так же русские дипломаты должны были призывать ногаев к походам на Крымское ханство и выдаче (или казни) казанских оппозиционеров, укрывшихся в Ногайской Орде (ПКСРНО 1551, с. 237, 240, 241–242). Известно, что П. Совин имел к Исмаил-бию некую секретную миссию, но ее содержание нам неизвестно из-за посредственной сохранности начала посольской книги за 1557–1561 гг. (ПКСРНО 1551, с. 236, 238).

Тогда же отправлялась «опасная» грамота на выезд Гази б. Урака в Россию, впервые просившего об этом еще в 1554 г. Однако он так и не выехал, а, обосновавшись в Черкессии, стал злейшим врагом Исмаила (ПКСРНО 1551, с. 243–244; Трепавлов, 2003–2004, с. 284–285).

К весне 1557 г. ситуация в Нижнем Поволжье начала нормализовываться. Состоялась серия шертований ногайской знати и астраханских воевод, в результате чего ногаи получили право зимовать под Астраханью (ПСРЛ, т. 13, с. 281). Начавшееся наведение порядка на Волге вызвало сопротивление казачества. Был убит царский голова Л. Филимонов. В результате началась широкая операция по уничтожению бунтовщиков (ПСРЛ, т. 13, с. 283). Одновременно с этим астраханские воеводы решительно пошли на борьбу с казакующими ногайскими мирзами. В июне 1557 г. казачьи атаманы отослали внука Саид-Ахмад-бия – Мухаммад-Гази-Султан-мирзу, бежавшего от Исмаила к Гази-мирзе в сопровождении пятисотенного отряда. Иван Васильевич освободил его и отправил вместе с русским гонцом Б. Тоишевым к беглым мирзам с призывом примириться им с Исмаил-бием (ПСРЛ, т. 13, с. 283–284). Итак, в это время Русское государство проводило политику, направленную на устранение источников опасности для режима Исмаила и нормализацию жизни в Нижнем Поволжье.

В июле 1557 г. в Москве стало известно от Исмаила о союзе крымского хана с мирзами-казаками и их походе на Волгу с целью выбить оттуда русские отряды. Эта коалиция так же угрожала и самому Исмаилу. Особенного его беспокоили сведения о нахождении Дервиш-Али-хана у Гази-мирзы. Эта информация послужила основанием для требования повысить численность русского военного контингента на Волге и Дону, а также выделения ему персонального отряда в 300 пищальников и 6 пушек. В связи с голодом Исмаил просил прислать их со многим «хлебным запасом» (ПКСРНО 1551, с. 251).

Экономический кризис все больше и больше сказывался на жизни Ногайской Орды. Из-за голода ногаи отказывались от похода на Крым, бий просил прислать два судна продовольственной жизни, а так же «зелье пушечное и ядра». Интересно, что он желал оставить эти суда у себя (ПКСРНО 1551, с. 251–252).

От посла Исмаил-бия Тоузар-бека в Москве также стало известно об откочевке Шейхмамаевичей за Яик. Там они объединились с неким казахским ханом и начали борьбу с дядей (ПКСРНО 1551, с. 251–252, 253; ПСРЛ, т. 13, с. 285).

Бий сообщал о начавшихся конфликтах между ногаями и астраханскими воеводами и головами на Переволоке. Он требовал, чтобы русские власти вмешались в эти события и освободили незаконно захваченных в плен улусников (ПКСРНО 1551, с. 253). Для ликвидации этих противоречий Исмаил рекомендовал поставить в Астрахани, выехавшего ранее Тохтамыш-султана (ПКСРНО 1551, с. 254).

Несмотря на то, что Исмаил рисовал в своих посланиях весьма бедственную картину положения дел в Ногайской Орде и вокруг нее, он старался поддержать в глазах русских властей убеждение, что все нити управления крепко сосредоточены в его руках. Конфликт с кланом Шейх-Мамай он представлял как незначительную неурядицу, которая исчезнет при первом же его обращении к ним. Однако стабильность власти бия во многом зависела от наличия в степи русских военных. Поэтому он настоятельно рекомендовал увеличить их число на Дону, чтобы пресечь откочевку мирз-казаков в Крымское ханство (ПКСРНО 1551, с. 253).

Однако истинное положение Исмаила лучше всего отражает просьба Исмаила не верить слуху, что он якобы «княжене здал» Юнусу, а сам направился в Мекку (ПКСРНО 1551, с. 253).

24 июля 1557 г. в Москву от Исмаил-бия приехал П. Совин. Он привез шертную запись, на которой присягали Исмаил-бий и мирзы. При этом П. Совин замечал, что Исмаил отказался присягать на русском варианте шерти, сославшись на то, что она «вразум имь невоидет» и написал свою запись, на которой и присягал со всеми мирзами (ПКСРНО 1551, с. 249).

В этой шертной записи перечислены основные пункты, волновавшие ногайскую элиту. Первым пунктом они использовали традиционную клаузулу военно-политического союза, определяя врага как Крымское ханство. Обещали быть в союзе с Русским государством и от него не отступаться и прекратить любые недружественные акции (ПКСРНО 1551, с. 249–250).

А.Л. Хорошкевич подвергла сомнению ногайское авторство этой шертной записи, основываясь на том, что в шерти об обязательствах России ничего не говорится (Хорошкевич, 2003, с. 181). Однако необходимо отметить, что шарт-наме представляли собой текст присяги, где прописывались обязательства одной из сторон и составлялись они всегда в Москве. Послы везли шертную запись «татарским письмом», на которой присягали ногаи. Формуляр этой шерти в общих чертах повторяет формуляр записей составляемых в России. Так почти полностью совпадает начальный протокол, вместе с тем он имеет и существенные различия. Разница в начальном протоколе весьма характерная: отсутствует русский титул царя, вместо него в шертной записи 1557 г. фигурирует тюркское именование русского правителя: «белый царь», в разных формах используемое в посланиях не только ногайских мирз, но и крымских аристократов и среднеазиатских династов. Легко заметить, что введение «белого царя» в текст записей единичен. В шертных записях, составленных в Москве, всегда используется традиционное «царю и великому князю ... всеа Русии» (РГАДА, ф. 127, оп. 2, д. 16–18). Использование формулы «много много поклон» также характерно для монголо-тюркской дипломатики, и не использовалось русской канцелярией при написании шарт-наме. Еще одним говорящим за себя фактом является использование выражения «души свои дали» в шертной записи 1557 г., встречающееся в посланиях Исмаил-бия (РГАДА, ф. 127, оп. 1, кн. 5, л. 26; ср. там же, кн. 4, л. 362–362об.).

Таким образом, сомнения А. Л. Хорошкевич не оправданы. Шертная запись 1557 г. составлена ногаями и выдерживалась в общем ключе тех шарт-наме, что присылались из Москвы, но с использованием формул свойственных монголо-тюркской дипломатики.

В Москве радостно восприняли известие о шертовании ногаев, отказавшись на этот раз от давления на ногайскую верхушку с целью обязать ее приносить присягу только на русских записях. В орду отправили продовольственную помощь. Вновь сообщалось об активных действиях против казаков. Однако просьбу об отправлении в Астрахань Тохтамыш в Москве предпочли не заметить, и наоборот, потребовали отослать в Россию его семейство (ПКСРНО 1551, с. 254–257).

23 июня 1557 г. (в Москве стало известно в августе 1557 г.) Исмаила вновь согноли с престола и на бийстве «учинился» Юнус-мирза (ПКСРНО 1551, с. 244–245, 248; ПСРЛ, т. 13, с. 279, 285; Трепавлов 2002, с. 282–283).

Первым делом победителей на внешнеполитическом фронте стали действия, направленные на убеждение России в том, что они остаются сторонниками союза с ней. Они объявили о своем намерении шертовать перед русским послом Е. Мальцевым. Содержание посла было «добре честно». Все Юсуфовичи, включая мать Юнуса и его гарем, ежедневно присылали русскому послу корм и лошадей. Однако не обошлось без конфликтов. Русский дипломат, находившийся у Али-мирзы, подвергся грабежу. Али в свою защиту заявил, что посланник «сам деи мужик дурен: не знает ни добра, ни лиха» (ПКСРНО 1551, с. 245–246). Необходимо заметить, что не все в Ногайской Орде разделяли весьма мягкую позицию Юнуса по отношению к русскому послу. Так, имилдеши пытались взять с него традиционную пошлину для 12 ногайских беков (по шубе и однорядке каждому). Е. Мальцев удалось отвергнуть их домогательства. Позднее на посольский стан, находившийся около ставки Юнуса, напали люди Ибрахим-мирзы. Только применение огнестрельного оружия

спасло посольство от разграбления (ПКСРНО 1551, с. 245 – 246). Этот случай привел к конфликту между Юнусом и Ибрахимом, который обвинял брата в подстрекательстве русских против него. Для ликвидации конфликта Е. Мальцеву, по настоянию Юнуса, пришлось выплатить штраф за убитых ногаев. Юнус в свою очередь обещал возместить русским эти убытки при возвращении их на Родину, так же поступал и Али-мирза (ПКСРНО 1551, с. 246, 249).

Кроме смягчения церемониала встречи посольства Юнус выполнил давнее требование Москвы и отпустил астраханских тумачов в Астрахань, впрочем за ними, спасаясь от голода и превратностей междоусобицы, последовали и многие состоятельные ногаи (ПКСРНО 1551, с. 248).

В целом, гибкая позиция Юнуса диктовалась опасением, что русские помогут Исмаилу вернуть власть. Поэтому Юсуфовичи пошли по пути еще большего сближения с Россией и клялись в своем холопстве русскому царю. Однако в самой Ногайской Орде шел процесс разложения всех традиционных институтов, охарактеризованный Е. Мальцевым как «нестроение великое: грабежи меж себя и татба необычная». Показательно, что в этом процессе лишь Юнус старался выступать как взвешенный лидер, который для спасения страны не боялся лично возмещать убытки, понесенные посольством от действия неразумных подданных (ПКСРНО 1551, с. 246–247).

Борьба тем временем не утихала. Кочевья Юсуфовичей тревожил Исмаил с сыновьями (особенно в этом выделялся Урус), а Саидахмадовичи вступили в сношения с Крымским ханством, так же желая вернуть себе давно утерянную власть. Арслан, в свою очередь, заявлял И. Тверетину, что живет с Юнусом «отманкою» и хочет объединиться с Исмаилом (ПКСРНО 1551, с. 247, 248–249).

Таким образом, изгнание Исмаил-бия 23 июня 1557 г. не привело к изменению русско-ногайских отношений. Юсуфовичи ясно понимали роль России в новых условиях и стремились заручиться ее поддержкой. Голод и разорение становились постоянным фактором внутренней жизни орды. Хотя заметно нежелание части племенной элиты поступиться традиционными правами на взимание пошлин с послов, появилось новое явление, когда убытки, понесенные дипломатами в результате этого, возмещались едва ли не единственным сокровищем ногаев – лошадьми. В целом Юсуфовичи ради укрепления своей власти готовы были стать «холопами» русского царя.

Однако русское правительство сделало ставку на Исмаила, и в августе 1557 г. к нему с Н. Сююндюковым поступило предложение, при желании, взять у астраханских воевод стрельцов и отвоевывать свой юрт или же ехать жить в Астрахани. Исмаил несомненно воспользовался столь любезным предложением и вернул себе власть, не позднее сентября 1557 г. В октябре того же года в Москву прибыло посольство от Исмаил-бия, Белек-Пулад-мирзы и других ногайских династов (ПКСРНО 1551, с. 255–256, 257).

Основной задачей ногайской дипломатии, после возвращения Исмаила, стал поиск путей выхода из экономического кризиса. Во-первых, бий предлагал построить новый город на Ахкунгуле. Для этого он хотел получить от русского царя мастеров, сосновый лес, а так же «много запаса естовново и многие куны» (ПКСРНО 1551, с. 257– 58). Во-вторых, Исмаил претендовал на 2/3 от пошлин взимаемых в Астрахани и выдать ему «астараханской полон» (ПКСРНО 1551, с. 247–248, 258–260).

Кроме вопросов восстановления хозяйственной жизни орды, Исмаила волновала безопасность своего режима. Он просил прислать 300 пищальников и 8 пушек. Ко всему прочему бий прилагал усилия для консолидации ногайской элиты вокруг себя. Так, он женился на вдове Султан-Ахмад-мирзы б. Саид-Ахмад-бия и теперь все его потомство становилось причастным к клану Исмаила. Следствием этого явилось требование освобождения Мухаммад-Касим-мирзы. Другой мерой была постоянная забота об оставшихся ему верными мирзах и улусниках. Он настойчиво добивался улучшения содержания в Москве своих послов, так как они «голодны и нужны». Исмаил резко негативно относился к деятельности астраханского воеводы И. Черемисинова, который сманивал ногаев обещаниями их кормить, и требовал прекратить эту деятельность (ПКСРНО 1551, с. 258–260).

Исмаил-бий прилагал серьезные усилия для изоляции Юсуфовичей. Он рекомендовал не перевозить их на правобережье Волги, арестовывать их послов и купцов, а захваченное имущество отсылать к себе (ПКСРНО 1551, с. 258–259).

23 января 1558 г. в Ногайскую Орду отправилась станица служилых татар К. Кудинова (ПКСРНО 1551, с. 260–261). Русская дипломатия сообщала о разрыве отношений с Крымским ханством и призывала активизировать антикрымскую деятельность ногаев (ПКСРНО 1551, с. 261–263). В ряде вопросов Иван Грозный пошел навстречу Исмаилу. Во-первых, Мухаммад-Касима, после присяги на верность русскому царю, отпустили в орду. Во-вторых, на И. Черемисинова на-

ложили опалу и весной 1558 г. его должны были снять с должности. Новому воеводе приказали не вмешиваться в жизнь ногайских улусов (ПКСРНО 1551, с. 261–262).

В апреле 1558 г. в Ногайскую Орду отправился Е. Мальцев. Он должен был сообщить о смене И. Черемисинова на посту астраханского воеводы на углицкого и калужского дворецкого И.Г. Выродкова (ПКСРНО 1551, с. 265).

Русская дипломатия пыталась вовлечь ногаев в свое противостояние с Крымом. Объяснялось оно защитой интересов ногаев и мстью за притеснения Айсы-мирзы. В Москве решили создать черкеско-ногайский союз. Однако в России ясно понимали, что в условиях междоусобной борьбы и экономического кризиса ногаям будет затруднительно воевать с Крымским ханством. Поэтому Е. Мальцев должен был призывать ногаев к походу на крымцев, если только Исмаилу удастся утвердить свою власть, и он «без страшен будет ото вселе». Вместе с тем, Россия продолжала отклоняться от общего с ногаями похода на Крым (ПКСРНО 1551, с. 265, 267, 269–270). Таким образом, можно констатировать, что Русское государство в своей восточной политике стремилось блокировать Крымское ханство силами ногаев и черкесов (о роли черкесских княжеств в этой политике, см.: Сокуров, 2011, с. 115–141; Хотко, 2017, с. 75–83).

Царское правительство шло на встречу Исмаилу в вопросе выделения ногаям продовольственной помощи, но отказывалось выполнять его просьбы (постройка города, 2/3 астраханской тамги), которые могли привести к глубоким системным изменениям в Ногайской Орде (ПКСРНО 1551, с. 266, 267–268).

В последнее время помощь Русского государства Ногайской Орде оценивается как весьма скромная, а отношение русской правящей элиты к бедам кочевников, как злорадное (Трепавлов, 2002, с. 286–288). На наш взгляд, это не совсем верно. Во-первых, известно, что русское правительство регулярно отправляло продовольствие к Исмаилу, а также освободило ногайских купцов от пошлин на три года (ПКСРНО 1551, с. 251–252, 253, 254–256, 282, 287, 292–293, 299–300; РГАДА, ф. 127, оп. 2, д. 11).

Нельзя забывать, что в 1557 г. голод коснулся и московских городов, наиболее тяжел он оказался для новых территорий Русского государства за Волгой, особенно для Астрахани. Подтверждает это и Э. Дженкинсон, оставивший подробное описание Нижнего Поволжья и Ногайской Орды в это время (ПСРЛ, т. 13, с. 279; АПМГ, с. 172). Острие же его критики направленно на пассивность воеводской администрации в деле крещения измотанных голодом и беззащитных ногаев (Моисеев, 2003а, с. 228 – 231; Моисеев, 2003б, с. 75).

Отношение русской правящей элиты к несчастьям ногаев, на наш взгляд, сложно определить. С одной стороны, в пользу тезиса В. В. Трепавлова о их «злорадстве» можно привести не только текст А.М. Курбского (см.: Курбский, 2015, с. 96), но и ряд высказываний Э. Дженкинсона, источниками, среди которых вполне вероятно мог оказаться его спутник, новый астраханский воевода И.Г. Выродков (Моисеев, 2003, с. 74–76). С другой, – в среде служилой бюрократии были сильны проюнусовские симпатии (ПКСРНО 1551, с. 324).

В целом, антикризисные меры, поддержанные Россией, можно расценить как паллиативные, от более серьезных предложений Исмаила в Москве уклонялись, так как они могли привести к глубоким, системным изменениям в Ногайской Орде.

10 апреля 1558 г. из Астрахани пришло сообщение о разгроме Юнуса Исмаилом. После поражения он покинул своих братьев и приехал в Астрахань, где просил разрешения служить Ивану Грозному. 12 июня 1558 г. побежденный претендент на ногайский трон был на дворе у царя и великого князя, который после пира пожаловал ему деньги и одежду (ПКСРНО 1551, с. 270–273).

Юнусу было суждено занять в ногайской политике Москвы заметное место. Изгнанник бил челом Ивану Грозному, чтобы он «промыслил», как ему вернуть престол (ПСРЛ, т. 13, с. 299; ср. Трепавлов, 2002, с. 290; Трепавлов, 2002а, с. 343–344). В результате он оказался мощнейшим козырем в рукаве московской дипломатии. Юнус стал еще одним, после Казыева улуса, (но уже подконтрольным) центром притяжения для ногаев, недовольных политикой Исмаила, а также весьма мощным рычагом давления на него.

В сложившихся условиях Исмаил предпринимал отчаянные усилия для спасения орды. Так, он откочевал на Терек для покупки хлеба и рыбы. По справедливому мнению В.В. Трепавлова эта мера в первую очередь преследовала интересы семьи и двора бия. Это вынужденное путешествие вполне могло привести к трагедии. Ногаи не смогли вернуться за Волгу. Стало известно о возможном нападении крымцев. Исмаил умолял русские власти эвакуировать их на свою сторону реки (Трепавлов, 2002, с. 288–289).

Исмаил продолжал отстаивать свои планы на постройку города, а также просил материалы и людей для отстройки Сарайчука. В результате, вполне уяснив для себя нежелание русских властей помочь в этом деле, он прибег к помощи местного населения. Постройку города-мечты Исмаил-бия на Бузане возглавил его зять сарайчуковский сейид Кара-ходжи (ПКСРНО 1551, с. 274, 276–277).

Параллельно с этим, Исмаил пошел на едва скрываемые угрозы для того, чтобы добиться большей щедрости от Москвы. Так, он писал о попытках крымско-турецкой дипломатии отвратить его от союза с Русским государством. Однако Исмаил отвергал эти предложения. Одновременно он повторил попытки принизить статус русского царя, внося изменения в титулатуру грамот, отправляемых в Россию. Это вызвало неприятие не только у русского посла, но и у верных соратников Исмаила Бекчуря и Байтерека. Они призывали бия не «срамиться» и писать царя «государем», так как «немцы деи посильнее тебя да все деи у них государь города поимал». Как видим, резонанс от успехов русского оружия на Балтике достиг и ногайских степей и послужил мощным стимулом к утверждению представления о России как самом мощном государстве. Впрочем, и Исмаил признавал это. Бий злорадно писал, что придет время и крымский хан признает русского царя себе государем (ПКСРНО 1551, с. 276–277).

И все же главной задачей политики Исмаила оставалось сохранение Ногайской Орды как целостного государства. Средством для этого, по его мнению, являлось строительство города. По нашему мнению, можно осторожно говорить о его попытках вести политику сендентеризации. Принудительное оседание ногаев тем более было необходимо ввиду того, что ногайские эли хотели покинуть привычные кочевья. Одни готовы были откочевать в Бухару, другие – в Ургенч, находились и те, что бежали к своим старым врагам крымцам. Впрочем, в последнем случае Исмаил полагал, что это таит больше опасности для самого Крымского ханства, чем для Ногайской Орды (ПКСРНО 1551, с. 276–278).

Основополагающим в защите Ногайской Орды от стихийной откочевки ногайская элита считала строгий контроль за волжскими перевозами со стороны русских. При его отсутствии сыновьям Исмаила приходилось совершать охранные рейды вдоль Волги, атакуя большие скопления людей и лошадей, удаляющихся от улусов Исмаила (ПКСРНО 1551, с. 277–278).

Ногайская дипломатия с каждым новым посольством стремилась добиться от Москвы признания ее прав на часть доходов с Астрахани и Казани. В Сарайчуке требовали ясности в вопросе продовольственной помощи Ногайской Орде (ПКСРНО 1551, с. 279–281). Бий настаивал на присылке к нему 200 стрельцов зимой для охраны, а так же призывал бдительно стеречь Юнуса, главного виновника (по его словам) в откочевке элей в Крым (ПКСРНО 1551, с. 279–280).

В Москве решили пойти навстречу Исмаилу в ряде вопросов, но в титульном вопросе резко осадил его, потребовав более не писать подобных «бездельных речей» (ПКСРНО 1551, с. 281–282). Очевидно, что русские правящие круги, не забывая о собственном престиже, пошли навстречу Исмаилу, чтобы отвратить его от соблазна объединиться с крымцами.

В конце 1558 г. бий обрушился с критикой на нового астраханского воеводу И. Г. Выродкова, считая его главным виновником в снятии русской охраны с волжских перевозов, что привело к массовой откочевке ногайских элей. Исмаил призывал вернуть в Астрахань И. Черемисинова, побратима его сына Мухаммад-мирзы, а также знатока татарского языка (ПКСРНО 1551, с. 283; ПСРЛ, т. 20, с. 582).

К этому времени Ногайская Орда, очевидно, переживала наихудшие времена. Часть населения утрачивала возможность кочевать и была вынуждена переходить к оседлой жизни. Это вызвало просьбы Исмаила у Русского государства присылать наряду с продовольствием и вещами еще и деньги (ПКСРНО 1551, с. 283–284).

В мае 1559 г. в Ногайскую Орду вновь отправился Е. Мальцев. Исмаилу сообщали, что его два сына Динбай и Джанбай, ранее покинувшие его, приняли участие в походе на Россию в составе крымского войска Мухаммад-Гирей-султана. Набег провалился, и хотя русская погоня не настигла крымцев, из-за высокой смертности скота и в среде самого войска, итог его был весьма плачевен. Иван Грозный предлагал Исмаил-бию вызвать своих сыновей из Крыма, чтобы они «безлеп не погибли», на Дону, обещал русский царь, их перевезут русские отряды (ПКСРНО 1551, с. 284–285; ПСРЛ, т. 13, с. 312–313, 314–315; там же, т. 20, с. 607, 608–609).

Московские власти сохраняли интерес к персоне бия-эмигранта Юнуса. Исмаила просили отправить в Русское государство его жен и детей. Всячески подчеркивалось, что вины его перед царем нет, что являлось главным доводом против убийства Юнуса, предложение которого от Исмаила ожидалось русскими властями (ПКСРНО 1551, с. 284–285, 287).

Планы выхода из экономического кризиса Ногайской Орды, предложенные Исмаил-бием, не находили поддержки в среде русской правящей элиты. 2/3 астраханской тамги, согласно объяснениям русских дипломатов, не могли направляться ногаям, так как таможенные сборы были мизерными и их едва хватало на содержание гарнизона. В целом, Астрахань зависела от московских дотаций. Против постройки города в Москве резко выступили, заявляя, что ставить города близко друг к другу нельзя. Исмаилу, как и в 1556 г., предлагали воспользоваться услугами астраханских воевод и при необходимости уехать в Астрахань (ПКСРНО 1551, с. 211, 287).

В течение мая – августа 1559 г. стороны ограничивались протокольными встречами. Русские дипломаты предприняли попытку добиться выезда Кошумовичей, враждовавших с Исмаилом, из-за убийства главы их клана Арслана (ПКСРНО 1551, с. 289–291).

В сентябре 1559 г. в Москву прибыл посол Исмаил-бия Аман-гилди-имилдеш. Исмаил возлагал ответственность за отъезд в Крымское ханство своих сыновей на их улусных людей. В результате этого бий объявлял Крым своим непримиримым врагом и грозился извести его регулярными набегами (ПКСРНО 1551, с. 291–292, 296).

Исмаил отмечал, что из всех ногайских кланов лишь Юсуфовичи и Кошумовичи остаются ему враждебны. Убийство Арслана он объяснял тем, что тот еще осенью 1558 г. начал переговоры с Девлет-Гирей-ханом о смещении Исмаила с престола (ПКСРНО 1551, с. 292).

Исмаил обращал внимание Ивана Грозного на процесс срастания русской администрации в Астрахани с местной татарской знатью, которая стимулировала подозрительное отношение воевод к ногаям. Исмаил признавал, что многие эли готовы покинуть привычные кочевья и уйти в Крым. Однако, не смотря на голод, население подвластное Исмаилу увеличилось, и он просил прислать «запасу и денег» больше прежнего. Сторонники бия, по его собственному признанию, содержались за счет русской помощи и поминков (ПКСРНО 1551, с. 292–293; Трепавлов, 2002, с. 288).

Бий призывал Ивана IV совершить совместный поход на Крым. Особый расчет Исмаил делал на те ногайские эли, что откочевали в ханство. По его словам, как только они увидят ногайскую конницу, то сразу перейдут на его сторону (ПКСРНО 1551, с. 293).

Дипломаты Ивана Грозного проявили озабоченность ростом антирусских настроений в орде. Исмаила просили не доверять наветам, всячески подчеркивалось благожелательное отношение царя к Исмаилу. О предложении крымского похода русские власти обещали подумать и сообщить решение позднее (ПКСРНО 1551, с. 293).

В сентябре 1559 г. из Ногайской Орды вернулся Е. Мальцев, вместе с ногайскими послами. Посол сообщал, что Исмаил еще в июле 1559 г. тяжело заболел, болезнь оказалась настолько сильной, что он «мало владел собой». В это время люди подчинили бия своей воле. Именно под их диктовку он требовал высоких поминок и денежные выплаты с Астрахани и Казани (ПКСРНО 1551, с. 294).

Е. Мальцев решительно отводил эти претензии, но Исмаил не мог помочь ему в этом. Дошло до того, что и собственные дети не подчинялись ему. Лишь ночью, в шатре посла Исмаил давал волю своим чувствам, грозя своим оппонентам, и убеждая Е. Мальцева не «потачить» им и не верить (ПКСРНО 1551, с. 294).

Поправившись, Исмаил совершил поход на Юсуфовичей, дойдя до Ак-Сарая у Алтын кешене, он отпустил в набег своего сына Дин-Ахмад-мирзу. Противостояние мирз с бием нарастало, сохранялась угроза откочевки элей в Крымское ханство. Против него выступили Шейхмамаевичи, кочевавшие на востоке орды. Кошумовичи начали откочевку в Крым с женами и детьми в числе 600 человек. Исмаил отправил за ними в погоню Тохтар-мирза с 300 батыров. Он нагнал их на Дону и отогнал лошадей, Дин-Али б. Хаджи-Мухаммад, смог отбить половину лошадей (ПКСРНО 1551, с. 294–295).

Исмаил просил отпустить к нему своего сына Кутлугбая, который по его данным находился в России и умолял держать Юнуса «крепко». Е. Мальцев сообщал царю, что Юнус-мирза пользовался огромной поддержкой и любовью «улусных людей», возрождение Ногайской Орды связывалось именно с ним (ПКСРНО 1551, с. 294–295, 296, 298).

Тем временем оставшиеся в степи Юсуфовичи с отрядом в 300 человек, испытывая голод, кочевали у Ахмадовых гор (ПКСРНО 1551, с. 295).

Исмаила возмущала деятельность астраханского воеводы И.Г. Выродкова, который обложил ясаком ногаев, кочевавших у устья Волги, хотя это и было традиционное ногайское кочевье. Бий недоумевал: почему это происходило? – ведь и Волга и Яик наследственные владения мангытов, и, несмотря на то, что Волга перешла к Ивану Грозному, он утверждал, что она принадлежит и нога-

ям, так как «у братьев имущество общее». Исмаил требовал прекратить произвол астраханских властей (ПКСРНО 1551, с. 296–297; Трепавлов, 2002, с. 622–625).

В ответ на то, что Крымское ханство стало прибежищем для многочисленных ногайских элей, Исмаил участил набеги на крымцев. Лидером этой политики в тот момент являлся Якшисаат-мирза б. Мамай. Большой поход бий намеривался совершить, после того как «срок учинят» (ПКСРНО 1551, с. 297).

Исмаил не оставлял надежды примирить противоборствующие группировки. Для умиротворения Шейхмамаевичей, их глава Бай-мирза получил должность кековата, но управление западными территориями Исмаил оставлял в руках своего семейства: возведя в нурадинство своего сына и наследника Мухаммад-мирзу (ПКСРНО 1551, с. 297).

Для преодоления голода Исмаил просил отослать со своим казначеем Бекчурой-ордобазарцем 1500 четвертей «запасу хлебного» и 200 рублей. Интересно, что бий добивался того, чтобы у него оставались суда, на которых доставлялась помощь (ПКСРНО 1551, с. 297).

Исмаил продолжил свою борьбу с И.Г. Выродковым, который при сравнении с предыдущим воеводой И. Черемисиновым заметно проигрывал. Так, именно при И.Г. Выродкове начался отток населения в Крым, ногайские улусы оказались беззащитны от увода коней. Воевода задерживал суда с помощью для Исмаила и не отдавал их. Бий требовал от царя, чтобы астраханский воевода ужесточил контроль за волжскими перевозами, а также отдал ему Кутум-мирзу, отъехавшего ранее из-за ссоры с Исмаилом в Астрахань (ПКСРНО 1551, с. 297–298).

В марте 1560 г. в Москве приняли решение отправить к Исмаилу послом П.Г. Совина и С. Мальцева. 28 марта 1560 г. ногайские послы, среди них посол Исмаила Тимур, и представитель Мухаммада – Чура алчин, были собраны на дворе. После пира царь подал им по ковшу меда, после чего их отпустили в орду. Из Москвы ногайские и русские послы уехали 25 апреля 1560 г. (ПКСРНО 1551, с. 298–299).

Русское правительство приняло решение об активизации операции против Крымского ханства. Оперативной базой для удара ногаев на Крым становился Дон, где находился И. Извольский с отрядом. Князь Д. Вишневецкий базировался в Кабарде (ПКСРНО 1551, с. 300). Таким образом, русские планировали ударить с трех мест (Днепр, Дон, Кабарда), а также, заняв места традиционных крымских кочевков, по сути запирали крымцев у себя на полуострове. От Исмаила ждали, что он сам возглавит ногайский поход. В России исходили из планов самого бия, когда он утверждал, что известие о подходе ногайской конницы спровоцирует отток ногайских элей из Крыма. Поход назначался на лето 1560 г., так как в это время сложился наиболее благоприятный момент и если его упустить, то «тово дела зделати будет немочно». Если Исмаил попробует отказаться от похода, русскому послу разрешилось использовать прямые угрозы (ПКСРНО 1551, с. 300–301, 303, 305–306, 307). Мирзам (Динбаю, Дин-Али и Якшисаату), принявшим активное участие в нападениях на Крым, из Москвы отослали жалованье, а Дин-Али обещали в случае следующего набега выделить 50 стрельцов (ПКСРНО 1551, с. 301–302).

Такая активность русской дипломатии на крымском фронте объясняется противостоянием Русского государства и Великого княжества Литовского по ливонскому вопросу. Как известно, в Москве хотели отвлечь литовцев от Балтики, предложив им совместный антикрымский блок. Однако летом 1559 г. М. Гарабурда заключил союз с крымским ханом, более того Литва вмешалась в процессы, происходившие в Нижнем Поволжье, призвав ногаев откочевывать в Крым (Хорошкевич, 2003, с. 224–237). Таким образом, наметившемуся литовско-крымскому союзу в России решили противопоставить широкую коалицию, включавшую в себя кабардинских князей и Ногайскую Орду.

Новое посольство Исмаила (28 мая 1560 г.) сообщило об определенном изменении политики бия. Во-первых, в ногайско-крымских отношениях произошло два определяющих события. Ногаи начали возвращение из Крыма в родные кочевья. Стимулом этому послужили как подозрительность Девлет-Гирей-хана к новым подданным, так и нестабильность внутри ханства, проявившаяся в широких репрессиях против крымской племенной знати (ПКСРНО 1551, с. 294–295, 313). Однако препятствием к немедленному нападению ногаев на Крым стал образовавшийся на Северном Кавказе Казыев улус, также у крымшавкала укрылся один из Юсуфовичей. Поэтому Исмаил требовал от русских сначала уничтожить этот очаг опасности и лишь затем ожидать его похода (ПКСРНО 1551, с. 313; Трепавлов, 2003–2004, с. 284–285). Ко всему прочему плохая организация взаимодействия ногайских и русских отрядов в степи привела к взаимным конфликтам, сопровождавшимся вооруженными столкновениями (ПКСРНО 1551, с. 313–314).

Во-вторых, Исмаил, наконец, отказался от претензий на казанские и астраханские выплаты, но с удесятенной силой обрушился на И. Г. Выродкова, сманивавшего к себе ногайских тумачов и отгонявшего ногайских коней. Особенное возмущение у бия вызывало единодушие в антиногайских делах русского воеводы и астраханской знати. Исмаил решительно требовал выслать местную знать из города (ПКСРНО 1551, с. 313–314).

В ответ русские власти настаивали на ногайском походе на Крым хотя бы осенью 1560 г., со своей же стороны – приказали кабардинцам напасть на крымшавкала. В Астрахань для розыска был направлен И. Заболоцкий. Лидера астраханских противников Исмаила – Халк-Амана (некогда бывшего ногайским представителем, при И. Черемисинове (ПКСРНО 1551, с. 325)) приказали сослать в Россию. И.Г. Выродкову велели отпустить ногайских тумачов к Исмаилу и ужесточить контроль за волжскими переправами (ПКСРНО 1551, с. 316–318, 319, 325–326, 326). Послу Исмаила Исен-бахти б. Тоузару удалось добиться освобождения ногайских купцов от пошлин в течение трех лет (ПКСРНО 1551, с. 319).

Однако, несмотря на достигнутые успехи, окончательно остановить энтропию в Ногайской Орде Исмаилу не удалось. Увеличивался отток степной аристократии в Россию, которая только усиливалась практикой ссылки Исмаилом своих противников своему северному соседу (см.: (ПКСРНО 1551, с. 319, 320, 326–327)).

В августе 1560 г. Урус-мирза возглавил набег на Крымское ханство, который закончился фиаско, причем ногаи обвиняли в этом русских военных (РГАДА, ф. 127, оп. 1, кн. 5, л. 185, 196об.–197). Намечался конфликт Уруса с Русским государством (ПКСРНО 1551, с. 322, 328), но более заметным стал очевидный дрейф Исмаила в сторону признания зависимости Ногайской Орды от Москвы.

Во-первых, в титуле русского царя Исмаил использовал формулу «всем татарам государь», весьма близкую к крымской титулярной практике (*bağca tatarıngı*), «падишахом татар» называли представителей крымской династии и в Сефевидском Иране (ПКСРНО 1551, с. 324; Фаизов, 2002, с. 17; Фаизов, 2003, № 5, с. 115, № 6, с. 124, 132, № 7, с. 135, № 8, с. 142, 146; Систани, 2000, с.136). Во-вторых, Исмаил откровенно претендовал на получение жалованья из Москвы, что однозначно расценивалось как согласие на непаритетные отношения. Более того, бий требовал повысить сумму годового с 200 рублей на 300 (ПКСРНО 1551, с. 324–325).

Однако не стоит слишком оптимистично расценивать этот процесс. Дело в том, что он опирался на волю только Исмаила, но уже его сыновья отнюдь не разделяли устремлений отца. Так, Урус-мирза решительно настаивал на равенстве с Иваном Грозным, и смело шел на конфликт с царскими представителями (ПКСРНО 1551, с. 328–329).

Конфликт Исмаила с царской администрацией в Астрахани привел к тому, что бий пригрозил порвать шерть и даже отправил в Крымское ханство посольство (ПКСРНО 1551, с. 322–324, 329). В итоге этот демарш возымел действие: в Москве приняли спешное решение об аресте И. Г. Выродкова (ПКСРНО 1551, с. 330–331). В Москве также согласились повысить сумму денежной дачи с 200 до 300 рублей, на Гази-мирзу послали донских казаков (ПКСРНО 1551, с. 333–334). Впрочем, по отношению к Гази русские власти вели мягкую политику. Его вместе с соратниками призывали начать войну с Крымом, посылали ему жалованье, и даже приглашали выехать в Русское государство (ПКСРНО 1551, с. 334–335).

Принятые царским правительством меры для нормализации ситуации в Астрахани не возымели должного действия. Исмаил особо подчеркивал отрицательную роль в этих процессах местной татарской знати и требовал прислать в город для перевода документов своего хафиза, а также вернуть на воеводство И. Черемисинова (ПКСРНО 1551, с. 336; РГАДА, ф. 127, оп. 1, кн. 6, л. 4об.–5, 8, 9, 10об., 11, 14–14об.). Исмаил продолжал требовать от царя выбить Гази из Кабарды (ПКСРНО 1551, с. 336; РГАДА, ф. 127, оп. 1, кн. 6, л. 5, 7об., 9, 11–12).

Необходимо признать, что все-таки Исмаилу удалось стабилизировать свое положение как главы орды и с помощью русских дотаций, а также из-за сложности обстановки в Крыму, обеспечить возвращение ногаев домой. Одной из главнейших задач дипломатии Исмаила стало возвращение на Родину пленных соотечественников (РГАДА, ф. 127, оп. 1, кн. 6, л. 218–219, 220об.; Трепавлов, 2002, с. 295). Другой составляющей его политики стали постоянные требования на повышения жалованья. Так, летом 1561 г. он просил – 400 рублей, а перед своей смертью – 500 рублей (РГАДА, ф. 127, оп. 1, кн. 6, л. 5об., 9об., 10, 211об., 217об.).

О том, что положение в Ногайской Орде начало выправляться, говорит, на мой взгляд, активизация восточной политики ногаев. Так, в 1561 г. Исмаил выдал свою дочь за ургенчского хана Су-

фияна. Однако уже в 1562 г. он выступил против Ургенча и старался втянуть в этот конфликт Ивана Грозного. В узбекской политике Исмаил сменил вектор с ориентации на Барак-хана и его семейства на союз с Абдуллою-ханом. В итоге это привело к нападению на Ногайскую Орду ташкентских мирз³ удачно отраженному Динбай-мирзой (РГАДА, ф. 127, оп. 1, кн. 6, л. 5об., 9, 55об., 59, 210об.; Трепавлов, 2002, с. 309; Исин, 2002, с. 88). В Сибири Исмаил поддержал Ахмад-Гирей-хана, несмотря на то, что он сверг его зятя Ядгар-бия, и его дочь с внуком укрылись в Москве и нашли поддержку у Ивана IV (РГАДА, ф. 127, оп. 1, кн. 6, л. 188–188об., 215об.–216).

Итак, к 1563 г. Исмаилу в основном удалось преодолеть политический кризис в орде, но последствия междоусобицы и экономической разрухи оказались впечатляющими и тяжело преодолимыми. Поэтому появилось такое явление, как «временная эмиграция», а также отъезд ногайских батыров для участия в военных компаниях Русского государства (см.: (РГАДА, ф. 127, оп. 1, кн. 6, л. 178. 185об., 197об., 214об., 215об., 213, 219–219об.)). Торговля тоже мало способствовала улучшению экономической ситуации. Динамика русско-ногайской торговли в изучаемое время оказалась регрессивной по сравнению с 1-ой половиной XVI века и составила всего 33, 73% от общего числа ногайских поставок за 1527–1563 гг.

В результате Исмаил к концу своей жизни отказался от идеи независимости Ногайской Орды в пользу «холопства» русскому царю (РГАДА, ф. 127, оп. 1, кн. 6, л. 207–207об.), но у его приемников, да и русских властей это предложение не вызвало поддержки (см. подробнее (Трепавлов, 2002, с. 312–427)). Все это позволяет говорить о провинциализации русско-ногайских отношений и, как следствие, снижении интереса к Ногайской Орде у правящих кругов в Москве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агаджанов С.Г. Государство Сельджукидов и Средняя Азия в XI–XII вв. М., 1991. 303 с.
2. АПМГ – Английские путешественники в Московском государстве. Л., 1938.
3. Исин А. Казахское ханство и Ногайская Орда во второй половине XV–XVI в. Семипалатинск, 2002. 131 с.
4. Зайцев И.В. Астраханское ханство. М., 2004. 303 с.
5. Костомаров Н.М. Личность царя Ивана Васильевича Грозного // Костомаров Н.М. Исторические биографии и исследования. М., 1989. С. 5 – 53.
6. Кочераев Б.-А.Б. Ногайско-русские отношения в XV–XVIII вв. Алма-Ата, 1988. 272 с.
7. Кусаинова Е.В. Ногайская Орда в XV–XVII вв. // Вопросы краеведения. Вып. 3. Волгоград, 1994. С. 52–55.
8. Кусаинова Е.В. Русско-ногайские отношения и казачество в XV – первой четверти XVII вв. Автореф. дисс. ... к.и.н. Волгоград, 1998. 22 с.
9. Курбский А.М. История о делах великого князя московского / Изд. подг. К.Ю. Ерусалимский; пер. А.А. Алексеев; отв. ред. Ю.Д. Рыков. М., 2015. 942 с.
10. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.-Л., 1948. 447 с.
11. Моисеев М.В. К истории выезда татар в Россию в XVI веке // Русский дипломатарий. Вып. 9. М., 2003. С. 270–272.
12. Моисеев М.В. Голод в Ногайской Орде в 50-е гг. XVI в. и политика России (по запискам Э. Дженкинсона и русским источникам) // Историческая компаративистика и историческое построение. М., 2003а. С. 228–231.
13. Моисеев М.В. Страна «Мангат» и ее обитатели в записках Э. Дженкинсона // Россия – Британия: к 450-летию установления дипломатических и торговых связей. М., 2003б. С. 74–76.
14. Моисеев М.В. Большие игры московской дипломатии: проблема нейтрализации «крымской угрозы» в русско-ногайских отношениях в 30–60-е гг. XVI в. // Локус: люди, общества, культуры, смыслы. № 4. 2015. С. 5–19.
15. Морозов В.В. Лицевой свод в контексте отечественного летописания XVI века. М., 2005. 288 с.
16. ПК – Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1489–1508. М., 1984. 99 с.
17. ПСРЛ – Полное собрание русских летописей: Т. 13. М., 2000. 544 с.
18. ПСРЛ. Т. 20. М., 2005. 704 с.
19. ПСРЛ. Т. 29. М., 1965. 389 с.
20. ПКСРНО 1551 – Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. Публикация текста / Сост. Д.А. Мустафина, В.В. Трепавлов. Казань, 2006. 391 с.
21. РГАДА – Российский государственный архив древних актов. Ф.127 (Сношения России с ногайскими татарами). Оп. 1, 2.

³ Ташкент являлся вилайетом клана Барак-хана (Хафиз-и Таныш, 1983, с. 82, 132, 156).

22. Систани Малик Шах-Хусайн. Хроника воскрешения царей (тарих-и ихйа ал-мулук) / Перевод с персидского, предисловие, комментарий и указатели Л.П. Смирновой. М., 2000. 607 с.
23. Сокуров В.Н. Формирование прорусской ориентации в Кабарде 1552–1560 гг. // История народов России в исследованиях и документах. Выпуск 5. Материалы научно-практической конференции «Россия на Кавказе: три века политической истории», посвященной 260-летию установления российско-осетинских отношений. Москва, 24 ноября 2009 г. М., 2011. С. 115–141.
24. Тrepавлов В.В. Статус «Белого царя»: Москва и татарские ханства в XV–XVI веках // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч. 2. М., 1993.
25. Тrepавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2002. 752 с.
26. Тrepавлов В.В. Российские княжеские роды ногайского происхождения (генеалогические истоки и ранняя история) // Тюркологический сборник. 2002: Россия и тюркский мир. М., 2002а. С. 320–353.
27. Тrepавлов В.В. Малая Ногайская Орда. Очерк истории // Тюркологический сборник. 2003–2004. Тюркские народы в древности и средневековье. М., 2005. С. 273–311.
28. Хафиз-и Таныш ибн Мир Мухаммад Бухари. Шараф-нама-йи шахи (Книга шахской славы) / Факсимиле рукописи, пер. с перс., введ., примеч., указ. М.А. Салахетдиновой. Ч. 1. М., 1983. 534 с.
29. Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003. 621 с.
30. Хотко С.Х. Военно-политические контакты западно-черкесских княжеств с Русским централизованным государством (1552–1562) // Научная мысль Кавказа. 2017. № 3. С. 75–83.
31. Фаизов С.Ф. Тугра и Вселенная. Мохаббат-наме и шерт-наме крымских ханов и принцев в орнаментальном, сакральном и дипломатическом контекстах. М.-Бахчисарай, 2002. 100 с.
32. Фаизов С.Ф. Письма ханов Ислам-Гирея III и Мухаммед-Гирея IV к царю Алексею Михайловичу и королю Яну Казимиру. 1654–1658. Крымскотатарская дипломатика в политическом контексте постперелавского времени. М., 2003. 168 с.

M.V. Moiseev

THE NOGAI-RUSSIAN RELATIONS DURING THE RULE OF ISMAIL-BEY (1554–1563)

The article is devoted to the history of relations between the Nogai Horde and Muscovy in the dramatic period defined by Vladimir Trepavlov as a Second Nogai turmoil. It is shown how the Nogai Horde actually gradually fell into dependence from Moscow state, which, however, legally has not been issued at this time.

Keywords: Ivan IV's correspondence, diplomatic correspondence, Russian-Nogaian relation, Ismail.

Сведения об авторе:

Моисеев Максим Владимирович – кандидат исторических наук, заведующий сектором, ГБУК «Музейное объединение «Музей Москвы» (г. Москва); maksi-moiseev@yandex.ru

Moiseev Maksim – Candidate of Historical Sciences, Sector Head, Museum of Moscow (Moscow)

УДК 9.902.904.908

ОБ ОДНОЙ ГРУППЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КАМЕННЫХ ИЗВАЯНИЙ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА («ХРИСТИАНСКИЕ РЫЦАРИ») НЕКОТОРЫЕ ДИСКУССИОННЫЕ АСПЕКТЫ

© 2017 г. *Е.И. Нарожный, П.В. Соков*

Опираясь на сведения об известных находках средневековых каменных статуй на Северном Кавказе, внимание в статье уделяется их небольшой группе, помимо внешне отличительных признаков, имеющих и дополнительно выбитыми на них (лоб, плечи) изображениями крестов. Названные еще в XIX в. «христианскими рыцарями», самые ранние из них явно были изготовлены в древнетюркских традициях. Датированные различно, эти статуи имеют и более поздние дериваты. Воспринимая почитаемые статуи как определенный семантический образ, их группу с крестами, вероятно, следует рассматривать особо, учитывая, к примеру, археологические материалы со Средней Кубани. Горькобалковский археологический комплекс VIII–IX вв. не только документирует процесс активного этнокультурного смешения этого населения, включая и тюрков, но и факт заметной их христианизации, вероятно, обусловленной не только внешним миссионерским воздействием со стороны Византии, но и некоторыми консолидирующими задачами, продемонстрированными, например, арабо-хазарскими войнами. Христианизация, характер которой определяется сутью «этнизованного христианства», сохранявшегося и в позднем средневековье, сопровождалась и сохранением традиции почитания статуй, в т.ч. и с такими же крестами, хотя сами статуи приобретают различные хронологическо-эволюционные особенности.

Ключевые слова: Средневековые тюрки, Северный Кавказ, статуи «древнетюркского» облика, половецкие изваяния, христианизация и исламизация средневековых кочевников.

Современными авторами давно собрано немало документальных свидетельств того, как в XIX–XX вв. на Юге России (и не только здесь), почти сразу же после окончания «Кавказской войны» и отмены крепостного права, на Северный Кавказ устремилась масса организованных и неорганизованных переселенцев. Исход этот повлек за собой массовое освоение значительной части ранее не использовавшихся пустошных земель. В итоге, помимо очевидных успехов в сельском хозяйстве, резко участилось количество находок в распахиваемых курганах каменных статуй разных эпох, хотя основную часть таких находок составляли изваяния (т.н. «каменные бабы») половецкого времени. Судя по данным Т.М.Минаевой, лишь в 1880-е годы ставропольскому гражданскому губернатору было прислано «отношение» Московского археологического общества, планировавшего подготовку, как минимум, картографической сводки таких памятников России. В ответ на него губернатор обещал мотивировать разное начальство своей губернии обязательно обращать самое пристальное внимание на подобные находки (Минаева, 1963, с. 178). Однако к этому времени уже сформировалась своеобразная «мода», в рамках которой достаточно активно статуи смещались с отдельных курганов и вместе с изваяниями, выпавшими из земли, увозились в частные коллекции. Некоторые из статуй были установлены в городских парках ряда губернских городов или поставлены у входов в некоторые гостиные дворы и государственные учреждения. Какая-то часть таких каменных статуй впоследствии была варварски разбита. Немало их в качестве скульптурных «украшений» оказалось в помещичьих усадьбах. Помимо оригинальных «украшений», статуи использовались и в качестве опорных привратных столбов и пр. (Кузнецов, 1980, с. 59–78; Подликович, Усачук, 2012, с. 198–260 и др.).

Учтенные примеры подобного «использования» статуй позволили некоторым авторам назвать их «второй жизнью» изваяний. Однако у некоторых из статуй Северного Кавказа это была уже не «вторая», а «третья» по счету «жизнь». Мы имеем в виду то, что некоторые из статуй региона еще в «первой» своей жизни, т.е. в условиях прямого и непосредственного утилитарно-функционального назначения, использовались различно.

Определенный повод для данной статьи подала совсем недавно вышедшая работа украинского коллеги, давно и успешно занимающегося историей и археологией средневековых кочевников –

М.В. Квитницкого. Рассматривая различный спектр возможных последствий монголо-татарского вторжения в Восточную Европу, исследователь вновь обратил внимание на группу каменных статуй с территории Северного Кавказа, отличающихся наличием на их внешней поверхности дополнительно выбитых изображений крестов. Такие изваяния, изучавшиеся эпизодически, давно и хорошо известны в кавказоведческой литературе; одно время такой интерес к ним вызвало даже их обозначение как статуй «христианских рыцарей». К сожалению, точное (изначальное) количество этих каменных скульптур Северного Кавказа ныне уже неизвестно; не совсем ясна и картина их первоначального географического распространения (концентрации), хотя здесь ясно одно – тяготели они, в основном, к горной зоне Верхнего Прикубанья. Нет единства среди исследователей и в датировке таких скульптурных памятников, не говоря уже о единстве в историко-культурной их трактовке.

Наш украинский коллега, обращаясь к изваяниям, в свое время найденным на территории современного Отраденского района Краснодарского края, использует их в качестве одного из примеров неоднозначных последствий монголо-татарского вторжения в Восточную Европу. Одним из таких последствий, как полагает автор, стал процесс массовой христианизации половцев (Квитницкий, 2016, с.45–68), что он подкрепляет и соответствующими ссылками на литературу по этой проблеме. Вместе с тем, проблема кардинальной смены религиозных воззрений тюркоязычными кочевниками требует дополнительных исследований, аргументов и доказательств (Нарожный, 2017а). В некоторых из известных письменных свидетельствах, к примеру, присутствуют сведения о приятии половцами католицизма, как то требовали венгерские короли взамен на обещание разрешить половцам переселиться на территорию Венгрии, например, еще при Ласло I (Князький, 1996, с.59). Но насколько реальна версия нашего коллеги при ее базировании на материалах Северного Кавказа?

Изваяния из Отраденского района Краснодарского края известны, к сожалению, лишь по фотографиям из архива известного кубанского краеведа-исследователя и основателя современного краевого музея-заповедника, носящего его имя – Е.Д. Фелицына. Одним из первых, кто обратил самое пристальное внимание на те же самые изваяния из окрестностей станицы Отрадной, был другой кубанский краевед-исследователь – М.Н. Ложкин (о нем см.: Малахов, Малахова, 2016), первым сопоставивший интересующие нас статуи с половецкими скульптурными изображениями (Ложкин, 1982, с. 44–45; 1996, с. 132–136). Впоследствии были высказаны серьезные аргументы против такой идентификации отраденских изваяний, при этом запечатленные на фото изваяния были атрибутированы как статуи «древнетюркского генезиса» (Пьянков, 2006, с.283–401). С этой точкой зрения следует согласиться с тем, что заставляет их рассматривать вкуче с другими синхронными изваяниями Северного Кавказа, включая и те из них, которые явно «модифицировались», причем, на длительном временном отрезке, здесь, под воздействием различных местных условий. Мы имеем в виду те статуи с крестами, которые отличаются от «классических» (канонических) древнетюркских образцов раннего средневековья (рис. 1, 1–2)¹, а также и более позднего времени (рис. 1, 3–4), бытовавших синхронно и вперемешку со статуями без крестов.

История распространения статуй «древнетюркского» происхождения на территории Северного Кавказа (Кузнецов, 1980, с. 59–78, 1997, 2012; Биджиев, 1983, с. 217–250, рис.55, 1–2; Нарожный, 2002а, с.35–39; 2002б, с.131–143; Пьянков, 2006, с.283–401 и др.) и последовавшей затем массовой тюркизацией его населения сложна и интересна. Несмотря на разные точки зрения, высказанные на этот счет, сегодня они не все реально отражают интересующую нас действительность. Вся, ныне известная, коллекция раннесредневековых статуй (Кузнецов, 1980, с. 59–78, 1997, 2012) не во всем согласуется и с опубликованными версиями историй самых ранних этапов тюркизации населения Северного Кавказа (Кузнецов, 1997). Процесс этот ныне представляется значительно древнее (Нарожный, 2010, с.175–193; Нарожный, Соков, 2008, с.17–39; 2016, с. 1–17 и др.). В этом же контексте, вероятно, следует искать и объяснение причин интересующего нас процесса «крещения» не просто части средневековых статуй, а их символического воплощения, почитавшегося раннесредневековыми тюрками микрорегиона. Ключ к пониманию данного феномена, вероятно, могут дать некоторые результаты многолетних исследований, к примеру, крупного на Средней Кубани Горькобалковского археологического комплекса VIII–IX вв. (Виноградов, Нарожный, Соков, 2001, с.138–167; 2003, с.114–141; 2004, с.179–199), хорошо датированного несколькими арабскими монетами VIII в. (Нарожный, Пелих, Соков, 2004, с. 319–231; Березина, Нарожный, Соков, 2007, с.64–

¹ Данная статуя с саблей в руке (судя по данным Е.Д. Фелицына – из окрестностей ст. Сторожевой), хотя и без дополнительных крестов на ней, как полагал В.С. Ольховский, имеет аналогию – изваяние из кургана № 5 могильника «Рясные Могилы» в Запорожье (Пьянков, 2006, с. 290, рис.3.3).

67). Погребения могильников этого археологического комплекса с этнокультурной точки зрения позиционируются как представители смешанного, «горско-тюркско-аланского» этнокомпонента (Виноградов, Нарожный, Соков, 2001, с.138–167; 2003, с.114–141; 2004, с.179–199). Эту характеристику подтверждают и исследования антропологов (Балабанова, 2004 с. 200–216). Важность указанных работ заключается не только в том, что здесь были выявлены следы нескольких этнокультурных групп населения, активно участвовавшего в таком смешении, явно, этнообразующего характера, включая и тюрков; присутствие которых надежно документируют, хотя и немногочисленные, каменные «оградки» над их захоронениями в каменных ящиках и грунтовых ямах, тамгообразный знак на одном из камней такой «оградки» и др. Важно и то, что все указанные процессы активно проявляются **уже, как минимум, к VIII веку**. Значительная часть тюркского населения Средней Кубани в указанное время находилась не только в процессе активного этнокультурного смешения с другими обитателями микрорегиона. Сегодня есть и веские основания полагать: именно смешанное население Средней Кубани, и округа Горькой Балки в частности, было к тому же христианизировано. Это подтверждается не только характером и спецификой трюположений скелетов (каменные ящики и дополнительные деревянные конструкции гробовидной формы внутри них, ориентировка головой на запад, практически полное отсутствие сопроводительного погребального инвентаря, а также – прочерченным изображением креста на одной из плит над одним из каменных ящиков могильника) (Малахов, Нарожный, 1997, с. 17–20). Христианизация VIII–IX вв., коснувшаяся, вероятно, не только население Средней Кубани, но и значительной части других этнокультурных групп Северного Кавказа, включая и тюрков. Именно эту ситуацию, скорее всего и иллюстрирует часть раннесредневековых статуи региона с высеченными на них (на лбу и по плечам лицевой стороны каменных статуй) крестов (рис.1, 1–2). Этот феномен вряд ли можно рассматривать только как явление эпизодического характера; на наш взгляд, ситуацию необходимо рассматривать сквозь призму известного пиетета, с которым средневековые тюрки относились к своим статуям-символам, при этом понимая, что на подобный шаг мог быть обусловлен какими-то важными или чрезвычайными причинами.

Несмотря на противоречивый и нередко, дискуссионный характер оценок роли и места, которые каменные изваяния занимали и играли в прижизненной повседневности раннесредневековых тюрков, будучи обусловленными их идеологическими представлениями, такие статуи выполняли в повседневной религиозно-обрядовой практике средневековых кочевников (как разноэтничных потомков древних тюрков, так и у половцев), важную роль. По поводу оценок этой роли, в свое время, справедливо отмечал Н.И. Веселовский: «едва ли в области русской археологии существует какой-либо вопрос более запутанный и темный, чем вопрос о «каменных бабах», о которых написано бесконечно много и в большинстве случаев совершенно бесплодно. Кто только ни касался этих памятников в печати! ...» (Веселовский, 1915, с. 408–410.). Несмотря на то, что работ по этому поводу, действительно, было издано немало, роль и функции подобных статуй до сих пор оцениваются различно, их краткий обзор см.: (Федоров–Давыдов, 1966, с.165–167 и сл.; Плетнева, 1974, с.5–11 и сл.; Кубарев, 2001, с. 24–54; Кубарев В.Д., Кубарев Г.В. 2013; Ермоленко, 2004; Полидович, 1997, с. 66; Пилипчук, 2013, с. 57–68; Шарипов, 2014, с.324–330 и др.) Древнетюркские изваяния, как и половецкие изваяния, нередко изготавливались с четко обозначаемыми гендерными их признаками (Усманова, Еременко, Мкртычев, Антонов, 2016, с. 94–108). Обычно статуи воспринимаются как символы древних, обожествляемых и героизированных образов «первопредков» и т.п. Не вдаваясь в детали разных точек зрения на этот счет, в т.ч. о «племенной», «родовой» или же «фамильной» принадлежности таких, строго почитаемых символов, следует полагать, что и «крещение» их части – явление не ординарное и, что самое главное, не случайное. Мотивированно оно должно было бы какими-то, нам неизвестными реалиями эпохи. По-всей вероятности, поскольку распространение христианства в регионе, как известно, шло из Византии и, особенно, посредством таких крупных религиозных центров на Кубани, как Нижнее Архызское и Ильичевское (на Урупе) городища, которые, скорее всего, и были центрами распространения этой «новой» идеологической системы, направленной, прежде всего, на явную консолидацию обитателей региона. Острую потребность в такой консолидации стала очевидной уже в рамках известного противостояния внешним угрозам, начиная, например, еще с арабо-хазарских войн (?), когда на «хазарской» стороне неоднократно выступали полиэтничные группы населения Северного Кавказа. Реально полагать, что именно христианство и могло стать одним из определяющих факторов для значительной части не только аланского, но и иного, соседнего с ними населения Северного Кавказа, включая и значительную часть тюркского населения Северного Кавказа. Именно таким способом, христианство

становится, причем, на весьма длительный промежуток времени, одним из важных, если, не основных, консолидирующих факторов, обеспечившим не только военно-союзнические отношения разнотнических обитателей Северного Кавказа, но и определившим те процессы этнокультурного межэтнического синтеза, примеры которого нам демонстрируют материалы всех трех Горькобалковских некрополей и не только они. На аналогичное восприятие проблемы указывает не только факт появления изваяний с изображенными на них крестами, не совсем точно названных «христианскими рыцарями», т.к. более правильно было бы называть их «христианскими батырами». К сожалению, ограниченный круг исходных источников (известное количество таких статуй), значительно затрудняет изучение затронутой проблемы. До сих пор, как уже отмечалось выше, например, доподлинно неизвестно изначальное количество не только статуй «древнетюркского» облика на Северном Кавказе, но и их «христианских» дериватов. Между тем, было бы интересным сравнивать их количество со статистикой «окрещенных» изваяний, или же, для определения плотности их географического средоточия на Северном Кавказе в сопоставлении, например, с картографической ситуацией расположения половецких статуй в регионе (Нарожный, Соков, 2016, с.237, рис.1). Тем не менее, сегодня можно утверждать следующее: несмотря на отсутствие интересующих нас сведений, традиция изготовления и, следовательно, почитания семиотического образа статуй «древнетюркского» происхождения, включая и статуи с крестами на них, для их современников, продолжалась не только на протяжении раннего средневековья. Как известно, интересующие нас статуи «древнетюркского» генезиса, в условиях Северного Кавказа эволюционно развивались, причем не только в «X–XII вв.», но и позднее, в XIII–XV вв., на что указывает, например, статуя из Черкесского музея (Нарожный, 1999, с. 58–62; 2003, с. 237–238). Продолжали они свое эволюционное развитие и в более позднее время, что документируют их еще более поздние дериваты (Соснина, 2000, с. 73); апогей традиции в этой эволюционно-хронологической «цепочке», вероятно, представляет известная статуя Дукка-Бек (о ней см.: Кузнецов, 1999, с. 83–99 и ср.: Фоменко, 2016, с. 210–212)². Сохранившиеся сведения о наиболее поздних образцах таких изваяний, косвенно указывают и на традиционный, включая и его изначальный ареал их распространения. Судя по сведениям француза Флориана Жилия (1858 г.), основная масса таких, поздних изваяний (рис. 1, 3–4), находилась «в Кяфарском ущелье» (Верхняя Кубань), где «могло находить 300 подобных фигур из камня» (цит. по: Соснина, 2000, с. 73).

Не менее дискуссионной является и проблема определения реальной датировки не только интересующих нас «христианских» статуй, но и иных их образцов. Нередко и, на наш взгляд не совсем точно, ранний этап их распространения, ошибочно сопоставляя их генезис с северокавказскими аланами (Соснина, 2000, с.72), датируют их периодом «X–XII вв.» (Соснина, 2000, с.72; Кузнецов, 2012, с.8–10 и сл.). Другие исследователи полагают, что статуи относятся ко времени «XIV–XVI вв.» (Малахов, 2008, с.695–696), хотя такая датировка может быть принята лишь к части изваяний. Раннесредневековая («X–XII вв.») датировка статуй, скорее всего, была «привязана», как представляется, к истории христианизации Северного Кавказа, начало которой (без учета более ранней Горькой Балки VIII–IX вв.), традиционно определяют с X в. (Кузнецов, 2002). Горькобалковский «куст» археологических объектов, сегодня заставляет значительно удревять начало этот процесса, в контексте которого и произошли интересующие нас изменения в мировоззрении какой-то части тюрок Кубани. Однако, ведя речь о христианизации кубанских тюрок, хотя и не только их, необходимо указать и на давнишний спор об отношении к оценкам конфессиональной принадлежности погребальных комплексов региона, обычно оценивавшимися «языческими» или «языческо-христианскими». Такое неоднозначное отношение современных специалистов к проблеме, в конечном итоге вызвали к жизни определение такого своеобразного содержания явления, как «этнизованного христианства» (Нарожный, 2014, с.147). Основную суть последнего точно раскрыл один из католических миссионеров средневековой эпохи – «брат Журден». Побывав на территории «епископства Каспийских гор» (округа Дербента) и повествуя о состоянии здесь христианства, «брат Журден» отметил: «Скажу о Каспийских горах, что там, на кресте приносят в жертву овец и делают это люди, называющие себя христианами, хотя они вовсе не христиане. Ничего они не смыслят в вере ...» (Нарожный, 2014, с. 147). Специфика этнизованного христианства на Северном Кавказе сохранялась длительное время. В его рамках сохранялась и традиция изготовления и почитания «христианизированных» статуй; в ареале распространения которых показательной и своеобразной является и материальная культура тюркоязычного населения горной зоны региона. К при-

² В указанной работе В.А. Фоменко предложенная им датировка изваяния необоснованно занижена.

меру, в погребальных комплексах средневековых предков современных балкарцев и карачаевцев, наряду с «языческим изобилием» погребального инвентаря XIII–XVIII вв. высокогорных районов зоны их традиционного обитания указанных народов, хотя и изредка, но встречаются предметы мелкой христианской пластики (Батчаев, 2009, с.213, табл. XIII, 9) и железные, клёпаные кресты (Батчаев, 2009, с.213, табл. XIII, 5,7) т.н. «кавказско-византийского типа»³, широко известные на Северном Кавказе (Ложкин, Малахов, 1996, с. 202–209). Такие кресты использовались, как известно, не только в церковно-церемониальной литургии, но и в повседневной христианско-обрядовой практике (Ложкин, Малахов, 1996, с. 202–209)⁴. Наличие такого населения с явными признаками наличия у них «этнизованного христианства», хотя и косвенно, подтверждает сведения некоторых фольклорных материалов, связанных с возвращением части предков балкарцев и карачаевцев, как повествует фольклорная версия, из золотоордынского города Маджара (Батчаев, 1988, с.160–180). Сюжет этот повествует об обитании части этого населения на р. Куме. По истечению некоторого времени они решают вернуться в зону активного обитания своих сородичей в регионе. Внимательное рассмотрение этих фольклорных данных позволяет признавать реальность факта изначального «выплеска» какой-то группы этого тюркоязычного населения из горно-предгорной зоны Северного Кавказа в степную полосу региона, вероятнее всего, в Прикумье и на Нижний Терек. После распада Золотой Орды, часть этих переселенцев продолжает оставаться в этой же зоне⁵; другие возвращаются на родину. Не менее интересно и то, что возвращающихся переселенцев, в силу того, что все они к этому времени, в отличие от их горских сородичей, уже исповедовали ислам. Именно по этой причине, как свидетельствует фольклор, горные тюрки, чья материальная культура, как отмечалось выше, с явными признаками этнизованного христианства, долго не хотела принимать переселенцев-мусульман, не разрешая им поселиться здесь. Конфликт этот приводил даже и к военным стычкам, прежде чем ситуация была полностью урегулирована (Нарожный, 2007, с. 14–28). Фольклорная версия этих, этногенетических процессов, несмотря на наличие в ней множества откровенно спорных моментов и больших информационных лагун, в своей основе кажется реалистичной⁶ и отражающей реальные события, а также этноконфессиональной специфики этого времени. На наш взгляд, версия вполне определенно вносит и коррективы в долго бытовавшее представление об исключительной роли половцев (О происхождении, 1960) в этногенезе балкарцев и карачаевцев⁷.

Затронутые в статье проблемы касаются многих слабо изученных в силу слабого их обеспечения источниками различных вопросов этнической истории тюркоязычных народов региона эпохи средневековья. Касаясь их, мы отдавали себе полный отчет в том, что все они нуждаются в дальнейшем, поэтапном и более углубленном изучении, в рамках которого необходимо учитывать лю-

³ Ныне такое определение крестов, на что в литературе уже указывалось (Савенко, 2017, с.104–117), оспаривается в пользу трактовки их только как византийских (Тесленко, Мусин, 2016, с. 204–219).

⁴ В связи с данной проблемой необходимо отметить, что еще в XVIII в., в горах Карачая («сел. Юлат» – Уллу-Эльт) находилась запертая христианская церковь, запертая и в которую «под страхом смерти» местные жители не пускали. Но через ее окна были хорошо видны книги духовного содержания, хранившиеся внутри, из-за чего эти известия имели широкий резонанс. Даже В.Н. Татищев в 1742 г. пожелал «охотно удостовериться» в реальности сообщений, но и его посланцам этого сделать не удалось. Впоследствии, сведения эти попали и в документ с автографом Екатерины II (Нарожный, 2017б, с.18–25). Позднее, внутрь церкви удалось попасть лишь П.С. Палласу, в своем отчете отметившего о получении им нескольких листов из книг той самой церкви. По его словам один из листов оказался листом из Евангелия XV в., другие – на греческом языке, из книг духовного содержания, которые используются в литургии вплоть до нашего времени (Виноградов, Нарожный, 1994, с. 3–8).

⁵ Судя по лаконичным данным – документальные источники некоего отставного российского «генерала Горича», которого считают одним из обрусевших потомков возможно тех же самых тюркоязычных переселенцев на Нижний Терек. Генерал Горич, ссылаясь на «давность» проживания его предков в этом микро-регионе, которые, по его словам, верно служили государству, ходатайствовал о передаче ему и родственникам земельных участков при Кизляре, название которого, по одной из последних версий, также производят от карачаево-балкарского социального титула – «козлар» (обзор версии см.: Нарожный, 2007, с. 14–28).

⁶ В.А. Кузнецов, возражая против такой постановки вопроса настаивает на том, что исходный вариант этого фольклорного свидетельства не тюркский, а дигорский (Кузнецов, 2013, с. 103–116 и сл.), что, в принципе, общеизвестно. Однако, проверке подвергалась не дигорская версия, а версия, записанная у балкарцев и карачаевцев и опубликованная В.М. Батчаевым (Батчаев, 1988, с. 160–180).

⁷ На наш взгляд, именно эти переселенцы с р. Кумы и Нижнего Терека и привнесли с собой «половецкую составляющую» в горы Балкарии и Карачая.

бые из известных историко-культурных данных, пытаясь превратить их в информационные материалы, имеющие право на существование. Правомерность их толкования, определенная дискусионность, смогут подтвердить или, наоборот, опровергнуть предлагаемые версии, но для этого важны, как представляется, коллективные усилия многих заинтересованных специалистов.

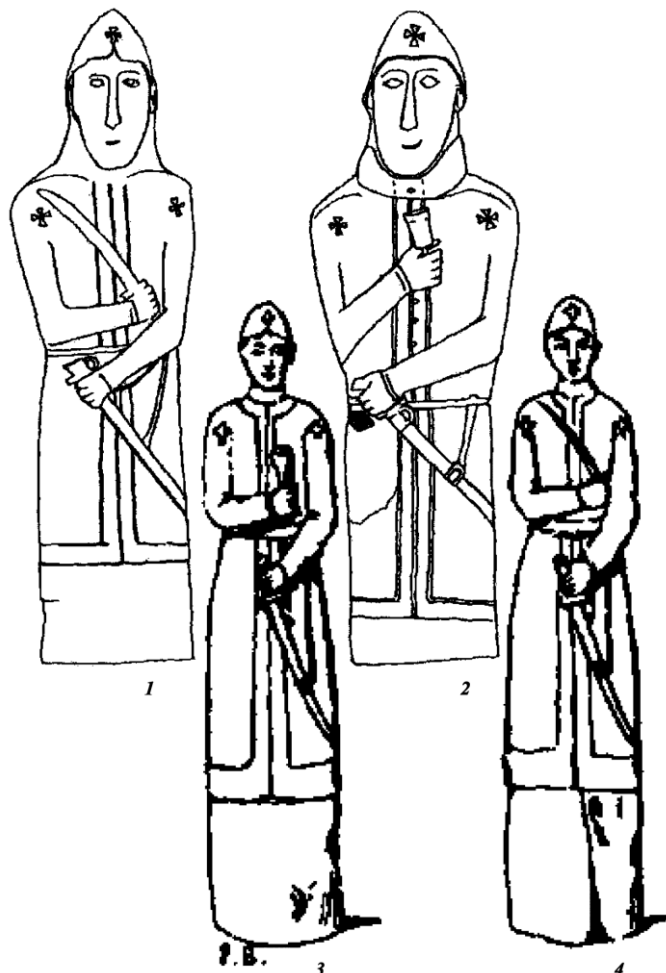

Рис. 1. Средневековые изваяния «христианских рыцарей» с территории Северного Кавказа

Fig. 1. Medieval sculptures of «Christian knights» from the territory of the North Caucasus

1–2. Статуя из окрестностей ст. Сторожевой (Верхняя Кубань).

Прорисовка с фото Е.Д. Фелицына (по: Пьянков, 2006, с. 290, рис. 3, 1–2)

1–2. A statue from the vicinity of Storozhev's village (Upper Kuban).

Drawing from the photo of E.D. Felitsyna (by: Pyankov, 2006, p. 290, Fig. 3, 1–2)

3–4. Статуи из «Кяфарского ущелья» (Верхняя Кубань).

Рисунок Ф. Жилия (1858 г.) (по: Соснина, 2000, с. 73, рис. 1)

3–4. Statues from the «Kafar Gorge» (Upper Kuban).

Figure F. Gilles (1858 g.) (by: Sosnina, 2000, p. 73, Fig. 1)

ЛИТЕРАТУРА

1. Балабанова М.А. Краниологическая характеристика раннесредневекового населения Северного Кавказа // МИАСК. Вып. 4. Армавир: Изд-во АГПУ, 2004. С. 200–216.
2. Батчаев В.М. «Мы пришли из Маджар»: факт или вымысел? // Вопросы средневековой археологии Северного Кавказа. Черкесск: ЧНИИГИ, 1988, с. 160–180.
3. Батчаев В.М. Балкария в XV – начале XIX вв. М.: ИАК, 2009. 240 с.
4. Березина Е.А., Нарожный Е.И., Соков П.В. Новые монетные находки эпохи раннего средневековья с территории Верхней и Средней Кубани // АЖ.№1-Армавир: АГПА, 2007. С.64–67.
5. Биджиев Х.Х. Тюрки Северного Кавказа. Черкесск, 1983. 275 с.
6. Веселовский Н.И. Современное состояние вопроса о «каменных бабах» или «балбалах» // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей – Одесса, 1915. Т. XXXII. С. 408–444.

7. Виноградов В.Б., Нарожный Е.И. Плагиат Екатерины II // Российский исторический журнал, 1994, № III. С. 3–8.
8. Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Соков П.В. Горькобалковский могильник № 2 VIII–IX вв. (Публикация материалов) // МИАК. Вып. 1. Краснодар, 2001. С.138–167.
9. Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Соков П.В. Горькобалковский могильник № 2 VIII–IX вв. (2) (Публикация материала) // МИАСК. Вып.1. Армавир, 2003. С.114–141.
10. Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Соков П.В., 2004. Горькобалковский могильник № 2 VIII–IX вв. (3) (Публикация материалов) // МИАСК. Вып. 4. Армавир, 2004. С.179–199.
11. Ермоленко Л.Н. Средневековые каменные изваяния казахстанских степей- Новосибирск, 2004. 132 с.
12. Квитницкий М.В. Потрясения в духовной культуре половцев Восточной Европы XIII–XIV вв. (по данным археологии) // *Stratum plus*. 2016. №6: *Pax Mongolica* и евразийские потрясения XIII–XIV вв. Санкт-Петербург – Одесса – Кишинев – Бухарест, 2016. С. 45–68. URL: https://www.e-anthropology.com/Katalog/Numizmatika-i-Epigrafika/STM_DWL_uahj_sGN5Cqca1wV7.aspx
13. Князький И.О. Русь и Степь. М.: РГНФ, 1996. 132 с.
14. Кубарев В.Д. Изваяние, оградка, балбалы (о проблемах типологии, хронологии и семантики древнетюркских поминальных сооружений Алтая и сопредельных территорий) // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья- Барнаул: АГУ, 2001. С. 24–54.
15. Кубарев В.Д., Кубарев Г.В. Каменные изваяния древних тюрок Южной Сибири. Каталог – Новосибирск, 2013. 79 с.
16. Кузнецов В.А. Изваяние «Дука-Бек» (историко-археологические проблемы) // Историко-археологический альманах. Армавир-М.: АКМ, 1999. Вып. 5. С. 83–99.
17. Кузнецов В.А. Христианство на Северном Кавказе до XV в. Владикавказ, 2002. 159 с.
18. Кузнецов В.А. Древности Архыза и Кяфара. Пятигорск, 2012. 80 с.
19. Кузнецов В.А. Археологические данные о происхождении дигорских Баделят // Археология и этнология Северного Кавказа. Вып.1-Нальчик: КБИГИ, 2013. С.99–109.
20. Кузнецов В.А. Иранизация и тюркизация центральнокавказского субрегиона // МИАР. Вып.1: Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. Москва, 1997 // Портал: «Археология России», www.archeologia.ru
21. Кузнецов В.А. Тюркские изваяния из Пятигорья // Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии Вып. 1-Нальчик, 1980. С. 59–78.
22. Ложкин М.Н., Древние каменные статуи Приурупья // XII «Крупновских чтений» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. М., 1982. С. 44–45.
23. Ложкин М.Н. Фотографии утраченных памятников кубанской старины // ИАА. Вып. 2. Армавир-М.: ИАА, Вып.2, 1996. С.132–136.
24. Ложкин М.Н., Малахов С.Н. Железные кресты византийско-кавказского типа из Отраденского музея // ИАА. Вып. 2. Армавир-М., 1996. С. 202–209.
25. Малахов С.Н. Северокавказские каменные изваяния с христианскими символами: итоги и перспективы изучения // МИИКНСК. Вып. VIII: Крупновские чтения. 1971–2006 гг. М.: Памятники исторической мысли. 2008. С. 695–696.
26. Малахов С.Н., Малахова А.С. Краевед М.Н.Ложкин и его вклад в изучение историко-культурного наследия Кубани. Армавир: АГПУ, 2016. 284 с.
27. Малахов С.Н., Нарожный Е.И. О находках каменных крестов на территории Средней Кубани // Четвертые чтения по археологии Средней Кубани: Материалы конференции. Армавир: АГПИ, 1997. С.17–20
28. Минаева Т.М. К вопросу о половцах на Ставрополье по археологическим данным // МИСК. Вып. 11. Ставрополь, 1964. С.167–196.
29. Нарожный Е.И. О каменной статуе из Черкесского музея (по поводу историко-культурной атрибуции Т.М. Минаевой и Х.Х. Биджиева) // III «Минаевские чтения». Материалы научной конференции – Ставрополь: СГУ-СКМ, 1999. С. 58–62.
30. Нарожный Е.И. О раннесредневековых изваяниях Прикубанья (некоторые аспекты проблемы) // Девятые чтения по археологии Средней Кубани. (Краткое содержание докладов). Армавир. АГПИ. 2002а. С.35–39.
31. Нарожный Е.И. О верхнекубанских средневековых изваяниях // МИАК. Вып. 2. Краснодар. 2002б. С.131–143.
32. Нарожный Е.И. Новый вариант версии тюркизации предков современных балкарцев (по поводу двух публикаций В.М. Батчаева) // История и культура народов Северного Кавказа. Пятигорск: ПГТУ, 2007. Вып. 8. С. 14–28.
33. Нарожный Е.И., Этапы тюркизации Северного Кавказа (некоторые проблемы и перспективы изучения) // Аланы и ясы в этнической истории регионов Евразии. Материалы всероссийской научной конференции с международным участием. Карачаевск: КГУ, 2010. С.175–193.

34. Нарожный Е.И. Конфессиональный синкретизм XIII–XV вв. в погребальных обрядах населения Северного Кавказа // Религия в истории народов России и Центральной Азии. Материалы II международной научной конференции. Барнаул: Изд-во АГУ, 2014. С.147–152.
35. Нарожный Е.И. «Рах Mongolica и евразийские потрясения XIII–XIV веков» в оценках современных отечественных и зарубежных исследователей (Stratum plus, 2016. №6: Рах Mongolica и евразийские потрясения XIII–XIV веков / отв. ред. Н.Д. Русев. Санкт-Петербург – Одесса – Кишинев – Бухарест, 419 с.) // Золотоордынское обозрение (в печати).
36. Нарожный Е.И. В.Н. Татищев и Екатерина II: первые шаги в изучении средневековых памятников Северного Кавказа // Известия СОИГСИ. Вып 24 (63), Владикавказ, 2017б. С.18–25.
37. Нарожный Е.И., Пелих А.Л., Соков П.В. Раннесредневековый дирхем с территории Горькобалковского могильника № 1 // МИАСК. Вып. 4. Армавир, 2004. С.319–321.
38. Нарожный Е.И., Соков П.В. Горькобалковский археологический комплекс VIII–IX вв. Некоторые итоги и перспективы изучения (К 15-летию охранно-спасательных археологических исследований) // Археология степной Евразии. Международный сборник научных трудов – Кемерово – Алматы. 2008. С.17–39.
39. Нарожный Е.И., Соков П.В. География событий 1222 года на Северном Кавказе // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы Седьмой международной научной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова. Казань–Ялта–Кишинёв, 2016. С.232–237.
40. Нарожный Е.И., Соков П.В. Горькобалковский археологический комплекс VIII–IX вв.: реалии и домыслы этнокультурной атрибуции // ANRIORI. Гуманитарные науки. Эл. журнал. 2016. №5. С.1–17. <http://www.apriori-journal.ru/serial/5-2016/Narozhnyj-Sokov.pdf>
41. О происхождении балкарцев и карачаевцев. Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов (22–26 июня 1959 г.). Нальчик, 1960. 335 с.
42. Пилипчук Я.В. «Половецкие бабы» как источник по социальной истории кыпчаков // Казахская цивилизация. №3 (52). Алматы, 2013. С.57–68.
43. Полидович Ю.Б. Половецкие каменные изваяния – изображения богов? // Проблемы истории и археологии Украины. К 140-летию акад. Д.И. Багалея. Тезисы докладов научной конференции 16–18 апреля 1997 г. Харьков. 1997. С.66.
44. Полидович Ю.Б., Усачук А.Н. Вторая жизнь средневековых каменных изваяний // СЕЭС. Т. 10. Донецк, 2012. С.198–260.
45. Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния // САИ. Вып. Е4–2. М.Наука, 1974. 200 с.
46. Пьянков А.В. Загадки средневековой скульптуры Северо-Западного Кавказа // Кубанский сборник. Т.1 (22) – Краснодар, 2006. С.283–401.
47. Савенко С.Н. Погребение XIII–XIV вв. н.э. с железным крестом в горной Ингушетии: вопросы интерпретации // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Сборник научных статей. Вып. 9. Ставрополь: Печатный Двор, 2017. С. 104–117.
48. Соснина Е. «Край этот причудлив ...». Малоизвестные страницы истории Кавминвод (Новые переводы с французского яз.). Пятигорск, 2000. 78 с.
49. Тесленко И.Б., Мусин А.Е. Железные кресты средневековых памятников: «византийско-кавказские» или византийские? // Археологическая наука: практика, теория, история. Сборник статей памяти И.С. Каменецкого. М.: ИА РАН, 2016. С. 204 – 219.
50. Усманова Э.Р., Еременко Л.Н., Мкртычев Т.К., Антонов М.А. Гендерная символика на средневековом каменном изваянии // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология, этнология, антропология. Иркутск, 2016. Т.17. С. 94–108.
51. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: МГУ, 1966. 274 с.
52. Фоменко В.А. О датировке и культурной принадлежности изваяния Дука-Бек // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 9(71). С. 21–212.
53. Шарипов Р.Г. Мировоззрение древнетюркской кочевой элиты и культ каменных изваяний // Вестник Башкирского университета. Уфа, 2014. Т. 19. №1. С. 324–330.

Список сокращений

- АГПА – Армавирская государственная педагогическая Академия;
 АГПИ – Армавирский государственный педагогический институт;
 АГПУ – Армавирский государственный педагогический университет;
 АГУ – Алтайский государственный университет;
 АЖ – Археологический журнал;
 АКМ – Армавирский государственный музей;
 ИАК – Общество с ограниченной ответственностью «Институт археологии Кавказа» (г. Нальчик);
 КБИГИ – Кабардино-Балкарский государственный институт гуманитарных исследований;

КГУ – Карачаевский государственный университет;
КубГУ – Кубанский государственный университет;
МИАК – Материалы и исследования по археологии Кубани;
МИАР – Материалы и исследования по археологии России;
МИАСК – Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа;
МИИХНСК – Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа;
МИСК – Материалы по изучению Ставропольского края;
ПГТУ – Пятигорский государственный технологический университет;
САИ – Свод археологических источников;
СГУ – Ставропольский государственный университет;
СЕЭС – Степи Европы в эпоху средневековья;
СКМ – Ставропольский краеведческий музей;
СОИГСИ – Северо-Осетинский институт гуманитарных исследований;
ЧНИИГИ – Черкесский научно-исследовательский институт гуманитарных исследований.

E.I. Narozhnyi, P.V. Sokov

ABOUT ONE GROUP OF MEDIEVAL STONE SCULPTURES OF THE NORTH CAUCASUS («CHRISTIAN KNIGHTS»). SOME DISCUSSION ASPECTS

Based on information on known finds of medieval stone statues in the North Caucasus, attention is paid to their small group in the article, in addition to the outwardly distinctive features of images of crosses additionally stamped on them (forehead, shoulders). Named in the nineteenth century. «Christian knights», the earliest of them, were clearly made in the ancient Turkic traditions. Dating differently, these statues also have later derivatives. Perceiving the revered statues as a certain semantic image, their group with crosses should probably be considered especially, considering, for example, archaeological materials from the Middle Kuban. Gorkobalkovsky archaeological complex VIII–IX centuries. From there, it not only documents the process of active ethnocultural confusion of this population, including the Turks, but also the fact of their marked Christianization, probably due not only to the external missionary influence of Byzantium, but also to the consolidating tasks demonstrated, for example, by the Arab-Khazar wars. Christianization, the nature of which is determined by the essence of «ethnized Christianity», persisted and in the late Middle Ages was accompanied by the preservation of the tradition of veneration of statues, including, and with the same crosses, although the statues themselves acquire different chronological and evolutionary characteristics.

Keywords: Medieval Turks, Northern Caucasus, statues of «ancient Turkic» appearance, Polovtsian statues, Christianization and Islamization of medieval nomads.

Сведения об авторах:

Нарожный Евгений Иванович – доктор исторических наук, заслуженный работник культуры Кубани, заведующий сектором системного изучения археологических памятников Непубличного акционерного общества (НАО) «Наследие Кубани» (г. Краснодар); zai_ein@mail.ru

Соков Павел Вадимович – кандидат исторических наук, главный специалист НАО «Наследие Кубани» (г. Краснодар)

Narozhnyi Evgeniy – Doctor of Historical Sciences, Honored Worker of Culture of the Kuban, Head of the Sector of System Study of Archaeological Monuments of the Non-public Joint Stock Company (NJSC) «Legacy of the Kuban» (Krasnodar)

Sokov Pavel – Candidate of Historical Sciences, Chief specialist of the NJSC «Legacy of the Kuban» (Krasnodar)

УДК 930.23

ЦАРЕВИЧ КАСИМ НА СЛУЖБЕ ИВАНУ III: КАК КАСИМ ПЫТАЛСЯ ДОБЫТЬ КАЗАНСКИЙ ПРЕСТОЛ В 1467 г.

© 2017 г. М.А. Несин

В данной работе на основе комплексного анализа источников автор рассматривает историю службы Касима великому московскому князю Ивану III, и выявляет причину неудачи, постигшую Касима в попытке занять Казанский престол. Кроме того, исследователь затрагивает вопрос о происхождении прозвища Касима – Трегуб.

Ключевые слова: Касим, Иван III, Касимов, Казанское ханство, Великое княжество московское, Халиль, Ибрагим.

Данная статья является продолжением опубликованной в данном издании моей работы о службе царевича Касима у великого московского князя Василия II (Несин, 2016 б).

Одним из важнейших событий в служебной биографии служилого касимовского царевича Касима стала его попытка занять освободившийся в 1467 г. казанский престол. Именно в связи с этими событиями Касим фигурирует в источниках во время правления великого Московского князя Ивана III. Этому походу посвятил отдельный параграф Б.Р. Рахимзянов (Рахимзянов, 2009, с. 106–111) и уделил немало внимания с точки зрения истории походов русских войск Ю.Г. Алексеев (Алексеев, 2009, с. 38–44). Однако в их трудах недостаточно раскрыты причины неудачи данного предприятия, и не дано удовлетворительное объяснение разноречивых свидетельств источников о том, что же все-таки заставило Касима и его спутников отказаться от своих намерений и вернуться назад. Решению этой задачи в значительной степени и посвящено настоящее исследование.

В отличие от своего отца, Василия II, в течении многих лет поддерживавшего с казанским ханом Махмудом мирные отношения, Иван III уже в первый год своего правления послал войска на территорию Казанского ханства (Несин, 2016а). По выражению Ю.Г. Алексеева, Московское княжество перешло к «стратегическому наступлению» на Казанское ханство (Алексеев, 2009, с. 20). А некоторое время спустя и вовсе попытался посадить на казанский престол своего служилого царевича – Касима.

В 1467 г. в Казани скончался местный хан Халиль¹, племянник Касима, и некоторые представители казанской элиты пригласили того занять престол. Великий московский князь Иван III решил этим воспользоваться, ведь интронизация в Казани Касима могла бы помочь подчинить Казанское ханство московскому влиянию, и отправил Касима к Казани (тогда же вероятно, великий князь послал гонцов в расположенные недалеко от границ Казанского ханства русские города с приказом приготовиться к обороне).

На день Воздвижение креста (ПСРЛ, 1959, с. 222; ПСРЛ, 1962, с. 126), 14 сентября 1467 г. по приказу Ивана III Касим вместе со своим отрядом и великокняжескими войском выступил из г. Владимира на Клязьме в поход на Казань (ПСРЛ, 2000б, с. 183): (о том, что Касим выполнял «службу» Ивана III, говорит и заголовок летописного рассказа великокняжеского летописного свода о данном походе (ПСРЛ, 1959, с. 222; ПСРЛ, 1962, с. 126)). В известиях Ермолинской летописи, а также безусловно восходящих к общему источнику рассказах кратких московских летописных сводах конца XV в., Новгородской летописи по списку Дубровского и Устюжского свода, также указано, что Касим был отправлен Иваном III с русским войском (ПСРЛ, 1910а, с. 158; ПСРЛ, 1962, с. 276; ПСРЛ, 1937, с. 91; ПСРЛ, 2000 а, с. 498; Несин, 2016б, с. 191; Несин, 2017, с. 398–399).

Предчувствуя возможность столкновения с другой частью казанской элиты, сторонниками хана Ибрагима, великий московский князь отправил с Касимом свой двор во главе с воеводами – князьями И.В. Стригой-Оболенским и И.Ю. Патрикеевым. Среди воевод значится также князь

¹ Имя Халиля, сына Махмуда и брата Ибрагима, как известно, не упомянуто в рассказах русского летописания, а фигурирует только в татарских родословных казанских ханов и записках С. Герберштейна. Год воцарения Халиля неизвестен.

Д.Д. Холмский. (В отличие от Ю.Г. Алексева (Алексеев, 2009, с. 41), я не думаю, что упоминание в летописях разных имен воевод говорит о неосведомленности летописцев, и реальном противоречии с версией великокняжеского хрониста, которую ученый считает наиболее верной. В великокняжеском своде – как в заголовке рассказа о поездке Касима, так и в самом повествовании о ней, прямо сказано, что с ним пошли разные русские великокняжеские «воеводы» (ПСРЛ, 1959, с. 222; ПСРЛ, 1962, с. 126). Некоторые расхождения, по-видимому, заключались в том, кто из воевод был главный – Стрига-Оболенский, или Патрикеев. Вероятно, первый осуществлял общее руководство, а второй – непосредственное управление войсками, или командование во время боевых действий. Холмский же играл второстепенную роль и упомянут лишь в одном источнике (ПСРЛ, 1853, с. 187). Впрочем, к тому времени Холмский еще не стал прославленным полководцем, звезде его славы еще предстояло взойти. Кроме того, есть упоминание об участии в походе удельных князей – «братья» московского великого князя. А по воде в Казань в помощь Касиму Иван III отправил согласно Типографской летописи, судовую рать (ПСРЛ, 2000б, с. 183) которая, очевидно, должна была проследовать по р. Клязьме и Оке, в Волгу, и далее, от Нижнего Новгорода, вниз по Волге до Казани. Ю.Г. Алексеев скептически относился к сведениям об участии в походе судовой рати и считал, что упоминание о ней «ставит под сомнение» приведенный хронистом состав войска (Алексеев, 2009, с. 39). Однако, как будет видно в дальнейшем она, а точнее, ее опоздание, сыграло важную роль во всем предприятии, а может быть и в судьбе Казанского ханства и Касимова, политическая история которых в случае воцарения в Казани Касима могла бы пойти по иному сценарию.

Но судовая рать по рекам шла, очевидно, существенно медленнее конницы. А может быть, и вовсе на полпути повернула назад из-за нехватки продовольствия, пополнить запасы которого ей в условиях бывшего в тот год осеннего неурожая было сложно. В судовые рати обычно шли простые люди, а не профессиональные воины. И, если великокняжеская администрация не снабдила их значительным количеством провианта, проблема голода стояла для них острее, чем для служилых людей.

Так в 1234 г., когда литовцы напали на юг Новгородской земли, Ярослав «съ новгородьци, въседавъше въ насады, а инии на конихъ, поидоша по нихъ по Ловоти; и яко быша у Моравиина, и въспятишася лодьиници отголе въ городъ, и князь я отпусти: недостало бо у нихъ бяше хлеба; а самъ поиде съ коньники по нихъ» (ПСРЛ, 2000б, с. 183). Сведений о традиции государственного снабжения судовых ратей в XV в. у нас нет. Согласно Устюжскому летописному своду, летом 1469 г. Иван III выдал устюжской судовой рати 700 четвертей муки, 300 пудов масла, 300 луков, 6000 стрел, 300 шуб бараньих, 300 однорядок из иностранного сукна и 300 сермяг, после чего отправил ее в новый военный поход на Казань «на зимование» (ПСРЛ, 1982, с. 47, 92). (Любопытно что эти продукты – мука и масло – вполне соответствуют выявленному А.В. Зориним походному рациону служилых людей XVII ст. (Зорин, 2016, с. 339)). Надо думать, они являлись основной пищей русских средневековых воинов, как служилых, так и ополченцев. А мясо, которое также иногда входило в рацион бойцов (Пенской, 2016, с. 89, 91, 98), было скорее исключением, чем повседневной пищей во всех кампаниях.

Вместе с тем, данное свидетельство устюжского летописца весьма проблематично отнести к описанию обычной практики снабжения судовых ратей: судя по контексту летописного рассказа, все это было выдано устюжанам в качестве награды за достойное участие в прошлом, неудачном для русских войск походе на Казань: дважды выплатили по «деньге», а «в третье» – муку, масло и т.д. (ПСРЛ, 1982, с. 47, 92). К тому же стоит учесть, что устюжской рати, численность которой составляла около 300 человек, этих продуктов хватило бы по подсчетам Ю.Г. Алексева (Алексеев, 2009, с. 85), лишь на первый месяц. Они служили некоторым подспорьем, но отнюдь не решали проблем, связанных с необходимостью добывания пропитания самим под Казанью в ходе «зимования». Даже если предположить, что в 1467 г. судовая рать была снабжена не хуже, в условиях осеннего недорода бойцы могли не захотеть рисковать участвовать в долгой кампании и предпочли заблаговременно повернуть домой, пока у них не истощились взятые в дорогу припасы. Тем более что сошедшему с судна пешему ратнику было сложнее, чем конному служилому человеку, удалиться на чужбине от своего лагеря для грабежей местного населения, так как в случае встречи с казанской конницей он был значительно более уязвим. Это тоже могло послужить мотивацией для судовой рати в ту неурожайную осень не задерживаться в походе до истощения дорожных запасов пищи и заблаговременно повернуть домой.

Так, или иначе, но когда Касим со своими татарами и великокняжеским двором оказался на правом берегу Волги, не доходя Казани 40 км в районе Звеничева бора (ПСРЛ, 1982, с. 91) и устья

р. Свияги (ПСРЛ, 2000б, с.183)², его встретили вооруженные казанцы. Победу к тому времени одержали приверженцы Ибрагима и прежние сторонники Касима, которые, по-видимому, теперь выражали лояльность новому хану. По словам великокняжеского летописного свода, Касима они позвали на ханство «лестью» – обманом, а тот напрасно «надеявсь» на искренность их намерений и зря явился с «силой» великого князя (ПСРЛ, 1959, с. 223; ПСРЛ, 1962, с. 126). Это, конечно, не следует понимать буквально, что они изначально обманывали Касима. Ведь себе они никаких выгод не приобрели, да и ему не принесли ущерба. Очевидно, они одно время хотели видеть его на казанском престоле. Другое дело, что к приезду Касима политическая обстановка изменилась и никто из казанцев его не поддержал.

Далее летописи придерживаются трех основных версий:

1) Касиму не дали переправиться за реку в Казань и тот вернулся назад, не «учинив» ничего (ПСРЛ, 1910а, с. 158; ПСРЛ, 1959, с. 2223; ПСРЛ, 1962, с. 126).

2) То же самое. Но причиной отхода Касима и русского войска были заморозки, в результате которых в великокняжеском воинстве начался страшный голод, людям приходилось есть конину (ПСРЛ, 2000б, с. 183)¹.

3 а) К приезду Касима казанские татары были на лодках у правого берега. Русские попытались захватить суда чтоб переправиться за реку, но татары услышав клич великокняжеского постельничего Айдара, поспешно уплыли (ПСРЛ, 1962, с. 276, 350; ПСРЛ, 1937, с. 46, 91).

3 б) при этом другая русская «сила» не поспела (ПСРЛ, 1962, с. 276, 350; ПСРЛ, 1937, с. 91). Под одной силой, очевидно, надо понимать русскую судовую рать – именно она могла бы перехватить на воде татарские суда. Но не явилась в срок на помощь своим.

Эти версии никак не противоречат, а скорее дополняют друг друга. Касим так и не сумел переправиться через Волгу, казанские татары не желали вступать в открытое столкновение с сильным великокняжеским войском и поспешили уплыть, а русские без судов не знали, как переправиться в Казань, и бескормица побудила отступить. Великокняжеский летописец сообщает, что осень была студеная и дождливая и не стало доставать корма, а христиане в постные дни мясо ели (значит дело было в Филиппов пост длившийся с 15 ноября до 25 декабря – М.Н.), а их кони мерли от голода (ПСРЛ, 1959, с. 223; ПСРЛ, 1962, с. 126).

Что касается самих людей, то они, по-видимому, в массе своей оставались живы, хотя по версии Типографской летописи они ели конину (ПСРЛ, 2000б, с. 183) – очевидно, мясо тех своих коней, что не померли голодной смертью. Вот это-то и имел ввиду великокняжеский хронист отмечая что христиане нарушали пост ели мясо, да еще и конское! Любопытно, что согласно великокняжеской летописи, многие великокняжеские бойцы на обратном пути побросали доспехи (ПСРЛ, 1959, с. 223; ПСРЛ, 1962, с. 126) – очевидно, что их теперь просто не на чем было везти. Великий князь не стал взysкивать за это со своих воинов и воевод. Ни Стрига-Оболенский, ни Патрикеев не утратили доверия великого князя. А Холмский и вовсе в 1471 г. станет одним из самых главных и славнейших великокняжеских полководцев. В те времена (и позднее) бескормица считалась уважительным поводом отложить военный поход русских войск, а московские войска в XV в. обычно не брали больших запасов провианта и фуража, рассчитанных на многодневный, а тем более много-недельный поход, и для них было вполне естественно ходить «по корм», в «зажитье», добывать это у окрестного населения (Несин, 2016, с. 152–154)³. В данном случае весьма показательно вышеуказанное замечание летописца, что из-за холода и дождей не стало корма и у людей и у коней. Совершенно очевидно, что здесь не может идти речь о подножном корме, годном разве что коням в пищу. Несомненно, речь шла о том, что у окрестного населения погибла часть урожая и войско Ивана III не могло у них в достаточном количестве забрать провианта для себя, а также корма и фуража для коней. А привычку русских войск к такому способу пополнения своих припасов официальный московский хронист считал обычной и не нуждавшейся в пояснениях. Но в тот раз на пути у воинства встала непогода, сгубившая у крестьян урожай, на который оно претендовало.

Касиму и так и не суждено было стать ханом Казани, он так и остался касимовским «царевичем». Казанское ханство просуществовало еще почти век и в нем не правил ни Касим, ни его сын

² Ю.Г. Алексеев считал, что сообщение Устюжского свода и Типографской летописи противоречат друг другу, ибо р. Свияга впадает в Волгу против Казани, а Звеничев бор находился не доезжая 40 км (Алексеев, 2009, с. 40). На самом деле устье Свияги расположено примерно на 30 км выше исторического центра Казани.

³ Эта практика имела древние традиции (Моисеев, 2012).

Данияр, бывший в 1467 г. уже не в очень детских годах (с начала 1470-х гг. он – участник военных походов).

Не исключено, что в 1467 г. под Казанью Касим получил повреждение лица. Известно, что он носил прозвище Трегуб, так в старину называли людей с врожденным дефектом лица – заячьей губой, хотя, как отметил А. Г. Бахтин, Касим мог приобрести подобное увечье в бою (Бахтин, 2008, с. 157). Под таким прозвищем он фигурирует исключительно в поздних памятниках, составленных в XVI в. (ПСРЛ, 1910, с. 268; ПСРЛ, 1982, с. 88; ПСРЛ, 2000а, с. 455). Летописи XV в. упоминали это прозвище уже применительно к его сыну – Данияру «Трегубову сыну» (ПСРЛ, 1959: 250; ПСРЛ, 2007, с. 242). Любопытно, что Московское летописание XV в. спокойно неоднократно упоминало разные прозвища видных служилых людей. А вот Касима при его жизни Трегубом не назвало. Вполне вероятно, что он его получил в самые последние годы жизни, пострадав, к примеру, во время перестрелки под Казанью. Поэтому для людей, живших в 70-е г. XV в. и в следующем XVI в., он был хорошо известен как Трегуб, но для современных хронистов – нет, так как после 1467 г. он в их летописных записях больше не фигурирует. Да и вообще, после неудачного осеннего похода великокняжеских войск на Казань 1467 г. Касим больше не упоминается в источниках.

Время смерти Касима неизвестно. По справедливому замечанию ученых, вероятно умер он около 1469 г. Исследователи приводят следующий аргумент: в тот год русские войска, отступавшие от окрестностей Казани в сторону Нижнего Новгорода, где-то неподалеку от Звеничева бора (находившегося в 40 км от Казани вверх по течению р. Волги), встретили его жену, мать Ибрагима (Вельяминов-Зернов, 1863, с. 67; Рахимзянов, 2009, с. 110–111) Та им сказала, что ее отпустил Иван III, и пообещала наладить мир между Казанью и Москвой. Касим, таким образом, как верно полагают исследователи, был по тюркскому обычаю после смерти своего покойного брата Махмуда женат на его вдове, матери Ибрагима. Теперь, возможно, в связи со смертью Касима, его супруга была отпущена в Казань к сыну.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. СПб., 2009. 467 с.
2. Бахтин А.Г. Образование Касимовского и Казанского ханств. Йошкар-Ола., 2008. 252 с.
3. Зорин А.В. Проблема средневековой логистики на Руси (отзыв на работы Пенского В.В. «...И запас пасли на всю зиму до весны»: логистика в войнах Русского государства эпохи позднего Средневековья – раннего Нового времени» и Несина М.А. «Из истории логистики русских войск в XV – начале XVI в.») [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2016. Т. VIII. С. 310–346. URL: http://www.milhist.info/2016/06/24/zorin_1 (24.06.2016).
4. Моисеев Д.А. Снабжение продовольствием – «зажитье» (XII в.), «по корм» (XIII в.), «волость труще» (XIV в.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.imha.ru/1144536804-snabzhenie-prodovolstviem-russkoy-armii.html> (24.07.2012).
5. Несин М.А. Из истории логистики русских войск в XV – начале XVI в. (отзыв на работу Пенского В.В. «...И запас пасли на всю зиму до весны»: логистика в войнах Русского государства эпохи позднего Средневековья – раннего Нового времени») [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2016. Т. VIII. С. 134–166. URL: http://www.milhist.info/2016/04/27/nesin_7 (27.04.2016).
6. Несин М.А. Казанский хан Махмуд и Василий II // GLOBAL-Turk. Астана, 2016. Вып. 3/4. С. 116–135.
7. Несин М.А. Статус касимовских Чингизидов при Василии II и Иване III по данным письменных источников // Золотоордынское обозрение. Казань, 2017. Т. 5. Вып. 2. С. 397–411.
8. Несин М.А. Царевич Касим на службе Василию II // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2016. Вып. 8. С. 186–193.
9. Пенской В.В. «...И запас пасли на всю зиму до весны»: логистика в войнах Русского государства эпохи позднего Средневековья – раннего Нового времени [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2016. Т. VIII. С. 85–106. URL: http://www.milhist.info/2016/03/31/penskoj_8 (31.03.2016).
10. ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6; СПб., 1910. Т. 20. Ч. 1; СПб., 1910. Т. 23; М., Л., 1959. Т. 26; М., Л., 1962. Т. 27; Л., 1982. Т. 37; М., 2000. Т. 3; М., 2000. Т. 4. Ч. 1; М., 2000. Т. 24; М., 2007. Т. 18.
11. Рахимзянов Б.Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. Казань., 2009. 207 с.

Список сокращений

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.

*М.А. Несин***TSAREVICH KASIM ON SERVICE IVAN III:
HOW TO TRY TO EXTRACT THE KAZAN PRELIMON IN 1467**

In this article, based on a comprehensive analysis of sources, the author examines the history of Kasim's service to the great Moscow prince Ivan III, and reveals the cause of the failure that befell Kasim in an attempt to occupy the Kazan throne. In addition, the researcher raises the question of the origin of the nickname Kasim – Tregub.

Keywords: Kasim, Ivan III, Kasimov, Kazan Khanate, Grand Duchy of Moscow, Khalil, Ibrahim.

Сведения об авторе:

Несин Михаил Александрович – аспирант Воронежского государственного университета, младший научный сотрудник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург); petergof-history@yandex.ru

Nesin Mikhail – Postgraduate of Voronezh State University, Junior Researcher of the Military Historical Museum of Artillery, Engineer and Signal Corps (Saint Petersburg)

УДК 94(57)+94(574)"15/17"

К ВОПРОСУ О «ВЕЛИКОДЕРЖАВНОЙ» ПОЛИТИКЕ ШИБАНИДА ИБАК-ХАНА

© 2017 г. А.В. Парунин

Сибирская государственность конца XV–XVI вв. отражена в письменных источниках наименее последовательно и интенсивно. Отчасти это связано с географической удаленностью государственных образований сибирских Шибанидов, их слабой интеграцией в политическое и культурное пространство поволжских тюрко-татарских государств. Для последних десятилетий XV века история Тюменского ханства неразрывно связывалась с историей Ногайской Орды, стремившейся закрепиться на внешнеполитической арене. Эти попытки были отражены прежде всего в посольской документации. По материалам посольских книг практически целиком прослеживается биография шибанида Ибак-хана, вовлеченного после убийства хана Ахмата в 1481-м году в западные дела. В историографии внешнеполитическая активность Тюменского ханства обычно трактовалась как попытка укрепиться на золотоордынском престоле, реанимировав тем самым рухнувшую державу. В данной статье предлагается иное видение и решение проблемы участия Шибанидов в поволжских делах. Предлагается основным лейтмотивом внешней политики Ибак-хана видеть не желание стать очередным золотоордынским ханом, а закрепиться в той политической реальности, что формировалась в поволжском регионе.

Ключевые слова: Тюменское ханство, ногаи, шибаниды, Ибак, посольские книги, Большая Орда, Крым.

Очередная активизация внешнеполитических усилий шибанида Ибак-хана в начале 1490-х гг. напрямую связана с многолетним противостоянием Москвы и Крыма против «ахматовых детей», чей отец, проиграв войну Ивану III осенью 1480 года, был убит коалицией ногаев и шибанидов в январе 1481-го. Участием в гибели большеордынского хана Ногайская Орда показала свою военнополитическую мощь, хотя и была вынуждена на данном этапе «пользоваться услугами» легитимных представителей рода Чингис-хана. Последующие попытки ногаев и шибанидов (посольства в Москву, участие в походе на сыновей покойного Ахмат-хана, набеги на Казанское ханство и др.) можно связать с желанием обрести свой политический статус на международной арене. Практика совместных военно-политических действий лидеров ногаев и ханов из династии Шибанидов была скреплена многолетним сотрудничеством еще со времени темника Идегея и царевича Хаджи-Мухаммеда. Не стал исключением и лидер Тюменского ханства Ибак-хан, упоминание имени которого на страницах посольских книг, в исследовательской литературе стало отождествляться чуть ли не с попыткой возрождения прежнего статуса Золотой Орды.

Участие Ибак-хана и его сородичей в военных акциях ногаев как «попытка захватить золотоордынский трон» получило свое первое определение в статье А.П. Григорьева (Григорьев, 1985, с.176–178). Исследователем проанализирован текст письма тюменского хана московскому великому князю, датированного ноябрем 1493 года, а также предложена авторская реконструкция. Содержание письма тесно увязывалось с очередным походом против «Ахматовых детей» в Астрахань. В итоге смысл послания исследователем был рассмотрен как попытка Ибак-хан «сесть на трон Бату и утвердить на великокняжеском престоле Ивана III»; само письмо определено как «запоздалое и претенциозное» (Григорьев, 1985, с.177).

В конце 90-х гг. XX в. тема рассматривалась в работах В.В. Трепавлова (Трепавлов, 1997, с.99; Трепавлов, 2002, с.128–129). Причем если в статье 1997 г. исследователь упомянул лишь о желании ногайских мурз по результатам похода 1492 г. заменить Шейх-Ахмеда и Саид-Махмуда на Ибак-хана и его брата Мамука, то уже в обобщающей работе «История Ногайской Орды» представил аргументацию, основанную на информации из посольских книг.

В.В. Трепавлова также поддержал И.В. Зайцев (Зайцев, 2006, с.48–49) и Д.Н. Маслюженко (Маслюженко, 2008, с.100). Анализируя письмо Ибак-хана 1493 г., исследователь склонился к мысли, что во фразе о взятии «Саинского стула» отражены события 1481 года.

Упомянутые события получили дальнейшую трактовку в работе Р.Ю. Почекаева. По мнению исследователя, ногаи стремились сместить Тука-Тимуридов с престола, заменив их на Шибанидов. Поход же 1493 года привел даже к краткосрочному захвату Поволжья, откуда Ибак-хан «вскоре

отправил хвастливое послание Ивану III, в котором заявлял, что наконец-то сумел захватить «Саинский стул» (Почекаев, 2012, с.269–270). Подобное мнение по сути реанимировало точку зрения А.П. Григорьева.

Наиболее плодотворно к анализу письма 1493 года, включая его текстологические и идеологические аспекты, подошел А.К. Бустанов (Бустанов, 2011, с.28–33). В целом соглашаясь с построениями А.П. Григорьева, исследователь развивает мысль о конструировании Ибак-ханом собственного совместного прошлого с московским великим князем, дабы придать более значимый характер своим словам и действиям. По мнению А.К. Бустанова, мирные отношения с Москвой хану нужны были для укрепления своего политического влияния в Поволжье. В своей содержательной работе, включающей и несомненно важные замечания по особенностям чинигизидского делопроизводства, по сути подтверждалось мнение предыдущих исследователей о политических притязаниях тюменского хана на ордынский престол.

Первоначально к схожей точке зрения склонился и автор данных строк (Парунин, 2010, с.271), утверждая, что совместный поход против «Ахматовых детей» способствовал росту политического веса Ибак-хана. Вместе с тем была высказана мысль, что операция была также «одобрена» Москвой, или, по крайней мере, Иван III не был против ослабления своих давних врагов.

Изучение «великодержавной» политики Ибак-хана продолжено и в настоящее время. Д.Н. Маслюженко в новой статье, оперируя известным отрывком из посольской документации, что «нагаи Муса и Ямгурчей мурзы Ивака да Мамука цари учинити идут» (Маслюженко, 2016, с.8–9), подтвердил уже высказанную им ранее точку зрения.

Попытки проследить политические амбиции тюменского Шибанида с недавних пор стали укореняться и среди специалистов по нумизматике. В докладе Р.Ю. Ревы, А.А. Казарова, Ю.В. Зайончковского о монетах хана Ибака, прочитанном еще в 2012-м году, совместный поход 1492-го года рассматривался исследователями в связи с атрибуцией нескольких монет, найденных на Украине и приписываемых чекану Ибак-хана. Поход и его последствия, а также письмо к Ивану III оценивались как проявление политических амбиций хана; также в качестве рабочей гипотезы выдвинуто предположение, что ногаи заранее подготовились в надежде на последующий успех и осуществили денежную эмиссию (Рева, Казаров, Зайончковский, 2017, с.206–208). Отметим, что данная гипотеза вызвала критику А.Л. Пономарева (Пономарев, 2014а, с.148–153; 2014б, с.198–199), предложившего свою версию личности эмитента (Пономарев, 2014б, с.211–214).

Суммируя обзор историографии, отметим, что в исследовательской практике политические («великодержавные») амбиции Ибак-хана базируются, прежде всего, на упоминании в письме крымского хана желания ногаев сделать Ибак-хана и Мамука «царями», а также на содержании «хвастливого письма» Шибанида о взятии им «Саинского стула». К этим сведениями в настоящее время также привязываются и нумизматические данные.

Авторская же гипотеза состоит в следующем: несмотря на естественное желание шибанидско-ногайской коалиции упрочить свое политическое положение в среде тюрко-татарских государств и Москвы (о чем недвусмысленно сообщают факты – участие в устранении большеордынского хана Ахмата, посольства 1489–1490 гг.), участники этого союза не желали и/или не имели военно-политической возможности «реанимировать» Золотую Орду с новым ханом во главе. При этом представленная цепочка доказательств предыдущими исследователями кажется недостаточной и будет рассмотрена ниже.

Вначале же необходимо рассмотреть общую политическую ситуацию, предвалявшую очередной военный поход против беглых «ахматовичей».

Безусловно, гибель Ахмат-хана в 1481-м году в корне не изменила расклад политических сил в регионе, однако на арене появились новые игроки – Ногайская Орда и Тюменское ханство. Главным же антагонистами стали выступать дети Ахмата – Муртоза, Саид-Ахмад и Шиг-Махмуд, совершавшие ежегодные набеги на «украины» Крымского ханства и Москвы.

Зачастую попадая в сложные военные ситуации¹, крымский хан Менгли-Гирей обращался за помощью к турецкому султану, а тот в свою очередь «турской же силы ему посла и к Нагаем посла, велел им Орду воевати» (ПСРЛ. Т.12, с.217). Эпизод характерен тем, что ногаи уже воспринимались как серьезная военная сила в регионе, развивавшая также отношения с соседями на дипломатическом уровне.

¹ В 1486-м году, спасая родного брата Муртозу, Шиг-Ахмед разгромил войско Менгли-Гирея и спас своего брата (Каргалов, 1984, с.116; ПСРЛ, Т.12, с.217).

Не изменило напряженного характера ордынско-ногайских отношений и пленение союзника Ибак-хана, казанского хана Али, в 1487-м году, замена его на лояльного Мухаммед-Эмина (ПСРЛ, Т.12, с.218–219). Утрата очередных геополитических союзников воспринималась тюменским Шибанидом болезненно, что и стало камнем преткновения на переговорах осенью 1489 года (Посольская книга, 1984, с.18). В итоге, по вопросу хана Али компромисса достигнуто не было.

Следующее посольство ногаев с очередным Шибанидом Абулек-ханом, сыном Йадгар-хана (поддержку которому в свое время оказал Муса-мурза), прошло в более примирительных тонах (Посольская книга, 1984, с.33–39). В частности, ногаи изъявили желание замирииться с Мухаммед-Эмином, а также доложили представителям московского князя о местоположении «лихих людей», вопрос о которых поднимался также и на предыдущих переговорах. В целом, очередной виток дипломатических отношений прошел под знаком желания ногаев заручиться поддержкой Москвы.

На фоне постепенно улучшавшихся отношений Москвы и Ногайской Орды «ахматовичи» предприняли новый большой поход против Менгли-Гирея. Угроза вторжения оказалась настолько серьезна, что крымский хан обратился за помощью к московскому великому князю, собравшему в итоге обширную коалицию из военной элиты Руси, Казанского и Касимовского ханств «и поидоша вместе под Орду. И слышавше цари Ординские силу многу великого князя в Поли и убоявшеся, возвратишася от Перекопи; сила же великого князя возвратися в свояси без брани» (ПСРЛ, Т.12, с.228–229). В посольской документации сохранилась информация, что в письме летом 1491 года ногаи Муса и Ямгурчи также пожелали принять участие в походе против «ахматовых детей» (Памятники, 1884, с.134–135), однако их отсутствие в списке коалиции, упоминаемой составителем Никоновской летописи, показывает, что договорной процесс не был успешно завершен.

Весной 1492 года возобновились контакты Ивана III и Менгли-Гирея по поводу организации очередного ответного похода против Шиг-Ахмеда и Саид-Ахмеда. Посол от московского князя сообщал: «...наши недрузи, Ахматовы дети, пойдут на мою землю, и ты бы, по своей правде, пошел на их Орду и дело бы еси делал, как тебе Бог пособит; а пойдут на тебя Ахматовы дети, и яз как на чем тебе молвил, на том и стою, братаничя твоего Салталгана царевича да и русскую рать с ним пошлю на Орду, да и казанскую рать велю Махмет-Аминю царю послати...» (Памятники, 1884, с.137). Таким образом, московский князь предложил в случае очередной военной опасности устроить уже проверенную схему коалиции, однако в отличие от прошлого года, послы князя уже заблаговременно были отправлены к ногаям: «ино наперед сего присылал к нам Муса мурза своих людей, хотя с ними одиначества на наших недругов, на Ахматовых детей; и мы к нему посылали своих людей, и он с нами с нами в одиначестве на наших недругов на Ахматовых детей учинился» (Памятники, 1884, с.137).

Ответные списки грамот из Крыма в Москву были присланы 27 июня 1492 г. В них сообщалось следующее:

1. Зимой – весной 1492 г. представители крымских кланов ограбили ахматовичей (Памятники, 1884, с.149).

2. При визите в Крым по дороге было ограблено посольство Мусы и Ямгурчи (Памятники, 1884, с.143)

3. Менгли-Гирей согласился выступить посредником в конфликте с притеснениями московских купцов в Кафе и Азове (Памятники, 1884, с.155–156).

4. Переговоры с ногаями о предстоящем походе на детей Ахмата. В Москву было доставлено краткое содержание двух грамот, содержание которых представляется весьма интересным и требует полного цитирования: «Ино добрые и любовные речи прошли, летось на недруга так подумавши пришли были есте; и мы, как от вас весть пришла, того дни на конь всели да и пошли, до Азова дошли есмя, и увидели есмя, так ся стало, воротилися есте. Нынечя дела меня дея есте делали; против того вам Бог заплатит. Нынешнему делу наперед зимы, дело учините спешно, нам в коем месте учините срок, меня бы есте у себя бы видели, как говорили есмя по тому слову то свое добро и на коне учините» (Памятники, 1884, с.154). Послание определенно можно разделить на две части: Менгли-Гирей организывает военный поход против «недругов» (очевидно, Саид-Ахмеда и Шиг-Ахмеда – прим.) на основании информации, полученной от ногаев, ставший в итоге неудачным, чем крымский хан был весьма недоволен. Провалившийся весенний поход подтолкнул Менгли-Гирея к необходимости форсировать подготовку к походу со стороны ногаев, которые, прибыв в точку сбора, должны были послать своих людей для координации дальнейших усилий. Такой порядок действий, очевидно, вырос из появившегося недоверия к ногаям. Аналогичное письмо было отправлено к Ямгурчи (Памятники, 1884, с.155).

В ответной августовской грамоте московского великого князя послы вновь напомнили об уже прошедших переговорах с ногаями на предмет будущего совместного похода (Памятники, 1884, с.158).

27 октября были привезены две грамоты из Крыма. В первой, помимо всего прочего, Менгли-Гирей изъявляет готовность при необходимости выступить против Ахматовых детей и польского короля Казимира (Памятники, 1884, с.165–166). Во второй буднично упоминается ставшая уже хрестоматийной фраза: «Да еще слово то: из Орды человек наш приехал Шиг Ахмед да Сеит Магмут цари. А Нагаи Муса да Ямгурчей мурза Ивака да Мамука цари учинити идут, к Астарахани были пошли, и как слышавши назад к Тюмени покочевали, так ведал бы еси» (Памятники, 1884, с.168). Сказанное требует развернутого комментария.

Во-первых, судя по контексту послания эта новость не нашла сколько-нибудь серьезного отклика со стороны крымцев: в тексте она подается как обыденное событие.

Во-вторых, вопреки мнению В.В. Трепавлова об отходе Мусы из-за отсутствия на Волге крымского войска (Трепавлов, 2002, с.128–129), ногайцы, придя к точке сбора, должны были направить гонца к крымцам, о чем было уговорено в письме Менгли-Гирея к Мусе. Таким образом, Крым с одной стороны был связан обязательством выступить против польского короля, а с другой – отправиться на помощь к объединенному ногайско-тюменскому войску, но по каким-то причинам послов ногаи не отправили.

В-третьих, вызывает определенные вопросы источник информации. По контексту фразы можно предположить, что к Менгли-Гирею приехал гонец из «Орды Шиг Ахмеда да Сеит Магмута». В данном случае Орда может пониматься как кочевая ставка братьев-соправителей. Т.е. информация об «учинити» новых ханов в Хаджи-Тархане поступила из ставки «ахматовичей». Возникает вопрос – каков ее источник? Вряд ли рядовым воинам-ногаям, которые могли попасть в плен к «ахматовичам», были известны военные планы их лидеров. Военное искусство большеордынских ханов того времени ограничивалось привычной степной политикой ограбления окраин и редких вторжений вглубь Крымского ханства. В исследовательской литературе описана попытка дипломатических маневров со стороны Муртозы, но и она была обезврежена (Почекаев, 2012, с.268). Вследствие этого, представляется маловероятным информированность «ахматовичей» о планах ногаев. Представляется возможным предложить следующую гипотезу: в ставке большеордынцев посланцев Менгли-Гирея сознательно дезинформировали, дабы посеять в коалиции разумные сомнения относительно мотивов Мусы. В свете всего вышесказанного трудно принять появившуюся недавно в научной литературе гипотезу о чеканке некими мятежными днепровскими ногаями монет Ибак-хана. Дескать, подобная монетная эмиссия была необходима для подчеркивания их независимости (Рева и др., 2017, с.208). Подобная конструкция не находит подтверждений в письменных источниках и представляется умозрительной.

Ключевым аргументом теории «великодержавных амбиций» Ибак-хана является отправленное им вместе с послом Чюмгуром письмо в Москву в ноябре 1493 года. Для удобства процитируем его полностью: «Ибраимово слово. Великому князю Ивану, брату моему, поклон. После того ведомо бы было, слово то стоит: промеж Ченгосовых царевых детей, наш отец Шибал царь стоит с твоим юртом в опришнину, и друг и брат был; от тех мест меж нас ту Атамыров до Номоганов юрт ся учинил, а мы учинили далече, а с тобою меж нас добрые ссылки не бывало. Ино мне счастье дал Бог, Тимер Кутлуева сына убивши, Саински есми стул взял; да ещо сам с братьями и с детьми условившыся, а великого князя детей на княженье учинив, на отцов юрт на Волзе пришед стою. Ино как по первым по нашим, по тому же братству нашему примета, Алягам царь стоит, того прошу у тебя, да как его дашь нам, и дружбу и братству примета то стоит. Да отца своего места ищущи, на Темер Кутлуева сына ратью сел есми на конь. Да ещо Алягама царя как дашь нам, после того твоему недругу недруг стою и твоему друг другу стою. Да се братство отведати, Чюмгуром зовут, слугу своего послал есми. Да ещо нас назовешь себе братом своим, с добрым человеком Чюмгура отпустишь, ты ведаешь.

Ответ великого князя цареву Ивакову послу нагайского Чюмгуру; а отвечал ему Михайло Яковлич.

Князь великий велел тебе говорити: приехал еси к нам от своего государя от Ивака царя и грамоту есми к нам от него привез, а в грамоте пишет и словом еси нам тоже говорил от своего государя, чтобы меж нас с ним братство и дружба была и люди бы наши меж нас ездили нашего здорovia видети. А хотели есми к нему послати своего человека, да нынеча есмя своего человека с тобою вместе не успели послати; а вперед аже даст Бог хотим своего человека к твоему государю,

к Иваку царю послати, чтобы дал Бог меж нас братство и дружба была и люди бы наши меж нас ездили нашего здоровья видети» (Памятники, 1884, с.199–200; Посольская книга, 1984, с.48–49).

Содержание письма трактовано А.П. Григорьевым следующим образом: «После того [как в свое время] наш предок [сын Джучи и брат Бату] Шибан-хан находился в особенно хороших, по сравнению с другими потомками Чингис-хана, отношениях с твоими [предками], будучи им другом и братом, между нашими [владениями] вклинились владения [рода] Тука-Тимура и [его потомка в третьем колене] Нумугана [отца Тимур-Кутлука], мы оказались в отдалении один от другого и дружественные связи между нами стали невозможными. Однако нам посчастливилось договориться со своими сородичами и вернуться на Волгу в [прежние] владения предка нашего [Шибана], с тем, чтобы убить [ныне царствующего] потомка Тимур-Кутлука, сесть на трон Бату и утвердить на [русском] великокняжеском престоле тебя [Ивана III] и твоих потомков» (Григорьев, 1985, с.177).

Исторический фон содержания письма отмечен в отправленном тем же месяцем списке грамот к крымскому хану: «... перед нашим, господине, поездом дни за три, приехал ко государю к нашему к великому князю из Ногай от Ивака царя посол, Чюмгуром зовут, о дружбе и о братстве и о единачестве на Орду, а сказывает, что царь Ивак и брат его Мамук и все князи пошли на Орду» (Памятники, 1884, с.206). Фрагмент интересен тем, что он опровергает представления А.П. Григорьева и Р.Ю. Почекаева о «претенциозном и хвастливом послании», которое «безнадежно запоздало» (Григорьев, 1985, с.177; Почекаев, 2012, с.270). В Москве грамота воспринята весьма недвусмысленно: трактовано желание Ибак-хана сохранить хорошие отношения с Москвой и констатировано продолжение союзных обязательств в виде очередного военного похода против «ахматовичей».

Подобная трактовка приводит нас к необходимости заново исследовать текст послания.

Слова «на отцов юрт на Волзе пришед стою» скорее свидетельствуют о походных условиях отправления дипломатической миссии. Новое выступление Ибак-хана и ногаев сопровождалось заверением «дружбы, братства и единачества», иначе говоря, Шибаниды и ногаи выступали «единым фронтом» с Крымом и Москвой против большеордынских «казаков». Такая трактовка не позволяет согласиться с предложенной А.К. Бустановым датировкой посольства – лето 1493 г. Составление текста грамоты исследователь относит к рубежу 1492–1493 гг., учитывая при этом большое расстояние Тюмени от Москвы. Тем самым контекст грамоты подгоняется под совместный поход Ибак-хана и ногаев на Хаджи-Тархан в октябре 1492 г. (Бустанов, 2011, с.32).

В посольских книгах действительно фигурирует дата «лета 7002 года» (Посольская книга, 1984, с.48), однако этот факт никак нельзя увязать с календарным летом. Показательным примером в данном случае может выступать дата отправки вышеупомянутого посольства во главе с Константином Малечкиным – «лета 7002 года, месяца ноября» (Памятники, 1884, с.200). Сообщение в памяти о «поезде дни за три», в нашем понимании означает прибытие сибирского посольства за три дня до отправки крымского, в результате чего можно предложить уверенную датировку ноябрем 1493 года.

«...промеж Ченгосовых царевых детей, наш отец Шибал царь стоит с твоим юртом в опришнину, и друг и брат был...». Словосочетание «в опришнину» в данном случае понимается как «в особенности» (Срезневский, 1902, с.364, стб.694). Смысл фразы можно расшифровать так: помимо других потомков Чингисхана, Шибан дружил с русскими князьями («особенные отношения»).

Упоминание о дружбе, братстве и «особенных отношениях» вряд ли несет в себе какую-то определенную историческую подоплеку; по мнению А.К. Бустанова в образе «Шибала» воплотилась рефлексия о деятельности династов из улуса Шибана во время Замятни середины XIV в. (Бустанов, 2011, с.30). Вместе с тем, налицо конструирование «братских» отношений между двумя государствами: этот оборот был использован для попытки подчеркнуть мирный характер посольства, напомнив о якобы существовавших некогда дружественных контактах.

Упоминание об «Атамыровом и Номогановом юрте» вызвало отклик в историографии, где исследователи пришли к единодушному мнению об упомянутых юртах как еще одном наименовании Большой Орды (Трепавлов, 2002, с.108; Зайцев, 2006, с.49–51).

Фраза «Тимер Кутлуева сына убивши, Саински есми стул взял» определенно свидетельствует о событиях 1481 года, повлекших за собой убийство хана Ахмата. Схожее мнение уже высказывалось исследователями (Маслюженко, 2008, с.100–101; Бустанов, 2011, с.30). Впрочем в другой своей работе Д.Н. Маслюженко склонился к мысли, что фраза о «Саинском стуле» засвидетельствовала успешность нового похода (Маслюженко, 2016, с.9). Вряд ли с этим можно согласиться хотя бы потому, что отправка послания была сопряжена с началом похода, а его итоги не фигурируют в источниках.

«...да еще сам с братьями и с детьми условившись, а великого князя детей на княженье учинив, на отцов юрт на Волзе пришед стою...». Первая часть фразы свидетельствует о подготовке будущего похода. Упоминание об «отцовом юрте», вероятно, восходит к «особенным» отноше-

ям Шибана и русского князя. В действительности, сложно говорить о поволжских владениях Шибанидов, приобретенных в новом походе: скорее здесь речь идет о месте отправки грамоты.

«...Ино как по первым по нашим, по тому же братству нашему примета, Алягам царь стоит, того прошу у тебя, да как его дашь нам, и дружбу и братству примета то стоит...». В словаре И.И. Срезневского «приметати», значит побуждать (Срезневский, 1902, стб.1430). Таким образом, в данной фразе, «побуждением» к «дружбе и братству» выступает возвращение хана Али.

«...Да отца своего места ищущи, на Темер Кутлуева сына ратью сел есми на конь...». Если вторая часть фразы определенно говорит о новом походе против ахматовичей, то смысловая часть первой представляется трудно реконструируемой. Скорее всего, здесь прослеживается связь с поволжскими владениями предков из дома Шибана, участвовавшими в Замятне во второй половине XIV века. Однако такая реконструкция представляется умозрительной.

Оставшаяся часть послания содержит в себе стандартное требование хана отпустить своего пленного союзника.

Общий смысл послания заключается в следующем. Хан Ибак и «все князи», отправившись в очередной поход осенью 1493 года, будучи уже на Волге, отсылает очередное посольство во главе с Чюмгуром в Москву, очевидно, без участия представителей ногайской элиты. Смысловая нагрузка грамоты заключалась в попытке напомнить о неких «особенных» и дружеских отношениях предков; в очередной раз выдвигалось предложение об отпуске казанского хана Али для подтверждения дружеских намерений, сообщалось о возобновившихся военных действиях против детей хана Ахмата. Ответная грамота со стороны великого князя содержала в себе лишь заверения в дружбе, желание послать ответное посольство. Сюжет грамоты не позволяет идентифицировать «великодержавные амбиции» Ибак-хана; мы лишь можем утверждать о поддержке коалиции усилий Крыма и Москвы по военному решению «проблемы ахматовичей».

Представляется небезынтересным послание Мусы, отправленное в ответ на пришедшую грамоту от Менгли-Гирея. Содержание его следующее: «Ино слово то: летось на недруга есмя ходили, Бог нам пособново пути не сотворил. И ныне молвит: брат мой Муса мырза, друг твоему друг буду, а недругу твоему недруг буду Ино слово то ведомо было: Ибраим царь брат был, похочет близко братом учинити царь волен, а царю бити челом нас себе братом учинить, и сколко наша сила сяжет, и мы стоим аж даст Бог...» (Памятники, 1884, с.207–208). Первую часть фразы В.В. Трепавлов связывает с неудачей похода 1492 г. (Трепавлов, 2002, с.129), с чем нельзя не согласиться. Фраза «Ибраим царь брат был» навела Д.Н. Маслюженко на мысль о кончине хана осенью 1493 года (Маслюженко, 2016, с.9). Однако однозначно трактовать мысль Мусы невозможно хотя бы потому, что его послание было отправлено с другими в Крым через три дня после прихода письма от Ибак-хана. Все же уместнее говорить о каких-то разногласиях среди союзников, нежели о реальной смерти Шибанида.

Подытоживая все вышесказанное, отметим, что ногайско-шибанидский альянс, проведенный два похода против сыновей Ахмат-хана, закончившихся неудачей, не преследовал своей целью сместить царевичей и поставить на их место Шибанидов. Как минимум, поход 1492 года согласовывался с Крымом и Москвой, которые хотели привлечь ногаев и широкой коалиции против «ахматовичей». Помимо вполне резонного желания собрать как можно больше союзников, Иван III также рассчитывал отвлечь Мусу и Ибак-хана от походов против Казанского ханства, однако как следует из дальнейших событий (поход Мамук-хана против Казани – прим.) эта политика не принесла должного эффекта.

Очередное послание Ибак-хана, привезенное в ноябре 1493 года в Москву, предваряло собой новый поход против Саид-Ахмеда и Шиг-Ахмеда, а не являлось ответом на предыдущий. Само послание выполнено в исключительно мирном ключе. Задействованная «историческая часть» продиктована желанием со стороны Ибак-хана продолжать конструктивный диалог. В свою очередь ответ Ивана III подчеркивал необходимость ответного посольства. Состоялось оно или нет – в настоящее время неизвестно. Уход (или смерть – прим.) Ибак-хана с политической арены в корне меняет ситуацию, направляя политическое руководство Тюменского ханства на путь прямой конфронтации с Москвой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бустанов А.К. Деньги и письма сибирских ханов. Опыт источниковедческого исследования. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 60 с.
2. Григорьев А.П. Шибаниды на золотоордынском престоле // Востокведение. Вып.11. 1985. С.160–182.

3. Зайцев И.В. Астраханское ханство. М.: Восточная литература, 2006. 303 с.
4. Каргалов В.В. Конец ордынского ига. М.: Наука, 1984. 152 с.
5. Маслюженко Д.Н. Этнополитическая история лесостепного Притоболья в средние века. Курган: Издательство Курганского гос.ун-та, 2008. 168 с.
6. Маслюженко Д.Н. Крымские сюжеты в политической истории Тюменского и Сибирского ханств // Средневековые тюрко-татарские государства. 2016. № 8. С. 7–13.
7. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою Ордами и с Турцией. Т.1. С 1474 по 1505 гг. Эпоха свержения монгольского ига в России // Сборник ИРИО. Т.41. СПб., 1884. 620 с + XXII с.
8. Парунин А.В. Дипломатические контакты Московского великого княжества и Тюменского ханства в 1480-е – начало 1490-х гг. // Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Выпуск 2. Казань: Изд-во «Ихлас», 2010. С.266–274.
9. Пономарев А.Л. Ибрагим, сын Махмудека: вхождение во власть и кошельки (1) // Золотоордынское обозрение. 2014а. №1(3). С.128–162.
10. Пономарев А.Л. Ибрагим, сын Махмудека: вхождение во власть и кошельки (2) // Золотоордынское обозрение. 2014б. №2(4). С.191–225.
11. Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1489–1508 гг. / В.И. Буганов [отв. ред.]. М.: Институт истории АН СССР, 1984. 88 с.
12. Почекаев Р.Ю. Цари Ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2012. 464 с.
13. ПСРЛ. Т. 12. Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никоновской летописью. СПб., 1901. 266 с.
14. Рева Р.Ю., Казаров А.А., Зайончковский Ю.В. Монеты хана Ибрахима (текст 2012 г.) // Труды ГЭ LXXXI. Материалы и исследования отдела нумизматики. «Два века мусульманской нумизматики в России. Итоги и перспективы». Санкт-Петербург: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2017. С.198–211.
15. Срезневский И.И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. Том II. Л-П. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1902. 917 с., 1802 стб.
16. Трепавлов В.В. Тайбуга. «На Мангытском юрте третий государь» // Tatarica. № 1. 1997/1998. Казань, 1997. С.96–107.
17. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002. 752 с.

Список сокращений

ИРИО – Императорское Русское историческое общество
 ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

A.V. Parunin

TO THE QUESTION OF THE «GREAT-POWER» POLICY OF SHIBANID IBAK KHAN

Siberian statehood of the late XV–XVI centuries is reflected in written sources least consistently and intensively. In part, this is due to the geographical distance of the state formations of the Siberian Shibaniids, their weak integration into the political and cultural space of the Volga Türkic and Tatar states. For the last decades of the fifteenth century, the history of the Tyumen Khanate was inextricably linked with the history of the Nogai Horde, which sought to gain a foothold in the foreign policy arena. These attempts were reflected primarily in the ambassadorial documentation. According to the materials of the ambassadorial books, the biography of Shibaniid Ibak Khan, who was involved in the murder of Khan Akhmat in 1481, in Western affairs, is almost entirely traced. In historiography, the foreign policy activity of the Tyumen khanate was usually interpreted as an attempt to consolidate itself on the Golden Horde throne, thus resuscitating the failed state. This article offers a different vision and solution to the Shibaniid involvement in Volga region. It is suggested that the main leitmotif of Ibak Khan's foreign policy is not to see the desire to become another Golden Horde khan, but to gain a foothold in the political reality that was formed in the Volga region.

Keywords: Tyumen khanate, nogai, shibanid, Ibak, embassy books, Big Orda, Crimea.

Сведения об авторе:

Парунин Алексей Владимирович – главный специалист Государственного научно-производственного центра по охране культурного наследия Челябинской области (г. Челябинск); therion12399@gmail.com

Parunin Aleksey – Chief Specialist of the State Research and Production Center for the Protection of the Cultural Heritage of the Chelyabinsk Region (Chelyabinsk)

УДК 904

БУХАРСКИЕ ТАТАРЫ И ПОИСК МАТЕРИАЛЬНЫХ СВИДЕТЕЛЬСТВ ИХ ПРЕБЫВАНИЯ В СРЕДНЕМ ПРИИРТЫШЬЕ

© 2017 г. С.С. Тихонов

В XVI – начале XX веков в Западной Сибири была группа татар – выходцев из Средней Азии, которых называли бухарлык, бухарцы, сибирские бухарцы, сарты и т.д. Придя в Сибирь как проповедники ислама, торговцы, воины, они постепенно смешались с местным населением, а в конце XVII века стали подданными Русского государства. Их история известна по письменным источникам.

Однако до сих пор неясными остаются вопросы: из каких районов Средней Азии пришли в Сибирь бухарцы? Каковы были побудительные причины переселения? Сколько и в какие конкретно периоды было переселенцев?

Изучение истории бухарских татар позволит не только более полно рассмотреть этногенез и этническую историю одного из тюркских народов, но простимулирует развитие методологии подобных исследований.

Автор считает, что у каждого народа есть специфические элементы культуры, которые отсутствуют у их соседей. Диагностировать подобные элементы сложно, но не невозможно. В случае успешного решения этой проблемы у археологов и этнографов появится алгоритм выявления маркеров малых этносов в однородной культурной среде.

В данной же работе автор остановился на анализе материалов, свидетельствующих о пребывании сартов в Западной Сибири и возможности их использования в археолого-исторических и этноархеологических исследованиях.

Ключевые слова: бухарцы, сарты, источники, татарские деревни, методология.

Проблема. С 2007 года археологи Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН (руководитель проекта С.Ф. Татауров) и их коллеги из разных городов Сибири исследуют Тарскую крепость – первый русский город в Среднем Прииртышье, заложенной князем Андреем Елецким в 1594 году. Ныне это районный центр Тара в 300 км севернее Омска на левом берегу Иртыша.

В ходе археологических работ, а особенно при соотнесении раскопанных объектов с картографическими данными, встал вопрос о планировке крепости и ее окрестностей, а также о расположении Бухарской слободы – месте компактного проживания бухарцев (иначе – бухарских татар или сартов). Автор течение нескольких лет проводил разведочные работы по поиску этой слободы (Тихонов, 2015а, т. XXI, с. 420–423; 2015б, с. 409–410; 2015в, с. 411–413; 2016а, с. 440–442; 2016б, с. 32–38; 2017, с. 74–80).

Предполагалось, что после выявления места, где жили бухарские купцы, там будут проведены раскопки, и получены данные, которые позволили бы проанализировать материальную культуру локальной для Тары группы населения – бухарцев, и выделить признаки, специфичные для них. Это бы стало этническим маркером одной из групп тюркоязычного населения при проведении археолого-исторических и этноархеологических исследований. Однако, результат оказался несколько иной, чем ожидался.

Обсуждение. Что касается собственно Бухарской слободы близ Тары, то в соответствии с картами первой половины XVIII века, она располагалась на правом берегу Аркарки (левый приток Иртыша) чуть ниже Тарской крепости (Тихонов, 2016б, рис. 7). К сожалению, на данном участке несколько лет назад был построен автодром (смещено русло реки, насыпан дополнительный грунт, проложены трассы и установлены препятствия для автомобилей). Поэтому возможные следы бывшей здесь когда-то Бухарской слободы в настоящее время скрыты под толстым слоем балласта. Более того, последние два года этот участок постоянно затопливает в половодье (рис. 1¹), и он недоступен для исследований.

¹ Рис. 1–4 к статье см. на форзаце 1.

Внушают надежду сведения, полученные от жителей улицы Зааркарской о находке человеческого черепа, вымытом близ Бухарской слободы из грунта во время схода вешних вод в 2015 году. Это место осмотрено. Установлено, что глубина залегания черепа была около 50 см, т.е. соответствовала глубине некоторых могил аялыных татар на могильниках XVII–XVIII веков БергамакII (раскопки С.С. Тихонова и К.Н. Тихомирова), Черталы I (раскопки Б.В. Мельникова и М.А. Корусенко), Чеплярово XXVII (раскопки М.А. Корусенко) в Муромцевском и Большереченском районах Омской области. К сожалению, череп утрачен.

Местные жители о существовании Бухарской слободы на правом берегу Аркарки не знают, утверждая, что татары всегда жили на ее левом берегу под горой в районе улиц Береговая, Нерпинская, Максима Горького компактной группой неподалеку от мечети. Часть информаторов сообщила, что в годы царизма татарам не разрешали жить в других районах Тары.

На картах XIX века на правом берегу Аркарки строений практически нет. Полагаю, что причиной ухода людей с этого места является изменение водного режима в первой половине XVIII века. По имеющимся у нас сведениям в этом веке некоторые деревни в пойме были перенесены на более высокие места. Так, жители Шуево (Большереченский район) от устья речки Нюхаловка переехали на высокую террасу. С правого пойменного берега Иртыша на коренной левый берег переселились жители д. Изюк (ныне д. Евгачино в Большереченском районе). С острова внутри старицы на высокий берег переехали жители Мамешево (Знаменский район). Возможно, обитатели правобережья Аркарки не были исключением.

Поскольку в Таре ожидаемых результатов получить пока не удалось, я решил рассмотреть другие источники, свидетельствующие о пребывании бухарцев в Западной Сибири, и рассмотреть их возможности при интерпретации археологических материалов.

Наиболее ранние сведения, говорящие о приходе в Западную Сибирь в 1394 годах 366 шейхов и 1700 воинов хана Шейбана для распространения здесь ислама, содержатся в двух рукописях опубликованных Н.Ф. Катановым чуть более 100 лет тому назад (Катанов, 1903, с. 133–146; 1905, с. 1–28). Нет смысла излагать содержание этих хорошо известных специалистам документов, тем более, есть специальная работа, где проведен анализ событий (Белич, 2006, с. 153–171).

Еще в одной рукописи, опубликованной Н.Ф. Катановым, есть данные о приходе в 1572 году в Сибирь по просьбе хана Кучума группы знатоков ислама, посланных Абдуллою-ханом (Катанов, 1897, с. 51–61). Вспомним также, что Ермак, ходивший вверх по Вагаю в 1582 году, надеялся встретить караван бухарских купцов, которых якобы не пропускал хан Кучум.

Их этих трех рукописей следует, что бухарцы побывали в Сибири в конце XIV века, и что в конце XVI века связи Бухары и Сибири были делом достаточно обычным. В XVII веке бухарцы проживали в крупных сибирских городах Таре, Тобольске, Томске, Тюмени, а конце XVII – начале XVIII века выходы из Бухарии, проживавшие в Западной Сибири стали подданными Российского государства (Корусенко, 2011, с. 32–33, Тихонов, 2016б, с. 35–36; 2016в, с. 161–163; Томилов, 1992, с. 86).

По какой-то причине ученые не рассматривали детально место выхода бухарцев, ограничившись тем, что под этим этнонимом понимается группа представителей узбеков, таджиков, уйгуров и других народов, называвших себя в Сибири бухарлык, сарты, узбеки (Валеев, 1992, с. 29; Корусенко, 2011, с. 19). Между тем, в XVIII веке было два образования, которые называли Бухария:

- Большая Бухария с главным городом Бухара – располагалась под 40 градусом с.ш. между Персией и государством Великого Могола. Здесь жили татары, исповадавшие ислам, которых называли узбеки. Они торговали во владениях Великого Могола, Персии, Сибири. Дань платили узбекским ханам (Чулков, 1785, с. 8–9, 13).

- Малая Бухара с главными городами Эркеть и Кашгар находилась к востоку от Большой Бухары и простиралась до китайских владений. Происхождения своего ее население не знало, придерживалось исламских традиций, торговало с Китаем, Тибетом, тангутами, калмыками и монголами. Дань платили контайше, т.е. джунгарам. Жители Малой Бухары занимались исключительно торговлей, жили в городах обоих Бухарий, и имели многие обычаи и обряды, сходные с еврейскими. В их речи прослеживалось сходство с этим народом. Кроме того, сходство прослеживалось по лицу и росту (Чулков, 1785, с. 8–9).

Не будем обращать внимания на некоторые неточности, но фактически М.Д. Чулков описал два разных народа, различавшихся по обычаям, языку, антропологическому типу, месту проживания, уровню государственности, торговым связям, представители которых со временем стали сибирскими бухарцами. Один из них определенно узбеки, о другом М.Д. Чулков написал неопреде-

ленно. Полагаю, что Малую Бухарию следует соотносить с Уйгурией, поскольку именно там были города Эркетъ/Яркенд и Кашгар, население ее было сложным по этническому составу и происхождению, и наконец, есть свидетельства более поздних авторов. Так, Чокан (в современной огласовке – Шоқан) Валиханов в 1859 г. писал: «На востоке эта страна называется Алты-шахар/шесть городов, Уйгуристаном или Кашгар, в Европе она известна под названием Малой Бухарии, Восточной Татарии, Восточного, или Китайского, Туркестана, иногда называется Кашгарией» (Валиханов, 1985, с. 9).

Рассмотрим же материальные свидетельства пребывания бухарцев в Сибири. В наши дни близ ряда татарских деревень, расположенных по берегам Иртыша на севере Омской области и на юге Тюменской областей (примерно между устьями Тобола и Ишима), чтимыми являются около 40 объектов (астана) в которых, по преданиям, похоронены первые проповедники ислама (Рахимов, 2006; Селезнев, Селезнева, Белич, 2009). Судя по текстам вышеупомянутых рукописей, у миссионеров в 1394 году не все прошло так, как они предполагали, поскольку многие из них погибли и были похоронены в Сибири, (Катанов, 1905, с. 22). Остальные расселились по Сибири, и их потомков зафиксировали в Таре, Тобольске, Томске, Тюмени (Томилов, 1992, с. 86).

Интересно, что сведения о могилах мусульманских святых сохранились не только в устной традиции, но и по материалам казачьих «сказок и отписок» были зафиксированы на первых чертежах Сибири конца XVII – начала XVIII веков (Ремезов, 2011, лист 107), которые были проанализированы современными учеными (Селезнев, Селезнева, 2015, с. 165–173). Интересно, что близ астана в низовьях Ишима находится «кладбище Она царя» (рис. 2). Как известно, правителей и людей высокого ранга хоронили в особых местах.

К сожалению, строго говоря, все известные астана не могут пока быть источником по материальной культуре бухарцев. Причин этому две. Во-первых, ни одна астана не изучена археологически, поэтому нет точной даты их сооружения и описания обряда погребения. Но очевидно и то, что вряд ли кто решится раскапывать святое место, оскорбляя религиозные чувства верующих. Во-вторых, если даже принять дату «конец XIV века», надмогильные сооружения сильно трансформировались (часть из них была «подновлена» уже в наши дни), и тоже без специальных исследований источником по материальной культуре давнего прошлого служить не могут.

Интересные материалы по генеалогии двух родов бухарцев – Шиховых и Ильяминовых – опубликованы А.К. Бустановым и С.Н. Корусенко. Они рассмотрели генеалогии родов и сопоставили содержащиеся в них сведения с другими источниками, прежде всего материалами ревизий и переписей XVIII–XIX веков, и выявили несколько вариантов родословных, а также социальный статус элитных родов бухарцев (Бустанов, Корусенко, 2010, с. 97–105; 2014, с. 136–145). Эти письменные источники, безусловно, важны при изучении формирования группы сибирских бухарцев, но в плане изучения их материальной культуры они большого значения не имеют.

Возможно, что пометка на одной из карт С.У. Ремезова содержит сведения о способах передвижения бухарцев. Так на листе 95 «Хорографической чертежной книги...» (Ремезов, 2011) между оз. Бекея (район д. Увальная Бития) и Иртышом (район современной д. Верблюжье в Саргатском районе в 70 км севернее Омска) есть пояснение: «Верблюды шел криво» (рис. 3). Как известно, эти животные не являются традиционными домашними питомцами русских, а более распространены среди жителей степей и пустынь Казахстана и Средней Азии, в том числе и бухарцев. Мало кто помнит, что на верблюдах приезжали в Омск казахи еще в конце XIX века (рис. 4–1). Еще одно свидетельство прохождения верблюдов по дорогам Прииртышья. В 1990-ых годах при обследовании Серебрянского лога близ д. Серебряное (Горьковский район) были найдены растения, более характерные для степей. Одно из них – *Surgipedium macranthos* (башмачок крупноцветковый или венерин башмачок крупноцветковый – дикая орхидея), фото которого размещено на обложке календаря за 2009 год, выпущенным дирекцией «Национального природного и археологического парка Батаково» (рис. 4–2). Другое называется живокость (*Delphinium*), и по мнению ботаников, семена этих растений, прикрепившихся к шерсти, переносят только верблюды.

Естественно, что безусловных доказательств о принадлежности верблюдов бухарцам нет, тем более, что кости этих животных изредка встречаются в материалах городищ раннего железного века и средневековья по Иртышу и Тоболу. В случае же получения таких доказательств появится целый комплекс предметов бухарцев: упряжь, арбы/телеги или еще что-нибудь.

В конце XVII века принявших русское подданство бухарцев поселили двумя группами вблизи Тары (Корусенко, 2011, с. 32–33; Тихонов, 2016б, с. 36–36, рис. 8, с. 37; 2016в, с. 162–163, рис. 1, с. 163). Все они: Себеляково, Сеитово, Шихово, Иткучуково, Атак, Киргап, за исключением Айткулово, сохранились. Кроме бухарцев в этих деревнях жили татары служилые, захребетные, и ясачные (в Себеляково). Автором осмотрены две из них: Айткулово и Киргап. После пожара в 2005 г. жители Айткулово (8 семей) разъехались по окрестным деревням (Междуречье, Заливино, Фрунзе), а площадь, занимаемая когда-то деревней, заросла высокой травой. Сохранились основания домов в виде кольцевой насыпи с углублением в центре. Такие объекты археологи иногда называют «бублики». Прослеживаются улицы и переулки, спуски к реке. Сохранилось кладбище, правда, надмогильные сооружения «кыртма» все сгорели. Что касается культурного слоя, то его мощность не превышает 20–30 при очень слабой насыщенности и местами повышенной плотности. К слову сказать, что в осмотренных автором и С.Ф. Татауровым в конце 1990-ых годов татарских деревнях Юрт-Бергамак, Кулдук-аул, Таксай-аул (Муромцевский район) культурный слой практически отсутствовал.

В Киргапе проживает несколько десятков жителей, и есть два кладбища. Старое более чем наполовину смыто Иртышом, новое организовано около 20 лет назад. Но если Айткулово всегда стояло на одном месте, то в XVIII веке жители Киргапа зимой жили на одном месте, а летом – на другом. Зимние юрты Киргапские зафиксированы как поселение Киргап I в 1983 г. В.И. Матющенко. В XIX веке юрты Киргапские находились на разных берегах Иртыша: на правом берегу на месте зимних юрт, и на левом близ безымянного озера в пойме Иртыша были юрты летние. Что касается культурного слоя в д. Киргап, то в осмотренном обнажении берега на протяжении 500–600 метров никаких находок не обнаружено.

Итоги. История формирования группы выходцев из Средней Азии, называемых в Западной Сибири бухарцами, бухарскими татарами, сартами изучена исключительно по письменным источникам. Известно время их прихода в Сибирь, места компактного проживания, занятия, пофамильный состав, генеалогия некоторых родов.

Но, как это часто бывает в научных исследованиях, вопросов появляется больше, чем ответов на них. Например, можно определенно говорить, что миссионеры, проповедники, учителя ислама приходили из Большой Бухары, но откуда приходили другие бухарцы? Из Уйгурии? По какой причине во второй половине XVII века в Сибирь приходит масса переселенцев с юга, которые впоследствии оседают в небольших татарских деревнях? Очевидно, что это представители разных социальных групп. Наконец, можно ли выделить и достоверно диагностировать культурно-хронологический пласт сибирских бухарцев? Или же возможности современной археологии и этноархеологии не позволяют выделять иноэтничные группы (бухарцев) в культурной среде сибирских татар? Этот последний вопрос – иноэтничные группы в однородной культурной среде – очень важен в методологическом аспекте, поскольку его успешное исследование дало бы алгоритм выявления инфильтрированных в монокультурную среду сходных по материальной культуре групп населения. Подобный вопрос рассматривал Ю.В. Трофимов, на материалах более ранних памятников (Трофимов, 2004).

Что касается археологических материалов, то отметим, что, несмотря на то что изучение этнографо-археологических комплексов сибирских татар омские археологи и этнографы ведут более 20 лет, специально бухарских татар никто не изучал. В этом плане могут быть перспективными для исследований памятник Киргап I и деревня Айткулово.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валеев Ф.А. Сибирские татары: культура и быт. Казань: Татар. Кн. Изд-во, 1992. 208 с.
2. Валиханов Ч. Собрание сочинений: в 5-ти т. Т. 3. Алма-Ата: Каз. Сов. Энцикл., 1985. 415 с.
3. Белич И.В. О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири // (к 100-летию публикации Н.Ф. Катановым рукописей Тобольского музея) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2006. № 6. С. 153–171.
4. Бустанов А.К., Корусенко С.Н. Родословные сибирских бухарцев: Ильяминовы // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 2 (42). С. 97–105.
5. Бустанов А.К., Корусенко С.Н. Родословные сибирских бухарцев: Шиховы // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 4 (60). С. 136–145.

6. Катанов Н.Ф. Предания тобольских татар о прибытии в 1572 году мухаммеданских проповедников в город Искер // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, Губернская типография, 1897. Вып. 7. С. 51–61.
7. Катанов Н.Ф. О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири // Ученые записки Императорского Казанского университета. 1903. Кн. XII. С. 133–146.
8. Катанов Н.Ф. О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири (по рукописям Тобольского губернского музея) // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, Типография Епархиального Братства, 1905. Вып. XIV. С. 1–28.
9. Корусенко С.Н. Сибирские бухарцы в начале XVIII века. Омск: Издат. дом «Наука», 2011. 248 с.
10. Рахимов Р.Х. Астана в истории сибирских татар: мавзолеи первых исламских миссионеров как памятники историко-культурного наследия. Тюмень, 2006. 77 с.
11. Ремезов С.У. Хорографическая чертежная книга Сибири Семена Ульяновича Ремезова. Тобольск : Обществ. Благотворит. Фонд «Возрождение Тобольска», 2011. 690 с.
12. Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Мусульманские культовые комплексы Сибири в картографических материалах Семена Ульяновича Ремезова // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2015. № 4 (8). С. 165–173.
13. Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Белич И.В. Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального. М.: Изд. дом Марджани, 2009. 216 с.
14. Тихонов С.С. Археолого-исторические объекты Тары и их картографирование // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015а. Т. XXI. С. 420–423.
15. Тихонов С.С. К вопросу о микропонимике малого сибирского города и глубине исторической памяти его населения (по материалам города Тары, Омская область) // Третьи Ядринцевские чтения. Материал III Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 300-летию Омска. Омск: ОГИК музей, 2015б. С.409–410.
16. Тихонов С.С. К вопросу о месте расположения Бухарской слободы Тарской крепости (исторические районы и топонимы города Тары) // Третьи Ядринцевские чтения. Материал III Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 300-летию Омска. Омск: ОГИК музей, 2015в. С.411–413.
17. Тихонов С.С. Исследования микро топографии Тарской крепости и ее окрестностей в 2016 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016а. № 22. С. 440–442.
18. Тихонов С.С. Бухарская слобода Тарской крепости: исследования топографии и исторических районов города // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016б. № 8. С. 32–38.
19. Тихонов С.С. Бухарцы в Тарском Прииртышье в конце XVI – начале XVIII в. // Экология древних и традиционных обществ. Тюмень : Издательство Тюменского государственного университета. 2016в. Вып. 5. Ч. 2. С. 160–164.
20. Тихонов С.С. Город Тара, его историческая топография и этнографо-археологические исследования // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. Павлодар-Барнаул, 2017. Т. 2. С. 74–80.
21. Трофимов Ю.В. Контакты древнего населения Западной Сибири по археологическим материалам: Исследования отечественных ученых 1920–1970-х гг. Автореф. дисс. ... к.и.н. Омск, 2004. 24 с.
22. Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI–начале XX вв. Новосибирск : Изд-во Новосибир. Ун-та, 1992. 271 с.
23. Чулков М.Д. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древнейших времен до ныне настоящего. Т. II. Кн. III. М. Университетская типография. 1785. 644 с.

S.S. Tikhonov

BUKHARA TATARS AND THE EVIDENCE OF THEIR STAY IN THE MIDDLE IRTYSH AREA

In the 16th – early 20th centuries, in Western Siberia lived a group of Tatars – leaving Central Asia, called Bukharlyk, Bukharans, Siberian Bukharians, Sarts, etc. Having come to Siberia as preachers of Islam, traders, warriors, they gradually mingled with the local population, and at the end of the 17th century became subjects of the Russian state. Their history is known from written sources.

However, till now the following questions remain unclear: from what regions of Central Asia did the Bukharans come to Siberia? What were the reasons for the resettlement? How many and in what specific periods were the settlers?

Studying the history of Bukhara Tatars will allow not only to more fully consider the ethnogenesis and ethnic history of one of the Turkic peoples, but will stimulate the development of the methodology of such studies.

The author believes that each nation has specific cultural elements that are absent from their neighbors. It is difficult to diagnose such elements, but it is not impossible. If this problem is successfully solved, archaeologists and ethnographers will have an algorithm for identifying markers of small ethnic groups in a homogeneous cultural environment.

In the same work, the author dwelled on the analysis of materials testifying to the presence of Sarts in Western Siberia and the possibility of their use in archaeological, historical and ethnoarchaeological studies.

Keywords: Bukharans, Sarts, sources, Tatar villages, methodology.

Сведения об авторе:

Тихонов Сергей Семенович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Омского филиала ФГБУН «Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук» (г. Омск); semchi957@gmail.com

Tikhonov Sergey – Candidate of Historical Sciences, Senior Research fellow of the Omsk Branch of the Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Omsk)

К статье: *Тихонов С.С.* «Бухарские татары и поиск материальных свидетельств их пребывания в Среднем Прииртышье»

Рис. 1. Предполагаемое место расположения Бухарской слободы в г. Тара. Фото автора

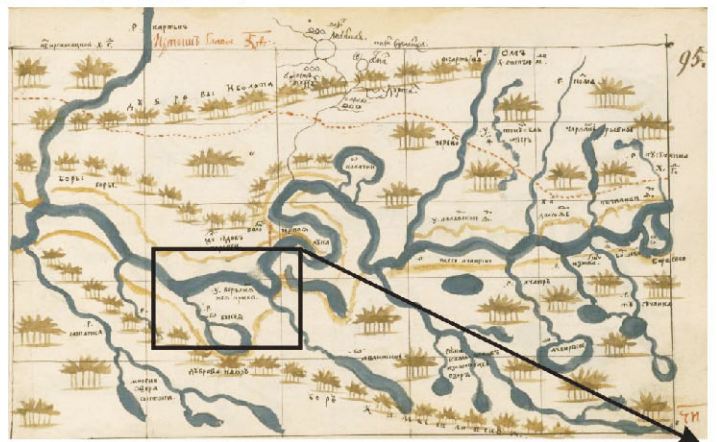
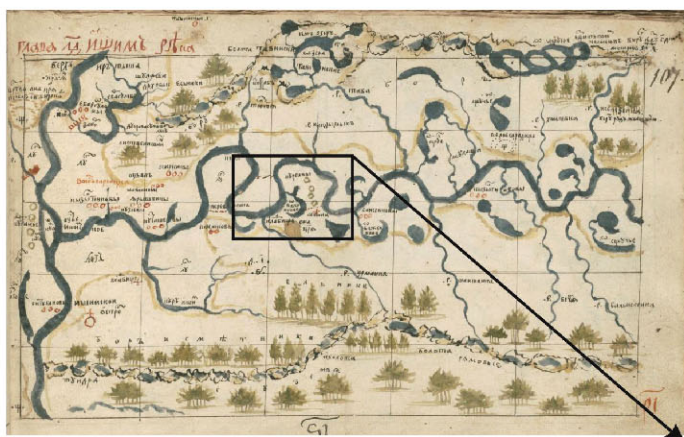

Рис. 2. Астана и кладбище Она царя на Иртыше на листе 107 «Хорографической чертежной книги...»

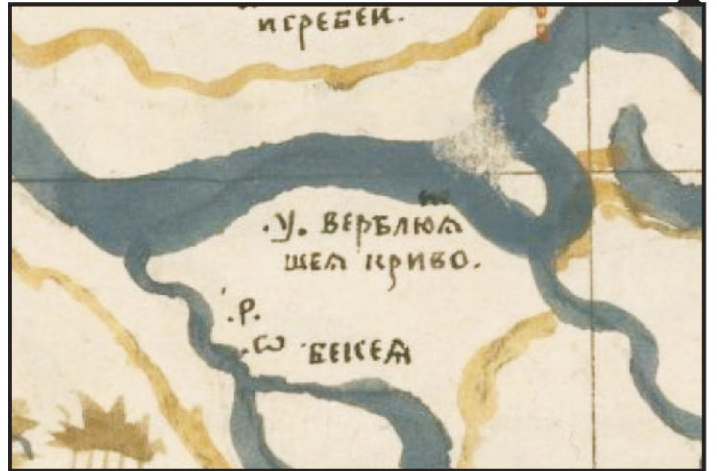

Рис. 3. Участок Среднего Прииртышья на листе 95 «Хорографической чертежной книги...»

Рис. 4. Свидетельства пребывания верблюдов в Среднем Прииртышье
1 – верблюд в Омске. Фото 1904 г.;
2 – дикая орхидея на календаре 2009 г.

ПУБЛИКАЦИЯ ДОКУМЕНТА

УДК 930.2"15"

ПИСЬМА ИВАНА IV В КРЫМ. АВГУСТ 1564 г.*

© 2017 г. Д.А. Мустафина, И.А. Мустакимов

Целью данной публикации является введение в исследовательский оборот слабо известных документальных материалов – писем Ивана IV крымскому хану Девлет-Гирею и его ближайшему окружению, отправленных с гонцом А.Н. Мясным. Послания являются одним из звеньев непростого переговорного процесса между двумя правителями по вопросу заключения мирного соглашения, одним из условий которого предусматривалась совместная борьба против «литовского короля». Тексты писем извлечены из посольских книг по связям России с Крымским ханством, отложившихся в фондах РГАДА.

Ключевые слова: Крымское ханство, Девлет-Гирей хан, Иван 4, крымские посольские книги.

В данной подборке представлены тексты двенадцати писем из Москвы в Крым, датированных августом 1564 г. Адресованы они были хану и его ближнему кругу. Одиннадцать писем были составлены от имени Ивана IV и предназначались: два послания Девлет-Гирею, по одному – калге Магмет-Гирею, Адиль-Гирею, матери хана, двум его женам – Аише-Фатьме и Хансюер (Хан Сурет)¹, князю Сулешу, Мустафе аге, Ахмету князю Аспату Черкасскому, Мураду мурзе. Царица Мария Темрюковна отправила письма царицам Аише-Фатьме и Хансюер. Письмо царевича Ивана было предназначено Мураду мурзе. Все эти послания представляют собой одно из звеньев сложного затяжного переговорного процесса между правителями Крымского ханства и Российского государства по вопросу заключения мирного соглашения, предусматривавшего совместные военные действия против Литвы и Польши. Побудительным мотивом к составлению публикуемых актов стала необходимость скрепления данного варианта «шертной грамоты», в данном случае военного договора между Москвой и Бахчисараем, всей политической элитой Крымского государства. Подписания договора не только одним ханом, но и калгой, всеми царевичами, карачиями, уланами, князьями и остальными приближенными людьми, и непременно в присутствии посла А.Ф. Нагого гонцов Ф.А. Писемского и А.Н. Мясного.

Продиктовано это было тем обстоятельством, что 2 января 1564 г. дипломатам А.Ф. Нагому и Е. Ржевскому удалось добиться подписания предыдущего варианта соглашения лишь ханом Девлет-Гиреем. К тому же он фактически уклонился от возложения на себя обязательства о совместном противостоянии сторон против Литвы и Польши. От доставившего «шертную грамоту» гонца Ащибаша в Москве стало известно, что хан рассматривает возможность подобного военного союза, направленного против «литовского короля», но окончательное юридическое оформление считает возможным лишь при условии присылки «поминок» из Москвы и оговорки его размеров в тексте соглашения. 5 марта 1564 г. Иван IV, в свою очередь, подписал вариант договорной записи, но воздержался от указания в ней размеров «поминок», хотя 29 февраля 1564 г. царь с боярами приговорили о принятии условий крымского хана о посылке в Бахчисарай поминок в размерах, отосланных некогда хану Сахиб-Гирею с посланником А. Кашиным Сахиб-Гирею (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 10, л. 369–369 об.; Виноградов, II, с. 32).

Задача склонения крымского хана к заключению русско-крымского мирного соглашения на условиях русской стороны², поставленная перед послом Афанасием Федоровичем Нагим, с лета

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15–01–00394.

¹ Тексты посланий Ивана IV и царицы Марии Темрюковны ко второй жене не приведены, в ркп лишь отмечено, что они аналогичны с посланиями к царице Аише-Фатьме салтан (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 11, л. 68 об., 69 об.).

² Более подробно об условиях соглашения см.: Виноградов, II, 2007, с. 17–18.

1563 г. находившегося в Крыму (Виноградов, II, 2007, с. 85–86, прим. 82), оставалась нереализованной. Переговоры о «замирении» продвигались с большим трудом (Виноградов, 1991, с. 8–38).

Девлет-Гирей оказался в затруднительном положении, ему предстояло сделать нелегкий выбор. С одной стороны, на хана оказывали давление посланцы Сигизмунда II Августа, стремившегося удержать крымцев в орбите своих интересов, как посредством выплаты (или обещания скорой выплаты) «казны», так и угрозами организовать нажим на хана со стороны турецкого султана. Литва и Польша были заинтересованы в дестабилизации положения на южной окраине Русского государства и отвлечении сил русских на организацию отпора и оборону от набегов крымского войска. С другой стороны, у Девлет-Гирея не было уверенности в том, что главные участники Ливонской войны не придут к мирному соглашению, и вместо одного потенциального неприятеля он приобретет двух противников, к тому же лишится материальных поступлений. Между тем пережившее голод и эпидемию Крымское ханство было разорено и поэтому вопрос о «поминках» и его размере приобретал особую смысловую нагрузку. Наконец, правителю Крыма приходилось считаться с произошедшим раздвоением крымской знати, часть которой была обеспокоена усилением влияния Москвы на Северном Кавказе, в Ногайской Орде, сопровождавшимся неминуемым ослаблением позиций Крыма. Хан не мог не учитывать и возросшую угрозу со стороны своего северного соседа: недавний поход боярина И.В. Шереметева, набеги казаков, руководимых Д.И. Вишневецким, опустошения крымских улусов путивльскими казаками во главе с дьяком И.Ржевским и отрядом окольного Д.Адашева (Соловьев, 1989, кн. 3, с. 475–480).

Крымская сторона подготовила свой проект «шертной записи», который 21 мая 1564 г. отослала в Москву с гонцом князем Карашем «с товарищи». В свою очередь правительство Ивана IV 15 марта 1564 г. отправило в Бахчисарай вместе с крымским гонцом Ащибашем гонца Ф.А. Писемского, сменившего умершего в пути Г.Злобина, с очередным вариантом предполагаемого соглашения (Виноградов, 2007, с.93–94, прим.173).

Однако ночью в Поле на Овечьих водах на крымских посланцев было совершено нападение каневских черкас. Последствия оказались плачевными: один человек из посольской свиты был убит, письма Девлет-Гирея к Ивану IV, донесения посла А.Ф. Нагово были отобраны и, по-видимому, доставлены М.Вишневецкому. На аудиенции у царя крымский гонец Караш рассказал об удачном походе крымцев на Валахию и отказе султана от похода на Астрахань. 16 августа «пожалованный» царем князь Караш вместе с гонцом А.Н. Мясным был отпущен в Крым. Названному русскому дипломату были вручены публикуемые письма. Но к моменту доставки этих посланий настроения в Крыму существенно изменились. Ибо польско-литовские дипломаты не бездействовали, «уговорили» хана Девлет-Гирея, не склонного доверять царю Ивану IV, выступить в поход на русские земли: 17 августа того же года хан совершил нападение на рязанские земли (Новосельский, 1948, с. 21).

Дальнейшую эволюцию взаимоотношений между Москвой и Бахчисараем отражают уцелевшие посольские книги по связям России с Крымским ханством, отложившиеся в фондах Российского государственного архива (РГАДА, г. Москва). Предлагаемые вниманию читателя письма были извлечены из хранящейся под номером 11 книги, подготовленной нами к печати (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 11, л. 48 об.–86).

ПРИЛОЖЕНИЕ

1564(7071) августа не позднее 16.

Комплекс писем из Москвы от царя Ивана IV, Марии Темрюковны, царевича Ивана Ивановича в Крым.

А се грамота в Крым к Девлет-Кирею³ царю с Андреем Микитиным сыном Мясного. Августа 16 дня. //

(л. 49) Бога всеми властвующаго милостию великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси Великие Орды великому царю, брату моему Девлет-Кирею царю многом-много поклон. После с любовью слово то.

Сею дорогою гонца своего Караша к нам прислал еси. И твой гонец Караш от тебя, брата нашего, нам говорил, что еси, брат наш, по салтанову веленью турецкого ходил на Волошскую землю⁴ и Волош-

³ В слове «Девлеткирею» буквы «рею» исправлены по ранее написанному.

⁴ Волошская земля или Валахия — историческая область между Карпатскими горами и рекой Дунай.

скую еси землю воевал, и много корысти поимал. И на Азбаре городе Александра воеводу посадил еси, и всю Волошскую землю в салтанове⁵ воле учинил еси. И волошских людей многих побил еси, и в свою землю // (л. 49 об.) со мною корыстью здорово пришел еси. И тому порадовался еси, и свою радость послал еси нам сказати своего ближнего человека Караша. А с ним, сказывает, ты, брат наш, послал был к нам свою грамоту да поминки сына боярского волошанина да аргамак доброй. И приходили, сказывает, на них на Поле недруга нашего литовского короля черкаские казаки и их громили, и грамоту твою и поминки, сына боярского волошанина и аргамак, и животы их все⁶ взяли. И тово человека убили, которой твою⁷, брата нашего, грамоту вез. И мы твое здоровье, брата своего, от твоего гонца Караша слышав, что еси Волош// (л. 50) скую землю воевал и со мною корыстью к себе пришел, дал Бог, здорово, тому вельми порадовалися есмя. И ты, брат наш, на своем Юрте здоров был, а мы б на своих государствах здоровы были. И вперед бы меж нас с тобою, братом нашим, любовь свыше множилася, и недруги бы наши под ногами нашими были.

А которые поминки послал был еси к нам, брат наш, любви для, и хоти те нас поминки не дошли, ино то, брат наш, твоя любовь до нас дошла же, коли еси к нам поминки свои любви для послал. И нечто б, Бог дал, наших коней ноги в недруга нашего литовского короля земле были, и чтоб, дал // (л. 50 об.) Бог, недружбы свои и те досады недругу своему доводили, сколько нам Бог помочи даст.

А ныне твоего гонца Караша с товарищи, своим жалованьем пожаловав, к тебе, брату своему, отпустили есмя. И с ним вместе своего дворянина Ондreja Микитина сына Мясного с сею грамотою к тебе, брату своему, послали есмя. Да любви для и поминки есмя свои с ним к тебе, брату своему, послали.

А преж сего отпустили есмя к тебе, брату своему, твоего гонца ближнего твоего человека Ащибаша. А с ним вместе послали есмя к тебе доброво своего дворянина Федо// (л. 51)ра Ондреевича Писемского с своею грамотою и с речми. А писали есмя к тебе, брату своему, с Федором и речию приказывали, что есмя по твоей, брата нашего, грамоте, что еси писал к нам с Ащибашем, перед отцем своим богомольцем Афонасьем митрополитом всеа Руси и перед богомольцем своим Пиминим архиепископом Великого Новагорода и Пскова, и перед послом твоим Янболдуем, и перед гонцом твоим Ащибашем тебе, брату своему, правду есмя учинили на записи, и печать свою есмя к той записи⁸ велели привесити. И ту есмя запись послали к тебе с своим дворянином с Федором Ондреевичем⁹ Писемским, // (л. 51 об.) с твоим гонцом с Ащибашем вместе. А что еси писал к нам, чтоб нам тебе послати свои поминки с своим послом по тому же, как есмя посылали поминки к дяде твоему к Саип-Кирею царю, с своим послом со князем Александром Кашиным, с Сулешем¹⁰ князем вместе, и мы твоего посла Янболдуя, да и своего большого посла Федора Игнатьевича Салтыкова Морозова, к тебе, брату своему, отпустили. А з своим послом с Федором к тебе, брату своему, поминки свои послали есмя таковы же, каковы поминки¹¹ посылали есмя к дяде твоему к Саип-Кирею царю с своим послом со князем Александром // (л. 52) Кашиным. Да, видя к себе твою, брата своего, прямую любовь, и яз и свыше того свои поминки с послом своим с Федором к тебе, брату своему, послал есми. А о чем еси, брат наш, писал к нам с Ащибашем, чево еси у нас просил, и мы любви для тебе, брату своему, за то не постояли, то есмя тебе, брату своему, послали с своим гонцом с Федором Писемским.

И ныне, как наш гонец Ондрей Никитин сын Мясново к тебе, брату нашему¹², с сею нашею грамотою приедет¹³, и ты б, брат наш, велел грамоту свою шертную написать с тово списка слово в слово, которой список к тебе, брату // (л. 52 об.) своему, послали есмя с своим послом с Офонасьем Федоровичем Нагим. И нишан бы еси свой золотой к той грамоте приложил. И на той своей шертной грамоте перед нашим послом Офонасьем Федоровичем Нагим и перед нашими гонцы Федором Ондреевичем Писемским и перед Ондреем Никитином сыном Мясново правду учинил почен собою в головах. И сын твой калга Магмет-Кирей царевич и Адъль-Гирей царевич, и иные дети твои царевичи, и карачеи твои, и уланы, и князи, и все твои приближенные люди крепко бы шерт¹⁴ учинили есте. И с то// (л. 53)ю бы еси своею шертною грамотою своево посла Мурат мурзу к нам отпустил вместе с нашим послом с Офонасьем Федоровичем Нагим, не измотчав.

⁵ В слове «салтанове» выносная «л» исправлена по ранее написанному.

⁶ В слове «все» буква «ять» исправлена по ранее написанному.

⁷ В слове «твоею» буква «о» исправлена по ранее написанному.

⁸ В слове «записи» буква «з» исправлена по ранее написанному.

⁹ В слове «Ондреевичем» буква «и» исправлена по ранее написанному.

¹⁰ В слове «Сулешем» буква «у» исправлена по ранее написанному.

¹¹ В слове «поминки» вторая буква «и» исправлена по ранее написанному.

¹² Слово «нашему» исправлено по ранее написанному «своему».

¹³ В слове «приедет» буква «д» написана по чищенному.

¹⁴ В слове «шертъ» буква «ь» исправлена по ранее написанному.

А наперед бы еси послов нашего гонца Ондreja Мясного к нам прислал с тем, что еси, брат наш, перед нашим послом Офонасьем Федоровичем Нагово на шертной грамоте правду нам учинил и своего посла Мурат мурзу и нашего посла Офонасья к нам отпускаешь.

А в которой день своего посла Мурат мурзу и нашего посла Офонасья Федоровича Нагово к нам отпустишь, и ты б наперед их¹⁵ к нам с тем прислал нашего посланника Федора Он// (л. 53 об.) дреевича Писемского. И с Федором бы еси к нам приказал, в которой день твоему послу Мурат мурзе и нашему послу Офонасью Федоровичю Нагово быти х Путивлю на Семи. И мы твоему послу Янболдую и своему послу Федору Игнатъевичю Салтыкову велим быти на Семь х тому же дни.

А как твой, брата нашего, посол Мурат мурза с шертною грамотою и наш посол Офонасей у нас будут, и мы свою докончальную грамоту велим написати с того списка слово в слово, каков¹⁶ есмя список послали к тебе с своим посланником с Федором Писем// (л. 54)ским, и печать свою золотую к той грамоте велим привесити. И на той докончальной грамоте перед отцем своим богомольцом Афонасьем митрополитом всеа Русии и перед твоим послом Мурат мурзою крест целуем. И твоего посла Мурат мурзу, пожаловав, к тебе, брату своему, отпустим.

А с тою своею докончальною грамотою и с своими с великими поминки пошлем к тебе своего большого посла ближнего своего человека с твоим послом Мурат мурзою вместе.

И как есмя к тебе, брату своему, с своим посланником с Федором Ондреевичем Писемским и с твоим гонцом с Ащибашем вместе // (л. 54 об.) о вечном деле и о крепкой дружбе писали, по тому с тобою, братом своим, быти и хотим. И инако слово наше не будет. А ты б, брат наш, по тому же в крепкой дружбе с нами был, как еси к нам писал. И твое бы слово инако не было. И недруга бы еси нашего короля воевал, то от тебя, брата нашего, крепкой дружбе и братству знамя. И вперед бы меж нас с тобою, братом нашим, дружба и доброе дело множилось. А что твой гонец Караш говорил нам от тебя, брата нашего, о кречате о добром да о шубе о бархатной на соболех, и мы за то не постояли, то тебе, брату // (л. 55) своему, послали есмя.

Писана на Москве лета от создання миру 7072-го августа месяца.

А се другая грамота ко царю с Ондреем Мясного о царева гонце погроме, о Караше с товарищи.

Бога всеми владующаго милостию великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии Великие Орды великому царю, брату моему Девлет-Кирею царю многом-много поклон.

Прислал еси к нам гонца // (л. 55 об.) своего Караша князя с товарищи. И твой гонец Караш князь с товарищи, приехав в Путивль, сказывали наместнику нашему и воеводе князю Григорью Федоровичю Мещерскому, что их громили на Поле недруга нашего литовского короля черкасские казаки. А, приехав к Москве, Караш же князь да сына твоего Адыль-Гиреев царевичев человек Асан сказывали казначею¹⁷ нашему Миките Фуникову, как их громили черкасские казаки на Поле и, сказывают, они видели, что будто с теми черкасцы был путивльской казак, Иванком зовут, а чей словет, и того не ведают¹⁸. // (л. 56) И мы того посылали в Путивль и в ыные украинные города сыскивати и сыскали есмя в Путивле путивльских казаков Левона Бута с товарищи четырех человек. И про тот погром и грабеж про твоих, брата нашего, гонцов Караша с товарищи тех путивльских казаков Левона Бута с товарищи велели пытать крепкою пыткою. А х пытке есмя посылали казначея своего Микиту Офонасьевича Фуникова да дьяка своего Ондreja Васильева. И Левон Бут с товарищи сказывали, что было их на Поле шесть человек, и все сновали на Донце. И пошли были те путивльские казаки, шесть человек, в Путивль // (л. 56 об.) перед Петровым заговеньем, и на Муравском шляху меж Мжа и Коломак нашли их черкасские казаки Федько волошанин с товарищи, всех тех черкасских казаков девяносто человек, и взяли их с собою. А привели их к правде, что им от них не убежати и вести в Путивль никаковы не дати. И как деи те черкасцы твоего, брата нашего, гонца Караша князя с товарищи подозрели и, на стан пришед в ночи, лошади у твоих людей отогнали, а после пришед, и рухлядь взяли. И грамоту твою, брата нашего, которую ты, брат наш, с своим гонцом с Карашем к нам послал, и поминки твои, брата на// (л. 57)шего, сына боярского волошанина и аргамак, взяли. Да и посла нашего Офонасья Нагово грамоту, которую к нам послал с нашим татаринном Янмусою, и ту грамоту черкасцы взяли же. И животы гонцов твоих Караша князя с товарищи все поймали черкасские казаки. И то есмя, брат наш, гораздо сыскивали. И те наши казаки на пытках сказывали, что громили твоих гонцов Караша князя с товарищи недруга нашего литовского короля атаман Федько волошанин, а с ним его товарищи были десятники, черкасские жо казаки: десятник Клим, десятник // (л. 57 об.) Ондрей Лях, десятник Замойской, десятник Сидорко, десятник Милея, десятник Васюк Толстой, тому твои, брата нашего, аргамак сер хоненен, которого ты к нам

¹⁵ Слово «их» написано над строкой.

¹⁶ В слове «каков» буква «о» под чернильным пятном.

¹⁷ В слове «казначею» выносная буква «з» стерта.

¹⁸ В слове «ведают» буква «д» исправлена по ранее написанному.

послал, ему наделу достался, десятник Степанко Корова, десятник Грицко подолянин, княж Дмитреев человек Вишневецкого, да Вишневецкого княж Дмитреевы люди тут были – Кот Козятинской, Лосятинской, Васюк Копаченок да черкашенин сын боярской Степан Яцкович. А всех их было на погроме¹⁹ и в стану черкас девяносто человек. А oprичь шти человек тех наших казаков с ними наших людей иных не было. Так есмя сы// (л. 58)скали и, розделив те черкасы аргамачи и кони и животы людей твоих, и пошли в Черкасы. И те грамоты повезли в Черкасы ко князю Михаилу Вишневецкому. А нашим казаком Левону с товарищи шти человеком дали худые лошади и кобылы, три ли, четыре ли устали, которые черкасом не пригодилися. А Левон Бут с товарищи, сам четверт, пришли в Путивль, а два товарища²⁰ Бутовы от Бута отстали, а пошли на Дон. А что нашим путивльским казаком Буту с товарищи те черкаские казаки дали рухляди и лошадей, и мы то, сыскав, и Карашу с товарищи отдати велели. Да для // (л. 58 об.) с тобою, братом своим, крепкие дружбы и прямого сыску²¹ тех путивльских казаков Левона Бута и товарищев его Васку да Игнашку, да Якушка Рьжка перед твоим гонцом перед Карашем князем с товарищи велели ставити и выпрашивати их велели самим. И пытку крепкою тех казаков перед Карашем князем с товарищи пытати велели. И которые речи сказывали твоему гонцу Карашу с товарищи, и то тебе, брату моему²², скажет твой гонец Караш. А Караша есмя с товарищи пожаловали для того, что с тобою, братом своим, в крепкой // (л. 59) дружбе учинилися есмя. А тех есми казаков Левона Бута с товарищи четырех человек, которые перед твоими людьми были, послали их в Путивль, а велели их казнити.

Да писал к нам из Рьльска наместник наш Федор Образцов, что приходили твои, брата нашего, люди в нашу волость в Куреск апреля 6 дня, и он за теми людьми посылал атамана Степана Суковкина с казаки. И они за теми людьми ходили да их не сошли, да встретилися с твоими людьми с ыными, а они гонят животину. И те казаки тех людей громили и животину у них поимали. И мы тех // (л. 59 об.) рьльских казаков велели переимати и казнь свою на них положили. А которую животину у твоих, брата нашего, улусных людей поимали, и тое есмя велели все сыскати. И сыскали тое животины сто волон и коров. И тебе бы, брату нашему, ведомо было. А преж сего²³ к тебе есмя, брату своему, о том писали, что те казаки рьльские учинили то над твоими людьми без нашего ведома.

А мы по всем своим украинным городом учинили крепкую заповедь, чтоб наши люди на твои, брата нашего, улусы не ходили, и твоим людем убытка никакова не делали. А которые наши // (л. 60) люди твоим, брата нашего, людем, каковы убытки учинят, и мы тех людей велели имати и казнь свою велели на них класти, а взятое велели сыскивати. А ты б, брат наш, по тому же своим людем велел заказати, чтоб твои, брата нашего, люди на наши украинны не приходили. И людем нашим убытка никоторого по тому же не чинили. А которые твои люди придут без твоего, брата нашего, ведома, и ты б тех велел сыскати и взятое нашим людем велел назад отдати.

А ныне приходили войною на нашу украину на мещерские места на Инзеру Бердимагмет Янай мурзин сын. А после того приходил на те// (л. 60 об.)мниковские места Бердимагметев брат Бегиш Янаев же мирзин сын да крымцы Янгильдей Абаев с товарищи, да азовские татарове Аранча, да атаман Ази-Камал, а с ними крымцы и азовцы и нагайские люди, которые нагайцы жили преж того в Крыме, а ныне живут в Азове, и нашим людем убытки поделали. И наши люди за ними ходили и их погромили, и языки у них поимали. Да и гонец твой Караш с товарищи тех языков видели и выпрашивали их, котрым обычаем они приходили. И ты б, брат наш, тех людей, которые приходили, сыскав, велел казнити. А взятое, сыскав, велел // (л. 61) нашим людем отдати. А мы за то с тобою, братом своим, дружбы не отставливаем, что те твои люди на нашу украину ходили и убытки нашим людем поделали. Вперед бы еси, брат наш, велел того беречи, чтоб твои люди нашим людем убытка не делали.

А преж того ты, брат наш, к нам писал, что Азов приказан от салтана оберегати тебе. И нам бы твоя для, брата нашего, Азову своим людем убытка никоторого делати не велети. И мы с тобою, братом своим, учинились в крепкой дружбе. И своим людем во всем украинам заказали накрепко, Азову и азовским людем никоторого убытка чинити не велели. // (л. 61 об.) И по нашему приказу наши люди Азову никоторого убытка не делают. А из Азова азовские люди и крымцы и нагайцы, которые живут на Азове, и не одинова приходили на наши украинны на мещерские места войною и нашим людем многие убытки поделали. И ты б, брат наш, вперед велел того беречи накрепко, чтоб твои люди на наши украинны войною не приходили и убытков не делали, тем бы меж нами с тобою, братом моим, доброе дело и дружба лихими людьми не рушилася.

Писана в государства нашего дворе града Москвы лета 7072-го августа месяца. //

¹⁹ В слове «погроме» буква «е» исправлена по ранее написанному.

²⁰ Так в ркп.

²¹ В слове «сыску» буква «у» исправлена по ранее написанному.

²² В слове «моему» буква «у» исправлена по ранее написанному.

²³ Слово «сего» написано по чищенному.

(л. 62) А се грамота послана х калге с Андреем Мясным.

Бога всеми владующаго милостию великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии Великие Орды великого царя, брата моего Девлет-Кирееву цареву сыну калге Магмет-Кирею царевичю многом поклон. После с любовью слово то.

Сею дорогою с слугою отца своего с Карашем своего слугу Аккозя з грамотою к нам прислал еси. А в грамоте своей к нам писал, что еси с отцом своим Девлет-Киреем царем по салтанову велению турского ходили на Волошскую землю и Во// (л. 62об.)лошскую землю воевали, и много корысти поимали. И волошских людей побили есте и в свою землю со многу корыстью здорово пришли есте. И с сеунчем про свое здоровье известити, а про наше здоровье отведати, верного слугу своего Аккозю послал еси. И только похотим з братом своим, с отцем твоим з Девлет-Киреем царем, в любви быти по прежнему обычаю, и нам бы ваших послов, которые ныне пошли, вборзе к вам отпустить. И мы про брата своего, про отца твоего Девлет-Кирея царя, здоровье да и твое здоровье слышав, что есте Волошскую землю воевали и со многу корыстью к себе при// (л. 63)шли, дал Бог, здорово, тому порадовалися еся.

А которой поминок послал был еси к нам, и тот поминок до нас не дошел, что на ваших гонцов приходили на Поле недруга нашего литовского короля черкасские казаки и их громили, и поминки и животы их все взяли. И хотя тот поминок до нас и не дошел, ино то твоя любовь до нас дошла же, коли еси к нам поминок послал. А что наперед сего с отца своего слугою с Ащибашем вместе человека своего Дауда к нам прислал еси, и чего еси у нас просил, и то еся к тебе послали. И ты меж дву Юртов о добре гораздо радеешь, ино то делаешь гораздо. И ты б // (л. 63 об.) и вперед о добром деле гораздо радел, чтобы меж нас з братом моим, с отцем твоим з Девлет-Киреем царем, любовь множилася. И перед нашим бы еси²⁴ послом Офонасьем Федоровичем Нагим и перед посланником нашим перед Федором Андреевичем Писемским и перед гонцом нашим перед Андреем Мясным на шертной грамоте с отцом своим з Девлет-Киреем царем, з братом моим, правду учинили и недруга б есте нашего литовского короля воевали.

А что еси писал к нам о кречатех, и мы кречат к тебе послали. А что к нам пишешь, чего мы у тебя попросим, и нам бы к тебе о²⁵ том // (л. 64) отписати, и ты того не молвишь, что нет, то к нам пришьешь. И ты б прислал к нам конь доброй да иноходец доброй, чтоб под наше седло пригодилися.

А слугу твоего Аккозю, пожаловав, к тебе отпустили еся с отца твоего гонцом с Карашем вместе. Писана на Москве, лета от создания миру 7072-го августа месяца.

А се грамота послана с Андреем Мясным к Адъль-Гирею царевичю.

Бога всеми владующаго милостию великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича все// (л. 64 об.)а Русии Великие Орды великого царя, брата моего, Девлет-Кирееву цареву сыну Адъль-Гирею царевичю многом поклон. После с любовью слово то.

Сею дорогою с слугою отца своего с Карашем князем слугу своего Асана з грамотою к нам прислал еси. А в грамоте своей к нам писал еси, что еси наперед сего чево просити слугу своего к нам посылал еси, и мы то х тебе послали. А ты отцу своему Девлет-Кирею царю, брату моему, о добре радеешь, да прислати б нам к тебе кречата доброво, которой бы ловил. А что будет наше прошение, и нам бы к тебе в своей грамоте написати, и ты не молвишь, что нет. И мы твою грамоту // (л. 65) вычли и вразумели еся. И слугу твоего Асана с отца твоего, брата моего, гонцом с Карашем князем отпустили еся. И своего гонца Ондreja Микитина сына Мясного к брату своему Девлет-Кирею царю послали. А с ним любви для потешенья к тебе послали еся. А по твоему прошению кречат доброй к тебе послали еся. А з большим послом с Федором Игнатьевичем Салтыковым послали еся к тебе свое потешенье большое, так бы еси ведал. И ты б о дружбе и о любви и о добром деле радел и на шертной б еси грамоте с отцом своим, з братом нашим Девлет-Киреем царем, нам крепко шерт учинил еси перед послом нашим Офонасьем Федоровичем Нагово и перед нашими посланники // (л. 65 об.) перед Федором Ондреевичем Писемским да перед Андреем Никитиным сыном Мясново.

Молвя грамоту тебе послали еся.

Писана в государства нашего дворе града Москвы лета от создання миру 7072-го августа месяца.

А се такова грамота послана с Андреем Мясного ко цареви матери.

Бога всеми владующаго милостию великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии Великие Орды великого царя, брата моего, Девлет-Кирея царя // (л. 66) матери-царице многом поклон. После с любовью слово то.

²⁴ В слове «еси» буква «е» исправлена по ранее написанному.

²⁵ Предлог «о» исправлен по ранее написанному.

Сею дорогою з брата нашего Девлет-Кирея царя слугою с Карашем князем с своею грамотою слугу своего Сулеймана прислал еси. А в грамоте своей к нам писала еси, что сын твой, брат наш Девлет-Кирей царь, и Магмет-Кирей царевич, и Адыль-Гирей царевич ходили на Волошскую землю. И Волошскую землю взяли, и рати их добре добылись, и пришли здорово. И для того дела порадовався, своего верного слугу Караша брат наш Девлет-Кирей царь к нам послал, чтобы и мы о том порадовалися и веселилися. И ярлык свой с любовью к нам послала. А и ты верного // (л. 66 об.) слугу своего Сулеймана²⁶ послала еси. И как доедет, и яз бы, брат ево, порадовался же. И о добром де меж дву Юртов радеешь. А какову промеж дву Юртов добру быти, и нам бы к тебе приказати. И мы про брата своего Девлет-Киреево цареве здоровье от его гонца Караша слышев, что он Волошскую землю воевал и со мною корыстью к себе пришел, дал Бог, здорово, тому вельми порадовалися есмя. А что еси писала к нам, что промеж дву Юртов о добром деле радеешь. А²⁷ какову промеж дву Юртов добру быти, и нам бы к тебе приказати. И ты б и вперед промежю дву Юртов о добре радела. // (л. 67) А какове меж нас з братом нашим Девлет-Киреем царем крепкой дружбе и доброму делу быти, и мы о том о всем к брату своему писали в своей грамоте с своим сыном боярским с Ондреем Микитиным сыном Мясново да и поминки есмя свои к тебе с своим сыном боярским с Ондреем послали.

Писана в государьства нашего дворе града Москвы лета 7072-го августа месяца.

А се грамота послана с Ондреем Мясного ко царице большой.

Бога всеми влаждующаго милостию великого // (л. 67 об.) государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси Великие Орды великого царя, брата моего, Девлет-Кирея царя Аише-Фатьма салтан царице многом поклон. После с любовью слово то.

Сею дорогою з брата нашего²⁸ Девлет-Кирея царя слугою с Карашем князем вместе человека своего Утемиша с своею грамотою к нам прислала еси. А в грамоте своей к нам писала еси, что²⁹ о добром деле меж нас з братом нашим з Девлет-Киреем царем радеешь. И с лехким поминком человека своего Утемиша к нам прислала еси. И нам бы его от большого гонца³⁰ не отставляя, вборзе отпустить.

И наше³¹ слово то. Коли брат наш Девлет-Кирей царь // (л. 68) с нами хочет добрые дружбы и братства и любви, и мы з Девлет-Киреем царем з братом своим братства и добрые дружбы и любви хотим. И посла его Янболдую отпустили есмя. А с ним вместе послали есмя к брату своему Девлет-Кирею царю большого своего посла Федора Игнатьевича Салтыкова Морозова з добрыми поминки. А наперед послов отпустили есмя к брату своему к Девлет-Кирею царю царица гонца Караша князя. А с ним вместе послали есмя к брату своему к Девлет-Кирею царю своево сына боярского Ондreja Никитина сына Мясново. А с ним поминки есмя к тебе послали. И ты б и ныне // (л. 68 об.) о том радела, чтоб меж нас з братом нашим з Девлет-Киреем царем дружба и любовь множилася, и обе бы земли в покое были. Да говорил нам от тебя Караш князь, что еси дочь свою дала замуж за Алея князя за Ширинского. И нам бы тебе прислать шубу да шапку, чем зятя подарити. И мы по твоему прошенью шубу и шапку х тебе послала с своим сыном боярским с Ондреем с Микитиным сыном Мясново.

Писана в госудрства нашего дворе града Москвы, лета 7072-го июля месяца.

Такова же грамота послана от царя и великого князя к другой царице Хансюерь // (л. 69) с Ондреем Мясным, какова к Аише-Фатьма салтане царице.

А се от царицы и великие княгини Марьи послана грамота большой царице Аише салтане.

Бога всеми влаждующаго милостию великого государя единого праваго восточным и северным царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси царицы и великие княгини Марьи Великие Орды великого царя Девлет-Киреево цареве царице Аише-Фатьма салтане сестре нашей многом // (л. 69 об.) – много поклон. После слово то.

Яз здесе в государя своего цареве и великого князя здоровье, дал Бог, здорово. А ты б там в государя своего цареве здоровье здорова была. А к нам бы еси о своем здоровье приказывала. А любви для послала есми к тебе сестре своей поминок золотой угорской.

Писана в государя моего царского величества степени³² дворе града Москвы, лета 7072-го августа месяца.

²⁶ В слове «Сулеймана» буква «у» исправлена по ранее написанному.

²⁷ Союз «а» исправлен по ранее написанному.

²⁸ В слове «нашего» буква «е» исправлена по ранее написанному.

²⁹ В слове «что» буква «о» исправлена по ранее написанному.

³⁰ Слово «гонца» написано по чищенному.

³¹ Предлог со словом «и наше» написаны по чищенному.

³² В слове «степени» буквы «епени» написаны по чищенному.

А другой царице Хансюер от царицы и великие княгини Марьи послана грамота такова же и поминок золотой.

(л. 70) **А се грамота послана к Сулешу с Андреем Мясным.**

Божиею милостию великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии многих земель государя слуге нашему Сюлейманше князю. Наше царское слово то.

Сею дорогою с слугою брата нашего Девлет-Кирея царя с Карашем паробка своего Шабана з грамотою к нам прислал еси. А в грамоте своей к нам писал еси, что брат мой Девлет-Кирей царь, государь ваш, на Волошскую землю ходил и добыточны учинились, и рать его здорово пришла, и в том деле порадовался. И к нам про свое здоровье // (л. 70 об.) сказати, а про наше здоровье отведати³³, слугу своего Караша послал да з своей конюшни аргамака доброво прислал. И ныне брат наш Девлет-Кирей царь хочет с нами в крепкой дружбе быти. А наперед сего которая грамота с Ащибашем послана, и которые в ней речи о шерти и роте и о любви писаны, и опричь тех иных речей нет. Ты слуга наш о том радеешь, чтоб нам з братом своим Девлет-Киреем царем в любви и в братстве и в дружбе крепкой быти. А брат наш Девлет-Кирей царь в головах и калга Магмет-Кирей царевич, и все царевичи, и уланы, и князи, и карачеи за один с нами // (л. 71) в дружбе и в любви крепкой будучи, всякому нашему другу другом будут, а недругу недругом будут. А брата нашего Девлет-Кирея царя нелюбовь х королю, потому что казаков не уимает. И говорил тебе брат наш Девлет-Кирей царь, что прежние его деды и старейшии дяди с нашими прежними в дружбе и в братстве были. И тогды неколко городов, поймав, дали, ино и ныне город, взяв, дадут. А твое слуги нашего челобитье к нам то, чтоб нам тебя перед царем и перед царевичи и перед карачеи и уланы³⁴ и князьми в сороме не учинити, посла б нам своего большого з добрыми поминки по тому ж прислати, // (л. 71 об.) как наперед того со князем Александром Кашиным, и царева посла Янболдуя князя прислати. А брат наш Девлет-Кирей царь своего посла сына твоего Мурат мурзу с шертною грамотою посылает и посла нашего Офонасья отпускает. А велети б нам послы розменитца на реке на Семи, учиня им срок.

А сын твой названной Мустофа ага и Абдил-Ислам³⁵, и Мустофин брат Муртоза о нашем добре радуют, и нам бы их жалованьем своим не оскудити, а твоего б человека Шабана с Карашем нам отпустить. И мы твою грамоту вычли, и вразумели гораздо. И слыша про брата // (л. 72) своего³⁶ Девлет-Кирея царя здоровье от его гонца Караша, что он Волошскую землю воевал и со мною корыстью к себе пришел, дал Бог, здорово, тому порадовались есмя. Да царев же гонец Караш нам сказывал, что брат наш Девлет-Кирей царь послал был к нам с ним свою грамоту да поминки, сына боярского волошанина да аргамак доброй. И приходили, сказывает, на них на Поле недруга нашего литовского короля черкаские казаки и их громили, и грамоту брата нашего Девлет-Кирея царя и поминки, сына³⁷ боярского волошанина и аргамак, и животы их все взяли. И того человека убили, которой брата нашего Девлет-Кирееву цареву // (л. 72 об.) грамоту вез. И которые поминки послал был к нам брат наш Девлет-Кирей царь любви для, и хоти те поминки брата нашего Девлет-Кирея царя нас и не дошли³⁸, ино то брата нашего любовь до нас дошла же, коли к нам брат наш Девлет-Кирей царь поминки свои любви для послал.

А что слуга наш к нам пишешь, что нашего дела бережешь, ино то слуга наш делаешь гораздо. А мы как к³⁹ брату своему к Девлет-Кирею царю с его гонцом с Ащибашем да и своим дворянином с Федором Андреевичем Писемским о братстве и о крепкой дружбе и о добром вечном деле писали есмя, так на том слове и стояти хотим. А к тебе // (л. 73) есмя к слуге своему, как свое жалованье преж сего держали есмя, а ныне и свыше того жалованье свое хотим к тебе держати без оскуденья. А ныне брата своего Девлет-Киреева гонца Караша, своим жалованьем пожаловав, к брату своему отпустили есмя. И с ним вместе доброго своего дворянина Ондreja Микитина сына Мясного с своею грамотою к брату своему Девлет-Кирею царю послали есмя да любви для и поминки есмя свои с ним к брату своему к Девлет-Кирею царю послали. И как наш гонец Ондрей Никитин сын Мясного к брату нашему с нашею грамотою приедет, и ты б, слуга наш⁴⁰, тем послужил, как будет // (л. 73 об.) у брата нашего Девлет-Кирея царя гонец наш Ондрей Мясной с послом нашим с Офонасьем Федоровичем Нагим и с Федором Писемским, и брат бы наш Девлет-Кирей царь велел грамоту свою шертную написати с тово списка слово в слово, которой список к брату своему послали есмя с своим послом с Офонасьем Федоровичем

³³ В слове «отведати» буквы «да» исправлены по ранее написанному

³⁴ В слове «уланы» буква «у» исправлена по ранее написанному.

³⁵ Союз «и» и в слове «Абдилислам» буква «а» исправлены по ранее написанному.

³⁶ В ркп «свего».

³⁷ В слове «сына» буква «с» исправлена по ранее написанному.

³⁸ В слове «дошли» буква «и» исправлена по ранее написанному.

³⁹ Предлог «к» вставлен в строку позднее.

⁴⁰ В слове «нашь» буква «ъ» исправлена по ранее написанному.

Нагим. И из того списка ни одно слово выставливати не велел и нишан бы свой золотой к той грамоте приложил. И на той бы своей шертной грамоте перед нашим послом Офонасьем Федоровичем Нагим и перед нашим посланником // (л. 74) Федором Андреевичем Писемским⁴¹, и перед Андреем Микитиным сыном Мясново правду учинил почен собою⁴² в головах. И сын его калга Магмет-Кирей царевич и Адьяль-Гирей царевич, и иные дети его царевичи, и карачеи его и уланы, и князи, и все его приближенные люди крепко б шertz учинили. И с тою б своею шертною грамотою своего посла сына твоего Мурат мурзу к нам отпустил вместе с нашим послом с Офонасьем Федоровичем Нагим, не измотчав. А наперед бы послов нашего гонца Ондreja Мясново к нам прислал с тем, что брат наш перед нашим послом Офонасьем Федоровичем Нагим на шертной // (л. 74 об.) грамоте правду нам учинил, и своего посла⁴³ Мурат мурза и нашего посла Офонасья к нам отпускает.

А в которой день своего посла Мурат мурзу и нашего посла Офонасья Федоровича Нагово к нам отпустит, и он бы наперед их к нам с тем прислал нашего посланника Федора Андреевича Писемского. И с Федором бы к нам приказал, в которой день ево послу Мурат мурзе и нашему послу Офонасью Федоровичю Нагово⁴⁴ быти х Путивлю на Семь. И мы его послу Янболдую и своему послу Федору Игнатьевичю Салтыкову велим быти на Семь х тому же дни.

А как брата нашего посол Мурат // (л. 75) мурза с шертною грамотою и наш посол Офонасей у нас будут, и мы свою докончальную грамоту велим написати с тово списка слово в слово, каков есмя список послали к брату своему с своим посланником с Федором Писемским, и печать свою золотую х той грамоте велим привесити. И на той докончальной грамоте перед отцем своим и богомолцем Афонасьем митрополитом всеа Русии и перед брата своего послом Мурат мурзою правду учиним, и брата своего посла, сына твоего Мурат мурзу, пожаловав, к брату своему отпустим. А с тою своею докончальною грамотою и с сво// (л. 75 об.) ими великими поминки пошлем к брату своему большого посла ближнево своего человека с его послом с Мурат мурзою вместе. И брат бы наш Девлет-Кирей царь то дело велел в совершенье учинити ранее, чтоб то дело не длилося.

Да еще слово наше то, что ты, слуга наш, писал к нам преж сего, чтоб нам брата своего Девлет-Кирея царя потешити, и тогда дружбу его увидим. И мы брата своего потешили, каково наперед того николи не бывало. И ты б, слуга наш, наше жалованье к себе памятуя, тем послужил, чтоб брат наш правду свою крепкую учинил по тому, как есмя к нему писали с своим посланником с Федором Андреевичем Писемским с царевым // (л. 76) гонцом с Ашибашем вместе. И недруга бы нашего литовского короля сам воевал и детей своих калгу Магмет-Кирея царевича, и иных своих детей царевичев воевати посылал, то мне от брата моего и большая дружба. И вперед бы з братом нашим з Девлет-Киреем царем меж нас дружба крепкая и любовь множилась, а к тебе наше жалованье без оскудения будет.

А что еси писал к нам в своей грамоте, что сын тебе названной Мустофа ага и Адил-Ислам да Мустофин брат Муртоза нам служит, и нам бы их для тебя пожаловати, и мы для тебя, слуги своего, их пожаловали. А паробка есми твоего Шабана, пожаловав, к тебе отпустили. // (л. 76 об.) Так бы еси ведал. Да писали есмя к брату своему Девлет-Кирею царю, что гонец ево Караш князь с товарищи, приехав в Путивль, сказывали наместнику нашему и воеводе князю Григорью Федоровичю Мещерскому, что их громили на Поле недруга нашего литовского короля черкаские казаки. А приехав к Москве Караш же князь да Адьяль-Гиреев царевичев человек Асан сказывали казначею⁴⁵ нашему Никите Офонаевичю Фуникову, как их громили черкаские казаки на Поле и, сказывают, они видели, что будто с теми черкасскими казаки был путивльской казак Иванком зовут, а чей словет, и того не ведают. И мы того // (л. 77) посылали в Путивль и в ыные украинные города сыскивати. И сыскали есмя в Путивле путивльских казаков Левона Бута с товарищи четырех человек. И того Левона с товарищи про погром Карашев с товарищи велели пытати крепкою пыткою. И Левон Бут с товарищи сказывали, что было их на Поле шесть человек и весновали на Донце. И пошли были те путивльские казаки, шесть человек, в Путивль перед Петровым⁴⁶ заговейном, и на Муравском шляху меж Мжа и Коломак нашли их черкаские казаки Федько волошанин с товарищи, всех тех черкас девяносто человек, и взяли их с собою. А привели их // (л. 77 об.) х правде, что им от них не бежати и вести в Путивль никаковы не дати. И как деи те черкасцы брата нашего гонца Караша князя с товарищи подозрели и, на стан пришед в ночи, лошади отогнали, а после пришед, ружьядь взяли. И грамоту брата нашего Девлет-Кирея царя, которую был брат наш к нам послал с своим гонцом с Карашем, и поминки брата нашего, сына боярского волошанина и аргамак, взяли. Да и посла нашего Офонасья Нагово грамоту, которую к нам послал, черкасцы же взяли. И живо-

⁴¹ В слове «Писемскимъ» буква «ъ» исправлена по ранее написанному.

⁴² В слове «собою» буквы «бою» написаны по чищенному.

⁴³ В ркп: «посма».

⁴⁴ В слове «Нагово» буква «н» исправлена по ранее написанному.

⁴⁵ В слове «казначею» буква «ю» исправлена по ранее написанному.

⁴⁶ В ркп: «Петовым».

ты гонцов⁴⁷ брата нашего Караша князя с товарищи все поимали черкаские казаки. И про тое есмя гора// (л. 78) здо сыскивали. И те наши казаки на пыткех сказывали, что громили брата нашего людей Караша князя с товарищи недруга нашего литовского короля атаман Федько волошанин, а с ним были ево товарищи десятники, черкаские же казаки – десятник Клиим, десятник Ондрей Лях, десятник Замоиской, десятник Сидорской, десятник Милеия, десятник Васюк Толстой, тому на делу достался брата нашего Девлет-Кирея царя аргамак сер хоненен, которой к нам послал в поминкех, десятник Степанко Корова, десятник Гридцко подолянин княж Дмитреев человек Вишневетцкого, да Вишневетцково // (л. 78 об.) княж Дмитреевы люди тут были – Кот Козятинской, Лосятинской, Васюк Копаченок да черкашенин сын боярской Степан Яцкович, а всех их было на погроме и в стану черкас девяносто человек. А опричь тех шти человек Левона с товарищи, иных наших людей с ними не было. Так есмя сыскали. И розделив те черкасы аргамаки и кони и животы людей брата нашего, и пошли в Черкасы и те грамоты повезли в Черкасы ко князю Михаилу Вишневетцкого. А нашим казаком Левону с товарищи, шти человеком, дали худые лошади и кобылы, три ли, четыре ли устали, которые черкасом не пригодились. И тот Левон // (л. 79) Бут с товарищи, сам четверт, пришли в Путивль, а два товарища Бутовы от Бута отстали, а пошли на Дон. А что нашим путивльским казаком Буту с товарищи те черкаские казаки дали рухляди, и мы, то все сыскав, и Карашу с товарищи отдати велели. Да для з братом своим з Девлет-Киреем царем крепкие дружбы тех путивльских казаков Левона Бута и товарищев ево Васку да Игнашку, да Якушка Рышка перед брата своего гонцом перед Карашем князем с товарищи для прямого сыску велели ставити и выпрашивати их велели самим. И пыткою // (л. 79 об.) крепкою тех казаков перед Карашем князем с товарищи пытати велели. И они сказали те жо речи, что и до пытки говорили. Что опричь их шти человек иных путивльцов и иных наших украинских людей не было, были все черкасцы. И которые речи сказывали брата нашего гонцу Карашу князю с товарищи, и то брату нашему скажет гонец ево Караш. А Караша есмя с товарищи для з братом своим крепкие дружбы пожаловали. А тех есмя казаков Левона Бута с товарищи четырех человек послали в Путивль, а велели их казнити.

Да писал к нам из Рыльска наместник наш Федор Образцов, что // (л. 80) приходили брата нашего люди в нашу волость в Куреск апреля 6 дня. И он за теми людьми посылал атамана Степанка Суковнина с казаки ево прибору. И они за теми людьми ходили да их не сошли. Да встретилися с ыными людьми, а они гонят животину. И рыльские казаки тех людей погромили и животину и их поимали. И мы тех рыльских казаков велели переимати и казнь свою на них положили. А которую животину у брата нашего улусных людей поимали, и тое есми животины сыскали сто волов и коров. А преж сего есмя брату своему к Девлет-Кирею царю о том писали, что те казаки рыльские учинили то над брата // (л. 80 об.) нашего людьми без нашего ведома.

А ныне приходили войною на нашу украину на мещерские⁴⁸ места на Инзеру Берदिماغмет Янай мурзин сын, а после того приходил на темниковские места Бердиماغметев брат Бегиш Янаев же мурзин сын да крымцы Янгильдей Абаев с товарищи, да азовские татарове Аранча, да атан⁴⁹ Ази-Камал, а с ним крымцы и азовцы и нагайские люди, которые нагайцы жили преж того в Крыме, а ныне живут в Азове, и нашим людям убытки поделали. И наши люди за ними ходили и иных побили, да и языки у них поимали. И мы тех языков велели ставити перед царе// (л. 81) вым гонцом перед Карашем с товарищи. И Караш с товарищи и сам их выпрашивал, которым обычаем те люди из Азова приходили. И брат бы наш Девлет-Кирей царь, тех людей сыскав, велел казнити и взятое велел, сыскав, отдати. А мы за то з братом своим дружбы не оставливаем, что те люди на нашу украину приходили и убытки нашим людям поделали. И брат бы наш Девлет-Кирей царь вперед велел того беречи накрепко, чтоб его люди на наши украины войною не приходили и убытков не делали, тем бы меж нами з братом нашим доброе дело и дружба не рушилась. А преж сего брат наш Девлет-Кирей царь к нам писал, что Азов приказан // (л. 81 об.) от салтана оберегати ему. И нам бы Азову своим людям убытка никоторого делати не велети. И мы з братом своим учинились в крепкой дружбе и людям есмя своим по всем украинам заказали крепко, Азову и азовским людям никоторого убытка⁵⁰ чинити не велели есмя. И по нашему приказу наши люди Азову⁵¹ никоторого убытка не делают. А будет брату моему Девлет-Кирею царю Азов во обереганье от салтана не приказан, и азовских людей уняти будет брату нашему немочно, и наши люди могут от азовских людей оборонь себе учинити. А ты б, слуга наш, доброво дела смотрил, чтоб меж нас з братом // (л. 82) нашим Девлет-Киреем царем любовь и доброе дело множилося, а лихим бы людям ссорам брат наш не потакал, чтоб лихими людьми доброе дело не рушилося. Так бы еси ведал.

⁴⁷ Слово «гонцов» убористо написано над строкой.

⁴⁸ В слове «мещерские» буква «и» исправлена по ранее написанному.

⁴⁹ Возможно, следовало: «атаман» (?).

⁵⁰ В слове «убытка» буква «б» исправлена по ранее написанному.

⁵¹ В слове «Азову» буква «у» исправлена по ранее написанному.

А свое жалованье к тебе с Андреем Мясным послали есмя. А паробка твоего Шабана, пожаловав, отпустили есмя с Карашем вместе.

Писана в государства нашего дворе града Москвы лета 7072-го августа.

А се грамота послана к Мустофе аге с Андреем Мясного.

Божиею милостию великого государя царя и великого // (л. 82 об.) князя Ивана Васильевича всеа Руси слуге нашему Мустофе аге. Слово наше то.

Сею дорогою брат наш Девлет-Кирей царь присылал к нам своего гонца Караша князя с товарищи з грамотами. И царев гонец Караш нам бил челом о том, что брат наш Девлет-Кирей царь посылает тебя к салтану во Царьгород. И нам бы тебя, слугу своего, пожаловати, в чом тебе ехати, прислати б нам тебе шуба да шапка. И мы, памятуя к себе твою службу, свое жалованье шубу и шапку есмя к тебе послали с своим сыном⁵² боярским с Андреем Микитиным сыном Мясново. А ты бы, слуга наш, и ныне нам служил, как еси преж // (л. 83) того почал нам служити.

А коли меж нас з братом нашим Девлет-Киреем царем дружба и братство и любовь укрепитца, а твоя к нам прямая служба совершитца, и ты вперед увидишь, каково наше жалованье к тебе будет. Так бы еси ведал.

Писана в государства нашего дворе града Москвы лета 7072-го августа месяца.

А се грамота послана к Ахметю князю черкасскому к Аспату с Андреем Мясного.

Божиею милостию великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси многих // (л. 83 об.) земель государя Ахметю князю. Наше царское слово то.

Сею дорогою писал еси к нам с своим человеком Елушкеем, что брат наш Девлет-Кирей царь и Магмет-Кирей и Адиль-Гирей царевич со многою ратью на Волохи ходили и, много добыточны учинився, сам и з своею ратью здорово пришел. И, порадовався сам, к нам брат наш послал своего доброво⁵³ верново слугу Караша, чтоб и мы порадовалися. Потому и ты человека своего Елушкея послал еси. А о том учнешь радети, чтоб меж дву Юртов доброму делу быти. И человека б нам твоего, от Караша князя не отставливая, отпустить. И мы грамоту твою вычли // (л. 84) и вразумели гораздо. И слово наше то. Коли ты нам служити хочешь, ино то чинишь гораздо. И ты б того берег, чтобы брат наш в дружбе и в братстве и в любви с нами был по тому, как есмя к брату своему писали. А мы к тебе учнем жалованье свое держати без оскудения. Так бы еси ведал. И человека твоего Елушкея пожаловали, с царевым гонцом с Карашем вместе отпустили есмя.

Писана в государства нашего дворе града Москвы лета 7072-го августа месяца.

А се грамота к Мурат мурзе с Андреем Мясным. //

(л. 84 об.) Божиею милостию великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси многих земель государя Мурат мурзе. Наше царское слово то.

Сею дорогою писал еси к нам с своим человеком з Девлеткильдеем, что брат наш Девлет-Кирей царь тебя рекся к нам отпустить, и ты со всем наготове стоишь. А челобитье твое то. Как твой человек Девлеткильдей до нас доедет, и нам бы ево, пожаловав, со царевым гонцом с Карашем князем отпустить. А о том радеешь, чтоб меж дву Юртов дружба и любовь была. Ино то делаешь гораздо, что отца своего службу к нам памятуешь. И ты б нам и ныне служил, чтоб Девлет-Кирей царь, брат наш, братство // (л. 85) и дружбу учинил по тому, как есмя к нему брату своему писали и к отцу твоему Сулейманше князю писали есмя. А ныне к тебе с своим посланником с Андреем Микитиным сыном Мясново свое жалованье послали⁵⁴ есмя.

А как, ож даст Бог, от брата нашего Девлет-Кирея царя з грамотою с шертною к нам приедешь, и тогда увидишь к себе великое наше жалованье. Так бы еси ведал.

Писана в государства нашего дворе града Москвы лета от создання миру 7072-го августа месяца.

А се грамота послана от царевича Ивана // (л. 85 об.) к Мурат же мурзе с Андреем Мясного. А от царевича Федора послана к нему грамота такова же.

Божиею милостию великого государя и единого⁵⁵ праваго восточным и северным царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси сына царевича Ивана всеа Руси слуге нашему Мурат мурзе. Слово наше то. Писал еси к нам своим человеком Девлеткильдеем, что меж дву Юртов о добром деле радею-

⁵² Слово «сыном» написано по чищенному.

⁵³ В слове «доброво» буквы «обр» исправлены по ранее написанному.

⁵⁴ В слове «послали» буква «с» вставлена в строку позднее основного текста.

⁵⁵ Сокращенное слово «гдря», союз «и» и в слове «единого» буквы «ед» написаны по чищенному.

чи, государь твой Девлет-Кирей царь дружбу и любовь крепкую учинив, своего человека Ашибаша к царьскому величеству ко отцу моему присылал⁵⁶, и как весть будет, и тебя, слугу // (л. 86) нашего, рекся отпустить. И ты стоишь наготове, а как весть придет, и ты тотчас к нам пойдешь, а итти тебе ко Семи. И нам бы тебя пожаловати, прислати к тебе шуба да шапка. И мы, поминая службу отца твоего, что отец твой Сулейманша князь государю моему царю и великому князю, да и нам, прямою службою служит. А ты б отцу моему царю и великому князю, да и нам, по тому же прямою службою служил. А для твоего челобитья тебя есмя пожаловали, шубу есмя и шапку с твоим человеком з Девлеткильдеем послали. Так бы еси ведал.

Писан в государя моего отца царьского величества дворе града Москвы лета 7072-го августа месяца. //

ЛИТЕРАТУРА

1. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 123. Оп. 1. Сношения России с Крымом. Кн. 10.
2. РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Сношения России с Крымом. Кн. 11.
3. Виноградов А.В. Русско-крымские отношения. 50-е – вторая половина 70-х годов XVI века. Ч. II. М., 2007.
4. Виноградов А.В. Крымские посольские книги как источник по истории русско-крымских отношений 60–70-х годов XVI века // Внешняя политика России. Источники и историография. Сб. статей. М., 1991. С. 8–38.
5. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М., Л., 1948.
6. Соловьев С.М. Сочинения. История России с древнейших времен. Кн. III. Т. 5–6. М.: Мысль, 1989.

D.A. Mustafina, I.A. Mustakimov

LETTERS OF IVAN 4 TO THE CRIMEA. AUGUST 1564

The relevant publication has as its goal putting into research practice so poorly known for a great many researches documents – letters from Ivan IV to the Crimean Khan Devlet-Giray and his inner circle, that were sent by a messenger A.N. Miasnoy. These letters are the part of the difficult negotiations between the two rulers on the question of concluding a peace agreement, the conditions of which stood for the joint struggle against the «Lithuanian King». The texts of letters were extracted from the ambassadorial books devoted to Russia's intercommunication with the Crimean Khanate that were deposited in funds of the Russian State Archive of Ancient Acts.

Keywords: the Crimean Khanate, Devlet-Giray, Ivan IV, the Crimean ambassadorial books.

Сведения об авторах:

Мустафина Дина Абдулбаровна – кандидат исторических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань); maktub29@yandex.ru

Мустакимов Ильяс Альфредович – кандидат исторических наук, начальник отдела научного использования архивных документов и международных связей, Государственный комитет Республики Татарстан по архивному делу (г. Казань)

Mustafina Dina – Candidate of Historical Sciences, docent, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan)

Mustakimov Ilyas – Candidate of Historical Sciences, Head of the Department for Scientific using of Archival Documents and International Relations, State Committee of the Republic of Tatarstan on Archives (Kazan)

⁵⁶ В слове «присылал» буква «а» исправлена по ранее написанному.

МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА «ТЮРКО-ТАТАРСКОЕ И СЛАВЯНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ»*

УДК 930.2

КАЗАЧЕСТВО В ПРИЗМЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИЕРАРХИИ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА (XV – сер. XVI в.)

© 2017 г. *Р.Г. Галлям, Б.Р. Хисматуллин*

Как показывает анализ историографии, этимология слова «казак» имеет тюркское происхождение и восходит к временам Золотой Орды. В Улусе Джучи и в тюрко-татарских государствах средневековья казаки являлись основной военной силой. В документах Московского государства той эпохи казаки часто именовались «служилыми татарами» или же «татарами». В дипломатической переписке казаки нередко упоминаются наряду с остальной категорией феодалов, что говорит об их весомой социально-политической роли.

Ключевые слова: казак, Золотая Орда, Казанское ханство, служилые татары, поздnezолотоордынские государства, Чаллынская округа, сотня.

История российского казачества имеет корни, уходящие вглубь веков, во времена могущественной Золотой Орды XIII–XV вв. Это позволяет констатировать, что казачество как социальное явление, характерное лишь для просторов Евразии, позднее составивших Российскую империю, возникло в недрах золотоордынского государства.

Понятие «казак», в своей основе обозначая вольницу «дикой степи», приобрело и другие смысловые оттенки. В целом, оно применялось в отношении одиноких, вольных людей, волею обстоятельств оказавшихся вне своего социума, вне государственной опеки. Вместе с тем, в Золотой Орде, других постзолотоордынских тюрко-татарских государствах средневековья казаками называли наемное войско, «степных рыцарей», в своей массе составлявших основу их военной мощи. Кроме того, в XVI–XVII вв. казаками в «дикой степи» называли и беглых крепостных крестьян из различных областей Русского государства. Укоренившееся же в простонародье, буквальное значение понятия «казак» – «неженатый бобыль, вольный свободный человек».

В Золотой Орде и поздnezолотоордынских тюрко-татарских ханствах казаки составляли основное ядро их войска. Собственно говоря, это те служилые люди, которых русскоязычные источники часто называют «служилыми татарами», либо же просто «татарами». Откровенно говоря, особого различия между казачеством эпохи позднесредневековых тюрко-татарских государств и так называемыми служилыми татарами Московского княжества, Русского государства XVI–XVII вв. не наблюдается. В частности, и те, и другие за свою службу государству получали земельные наделы на поместных правах, были должны явиться на службу «конно и оружно» и т.д. Причем, последних «служилыми татарами» называют лишь русскоязычные источники, сами же тюрки, в том числе и татары, всегда – во все времена – их именовали казаками. При этом, современный, обратный перевод понятия с русского на татарский язык («йомышлы татар») является всего лишь искусственной калькой, неким изобретением переводчиков более позднего периода. Русские источники XVI–XVII вв. казаков из числа тюрко-татар всегда называют «служилыми татарами» или просто «татарами» (к слову сказать, понятие «татары» в Золотой орде также имело социальную нагрузку, обозначая служилых людей, в массе своей тех же казаков).

Как известно, главными формами землевладения в Казанском ханстве были государственное и частное. Основными землепользователями являлись ясачные сельские общины. Право собственности на землю давалось лишь представителям феодальных сословий. Таковыми, кроме самого хана и членов его семьи, являлись беи (князья) и мурзы, огланы, казаки и мусульманское духовенство.

* Круглый стол организован при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Татарстан в рамках научного проекта № №16–46–161053.

Казаки являлись низшим феодальным сословием в Казанском ханстве. В дипломатических документах XV–XVI вв. казаки нередко упоминаются наряду с остальной категорией феодалов Казанского ханства. Так, в шертной грамоте Абдул-Латифа великому князю Ивану Васильевичу от 1508 г. говорится: «... и мне, Абдыл Летифу царю, и моим уланам и князям и казакам нашим...» (Собрание государственных, 1819, с. 32–33).

В русских летописях казаки подразделены на следующие подгруппы: «ички, дворные и задворные казаки» (ПСРЛ, 1904, Т. 13, с. 167), т.е. служившие в столице, при дворе, и в улусах, деревнях. По мнению исследователя Р.Г. Галляма, «ички казаки» могли составить ханскую, дворцовую гвардию, воинскую элиту, дворные казаки – находятся в подчинении дворца, т.е. у государства, а «задворные» – служилыми людьми вассальных от хана беков-князей и мурз (Галлям, 2014, с. 74). При том, возможно, что так называемые «дворные казаки» и «ички казаки» – понятия синонимичные. До десятка совр. татарских поселений под одним и тем же названием «Казаклар» в разл. адм. районах РТ (Арском, Высокогорском, Кукморском, Рыбно-Слободском и др.), причем, в основном в Заказанье, в свое время бывшем центральной территорией Казанского ханства – эхо тех давно минувших времен, красноречиво свидетельствующее о социальном составе их населения в прошлом.

Казаки, как военно-служилая категория, также являлись частью феодального сословия, получали за свою службу поместья (Худяков, 1932, с. XI; Исаков, 1998, с. 65). Также, выборные из их числа участвовали в работе курултаев – съездов «Всей Казанской земли», где решались ключевые вопросы жизнедеятельности государства – вопросы войны и мира и т.д.

В писцовой книге Казанского уезда 1602 г. имеются сведения, свидетельствующие о наличии земельных наделов казаков, которые предоставлялись им за службу. В ней, например, приводятся такие строки: «По царю и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси слову, боярин и воевода и наместник Казанской князь Семен Иванович Микулинской и все воеводы пожаловали тою пустошью старых казаков Юлгуша Бакшандина со всеми угоды, как было при Магмедеме царе» (ПК, 1978, с. 173).

Пожалование земельными владениями представителей родовых групп преследовало одну конкретную цель – поддержку центральной власти родовой аристократией на местах. Однако такое положение дел не всегда гарантировало отсутствие сепаратистских настроений среди местных феодалов. В случае возникновения таких угроз ханы прибегали к средствам военного принуждения. Для таких целей использовались кадровые войска ханства – казаки. Так, источник литературного характера свидетельствует о том, как в результате подавления непокорного Чаллынского городка на территории Чаллынской округи появилось поселение казаков (Зайтов, 1880–1882, с. 279; Татарское народное, 1987, с. 160–161). Аналогичные названия других населенных пунктов Среднего Поволжья, возможно, свидетельствуют о том, что поблизости этих деревень когда-то находились землевладения представителей родовой аристократии государства.

Помимо того, есть сведения, что в Казанском ханстве тарханные ярлыки получали не только крупные и средние феодалы, но также представители казачества (Мухамедьяров, 2012, с. 103).

С нашей точки зрения, едва уловимое отличие казаков в Казанском ханстве от «служилых татар» в Русском государстве XV–XVII вв. заключается в том, что они не имели своих крепостных людей в лице земледельческого населения. Так как такого понятия, как крепостное право, в Казанском ханстве не существовало. Однако это не значит, что за ними не могло быть зависимых от них людей в лице, так называемых, «чуралар» – военнопленных, которых они привозили с собой с военных походов. Кроме того, при обработке своих поместных наделов они могли прибегнуть к услугам наемных людей, или так называемых «уртакчылар». Но в основном и целом, судя по социальному положению служилых татар в Среднем Поволжье во второй пол. XVI–XVII вв., их земельные наделы не многим превышали наделы ясачных общинников. В основной своей массе они сами обрабатывали свои земли.

В одних случаях, казаки могли проживать в одних и тех же селениях вместе с ясачными земледельцами, в других – могли составлять отдельные «казачьи» сельские общины. Притом вместе с ясачными общинниками они входили в одни и те же джиенные округа. В отличие от так называемых «ясачных сотен», источники не знают подразделения служилых татар на какие-либо самостоятельные административно-территориальные «сотни». Поэтому, возможно, что административно-территориальные «сотни» в системе «даружного» административно-территориального деления в Казанском ханстве включали сельские общины в целом, а не только ясачные или казачьи общины по отдельности.

Однако ныне по данной тематике больше вопросов, чем ответов. И поиски путей их решения является одной из ключевых задач наших последующих исследований.

Основной же наш вывод сводится к тому, что решение проблем социального статуса казачества в Казанском ханстве, его жизнедеятельности в системе сельских общин, феодально-вассальных взаимоотношений в государстве, возможно только при комплексном подходе, во взаимосвязи с историей российского казачества, как социального явления, в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галлям Р.Г. Тюрко-татарский след в истории древней истории казачества // Средневековые тюрко-татарские государства. 2014. № 6. С.72–75.
2. Заитов М.Б. О Чаллыном городище в Лаишевском уезде близ деревни Чаллы, Шумбутской волости // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. 1884. Т.III. С. 277–280.
3. Исахов Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Казань: Изд-во «Мастер Лайн», 1998. 276 с.
4. Мухамедьяров Ш.Ф. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV – первая половина XVI вв.) / Сост. и отв. ред. Р.Г.Галлям. Казань: Ихлас, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2012. 276 с.
5. Писцовая книга Казанского уезда 1902–1603 годов. Публикация текста / Сост. Р.Н. Степанов. Казань: изд-во Казан. ун-та, 1978. 240 с.
6. ПСРЛ. Т. XIII. Ч. 1: Летописный сборник, именуемый патриаршею или никоновскою летописью / Полное собрание русских летописей. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1904. 302 с.
7. ПСРЛ. Т. XIII. Ч.2: Дополнения к никоновской летописи. Царственная книга / Полное собрание русских летописей. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1906. 532 с.
8. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Ч. 2. М.: Типография Селивановского, 1819. 610 с.
9. Татарское народное творчество. Легенды и предания (на татарском языке). Казань: Тат. кн. изд-во, 1987. 368 с.
10. Худяков М.Г. Казань в XV–XVI столетиях // Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги города Казани 1565–68 гг. и 1646 г. Л., 1932. С. VII–XII.

Список сокращений

ПК – Писцовая книга Казанского уезда 1902–1603 годов. Публикация текста / Сост. Р.Н. Степанов. Казань: изд-во Казан. ун-та, 1978.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.

R.G. Gallyam, B.R. Khismatullin

THE COSSACKS IN A PRISM OF SOCIO-POLITICAL HIERARCHY OF THE KAZAN KHANATE (XV – MID. XVI CENTURIES)

As shows the analysis of a historiography, the etymology «cossack» has turkic origin and dates back to the times of the Golden Horde. In the Ulus Dzhuchi and turkic-tatar states of the middle ages, the cossacks were the main military force. In documents of the Moscow state of that era, cossacks often are called as «service tatars» or «tatars». In the diplomatic correspondence of the cossacks often mentioned along with other category of feudal lords that speaks about their significant socio-political role.

Keywords: cossack, the Golden Horde, Kazan khanate, service Tatars, Challynsky district, sotnya.

Сведения об авторах:

Галлям Рашид Габдельфартович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новой истории Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан (г. Казань); r.gallam@mail.ru

Хисматуллин Булат Ринатович – ассистент кафедры истории Татарстана, археологии и этнологии Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань); Bulatbayer@mail.ru

Gallyam Rashid – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of Modern History, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan)

Khismatullin Bulat – Assistant of the Department of History of the Tatarstan, Archaeology and Ethnology of the Kazan (Volga region) Federal University (Kazan)

УДК 94(02)

ТАТАРЫ-КАЗАКИ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ (XV–XVI вв.)

© 2017 г. С.В. Думин

В статье рассмотрено правовое положение литовских татар, которые в источниках первой половины XVI в. названы «татарами-казаками». Этот термин был принесен в Литву из Золотой Орды и первоначально обозначал рядовых татарских воинов, порвавших связи со своим родом и свободных от вассалитета по отношению к ордынским феодалам. Распространение этого термина в Литве, очевидно, связано с переходом на литовскую службу наемных отрядов или отдельных ордынских казаков. Вопреки ошибочным утверждениям многих авторов, татары Великого княжества Литовского, именуемые казаками, не составляли особой категории и пользовались всеми правами и привилегиями служилых татар. Их единственной прямой обязанностью являлась военная служба за землю, пожалованную великим князем. В первой половине XVI в. термин «татары-казаки» мог употребляться для обозначения военно-служилых татар вообще, как одно из названий этой группы в целом. Исчезновение термина «татары-казаки» уже во второй половине XVI в. объясняется дальнейшей интеграцией группы литовских служилых татар, тем обстоятельством, что это наименование стало ассоциироваться с украинским казачеством, т.е. с непривилегированными слоями общества Речи Посполитой, в то время как литовские служилые татары в этот период все больше сближались с остальной шляхтой Великого княжества.

Ключевые слова: литовские татары, юридические категории татар в Великом княжестве Литовском, татары-казаки, татарское дворянство Великого княжества Литовского.

Литовские татары как группа служилых людей Великого княжества Литовского сформировались в конце XIV – начале XVI в. Польский хронист Ян Длугош и литовские исторические сочинения XV–XVII вв. связывают появление татар в Литве с походом великого князя Витовта 1397 г. (направленного против улусов, враждебных литовскому союзнику хану Тохтамышу, который в 1395 г. вместе с приближенными нашел убежище в Литве). Витовт поселил пленных в окрестностях Вильно (совр. Vilnius) и Трок (Trakai), пожаловав им земли с обязанностью военной службы. На тех же условиях земли получали и довольно многочисленные добровольные переселенцы (царевичи, князья и рядовые воины-ордынцы). Им была обеспечена свобода вероисповедания, разрешено строить мечети. Важнейшей привилегией служилых татар стало право владеть крепостными крестьянами (и пожалованными, и приобретенными). Первоначально разрешались и смешанные браки (женитьба татар-мусульман на христианках, причем потомство обычно сохраняло веру отцов); этими браками обычно объясняют и быструю утрату литовскими татарами родного языка (славянизация завершилась к середине XVI в.), и утверждение среди них обычая единобрачия. Благодаря своему привилегированному статусу татары, осевшие в Великом княжестве, вошли в состав той группы его населения, на основе которой формировалось шляхетское сословие, и стали его составной частью (хотя из-за вероисповедания так и не получили политических привилегий шляхты, права участвовать в сеймиках и сеймах, выборах королей) (Dumin, 1991, s.147–163; Dumin, 1999, s.7–9).

В литературе, посвященной литовским татарам, неоднократно предпринимались попытки рассмотреть права и обязанности различных групп татарского населения Великого княжества Литовского, установить, какие категории татар существовали в Литве в XV–XVIII вв., чем отличались они по своему положению, и практически все авторы, в течение последних 150 лет обращавшиеся к этому вопросу, в качестве одной из категорий литовских татар выделяют *татар-казак*ов.

Впервые, насколько нам известно, специально остановился на положении татар-казак

известный востоковед, профессор А.О. Мухлинский. В опубликованной в 1857 г. в Петербурге брошюре «Исследование о происхождении и состоянии литовских татар» автор, отмечая разделение татар в Литве на знатнейших, – князей, мурз, уланов, – и простых татар, упоминает о том, что «между татарами были ещё так называемые татарские казаки; они употреблялись при дворе великих князей, королей и воевод для посылок с письмами. В Литовской метрике находится большое число листов и

актов, относящихся к таким татарским казакам» [Мухлинский, 1857, с.25–26]. В этой брошюре А.О. Мухлинский приводит и заголовки таких документов, вторично воспроизведенные им (в латинской транскрипции) и в приложении к публикации в «Геке Виленской» сочинения анонимного автора середины XVI в. о литовских татарах (в числе прочих материалов Литовской метрики, относящихся к данной группе). Это „List danyj Tatarom Rudomińskim i Memeżskim Wileńskogo powetu, wyzwołajuczy ich od posyłania z listy czerez Wojewod Wileńskich odno zostawujuczy wodłuh dawnogo sposobu pry służbie ziemskoj» 4 июля 1540 г., а также «List Tatarom Kozakom Merezlańskim trem osobam, na zostawienie ich wodłuh listu sudowoho Carewicza Oziubek Sołtana pry czti, za prymowkoju niekotorych Tatar» 5 июля 1540, и «List tatarom powetu Trockoho danyj iż nie majut ich Wojewodowie Trockije i ich Namiestniki na swoi potreby i pryslugih swoich na dieckowanie, abo dla iskania jakich zloczyńcow posyłati, okrom inszych prostych Tatar na to ustanowienych», который тут датирован 14 октября 1541 г. (Muchliński, 1858, s. 65–66, 99–100).

Опираясь на эти документы, А. Мухлинский и большинство последующих авторов полагали, что, в отличие от привилегированной части служилых литовских татар, – которую в литературе обычно именуют *тата́рами господарскими* (то есть «государевыми» татарами), – татары-казаки составляли группу, которая кроме военной службы должна была нести в пользу великого князя некоторые дополнительные повинности (аналогичные повинностям военно-служилых крестьян, так называемых путных слуг, с XVI в. именовавшихся путными боярами). Такой точки зрения придерживался, например, автор опубликованной в 1938 г. монографии, посвященной литовским татарам – Станислав Кричинский (Крычыński, 1938, s. 55–56).

Выделял татар-казаков из общей массы служилых татар и такой известный историк Великого княжества Литовского, как М.К. Любавский. «Татары делятся на стяги, которыми командуют хоружие тоже из татар, а казаки ставятся под начальство хоружих своими атаманами», – писал он, опираясь на данные переписи литовского войска 1528 г. (Любавский, 1892, с. 550).

Аналогичную позицию занимают в последние десятилетия и польские авторы, специально занимающиеся литовскими татарами (Borawski, Dubiński, 1986, s. 54–55). П. Боравский утверждает, что татары господарские и татары-казаки – это «две группы людей, различающихся как в правовом, так и в имущественном отношении» (Borawski, 1979, 33, s. 152), и что татары-казаки «составляли промежуточную категорию между татарским городским населением и господарскими татарами» (Borawski, 1979, Borawski, 1983, s. 51, 56–57). Принимает такое деление татар в Великом княжестве Литовском и Я. Собчак (Sobczak, 1984, s. 51, 56–57). Последний при этом полагал, что татары-казаки якобы ещё существовали в Великом княжестве Литовском даже в конце XVII в. (в момент издания привилея татарам короля Яна III Собесского 22 марта 1677 г.) (Sobczak, 1984, s. 95). Согласно П. Боравскому, татары-казаки стали исчезать во второй половине XVI в. и в большинстве перешли в ряды татар господарских (Borawski, 1979, s. 57–68; Borawski, 1983, s. 145; Borawski, Dubiński, 1986, s. 55).

Точку зрения А.О. Мухлинского полностью разделяли и советские историки, изучавшие литовских татар, в частности. Я. Гембицкий (Гембіцкі, 1929, с. 56), А.П. Грицкевич (Грыцкевіч, 1981, с. 85–86), причем последний полагал, что казаки составляли низшую группу военно-служилых татар и могли быть и господарскими, и панскими (Грыцкевіч, 1981, с. 86).

Нельзя не заметить, однако, что, формулируя подобные выводы и считая казаков менее привилегированной категорией служилых татар, предполагая наличие у татар-казаков дополнительных повинностей, все авторы опирались преимущественно на материалы А.О. Мухлинского, те самые заголовки привилеев, опубликованные в 1857–1858 гг. Как ни странно, оригиналы этих документов практически вплоть до последних лет не использовались в литературе и не предпринимались попытки проверить достоверность информации, содержащейся в опубликованных заголовках.

В данной статье мы обратились к этим документам и к другим источникам, где упоминаются татары-казаки, чтобы выяснить реальное содержание этого термина в Великом княжестве Литовском, установить, кем были татары-казаки, в чем состояли их обязанности и права, отличались ли они от других великокняжеских служилых татар по условиям службы, юридическому положению, т.е. составляли ли они одну из категорий литовских татар, как утверждается в литературе.

Изучение материалов Литовской метрики (книг канцелярии Великого княжества Литовского) показало, что татары-казаки встречаются в литовских источниках первой половины XVI в. Позже упоминания о них исчезают из документов. Впрочем, в первой половине XVII в. в Литовской метрике неоднократно упоминаются татары, служившие в королевской надворной казацкой хоругви; в заголовках документов они нередко названы татарами-казаками, однако в этих случаях речь идет

не об их принадлежности к особой категории татарского населения, а о службе, которую они исполняли за жалование, вооруженные «по-козацки» (РГАДА, ф. 389, д. 99, л. 11, 39, 88, 138, 292 об., 293 об., 298, 299 об., 309, 398 об.–400 об., 414, 473–474 и др.).

Одним из наиболее важных документов для изучения положения данной группы является перепись литовского войска 1528 г., точнее, постановление сейма, в котором был зафиксирован размер военной службы отдельных литовских феодалов, в том числе и татар. Этот документ (опубликованный в «Русской исторической библиотеке» и не так давно переизданный белорусскими коллегами) (Перапіс войска..., 2003), широко известен. Напомним лишь, что в нём отдельно от повтовых шляхетских (боярских) хоругвей, отдельно от «почтов» (отрядов), самостоятельно выставляемых литовскими князьями и панями (как в то время именовались только представители знати), названы и семь хорунжеств или стягов литовских татар, возглавляемых татарскими хорунжими, выходцами из рядов аристократии (РИБ, т. 33, стлб. 108–117).

Списки каждого стяга составлены по общему образцу. Сначала названы его глава – хорунжий и другие татары, обычно выставлявшие со своих имений по несколько коней, а затем, как правило, перечисляются татары-казаки, причем во всех случаях кроме одного, подчеркнута что они «людей не мают», т.е. не имеют крестьян, следовательно, владеют только землей. Например, в реестре «Абрагимова стягу», т.е. в хорунжестве князя Абрагима Тимирчича (позже, по имени его рода, наследственно возглавлявшего этот стяг, получило название хорунжества Юшинского стяга воеводства Троцкого), после перечисления татар, владевших людьми, следует продолжение, состоящее из нескольких частей, имеющих каждая отдельный подзаголовок: «Того ж стягу татаре казаки што людей не мают», «Казаки ларьские», «То вацкие козаки», «То казаки кирклянские», «Казаки Троцкий». Обычно же структура хорунжества в переписи проще: сначала идут татары, владевшие людьми; затем «татаре козаки, што людей не мают». По этому принципу составлены списки хорунжеств князя Ивана (Кадышевича Петровича, из рода Найман, впоследствии Найманское хорунжество), князя Банка Сеньковича (хорунжество Ялоирское), «реестр татар новогрудских», реестр «Типирского и Кричинского стягу хорунжества Олишкова (Олишка Казкевича, хорунжество Кондрацкое), хотя в последнем случае в конце списка отдельно указаны «пуняне», т.е. татары, жившие в Пунской волости, которые строго говоря, казаками не названы¹.

На первый взгляд, можно было бы заключить, что признаком принадлежности татар к числу казаков можно считать отсутствие у них зависимых людей. Однако в одном из хорунжеств – князя Сейджала Миньбалатовича (Сеит-Джалыла Минбулатовича Барынского) в реестре отдельно упоминаются «козаки Сейжалового стягу, што люди мають» (17 человек), и лишь после них перечислены «того ж стягу козаки, што людей не мають» (РИБ, т. 33, стлб. 113–114).

Итак, среди казаков могли быть и лица, владевшие крестьянами. Подтверждают это и другие документы. Так, например, 26 июля 1522 г. король Сигизмунд I отправил наместнику Кревской волости лист, в котором извещал: «бил нам челом татарин наш Маньтуш козак о том, што ж первой сего подали есьмо ему шесть служоб людей а чотыры земли пустовьских у Виленьском повете». Однако покойный канцлер М. Радзивилл (занимал эту должность в 1510–1522 гг. – С.Д.) дал Мантушу в Марковском повете лишь 3 человек и 2 земли, в связи с чем кревский наместник, в соответствии с первым пожалованием, должен был найти ему и дать недостающих 3 человек и 2 земли (РГАДА, ф. 389, д. 12, л. 106). Т.е. будучи казаком, Мантуш получил людей и землю, но, несмотря на это, продолжал именоваться казаком даже в документе, оформлявшем ему дополнительное пожалование. Следовательно, мы должны заключить, что хотя большинство казаков не владело крестьянами, само по себе отсутствие крестьян не являлось признаком принадлежности к данной группе татар, т.е. не имущественное положение определяло принадлежность татар к числу казаков.

По подсчетам П. Боравского, из 544 татар (глав семей), упомянутых в различных татарских стягах, 406 – это татары-казаки, не владевшие крестьянами, и ещё 17 – татары-казаки, крестьян имевшие (Borawski, 1979, s. 152). Следует, однако, констатировать, что, кроме пунян, казаками, строго говоря, не названы в списке и большинство татар, перечисленных в реестре хорунжего Ахмета Улана (Влана) Санчуковича. Там упомянуты «татаре козаки, што людей не мают», но после них следует список татар, живших в двух селах у реки Лососни в Гродненском повете, и заголовки там иные: «то татарове того ж стягу Лососинского, што людей атаманства Бузунова не мають», «то татаре, што на огородах сядят а пашни не мають», «то татаре лососинский Мацькова атаманства», «того ж атаманства огородники, што пашен не мають» (РИБ, т. 33, стлб. 114–117). Таким образом, жившие в Лососне

¹ О татарских хорунжествах подробнее см.: (Borawski, 1979, Borawski, 2016).

татары в реестре казаками не названы, и упоминания в ряде работ о «казаках лососинских» (Borawski, 1979, s. 151) не совсем точно передают источник. Тем не менее, казаками в переписи войска Великого княжества в 1528 г. именуется большинство литовских служилых татар.

Чтобы выяснить, отличались ли татары-казаки по своему юридическому положению от «татар господарских», которых противопоставляет им большинство исследователей, следует выяснить три вопроса:

1. Существовали ли в Великом княжестве Литовском группы татар, наряду с военной службой исполнявшие другие повинности.

2. Были эти дополнительные повинности возложены на татар-казаков, или на другие группы татар.

3. Зафиксировано ли в литовских юридических памятниках особое положение татар-казаков.

Наличие в Литве татар, наряду с военной службой или вместо нее выполнявших другие повинности, не вызывает сомнений. Уже упоминавшийся лист Сигизмунда I несколькими татарам Троцкого воеводства 15 октября 1541 г. подтвердил, «иж не мають их воеводове Троцкие и их наместники на свои потреби и прислугах своих на децкование або для иманья яких злочинцов посылати кром инших простых татар, на то установеных». Вот так звучит этот документ:

«Били нам чалом татарове Троцкого помета Мамул Ляшкович, а Исуп Ичи Магъметович, а Мамец, а Враз Ганъжичи, а Олей Муратович, а Сунъча Уразович Усейновичом о том иж деи врядники воевод Троцких посылають их на потреби свои, так теж естли где слуг своих посылають на децкованье, або на иншие потреби, або пак которых злочинцов имати: ино де им при слугах своих ехати велять, а они де не повинъни того з давных часов чинити, нижли дей только служить нам з ыменей своих земъскую службу в стягах татаръских, а на таковые деи sprawy воеводиньские и наместников воеводиньских, яко з листы и слугами их, так тож и злочинъцов имати, установени суть простые татаре, и били нам чолом, абыхмо их в том заховали водлуг давного обычая, а на таковые потреби врядников воевод Троцких, где они за децкованье слуг своих або пак которых злочинъцов имати посылають их, при них им ездити на велели, ино гдыж они перед тым будути здавна не повинъни то чинит[ь], мы и тепер[ь] на их чоломбитье то вчинили [...] одно мають они служити в [с]тягах татарских, а воеводы Троцкие и врядники их мають во всем том к ним заховывати ся водлуг давного обычая, как будет перед тым бывало. Писан у Вильни АФМА [1541] м[еся]ца ок[тября] ГІ [13] дня² индикта ЕІ [15]» (РГАДА, ф. 389, д. 24, л. 64).

Традиционно этот документ считается доказательством того, что татары-казаки, отождествляемые с «простыми татарами», должны были выполнять поручения воевод и наместников, – ездили на децкование (для расследования дел по жалобам), участвовали в поимке злоумышленников, т.е. выполняли обязанности, аналогичные обязанностям путных слуг (позже – путных бояр).

О широком распространении такого рода повинностей должен был свидетельствовать и другой документ, изданный А.О. Мухлинским, – лист Сигизмунда I татарам Рудоминским и Мемежским Виленского повета 4 июля 1540 г., освобождающий их от обязанности возить письма виленских воевод. Но обращение к тексту этого документа позволяет констатировать, что речь в нём идет лишь о восстановлении норм, нарушенных местными властями. «Татарове рудоминские и мемежские повету Виленского Араз и Ходор «з ынъшою братею и товарищы своими» пожаловались королю, что тогдашний виленский воевода и канцлер Великого княжества Литовского О.М. Гаштовт «увел им был новину и посылал их з листы своими по двором своим и на иншие потреби свои и в ловы и теж казал и з собою ездити, а перед тем де они за перъших воевод виленских на потреби их з листы и в ловы не еждывали, нижли только службу земскую нам служывали, по тому як инъшие татарове у панъстве нашом Великом князстве Литовском служить, и били нам чолом, абыхмо от тое новины их вызволили и зоставили их пры старыне, так же и хоружый татарский пан Иван Петрович перед нами то сознавал, иж они перед тем здавна в таком взневоленьи от перъших воевод виленских не бывали, одно завжды часу потреби на службу нашу земскую з инъшими тотары становили ся». Король распорядился оставить за ними только их прежнюю обязанность земской военной службы, с тем, чтобы и будущие воеводы не могли заставлять их нести дополнительные повинности (РГАДА, ф. 389, д. 24, л. 69 об.).

Итак, обязанностью татар, живших в Рудомине и Мемеже (Немеже, совр. Нямежис, Nemėžis) – типичных татарских «околицах», т.е. селах, где и жили, судя по переписи 1528 г. большинство упомянутых в документе татар-казаков, являлась только военная служба, а все дополнительные

² Датировка у А. Мухлинского, 14 октября, следовательно, ошибочна.

повинности, возложенные на них воеводой, воспринимались как «взневольенье», «новины», посягательство на их исконные права. Поскольку эту точку зрения разделял и король, данные злоупотребления воевод должны были быть отменены.

С подобными жалобами на представителей великокняжеской администрации татары обращались не раз. Ещё в 1503 г. татары Гродненского повета (уезда) жаловались на тамошнего старосту, князя Александра Гольшанского, который пытался заставить их нести стражу, разыскивать и арестовывать преступников, а также собирать мыто с купцов, ехавших в город [АЗР, 1846, № 208].

В числе не датированных «выроков» Сигизмунда I 1530-х гг. имеется и ещё один важный документ – решение по жалобе шестнадцати трокских и вацких татар³ (РГАДА, ф. 389, д. 226, л. 118–119) (имена многих из них мы находим в числе татар-казачков стяга князя Абрагима, т.е. в хорунжестве Юшинском, в списке 1528 г.)⁴.

Как стало известно королю, «служебники» трокского воеводы, земского маршалка Великого княжества Литовского Яна Яновича Заберезинского заставляли этих татар ездить децкими (т.е. в качестве судебных исполнителей) с собой и своими слугами, каждый раз встречать воеводу, «и на каждую послугу где бы кольве твоя м[и]л[ос]ть самому, або наместнику тв[оей] м[и]л[ости] Троцкому была потреба, их посылаете, а к тому дей наместник тв[оее] м[и]л[ости] Троцкий велит им с слугами своими злодеев имати и до замку н[а]шого Троцкого водити, а хто бы дей з них в том ся сплошил, он за то их винами караеть, и теж кажет им наместник твой Троцкий, а в небытности его самого слуга ег[о], которого он на свое местцо там покладает, перед собою становити и их судит, и радить, и винами их обтяжаеть, и хотя бы которая вина на нас г[оспо]д[ар]ья приходила, и они то все на себе берут, для чего ж дей многий з них земли свои позаставляли и по паном служить, и пры том они жаловали, яко есмо тых часов по двором нашым у ловы ездили, ино они до пуцы Бирштанское не могли ехати для великое тяжкости, и домы их грабленыи и спустышеныи, то пак дей вранник тв[оей] м[и]л[ос]ти Троцкий як винами непомерными за то их обложил и на каждом з них правил по чотыры рубли грошей». Будучи в Троках, Сигизмунд I расследовал это дело, и «тые татарове Троцкии повелиди, иж они повинни з нами г[оспо]д[ар]рем у ловы ехати до пуцы двора н[а]шого Жыжморского, а тыи вацкии татаре ездят до пуцы Рудницкое, и Межырецкое, и инде, где бы кол[ь]ве н[а]шо властное росказан[ь]е г[оспо]д[ар]ьское им было, а э ыншыим никим не мають ездити». Царевич Азюбек-солтан⁵ и некоторые другие князья, мурзы и уланы, т.е. представители литовско-татарской знати, подтвердили, «иж они перед тым николи з воеводами Троцкими и их наместники як у ловы, так и з децкими, и злодеев имати, и воевод спотыкати не еждивали, тол[ь]ко на службу земскую на войну ездят, и там, где кольве мы сами г[оспо]д[ар]ь им роскажем». Татары били челом, «кабыхмо пры старыне их заховали и с тых всих новин и тяжкостей их вызволили, жебы часу потребы служба н[а]ша [т.е. военная служба – С.Д.] не была з них умешкана».

Король, «бачачы на то, иж они завжды ку службе н[а]шой потребны сут[ь], и не хотячы того видети, жебы служба н[а]ша мела ся тым умен[ь]шати, с тых всих новин и тяжкостей вызволили и очывисто [...] прыказали, абы вжо они без кожного обтяжен[ь]я были захованы».

Извещая об этом своим «выроком» Я. Я. Заберезинского, Сигизмунд I потребовал, чтобы тот «ни в чом тяжкости чынити им не казал и тым татаром н[а]шым у ловы с собою и з наместником своим ездити, и з служебники своими, и з децкими вранника своег[о] посылати, и себе завжды спотыкати, и злодеев имати им не велел, нехай они з нами г[оспо]д[ар]рем у ловы ездят, и каждое послуги н[а]шое пил[ь]ни были, яко мы им роскажем, и што с[я] теж дотычет прысуду тв[оей] м[и]л[ос]т[и] и твоя бы м[и]л[ос]ть яко воевода их судил и справовал водле давного обычая, и естли бы хто з них у которую вину нашу упал, твоя бы м[и]л[ос]ть на нас г[оспо]д[ар]я то укладывал. мы будем ведати, што маем з ними учынити, а враннику своему штобы твоя м[ил]о[с]ть жадными винами карати и за то их грабети не казал».

По приказу воеводы, наместник должен был вернуть им «вси грабежи», т.е. все незаконно отобранное (за слушание) имущество, «и от того часу штобы тв[о]я м[и]л[ос]ть в тых всих речах

³ Он не датирован, а хронология в записях это книги нарушена, предшествующие документы книги датированы 1535 г., один из последующих – 1532 г.

⁴ Например, в числе «казачков ларских» в 1528 г. упоминаются Казыма Ачхматович (в «выроке» – Казым Ачыхматович), Мацюля (Мацул) Курманчукович, Жинев (Айдарович), Дыяш (Деш Чикматович), Разум с Курманом (Розым Курманочукович) и др. (РИБ, т. 33, стлб. 111–113).

⁵ Сын выехавшего в Литву крымского царевича Давлеш-солтана (Думин, 2016).

супокойне их заховал подле стародавнего обычая и водле теперешнего листу н[а]шого, жебы наперед тая послуга ни в чом нам з и них не вмен[ь]шала» (РГАДА, ф. 389, д. 226, л. 118–119).

Таким образом, и в данном случае попытки наместника заставить татар ездить на децкование, нести стражу и другие подобные повинности (возлагаемые на путных людей, то есть крестьян-слуг) были незаконны.

Иное дело – обязанность ходить на охоту с великим князем. К сожалению, у нас нет данных, чтобы судить, насколько такая повинность была распространена среди литовских служилых татар в то время. Может быть, речь идет о специфической повинности, возложенной на какую-то группу татарских поселенцев? Подобные случаи известны. Например, ещё в 1559 г. в имении Колнолары (Трокское воеводство) упомянуто 10 домов татар, владевших землей «на повинности трубачей» («rowinności trębackiej») (РГАДА, ф. 389, д. 569, л. 252–257 об., 380 об.–383)⁶. Судя по приведенному выше привилею 1541 г., ходить в пушу на охоту обязаны были далеко не все служилые татары. Кроме того, и по этому «выроку» Сигизмунда трокские и вацкие татары, добившись того, чтобы обязанность участвовать в охоте исполнялась только в присутствии самого короля и только в определенных пушах (находившихся рядом), сохранили привилегированное положение. Эта обязанность по отношению к монарху не превратилась у них в домениальную повинность, как у крестьян-слуг – осочников, загонщиков, и не могла быть превращена в денежный сбор (как случалось со многими повинностями крестьян). Поэтому она уже не представляла особой ценности для наместников и воевод (которые не могли использовать ее в своих интересах). Вероятно, королевские охоты в этих пушах проводились нечасто, и, поскольку основной обязанностью этой группы татар также являлась военная служба, их дополнительная повинность была со временем забыта (позднейшие источники о ней умалчивают).

Жалобы татар на злоупотребления воевод и наместников очень созвучны аналогичным жалобам мелких бояр, которых представители местной администрации также нередко пытались приравнять к слугам, заставляли исполнять не свойственные им повинности. Однако приведенный выше документ 1541 г., подтверждая свободу некоторых татар Трокского воеводства от обязанности исполнять различные поручения воеводы, указывал, что для их исполнения существуют «простые татары». Можно ли считать, что в последнем случае имеются в виду татары-казаки? Считались ли они «простыми татарами»?

В первом Литовском статуте (своде законов) 1529 г. размеры головщины и навязки (т.е. штрафа, соответственно, за убийство и за ранение или оскорбление) для татар отдельно не указаны. Как видно из судебной практики, на служилых литовских татар уже тогда распространялось действие артикулов, определявших размеры шляхетской годовщины и навязки (АВАК, т. XVII. с. 651 (1540 г.); РГАДА, ф. 389, д. 15, л. 75–75 об.). Позже это было и специально оговорено в Литовских статутах 1566 г. (раздел 12, артикул 6) (Статут Великого княжества Литовского 1566 г., с. 168); и 1588 г. (раздел 12, артикул 10) (Лаппо ИИ, 1932, с. 468). При этом навязка и годовщина «простых», не служилых татар, – ремесленников, огородников, возчиков, – была установлена в значительно меньшем размере. По-видимому, такое различие существовало и в первой половине XVI в., и в этой связи очень показателен другой королевский привилей, также известный А.О. Мухлинскому и другим исследователям по заголовку – «Лист татаром козаком Меречлянским трем особам, на зоставене их водлуг листу судового царевича Озюбек Солтана при чти [чести – С.Д.], за примовкою некоторых татар», текст которого был нами обнаружен и изучен по Литовской метрике.

Итак, в июле 1540 г. «Татарове козаки меречлянские на имя Юлуш Тулушиковичом, а Тофъта Онышевичом, а Соболя Малеевич», пожаловались, что «некоторые татаре ку чти им были прымовили и меновали их простыми люд[ь]ми; а поведили, жебы навязки за бой по дванадъчатъ коп грошей им не суживано» (т.е. оспорили их права для того, чтобы не платить им шляхетской навязки в случае конфликта, драки – С.Д.). Но дело это было расследовано царевичем Азюбек Солтаном и Фурсом Уланом Осанчуковичем и по свидетельству мерешлянского хорунжего Олишка Казкевича оказалось, что «за отъца и дядька его, як они хоружими были и за его хоружства завжды сужывано им трем навязки до двенадцать рублев грошей". Это решение утвердил своим листом и король

⁶ Одновременно им же принадлежали дома и земли в Мелеховичах под Радунью в Лидском повете. Все эти татары были приписаны к Юшинскому хорунжеству. Поскольку никто из их потомков трубить не умел, да и потребность в этой специфической службе, вероятно, отпала, в 1631 г. ревизор татарских имений Ян Кердей обязал их исполнять ту же военную службу, что и остальные татары, т.е. выставлять на военную службу всадников (РГАДА, ф. 389, д. 569, л. 252–257 об., 380 об.–383).

(РГАДА, ф. 389, д. 24, л. 70–70 об.). Следовательно, навязка татар, именованных казаками, издавна была такой же, как навязка татар господарских и шляхты, а сами они не считались «простыми людьми». Отсюда следует, что упоминание о «простых татарах»; обязанных нести дополнительные в документе 1541 г., относится не к ним, а к татарам, по своему положению действительно приближавшимся к путным слугам. По отношению к татарам-казакам такие требования являлись злоупотреблением со стороны местных властей.

Следует, впрочем, упомянуть и ещё об одном указании на наличие у значительного числа татар дополнительных повинностей. Речь идет об известном сочинении «Альфуркан татарский истинный, на сорок частей разделенный», опубликованном в 1616 г. в Литве под псевдонимом Петра Чижевского. Этот памфлет, направленный против татар и обвинявший их во всех смертных грехах, был призван мобилизовать против них общественное мнение, добиться ограничения их прав и привилегий, и, в частности, доказать, как обозначено в самом заглавии книги, что татары «не шляхта, не землевладельцы, не князья, а [...] невольники этого государства» (Czyżewski, 1616). Если верить Чижевскому, татары, жившие в Сорок Татарах (в Троцком воеводстве, неподалеку от Вильно; именно там, очевидно, жили упоминаемые в 1528 г. киркляньские казаки)⁷, и другие (не названные) татары «к приезду Его Королевского Величества в Вильно [...] мосты на дорогах должны чинить, так они не свободного состояния». Кроме того, «ещё старые осочники (загонщики – С.Д.) рассказывают, что татары в пуши с рушницами и ощепами⁸ должны были ходить и зверей добывать, когда для нужд Его Королевского Величества на зверей охотились, о чем теперь забыли» (Czyżewski, 1616, s. 7–8). Вообще же, как утверждал Чижевский, татары якобы были поселены у Вильно не для военной службы, а чтобы заниматься извозом, снабжать овощами княжескую кухню, ездить с письмами и давать подводы, куда им прикажут, исправлять мосты и дороги, топить печи в замках и дворцах великого князя, ходить на охоту (Czyżewski, 1616, s. 52–53).

Оставив в стороне эту «гипотезу» памфлетиста (он был яростным противником службы татар в литовском войске, считая, что войско, где служат иноверцы, «Бог не благословит» (Czyżewski, 1616, s. 16), и стремился добиться перевода татар в разряд крестьян-слуг), мы должны констатировать, что в «Альфуркане» имеется указание лишь на обязанность одной из групп татар (в том числе – потомков киркляньских казаков) чинить мосты вместе с крестьянским населением. Если даже данные Чижевского достоверны (а сведениями, подтверждающими или опровергающими их, мы не располагаем), эту общеволюстную повинность исполняла лишь небольшая часть татар, т.е. нет оснований считать ее обязанностью татар-казаков в целом. Что касается рассказа старожилы об участии татар в великокняжеской охоте, то он относится, видимо, к приведенному выше эпизоду с трокскими татарами.

Итак, мы должны сделать вывод, что по своим обязанностям татары, именуемые в некоторых источниках казаками, не отличались от остальных господарских татар, и их единственной обязанностью была военная служба за пожалованную землю. При этом казаки, как и остальные татары, пользовались шляхетской навязкой, т.е. не относились к числу «простых» татар.

Собственно говоря, изначально неправомерным представляется само противопоставление татар господарских и татар-казаков. Дело в том, что выражение «татарин господарский» обозначало татар, служивших великому князю. Они противопоставляются в источниках не татарам-казакам, а татарам, находившимся на службе других лиц, под их частной юрисдикцией, – татарам князя Острожского, Радзивиллов, княжны Збаражской⁹ и т. п. Татары-казаки являлись такими же господарскими татарами, как и остальные татары, объединенные в хорунжества или, как татары Клецкого замка (РИБ, т. 33, стлб. 190), а затем татары Мстиславского воеводства, (РГАДА, ф. 389, д. 569, л. 866–866 об.; Muchliński, 1858, s. 104–106), служившие в поветовых хоругвях вместе с боярами-шляхтой. Они исполняли ту же службу, пользовались теми же правами, владели землей на

⁷ Достаточно сравнить список киркляньских казаков со списком татар, владевших землями в Сорок Татарах в 1559 г. (РГАДА, ф. 389, д. 569, л. 270 об.–300) «Кирк лар» в переводе с тюркского означает «сорок мужчин».

⁸ Рушница, польск. *rusznica*, распространённое с середины XV в. ручное огнестрельное оружие с длинным стволом, ощеп, *oszczer* – вид копья.

⁹ Как отмечал ещё в 1911 г. И.И. Лаппо «рядом с татарами господарскими мы встречаем и татар панских, т.е. имеем то же явление, которое мы наблюдали (...) по отношению к остальной шляхте, также делившейся на землян господарских и панских или княжеских». (Лаппо, 1911, с. 266). О том же писал А.П. Грицкевич (Грыцкевіч, 1981, с. 85–86).

тех же условиях, что и другие господарские татары, как и остальные, имели право владеть крестьянами (хотя реально, как мы видели, в первой половине XVI в. этим правом пользовались лишь немногие из них), т.е. принадлежали к числу литовских феодалов.

Но если права и обязанности всех господарских татар, исполнявших военную службу, совпадали, откуда в документах специальный термин для обозначения многочисленной группы татар, служивших великому князю, какое содержание вкладывали в него сами литовские татары и составители актов, где татары-казаки упоминаются?

Для ответа на этот вопрос мы должны обратиться к источникам по истории Золотой Орды и татарских ханств, образовавшихся на ее обломках, – Казанского, Крымского, Касимовского. Татары-казаки там хорошо известны, и именно оттуда, несомненно, проник в Литву этот тюркский термин.

Кем были ордынские казаки? На этот счет существует несколько мнений. Русский историк В. В. Вельяминов-Зернов, например, утверждал, что «простые татары, приходившие служить в Россию вместе со своими царевичами, а равным образом и простые татары казанские, крымские и прочие обыкновенно звались у русских казаками, да и сами они называли себя казаками» (Вельяминов-Зернов, 1863, с. 74). Но В.В. Вельяминов-Зернов не изучал этого вопроса специально, и исследования других авторов позволяют по-иному взглянуть на эту многочисленную группу населения татарских ханств.

Как отмечал советский историк Н.И. Никитин, «термин «казак» тюркского происхождения. Этимология этого слова не вполне ясна, но его суть применительно к степным районам страны, по мнению большинства исследователей, как правило, сводилась к тому, что им в XVI в. обозначался изгой, свободный человек, бродяга, вольный удалец, промышлявший военным делом» (Никитин, 1986, с. 168). «Человек вольный, независимый, искатель приключений», – таково основное значение слова «казак» в словаре тюркских наречий В. В. Радлова, вышедшем в конце XIX в. (Радлов, 1899, с. 364).

Для татарской знати, князей (беков, возглавлявших отдельные улусы) и мурз (членов аристократических родов, служилой знати) служба хану была обязанностью, вытекавшей из владения улусом, «кочевым леном» (Федоров-Давыдов, 1973, с. 46–47). Казаками же называли татар, вышедших из подчинения сюзерену, покинувших свой род, порвавших связи с ним. Они собирались в отряды, нередко предлагали свою службу ордынским и другим феодалам по собственному выбору, иногда самостоятельно совершали набеги, нападения на купеческие караваны. Татары-казаки продолжали существовать в татарских ханствах и после того, как в Великом княжестве Литовском это обозначение местных татар уже вышло из употребления. Так, 3 сентября 1561 г. король Сигизмунд Август известил черкасского и каневского старосту князя Михаила Вишневецкого о том, что по сообщению крымского хана «некоторые козаки белгородские двадцать и четыре человека хотят до земли московское идти и службу свою нам государю оказать, а мы же быхмо им жалованье наше дать велели». Староста должен был послать казакам в Белгород распоряжение идти в Московскую землю ещё до наступления зимы. Перечисленные в документе имена этих казаков – чисто татарские (Ясе-Хожа, Бокайчик, Карача-акчай и т.д.) (АЮиЗР, т. 2, с. 156–157).

Именно в этом значении, – вольный человек, независимый от государственной власти и промышлявший военным делом, существуя вне традиционных структур феодального общества, термин «казак», «козак» утвердился, в частности, на Украине¹⁰, и затем получил широкое распространение в польских, литовских, русских источниках.

На наш взгляд, упоминание в литовских документах татар-казаков позволяет пролить некоторый дополнительный свет на историю формирования группы литовских служилых татар. Как мы уже говорили, ее составили два основных компонента: татары, взятые в плен великим князем Витовтом во время похода 1397 г. и поселенные по реке Ваке в окрестностях Трок и Вильно, и добровольные переселенцы (Думин, 1991, с. 439–448)¹¹. Сами литовские татары уже в XVI–XVII вв. от-

¹⁰ См. документы об украинском казачестве (АЮЗР, ч. III, т. I).

¹¹ Индивидуальные выезды татар известны и в начале XVI в. 16 января 1517 г. писарь татарский князь Айдар Хазбеевич «стоял» перед Сигизмундом I с татаринцом Богданом Келдияровичем, который якобы «взял в Прешпорку татарина на имя Чжаншика и отослал его до Орды. Но Келдиярович был оправдан, так как канцлер М.М. Гаштольд сообщил, что «тот татарин Чжаншика у Прешпорк до его милости ся приказывал, и его милость его не принял, и он тогда ж с Прешпорка пошел прочь, а тот Богдан ехал при его милости с Угор (из Венгрии – С.Д.) до Кракова, до Литвы» (РИБ, т. 20, стлб. 962–963).

рицали свое происхождение от пленных и утверждали, что их предков великие князья призвали на помощь во время войны (Czyżewski, 1616, s. 20; Strykowski, 1978, s. 333). Вполне вероятно и правдоподобно, что именно казаки, – т.е. татары, в меньшей степени связанные с улусной системой, наиболее мобильный элемент ордынского общества, – в первую очередь и откликнулись на призывы Гедиминовичей или являлись к ним на службу по собственной инициативе. Именно отряды казаков (а не улусы, как полагают С. Кричинский (Kryczyński, 1938, s. 53), П. Боравский (Bogawski, 1979) и некоторые другие авторы) могли стать основой, по крайней мере, части литовско-татарских стягов. Важно подчеркнуть, что и в Литве в рамках хорунжеств ещё в первой половине XVI в., видимо, сохранялась некоторая обособленность отдельных крупных групп татар, уже подчиненных общему хорунжему. Как мы уже упоминали, в переписи 1528 г. упоминаются и особые должностные лица, – атаманы, – возглавлявшие трокских, вацких татар, два стяга лососинских татар (в составе хорунжества князя Ахмета Улана)¹². Об их функциях источники не сообщают. Можно лишь предполагать, что атаманы являлись своеобразными татарскими старостами, представлявшими татар отдельных поселений перед администрацией, которые, возможно, отвечали и за сбор отряда на войну, приводили его к хорунжему. Мы не знаем даже, являлись ли атаманы выборными, или их назначали хорунжие, а может быть, другие представители местной великокняжеской администрации. Тем не менее, сам термин «атаман», также весьма характерный для казачьей военной организации, несомненно, является наследием раннего этапа поселения татар в Литве.

Существование отдельных «атаманств», на наш взгляд, является дополнительным доводом в пользу предположения о первоначальной самостоятельности некоторых крупных татарских поселений в Литве, вошедших затем в состав образованных великим князем татарских хорунжеств. Судя по имеющимся источникам, атаманы существовали лишь в некоторых татарских поселениях в Литве. В большинстве из них атаманы больше не упоминаются примерно со второй половины XVI в., но в окрестности Лососня в Гродненском повете, где обитало большинство татар, приписанных к Уланскому хорунжеству, ещё в ревизии татарских имений 1631 г. назван тамошний атаман – Ясинский Кульзиманович, владелец различных земель в обеих частях Лососни (РГАДА, ф. 389, д. 569, л. 101 об., 125 об., 131, 132 об., 138 об., 140, 144 об., 145 об., 150). Более поздние упоминания об атаманах у литовских татар нам неизвестны.

Что некоторые ордынские татары-казаки или их группы могли после выезда в Литву включаться в состав уже существующих татарских отрядов, очевидно, свидетельствует привилей 15 мая 1542 г. князю Магмету Кадышевичу на хорунжество татарское в Виленском повете, которое держали его дед князь Петр, отец князь Кадыш и брат Ивашко. После смерти брата князь Магмет должен был занять его должность и, в частности, получал право «судити и местца козаком роздавати водле давнего обычая до своего живота» (РГАДА, ф. 389, д. 24, л. 231 об.).

Указание на давний обычай, – право татарского хорунжего, т.е. военного главы стяга, раздавать казакам «местца», т.е. по всей вероятности, земельные участки, расширяет наши сведения о компетенциях этих татарских «урядников» на раннем этапе поселения татар в Литве и формирования литовских татар. Но в данном контексте казаки – не название особой группы служилых татар, а обозначение татарских воинов, поступивших на службу великому князю.

Чрезвычайно любопытен ещё один документ, – привилей короля Сигизмунда I 1522 г. князю Нуруму Майковичу Осанчуковичу с подтверждением за ним звания хорунжего стяга Уланов Осанчуковичей, которое «неслушным обычаем под ним упросил» его «брат» (кузен) князь Ахмет Войкович. Аргументом для решения дела в пользу князя Нурума было и то, что «такъжо и братья ж его и иньшые татарове казаки с ними перед нами мовили» (РГАДА, ф. 389, д. 12, л. 12).

Татары-казаки, упоминаемые в данном документе, участвуют в решении дела о замещении должности хорунжего, поддерживают перед королем одного из кандидатов. Но гораздо важнее в данном случае то обстоятельство, что татары-казаки стяга Осанчуковичей в этом документе не противопоставляются «братьям» князя Нурума, т.е. представителям высшей татарской аристократии. Конструкция «братья его и иньшые татарове казаки», «братья его и иные татары-казаки», позволяет считать, что казаками являлись и «братья» Нурума, и другие татары стяга, т.е. этот термин может обозначать здесь всех служилых татар.

Ещё один документ, подтверждающий это толкование термина, – лист Сигизмунда I 21 октября 1530 г. Обдуле Абрагимовичу на звание хорунжего татарского трокского после его отца, упоминав-

¹² Вацкие казаки во главе с атаманом Сытом Азеденовичем) (29, стлб. 111–113) и два «атаманства» татар Лососинского стяга во главе с атаманами Бузуном и Мацком (РИБ, т. 33, стлб. 115–117).

шегося выше князя Абрагима Тимирчича, маршалка и писаря татарского (РГАДА, ф. 389, д. 17, л. 134 об.). Это хорунжество, – стяг князя Абрагима, – упоминается в переписи 1528 г., и в его списке, как уже говорилось, кроме самого хорунжего, группы его родственников и других татар, владевших людьми, отдельно названы несколько групп татар-казаков (РИБ, т. 33, стлб. 111–113).

Лист 1530 г. извещает, что король дал хорунжество Обдуле Абрагимовичу и приказывает, чтобы татары «его были послушны по тому, как и отца его кн[я]зя Абрагима». Адресован же этот документ «Ко всим козаком татаром повету Троцкого», и здесь термин «казаки татары» явно выступает в качестве общего названия всех служилых татар хорунжества (в самом деле, странно было бы, если бы король информировал о назначении нового хорунжего только часть татар стяга!).

Казаки упоминаются и в следующем привилее на это хорунжество – маршалку и писарю татарскому князю Кульзиману Ходыревичу (двоюродному брату Обдулы), которому Обдула Абрагимович добровольно передал королевский лист на это звание.

Князь Кульзиман бил челом королю «о том, што ж которое хоружое троцкое над козаки, перве сего держал от нас маршалок и писар[ь] наш татарьский князь Обрагим Тимирчич, и потом сыну своему он буде спустил, ино тот сын его Обдула тот вряд хоружое троцкое ему дядку своему спустил, и оные листы наши, который на тот вряд в себе мел, ему отдал». 2 декабря 1533 г. Сигизмунд I утвердил князя Кульзимана хорунжим и дал ему право «на том ураде своем хоружестве троцком рядити и справовати по тому, как и предки его першые хоружие в том ся справовали» (РГАДА, ф. 389, д. 17, л. 532–532 об.).

По какой-то причине князь Кульзиман, видимо, так и не занял этот пост или вскоре вновь уступил его тому же Обдуле. «Хоружий козацкий татарский кн[я]зь Обдула Абрагимович» упоминается (вместе с братом и племянником) в судебном решении 17 октября 1536 г. (по их жалобе на высокодворского наместника господарского, забравшего у них крестьян, пожалованных ещё их отцу князю Абрагиму Тимирчичу) (РГАДА, ф. 389, д. 17, л. 312–314 об.). Поскольку и князь Обдула, и князь Кульзиман, разумеется, возглавляли весь стяг, а не какую-то его часть, татарами-казаками приведенные здесь документы явно считают всех служилых татар, входивших в состав этого хорунжества.

Ещё раз вернемся к документам, упоминающим литовских татар-казаков и рассмотренным выше, и мы увидим, что практически все они допускают подобное, – более широкое, – толкование данного термина. В самом деле, даже в реестре татарских стягов 1528 г. вовсе не обязательно усматривать противопоставление татар-казаков другим татарам, записанным в тех же хорунжествах. Ведь в списке каждого стяга после перечисления татар, владевших крестьянами, следует заголовок «то татаре козаки, што...», т.е. «это татары-казаки, которые...», допускающий двоякую интерпретацию: или данный документ противопоставляет казаков остальным татарам, – т.е. эти татары – *казаки*, которые отличаются от всех остальных татар, перечисленных выше, тем-то и тем-то (обычно – не имеют людей), или же это *татары-казаки*, которые отличаются от перечисленных выше *татар-казаков* тем, что не имеют крестьян, или тем, что составляют внутри стяга особую группу (как, например, в стяге князя Абрагима Тимирчича ларские, вацкие, троцкие, кирклянские казаки). Ведь по тому же принципу составлен и список хорунжества Ахмета Улана, где реестры составлявших его отрядов озаглавлены то «татаре козаки, што людей не мають», то просто «татарове» (с указанием атаманства, к которому они принадлежат, их имущественного положения, – «татарове, што на огородах седают, а пашни не мають»), причем и эти лица, видимо различаясь по размерам службы, составляют одну категорию татар, с общими правами и обязанностями. Татары, перечисленные в списках стягов до подзаголовков «то татаре козаки», собственно говоря, не имеют и документе специального названия¹³. Списку татарских хорунжеств в рукописи предшествует общий заголовок: «Реестр князей и вланов татарских. В том же реестре кожды з них менован есть на кольку конех мает служити». После этого следуют списки отдельных хорунжеств, в которых упоминаются и татарские князья, и уланы (Чингисиды, князья крови) и другие татары, в большинстве названные казаками.

¹³ П. Боравский, кстати, ранее утверждал, что татары каждого стяга в реестре 1528 г. делились на татар господарских и татар-казаков, причем татары господарские якобы записаны в реестре как «князья и уланы» (Borawski, 1983, s. 152). Впрочем, в последней монографии тот же автор уточнил свою позицию и пришёл к выводу, что татары-казаки – это простые служилые татары, которых он противопоставляет татарской аристократии, князьям, мурзам, уланам (Borawski, 2016, s. 34).

Итак, можно ли утверждать, что казаки – это все военно-служилые татары Великого княжества Литовского, упоминаемые в источниках первой половины XVI в.? Очевидно, у нас есть основания констатировать, что именно в таком значении употреблялся в то время в Литве этот термин. По-видимому, самоназвание татар, выезжавших на литовскую службу, – казаки, т.е. вольные воины, независимые от сюзерена, имеющие право выбирать себе государя и служить ему по своему усмотрению, – на некоторое, довольно короткое время утвердилось в Литве, как общее название татар, занятых военной службой. В таком контексте татары-казаки видимо противопоставлялись татарам, исполнявшим другие обязанности, например, татарам-ремесленникам, может быть, – «простым татарам». Кстати, не в этой ли связи в приведенном выше привилее 1541 г., подтверждавшем нескольким татарам право на навязку, равную шляхетской, подчеркивалось, что идет о татарах-казаках, т.е. о татарах служилых?

Тем не менее, данный термин довольно быстро вышел из употребления и его вытеснил более четкий и универсальный термин «татары господарские», который определял юридический статус литовских татар-землевладельцев, как служилых людей великого князя.

Очевидно, какую-то и роль сыграло при этом и появление украинского казачества. Такое название окончательно закрепилось за представителями этой степной вольницы и вряд ли было приемлемо для одной из групп литовских феодалов, «землян господарских», какими являлись служилые татары. Нельзя исключить, кроме того, и влияния ордынских традиций. Среди литовских татар существовала знать, потомки мурз и уланов, сохранившие в Литве свои княжеские титулы и (с помощью великих князей) закрепивших, за собой на длительный срок практически наследственную власть над татарскими хорунжествами. Культивируя ордынские традиции, поддерживая некоторые контакты с татарскими ханствами, литовско-татарская аристократия, несомненно, помнила, что в феодальной иерархии ордынского общества казаки стояли ниже князей и мурз, поэтому и в Литве знать не могла принять для себя этого названия. И хотя в ряде случаев, как мы видели, татарами-казаками документы именуют всех татар стяга, независимо от их происхождения, – обычно потомки знали стремились так или иначе выделиться среди остальных служилых татар. Вопрос о положении татарских князей в Литве изучался нами специально¹⁴. Здесь мы отметим только, что татарская аристократия (князья, мурзы, уланы) по своему юридическому положению не составляла особой категории литовских татар. Она владела землей на том же праве, с теми же обязанностями, одинаковой была и головщина и навязка всех служилых татар, все они пользовались правом владеть крепостными, а право представителей некоторых родов занимать должности маршалков и хорунжих своего стяга освящалось традицией; но не было закреплено юридически. Среди литовских служилых татар потомки ордынских мурз и казаков в какой-то степени противостояли друг другу, но это противопоставление носило уже внутрисословный характер, существовало в рамках единой сословной группы – господарских татар, одной из групп литовского класса феодалов. Именно по этой причине, благодаря равному доступу всех служилых татар Речи Посполитой к шляхетским привилегиям, все их потомки (более 200 родов) после присоединения этих земель к Российской империи были признаны в потомственном дворянстве (некоторые семьи при этом сохраняли титулы князей и мурз, но это не влияло на объем их привилегий), и даже, – вопреки общему русскому законодательству, сохраняли право владеть крепостными-христианами¹⁵.

Всё сказанное выше позволяет сделать следующие выводы:

1. Термин «татары-казаки» был принесен в Литву из Золотой Орды и первоначально обозначал рядовых татарских воинов, порвавших связи со своим родом и свободных от вассалитета по отношению к ордынским феодалам. Распространение этого термина в Литве, очевидно, связано с переходом на литовскую службу наемных отрядов или отдельных ордынских казаков и первоначально казаками, очевидно, именовались только эти лица или их потомки.

2. Татары Великого княжества Литовского, именуемые в источниках казаками, пользовались всеми правами и привилегиями служилых господарских татар, и их единственной прямой обязанностью являлась военная служба за землю, пожалованную великим князем. Бытующее их противопоставление татар-казаков татарам господарским основано на недостаточно надежной источниковой базе и опровергается документами Литовской метрики.

3. В первой половине XVI в. в Великом княжестве Литовском термин «татары-казаки» приобрел более широкое значение и мог употребляться для обозначения основной массы господарских

¹⁴ Подробнее см.: Думин, 1989.

¹⁵ Подробнее см.: Думин, 1989; Думин, 1991.

татар, военно-служилых татар вообще, как одно из названий этой группы в целом. Среди служилых татар казаки не составляли особой категории.

4. Исчезновение термина «татары-казаки» уже во второй половине XVI в. объясняется дальнейшей интеграцией группы служилых господарских татар, тем обстоятельством, что этот термин стал ассоциироваться с украинским казачеством, т.е. непривилегированными слоями общества Речи Посполитой, в то время как литовские служилые татары в этот период все больше сближались с остальной шляхтой Великого княжества.

ЛИТЕРАТУРА

1. АВАК. Т. 17. Акты Гродненского земского суда. Вильно, 1890. LXXIV, 560 с., 3 л. факс.
2. АВАК. Т. 31. Акты о литовских татарах. Вильна, 1903. XL, 586
3. АЗР. СПб., 1846. Т. 1. 419 с.
5. АЮЗР. Ч. III. Т. I. Акты о козаках. С 1500 по 1648 г. Киев, 1863. СХХ, 435 с.
4. АЮиЗР. Т. 2. СПб., 1865. [6], 15, 288 с.
6. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. С.-Петербург, 1863, ч. 1. 558 с.
7. Гембіцкі Я. Да пытання аб сацыяльна-эканамічным стане беларускіх татар у сярэднявечча // Запіскі аддзела гуманітарных навук. Беларуска АН. Кніга 8. Працы класа гісторыі. Мінск, 1929. Т. III. С. 53–64.
8. Грыцкевіч А.П. 3 гісторыі паселішчаў татар у Беларусі // Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук. Мінск, 1981. Вып. 6. С. 81–90.
9. Думин С.В. Служилые татары в Великом княжестве Литовском в конце XIV – начале XVI в. (формирование группы) // Наш радавод: Материалы международной научной конференции по региональной истории Восточной Европы «Культура народов Великого княжества Литовского и Белоруссии XIII – начала XX в.». Гродно, 1991. Ч. 3. С. 439–448.
11. Думин С.В. Татарские князья в Великом княжестве Литовском // Acta Baltico-Slavica. Т. XX. 1989. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk, 1991. S. 7–49.
12. Думин С.В. Татарские царевичи в Великом княжестве Литовском в (XV–XVIII в.) // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 2. С. 385–419.
13. Лаппо И.И. Великое княжество Литовское во второй половине XVI столетия. Литовско-русский повет и его сеймик. Юрьев, тип. К. Матиссена, 1911. XIII, [3], 624, [2], 192, [5] с.
14. Лаппо И.И. Литовский статут 1588 г. Каунас, Spindulio, 1932. Т. 2 (Текст). 514 с.
15. Любавский М.К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута. М.: Универс. тип., 1892. 998 с.
16. Мухлинский А. Исследование о происхождении и состоянии литовских татар. С.-Петербург, тип. Э. Веймара, 1857. 70 с.
17. Никитин Н.И. О происхождении, структуре и социальной природе сообществ русских казаков XVI – середины XVII века // Вопросы истории. 1986. № 4. С. 167–177.
18. Перапіс войска Вялікага княства Літоўскага 1528 года. Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кн. 523. Кн. Публічных спраў 1. Мінск: Бел. навука, 2003. 444 с.
19. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. С.-Петербург, 1899. Т. II. Ч. I. [2], 1012 стлб.
20. РГАДА. Ф. 389 (Литовская метрика). Д. 12. (Книга 12 записей).
21. РГАДА. Ф. 389. Д. 15. (Книга 15 записей).
22. РГАДА. Ф. 389. Д. 17. (Книга 17 записей).
23. РГАДА. Ф. 389. Д. 24. (Книга 16 записей).
24. РГАДА. Ф. 389. Д. 28. (Книга 28 записей).
25. РГАДА, Ф. 389. Д. 99 (книга 99 записей),
26. РГАДА. Ф. 389. Д. 226 (Книга 7 судных дел).
27. РГАДА. Ф. 389. Д. 569 (Книга 12 переписей. Ревизия татарских именей Великого княжества Литовского).
28. РИБ. Т. 20. Литовская метрика. Отдел 1. Ч. 2: Книги судных дел. Т. I. С.-Петербург, 1903. 1885 с. и стлб. разд паг., 3 л. факс.
29. РИБ. Т. 30. Литовская метрика. Отделы 1–2. Ч. 3: Книги публичных дел. Т. 1. Юрьев, 1914. (976 с.) IV, 30 с., 896 стлб., 44 с.
30. РИБ. Т. 33. Литовская метрика. Отдел 1. Ч. 3: Книги публичных дел. Переписи войска литовского. Петроград, 1915. III с., 1378 стлб.
31. Статут Великого княжества Литовского 1566 г. // Временник Московского общества истории и древностей российских. М., 1855. Кн. 23.
32. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: Изд-во Моск. университета, 1973. 180 с.

33. Borawski P. Sytuacja prawna ludności tatarskiej w Wielkim Księstwie Litewskim (XVI–XVIII w.) // *Acta Baltico-Slavica*. XV. 1983. S. 55–76.
34. Borawski P. Tatarskie chorągwie plemienne w armii Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVI i pierwszej połowie XVII w. // *Acta Baltico-Slavica*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1979. T. XII. S. 133–167.
35. Borawski P. Ziemska służba wojskowa Tatarów Wielkiego Księstwa Litewskiego w XV–XVII wieku. Warszawa, Infreditions, 2016. 432 s.
36. Borawski P., Dubiński A. Tatarzy polscy: dzieje, obrzędy, legendy, tradycje. Warszawa: Iskry, 1986. 272 s.
37. Czyżewski P. Alfurkan tatarski prawdziwy na czterdzieci części rozdzielony, który zamyka w sobie początki tatarskie i przygnanie ich do Wielkiego Księstwa Litewskiego. Przy tym iż w Wielkim Księstwie Litewskim Tatarowie nie są szlachta, ani ziemianami, ani kniaziami, tylko kozińcami, szkuro-dubami i niewolnikami tego Państwa. Dco tego sposób życia, obyczajów, spraw, wyprawy na żołnierską, postępów i zbrodni tatarskich. Nad to [...] droga do pohamowania i uskromienia ich od tak znacznych ekscessów, aby naród nasz chrześcijański od tych bezbożników, jako nieprzyjaciół Krzyża Świętego, dalszych krzywd i obelżenia, najazdów i stacji wyciągania nie ponosił. Przez Piotra Czyżewskiego, któremu Assan Alejewicz Tatarzyn z Waki ojca zabił, zebrany i do druku podany w roku 1616 [Wilno, 1617]. 80 s.
38. Dumin S. Herbarz rodzin tatarskich Wielkiego Księstwa Litewskiego [Гербовник татарских семей Великого княжества Литовского]. Gdańsk: Związek Tatarów RP, 2006. 186 s. + 96 s. kolor. ill.
39. Dumin S. Szlachta tatarska w Wielkim Księstwie Litewskim i zmiany w jej sytuacji prawnej w XVI–XVIII w. [Татарская шляхта в Великом княжестве Литовском и изменения в ее правовом положении в XVI–XVIII в.] // *Roczniki Historyczne*. Rocznik LVII. 1991. S. 147–163.
40. Kryczyński S. Tatarzy litewscy. Próba monografii historyczno-etnograficznej (Les Tatares lithuaniens. Esquisse d'une monographie historique et généalogique). [Warszawa, 1938]. Wyd. II. Gdańsk: Rada Centralna i Oddział w Gdańsku Związku Tatarów Polskich, 2000. 278 s.
41. Muchliński A. Zdanie sprawy o Tatarach litewskich, przez jednego z tych Tatarów złożone sułtanowi Sulejmanowi w r. 1558, z języka tureckiego przełożył i objaśnił i materiałami historycznymi uzupełnił [...] / *Oddruk Teki Wileńskiej*. Wilno, Teka Wileńska 1858. 169 s.
42. Sobczak J. Położenie prawne ludności tatarskiej w Wielkim Księstwie Litewskim. / *Poznańskie towarzystwo przyjaciół nauk*. Wydział historii i nauk społecznych. Prace komisji historyczne. T. XXXVIII. Warszawa-Poznań, 1984. 134 s.
43. Strykowski M. O początkach, wywodach, dzielnościach, sprawach rycerskich i domowych sławnego narodu litewskiego, żemojdzkiego i ruskiego, przedtym nigdy od żadnego ani kuszone, ani opisane, z natchnienia Bożego a uprzejmie pilnego doświadczenia. Warszawa: PIW, 1978. 763 s.

Список сокращений

- АВАК – Акты издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов.
- АЗР – Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологическою комиссиею.
- АЮЗР – Архив Юго-Западной России.
- АЮиЗР – Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археологическою комиссиею.
- РГАДА – Российский государственный архив древних актов.
- РИБ – Русская историческая библиотека, издаваемая Археологическою комиссиею.
- ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.
- РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

S.W. Dumin

TATARS-COSSACKS IN THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA (XV–XVI CENTURIES)

This article examines the legal status of Lithuanian Tatars, who in the sources of the first half of the sixteenth century are referred to as «Tatars-Cossacks.» The term was brought to Lithuania from the Golden Horde and originally designated rank and file Tatar soldiers, who had severed with their own people and had freed themselves from their feudal ties to overlords in the Horde. The appearance of this term in Lithuania is clearly associated with the use of Cossack mercenary troops or of individual Cossacks from the Horde. Contrary to the claims of many authors, the Tatars of the Grand Duchy of Lithuania, who were known as «Cossacks,» did not constitute a special category of servitors but enjoyed all the rights and privileges of other Tatars in service to the State. Their only real responsibility was military service in exchange for the land that they received from the Grand Duke. In the first half of the sixteenth century, the term «Tatars-Cossacks» could refer either to the Tatars in military service specifically, or to the popula-

tion Tatar-Cossacks as a whole. The disappearance of the term «Tatars-Cossacks» in the second half of the sixteenth century is likely explained by the increasing integration the Tatars in military service, and by the fact that this term eventually came to be associated with Ukrainian Cossacks, i.e. with an unprivileged stratum of society in the Rzeczpospolita, while the Lithuanian Tatars during this period became more and more linked to the nobility of the Grand Duchy.

Keywords: Lithuanian Tatars, legal categories of the Tatars in the Grand Duchy of Lithuania, Tatars-Cossacks, the Tatar nobility of the Grand Duchy of Lithuania.

Сведения об авторе:

Думин Станислав Владимирович – кандидат исторических наук, президент Российской генеалогической федерации, генеральный секретарь Международной генеалогической академии, вице-предводитель и герольдмейстер Российского Дворянского Собрания, председатель Историко-Родословного Общества в Москве (г. Москва); stanislaw.dumin@yandex.ru

Dumin Stanislaw – Candidate of Historical Sciences, President of the Russian Federation of Genealogy, General Secretary of the International Academy of Genealogy, Vice-President and Chief Herald of the Assembly of the Russian Nobility, Chairman of the Historical and Genealogical Society in Moscow (Moscow)

УДК 94:327

ИЗ ИСТОРИИ АЗОВСКИХ (ТАТАРСКИХ) КАЗАКОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI в.*

© 2017 г. И.А. Мустакимов

Целью данной публикации является введение в исследовательский оборот неизвестных ранее документальных источников – указов султана Мурада III азовскому санджакбею (наместнику), в которых упоминается малоизученная этносоциальная страта Османской империи – азовские казаки (азовские татары). Источники показывают непростые отношения татарского населения Азова с крымскими ханами и османскими властями. Тексты указов извлечены из серии «Дополнения к Реестрам важных дел», отложившихся в фондах Османского архива при Премьер-министре Турции.

Ключевые слова: Османская империя, Крымское ханство, Азов, азовские татары, «Дополнения к Реестрам важных дел».

Одним из феноменов, отличавших Азов от многих других пограничных крепостей Османского государства, было наличие в нем большого числа татарского населения, прежде всего казаков. История татарского казачества (казаков, происходящих из среды тюркского населения Западного Дешт-и Кипчака) продолжает оставаться весьма малоизученной темой. Между тем, такие этносоциальные группы как азовские, аккерманские («белгородские»), темрюкские и другие татары/казаки играли заметную роль в социально-экономической жизни Западного Дешта конца XV–XVII вв., а их набеги порой становились предметом обсуждения в дипломатических сношениях Османской империи и Крымского ханства с Россией и Польшей. С XVII в. татарский (ногайский) элемент присутствовал и в «противоположном лагере» – среди донских казаков (Трепавлов, 2016, с. 382; Куц, 2006, с. 398–414).

Первые достоверные известия о тюркских группах из Азова, промышленно грабежом купеческих и посольских караванов, относятся к концу XV – началу XVI в. Именно в это время в источниках в качестве самостоятельной силы начинают упоминаться «азовские казаки», часто действовавшие совместно с «ординскими/заволскими (т.е. большеордынскими. – И.М.) казаками». Несомненно, что появление азовских казаков в первую очередь было связано с крахом Большой Орды и оттоком из нее населения, отдельные группы которого «прибились» к Азову – хорошо укрепленной османской крепости. Помимо большеордынских татар на рубеже XV и XVI вв. среди азовских казаков встречались также выходцы из турков, казанских татар, возможно, черкесов, армян (Костя Арменин) и славян (Сенка Ложник) (СИРИО, т. 41, с. 298, 403; Соловьев, т. 6, 1989, с. 672). В последующем ряды «азовских татар» пополнялись в основном ногаями. Последний факт нашел отражение в донесении азовского санджакбея Мехмеда, которое цитируется в султанском указе: «с тех пор, как ногайское племя обосновалось близ Азова, численность азовских казаков увеличилась» (док. № 2).

Взаимоотношения азовских казаков с прочими категориями населения Азова, по крайней мере первоначально, складывались успешно. По сведениям, имевшимся в Москве в начале XVI в., «подмагают... казаков азовцев и ординских тутошние жилци азовци все, да отпускают на поле, да что привезут, и они с ними делятся»¹.

Сложнее были отношения с официальными властями. Османские власти не препятствовали набегам азовских и других татар на соседей, их нападениям на проезжие посольства и иноземных купцов, сбыту ими награбленного имущества и захваченного полона в Азове, если это не затрагивало интересов Порты. Так что в конце XV – начале XVI в. московскому великому князю, и даже крымскому хану, для вызволения людей и имущества, отправленных Иваном III Менгли-Гирею I, приходилось обращаться к кафинскому наместнику, который запрашивал решения султана. Случа-

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15–01–00394.

¹ «Память» (инструкция) русскому послу к кафинскому наместнику шахзаде Мехмеду А.Я. Голохвастову, 1501 г. (СИРИО, т. 41, с. 405).

лось, что даже порученцам кафинского наместника (сына падишаха!) приходилось выкупать в Азове захваченных иноземцев, не дожидаясь ссылки с Портой².

Терпимое отношение османских властей к азовским казакам в немалой степени было связано с необходимостью использования боевого потенциала казаков для защиты крепости и ее округа от учащавшихся набегов соседей, в первую очередь – донских казаков. Тем не менее, время от времени к строптивым азовцам применялись и репрессивные меры. Первое известие о репрессиях Порты в отношении азовских казаков относится к 1503 г. (СИРИО, т. 41, с. 470–471). Однако уже в переписном реестре Азова 1520 г. среди жителей крепости вновь фигурируют азовские казаки. Между прочим, как следует из османских переписных реестров Кафинского санджака 1520 и 1542 гг., азовские татары были не только казаками – часть из них занималась рыболовством³. В основном татары – казаки и рыбаки – проживали в той части Азова, которая называлась Топрак-кале («Земляной город»). В переписном реестре 1520 г. говорится о 93 дворах [азовских] казаков и 24 домохозяйствах рыбаков (ВОА, ТТ, defter 370, s. 490). Переписной реестр 1542 г. упоминает о примерно 500 азовских казаках и о 104 дворах рыбаков (ВОА, ТТ, defter 214, s. 218–222).

Ранняя история азовских казаков на основании русских и отчасти польских источников довольно хорошо рассмотрена в работах В.В. Трепавлова. Исследователь пришел к выводу о том, что азовские казаки в первой четверти XVI в. вели кочевой образ жизни, имели предводителей в ранге мирз, промышляли разбоем на торговых путях и фактически никому не подчинялись. А.Л. Хорошкевич даже высказала мнение, что существование «прослойки азовских казаков... угрожало турецкой власти» в Азове (Хорошкевич, 2001, с. 105).

Наплыв ногайского элемента во второй половине XVI в. привел к усилению татарско-казачьего влияния в Азове. Это позволяло азовским казакам порой не считаться с местными османскими властями, что вызвало новые репрессии в отношении казачьих предводителей. Азовский санджакбей даже предложил радикальное решение «казачьей проблемы» путем выселения азовских казаков из города и замены их другими османскими подданными, жителями хассов азовского наместника – аркебузирами-немусульманами⁴ (док. № 2). Вряд ли, однако, этот проект был реализован. Во-первых, султанский указ не содержит прямой директивы об изгнании азовских татар, а лишь предписывает азовскому наместнику построить небольшое укрепление близ Азова, в которое и заселить «неверных из хассов» Мухаммеда. Во-вторых, азовские казаки («азовские татары», «азовские люди») в связи с их набегам продолжают упоминаться в источниках в 1578 г. (Новосельский, 1948, с. 30) и в 1592 г. (Соловьев, т. 7, 1989, с. 265–267).

Татарские казаки Азова и Аккермана являлись подданными Османской империи (иногда еще и Крымского ханства). Отличие всех вышеуказанных групп татарского населения от других татар заключалось в следующем. С одной стороны, они были оторваны от традиционной общественной структуры тюрко-татарских государственных образований (Крымского, Астраханского, Казанского ханств, ногайских орд), которая представляла собой иерархию аристократических кланов во главе с ханом-чингизидом (Крымское, Астраханское, Казанское ханства) или бием (князем) – потомком Эдиге и мирзами-эдигеидами (ногайские орды). Собственно, с этим и связано использование крымскими, османскими и русскими источниками в отношении этих групп татар термина «казаки»⁵. В обществах азовских и аккерманских казаков (татар) существовала своя иерархическая структура во главе с агами.

С другой стороны, несмотря на свое османское или крымско-османское подданство, общества татарских казаков обладали значительной автономией. Это выражалось как в образе жизни и следовании традициям, некоторые из которых (например, свободное употребление крепких напитков)

² Так случилось с послом Ивана III князем Федором Ромодановским (СИРИО, т. 41, с. 361).

³ Вывод о принадлежности азовских рыбаков, наряду с азовскими казаками, к татарской этносоциальной общности следует из сравнительного анализа антропонимов «татар-акынджи» и рыбаков 1542 г. – большинство расшифрованных имен имеют тюркское, мусульманское или тюрко-мусульманское происхождение (ВОА, ТТ, defter 214, s. 218–222).

⁴ Явно имелись в виду таты – христианское население южнобережной и горной частей Крымского полуострова. Очевидно, во второй половине XVI в. там находились лены («хассы») азовских санджакбеев. Так, московский посол к султанскому двору А. Кузьминский в 1570 г. был принят предшественником Мухаммеда на посту санджакбея Азова Хайдером («Айдаром») не в самом Азове, а близ Керчи; из Керчи же им был послан и провожатый для посла (Статейный, 1954, с. 65, 67).

⁵ В связи с этим не следует путать азовских и аккерманских казаков с сословием казаков — низшей прослойкой служилых татар в тюрко-татарских государствах.

расценивались османами как противоречащие шариату, так и в том, что иногда татарские казаки позволяли себе преступать предписания Порты относительно взаимоотношений с соседями. Осознание своей особенности позволило им не раствориться в «османском море». Их положение было схожим с положением донских казаков, однако османы признавали их своими подданными, тогда как Москва долгое время отрицала свое влияние на донцов.

* * *

Публикуемые документы представляют собой записи султанских указов санджакбею Азова Мухаммеду. Они сохранились в третьем реестре коллекции «Дополнения к Реестрам важных дел» (*Mühimme Zeyli Defterleri*) в Османском архиве при Премьер-министре Турции.

Первый документ сообщает о нападении донских казаков на Азов, в результате чего был сожжен Земляной город – часть Азовской крепости, основное место проживания татарского населения города.

Второй документ содержит уникальную информацию об азовских казаках и их отношениях с частью населения крепости и османскими властями. Кроме того, в нем упоминается штурм крепости донским казаками, описанный в первом документе.

В тексте второго документа наблюдается некоторое противоречие относительно особенностей поведения азовских казаков: в начале говорится о том, что «по наступлении лета [они] семьями присоединяются к ногайскому племени и оставляют крепость пустой». Ниже, однако, документ сообщает о том, что новоприбывшие в Азов казаки «на лето... стали оставлять свои семьи и хозяйство и с лошадьми выезжать [из крепости]». Представляется, что в обоих случаях прежде всего речь шла о выезде из города казаков, способных принимать активное участие в походах и набегах; женщины, дети и старики, по-видимому, оставались в крепости. Некоторые же азовские казаки, особенно из недавних кочевников, могли присоединяться для кочевания к ногаям и целыми семьями.

Второй документ позволяет сделать некоторые выводы:

1. Азовские казаки во второй половине XVI в. так же слабо контролировались османскими властями, как и в конце XV – начале XVI в. Интересна вскользь упомянутая в донесении Мухаммеда вынужденность терпеть выходы азовских казаков. Несомненно, они представляли серьезную военную силу, без которой удержать Азов, фактически находившийся во враждебном окружении, было весьма затруднительно.

2. Документ называет предводителей азовских казаков агами. Этот же термин использован в отношении предводителей аккерманских казаков. Следует отметить, что османы отличали аг и мирз (например, предводителей ногаев они называли мирзами). Таким образом, это косвенным образом говорит о том, что иерархия у казаков была построена по другому принципу.

3. Большая часть азовских казаков ко времени написания вела полукочевой образ жизни, покидая крепость лишь на летний период. Это контрастирует с сообщением источников первой четверти XVI века о кочевом образе жизни азовских казаков.

Даты лунной хиджры, которыми датированы османские документы, переведены нами на григорианское летосчисление.

№ 1

Не ранее 20 зу-л-хиджжа 983 г. хиджры – не позднее 22 зу-л-хиджжа 983 г. хиджры = не ранее 21 марта 1576 г.н.э. – не позднее 23 марта 1576 г.н.э.⁶ – Султанский указ азовскому санджакбею Мухаммеду о ремонте азовской крепости, пострадавшей от нападения донских казаков.

Указ азовскому [санджак]бею.

[Ранее] ты прислал к моему Порогу Счастья донесение, в коем сообщил [следующее]. В этом году, когда ты находился *вне Азова⁷, Земляной крепостью⁸ Азова овладели неверные казаки. Они захватили в полон мужское население [Земляной крепости] с домочадцами, разграбили их имущество, а [Земляную] крепость сожгли. В связи с этим тебе был направлен мой подробный указ. [Однако,] поскольку вследствие наступления [сильных] зимних холодов находящаяся в Крыму скотина⁹, [в том числе] все

⁶ Датируется по пометам к предыдущему и последующему документам.

⁷ *yabanda*, букв. «в степи» или «в поле».

⁸ Земляная крепость – Топрак-кале, в XVI в. – одно из предместий Азова.

⁹ *Davar u hargele*, букв. «крупный и мелкий рогатый скот, ездовые и вьючные животные».

лошади, погибла, и [у тебя] не было никакой возможности передвигаться ни по суше, ни по морю, ты был вынужден зимовать в своих хассах¹⁰.

По [своем] прибытии [в Азов] весной ты сообщил, что злонравные русы [действительно] напали на Земляную крепость Азова и творили таковые пакости, однако более половины [из них] были убиты и ранены, а из мусульман пали мучениками за веру¹¹ лишь пять-шесть человек. Выгоревшие места [же] возможно восстановить за десять тысяч кафинских акча. Все, что ты доложил по этому вопросу, стало мне известно в подробностях. Поелику ремонт¹² крепости является одним из важных дел, повелеваю:

по получении [настоящего указа] лично займись этим делом. Ныне организуй заготовку и доставку строевого леса, необходимого для починки крепости, и приступай к ремонту крепости, взяв требуемые для этого денежные средства из поступлений Азова. Следи за тем, чтобы ремонт осуществлялся с надлежащим качеством и приложи многие старания к его [скорейшему] завершению. В соответствии с моим прежним указом не отлучайся из крепости. Пребывая на страже своего санджакка, остерегайся нанесения урона и ущерба какой-либо местности русскими казаками и другими [неприятелями] вследствие небрежения. Решив этот важный вопрос, письменно доложи, каким образом ты организовал ремонт крепости и сколько было израсходовано [на это] денег.

Помета: [Указ составлен] *по докладу¹³ э[фенди]¹⁴.

BOA, A.DVN.MHM.ZYL, defter 3, s. 59, hüküm 139.

№ 2

Не позднее 7 раби I 984 г.хиджры = не позднее 4 июня 1576 г.н.э.¹⁵ – Султанский указ азовскому санджакбею Мухаммеду о мерах, которые необходимо принять в отношении азовских казаков.

Указ азовскому [санджак]бею Мухаммеду – да будет вечной его слава!

Ты прислал донесение, в коем сообщил [следующее]. «Жители крепости Азов пришли к этому Вашему слуге и сказали [следующее]: «Ежегодно в Земляной крепости¹⁶ по двадцать азабов¹⁷ из нашей среды несут бремя сторожевой службы. Большая часть азовских казаков, [проживающих] в Земляной крепости – из татарского племени. В прежние времена они вместе с нами несли сторожевую службу, [однако] с тех пор, как ногайское племя обосновалось близ Азова, численность азовских казаков увеличилась, они вышли из повиновения, не подчиняются священному шариату, *заимели своих предводителей и судей¹⁸. Кроме того, они зимуют в городе, а по наступлении лета¹⁹ семьями присоединяются к ногайскому племени и оставляют крепость пустой. Из-за того, что в прошлом году они поступили таким же образом, крепость осталась пустой, вследствие чего [ей] русами был нанесен большой ущерб²⁰. И ранее, когда вышеупомянутые азовские казаки жили во внутренних крепостях Азова²¹, проявились эти их проступки, почему их аги были наказаны, а остальные [казаки] – выселены из внутренней крепости в предместье. После этого Земляная крепость была отстроена из камня. Эти [азовские казаки, проживавшие в Земляной крепости,] сейчас также вышли из Земляной крепости и, построив себе деревян-

¹⁰ Хасс – условное держание султана и высокопоставленных лиц в Османской империи, приносившее годовой доход от 100000 акча.

¹¹ Т.е. погибли от рук «неверных русов/казаков».

¹² *Vina olunmak*, букв. «постройка».

*¹³ Или: «на основании доклада».

¹⁴ Эфенди – господин, титул образованного лица в Османской империи. Здесь: обозначение кого-то из высокопоставленных лиц.

¹⁵ Датируется по первой помете к документу.

¹⁶ *Toprak kalesi*.

¹⁷ Азаб – легковооруженный пехотинец провинциального войска. Азабы в том числе занимались охраной крепостей. В отличие от янычар, набирались из природных турков.

*¹⁸ Возможный перевод: «заимели своего предводителя и судью». В ориг.: *kendüler beglik ve kadılık iderler*.

¹⁹ *Yaz*.

²⁰ Кажется, в этом предложении содержится прямое противоречие с предыдущей фразой, т.к. согласно документу № 1 нападение «русов» на Азов произошло зимой или, во всяком случае, не позднее первой половины марта, т.е. задолго до начала лета.

²¹ Очевидно, имеются в виду Венецианская крепость (*Venedik kalesi*, *Frenk kalesi*) и Генуэзская крепость (*Ceneviz kalesi*, *Orta kale*).

ное предместье вместе с приверженцами прежних порядков, поселились рядом с крепостью. [Таким образом,] они, очевидно, потеряли интерес к внутренней части [крепости]». Действительно, отказ вышеназванного племени следовать требованиям священного шариата и указам падишаха неоднократно засвидетельствован регистрационными записями [азовского кадия], с которых снята и направлена [в Высокую Порту] копия. Часть [азовских казаков составляют] кафинские и крымские татары, совершившие преступления, другая часть [состоит] из ногайцев. Поселяясь в крепости, они убивали и оскорбляли воевод²² многих беев. [Несмотря на это] поневоле приходилось терпеть [их выходки]. [Ново-прибывшие казаки] жили рядом [с жителями Азова]. В связи с необходимостью их учета они были переписаны, [однако] отказались быть отданными под [чье-либо] поручительство, и, какое бы преступление ни совершили, жили рядом [с жителями Азова], зимой – в крепости, на лето же стали оставлять свои семьи и хозяйство и с лошадьми выезжать [из крепости]. Если же сейчас вывести их из крепости, а на их место заселить около 150 семей²³ неверных из жителей хассов этого слуги²⁴, то удастся должным образом [осуществить] ремонт крепости и [обеспечить] ее безопасность. Поскольку большинство неверных [предлагаемых к заселению в Азов] являются аркебузирами, то это послужит причиной улучшения обстановки в [самой] крепости и прилегающей к ней территории, что всячески будет способствовать пополнению государственной казны. [Кроме того, удастся] избавиться от татарского племени, под влиянием которого находится большинство жителей [Азова], по каковой причине они не повинуются священному шариату. Если же татарское племя [не] будет выведено из крепости, а смутьяны и нарушители [шариата] не будут примерно наказаны, в крепости однозначно не удастся обеспечить [должный] порядок». На основании изложенного тобой повелеваю:

по получении [настоящего указа], в соответствии со своим докладом, организуй строительство и должную охрану укрепленного поселения²⁵ вне [крепости]. Если неверные из твоих хассов являются русами, то [переселение их в укрепленное поселение возле крепости] нецелесообразно, если же [они] являются черкесами или греками, то [переселение их туда] целесообразно.

Пометы:

Дано кетхуде²⁶ [азовского санджакбея] хаджи Насуху 7 раби I [984 года]²⁷.

В понедельник, 15 джумада II [984 года]²⁸

BOA, A.DVN.MHM.ZYL, defter 3, s. 341, hüküm 880.

ЛИТЕРАТУРА

1. Куц О.Ю. Татары на казачьем Дону (по материалам 1630–60-х гг.) // Исследования по истории средневековой Руси: К 80-летию Юрия Георгиевича Алексеева. М.; СПб., 2006. С. 398–414.
2. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в XVII веке. М.; Л., 1948.
3. СИРИО. Т. 41. СПб., 1884.
4. Соловьев С.М. Сочинения. Кн. IV. История России с древнейших времен. Т. 6. М., 1989.
5. Соловьев С.М. Сочинения. Кн. IV. История России с древнейших времен. Т. 7. М., 1989.
6. Статейный список И. П. Новосильцева (Турция) // Путешествия русских послов XVI–XVII вв.: статейные списки. М.; Л., 1954. С. 63–99.
7. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. Казань, 2016.
8. Хорошкевич А.Л. Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. М., 2001.
9. BOA, TT, defter 370.
10. BOA, TT, defter 214.
11. BOA, A.DVN.MHM.ZYL, defter 3, s. 59, hüküm 139.
12. BOA, A.DVN.MHM.ZYL, defter 3, s. 341, hüküm 880.

²² Воевода – здесь: уполномоченный санджакбея.

²³ Hane.

²⁴ Т. е. азовского санджакбея Мухаммеда.

²⁵ Palanka.

²⁶ Кетхуда – здесь: порученец азовского санджакбея, находившийся при Высокой Порте и обеспечивавший пересылку документов между санджакбеем и Портой.

²⁷ Соответствует 4 июня 1576 г.н.э.

²⁸ Соответствует 9 сентября 1576 г.н.э. Неясно, что обозначала эта помета.

Список сокращений

СИРИО – Сборник Императорского Русского исторического общества.

ВОА – Vaşbakanlık Osmanlı Arşivi.

I.A. Mustakimov

**FROM THE HISTORY OF THE AZOV (TATAR) COSSACKS
OF THE SECOND HALF OF THE 16TH CENTURY**

The purpose of this publication is introduction to a research turn of unknown earlier documentary sources – decrees of the sultan Murad III to Azov' sancakbey in which it is mentioned poorly studied ethno-social level of the Ottoman Empire – the Azov Cossacks (the Azov Tatars). Sources show the difficult attitudes of the Tatar population of Azov with the Crimean khans and the Ottoman authorities. Texts of decrees are taken from the «Additions to Registers of Important Issues» series, postponed in funds of Ottoman archive at the Prime minister of Turkey.

Keywords: Ottoman Empire, Crimean khanate, Azov, Azov Tatars, «Additions to Registers of important issues».

Сведения об авторе:

Мустакимов Ильяс Альфредович – кандидат исторических наук, начальник отдела научного использования архивных документов и международных связей, Государственный комитет Республики Татарстан по архивному делу (г. Казань)

Mustakimov Ilyas – Candidate of Historical Sciences, Head of the Department for Scientific using of Archival Documents and International Relations, State Committee of the Republic of Tatarstan on Archives (Kazan)

НОВЫЕ КНИГИ, РЕЦЕНЗИИ

ДИСКУССИЯ ПО КНИГЕ

Б.Р. Рахимзянова «Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен, XV–XVI вв.»

(СПб.: Евразия, 2016. 396 с.)

«В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО»: ВВЕДЕНИЕ К ДИСКУССИИ

Книга, о которой идет речь в представленных ниже рецензиях, мне хорошо знакома: Б.Р. Рахимзянов обсуждал со мной еще ее замысел, затем мне пришлось знакомиться и с рукописью уже завершенной им монографии.

Изначально было ясно, что она будет по-разному оценена историками, следующими канонам имеющего в России давние традиции русоцентристского подхода к описанию исторического процесса в Евразии в средневековый период, и историками, стремящимися обозначить в нем тюрко-татарский вектор. Второе направление, получившее развитие в России в основном в последние десятилетия благодаря исследователям прежде всего (но не только) из Татарстана, с точки зрения восстановления объективного хода истории на просторах Евразии в эпохи Улуса Джучи (Золотой Орды) и позднесолотоордынских тюрко-татарских государств, я считаю более перспективным. Однако, имея в виду крепость в кругах отечественных историков (к счастью, далеко не всех) некоторых стародавних представлений о необходимости при написании русской истории татарский фактор из нее максимально исключать, этот труд не мог не вызвать у последователей устаревших установок явного или не слишком проявленного раздражения, а то и прямого неприятия. Особенно в нынешние времена усиления консерватизма в России, когда даже патриотизм начинает приобретать этнически однородную окраску, как будто татары или другие народы, уже многие сотни лет живущие в этой стране, совместно с русскими многократно защищавшие ее в самых тяжелых для Отечества условиях, имеют на патриотизм меньшие права. Между тем, подлинная история – а историческая наука как раз нацелена на ее реконструкцию – дает много пищи для размышлений о прошлом нашей страны именно потому, что действовавшие тогда в пределах Евразии силы обычно никак не укладываются в прокрустово ложе построений узколобых историков, смотрящих на историческую картину с позиций ложно понятых «национальных интересов».

Ознакомление с текстом монографии Б.Р. Рахимзянова со всей очевидностью показывает, что Московское великое княжество, затем и формирующееся Московское государство, было «вписано» в постзолотоордынский мир, в котором русские политики играли роль одной из сторон, до поры до времени зависевшей от той далеко не простой сети межгосударственных взаимоотношений, сформировавшейся на этом пространстве в XV–XVI вв. И дело тут не только в том, до какого точно времени Московское государство выплачивало дань («выход») татарским юртам – хотя установление этого достаточно важно, – но и в том, как именно воспринимали друг друга участники политического взаимодействия на позднесолотоордынском историческом поле: этнологам, например, давно известно, что «рука дающая» (скажем, в виде «поминков») может являться серьезным фактором социального возвышения среди тех, кто одаривает. Поэтому дело тут не только в дефинициях, но и в содержательной стороне взаимодействия татарской и русской сторон в изучаемой период. При этом в ходе такого взаимодействия не последнее место занимало и взаимное восприятие друг друга, о чем свидетельствует известная русская пословица, гласящая, что «незванный гость хуже татарина». Она свидетельствует, что татары уже давно воспринимались русской стороной как постоянный фактор, который нельзя было расценивать в качестве чужого/незванного. Это, однако,

не говорит о том, что русско-татарские отношения средневековья были однозначно дружественными. Недаром другая, на этот раз татарская, пословица этого периода гласит: «Если дружишь с русским, держи за поясом топор».

Автору монографии, которая далее будет всесторонне проанализирована рецензентами, удалось эти моменты вполне доказательно продемонстрировать на конкретном историческом материале – характер сложившихся между русской и татарской сторонами отношений в XV–XVI вв. на постордынском (более точным было бы обозначение «позднезолотоордынском») пространстве являлся «вынужденно-дружественным», что исчерпывающе подтверждают и две приведенные выше пословицы.

И последнее. Я бы на месте некоторых рецензентов воздержался при рассмотрении исследования Б.Р. Рахимзянова от кулинарных терминов, таких как «послевкусие», ибо мы в данном случае все же имеем дело с духовной продукцией, требующей несколько иного восприятия. Думается, большинству рецензентов это удалось, их анализ данного труда действительно дает пищу для ума, создавая обширное поле для дальнейших штудий. Следовательно, книга Б.Р. Рахимзянова, вызвавшая столь живое и многогранное обсуждение, удалась. Ну, а недостатки, они, конечно, в ней присутствуют. А в какой книге их нет?

Д.М. Исхаков

Исхаков Дамир Мавляевевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А.Усманова Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан (г. Казань); monitoring_vkt@mail.ru

УДК 94(47)031/04

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ
Б.Р. Рахимзянова «Москва и татарский мир: сотрудничество
и противостояние в эпоху перемен, XV–XVI вв.»

© 2017 г. **А.В. Аксанов**

Рецензия посвящена книге Б.Р. Рахимзянова «Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен, XV–XVI вв.», в которой подняты многие дискуссионные вопросы истории взаимоотношений государств-наследников Золотой Орды. Рецензент соглашается с выводами автора монографии относительно оценки роли Москвы в системе отношений позднесолотоордынских государств, а также с тезисом о ее включенности в политику Степи через фронтальные зоны. Отмечается, что автором предложена хорошо обоснованная периодизация истории отношений Москвы с татарскими ханствами, учитывающая изменения статусов основных субъектов этих отношений. При этом рецензентом высказываются рекомендации и замечания по отдельным сюжетам, а также обозначаются некоторые ошибки, обнаруженные в тексте книги.

Ключевые слова: Московская Русь, Золотая Орда, Большая Орда, Крымское ханство, Казанское ханство, Касимовское ханство, Ногайская Орда, Астраханское ханство, Сибирское ханство.

Книга Б.Р. Рахимзянова «Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен, XV–XVI вв.» является результатом многолетней плодотворной работы автора на поприще истории взаимоотношений тюрко-татарских государств с Московской Русью. Вместе с тем, работа представляет собой некое обобщение накопленного за последние десятилетия историографического опыта, и написана с учетом выводов наиболее продуктивных специалистов-историков данной отрасли, таких как Д.М. Исхаков, В.В. Трепавлов, А.В. Беляков, И.В. Зайцев и др.

Поэтому с основными выводами автора, ставшими в последние годы среди специалистов общепринятыми, вполне можно согласиться. Очевидно, что Московская Русь, наряду с Крымским ханством, Большой Ордой и другими тюрко-татарскими государствами постордынского пространства, активно «участвовала в позднесолотоордынской «высокой политике» конца XV–XVI вв.» (С. 233). То есть, по закрепившемуся в историографии выражению, в этот период Москва участвовала «в борьбе за ордынское наследство» и победила в ней, присоединив большую часть Улуса Джучи.

В ходе исследования Б.Р. Рахимзянову удалось выделить этапы развития восточной политики Москвы и отследить эволюцию положения Москвы в системе позднесолотоордынских отношений, от подчиненного положения в эпоху Василия II и Улуг Мухаммада до доминирующего – при Федоре Ивановиче и Кучуме. Примечательно и то, что в работе довольно подробно охарактеризованы так называемые фронтальные зоны и города, которые служили инструментом интеграции Москвы в степную политику. Речь идет о Мещерском юрте (Касимовском ханстве), Романове и городах-землях, где Москва принимала выходцев из Орды. Стоит отметить, что в работе можно найти экскурсы в биографию наиболее видных представителей элиты, действия которых часто объясняются ментальными устоями или личностными мотивами, что придает исследованию элементы антропологизма, до сих пор редко встречающиеся в отечественной историографии.

Впрочем, учитывая эти и другие плюсы данной книги, для дальнейшего научного осмысления поставленных автором проблем необходимо большее внимание уделить рекомендациям и замечаниям, возникшим в ходе изучения текста монографии.

На странице 42 говорится, что «в 1437 г. Кучук-Мухаммеду удалось выдворить Улуг-Мухаммеда за пределы степной зоны Дешт-и Кипчака». Однако тюрко-татарские источники свидетельствуют о том, что конфликт между этими ханами закончился разделом территории, при котором Улуг Мухаммаду досталась западная часть Улуса Джучи – Крым (Утемиш-хаджи; Абдулгаффар Кырыми, 2014, с. 112). К тому же, согласно письму Свидригайло Великому Магистру (ноябрь 1536 г.), Улуг Мухаммада вытеснил не Кучук Мухаммад, а Саид-Ахмад (Флоря, 2001, с. 182). Последнее находит подтверждение и в вышеупомянутых тюрко-татарских источниках (Утемиш-хаджи; Абдулгаффар Кырыми, 2014, с. 112).

Далее, Б.Р. Рахимзянов, указывая на отсутствия Касима в лагере Улуг Мухаммада, допустил, что Касим зимой 1444/1445 г. участвовал в походе против литовцев и после этого находился на территории Московского княжества (С. 51). Но при обсуждении вопроса о местонахождении Касима в 1442–1445 гг. важно учитывать данные источников Кафы, которые свидетельствуют о том, что Касим («Cassu/Casum»), сын хана Улуг Мухаммада («Olomacmet imperatoris tartarogum») в сопровождении большого эскорта (500 рабов) в мае-июне 1442 г. побывал в Каффе проездом в Матрегу (г. Тамань) (Notes, 1899, pp. 35–36). На основе этих сведений ряд исследователей уже выдвинули предположение о правлении в этот период Касима б. Улуг Мухаммада в Крыму (Пономарев, 2014, с. 146; Сабитов, 2015, с. 179).

В монографии допущена фактологическая ошибка при обращении к следующему сюжету московско-казанских отношений: «Прочарствовав пять лет после смерти отца, Али в конце 1484 – начале 1485 гг. был смещен, и на казанском троне в первой половине 1485 г. оказался Мухаммед-Амин. Во второй половине 1485 г. Али вернулся к власти (причем на этот раз уже при поддержке Москвы; Мухаммед-Амин при этом бежал из города), вновь был смещен (в 1486 г. в Казани находился Мухаммед-Амин)...» (С. 93).

Эта реконструкция событий зиждется на данных поздней редакции разрядной книги (1605 г.), где сообщается об отправке войск «на козанского царя Олехама» в 1484 году. Далее в источнике идет роспись воевод по полкам, после чего заключение: «Воеводы тогды Козань взяли и царя Олехама изымали, а Магмед-Аминя царя в Козани на царство посадили по великого князя наказу» (Разрядная книга, 1977, с. 27). Это сообщение не подтверждается другими источниками. А.А. Зимин, выявив совпадения имен в росписи воевод, установил, что оно было результатом ошибки переписчика: разряд похода 1487 г. был повторен под 1484 годом (Зимин, 1982, с. 284). К тому же, в разряде за 1484 г. Мухаммед-Амин назван «царем» (Разрядная книга, 1977, с. 27), что не согласуется с данными других источников. Поэтому, вероятнее всего, в более позднюю редакцию разрядной книги (1605 г.) закрались существенные ошибки, которые отразились и на сообщении за 1485 г., где Иван III выступает на стороне «царевича» (!) Ильхама (Али) против действующего казанского хана Мухаммад-Амина.

Следовательно, изучая события 1485 г., необходимо обратиться к более ранней редакции разрядной книги, данные которой согласуются с летописными. То есть открытое противостояние между наследниками хана Ибрагима началось только в 1485 г., когда Мухаммад-Амин при поддержке Москвы сместил с казанского престола своего брата Ильхама (Али). В 1486 г. Иван III вновь посылал силы в Казань для поддержки Мухаммад-Амина, который «хотел братью свою выдать великому князю, и князи казанские воли ему не дали, хотели Магмедеминя самого убить, и Магмедемин ушел к великого князя воеводам, и князи ему доби́ли челом, и Магмедамин пошел к ним опять в город на царство». Ильхаму (Али) удалось на короткое время вернуться к власти только в 1487 г., когда он «пришел из Нагаи по слову с казанцы» и «согнал с Казани Магмедаминя царя» (Разрядная книга, 1966, с. 20).

На странице 94, видимо, опечатка: «Уже отсюда Нур-Султан писала великому князю, информируя его о своем замужестве за Менгли-Гиреем и наводя справки о своем *младшем* (курсив наш. – А.А.) сыне, находившемся на тот момент под опекой великого князя». Очевидно, что речь идет о старшем сыне Нур-Султан – Мухаммад-Амине.

Важное наблюдение находим при анализе сообщений о возведении на казанский престол Абдул-Латифа в 1497 г.: «Иван III сделал свои притязания на статус среди степной элиты более высокими – теперь он «учинил» («сделал») хана: "А на казанском юрте, Божьим изволением, царем учинили есми Абдыл-Летифа царевича"» (С. 98). По замечанию Б.Р. Рахимзянова, «великий князь присвоил себе функцию ханской инвеституры; он стал "создателем ханов"» (С. 98). Для более объемного понимания ситуации необходимо вспомнить и о том, что в этот период у Ивана III появляется еще один титул – «князь Болгарский». Исследователи связывали появления этого титула с подчинением Казанского ханства в 1487 г., но это не совсем так, скорее, речь идет об укреплении великокняжеских позиций за счет обретения важного государственного «поста» в Казанском ханстве. На основе сведений «Зафер-наме-и вилайети Казан» Д.М. Исхаков допустил, что титул «князь Болгарский» трансформировался в титул «князь Казанский», но это «изменение происходило достаточно плавно: с начала XV в. г. Казань при чеканке монет обозначается как "Булгар"» (Исхаков, 2005).

Таким образом, «князь Болгарский» могло означать «князь Казанский», то есть бек Казанского ханства. При этом в позднезолотоордынских государствах зачастую именно беки решали судьбу ханского престола. Поэтому вполне допустимо, что в 1487 г. Иван III, оказав помощь Мухаммад-

Амину в борьбе за казанский трон, получил от хана титул «князя Болгарского», который давал новоиспеченному «государю всея Руси» (1485 г.) определенные полномочия в Казанском ханстве. Этим можно объяснить то, что в 1497 г. Иван III «учинил» хана, то есть воспользовался своим правом назначения хана. Но нельзя забывать, что сведения о подчинении ханства, принятии титула «князя Болгарского» и «учинении» хана происходят из московских источников, и не подтверждаются независимыми летописями и дипломатическими документами (Аксанов, 2016, с. 100–101, 108–112). Следовательно, нельзя исключать того, что перед нами лишь идеологическая репрезентация событий, не совсем соответствующая реальной политической ситуации.

Далее, опираясь на сообщение от 1508 г. о просьбе султана Аккурта к Василию II «пожаловать» Мещеру или Казань, Б.Р. Рахимзянов заключил, что «Казань в указанный период была под московским протекторатом» (С. 99). Однако, остальные источники, в том числе и официальные летописи, указывают на то, что после московско-казанской войны 1505–1507 гг. и перемирия 1507 г. переговоры об окончательном («вечном») мире продолжались вплоть до 1512 года. Но даже по этому договору Василию III не удалось добиться права назначения ханов на престол (Аксанов, 2016, с. 137–139), поэтому о московском протекторате над Казанью в 1508 г. говорить не приходится.

Описывая последнее правление Шаха-Али в Казани, автор монографии не учел, что в официальном летописании по этому вопросу существуют серьезные расхождения. Мнение о том, что Шах-Али бежал из Казани из-за приглашения казанцами хана из Ногайской Орды (С. 112), составлено на основе известий второй редакции официального летописания 1560-х годов. В первоначальной же версии событий, датированной 1553 г., сообщается о порче больших казанских пушек и вывозе пищалей и пороха из Казани в Свияжск Шахом-Али накануне его окончательного отъезда из города и не говорится о приглашении казанцами хана из Ногайской Орды в период правления Шаха-Али в Казани (ПСРЛ. Т. 29, 1965, с. 70). На фоне предшествующих этому известий о требовании московского правительства к Шаху-Али покинуть Казань, и учитывая сообщение о том, что уходя из города Шах-Али увел в Свияжск и арестовал 84 князей и мурз (!), действия Шаха-Али выглядят исполнением приказов московского правительства по замене ханской власти на воеводскую (Аксанов, 2016, с. 228). Понятно, что добровольно казанцы не пошли бы на это, поэтому Шах-Али и провел мероприятия по разрушению обороноспособности Казани и аресту наиболее влиятельных государственных деятелей и военачальников. Причем далее, в подтверждение сказанному, летописи сообщают о том, что «государь царя Шигалеа свел и дал им наместника князя Семена» (ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1, 1904, с. 175; Т. 13. Ч. 2, 1906, с. 474; Т. 20, 2005, с. 491; Т. 29, 1965, с. 70–71, 169–170).

Поэтому более вероятно, что приглашение хана Едигера из Ногайской Орды произошло уже после отъезда Шах-Али из Казани, когда казанцы выступили против замены ханской власти на воеводское правление. Причем важно отметить, что во второй редакции летописцы не только добавили слова Шах-Али об измене казанцев и приглашении ими «царя из Ногаи», но и оставили, вероятнее всего по ошибке, первоначальную версию известия, согласно которой хан из ногаев был приглашен только после отъезда Шаха-Али и попытки ввести воеводское правление (ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1, 1904, с. 177)¹. Данная противоречивость сведений, возникшая во второй редакции, еще раз указывает на то, что более достоверной является репрезентация летописца 1553 года.

Во второй главе монографии находим размышление автора о численности военных отрядов татарской элиты в Московском государстве: «Амброджо Контарини... сообщал, что московский великий князь ежегодно посещает одного «татарина», которого он содержал на своем жаловании с 500 всадниками» (С. 158). Б.Р. Рахимзянов не без оснований связывает этого татарина с султаном Данияром б. Касимом. Дополнительным аргументом в пользу этой версии может служить вышеупомянутое сообщение из архива Кафы о проезде Касима б. Улуг Мухаммада в сопровождении опять же 500 человек. На странице 202 допущена ошибка: грамота крымского хана 1509 г. была от имени Менгли-Гирея, а не от его сына Мухаммад-Гирея (Сборник, 1895, с. 18).

В заключении необходимо отметить, что указанные замечания носят частный характер и не касаются основных выводов, сформулированных на базе фактологических и концептуальных разработок последних десятилетий.

¹ Это же сообщение находим и в самой ранней официальной версии событий, представленной в Летописце начала царства (ПСРЛ. Т. 29, 1965, с. 72).

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдулгаффар Кырьми. Умдет ал-ахбар. Книга 1: Транскрипция, факсимиле. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. 420 с.
2. Аксанов А.В. Казанское ханство и Московская Русь: Межгосударственные отношения в контексте герменевтического исследования. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. 288 с.
3. Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий: Очерки социально-политической истории. М.: Мысль, 1982. 327 с.
4. Исхаков Д. Князья казанские, князья болгарские // Гасырлар авызы = Эхо веков. 2005. №. 2. http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2005_2/05/05_1/
5. Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 13. Ч. 1. Патриаршая или Никоновская летопись. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1904. 302 с.
6. ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. Дополнение к Никоновской летописи. Так называемая Царственная книга. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1906. 532 с.
7. ПСРЛ. Т. 20. Львовская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2005. IV + 704 с.
8. ПСРЛ. Т. 29. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александроневская летопись. Лебедевская летопись. М.: Наука, 1965. 390 с.
9. Пономарев А.Л. Ибрагим, сын Махмудека: вхождение во власть и кошельки (1) // Золотоордынское обозрение. 2014. № 1(3). С. 128–162.
10. Разрядная книга 1475–1598 гг. М.: Наука, 1966. 614 с.
11. Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1–2. М.: Наука, 1977. 406 с.
12. Сабитов Ж., Якушечкин А. Кто был ханом в Крыму в 1456 году? // Крымское историческое обозрение. 2015. № 2. С. 175–185.
13. Сборник русского исторического общества. Т. 95. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, нагаями и Турциею. Т. II. 1508–1521 гг. СПб.: Товарищество «Печатня С.П.Яковлева», 1895. 706 с.
14. Утемиш-хаджи. Кара таварих / Транскрипция И.М.Миргалеева, Э.Г.Сайфетдиновой, З.Т.Хафизова; перевод на русский язык И.М.Миргалеева, Э.Г.Сайфетдиновой; общая и научная редакция И.М.Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 312 с.
15. Флоря Б.Н. Орда и государства Восточной Европы в середине XV века (1430–1460) // Славяне и их соседи. Вып. 10. Славяне и кочевой мир. М.: Наука, 2001. С. 172–196.
16. Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle / Publiés par N. Jorga. Т. I. Paris: Ernest Leroux, 1899, pp. 35–36.

A.V. Aksanov

BOOK REVIEW: B.R. RAKHIMZIANOV «MUSCOVY AND THE TATAR WORLD: COOPERATION AND CONFRONTATION IN THE AGE OF CHANGE, THE 15TH–16TH CENTURIES»

The review is devoted to the book by B.R. Rakhimzianov «Muscovy and the Tatar world: Cooperation and Confrontation in the Age of Change, the 15th–16th centuries». In this book debatable issues of history of relationship of the states of the Golden Horde are discussed. The reviewer agrees with conclusions of the author of the monograph concerning assessment of a role of Moscow in the system of the relations of the states of the Golden Horde, and also with a thesis about its inclusiveness in Steppe policy through the frontier zones. It is noted that the author has offered well reasonable periodization of history of the relations of Moscow with the Tatar khanates considering changes of the statuses of the main subjects of these relations. At the same time the reviewer recommendations and remarks on separate plots express and also some errors noticed in the text of the book are designated.

Keywords: Muscovy, Golden Horde, Great Horde, Crimean khanate, Kazan khanate, Kasimovsky khanate, Nogai Horde, Astrakhan khanate, Siberian khanate.

Сведения об авторе:

Аксанов Анвар Васильевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А.Усманова Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (г. Казань); aksanov571@gmail.com

Aksanov Anvar – Candidate of Historical Sciences, Senior Research Fellow of Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan)

УДК 94

МОСКВА И ТАТАРСКИЙ МИР – ДОНОРЫ И РЕЦИПИЕНТЫ

РЕЦЕНЗИЯ НА: РАХИМЗЯНОВ Б.Р. МОСКВА И ТАТАРСКИЙ МИР:
СОТРУДНИЧЕСТВО И ПРОТИВОСТОЯНИЕ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН, XV–XVI вв.
СПб.: Евразия, 2016. 396 с.

© 2017 г. А.В. Беляков

В рецензируемой работе Б.Р. Рахимзянова ставится важный вопрос, еще не нашедший своего однозначного решения: «было Московское государство внешним или же внутренним игроком в системе наследников Улуса Джучи?» Автор акцентирует свое внимание на «мирном» сосуществовании государств, возникших на постордынском пространстве. Он говорит о столь большой степени вовлеченности Москвы и тюркских государств в дела друг друга, что порой исследователи затрудняются с определением степени их суверенности. Однако методика, применяемая исследователем, вызывает ряд вопросов.

Ключевые слова: Б.Р. Рахимзянов, Русское государство XV–XVI вв., тюркские государства, внешняя политика.

Очередная монография Б.Р. Рахимзянова, «Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен, XV–XVI вв.», посвящена более чем важной проблеме – природе и эволюции взаимоотношений между Великим княжеством Московским и татарскими государствами, наследниками Золотой Орды. В последнее время данной тематике было посвящено значительное количество исследований. Но несмотря на это, здесь остается еще много белых пятен. Один из центральных и «неудобных» вопросов, на который по ряду причин так и не был получен однозначный и аргументированный ответ, сформулирован автором следующим образом: «было Московское государство внешним или же внутренним игроком в системе наследников Улуса Джучи (насколько нечингисидская Москва была включена в систему всех наследников распавшейся империи – Улуса Джучи)?» (с. 10)¹. Данное обстоятельство не могло оставить без внимания рассматриваемую нами работу. Однако было непросто приступить к написанию этой рецензии. И причины здесь в следующем. После прочтения обсуждаемой монографии остается странное послевкусие. Книга оставляет очень противоречивые впечатления. Попытаемся разобраться, с чем это связано.

На первых страницах автор знакомит нас с целью представленного на суд читателей труда: «Я не видел своей задачей выявление и вынос на суд читателя каких-либо принципиально новых фактов и источников. Свою миссию я видел в акцентации – привлечении взгляда читателя к тем явлениям, которые, не смотря на свою принципиальность для проблематики, не получили должного внимания в историографии» (с. 11).

Далее исследователь предложил свой собственный взгляд на историографию вопроса. Все работы предшественников он разделил на: 1) концептуальные; 2) фактографические; 3) изыскания, позволяющие выяснить отдельные аспекты тематики; 4) статьи, освещающие различные нюансы темы.

Данный подход вызывает ряд вопросов. В первую очередь, по каким принципам внутри данной схемы распределены рассматриваемые исследования. Предположим, что предложенная схема работает по принципу матрешки. В таком случае концептуальность должна автоматически включать в себя все остальные разделы. Однако европейские (в широком понимании этого слова) исследования по этой тематике при всей их концептуальности зачастую трудно назвать фактографическими. К тому же подавляющее большинство анализируемых работ отечественных исследователей правильнее было бы отнести к третьей группе, при том что они, как правило, очень фактографические. Странно выглядит разделение работ В.В. Трепавлова на концептуальные и изыскания позволяющие выяснить отдельные аспекты тематики. Тем более что исследование В.В. Трепавлова о Кучумовичах более чем фактографичное [Трепавлов, 2012].

¹ Здесь и далее ссылка на листы обсуждаемой книги.

Показателен и отбор литературы. За бортом обзора оказались именно те исследования, которые явно противоречат концепции автора. Дабы не быть голословными, приведем один пример, это исследование М.В. Моисеева о дани и поминках [Моисеев, 2011; Моисеев, 2016]. Впрочем, со второй работой автор действительно мог быть не знаком, она вышла в год выхода монографии. А ведь по классификации Б.Р. Рахимзянова данные исследования следовало бы отнести к концептуальным. То же самое относится к работам, опровергающим существование в Казани так называемых проногайских и промосковских групп (с. 93.) [Моисеев, 2012]. Впрочем, подобный подход к отбору литературы был отмечен у автора и в его первой монографии [Зайцев, 2010, с. 194]. Принципиальное игнорирование ряда работ отдельных исследователей можно объяснить их принадлежностью, по классификации Б.Р. Рахимзянова, к «московско-рязанским коллегам» [Рахимзянов, 2012, с. 118]. По крайней мере именно так это выглядит. Данный факт можно объяснить нежеланием автора вступать в полемику и доказывать свою правоту. Построить свою концепцию игнорируя «неудобные» исследования значительно проще.

Несколько странными выглядят нападки Б.Р. Рахимзянова на монографию автора этих строк: «Количество материала, проработанного для написания монографии, впечатляет читателя. Однако его переработка и анализ уже не столь блестящи, о чем указывалось в рецензии В.Д. Назарова на книгу» (с. 30). Обратимся к словам В.Д. Назарова из рецензии: «книга А.В. Белякова – важное событие в современной россике и тюркологии, она фундаментальна по собранному материалу, логична в постановке проблем, в определении иерархии исследовательских вопросов. Намеченный автором план в книге в немалой мере реализован и с целым рядом его существенных выводов следует согласиться» [Назаров, 2013, с. 21]. Оставим это на совести Б.Р. Рахимзянова. В данном случае нам интересен приведенный пассаж тем, что он показывает, как, зачастую, выстраивается доказательная база исследователя. Он просто ссылается на авторитеты, не прибегая к собственной оценке того или иного явления. При этом фразы могут быть вырваны из общего контекста и, как мы увидим ниже, даваться даже без ссылки на источник информации. Очень удобная позиция, позволяющая при желании уйти от неудобной дискуссии.

В ряде случаев автор особо отмечает тот факт, что тот или иной исследователь стоит «на позитивистских позициях» (с. 30). Однако это можно и нужно сказать о большинстве авторов из историографического обзора. Сам Б.Р. Рахимзянов также не чужд этому направлению. Хотя ряд его методологических построений, перекочевавших на страницы монографии из более ранних работ, по замечанию И.В. Зайцева, порой ближе к «метафизике», хотя автор и пытается представить себя как неопозитивиста [Рахимзянов, 2009, с. 9; Зайцев, 2010, с. 193]. Скорее всего, это делается для того, чтобы быть ближе к «западной науке», к которой он себя причисляет. Данный факт является своеобразной «родовой травмой» в судьбе автора как историка. Отсюда, по-видимому, и постоянно проскальзывающее название Московского (Русского) государства как «Московии». Так ее называли исключительно на Западе.

Странно читать у человека, который считает себя специалистом по посольским книгам, что этот вид источника «также иногда называют «статейными списками»» (с. 13). В особенности если учесть, что автор знаком (по крайней мере, ссылается на него) с исследованием Н.М. Рогожина о посольских книгах конца XV – начала XVII в. [Рогожин, 1994]. Это, однако, объясняется формой подачи ссылок на архивные материалы, применяемой исследователем: «Зайцев И.В. Астраханское ханство. М., 2004. С. 106. Автор ссылается на: РГАДА. Ф. 123. Оп.1. Ед.хр.7. Л. 1об. 5об.» (с. 265, сноска 323) или же «РГАДА. Ф.123. Оп.1. Ед.хр.6. Л.163. Цит. по: Зайцев И.В. Шейх-Ахмед – последний хан Золотой орды (Орда, Крымское ханство, Османская империя и Польско-Литовское государство в начале XVI в.) // Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (нач. XV – пер. пол. XVI вв.). М., 2004. С. 112» (с. 260, сноска 265). В научной литературе примеры подобных двойных отсылок, как правило, используются в тех случаях, когда у автора имеются обоснованные данные о неправильном прочтении или же интерпретации документа. Но в данном случае мы склонны считать, что автор не смотрел архивные дела. Он позаимствовал архивные ссылки дабы придать большую академичность своему сочинению.

В работе содержится значительное количество мелких недочетов и неточностей. Так, рассматривая, чем на самом деле являлись «поместья», предоставляемые татарским выходцам, автор ссылается на авторитет В.В. Трепавлова, но не дает на него ссылки (с. 102). Город Касимов (Городец Мещерский) с легкой руки автора оказался основан в середине XV в. (с. 91). Остается спросить: специально для царевича Касима или же им самим? Но доказательств, подкрепляющих данное утверждение, не приведено. Непонятно, на основании каких данных делается вывод о том, что в на-

чале XVI в. Кашира была значительно крупнее Юрьева-Польского (с. 104). Автор, не перепроверя чужие сведения, поселяет в 1539 г. в г. Темникове астраханского царя Дервиш-Али (с. 113). При этом допускает двойную ошибку. Его предшественники относили данное событие к 1549 г. Да и ссылались при этом на сведения к нашему времени уже опубликованных русско-ногайских посольских книг. Это показывает, как Б.Р. Рахимзянов работал с данной группой источников. Как, впрочем, и с писцовыми книгами. На самом деле этот список замечаний можно продолжить. Мы не видим необходимости заострять внимание на них. Но тот факт, что постепенно их количество переходит в качество, отметить необходимо. Причина этого кроется в некритичном отношении к заимствованным текстам и недостаточном владении материалом. Но здесь, как мы уже отметили, автор обезопасил себя, заявив, в самом начале, что не собирается вводить в научный оборот новых фактов и источников.

В отдельных случаях мы можем зримо наблюдать «кухню» автора. Так, он дважды обращается к проблеме отождествления «Новгорода на Оце». Первый раз: «Местом дислокации был выбран «Новый Городок» (на Оке) и его окрестные территории. Скорее всего, этим «Новым городком» была Елатьма, входившая в состав территории Мещеры – Касимовского ханства, возникшая незадолго до пожалования ее Муртазе (на это указывает название – «Новый городок»)» (с. 87). Второй раз: «В 1473 г. «Новгородом на Оце с многими волостями» был пожалован султан Муртаза бин Мустафа, скорее всего, внук хана Улуг-Мухаммеда бин Ичкеле-Хасана. В.В. Вельяминов-Зернов считает, что это Новый Ольгов городок. П.Н. Черменский видит в нем Елатьму, он же – Андреев городок Каменный. Следует отметить, что города с подобным названием встречаются достаточно часто. Можно предположить еще одну локализацию: «Новый Городок на Оце» в устье реки Протвы (спорная территория на границе Московского и Рязанского княжеств)» (с. 154).

Побоимся надоесть читателю длинными цитатами, но приведем еще одну: «В 1473 г. «Новгородом на Оце с многими волостями» был пожалован царевич Муртаза б. Мустафа, скорее всего, внук хана Улуг-Мухаммеда б. Ичкеле-Хасана. В.В. Вельяминов-Зернов считает, что это Новый Ольгов городок. П.Н. Черменский видит в нем Елатьму, он же Андреев городок Каменный. Следует отметить, что города с подобным названием встречаются достаточно часто. Можно предположить еще одну локализацию: «Новый Городок на Оце» в устье реки Протвы (спорная территория на границе Московского и Рязанского княжеств) [Беляков, 2011, с. 284–285]. Данная фраза, однако, как мы видим, принадлежит не Б.Р. Рахимзянову. Но ссылка на заимствование в его работе отсутствует. При желании количество подобных примеров мы можем увеличить. При этом здесь обнаружатся заимствования из работ В.В. Трепавлова, М.В. Моисеева, А.В. Виноградова и целого ряда других исследователей. В случае с А.В. Беляковым подобные «совпадения» обнаружить несколько легче, так как в ряде случаев структура подачи материала рецензируемой и его книг явно совпадает, но приведена в несколько сжатом виде и в ряде мест со значительными добавлениями (с. 35–118, 144–154 и др.) [Беляков, 2011, с. 50–80, 265–292 и др.]. Это наблюдение объясняет следующую фразу исследователя: «В данном случае выводы А.В. Белякова входят в серьезный диссонанс с материалами аутентичных источников по периоду» (с. 30). Получается, Б.Р. Рахимзянов поправил ряд авторов, правда, забыл оповестить об этом читателя. Из-за объемов заимствования, точности передачи текста и главному объединяющему признаку представителей всех национальностей – человеческой лени, рискнем предположить, что автор также поступил некорректно по отношению к производителям сканирующей и распознающей текст технике, не поставив на обложке название используемой им модели рядом со своей фамилией. Здесь мы также вправе задать вопрос не только о заимствованных текстах, но и заимствованных ссылках.

Теперь мы можем подвести промежуточные итоги. Перед нами в значительной степени нарезка из одного – двух десятков текстов разной степени переработанности с позаимствованными ссылками.

Настало время обратиться к идеям, которые выдвигает автор.

I. Институт «юртов», якобы перенятый Москвой в Степи. «Юрт был уникален тем, что позволял встраивать выезжих из позднезолотоордынских государств татар в московское общество и государство, не меняя ничего в их структуре» (с. 143).

К данному тезису есть несколько вопросов. Под юртами в данном случае автор понимает жалованные Чингисидам города с волостями. Но почему корни этого явления следует искать в Степи,

автор не объясняет. А ведь пожалование за службу городов было известно в русских землях еще до прихода монголов. Более того, мы вправе говорить, что это явление типично для большей части Евразии.

Нельзя говорить и о том, что расселение служилых татар среди русского населения, занимающегося земледелием, не повлияло на их формы хозяйствования и жизни. На примере Восточной Мещеры мы видим как медленно, но верно происходит срастание форм хозяйствования мордвы и татар с типичным русским землепользованием [Приправочный, 2015]. Б.Р. Рахимзянов в своей монографии не затрагивает проблему хозяйствования. Его более волнует правовой статус и налоговые права. При этом он постоянно забывает, что в подавляющем большинстве случаев Чингисидов селили на территориях с явно преобладающим русским населением. С высокой долей вероятности можно утверждать, что даже русских служилых людей в этих уездах было как минимум не меньше служилых татар. Подобную же картину мы видим и в Романовском уезде. Более того, документы постоянно фиксируют постепенную смену веры тюркских поселенцев в таких регионах.

Неким исключением является только Мещера. Однако мы не можем распространять территорию «царства» на весь регион. Он был значительно меньше. Безусловно, следует учитывать тот факт, что это пограничные территории. В этом Б.Р. Рахимзянов прав. Однако, они были значительно более сложными, нежели их описывает автор. Формат рецензии не позволяет нам подробно остановиться на процессах, протекавших здесь во второй половине XV–XVI вв. При этом необходимо отметить, что даже при учете скудной базы источников имеется возможность хотя бы в общих чертах установить, как развивались события в этом регионе. Главное – не исходить из заранее заданных установок, таких, к примеру, как территория Касимовского «царства».

II. Москва как часть политической системы Степи.

По этому вопросу автор привел большое количество цитат из документов, которые по его мнению должны доказать читателю что в XV–XVI вв. в Москве прекрасно разбирались в ситуации на просторах Дешт-и Кипчака и, более того, составляли с ним единое целое.

Действительно, благодаря крымским и ногайским посольским книгам мы знаем, что русские дипломаты хорошо ориентировались в хитросплетениях сил, влияющих на принятие тех или иных решений в Бахчисарае или же в ногайских степях. Если бы исследователь работал не только с опубликованными источниками, ему было бы понятно, откуда московскому государю было известно об упрощении наследником крымского престола своего отца не идти на «московские украины». Об этом в своих посланиях сообщал сам наследник, как впоследствии будут писать его дети и внуки, а также аталыки, карачи и иные лица, причастные к принятию политических решений в Крыму. Это была общая форма выклянчивания для себя очередных поминков, а не «всевидящее московское око» (с. 206). В Москве это прекрасно понимали и принимали предложенные условия игры. В случае несоблюдения интересов русской стороны поминки подобным просителям резко сокращались или даже приостанавливались.

Что касается тезиса о понимании большинства процессов, протекавших на просторах степи, то он, по нашему мнению, очень спорен. Приведем только два примера, которые должны наглядно показать, что в Москве в целом очень поверхностно представляли себе восточные реалии. 1) Русская посольская документация XVI–XVII вв. отличается очень плохой разработанностью восточной титулатуры. 2) В Москве не понимали всех сложностей взаимоотношений как между отдельными Чингисидами, так и между конкретными государственными образованиями постордынского мира и царями и царевичами из той или иной династии. Отсюда стремление выстроить внутреннюю иерархию Чингисидов и настойчивое стремление «осчастливить» казанцев, послав к ним в качестве царя самого «честного» представителя рода из их заклятых врагов «Гемиркутлуевых царевых детей» (Шах-Али б. Шейх-Аулеар, Джан-Али б. Шейх-Аулеар).

III. Неравноправие между Москвой и татарским миром.

Данный раздел, по нашему мнению, является главным во всей монографии. Все предшествующие страницы должны были логично подвести читателя к мысли о том, что Россия оставалась татарской данницей до 1700 г. Здесь трудно вступать в спор с автором. И проблема не в аргументах, приводимых Б.Р. Рахимзяновым, а в дефинициях. Прежде чем вести спор требуется дать четкие определения дани, поминков, жалования и целому ряду иных терминов. При этом все стороны должны их безусловно принять. В противном случае всегда останется место для тех или иных спе-

куляций путем жонглирования цитатами из источников. Впрочем, это замечание следует отнести и к иным разделам рецензируемой книги.

Остается ответить на самый важный вопрос: а стоило ли читать данное произведение, и если да, то для чего? Здесь следует согласиться с тем, что при всех своих слабостях и недочетах прочтение данной монографии, по крайней мере, для автора этих строк, было полезно. Почему? Дело в том, что как ни странно, Б.Р. Рахимзянов справился с поставленной перед собой задачей: «акцентации – привлечению взора читателя к тем явлениям, которые, несмотря на свою принципиальность для проблематики, не получили должного внимания в историографии». Рассматриваемая книга стала своеобразной лакмусовой бумажкой, позволяющей выявить наиболее проблемные места в изучении русско-тюркского взаимодействия в XV–XVI вв. А это, в первую очередь, проблема данни. Без однозначного ее решения продуктивного движения вперед невозможно. Это, если хотите, «основной вопрос» во взаимоотношении России и тюркского мира. Не менее важна и проблема тюркских анклавов, «юртов», на территории Московского государства XV–XVII вв. Этот вопрос «возник» в 60-е гг. XIX в., когда «на кончике пера» В.В. Вельяминова-Зернова родилось «Касимовское царство». Уже во второй половине XX в. оно окончательно институализировалось и превратилось в удел – «государство» – юрт. Автор этих строк уже отмечал тенденцию, впервые проявившуюся в околонучных публикациях рубежа XX–XXI вв., по превращению всех городов, «жалуемых» Чингисидам, в подобные юрты – царства. Рецензируемая книга стала моментом официального рождения этих образований. Рискнем предположить, что следующим шагом станет «обнаружение» протогосударственных тюркских образований в Новгородском и Коломенском уездах, Рязанском княжестве (бордаковские татары). Главное, чтобы появился исследователь, по возможности подробно освятивший эти явления. А интерпретаторы найдутся. И спорить с ними будет нельзя. Ведь спорить можно с фактами.

Поэтому, как это ни странно звучит, «московско-рязанские коллеги» и некоторые примкнувшие к ним заинтересованные лица должны с благодарностью принять данное сочинение. Б.Р. Рахимзянов показал, что их труд не пропал даром. Их читают, даже тогда, когда пытаются особо не афишировать данный факт. Мы получили сигнал о том, что идем в правильном направлении. А далее... История нас рассудит.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляков А.В. Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань: Рязань. Мир, 2011. 512 с.
2. Зайцев И.В. Новые книги об исламе в восточной Европе // *Rah islamica*. 2010. №1 С. 192–194.
3. Моисеев М.В. «Казанский вопрос» в русско-ногайских отношениях конца XV – первой половине XVI столетий // *Средневековые тюрко-татарские государства*. Казань, 2012. Вып. 4. С. 107–112.
4. Моисеев М.В. Посольские дары – «поминки» в контексте взаимоотношений России с постордынскими государствами: проблемы изучения // *От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв.* М.; Вологда: Древности севера, 2016. С. 163–171.
5. Моисеев М.В. Эволюция и содержание посольских даров – «поминков» в Русско-Ногайских отношениях XVI века // *Локус: люди, общество, культуры, смыслы*. 2011. №4. С. 17–31.
6. Назаров В.Д. Рюриковичи и Чингисиды. Проблемы взаимоотношений в преломлении источников / Чингисиды в России: «золотой род» после падения Золотой Орды // *Российская история*. 2013. № 3. С. 11–21.
7. Приправочный список с дозорной книги города Темникова и Темниковского уезда 1613/1614 г. / Сост. М.М. Акчурина, А.В. Беляков. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. 220 с.
8. Рахимзянов Б.Р. Касимовское ханство (1445–1452 гг.). Очерки истории. Казань: Татарское книжное издательство, 2009. 207 с.
9. Рахимзянов Б.Р. Третья международная научная конференция серии «Средневековые тюрко-татарские государства» // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2012. №2. С. 117–120.
10. Рогожин Н.М. Посольские книги России конца XV – начала XVII в. М.: ИРИ РАН, 1994. 234 с.
11. Трепавлов В.В. Сибирь после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М.: Восточная литература, 2012. 231 с.

*A.V. Belyakov***MOSCOW AND THE TATAR WORLD: DONORS AND RECIPIENTS**REVIEW ON: RAKHIMZIANOV B.R. MUSCOVY AND THE TATAR WORLD:
COOPERATION AND CONFRONTATION IN THE AGE OF CHANGE, 15TH – 16TH CENTURIES.

St. Petersburg: Evraziya, 2016. 396 p.

The reviewed work of B.R. Rakhimzianov has raised the important question which did not find the unambiguous solution yet: «Was the Moscow state an external or an internal player in the system of successors of Ulus of Juchi?» The author focuses his attention on «peaceful» coexistence of the states which arose on the post-Horde space. He writes about such a deep degree of the involvement of Moscow and the Turkic states in affairs of each other that sometimes researchers are at a loss with definition of degree of their sovereignty. However the technique applied by the researcher causes a number of questions.

Keywords: B.R. Rakhimzianov, Russian state of the XV–XVI centuries, Turkic states, foreign policy.

Сведения об авторе:

Беляков Андрей Васильевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт российской истории Российской академии наук (г. Москва); feb@ru.ru

Belyakov Andrey – Candidate of Historical Sciences, Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

УДК 94(47)031/04

ТАТАРСКИЙ МИР И МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО: ВМЕСТЕ И ВРОЗЬ

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: РАХИМЗЯНОВ Б.Р. МОСКВА И ТАТАРСКИЙ МИР:
СОТРУДНИЧЕСТВО И ПРОТИВОСТОЯНИЕ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН, XV–XVI вв.
СПб.: Евразия, 2016. 396 с.

© 2017 г. И.Л. Измайлов

Статья содержит рецензию на вышедшую недавно в издательстве «Евразия» книгу историка Б.Р. Рахимзянова, посвященную анализу сотрудничества и противостояния Москвы и татарских государств в XV–XVI вв. Нет сомнений в актуальности и важности проблем, затрагиваемых в данной работе, поскольку она посвящена времени становления Русского государства и его взаимодействия с татарскими ханствами и его правящими элитами. Особое внимание автор уделил нескольким вопросам: статусу первых выходцев из татарского мира в Московском княжестве, политическим контактам правящих элит татарских ханств с великими князьями, становлению татарских владений в Московии и их статусу, а также отношениям между Москвой и постордынскими ханствами, как единой системе политических взаимодействий. Отдельным аспектом темы является авторское понимание возникновения и трансформации системы владений и служб татар в Московском государстве, которые определяли роль и место служилых татар во взаимодействиях между Москвой и Степью. Все это позволило автору сформулировать вывод о сложном и постоянно меняющемся взаимодействии между татарами и московскими властями.

Ключевые слова: Московское государство, Крымское ханство, Сибирское ханство, Большая Орда, международные отношения, постордынский мир, система власти, юрт (владение), служилые татары, татарские царевичи.

В начале XV в. Улус Джучи начал скатываться к расколу и постепенному раздроблению на целый ряд владений и ханств. Но если до смерти Идегея в 1420 г. единство страны, хотя и формальное, сохранялось, то после его гибели начался неотвратимый процесс распада и образования новых государств. Этот период был назван в свое время «агонией империи» и характеризовался постепенным отпадением различных владений от ханского домена в Нижнем Поволжье и Подонье (Измайлов, 2009, с.724–728). Этот процесс продолжался вплоть до разгрома и окончательного поглощения последнего центрального владения Улуса Джучи, так называемой «Большой Орды» или «Великого Улуса» (Улуг Улус), являвшегося политическим центром постордынского мира (подробнее см.: Трепавлов, 2010). Его существование всегда несло с собой потенциальную возможность возрождения единства страны, хотя эта вероятность и была призрачной, поскольку это не отвечало интересам ни одной из сторон «Большой политической игры» в Восточной Европе в XV в. Все это привело к закономерному военно-политическому объединению всех противников остатков Улуг Улуса и его закономерной гибели. Но с этого момента начинается новая глава истории Восточной Европы – борьба наследников Улуса Джучи за политическую гегемонию, которая в конечном итоге привела к установлению власти Москвы на большей части постордынского мира к концу XVII в., а в имперский период к завоеванию всей Восточной Европы.

Нет сомнений в актуальности и важности проблем, затрагиваемых в рецензируемой работе Б.Р. Рахимзянова, поскольку они посвящены становлению Русского государства, которое в этот период активно взаимодействовало с татарскими ханствами и его правящими элитами. Особое внимание автор уделил нескольким вопросам: статусу первых выходцев из татарского мира в Московском княжестве, политическим контактам правящих элит татарских ханств с великими князьями, становлению татарских владений в Московии и их статусу, а также отношениям между Москвой и постордынскими ханствами, как единой системе политических взаимодействий. Отдельным аспектом темы является авторское понимание возникновения и трансформации системы владений и служб татар в Московском государстве, которые определяли роль и место служилых татар во взаимодействиях между Москвой и Степью.

В отечественной историографии этот период обычно рассматривался в контексте двух метафор – «свержения золотоордынского ига» и «становления Русского централизованного государства», что определяло стилистику работ и само их содержание. Начав свое происхождение еще с имперской российской «государственной школы» в середине XIX в. в трудах С.М. Соловьева, В.О. Ключевского и др., они получили «второе дыхание» в руководящих исторической наукой указаниях И.В. Сталина, возведших их в ранг единственно верной и возможной трактовки событий. Яркими представителями советской науки, которые формулировали и развивали эту парадигму, являются К.В. Базилевич, И.Б. Греков, В.В. Каргалов, Ю.Г. Алексеев и др. (Базилевич, 1952; Греков, 1963; Греков, 1975; Каргалов, 1980; Алексеев, 1989; Алексеев, 1992). Все они, так или иначе, вращались в рамках концепции «татарского/ордынского ига», его свержения и возрождения в противостоянии с ним Русского государства. Для представителей этой концепции характерно представление, что Улус Джучи и постордынские татарские ханства для Руси играли роль вражеского внешнего окружения, с которым требовалось бороться и, в итоге, сокрушить. Даже в трудах, где, казалось бы, требовался более общий взгляд на международные отношения, события трактовались исключительно с московского угла зрения и Москвой в качестве центра, вокруг которого вращалась вся политика Восточной Европы (например, см.: Греков, 1963). Другие альтернативы, например, Литовская Русь или Крым, как наследник Улуг Улуса, если и рассматривались, то исключительно в негативном плане.

Подобное «предвидение назад» является важной и неотъемлемой частью исторического метода историков «государственной школы». Нельзя не сказать, что подобный «провиденциализм», понятный и оправданный для имперско-церковной историографии, творившей под лозунгом «Москва – Третий Рим», является неприемлемым в современных условиях. Самым главным недостатком, так сказать «родовой травмой», государственнической историографии было конструирование историографической традиции, в которой Московская Русь, вопреки фактам и логике (если было «иго», то, следовательно, Русь была частью мира Золотой Орды) представлялась как явление внешнее и категорически инородное по отношению к Улусу Джучи.

Национально-государственный взгляд на историю и намеренная политизация исторических событий не могла не сказаться и на трактовке таких сложных явлений, как татарские «служилые царевичи», служилые татары и их владения на Руси. При дилемме – рассматривать их как неотъемлемую часть военного сословия, которых призывали с большим радушием на службу и видели в них опору престола, или как «лишних людей», «беженцев», явления случайного и временного, у отечественных исследователей, в силу образования и национально-государственных приоритетов в мировоззрении, практически не было выбора, кроме последнего. Более того, любой отход от этой трактовки рассматривался как отказ от нормы. Подобная трактовка фактов и событий оказывает свое тлетворное влияние и на значительную часть современной российской исторической науки.

Рассматривая историю Московской Руси через призму «национальной» истории имперской России, они часто видят в ней те явления, появление которых были плодом поздней церковно-державной историософии типа «Киевского Синописа» 1674 г., и не желают заметить очевидного – для периода становления Русского царства сословно-статусные связи значили гораздо больше, нежели языковые и религиозные. Иными словами, стремление пополнить в свое войско прекрасно обученных, храбрых и умелых воинов, таких как служилые татары, пересиливало стремление их христианизировать. Ситуация стала меняться только во второй половине XVII в. в связи с реформой войска, но до того периода татары составляли важную и особую, специализированную часть любого русского войска. Они выполняли функции войсковой разведки, действовали на коммуникациях противника, завязывали бой и преследовали отступающие войска. Разумеется, некоторые кабинетные военные могут считать спецназ «лишним» родом войск, но на поле боя без него не обходится ни одна современная армия. Точно также и татары в русском войске выполняли сходные функции и, хотя численно они никогда не превалировали, ни одна война Московского государства не обходилось без их деятельного участия, а «служилые царевичи» часто выполняли командные функции. Игнорировать и замалчивать их значение не удастся никому. Важнее понять, как сложилась эта система организации военно-служилого сословия Русского государства в XV–XVI вв.

В этой системе ценностей появление труда Б.Р. Рахимзянова «Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен, XV–XVI вв.» можно сравнить с дуновением рокового «ветра перемен». В нем делается нетривиальная для отечественной историографии попытка рассмотреть Московскую Русь и татарские государства как единый мир. Уже сама постановка проблемы весьма интересна, актуальна и заслуживает обсуждения, поскольку является первой серьезной разра-

боткой проблем истории позднего Улуса Джучи и постордынского времени, как противоречивого явления со многими актерами, игравшими свои роли. Общая тенденция здесь пробивала себе путь через разнонаправленные и хаотичные действия отдельных личностей и социальных групп. В рамках традиционной имперско-государственной историографии плодотворное решение подобных проблем было просто невозможно, поскольку для нее имели смысл и историческую перспективу только те политические шаги и интересны только те слои общества, которые действовали «под знаменем Москвы» в рамках «генеральной линии» свержения ордынского ига и утверждения Русского централизованного государства.

В этой связи следует отметить, что хотя в книге и есть историографический обзор (с. 19–33)¹, но он носит несколько очерковый характер. Понятно, что огромную и разнообразную историческую литературу по столь широкой теме, что заявлена автором, рассмотреть сколько-нибудь полно не представляется возможным. Тем не менее, авторская попытка разделить ее на три вида (концептуальные, фактографические и локально-исторические) не представляется убедительной. Более продуктивным, очевидно, было бы дать целостный очерк историографии, как смену неких больших нарративов, которые обобщали фактологические и локальные исследования, формируя новые идеи и концепции. Например, понятно, что определенная группа трудов развивалась в конце XIX – начале XX в. под влиянием В.В. Вельяминова-Зернова, который находился в русле «государственной школы», а историография 30–50-х гг. XX в. была частью идеологических конструктов сталинского «неоампира». Впрочем, классификация и определение тенденций в работах своих предшественников – дело автора, который задает тем самым размер и масштаб своей работы. В целом ни обзор литературы (особенно учитывая тот факт, что автор органично включил в обзор труды зарубежных авторов, что является для работ по истории московско-татарских отношений весьма редким явлением), ни источниковедческий анализ не дают усомниться в компетенции автора, его эрудиции и самостоятельности его исследования.

В этом смысле в заслугу автору можно поставить стремление показать события периода «агонии» империи Джучидов – эпохи большой протяженности и внутренней сложности, используя показ и изучение исторических судеб отдельных представителей татарской элиты, описывая объемную картину истории взаимодействия по оси Москва – татарские государства, весьма отличную от плоских представлений об их постоянной враждебности и современного понимания «национальных интересов», опрокинутых в прошлое. Во многом автору это удалось. Автор справедливо, на мой взгляд, указывает, что никакого идеологического «агрессивного противостояния» между Москвой и татарскими ханствами не было. Осмысление военно-политических реалий этого времени в агрессивном мессианском духе, рассмотрение и трактовка их в духе церковной историософии произошло гораздо позднее. В рассматриваемое «время перемен», в XV–XVI вв., Московия, по мнению историка, и в политическом, и в экономическом отношении сама была «интегральной частью тюрко-татарского мира» (с. 202), в котором «любовь» и «недружба» тесно соседствовали...» (с. 214). Но «основным инстинктом» в формировании любви-ненависти играли отнюдь не национальные или религиозные, а исключительно классовые чувства. В этом отношении правители Москвы были гораздо разумнее, чем часть нынешнего научного сообщества, до сих пор продолжающего бороться против «ненавистного ига».

Б.Р. Рахимзянов совершенно справедливо подчеркивает, что «отношения между этими политиями были весьма прагматичными и, можно сказать, «вынужденно-дружественными»; религиозный и этнический антагонизм не играл существенной роли в их дипломатии» (с. 202). Главным мерилом отношений, особенно в среде военно-служилой элиты, по его мнению, «...играл статус человека, а не его этническое происхождение или политика государств» (с.202). Обмен людьми происходил постоянно и не являлся чем-то исключительным и не считался позором и государственной изменой. Более того, переходы служилых татар в разные стороны были постоянными и не вызывали обвинений в предательстве «национальных интересов», поскольку никаких общетатарских национальных интересов у элиты различных ханств попросту не было, поскольку не существовало такой этнической группы, как татары. Существовал слой военно-служилой элиты Улуса Джучи, которая считала себя татарами в силу своего происхождения и места в определенном клане, которые являлись коллективными правителя своих юртов. Недовольство своим сословным положением иногда вело к тому, что представители того или иного клана решались сменить свой статус на более высокий и выгодный. Поскольку Московская Русь была более богатой и, видимо, в силу ряда

¹ Здесь и далее ссылки на страницы рецензируемой книги даются в тексте рецензии в скобках.

обстоятельств, более открытой системой, то она притягивала определенную часть татарской элиты и даже родовитых султанов, потомков Чингиз-хана.

Целый ряд обстоятельств и реалий выездов представителей татарской элиты на Русь автор анализирует в свете восточной политики Московского государства (великого княжества Московского, Московского царства, Руси-России). Делает он это обстоятельно и подробно, детально демонстрируя вовлеченность московских правителей во внутриордынские дела (с.35–142). В целом, эта глава интересна и дает автору материал для дальнейших рассуждений и обобщений. Не пытаясь подвергать сомнению отдельные факты и трактовки, хотелось бы отметить, что в книге имеется некий налет пренебрежительности по отношению к рассматриваемым автором историческим персонажам, который, очевидно, появился у автора при чтении большого количества русских посольских книг и других материалов московского происхождения.

Состоит он в том, что автор считает, что «Джучиды по большому счету владели только статусом и харизмой. Это были их основные плюсы» (с.117). Думаю, даже по отношению к султанам из Астрахани (Хаджи-Тархана) (про которых и заявляет это автор монографии) это справедливо лишь отчасти. К сожалению, наши источники, за редкими исключениями, не дают нам возможности раскрыть их как личностей, и понять их личные качества и умения. Каждый из них был конкретной личностью с различными «плюсами и минусами». Но, очевидно, было нечто, что объединяло их всех и что заставляло московских правителей раз за разом приглашать татар к себе на службу. Вряд ли все дело в христианском милосердии, которое московские государи проявляли не больше других средневековых династий, а иногда и меньше. Дело в том, что кроме статуса и харизмы, Москва получала к себе на службу подготовленного профессионального военного, а в случае Чингизда – еще и военачальника. Как сложится его военная карьера, это зависело от его личных качеств, но судя по тому, что многие из них регулярно отличались на поле боя и оставались верными московским правителям в разных обстоятельствах, обобщенное мнение о них было весьма благоприятным. Поэтому Московское государство, с одной стороны, испытывавшее дефицит уделов и кормлений на раздачу, а с другой – нуждавшееся в профессиональных служилых людях для войны и управления, все же делало выбор в пользу служилых татар.

Еще одним положительным качеством татарских султанов и их отрядов было то, что они являлись определенным противовесом княжеским и боярским родам, яростно боровшимся между собой за влияние на трон. Татары же оставались преданными лично государю, не составляли отдельной партии и были чуждыми как верхам и низам общества – идеальные военные слуги и приближенные. Не в этом ли секрет высокого положения при дворе Симеона Бекбулатовича, Симеона Касаевича и других татарских султанов? Но главное их качество – не статус и не харизма, а навыки военной службы. Служилые татары были дисциплинированной, смелой и профессиональной конницей, умелыми и меткими конными лучниками, яростными рубаками, которые имели свои способы атаки и умели маневрировать на поле боя, меняя направление атаки по команде вождя. Все эти качества воспитывались с детства и не одно поколение, поэтому профессиональные служилые люди хотя и были «расходным материалом», но материалом чрезвычайно трудно восполняемым. В условиях маневренной конной борьбы требовались многочисленные умения и навыки, которыми в средневековом мире обладало только служилое сословие – профессиональные воины.

Ситуация стала меняться только во второй половине XVII в. в новых условиях боевой практики, когда на поле боя появились крупные пехотные подразделения, вооруженные ручным огнестрельным оружием и длиннодревковым оружием. Эти контингенты, обучаемые офицерами и небольшим числом ветеранов, уже не требовали профессиональных умений владения луком и саблей и джигитовкой. Это было сравнительно дешевое войско, потери которого легко восполнялись «даточными людьми» – вчерашними крестьянами. С этого времени происходит закат татарского служилого сословия – профессиональной кавалерии; она оказалась неспособной к модернизации, как отдельный контингент, и была заменена легкой конницей типа казацкой и башкиро-мещеряцкой. Но пока Московскому государству требовались профессиональные воины, обладавшие своеобразными навыками, татары призывались и зазывались на русскую службу постоянно, и отнюдь не только за свой статус и харизму.

Концептуальной и самой дискуссионной является вторая глава книги Б.Р. Рахимзянова, где он анализирует особенности положения татарских «анклавов» внутри Русского государства, статус «фронтирных» зон (на примере Мещеры) и «маркеры включенности Московского государства в позднезолотоордынскую политику». Не буду пересказывать все положения этой главы и все положительные и спорные моменты, поскольку это слишком увеличило бы рецензию, превратив ее в

небольшую книгу по мотивам данной работы. Хотелось бы только привлечь внимание автора к проблеме Мещерского юрта с несколько иной стороны.

Возможно, справедливо его определение как «фронтира», но требуется определить границы этой зоны и указать на ее специфику. Представляется, что такой спецификой было то, что татарское население в Мещерском крае было не пришлым, а являлось наследием Улуса Мухши с центром в Наручаде (г. Наровчат). Целый ряд новых археологически материалов свидетельствует о том, что оседлое мусульманское население со своими навыками в земледелии и гончарном производстве населяло Посурье и Поочье уже в XIII–XIV вв.

Следовательно, автор совершенно прав, когда ищет основания особого статуса Мещерского юрта не в трудах историков, «придумавших» «Касимовское царство», а в глубоких традициях наследования этих территорий со своей сословной и территориально-административной системой от Золотой Орды, причем вполне добровольно и взаимовыгодно (с.176–181). Нет никаких оснований полагать, что татарское служилое население в Нижегородском крае являлось пришлым и появилось там после XV–XVI вв. Никакие суждения о численности православного русского и мордовского населения и татар-мусульман в XVIII в. таким аргументом не являются, поскольку не учитывают катастрофические последствия Смуты и деклассирования значительной части служилых татар в XVII в.

Можно согласиться с автором и в том, что стратегия Москвы по отношению к властным полномочиям «служилых царевичей» в Мещерском юрте, как и в других владениях татар, а также и сама татарская политика, постепенно менялись в сторону их постоянного сокращения (с.181–195).

Относительно авторской трактовки маркеров включенности Московского государства в позднезолотоордынскую политику следует отметить новизну самой постановки такой проблемы и указать на ее дискуссионность, обостренную данной книгой. Думается, что автор сделал интересную заявку на решение целого ряда проблем, но сделал упор не на рассмотрении их с разных сторон, а встал на определенную позицию, сузив возможности для анализа и фактически сведя всю сложность явления к нескольким простым ответам. Например, очень важный и системообразующий вывод о Москве как о части политической системы Улуса Джучи фактически подменен подбором разрозненных и несистемных сведений о русско-татарских связях (с.201–214). Выбрав важный и ключевой тезис, автор поторопился и не продумал систему его доказательств. Вроде бы, само собой разумеется, что Москва была частью постордынских государств, но доказательства *внешнего* воздействия Москвы на политические дела в татарских владениях еще не являются свидетельствами, что она была их *неотъемлемой частью*. Более того, именно она разрушала эту систему. Так что же доказывает определение Москвы как части этого целого? Фактически никаких доказательств автор не представил. Очевидно, что этот тезис требует серьезного дополнительного анализа и выработки критериев.

Точно так же спорен и неоднозначен авторский тезис о том, что отношения между Москвой и татарским ханствами были неравноправными (что само по себе аксиома для средневекового мира). Здесь нужно бы определить некие индикаторы, характеризующие эти исторические явления (с.214–232). Главным из них является дань, позднее именуемая «поминками» или «жалованием». Автор настаивает на том, что каким бы ни было название этих выплат, они указывают на даннические отношения Москвы перед татарскими ханствами (с.215–216). Этот тезис весьма спорен.

Во-первых, терминология в средневековом мире была динамичной системой. Вчера «дворня» было уничижительным словом, а спустя сто лет стала обозначением сословно-социальной элиты, недавно это был «черный выход» и собирался он в пользу ордынского хана, а спустя двести лет это уже «поминки», и выплачиваются они по желанию и за какую-то службу. Очевидно, требуется не априорное утверждение того, что, по мнению автора, означал тот или иной термин, а скрупулезное его изучение по всем источникам и составление динамики употребления этого термина, а главное – тех реалий, что за ними стояли. Если это выплаты, то когда, кому и по какому поводу. Без этого принять на веру слова автора о том, что, дескать, «...для хана не существовало нюансов, различающих эти термины, которыми Москва пыталась обмануть некоторых своих внешнеполитических коллег» (с.217), трудно.

Во-вторых, априорное утверждение еще никогда не было убедительным. Попытка представить, что думал тот или иной хан по спору о терминологии – весьма шаткий аргумент, и всегда может быть обращен в обратную сторону, что хан прекрасно знал реалии и тешил себя иллюзией власти, настаивая на трактовке понятия «поминок», как «дани». Без серьезного авторского анализа

этот тезис провисает в бездоказательном пространстве и из аргумента в пользу автора превращается в свою противоположность.

Неравенство, как известно, рождает недоверие, а оно, в свою очередь, вражду. Эта истина не требует доказательств. Но, поскольку автор ведет речь о политике, то понимания «плохого» и «хорошего» в ней всегда являлись не абстрактными, а сугубо прагматичными. Так и со статусом. Можно сколько угодно утверждать, что московский великий князь был ниже по статусу, чем хан из рода Джучидов, но реалии политики были таковы, что сами Чингизиды служили великим князьям, и русские дипломаты никогда не переставали на это указывать татарским ханам. Абстрактно говорить о том, что положение русского царя было ниже, чем крымского хана, можно, но до определенных пределов. Авторская исследовательская задача и состояла в том, чтобы выяснить это, а не утверждать данный посулат как категорическую истину. Возможно, на некоей шкале ранжирования в Бахчисарае так все себе и представляли, но в мировой политике пресловутый *Realpolitik* брал свое, и прагматизм побеждал иллюзию. Тем более, что, чувствуя свою слабость, московские идеологи выработали целый ряд идеологем, чтобы доказать свое превосходство, и соперничали они не во внутриордынской системе ценностей, а в европейской, где и добивались определенных успехов. Соперничество, столкновение и взаимоувязывание иллюзий и реалий политики может стать хорошим продолжением данной работы.

Особо следует сказать о методологии и стилистике работы. По стилю, структуре и системе аргументации она явно выбивается из большинства отечественных трудов. Если иронизировать, то можно назвать ее методологию «метафизической», но правильнее, на мой взгляд, указать, что она построена в стилистике постмодернизма и исторической антропологии. Для книги Б.Р. Рахимзянова характерно дискретное описание разных сюжетов, неполнота и определенная «иллюстративность» источниковедческой базы, а также размытость терминологии и обращение к судьбам конкретных людей для реконструкции социального поведения неких групп населения, пристальное рассмотрение элиты общества, как акторов исторической драмы и т.д. Все это обычно для англо-американских трудов по истории, хотя там авторы обладают гораздо более высоким уровнем источниковедческого материала, позволяющего пристально изучать исторические судьбы людей для понимания структуры общества и взаимодействия сословий и элит. Для отечественной историографии, воспитанной в духе германской исторической науки и советского позитивизма, это не только ново, но и может вызвать прямое отторжение. Одно дело, когда историческое сообщество имеет дело с иностранной литературой, для которой позволительны некоторые вольности в методологии, а другое дело, когда в подобном стиле исследуется проблема московско-татарских отношений. Обычно от таких трудов ждут более консервативного изложения материала и менее амбициозных выводов. Следует ли из этого, что опыт труда Б.Р. Рахимзянова следует признать неудачным? Очевидно, что нет. Наоборот, он заслуживает высокой положительной оценки.

При всей дискуссионности, имеющихся фактологических ошибках и легковесности некоторых выводов следует признать, что это важная и во многом этапная работа. Хотя автор не во всем достиг цели и не всегда смог убедительно доказать свои тезисы, саму постановку подобной проблемы и способов ее решения следует только приветствовать, и пожелать продолжения работы в этом направлении. Даже сама дискуссия по этой книге является лучшей ее аттестацией. Давно в историческом сообществе не было таких острых обсуждений и полемики. Именно они позволяют нашей науке уточнить факты, унифицировать терминологию и проверить аргументацию, что, в свою очередь, позволит выработать новые подходы к сложной и такой животрепещущей теме, как взаимодействие Москвы и татарского мира.

Надо подчеркнуть, что широкая дискуссия по этой книге имеет и определенный политический аспект. Является ли история становления России неким прямым, как Невский проспект, путем, когда Москва возглавила национально-освободительную борьбу по свержению ордынского ига, либо это было сложное взаимодействие сил и переплетение различных интересов внутри Улуса Джучи, которое в определенный момент вывело на глаза изумленной Европы новое царство? Ответ на этот исторический вопрос, который еще недавно считался вполне тривиальным и был обоснован и освящен двухсотлетней отечественной традицией, в современном мире, под пристальным взглядом с разных точек зрения и новых методик, уже не кажется столь фундаментальным. Видимо, приходит время, когда необходимо сменить ориентиры, и посмотреть на историю Восточной Европы не только через стрельницы Московского Кремля, но и из Сарая, Казани и Бахчисарая. Вернуть истории ее комплексность, полноту и многополярность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев Ю.Г. Освобождение Руси от ордынского ига. Л.: Наука, 1989. 217 с.
2. Алексеев Ю.Г. Под знаменем Москвы: Борьба за единство Руси. М.: Мысль, 1992. 268 с.
3. Базилевич К.В. Внешняя политика русского централизованного государства: Вторая половина XV в. М.: Изд-во МГУ, 1952. 544 с.
4. Греков И.Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв. М.: Наука, 1963. 375 с.
5. Греков И.Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV–XV вв.). М.: Наука, 1975. 520 с.
6. Измайлов И.Л. Агония империи // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. С.724–728.
7. Каргалов В.В. Конец ордынского ига. М.: Наука, 1980. 152 с.
8. Трепавлов В.В. Большая Орда – Тахт эли. Очерки истории. Тула: Гриф и К, 2010. 112 с.

I.L. Izmailov

THE TATAR WORLD AND THE MOSCOW STATE: TOGETHER AND SEPARATELY

BOOK REVIEW: RAKHIMZIANOV B.R. MUSCOVY AND THE TATAR WORLD:
COOPERATION AND CONFRONTATION IN THE AGE OF CHANGE, 15TH – 16TH CENTURIES.

St. Petersburg: Evraziya, 2016. 396 p.

Article contains the review of the book which has left recently in Publishing House «Euraziya» of historian B.R. Rakhimzianov, devoted to the analysis of cooperation and opposition of Moscow and the Tatar states in XV–XVI centuries. It is devoted to the time of formation of Russian state and its interaction with the Tatar khanates and its ruling elite. The author has given special attention to several questions: to the status of the first natives of the Tatar world in the Moscow principedom, political contacts of ruling elite of the Tatar khanates to grand dukes, formation of the Tatar possession in Muscovy and their status, and also the relation between Moscow and Post-Golden Horde khanates, as uniform system of political interactions. Separate aspect of a theme is the author's understanding of occurrence and transformation of system of possession and services of Tatars in the Moscow state, which defined a role and a place of service Tatars in interactions between Moscow and Steppe. All these features allowed the author to formulate a conclusion about difficult and constantly changing interaction between Tatars and Muscovite authorities.

Keywords: Moscow tsarstvo (kingdom), Moscow-Tatar relations, Crimean khanate, Siberian khanate, Great Horde (Bolshaya Orda), international relations, Later Golden Horde world, system of power, iurts (possession), service Tatars, Tatar princes (tsarevitches).

Сведения об авторе:

Измайлов Искандер Лерунович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Отдела средневековой археологии Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан (г. Казань); ismail@inbox.ru

Izmailov Iskander – Doctor of Historical Sciences, Chief Scholarly Researcher of the Department of Medieval Archaeology, A.Kh. Khalikov Institute of Archaeology of Tatarstan Academy of Science (Kazan)

УДК 94(02)

МОСКВА И ТАТАРСКИЙ МИР: КОНФРОНТАЦИЯ ИЛИ СОТРУДНИЧЕСТВО?

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: РАХИМЗЯНОВ Б.Р. МОСКВА И ТАТАРСКИЙ МИР:
СОТРУДНИЧЕСТВО И ПРОТИВОСТОЯНИЕ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН, XV–XVI вв.

СПб.: Евразия, 2016. 396 с.

© 2017 г. Ф.Г. Ислаев

В статье рассмотрена монография Б.Р. Рахимзянова, посвященная исследованию взаимоотношений Московского государства с татарскими ханствами; отмечены несомненные достоинства и недочеты работы. По мнению автора рецензии, книга Б.Р. Рахимзянова имеет важное значение в контексте изучения становления Российской государственности.

Ключевые слова: Рахимзянов Б.Р., Московское Великое княжество (царство), позднесолотоордынские татарские ханства.

По целому ряду причин история Улуса Джучи, постзолотоордынских татарских государств длительное время не получала целостного отражения в научной исторической литературе, хотя фундаментальные труды В.В. Вельяминова-Зернова, В.Д. Смирнова появились еще в XIX в., а в советские годы эта тематика была продолжена исследованиями М.Г. Худякова, Ш.Ф. Мухамадьярова и М.Г. Сафаргалиева. В этих, да и во многих других работах, продолжительное время имело место тенденциозное освещение татаро-монгольского завоевания Русских княжеств, увлечение политизированными и идеологизированными сюжетами. Явно одномерными выглядели татарские ханы, монголы, татары. В целом такая картина наблюдалась до начала 90-х годов прошлого столетия.

С тех пор ситуация существенно изменилась: благодаря усилиям Института истории им. Ш.Марджани издана семитомная история татар, подготовлена и издана коллективная монография «Золотая Орда в мировой истории», презентация которой состоялась в Оксфордском университете, регулярно проводятся международные и российские научные конференции и форумы по актуальным проблемам истории Золотой Орды и позднесолотоордынских татарских государств. Подготовлены и изданы на русском языке монографии Дамира Исхакова, Ильнура Миргалеева, Эдуарда Кульпина-Губайдуллина, Романа Почекаева, Вадима Трепавлова, Ильи Зайцева, Дениса Маслюженко, Анны Хорошкевич, Андрея Белякова и многих других, внесших заметный вклад в разработку средневековой истории России, Золотой Орды и татарских ханств.

Рецензируемая монография Булата Рахимзянова «Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен, XV–XVI вв.», является углублением и дальнейшей разработкой многих сюжетов, затронутых им еще в кандидатской диссертации, посвященной истории Касимовского ханства. Она относится к ряду новых исследований и знаменует собой радикальный отказ от стандартов дореволюционной российской и советской историографии. По существу предлагается новый, в своей основе объективный, взгляд на ключевые события и явления в истории взаимоотношений Москвы и татарского мира в обозначенных хронологических рамках, базирующийся на анализе совокупности исторических источников и научной исторической литературы.

Книга читается с интересом, порождает мысли и вопросы, без которых нет исторического познания. Его основной отличительной чертой является формирование у читателя современного, критического исторического мышления.

Монография структурирована в соответствии с внутренней логикой изучаемой проблематики, состоит из введения, обзора основных источников и литературы, двух глав, приложений, списка источников и литературы. Хронологически охватывает период с начала XV в. до конца XVI в., когда Сибирское ханство было включено в состав Российского государства.

Во введении автор изложил свое видение основных проблем в изучении взаимоотношений Московского государства и татарских ханств. Он отмечает, что «цель книги – характерными штрихами обозначить вовлеченность Москвы (Московского великого княжества, Московского царства) в сложную систему взаимосвязей позднесолотоордынских государств XV–XVI вв. Для достижения этой цели мы рассмотрим процесс мирных переговоров Москвы с представителями политической элиты Джучидских государств – их уговаривали переехать в Москву, – а также проанализируем ту роль, которую играли места их дислокации во внутренней и внешней политике Московского государства» (с. 8–9).

В качестве особого достоинства монографии следует отметить интересный историографический анализ литературы, особенно концептуальных трудов на английском языке. Материал представлен таким образом, что пробуждает интерес к дальнейшему изучению истории взаимоотношений Великого Московского княжества с татарским миром.

Первая глава состоит из трех параграфов, где качественно, познавательно и интересно рассмотрен процесс выезда татарской знати из татарских ханств и Ногайской орды в Московское государство и их положение. Представленный здесь материал четко структурирован в едином историческом алгоритме, он в основных чертах отражает историю выездов татарской знати и их влияние на разработку восточной политики Москвы.

Как известно, на протяжении двух веков между Москвой и татарским миром происходили драматические изменения. Статус владений Чингисидов, расположенных на территории Московского государства, за XV–XVI вв. значительно изменился. От полунезависимых татарских государств под патронажем Москвы они превращались в средство материального содержания выезжих Чингисидов, а позже в московские «юрты» эволюционировали уже целые ханства.

Когда фактическим правителем Золотой Орды стал беклербек Эдиге (Идегэй), Джелал ад-Дин и Керим-Берди – Тохтамышевичи – бежали из Степи в Москву и стали первыми Чингисидами, которые пребывали на территории Московского государства в 1407–1410 гг. Источники хранят молчание, где находились Джучиды в течение этих трех лет. Действительно, в 1412 году Джелал ад-Дин стал ханом Золотой Орды, а позже его заменил Керим-Берди.

Создание татарского анклава на территории Московского княжества в первой половине XV в. было связано с именем первого казанского хана Улуг-Мухаммеда. Два крупных военных поражения Василия II – Белев 1437 г. и Суздаль 1445 г. – вынудили его принять татар на свою территорию. Результатом суздальского поражения Василия II стало образование Касимовского ханства, в соответствии с которым Джучиды обосновались здесь для длительного пребывания. К 1473 году Иван III ожидал уже постоянного притока Джучидов в свою страну. Этот период автор обозначил как первый этап сотрудничества Москвы и Джучидов. Его характерной особенностью было то, что приезды и оседания Чингисидов были инициированы Ордой и юрты им либо не выделялись (как Тохтамышевичам), либо выделялись по требованию ордынского сюзерена.

Вторая половина XV в. была временем борьбы татарских ханств, ранее входивших в состав Золотой Орды, за доминирование. В 1470–1490-е гг. Москва начала уже осознанно приглашать к себе потомков Чингис-хана, переживавших не лучшие времена в Степи: она осознала, что из неудач своих недавних противников можно извлечь политические выгоды, предоставив возможность пожалования их русскими городами. При этом великий князь старался заполучить к себе лиц, политический статус которых в Степи был очень высок: часто это были представители Казанского, Крымского ханств и Большой Орды (Джанибек, Айдар, Нур-Даулет, Мухаммед-Амин, Абд ал-Латиф).

В 1500–1540-е гг. выходцы из Большой Орды и Астраханского ханства были достаточно долго и прочно представлены в политической системе Московского государства. Характерно, что осесть в Московском княжестве и жить под опекой великого князя были готовы лишь Джучиды, выехавшие в Москву уже в преддверии ликвидации Большой Орды как политического организма (Шейх-Аулияр, Шах-Али, Ядгар (будущий последний казанский хан), Дервиш-Али).

В конце XV века Чингисиды стали воспринимать Русское княжество как источник материальных благ. В это время как Москва, так и татарские ханства стали сознательно воспринимать русские города как «точки взаимосвязи» Московской Руси и Степи, как «способ оплаты» предоставляемых услуг, а другие – как трансформировавшуюся разновидность дани, которую им до сих пор должны. Так продолжалось до середины XVI века.

После взятия Казани и Астрахани поток Джучидов и ногайских мирз в Московское царство продолжается, так как они стали воспринимать его как более удобное место постоянной дислока-

ции (Кайбула, Токтамыш, Бек–Булат, Ибак, ногайские мирзы). Начиная с 1570-х гг. Москва старалась показать явное превосходство великого князя и царя перед последним сибирским ханом Кучумом. Переписка между последним сибирским ханом и московским царем Федором Ивановичем показывает, что к 1590-м гг. Сибирь стала московским владением. Не захватив окончательно Сибирское ханство, он уже мыслил Сибирь как свое владение. То, что вначале осторожно проделали со статусом Касимовского ханства, развили в случае с Астраханью, получило свое логическое завершение на примере Сибирского ханства. Полноценный, бывший еще формально независимым татарский юрт в понимании Москвы превратился в ее собственность.

Глава 2 «Татарские анклавы и политическое взаимодействие между Москвой и Степью» состоит из трех параграфов: первый параграф посвящен изучению положения татарских анклавов в структуре Московского государства, второй – выявлению особенностей Мещеры как точки пересечения московской и татарской истории, в третьем анализируется включенность Московского государства в позднесолотоордынскую политику. В совокупности они представляют опыт реконструкции взаимодействия Москвы и татарского мира.

Список городов и дворцовых волостей, жалующих татарской элите, достаточно обширен: Касимов, Кашира, Звенигород, Юрьев Польский, Серпухов, Сурожиж, Хотунь, «Андреев Городок Каменный», Новгород на Оке, Романов. Многие из этих городов и их уездов в разное время являлись уделами представителей различных ветвей московского правящего дома. Этот факт свидетельствует о высоком положении, которое занимали татарские выходцы в структуре знати Московского государства. С этой точки зрения возведение Иваном Грозным в 1575 году бывшего касимовского хана Саин-Булата (в крещении – Симеон Бекбулатович) в ранг «великого князя всея Руси» уже не кажется столь «загадочным» и «необъяснимым», как это представлялось некоторым историкам.

Как материальное, так и правовое положение татарской элиты в пожалованных городах менялось на протяжении всего изучаемого периода и во многом зависело от общего контекста московско-позднесолотоордынских отношений. Татарский правитель владел территорией условно, хотя в некоторых случаях и очень продолжительно. Изображать ее представителей как беспрекословных «слуг» великого князя некорректно. Для объяснения положения татар автор удачно использует понятие «послушания» татарского выходца великому князю, когда момент явного понижения статуса одного партнера по отношению к другому не присутствовал, но один из двух партнеров добровольно соглашался подчиняться другому.

Немаловажное значение во взаимоотношениях северо-восточных русских княжеств и татарских государств играл географический фактор: Москва вовлекалась в позднесолотоордынский мир через свои пограничные зоны. В этом отношении особое значение имеет образовавшееся в первой половине XV в. Касимовское ханство. Этот татарский анклав, как и другие подобные места, стал интегральной частью степной системы «юртов-уделов», точкой взаимосвязи татарского политического мира и Москвы. При этом Мещера была моделью, на основе которой строились схемы взаимодействия между другими татарскими образованиями Московского государства и внешним татарским миром.

Важнейшими событиями, заложившими и в дальнейшем изменившими принципы отношений между Москвой и татарским миром, были факты монгольского завоевания большинства русских княжеств правителем Бату в 1237–1241 гг. и московского завоевания Казанского и Астраханского ханств в 1552–1556 гг. Таким образом, вначале доминирующим партнером в отношениях между татарами и Москвой стала Орда и затем ее наследные ханства, начиная же с XVI в. эта роль постепенно переходит к Москве.

Эволюция отношений Москвы с татарским миром привела к тому, что она стала одним из членов этой системы, органически впитав многие ее принципы, особенно касающиеся внешней политики. Приняв ситуацию такой, какая есть, московские великие князья стали активно сотрудничать с татарами в XV – XVI вв., учась и набираясь у них специфического опыта. Татары же стали использовать своего «младшего брата» в ситуациях, когда им нужна была помощь. Сотрудничество и противостояние тесно соседствовали в отношениях между Москвой и Степью на протяжении всего изучаемого периода.

Автор монографии стремится донести до читателя понимание того, что история взаимоотношений Москвы с татарским миром – это неотъемлемая часть истории России, без её знания невозможно адекватное формирование целостного образа прошлого, настоящего и возможного будущего. Замысел автора предполагает через знакомство с историей взаимоотношений Москвы с

татарским миром сформировать знание о многогранном и сложном процессе становления российской государственности.

В приложении дана хронология основных событий, словарь терминов и персоналии, которые дают дополнительные сведения по изучаемой проблеме.

Конечно, в книге имеются спорные трактовки в освещении взаимоотношений Российского государства с татарским миром, роли и значения татарских анклавов (Касимов и Романов как место пересечения русской и татарской истории). Тем не менее, труд Булата Рахимзянова является существенным вкладом в дело изучения истории взаимоотношений Москвы и татарского мира и займет достойное место в ряде исследований, посвященных этой проблематике.

F.G. Islaev

MOSCOW AND THE TATAR WORLD: CONFRONTATION OR COOPERATION?

BOOK REVIEW: RAKHIMZIANOV B.R. MUSCOVY AND THE TATAR WORLD:
COOPERATION AND CONFRONTATION IN THE AGE OF CHANGE, 15TH – 16TH CENTURIES.

St. Petersburg: Evraziya, 2016. 396 p.

In this article the monograph by B.R. Rakhimzianov, devoted to research of relationship of the Moscow state with the Tatar khanates, is considered; undoubted advantages and minuses are noted. According to the reviewer's view, the book by B.R. Rakhimzianov is very important in the context of studying of Russian statehood's formation.

Keywords: Rakhimzianov B.R., Moscow Grand duchy (kingdom), Later Golden Horde Tatar khanates.

Сведения об авторе:

Ислаев Файзулхак Габдулхакович – доктор исторических наук, профессор Российского исламского института (г. Казань); fislaev@mail.ru

Islaev Fayzulkhak – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Russian Islamic Institute (Kazan)

УДК 94 (02)

**О КНИГЕ Б.Р. РАХИМЗЯНОВА «МОСКВА И ТАТАРСКИЙ МИР:
СОТРУДНИЧЕСТВО И ПРОТИВОСТОЯНИЕ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН, XV–XVI вв.»**

(СПб.: Евразия, 2016. 396 с.)

© 2017 г. С.А. Маслова

Рецензия на монографию Б.Р. Рахимзянова «Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен, XV–XVI вв.» (СПб.: Евразия, 2016). Книга рассматривает связи между Москвой и татарскими государствами, образовавшимися после распада Золотой Орды. В рецензии освещены наиболее яркие аспекты исследования, отмечены как сильные, так и слабые стороны работы.

Ключевые слова: Москва, татарский мир, юрт, Касимов, Мещера, политическая история.

В 2016 г. в издательстве «Евразия» вышло новое фундаментальное исследование Булата Раимовича Рахимзянова «Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен, XV–XVI вв.».

Монография посвящена изучению политики Московского княжества по отношению к государствам – наследникам Золотой Орды. Своей целью автор работы определил «характерными штрихами обозначить вовлеченность Москвы (Московского великого княжества, Московского царства) в сложную систему взаимосвязей поздnezолотоордынских государств XV–XVI вв.» (с. 8–9). В фокусе исследования – мирные переговоры московского правительства с представителями элиты татарских государств, а также места дислокации татарской знати на территории Московского государства. Б.Р. Рахимзянов сознательно исключил из сферы своих интересов военные конфликты Москвы и Степи (с. 8). Подобное ограничение нельзя назвать недостатком работы, однако, стоит отметить, что без учета военной составляющей невозможно получение комплексного представления о роли Московского княжества в системе политики поздnezолотоордынских государств. Исключение из повествования полной фактографии выездов в Московское государство всех знатных татар, а также биографий отдельных их представителей (с. 10) абсолютно оправдано. Справедливым представляется особое внимание автора к представителям правящей и претендующей на власть верхушки татарского общества. Суждение автора о Джучидах как о «наиболее показательном маркере» при анализе «включенности Москвы в поздnezолотоордынский мир через призму выездов татарской знати» (с. 10) возражений не вызывает.

Монография состоит из введения, обзора источников и историографии, двух глав основного исследования, заключения, списков использованной литературы и сокращений, трех приложений. В первой главе книги, озаглавленной «Выезды татар и восточная политика Москвы», представлены случаи выезда представителей татарской знати в Московское государство, а также факты «испомещения» этих людей на территории Московского княжества. Вторая глава, названная «Татарские анклавы и политическое взаимодействие между Москвой и Степью», характеризует места проживания татар в Московском государстве. В целом, работа представляет собой независимый взгляд на роль Москвы в качестве игрока активной борьбы наследников Золотой Орды за власть. Обратимся к наиболее ярким (на наш взгляд) моментам исследования.

Первыми Джучидами, прибывшими на территорию Московского княжества в поисках политического убежища, Б.Р. Рахимзянов назвал сыновей хана Тохтамыш Джелал ад-Дина и Керим-Берди (с. 36–41). В этом вопросе аргументация ученого уязвима. Он отметил неоднозначность свидетельства ибн Арабшаха о прибытии означенных сыновей хана Тохтамыш «в Россию»: это могли быть как территории Северо-Восточной Руси, так и Литвы (с. 37–38). Б.Р. Рахимзянов однозначно принял версию в пользу Руси и никак не прокомментировал возможность Литвы выступить местом пребывания Тохтамышевичей. Ученый отметил молчание русских источников о следах пребывания Джелал ад-Дина и Керим-Берди на территории не только Московского, но и других русских княжеств (с. 38). Даже если допустить желание Московского государства держать в тайне пребывание на своей территории сыновей Тохтамыш (с. 38), трехлетнее (с. 39) их пребывание в Моско-

вии не могло не отразиться на страницах русских источников. Тем более что, по словам самого автора, султаны прибыли с многочисленным окружением – семьями и военными (с. 40). Определить их возможное местопребывание на территории Московского государства ученый затрудняется (с. 39–40). В условиях отсутствия уверенной аргументации в пользу пребывания Джелал ад-Дина и Керим-Берди в Московском княжестве представляется поспешным вывод Б.Р. Рахимзянова о включении Москвы в систему позднезолотоордынской политики уже на данном этапе, т.е. в начале XV в. (с. 41). Таким образом, время возникновения контактов со «столкнувшимися с проблемами у себя на родине татарскими династиями» стоит сдвинуть и отнести не к 1407 г. (с. 9), а более позднему времени.

Особое внимание в исследовании уделено местам проживания татар на территории Московского государства. Вслед за А.В. Беляковым Б.Р. Рахимзянов перечисляет русские города, жалованные татарской знати, приводит основные факты владения ими (с. 144–158). Заслуживает доверия предложенная Б.Р. Рахимзяновым типология этих мест, основанная на размерах территории и продолжительности владения ею (с. 159–161). Автор выделяет три типа поселений. Первый тип – Касимов, второй – Романов. Это обширные владения, принадлежавшие своим татарским владельцам длительное время. Третий тип мест – поселения вроде Звенигорода, Каширы, Серпухова, Юрьева Польского. Эти места являлись татарским владениями непродолжительное время, территории их были невелики (с. 161).

Особый интерес представляет анализ власти татарских владельцев на пожалованных им местах. Б.Р. Рахимзянов рассматривает полный комплекс властных полномочий – военные, фискальные и административно-судебные (с. 162–169). Автор показывает, что во всех сферах деятельности определенными правами татарские владельцы «мест» обладали только по отношению к православному населению. Православное население находилось под юрисдикцией русской администрации (с. 162–163, 164–165, 169). Проведенный исследователем анализ военной, фискальной и судебной власти татарских владельцев не подтверждает вывод об их положении: «с 1450-х гг. примерно по 1540-е гг. стратегические вопросы финансового и административного управления всей пожалованной татарам территорией и ее населением (включая и православное, русское) решалось татарским владельцем данной территории (Джучидом) и его татарским окружением. Вероятно, что русская администрация на территории этих «мест» имела, но временно или постоянно (в зависимости от пожалованного «места») выступала управленцами Джучида и его татарского окружения, а не великого князя. Джучид как бы заменял великого князя в качестве *сюзерена* данной территории. При этом *верховным сюзереном* всегда оставался московский великий князь (Джучиду делегировались все властные полномочия *верховного сюзерена* – московского великого князя)» (с. 169–170).

Как и в любом исследовании, в работе Б.Р. Рахимзянова встречаются спорные трактовки (вроде факта выдачи Абд ал-Латифу судебника как аргумента в пользу представления об этом Джучиде как о верховном правителе Юрьева Польского (с. 168)) и предположения (вроде личной инициативы сыновей хана Тохтамыша искать убежища в Московии (с. 38)). Подобные явления не умаляют ценности проведенного исследования. Автору удалось показать всю неоднозначность процесса политического развития позднезолотоордынских государств. Взаимоотношения Москвы и татарского мира XV–XVI вв. развивались в условиях нивелирования роли татарских государств и усиления позиций их недавнего вассала – Московского государства. По мнению Б.Р. Рахимзянова, Москва выступила «внутренним игроком позднезолотоордынской политической сцены» (с. 234). Более того, Москва и сама «являлась специфическим, но все же одним из позднезолотоордынских государств» (с. 234). Насколько справедливы предложенные в монографии воззрения, рассудят время и дальнейшие исследования специалистов.

Работа Б.Р. Рахимзянова внесла значительный вклад в понимание взаимоотношений Москвы и позднезолотоордынских государств и заслуживает высокой оценки.

S.A. Maslova

**ABOUT THE BOOK OF B.R. RAKHIMZIANOV «MUSCOVY AND THE TATAR WORLD:
COOPERATION AND CONFRONTATION IN THE AGE OF CHANGE, 15TH – 16TH CENTURIES»
(St. Petersburg: Evraziya, 2016. 396 p.)**

Review on the book of B.R. Rakhimzianov «Muscovy and the Tatar world: Cooperation and Confrontation in the Age of Change, XV–XVI centuries» (St. Petersburg: Evraziya, 2016). The book deals on interactions between Muscovy and Tatar states, appeared after disintegration of the Golden Horde. Review covers the most fabulous aspects of research, mentions strengths and weaknesses of the book.

Keywords: Muscovy, the Tatar word, Iurt, Kasimov, Meshchera, political history.

Сведения об авторе:

Маслова Светлана Алексеевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник ФГБУН «Институт российской истории РАН» (г. Москва); sveta2687@yandex.ru

Maslova Svetlana – Candidate of Historical Sciences, Research Fellow of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

УДК 94(47)

СВОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ, ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ? МОСКВА И ТАТАРСКИЙ МИР В XV–XVI вв.

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: РАХИМЗЯНОВ Б.Р. МОСКВА И ТАТАРСКИЙ МИР:
СОТРУДНИЧЕСТВО И ПРОТИВОСТОЯНИЕ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН, XV–XVI вв.

СПб.: Евразия, 2016. 396 с.

© 2017 г. В.В. Пенской

В 2016 г. в Санкт-Петербургском издательстве «Евразия» вышла монография казанского исследователя Б.Р. Рахимзянова, посвященная анализу взаимоотношений между Москвой и татарским миром в XV–XVI вв. Отказавшись от описательного подхода при изучении этой проблемы, автор взял за основу проблемный, сконцентрировавшись на изучении аспектов, связанных с выездом на русскую службу представителей татарской аристократии и их обустройством на новом месте. Рассматривая эволюцию русско-татарских отношений в позднем Средневековье – раннем Новом времени на примере изменения статуса выезжих татарских династов и аристократов, автор исследования приходит к оригинальным выводам относительно характера «включенности» Москвы в политические и иные отношения на постордынском пространстве. В рецензии дается краткая характеристика структуры и содержания работы и отмечены некоторые дискуссионные моменты в концепции автора и его интерпретациях отдельных сюжетов русско-татарских отношений.

Ключевые слова: Русское государство, Москва, Большая Орда, Казанское ханство, Крымское ханство, Астраханское ханство, Ногайская Орда, русско-татарские отношения, вассалитет, данничество.

История изучения русско-татарских отношений, сыгравших столь значимую роль в жизни двух народов, насчитывает несколько столетий (если вести ее отсчет от «Скифской истории» А. Лызлова), и один только перечень работ, посвященных им, составит не один десяток страниц убористым шрифтом. Казалось бы, что еще можно добавить к этой теме, которая, на первый взгляд, вдоль и поперек изучена как отечественными, так и зарубежными историками (и не только ими)? Казанский историк Булат Рахимзянов попробовал сделать это в своем новом исследовании «Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен, XV–XVI вв.», которое вышло в 2016 г. в Петербургском издательстве «Евразия», хорошо известном как историкам, так и любителям качественной исторической литературы. Насколько удалось историку действительно внести новые нотки в основательно исписанную вдоль и поперек несколькими поколениями исследователей тему? Попытаемся и мы ответить на этот вопрос, а заодно и поделиться своими размышлениями над прочитанным...

Из аннотации к книге следует, что эта новая работа историка «рассматривает связи между Москвой и татарскими государствами, образовавшимися после распада Золотой Орды (Большой Ордой и ее преемником Астраханским ханством, Крымским, Казанским, Сибирским, Касимовским ханствам, Ногайской ордой) в XV–XVI вв.». Основной, стержневой вопрос в книге – «кем было Московское государство – внешним или внутренним игроком в системе наследников Улуса Джучи? Как менялся статус Москвы в татарском мире в течение изучаемого периода?». Впрочем, эти вопросы так или иначе, но ставились многими исследователями и до появления на свет этого исследования (см., например: Трепавлов, 2007; Хорошкевич, 2001), и будут ставиться (в этом нет никакого сомнения) и после. Отметим в этой связи, что буквально на днях в продаже появилось новое исследование Р.Ю. Почекаева, которое поднимает те же вопросы и те же проблемы, что и рецензируемая работа. И вышла эта книга во все том же издательстве «Евразия» (Почекаев, 2017). Однако, несомненно, последующие поколения историков непременно будут учитывать в своих изысканиях предложенные Б. Рахимзяновым «**широкие концептуальные обобщения**».

Мы не случайно выделили именно это место из аннотации. Среди моря научной литературы, посвященной истории русско-татарских связей (и использованной автором исследования, о чем свидетельствует научно-справочный аппарат к книге), не так уж и много работ, в которых присут-

ствовали именно концептуальные обобщения. И тем более важно появление именно такого рода концептуальные исследования сегодня, когда, с одной стороны, над историками не довлеет груз идеологической предопределенности, а с другой – в распоряжении современных исследователей есть немалый массив информации, наработанный предыдущими поколениями специалистов и нуждающийся в творческом осмыслении и переработке с учетом новых веяний и концепций. К тому же трудно не согласиться с мнением А.Я. Гуревича, который отмечал, что «источники сообщают историку только те сведения, о которых он эти источники вопрошает». Следовательно, сформулировав научную проблему и изменив в соответствии с ней вопросник, с которым исследователь подходит к источнику, можно получить новые сведения и, как итог, новую интерпретацию давно, казалось бы, известных и хорошо изученных событий (Гуревич, 2005, с. 436, 437). И следующий шаг на этом пути – это те самые широкие концептуальные обобщения, в которых, как нам представляется, нуждается современная российская историческая наука. Исходя из этого, попробуем проанализировать новую работу Б. Рахимзянова и те выводы и положения, к которым автор пришел в результате предпринятого им исследования хорошо изученной, на первый взгляд, проблемы.

Как обозначил цель своего исследования автор? Во введении к нему он писал по этому поводу, что «цель книги – характерными штрихами обозначить вовлеченность Москвы (Московского великого княжества, Московского царства) в сложную систему взаимосвязей позднесолотоордынских государства XV–XVI вв.» (с. 8–9). Чтобы ответить на вопрос, являлось ли «Московское государство внешним или же внутренним игроком в системе наследников Улуса Джучи» и каким образом менялся его статус в татарском мире (с. 10), автор начинает разматывать нить своего повествования со времен Василия I, с того момента, когда, согласно сведениям арабских источников, сыновья покойного Тохтамыша Джалал-ад-Дин и Керимберди попытались найти убежище от своего врага эмира Эдиге на Руси и доводит свое исследование до конца XVI в.

Характеризуя особенности отношений между Москвой и татарским миром в эти два столетия, Б. Рахимзянов резонно отмечает, что их никак нельзя свести только лишь к военному противостоянию. Напротив, продолжает он, «вектор прагматического сотрудничества в этих отношениях явно присутствовал, и вариации этой кооперации были многообразны» (с. 143). Исследуя черты этого «прагматического сотрудничества», автор исследования сделал упор на анализ обстоятельств, связанных с выездом представителей татарской знати, в первую очередь Чингизидов, на Русь, и их последующим «испомещением» (авторский термин) в русских землях. Из наблюдений за тем, как менялись эти обстоятельства, логичным образом вытекает и деление текста работы на две части. В первой, по словам автора, им исследовалось «влияние выездов татарской элиты на восточную политику Москвы, а также на ее место в системе наследников Улуса Джучи» (с. 10), тогда как во второй – «положение, которое занимали места проживания татар в Московском государстве – татарские анклавные – как во внутренней структуре Московской Руси, так и на международной арене», после чего историк подвергал анализу статус Москвы в постордынском мире «в целом» (с. 10).

В принципе, такая структура является логичной и приемлемой, особенно если принять во внимание оговорку, сделанную Б. Рахимзяновым во введении. «Я не видел своей основной задачей выявление и вынос на суд читателя каких-либо принципиально новых фактов (трудно найти такие, учитывая ограниченность и изученность источниковой базы по поднятой исследователем проблеме. – В.П.), – указывал он, так как «свою миссию я видел в акцентации – привлечении взора читателя к тем явлениям, которые, несмотря на свою принципиальность для проблематики, не получили должного внимания в историографии...» (с. 10). Собственно, это и есть тот самый подход, о котором и говорил А.Я. Гуревич и на который мы сослались выше – подойти к уже известным материалам с новым «вопросником» и, проанализировав хорошо известные тексты под иным, чем прежде, углом зрения, получить новое знание.

На какие моменты мы обратили внимание в первой главе работы, что показалось нам любопытным и заслуживающим внимания? Прежде всего это касается предложенной Б. Рахимзяновым периодизации русско-татарских отношений в изучаемое время. В них он выделяет три периода. Первый охватывает промежуток времени от начала XV в. до 1473 г. Маркером же, который отделяет этот период отношений Москвы с татарским миром, автор полагает новый оборот, который появляется в межкняжеских договорных грамотах – термин «Орда» заменяется с 1473 г. на «Орды». Для этого периода, по мнению исследователя, характерным является подчиненное положение Москвы по отношению к выезжим татарским династиям: «Его характерной особенностью было то, что приезды и оседания Чингизидов были инициированы Ордой и юрты им либо не выделялись

(как Тохтамышевичам), – пишет Б. Рахимзянов, – либо выделялись по требованию ордынского сюзерена как результат каких-либо «провинностей» московской стороны (как Касиму)...» (с. 55).

Развивая свою концепцию дальше, историк для второго периода русско-татарских отношений (последняя четверть XV в. – 1530-е гг.) полагает характерной четко обозначившуюся тенденцию на смену ролей в системе взаимоотношений Москвы и татарского мира. Если на первом этапе Москва, по его мнению, была в большей степени объектом, нежели субъектом во взаимоотношениях с постордынским миром, то сейчас инициатива постепенно переходит к ней, хотя татарская аристократия и стремилась сохранить устраивавшее ее прежнее положение дел не только юридически, но и фактически (с. 79). При этом, по мнению историка, зачастую именно представители татарской правящей элиты «являлись инициаторами в вопросах потенциального переезда в Москву, именно они, видимо, в немалой степени определяли и условия, на которых они согласны выезжать в «русский улус»...». Связано это было с тем, что, как считает Б. Рахимзянов, «татарская сторона в это время являлась превосходящей как в плане политического статуса, так и в плане военной мощи...» (с. 86). Однако Москва, пытаясь играть более активную, чем прежде, роль, неуклонно проводила в эти десятилетия гибкую, но от того не перестававшей быть весьма прагматичной и целенаправленной политику. Ожидая новых выездов татарской знати, она предлагала желавшим «опочинуть» в Русской земле татарским династам и нобилиям свою территорию как убежище от неурядиц и невзгод политической борьбы на осколках Золотой Орды (с. 55). При этом она, по словам историка, оставляла последнее слово за собой и «принимала и поддерживала высокий статус приезжих гостей только до тех пор, пока их собственные амбиции не выходили из фарватера московской политики. Как только это происходило, ее меры в отношении Джучидов были крайне жесткими ...» (с. 63).

Эта двойственность в отношениях между принимающей стороной и гостями была связана, по мнению историка, с двумя обстоятельствами. С одной стороны, отмечает исследователь, «положение и амбиции высшей прослойки позднезолотоордынских государств, которые еще не забыли времен безусловного господства над «русским улусом», видимо, не позволяли им рассматривать предложения от своего бывшего данника всерьез, либо они рассматривали их только тогда, когда их «истома» была особенно сильна...» (с. 68). Однако, с другой стороны, эти претензии должны были быть подкреплены реальным, осязаемым военно-политическим «весом» претендента. «Харизма в степном представлении была «прикреплена» к военной мощи; – отмечает исследователь, – иногда, слегка отсроченно, она шлейфом тянулась за уже несуществующей силой. Однако **это продолжалось не вечно** (выделено нами. – *В.П.*)...» (с. 117). С образованием единого (прежде всего в военно-политическом отношении – еще в 1995 г. отечественный исследователь А.А. Смирнов отмечал, что в процессе формирования единого Русского государства военная централизации предшествовала политической и экономической. См.: (Смирнов, 1994, с. 34)) Русского государства баланс сил явно сместился в пользу Москвы и изменения в отношениях между Москвой и возникшими на руинах Золотой Орды татарскими «юртами» не заставили себя долго ждать. Поскольку из всех татарских юртов только Крым обладал военным потенциалом, более или менее сравнимым (до поры до времени) с московским, то неудивительно, что Большая Орда на закате своего существования, Казань, Астрахань (и к этому списку мы добавим также и Ногайскую Орду – примитивность, архаичность государственных институтов в этом татарском юрте не позволяла эффективно использовать немалый военно-политический потенциал) были вынуждены де-факто признать превосходство Москвы. И, как отмечал Б. Рахимзянов, выезжавшие из этих юртов татарские династы и аристократы охотнее принимали те условия, которые выдвигала Москва, принимая их в своих владениях – их реальный политический статус не позволял им проявлять разборчивость (с. 117–118).

Отсюда вполне логичным выглядит заключение, которое делает автор. Отработав на выходцах из этих татарских юртов механизмы использования их в своих интересах, русская сторона с ростом своего политического и тесно связанного с ним военного могущества сочла «возможным превращать целые государства в разменные монеты своей внешней политики...» (с. 118). Вывод, на первый взгляд, может показаться несколько претенциозным. Но, с другой стороны, чем, как не разменной монетой, являлась судьба тех же Казанского и Астраханского юртов во 2-й половине 40-х – начале 70-х гг. XVI в., когда решался вопрос, кто будет верховным сувереном над ними – Москва, Ногайская Орда или Крым? Собственно говоря, это и составляет содержание третьего периода в истории развития отношений между Москвой и татарским миром, поворотным пунктом в которых

стало завоевание Иваном IV Казани и Астрахани в 1552–1556 гг. «Военные захваты московским великим князем и царем Иваном IV исконно татарских государств – Казани и Астрахани – в 1552–1556 гг. фактически разрушили прежде исправно работавшую систему, – пишет Б. Рахимзянов, – где татарская сторона по праву коллективного сюзерена занимала превосходящие позиции...» (с. 124). И это коренная смена ролей (совпавшая, кстати, по времени с началом упадка могущества Ногайской Орды), своего рода революция была осознана в Степи – Б. Рахимзянов очень к месту приводит высказывание некоего ногайского мирзы, который так передавал слова османского посланника, сказанные им ногайскому бию Юсуфу: «В наших деи в бусурманских книгах пишется, что те лета пришли, что русского царя Ивана лета пришли, рука ево над бусурманы высока...» (Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1551–1561 гг., 2006, с. 57).

Во второй главе своего исследования Б. Рахимзянов анализирует три аспекта московско-татарских отношений – особенности положения татарских «анклавов» внутри Русского государства; статус «фронтирных» зон (на примере Мещеры) и, наконец, на наш взгляд, самый важный и вместе с тем наиболее дискуссионный раздел в работе – «Маркеры включенности Московского государства в позднезолотоордынскую политику» с таким параграфом, как «Индикаторы неравноправия между Москвой и татарским миром». В первом параграфе главы исследователь дает, вслед за А.В. Беляковым, полный перечень тех городов и волостей, что жаловались московскими государями выезжим татарским династам, и делает попытку выявить особенности управления этими жалованными землями со стороны татарской администрации. Отметив, что характеристика владельческого статуса «выехавших» татарских аристократов чрезвычайно затруднена ввиду ограниченности и явной недостаточности источниковой базы, историк предлагает свой оригинальный взгляд на проблему. Если на первом этапе существования такой практики, до середины XVI в., властные полномочия пожалованных государевым жалованьем татарских династов были достаточно велики, в т.ч. и в сфере политической, то в последующие десятилетия они резко сокращаются. При этом автор предлагает разделить жалуемые волости на три категории – к первой относится Касимов как центр полунезависимого татарского ханства, ко второй – городок Романов, обиталище ногайских мирз из рода Мангытов. И, наконец, третий тип – все остальные города и волости, которые попеременно находились во временном владении как татарских, так русских (или литовских) аристократов. При этом на первом этапе действия практики пожалования земельных владений выезжим представителям татарской элиты, по мнению Б. Рахимзянова, «стратегические вопросы финансового и административного управления всей пожалованной татарам территорией и ее населением (включая и православное русское) решалось татарским владельцем данной территории», который выступал в данном случае *alter ego* великого князя – верховного сюзерена и владельца пожалованной земли (с. 169–170). Подчинялась новому пользователю земель и местная русская администрация.

Применительно к статусу Мещеры как «фронтирной» зоны между Москвой и татарским миром Б. Рахимзянов указывает, что московские государи использовали ее как своего рода «"кнут и пряник" для своих татарских союзников и оппонентов» и в итоге Мещера играла в русско-татарских отношениях двойственную функцию. С одной стороны, она была своего рода «щитом», прикрывавшим южные и юго-восточные рубежи Русского государства, а с другой являлась средством дипломатического давления на врагов великого князя (с. 194–195).

И, наконец, обратимся к третьему (и последнему – как в этой главе, так и в самой книге) параграфу исследования Б. Рахимзянова, в котором анализируются маркеры «включенности» Московского государства в политическое пространство постордынского мира. Еще раз обратим внимание на то обстоятельство, что именно этот параграф наиболее дискуссионен и вызывает наибольшее число вопросов. Однако об этом позже, а пока отметим, что автор придерживается той точки зрения, что отношения Руси и Орды практически изначально стоит описывать не в ключе «агрессивного противостояния», но под иным углом зрения. «Отношения между этими политиями были весьма прагматичными и, – продолжает он, – можно сказать, «вынужденно-дружественными»; религиозный и этнический антагонизм не играл существенной роли...» (с. 202). Как следствие, Московия, по мнению историка, и в политическом, и в экономическом отношении была «интегральной частью тюрко-татарского мира» (с. 202), в котором «любовь» и «недружба» тесно соседствовали...» (с. 214). И нельзя не согласиться с выводом Б. Рахимзянова, что «брак по расчету был нормой позднезолотоордынского мира» (с. 229).

Охарактеризовав в общих чертах структуру и содержание исследования казанского историка, теперь перейдем к проблемным, дискуссионным, на наш взгляд, местам в книге. Начнем с того, что Русская земля была «интегральной частью» тюркского мира существенно раньше, нежели сложился «татарский мир». С самого начала существования Древнерусского государства оно постоянно контактировало с кочевниками – печенегами, торками, половцами и иными. И в ходе этих контактов вырабатывались модели и традиции общения между русской и кочевой элитами, «встраивания» кочевых сообществ в политическую систему Русской земли («свои поганые» домонгольской эпохи). Автор верно подметил, что первоначальный шок от вторжения татаро-монголов (используем этот устоявшийся термин) довольно быстро прошел и перед русской правящей элитой встал вопрос о том, как относиться к новой волне пришельцев с Востока. И, когда автор работы говорит о прагматическом характере отношений между Русью и Ордой, то с этим можно и должно согласиться – так оно и было, причем осмелимся высказать крамольную мысль. Учитывая особый статус Русского улуса среди прочих золотоордынских улусов, можно ли вести речь о том, что не столько ордынские «цари» использовали Русь в своих интересах, сколько русские князья нашли оригинальный выход из сложившейся ситуации, обратив поражение в своего рода победу? Как бы то ни было, но, с одной стороны, под эгидой Орды будущее Русское государство получило возможность набрать силы и сохранить себя и свою «самость» от потенциальной угрозы поглощения и «переваривания» со стороны Литвы (достаточно вспомнить судьбу юго-западных и западных русских земель). С другой стороны, анализируя особенности эволюции отношений между Рюриковичами Русского улуса и ордынскими «царями» во 2-й половине XII и в особенности в XIV вв., трудно отделаться от мысли, что князья использовали силу и авторитет хана для разрешения своих междукняжеских споров и усобиц точно также, по той же модели отношений, как прежде делали Мономашичи и Ольговичи, привлекая на свою сторону «своих поганых» торков или половцев.

И если посмотреть на этот аспект «прагматичных отношений» Руси и Орды (а потом Москвы и татарских юртов) именно под таким углом зрения, то, предположим, сюжет о приезде в Москву Тохтамышевичей заиграет новыми красками. Проанализировав доступные сведения о пребывании сыновей Тохтамыша в гостях у Василия I, Б. Рахимзянов приходит к выводу, что «Москва на данном этапе своего развития была включена в позднезолотоордынскую политику на позициях подчиненной стороны», что «мнение ее правителей не интересовало представителей стороны коллективного сюзерена» и что «ее влияние на политической сцене Дешт-и-Кипчака в это время едва просматривалось и было минимальным: по масштабам оно было несопоставимым с влиянием Великого княжества Литовского...» (с. 41).

Любопытное, на наш взгляд, заключение, заслуживающее внимания, однако, по нашему мнению, несколько одностороннее и в каком-то смысле предвзятое, отражающее точку зрения лишь одной стороны-участницы событий, а именно татарской. В этом плане этот сюжет весьма показателен для характеристики метода автора. Вне всякого сомнения, по большей части прежняя российская историография, анализируя особенности русско-татарских отношений, занимала, если так можно выразиться, «промосковскую» позицию (что, впрочем, и немудрено, учитывая характер и состав источников). Естественно, в освещении этого и подобных ему сюжетов возник определенный «московский» перекокс, усугубленный к тому же и определенным переносом более поздних реалий на более ранние времена. В этом плане весьма показательными могут служить русско-крымские отношения времен Василия III, которые обычно характеризуются как минимум исходя из реалий второй половины XVI в., если не послесмутного времени, что, мягко говоря, не совсем верно и правильно. Поэтому, приветствуя перенос акцентов при рассмотрении нюансов русско-татарских отношений и их эволюции на взгляд с татарской стороны (что позволяет получить стереоскопический эффект – этот момент, безусловно, является важным результатом работы автора исследования), все же мы полагаем не торопиться с «широкими концептуальными общениями», сделанными на столь односторонней основе. И с учетом «московской» точки зрения сюжет с Тохтамышевичами выглядит совсем не так однозначно, как представляет его Б. Рахимзянов. Принимая у себя «царевичей», Василий I делал сознательный выбор, противопоставляя себя Эдиге, и многим рисковал ради Джалал-ад-Дина и Керимберди (в чем он вскоре имел возможность убедиться, подвергшись вторжению со стороны могущественного беклярибека). Никто и ничто не мешало ему, великому князю владимирскому и московскому, арестовать Тохтамышевичей (несколько сот вер-

ных нукеров – явно не та сила, с которой можно было навязать свое присутствие Василию, а ведь, согласно автору, именно так и получается) и выдать их затем Эдиге, заслужив тем самым признательность и с его стороны, и со стороны Пулад-бека, Чингизида, волею эмира вознесенного на ордынский престол. И трудно не согласиться с мнением Р.Ю. Почекаева, который в своем очерке о Эдиге отмечал, что Василий во всей этой истории вел свою игру, используя Тохтамышевичей в своих целях (Почекаев, 2012, с. 222–223).

Развивая этот сюжет, выскажем одно предположение. Можно ли полагать, что с того момента, как Русская земля стала Улусом Золотой Орды, прежняя политическая традиция на Руси умерла и на ее месте установилась радикально новая, не имевшая ничего общего с предыдущей? Такой расклад нам представляется более чем маловероятным. А если традиция не прервалась, а в худшем случае лишь несколько изменилась, сохранив в своей основе старую модель, то тогда кто и что могло помешать Василию I и его боярам попробовать сделать Тохтамышевичей «своими» «погаными»? (Впрочем, мы не исключаем и влияния субъективного фактора в этой истории – кто знает, какими были личные отношения Василия I с Джалал-ад-Дином и Керимберди?). И в таком случае как расценивать касимовский казус – как вынужденный шаг Василия II или же преднамеренные действия по «приручению» татарского «царевича»?

Вообще, так ли уж необычна была для московских великих князей практика приглашения и к себе на службу знатных аристократов (владельцев князей и представителей правящих домов) с наделением их городами и волостями «в кормление»? В 1408 г. к Василию I прибыл с многочисленной свитой литовский князь Свидригайло, младший сын великого князя литовского Ольгерда, а прежде него на службу к Дмитрию Ивановичу выезжали Андрей и Дмитрий Ольгердовичи – и все они получали в «кормление» города и тянувшие к ним волости. В чем принципиальная разница между тем же Джалал-ад-Дином и Свидригайло? И нужно ли для того, чтобы принять на службу татарских «царевичей», изобретать нечто новое, если сами механизмы принятия на службу выезжих из других земель представителей правящих родов и аристократических фамилий были уже отработаны, равно как и условия, на которых они получали «кормления»?

В этой связи стоит отметить, что Б. Рахимзянов, анализируя статус татарских «царевичей», не использовал материалы докончаний между великими князьями московскими и их удельной «братией». Вот, к примеру, исследователь пишет, анализируя обстоятельства и условия приглашения Иваном III, а затем Василием III, крымского «царя» Менгли-Гирея I на «опочив» в Москву: «Среди прочего интересен один момент – хан и его окружение вольны в своем праве покидать Московию и прибывать обратно: «добровольно приедешь, добровольно куды хочешь пойти, пойдешь; а нам тебя не держати». Как известно, данным правом свободного отъезда и приезда обладала и высшая властная прослойка Касимова. На данном этапе своего сотрудничества с татарскими государствами **Москва попросту не могла удерживать у себя этих персон против их воли – в силу своего все еще подчиненного положения в позднезолотоордынском мире** (выделено нами. – В.П.)...» (с. 61). Но, в таком случае, как тогда быть со стандартным оборотом в формулярах межкняжеских докончаний, в которых четко и недвусмысленно прописывалось условие – «а бояром и слугам межи на волным воля...» (См., например, докончанье между Дмитрием Ивановичем московским и Иваном Ивановичем рязанским: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей, 1950, с. 30). И если бояре и слуги князей имели право свободного отъезда, то почему этого права не должны были иметь татарские династы? И, в таком случае, стоит ли вести речь о некоем приниженном статусе московских князей по отношению к татарским аристократам, если правом свободного отъезда могли пользоваться явно стоящие ниже по социальному статусу бояре и слуги русских князей? Заметим, что, рассуждая подобным образом, можно сказать, что, к примеру, по отношению к князю Константину Острожскому Василий III занимал подчиненное положение, равно как и к будущему черкасскому старосте и грозе крымцев Остафию Дашкевичу – великий князь не смог удержать их при себе против их воли. А Иван IV был «подручником» знаменитого князя Вишневецкого, которого царь не смог заставить служить себе и дальше, когда Вишневецкий решил в очередной раз сменить место жительства и службы.

Стоит также отметить, что, говоря о статусе татарских «юртов», которые выделял выезжим татарским династам московский государь, на наш взгляд, стоит обратиться ко все тем же межкняжеским докончаньям. В них статус удела и особенности разграничения сфер компетенции между

великим князем и князем удельным четко прописывались. Вставляя раз от раза в грамотах словооборот «блости, и не обидити, ни вступатися» (См., например, Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей, 1950, с. 269), великий князь признавал тем самым суверенное право удельного князя распоряжаться в своем уделе и обязывался не вмешиваться в его действия. Равно и последний обещал не делать того же по отношению к землям великого князя. И если в своем уделе удельные князья не только вершили суд и расправу, но и выдавали кормленные грамоты, жаловали освобождением от повинностей, раздавали поместья и пр. (См., например: Бенцианов, 2010, с. 55–68; Зимин, 1960, с. 144–150; Кобрин, 1962, с. 318–322; Памятники русского права, 1955, с. 158–160), то почему такими правами не могли пользоваться выезжие татарские династы? И в чем тогда, в таком случае, проявлялась «приниженность» московских государей перед ними? Можно, конечно, возразить, что выезжие татарские династы не были собственниками пожалованных им городов и волостей, а пользовались доходами с них, «кормились». Но, в таком случае, можно привести в качестве примера устойчивый словооборот из государевых кормленных грамот: «И вы, все люди тое волости, чтите его (кормленщика. – *В.П.*) и слушайте, а **он вас ведает, и судит, и ходит у вас во всем по тому, как было преже сего** (выделено нами. – *В.П.*)...» (Памятники русского права, 1955, с. 156). И ради того, чтобы отправить кормленщиком в ту же Каширу татарского «царевича», в Москве стали бы измышлять новую грамоту и новые формулировки? Представить такой поворот событий крайне сложно и, очевидно, что, скорее всего, статус татарского династа, получившего русский город и волостью в «кормление» (термин «владели», который Б. Рахимзянов регулярно употребляет, нам представляется неудачным, не отражающим действительный порядок вещей), не отличался от статуса русского кормленщика.

Можно привести и еще один пример ненужного, по нашему мнению, умножения сущностей. Так, Б. Рахимзянов пишет, что «отряды выезжей татарской знати вели себя на территории «русского улуса» достаточно бесцеремонно, наверное, памятуя о временах ордынской зависимости...» (с. 173). Однако как в таком случае можно характеризовать поведение собственно русских войск, которые вели себя в русских же землях не менее бесцеремонно (как это было, к примеру, накануне печально памятной «белевщины» или в 1480 г. на Псковщине, когда дети боярские удельных князей Андрея и Бориса Васильевичей беспощадно грабили местных жителей)? Такое поведение никак ведь нельзя объяснить ордынским наследием.

Столь же неоднозначной выглядит и ситуация с пресловутыми «поминоками». Приведем цитату из одной из последних работ В.В. Трепавлова: «Условиями же пользования уделом (т.е. улусом. – *В.П.*) для его правителя являлись исправная выплата податей населением, поддержание порядка и стабильности на подконтрольных землях, мобилизация в ополчение определенного количества рядовых кочевников от каждого десятка, сотни и т.д... Хан мог менять держателей улусов, отбирая и передавая уделы по своему усмотрению. При этом границы улусов, очевидно, оставались неизменными...» (Трепавлов, 2015, с. 204). Можно ли считать выплаты со стороны вассала своему сюзеру «данью»? Мы склоняемся к тому, что все же нет – все же есть разница между данническими отношениями и отношениями вассальными, тем более, если исходить из того, что, как уже было отмечено выше, Русский улус находился на особом положении среди прочих золотоордынских улусов, а русские князья занимали далеко не самое последнее место среди ордынской аристократии (мы бы все-таки сравнили статус русских великих князей, в особенности московских и владимирских, со статусом по меньшей мере карачи-беков).

В контексте новой трактовки взаимоотношений между Москвой и татарским миром, предлагаемой Б. Рахимзяновым, концепт «дани» выглядит своего рода реликтом старой «имперской» традиции восприятия сущности этих взаимоотношений. Да и потом, если посмотреть на проблему «поминок» с московской стороны, нетрудно заметить, что Москва понимает их именно как жалование за службу (на что, впрочем, указывает и сам автор исследования). И, допустим, когда историк (ссылаясь на мнение С.Ф. Фаизова) пишет о том, что, к примеру, Москва трижды письменно подтверждала свои обязательства по выплатам – в 1521, 1539 и 1576 гг. (с. 198), то здесь есть некоторое лукавство. 1521 г. – особый случай, Василий III потерпел жестокое поражение от Мухаммед-Гирея I, и пресловутая «магмет-киреева дань» были следствием именно этого поражения (впрочем, она так никогда и не выплачивалась). В 1539 г. обещание выплаты поминок последовало вслед за угрозой Сахиб-Гирея I вмешаться в русско-казанский конфликт и обещание (не обязательство!)

отправить поминки стало со стороны Москвы не более чем способом разрешить конфликт мирным путем, путем уступок (по-любому дешевле заплатить, нежели вести полномасштабную войну). Равно и Иван Грозный в 1576 г. обещал (но не обязывался!) выслать поминки лишь как знак своей готовности «быть в крепкой дружбе и в братстве, и в любви» с Девлет-Гиреем I (Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1571–1577 гг., 2016, с. 246). Рассуждая подобным образом, можно утверждать, к примеру, о неравноправии Константинополя по отношению к Олегу Вещему или Игорю Старому, на том основании, что византийцы платили киевским князьям некую «дань». И, продолжая византийские аналогии, можно с уверенностью сказать, что и для Москвы, и для Вильно выплаты в Крым (или в иные татарские юрты) были дешевым и достаточно эффективным способом решения внешнеполитических проблем и снижения напряженности на границе.

Завершая тему поминок как индикатора «неравноправия» Москвы и татарского мира, подчеркнем: если поминки являются элементом торга, если на их выплате настаивают, угрожая в противном случае войной – так кто кому что должен? Тут ситуация больше похожа на неравноправие, но с обратным знаком – будете себя хорошо вести, будут вам поминки, не будете – мы еще посмотрим, стоит ли платить отступное.

В целом же, несмотря на отмеченные дискуссионные и спорные места в работе казанского историка, новое исследование Б. Рахимзянова, безусловно, заслуживает внимания, и, отражая неординарный подход к анализу проблемы, своими оригинальными, заставляющими задуматься выводами даст новый толчок русско-ордынским штудиям в России и за ее пределами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бенцианов М.М. Служилые люди Юрия Дмитровского. Поместная политика // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2010. № 3. С. 55–68.
2. Гуревич А.Я. О кризисе современной исторической науки // Гуревич А.Я. История – нескончаемый спор. М.: РГГУ, 2005. С. 427–455.
3. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.-Л.: АН СССР, 1950. 586 с.
4. Зимин А.А. Из истории центрального и местного управления в XVI в. // Исторический архив. 1960. № 3. С. 144–150.
5. Кобрин В.Б. Две жалованные грамоты Чудову монастырю: (XVI в.) // Записки отдела рукописей, Вып. 25. М.: Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина, 1962. С. 318–322.
6. Памятники русского права периода образования Русского централизованного государства XIV–XV вв. Вып. III. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1955. 527 с.
7. Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1571–1577 гг. М.: Издательский дом Марджани, 2016. 400 с.
8. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. Казань: Татарское книжное издательство, 2006. 391 с.
9. Почекаев Р.Ю. Из вассалов в сюзерены. Российское государство и наследники Золотой Орды. СПб.: Евразия, 2017. 432 с.
10. Почекаев Р.Ю. Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб.: Евразия, 2012. 464 с.
11. Смирнов А.А. Государство сражающейся нации // Родина. № 9. 1994. С. 34–38.
12. Трепавлов В.В. «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М.: Восточная литература РАН, 2007. 256 с.
13. Трепавлов В.В. Степные империи Евразии. М.: Квадрига, 2015. 368 с.
14. Хорошкевич А.Л. Русь и Крым: от союза противостояния. Конец XV – начало XVI вв. М.: Эдиториал-УРСС, 2001. 336 с.

*V.V. Penskoy***AT HOME AMONG STRANGERS, A STRANGER AMONG FRIENDS.
MOSCOW AND THE TATAR WORLD IN THE 15TH – 16TH CENTURIES**

BOOK REVIEW: RAKHIMZIANOV B.R. MUSCOVY AND THE TATAR WORLD:
COOPERATION AND CONFRONTATION IN THE AGE OF CHANGE, 15TH – 16TH CENTURIES.
St. Petersburg: Evraziya, 2016. 396 p.

In 2016 the St. Petersburg publishing house «Evrasiya» published a monograph by Kazan researcher B.R. Rakhimzianov. The book is devoted to the analysis of relationship between Moscow and the Tatar world in the XV–XVI centuries. The author declined the descriptive approach in studying the problem. He took the «problem» approach as a basis. The author's attention was focused on studying the problems of transition to the Russian service of representatives of the Tatar aristocracy and their arrangement in a new place. Considering the evolution of Russo-Tatar relations in the late Middle Ages – early Modern Time by changing the status of departing Tatar dynasties and aristocrats, the author of the study comes to the original conclusions about the nature of the «involvement» of Moscow in political and other relations in the post-Golden Horde space. The review gives a brief description of the structure and content of the work and notes some discussion points in the author's concept and his interpretations of individual subjects of Russo-Tatar relations.

Keywords: Russian state, Moscow, Great Horde, Kazan khanate, Crimean khanate, Astrakhan khanate, Nogai Horde, Russian-Tatar relations, vassal relations, tribute relations.

Сведения об авторе:

Пенской Виталий Викторович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории истории государства и права Белгородского национального исследовательского университета (г. Белгород); penskoy@bsu.edu.ru

Penskoy Vitaliy – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Theory of the History of State and Law, Belgorod National Research University (Belgorod)

УДК 94(47)

МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ПОСТ-ОРДЫНСКИЕ ХАНСТВА: НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ ОТНОШЕНИЙ?

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: РАХИМЗЯНОВ Б.Р. МОСКВА И ТАТАРСКИЙ МИР:
СОТРУДНИЧЕСТВО И ПРОТИВОСТОЯНИЕ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН, XV–XVI вв.

СПб.: Евразия, 2016. 396 с.

© 2017 г. Р.Ю. Почкаев

В рецензии анализируется новая монография известного казанского исследователя пост-ордынского периода Б.Р. Рахимзянова, посвященная особенностям взаимоотношений Московского государства и пост-ордынских государств в XV–XVI вв. Автор анализирует эти отношения преимущественно на основе информации о выездах представителей татарской элиты (царевичей-Чингизидов и представителей княжеских родов менее знатного происхождения) в Москву и о владениях этих представителей в пределах Московского государства. Б.Р. Рахимзяновым предпринимается попытка доказать, что Москва в отношениях с пост-ордынскими государствами выступала как такой же наследник Золотой Орды, что и татарские ханства. В рецензии дается общая характеристика структуры и содержания монографии, выявляются ее достоинства и некоторые недостатки.

Ключевые слова: Московское великое княжество, Московское царство, тюрко-татарские государства, Казанское ханство, Крымское ханство, Астраханское ханство, Сибирское ханство, служилые Чингизиды, вассалитет, автономия.

Новая монография известного казанского историка Б.Р. Рахимзянова, в течение длительного времени занимающегося проблемами взаимоотношений Московского государства с поздней Золотой Ордой и ее наследниками, является своеобразным подведением промежуточных итогов его изысканий. Автор книги поставил своей целью представить новую концепцию отношений Москвы с государствами на пост-ордынском пространстве, центральным тезисом в рамках которой выступает утверждение, что Московское великое княжество (а с середины XVI в. – Московское царство) являлось равноправным участником этих отношений, по сути – таким же наследником Золотой Орды, что и татарские ханства.

Актуальность рецензируемой монографии представляется несомненной, поскольку результаты исследований современных авторов по истории отдельных пост-ордынских государств (Казанское, Астраханское, Крымское Сибирское ханства, Ногайская Орда) и их отношений с Москвой нуждаются в своего рода систематизации, каковую, по сути, и предпринимает Б.Р. Рахимзянов в своей книге.

С методологической точки зрения несомненным достоинством монографии является тот факт, что автор не свел свое исследование к последовательному пересказу истории развития отношений Москвы с «татарским миром» в XV–XVI вв. (хорошо известной как по источникам, так и по многочисленным исследовательским трудам), а предпочел рассмотреть отдельные, но весьма важные аспекты этих отношений – выезды представителей татарской элиты (царевичей-Чингизидов, князей, мурз и т.д.) в Москву и статус татарских владений (*юртов*) в Московском государстве. Анализ этих сведений и позволил Б.Р. Рахимзянову сделать вывод о вовлеченности Московского государства в политическую жизнь пост-ордынских государств как равноправного участника, использующего те же инструменты «сотрудничества и противостояния», какие использовались и другими участниками этого процесса – тюрко-татарскими ханствами.

Книга состоит из введения, обзора источников и историографии, двух глав, каждая из которых делится на три параграфа (в свою очередь, разделенных на небольшие подразделы), заключения, примечаний, библиографии (с дополняющим ее списком сокращений) и приложений, а также – сведений об авторе и резюме на английском языке.

Во введении (с. 7–11) автор определяет цель и задачи работы, ставит основной вопрос, на который намерен ответить в своей книге – была ли Москва внешним или внутренним участником отношений на пост-ордынском пространстве, раскрывает несколько ключевых понятий, которыми он в дальнейшем оперирует.

Обзор источников и историографии (под названием «Отражение позднезолотоордынской ситуации в текстах», с. 12–34) Б.Р. Рахимзянова демонстрирует отличное знание комплекса источников и исследовательских работ по проблематике своего исследования, что, конечно же, повышает доверие читателя к выстраиваемой им концепции и сделанным по итогам исследования выводам. Тем не менее, хотелось бы отметить, что сам «историографический раздел» книги в ее структуре представляется несколько «подвешенным в воздухе»: возможно, автору следовало бы либо включить его во введение, либо сделать первой главой своей работы. Кроме того, представляется, что, отразив степень разработанности темы книги в трудах отечественных и западных исследователей, Б.Р. Рахимзянов не учел работы восточных авторов, в частности – турецких. В своей книге он упоминает лишь две работы Х. Иналчыка, а между тем, тематика отношений на пост-ордынском пространстве нашла отражение в трудах ряда и других авторов – в частности, А.Н. Курата, А. Мелек Озъетгин, С. Аджара и др. Интерес турецких авторов к проблематике, поднятой в книге Б.Р. Рахимзянова, представляется вполне объяснимым: ведь в этот период (в отличие от более раннего, золотоордынского) Османская империя существенно активизировала свою политическую деятельность на пост-ордынском пространстве, и ее отношения как с Москвой, так и с тюрко-татарскими государствами становились все более плотными и значительными.

Первая глава монографии посвящена проблеме «выездов» татар и связанной с ними политике Московского государства по отношению к пост-ордынским государствам (с. 35–142).

В первых двух параграфах главы автор рассматривает в хронологической последовательности особенности политических взаимоотношений Москвы с поздней Золотой Ордой (1430–1470-е гг.), а затем – с Большой Ордой и Крымским ханством (1470–1530-е гг.). Б.Р. Рахимзянов демонстрирует не только знание тематики, умение уместно привлекать источники и критически оценивать результаты ранее проведенных исследований, но и способность делать обобщающие выводы, тем самым внося существенный вклад в изучение тематики отношений Москвы и татарских ханств в рассматриваемый период. К числу наиболее важных наблюдений Б.Р. Рахимзянова, на наш взгляд, принадлежит особенность понятия «служба» применительно к выезжим Чиингизидам: на основе анализа документов автор книги приходит к мысли, что татарские царевичи не «служили» московским государям по меньшей мере до середины XVI в. (с. 118–124). Между тем другие исследователи употребляют термин «служилые царевичи» начиная с выездов в Москву в начале 1470-х гг. (см., напр.: Беляков, 2011, с. 376).

Однако третий параграф первой главы, посвященный «татарским юртам», который, несомненно, имеет прямое отношение к тематике книги, на наш взгляд не совсем логично включен в первую главу – поскольку «татарским анклавом» непосредственно посвящена вторая глава рецензируемой монографии.

Некоторая непоследовательность, впрочем, присутствует не только в структуре книги, но и в отдельных умозаключениях автора. Например, на с. 42 он в начале абзаца пишет, что «Кучук-Мухаммеду удалось выдворить Улуг-Мухаммеда», а в конце того же абзаца – что «Мангыты выбрали своим ханом Кучук-Мухаммеда, сместив Улуг-Мухаммеда». Возможно, Б.Р. Рахимзянову следовало бы как-то более подробно описать эту ситуацию, чтобы прояснить такое противоречие.

Некоторым доводам автора не хватает убедительности. На с. 53 автор утверждает, что Касимовское ханство было подвластно Улуг-Мухаммеду – подобный тезис, в общем-то, фигурировал и в первой его монографии (Рахимзянов, 2009, с. 56–57). Однако ссылок на достоверные источники (каковыми, в частности, могли бы выступать соответствующие официальные акты) при этом не приводится. Более того, уже на с. 55 автор повторяет свое утверждение, используя предположительный оборот «видимо».

Аналогичным образом на с. 102 он выказывает предположение, что русскому термину «поместье», обозначающему территории, переданные московскими государями выходцам из татарских ханств, «возможно» (sic!) соответствовал татарский термин «юрт». Несмотря на предположительный характер, автор книги тут же начинает развивать мысль о снижении статуса «юртов». А на с. 107 русские города во владении татарских выходцев уже однозначно называются автором книги юртами.

На с. 73 Б.Р. Рахимзянов утверждает, что Шейх-Ахмед был последним ордынским ханом, в зависимости от которого находилась Москва. Насколько нам известно, никаких свидетельств зависимости Московского государства от этого хана не имеется.

Также, порой, вероятно, увлекаясь изучаемым материалом и желанием продвинуть собственную концепцию, Б.Р. Рахимзянов допускает не вполне корректные формулировки. Так, например, на с. 57 он упоминает среди «государств, ранее на разных условиях входивших в Улус Джучи», не только Московское великое княжество, но и Великое княжество Литовское. Дальнейший текст книги не позволяет понять, является ли это неправильной формулировкой, или же автор действительно считает, что Литва входила в состав Золотой Орды.

Нельзя не отметить и некоторые фактические ошибки автора, которые не были бы допущены в случае обращения автора к специалистам или, по крайней мере, если бы автор более осторожно обращался со специфическими терминами и категориями, нередко играющими важную роль в его концептуальных построениях. Так, на с. 36 он уверенно пишет о замене лестничной системы наследования престола на передачу его от отца к сыну, установленную, якобы, еще при золотоордынском хане Узбеке. Между тем, упоминаемый им случай – как раз исключение, тогда как в целом и для Золотой Орды, и для ее наследников (как, впрочем, и для других чингизидских государств на протяжении всего времени их существования) была характерна неопределенность в порядке престолонаследия, которая и объясняет многочисленные перевороты и гражданские войны Чингизидов. Приведем, в частности, пример, географически и хронологически относящийся к тематике рецензируемой работы: занятие трона крымского хана Гази-Гирея I (сыном убитого Мухаммед-Гирея I) в 1523 г. не было признано членами рода, и вскоре он был свергнут и убит своим дядей Сафа-Гирея I, претендовавшим на трон как раз как старший в роду.

На с. 74–75 Б.Р. Рахимзянов считает Ногайскую Орду одним из «позднезолотоордынских государств», а между тем основной исследователь ее истории В.В. Трепавлов (на которого автор рецензируемой работы неоднократно ссылается) считает ее либо «составным воцелством», либо, в крайнем случае, «зачаточным государством» (Трепавлов, 2001, с. 448–458). Также представляется сомнительным утверждение автора книги о «самой большой коннице (и, соответственно, военной силе в целом)» Ногайской Орды, правители разных частей которой никогда не объединяли все свои силы, действуя в разных частях бывшей Золотой Орды и нередко вступая в конфликты друг с другом.

В прим. 269 (с. 261) Б.Р. Рахимзянов называет Ибака «ханом Ногаев», что не представляется корректным: Чингизиды никогда не возглавляли Ногайскую Орду, и тот факт, что их поддерживали представители ногайского правящего рода, отнюдь не делало их «ханами Ногайской Орды», как их в свое время ошибочно обозначил Ж.М. Сабитов (Сабитов, 2009).

На с. 111 Б.Р. Рахимзянов называет Астраханское ханство наследником «Престольного владения» «в династическом смысле» и объясняет именно этим интерес Москвы к этому государству. Мысль о преемстве Астраханского ханства от Золотой Орды в династическом отношении в свое время высказал еще И.В. Зайцев (Зайцев, 2006, с. 61), но вряд ли стоит этим объяснять активный интерес Москвы к нему. Тем более, что в политическом смысле основным преемником Золотой Орды выступило не Астраханское, а Крымское ханство (см. подробнее: Collins, 1991).

Наконец, нельзя не выразить сожаление, что в ряде случаев важные наблюдения или утверждения Б.Р. Рахимзянова не находят развития в его монографии: он ограничивается лишь описанием или констатацией соответствующего факта. А между тем, если бы он уделил ему больше внимания, это существенно дополнило бы его концептуальные построения, сделало бы его версию анализируемых событий более аргументированной и убедительной.

Например, на с. 60 он пишет, что в 1480-е гг. «Москва оставалась плотно интегрированной в систему наследников Улуса Джучи», при этом приводя в качестве довода, что Иван III не стал удерживать у себя беглого царевича Джанибека «из-за его высокого положения». На наш взгляд, автору следовало бы развить эту мысль и как-то подкрепить ее, определить механизмы интеграции и т.п. Принятие беглых представителей правящих родов соседних государств с целью впоследствии использовать их в качестве политического инструмента было распространенной практикой во все времена и, как представляется, отнюдь не означает, что принимающее государство действовало в рамках традиций своих соседей. В частности, Российская империя в XVIII–XIX вв. давала убежище претендентам на трон или свергнутым правителям из монгольских (Джунгария) или среднеазиатских (Бухара, Хива, Коканд) ханств, при этом отнюдь не становясь одним из них, а выступая именно в качестве арбитра или даже сюзерена-протектора.

На с. 100 Б.Р. Рахимзянов упоминает о передаче татарским выходцам городов «со всеми пошлинами» (в данном случае – Серпухова, Хотуни и Каширы Мухаммед-Амину в 1497 г.). Как представляется, именно на таких моментах автору следовало бы сосредоточиться более подробно, развить мысль о статусе такого владельца и подвластных ему территорий в отношении с московскими государями. Это стало бы ценным дополнением к его построениям о специфике взаимоотношений Москвы с «татарским миром». Увы, автор опять ограничивается констатацией...

На с. 126 Б.Р. Рахимзянов упоминает, что Иван IV стал «старшим государем» по отношению к ряду татарских государств. Здесь автору, опять же, следовало бы больше внимания уделить этому институту «старших государей», который, и в самом деле, использовался в тюрко-монгольской государственной традиции (см., напр.: Султанов, 2006, с. 94–95, 302). Если бы автор книги уделил внимание этому аспекту, его тезис о прямой вовлеченности Москвы в политические реалии «татарского мира» выглядел бы куда более убедительным. Но и в данном случае автор не выходит за рамки краткого наблюдения.

Вторая глава книги (с. 143–232) посвящена «татарским анклавам», и здесь также следует обратить внимание на некоторое структурное логическое несоответствие. Речь (как и в первой главе!) идет о последнем параграфе, который, как нам представляется, является, пожалуй, самым важным и концептуальным в книге, но при этом совершенно неуместным во второй главе. На наш взгляд, он вполне мог бы быть вынесен (при условии некоторого увеличения объема) в самостоятельную главу.

Наряду с достоинствами (важными наблюдениями и прекрасно проведенным анализом источников и мнений исследований) в этой главе присутствуют некоторые недостатки, во многом перекликающиеся с выявленными нами в первой главе.

Например, на с. 161 автор упоминает, что татарские владельцы Касимова и Романова сами осуществляли всю полноту административной и судебной власти. Далее же следует «повисшая в воздухе» фраза: «Татары получали денежные доходы с этих городов». Как представляется, автору следовало бы гораздо более подробно проанализировать совокупность полномочий татарских правителей в упомянутых городах. Получение доходов отнюдь не свидетельствует о каком-то особом статусе получателя: еще в раннем средневековье в Западной Европе использовалось понятие «бенефиций», т.е. некое владение, с которого номинальный владелец получал доходы, но не вмешивался в управление соответствующей территории. Если же владелец имел исключительные права и иммунитеты в административной и судебной сфере, то он являлся полноправным «феодалом» (в русской терминологии – удельным правителем). Именно на этом, по нашему мнению, и надо было строить свою аргументацию Б.Р. Рахимзянову, который «традиционно» ограничивается констатацией факта и неким общим выводом.

Досадную ошибку Б.Р. Рахимзянов допускает на с. 163, когда пишет о «номинальном подчинении» хану Мухаммед-Амину в походе князей Ф. и И. Палецких, считая их «наблюдателями» московского государя при хане, возглавлявшем одно из воинских соединений в походе. Почему-то автор книги игнорирует явление местничества, которое в это время имело широкое распространение в Московском государстве, и выходцы из татарских ханств прекрасно вписывались в эту систему. Более того, ряд исследователей полагает, что даже сама система местничества имела ордынское происхождение (см., напр.: Леонтович, 1879, с. 268–269; Камалов, 2016, с. 201–202; ср.: Аверкиев, 2015, с. 66–67). Полагаем, что подобный факт, опять же, мог бы послужить дополнительным доводом в пользу концепции автора книги о «вовлеченности» Москвы в отношения постордынских государств в качестве равноправного участника, действующего в той же системе политико-правовых традиций, что и они.

Во второй главе также встречаются примеры не вполне удачных попыток Б.Р. Рахимзянова разобраться в правой природе некоторых аспектов взаимоотношений Москвы с татарскими выходцами и их «юртами». Так, на с. 170 он пишет, что «Джучид как бы замещал великого князя в качестве *сюзерена* данной территории». Слово «замещал» представляется в данном контексте совершенно неудачным: московский великий князь в силу своего статуса юридически и не являлся «сюзереном» каждой отдельной территории (волости, уезда и пр.), входившей в состав его владений; каждой такой территорией владел назначенный им наместник, которому великий князь *делегировал* определенную совокупность властных полномочий в соответствующих территориальных пределах.

Также позволим себе не согласиться с выводом Б.Р. Рахимзянова об «автономности» Мещеры на основании послания Ивана III кафинцам 1474 г., в котором он снимает с себя ответственность за грабеж касимовцами торгового каравана и выказывает отсутствие интереса к тем, кого касимовский владелец принимает на службу или увольняет от нее (с. 182). На наш взгляд, если опираться

на этот документ, касимовский правитель и предстает перед нами простым наместником великого князя, имеющим право самостоятельно набирать себе штат чиновников и обязанным поддерживать порядок на вверенной ему территории (в т.ч. и безопасность торговых путей). Полагаем, что для подтверждения автономного статуса Касимовского ханства (Мещеры) Б.Р. Рахимзянову следовало бы опираться на другие источники.

Как уже отмечалось выше, третий параграф второй главы представляется наиболее важным и последовательным с точки зрения логики и концептуальности. Однако впечатление от него также снижается за счет нескольких не вполне корректных утверждений автора.

Например, на с. 197 присутствует довольно странная фраза: «Чингизиды воспринимали подчиненные славянские территории как единый «русский улус» и в то же время как совокупность княжеств – улусов Монгольской империи». Автор и тут остается «верным себе»: он не развивает эту мысль, которая при соответствующем развитии могла бы стать, возможно, важным элементом выстраиваемой им концепции, а в имеющемся виде представляет некоторую загадочность для читателя...

Также не считаем возможным принципиально согласиться со следующим утверждением Б.Р. Рахимзянова: «Вместо того, чтобы пытаться интегрировать татар в социальную структуру Московского княжества-государства [кстати, и сам данный термин выглядит немного странным. – Р.П.], московские правители воспроизвели степной институт, юрт, на своей территории, во главе с великим князем в традиционной степной роли «распределителя юртов»» (с. 199). По нашему мнению, татарские царевичи и другие представители знати были в достаточной степени интегрированы в сановную и военную иерархию Московского государства, а в их «юртах» действовала московская система налогов и сборов, традиционная система социально-экономических отношений, не говоря уж о русских чиновниках, «прикрепленных» к татарским владетелям в качестве «наблюдателей» (о которых выше упоминает и сам автор книги).

Таким образом, анализ основного содержания рецензируемой книги позволяет высоко оценить уровень научной разработки рассматриваемой проблематики Б.Р. Рахимзяновым, владение источниками и литературой, способность к анализу, систематизации и грамотную аргументацию своей позиции. Тем не менее, неизбежные в рамках столь масштабного исследовательского проекта недостатки все же имеют место быть и служат причиной некоторой уязвимости позиции автора книги по ряду исследуемых им аспектов и сделанных выводов.

Библиографический отдел монографии (с. 314–355), как и вышеупомянутый обзор источников и литературы, отражает хорошее знание автором историографии вопроса и учет им степени разработанности тематики исследования. Однако несколько смущает его название «Избранная библиография», на наш взгляд, более уместное в научно-популярной или учебно-методической работе. Увидев его, читатель не может не задать себе два вопроса: 1) в какой мере автор книги учел все более-менее значимые работы по тематике своего исследования, если сам обозначил библиографию как «избранную»? 2) все ли источники и исследования, вошедшие в библиографию, были изучены автором и использованы им при написании книги?

Полезными представляются приложения, включенные автором в издание. Первое, хронология событий, анализируемых в монографии (с. 357–362), несомненно, поможет читателю лучше ориентироваться в их последовательности. Второе, словарь терминов (с. 363–369), конечно же, необходим для читателей, не являющихся специалистами по проблемам истории, государства и права тюрко-монгольских государств, хотя, помимо «экзотических» терминов (имеющих тюркское или монгольское происхождение), автор счел целесообразным включить также и термины, имеющие русское (волость, дети боярские, уезд и др.) или западное (патронат, фронтир) происхождение. Что же касается третьего раздела, «Personalia» (с. 370–386), то он имел бы куда большую полезность, если бы представлял собой не аннотированный список имен, а указатель на страницы книги, на которых тот или иной деятель упоминается автором. Впрочем, данное пожелание – скорее, не к автору книги, а к ее издателю.

Несколько необычным, но, на наш взгляд, органично вписывающимся в структуру рецензируемой монографии элементом являются «Сведения об авторе» (с. 387–388), в которых Б.Р. Рахимзянов кратко описывает основные этапы своей биографии, направление исследований, приводит сведения о своем происхождении. «Смещение кровей автора» (с. 388), по-видимому, в какой-то мере объясняет как интерес его к теме, раскрытой в книге, так и оригинальность выстраиваемой им концепции взаимоотношений Москвы и «татарского мира».

В заключение следует отметить, что книга уже успела вызвать интерес и конструктивную критику со стороны коллег, что дополнительно подтверждает ее актуальность, важность поднятой в ней темы. Полагаем, что замечания – как сделанные коллегами автора ранее в разных форматах, так и изложенные в настоящей рецензии – никоим образом не умаляют многочисленных достоинств монографии Б.Р. Рахимзянова и имеют целью лишь стимулировать автора на дальнейшие исследования в рамках выбранного им научного направления, столь плодотворно им осваиваемого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверкиев С.С. Влияние татар на жизнь русского народа / Сост. И.В. Зайцев, отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: ЯЗ, 2015. 292 с.
2. Беляков А.В. Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань: Рязань. Мир, 2011. 512 с.
3. Зайцев И. В. Астраханское ханство / 2-е изд., испр. М.: Восточная литература, 2006. 303 с.
4. Камалов И.Х. Золотая Орда и русский улус (татарское влияние на Россию) / Пер. с тур. И.М. Миргалеева. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2016. 304 с.
5. Леонтович Ф.И. К истории права русских инородцев: Древний монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий (Цааджин-Бичик) // Записки Императорского Новороссийского университета. Т. XXVIII. Одесса, 1879. Приложение. С. 1–282.
6. Рахимзянов Б.Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. Казань: Татарское книжное изд-во, 2009. 207 с.
7. Сабитов Ж.М. Ханы Ногайской Орды // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 1. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2009. С. 138–141.
8. Султанов Т.И. Чингиз-хан и Чингисиды. Судьба и власть. М.: АСТ, 2006. 445 с.
9. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: Восточная литература, 2001. 752 с.
10. Collins L. On the Alleged «Destruction» of the Great Horde // Byzantinische Forschungen. Bd. XVI: Manzikert to Lepanto: The Byzantine World and the Turks, 1071–1571 / Ed. by A. Bryer, M. Ursinus. Amsterdam: Adolf M. Hakkert Publ., 1991. P. 361–399.

R. Yu. Pochekaev

MOSCOW STATE AND POST-GOLDEN HORDE KHANATES: A NEW WAY OF LOOKING ON THE HISTORY OF RELATIONS?

BOOK REVIEW: RAKHIMZIANOV B.R. MUSCOVY AND THE TATAR WORLD:
COOPERATION AND CONFRONTATION IN THE AGE OF CHANGE, 15TH – 16TH CENTURIES.
St. Petersburg: Evraziya, 2016. 396 p.

The review is devoted to new monograph of Kazan historian Bulat R. Rakhimzianov known for his studies of post-Golden Horde period. Monograph is about specific features of relations between the Moscow state and post-Golden Horde states in the 15th–16th cc. Author analyses these relations on a base of information on arrivals of representatives of the Tatar elite (Chinggissid princes and members of other noble families) to the Moscow and on their possession within the Moscow states (*iurts*). B. Rakhimzianov attempts to prove that Moscow was an equal participant of these relations such as other successors of the Golden Horde (Tatar khanates). The goal of review is to characterize the structure and content of the monograph, its strengths and several weaknesses.

Keywords: Moscow Grand Duchy, Moscow Kingdom, Turkic-Tatar states, Kazan Khanate, Crimean Khanate, Astrakhan Khanate, Siberian Khanate, Chinggissids on the Moscow service, vassalage, autonomy.

Сведения об авторе:

Почекаев Роман Юлианович – кандидат юридических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге (г. Санкт-Петербург); ropot@mail.ru

Pochekaev Roman – Candidate of Juridical Sciences, Associate professor, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg

УДК 94(02)(574)

МОСКВА – НАСЛЕДНИЦА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ?

О КНИГЕ Б.Р. РАХИМЗЯНОВА «МОСКВА И ТАТАРСКИЙ МИР:
СОТРУДНИЧЕСТВО И ПРОТИВОСТОЯНИЕ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН, XV–XVI вв.»
(СПб.: Евразия, 2016. 396 с.)*

© 2017 г. Р.А. Соколов

В рецензируемой книге на основе значительного фактологического материала представлена концепция взаимоотношений Московского государства и государств-«наследников» Золотой Орды. Автор делает общий вывод, что среди таких «наследников» оказалось и созданное усилиями потомков Ивана Калиты Русское царство. В труде Б.Р. Рахимзянова сделан акцент на мирном аспекте взаимодействия Русских земель с Крымом, Большой Ордой, Астраханью, Казанью и др. Значительное внимание уделено «внутренним юртам» – городам с прилегающей округой, которые перешедшие под покровительство великого князя Чингизиды получали в управление (Касимов и др.). Показано, каким образом практика подобных пожалований способствовала достижению внешнеполитических целей, стоявших перед русскими государями. Вместе с тем, в монографии имеются некоторые моменты, которые могут потребовать дополнительного обсуждения, а именно: определенные (впрочем, весьма незначительные) пробелы в привлеченной историографии (особенно в рассмотрении проблемы Червленного Яра), недостаточность анализа наличия/отсутствия связи между изменением практики престолонаследия в Орде и на Руси, а также то, что автор не учел концепцию взаимоотношений Руси и Орды, предложенную в работах Ю.В. Кривошеева. Следует подчеркнуть, что изложенные выше комментарии не имеют характера принципиальных и не снижают благоприятного впечатления о книге Б.Р. Рахимзянова, заполнившей важнейшую лауну в историографии отечественной истории.

Ключевые слова: Касимовское ханство, Крымское ханство, Золотая Орда, Московское государство, Червленый Яр, Ю.В. Кривошеев.

Взаимодействие Московского государства и государств, возникших на осколках Золотой Орды – тема, которая, вероятно, никогда не утратит научной актуальности. Ее значимость определяется прежде всего общей недооценкой силового вектора, исходившего от этих государственных образований и изначально по большей части противодействовавшего Москве, но в итоге оказавшегося сонаправленным общему ходу политических процессов, итогом которых стало формирование мощнейшей общероссийской государственности. «Без «татарщины» не было бы России», – как часто эти безусловно верные по своей сути слова П.Н. Савицкого (Савицкий, 1997, с. 332) приводятся с существенной купюрой – изъятием кавычек, без которых само утверждение приобретает какой-то резко негативный оттенок и по отношению к России, и по отношению к способствовавшей ее становлению «татарщине». Впрочем, оставим в стороне разного рода нечистоплотные политические спекуляции, малоинтересные ученому-историку, для которого куда важнее разобраться в объективной сути политических перипетий прошлого.

Одним из образцов как раз такого строго объективного исследования стала недавно вышедшая книга Б.Р. Рахимзянова «Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен, XV–XVI вв.». Уже во введении автор обращает внимание на некоторый диссонанс в научных исследованиях: ученые в первую очередь обращали внимание на конфликты, военные столкновения между «наследниками» Золотой Орды и Москвой (с. 8). Сделанный в начальной части книги весьма подробный разбор источниковой базы исследования и историографии вопроса демонстрируют изначально высокий уровень исследования. Здесь имеет смысл высказать одно замечание: автор обозначает своей главной задачей изучение мирных аспектов взаимоотношений Москвы и «татарского мира» (с. 8). Вероятно, по этой причине в историографический обзор не была включена классическая работа Ю. Г. Алексеева «Освобождение Руси от ордынского ига» (в списке лите-

* Работа выполнена при поддержке гранта СПбГУ 5.38.265.2015 «Россия – Новороссия – Крым: Исторические закономерности единства».

ратуры она присутствует и, конечно, хорошо знакома автору), однако в данной монографии рассматриваются не только нюансы военного противостояния на берегах Угры, но и разного рода дипломатические хитросплетения, в том числе союз Ивана III и Менгли-Гирея, серьезно способствовавший победе над силами хана Ахмата (Алексеев, 1989, с. 77–85 и др.).

Впрочем, следует оговориться, что в любом сколь угодно подробном историографическом обзоре всегда можно указать на некоторые лакуны. В данном случае более важным представляется другое: Б.Р. Рахимзянов привлек максимум источников и проанализировал огромный пласт литературы, среди которой значительное место отведено трудам иноязычных авторов, что позволило учесть новейшие наработки, так или иначе относящиеся к теме.

Основная часть монографии разделена на две главы. Первая из них посвящена рассмотрению «выездов» татар в пределы Московского княжения. Автор справедливо связывает начало этого процесса с прибытием сыновей Тохтамыша в 1407 г., но, на наш взгляд, в данном случае было бы правильно указать на некоторые факторы, которые, если можно так выразиться, подготовили этот и последующие выезды. Среди них особенное значение имеет то, что с самого начала монгольской зависимости случались подобного рода «переезды» Чингизидов, и хотя объяснялись они другими причинами, но тем не менее они же сами по себе демонстрируют, если можно так выразиться, готовность к сотрудничеству древнерусской и татарской общностей и на политическом, и на бытовом уровнях. В этом плане наиболее красноречивым стал пример так называемого ордынского царевича Петра, выехавшего в XIII в. в Ростов, где в тот период, возможно, существовала целая община выходцев из Орды (Повесть о Петре, 1982, с. 142–160; Кривошеев, 2002, с. 121). Это тем более важно, что, как заметил сам Б.Р. Рахимзянов, находиться Тохтамышевичи могли не только в Москве, но и в каком-либо другом городе Северо-Восточной Руси (с. 37–38). Значит, они могли оказаться и в Ростове, тем более, что в интересах Василия Дмитриевича было сохранить этот визит в тайне.

Крайне важным представляется сделанное автором аргументированное предположение о походе Едигея 1408 г. как следствии приема московским правителем его врагов – Тохтамышевичей, а также об интерпретации «грабежей», которыми сопровождалась эта рать, как насильственного сбора недополученного «выхода» (с. 38–39). Все это действительно свидетельство подчиненного положения Москвы в позднезолотоордынской политике (с. 58).

Дальнейшее развитие событий делало взаимодействие (не военное) Москвы и Степи еще более тесным. В книге Б.Р. Рахимзянова достаточно подробно проанализированы нюансы взаимоотношений Василия II и Улу-Мухаммеда, из рук которого внук Дмитрия Донского и Витовта фактически получил право на великое княжение мимо своего дяди Юрия Дмитриевича (с. 41–47 и др.). Отметим, что несколько выше автор сделал очень важное наблюдение, о трансформации системы престолонаследия в Улусе Джучи, начиная с первой половины XIV в.: «Лестничная система постепенно заменяется прямой системой наследования от отца к сыну» (с. 36). Однако борьба за ярлык дяди (Юрия) и племянника (Василия) означала не что иное, как такую же трансформацию престолонаследия в московском княжеском доме. К сожалению, в монографии не был поставлен вопрос о влиянии на Руси на этот процесс уже существовавших ордынских политических традиций, поскольку едва ли правомерно объяснять исход спора за «отеческий стол» исключительно борьбой представителей различных группировок у трона Улу-Мухаммеда.

Б.Р. Рахимзянов тщательно проанализировал обстоятельства возникновения Касимовского ханства, что стало, как показано в монографии, прямым следствием пленения Василия II и взятых им на себя обязательств. И хотя это было со стороны Москвы далеко не добровольным актом, она все же сумела извлечь из этого максимальную выгоду и «апробировала» на его примере «свою стратегию по «встраиванию» ордынской эмиграции в структуру создававшегося Московского государства и общества». Это же стало знаком того, что потомки Дмитрия Донского стали «играть свою роль на внешнеполитической сцене наследников Улуса Джучи» (с. 56).

В рецензируемом труде тщательно разобрана проблема взаимоотношений правительства Ивана III с Крымским ханством. На конкретном материале показано, как трансформировалось содержание этих контактов с течением времени, и как оно зависело от положения крымского властителя: перенимая политическое влияние от Большой Орды, он перенимал и практику конфронтации с Москвой (с. 57–58 и др.) (окончательный разрыв произошел после похода 1512 г.). В этот же период великий князь, стремясь получить политические выгоды, энергично побуждал влиятельных Чингизидов к переходу в его владения путем пожалования таким переселенцам городов в управление (с. 67–69). Присоединение Казани и Астрахани существенно изменило ситуацию, и для потомков Бату подобные переселения, в силу чрезмерно возросшей силы Москвы, стали менее заманчивы (с. 85).

К эпохе борьбы за влияние на Средней Волге относится и попытка великого князя применить к независимому на тот момент Казанскому ханству (а позже и к Астрахани) практику, испытанную в подчиненных Москве «внутренних юртах» (Касимов, Серпухов и др.). Однако подобный подход не имел необходимых предпосылок и встретил решительное неприятие контрагентов Москвы (с. 100–101 и др.).

Важнейшая составляющая монографии посвящена исследованию начал, на которых существовали татарские анклавы внутри Московского государства. Рассмотрение материалов по этой проблеме составило вторую главу монографии Б. Р. Рахимзянова. Здесь представлены результаты осуществленного автором изучения вопросов положения татарских «мест» в структуре Московского государства (параграф первый), маркеры, обозначающие его включенность в позднезолотоордынскую политику (параграф третий), а также рассмотрение Мещеры (Касимова) как точки пересечения московской и татарской политической истории (параграф второй). В последнем из перечисленных параграфов автор останавливается на проблеме Червленого Яра и вполне справедливо предлагает не рассматривать его «как чисто ордынскую административно-территориальную единицу» (с. 179). Однако следует сделать оговорку, что Червленый Яр в качестве своего рода буферной зоны (термин В.Л. Егорова (Егоров, 1985, с. 36–44, 233)) видели и другие ученые, в частности, Ю.В. Кривошеев, на работы которого ссылок в монографии нет (Кривошеев, 2015, с. 210–211) (кстати, учет концепции отношений Руси и Орды, предложенный этим историком, без сомнения показал бы в целом большую обоснованность выводов и самого Б. Р. Рахимзянова).

Не исключено также, что в формировании Червленого Яра значительную роль сыграл религиозный фактор: укрепление позиций ислама в Орде, имевшее следствием некоторый отток населения к периферии, и наличие в данном регионе новообращенных в православие, которыми могли быть только выходцы из Орды (Шенников, 1987, с. 10). О последнем факте находим свидетельства в грамотах митрополитов Феогноста и Алексея, содержащих обращение помимо прочих к «баскакам и сотникам» (Грамота митрополита Феогноста, 1868, стб. 163, № 18; Грамота митрополита Алексея, 1868, стб. 167, № 19). Кроме того, во второй из них имеется напоминание пастве о недавно принятом крещении: «Да возлюблени будете отъ Христа, исполняйте заповеди Его: имете веру праву къ Святой Единосущной Троицы, *въ ню же креститесь* (курсив наш. – Р.С.)...» (Грамота митрополита Алексея, 1886, стб. 168, № 19) (Соколов, 2010, с. 143–144). Сказанное, разумеется, не отменяет главного вывода автора о том, что в данном случае мы имеем дело со «смежной ордынско-рязанской совместно управляемой единицей», ставшей прообразом будущего Касимовского ханства.

Прежде чем перейти к заключительной части настоящей рецензии, позволим указать на некоторые мелкие недостатки, присущие книге. В тексте, который увлекает читателя и в целом изложен хорошим языком, имеются немногочисленные стилистические огрехи, которых следовало бы избежать: «ситуация ... не может похвастать...» (с. 12), «некоторые поздние летописи ... использованы не случайно» (с. 16). Река, на которой находится и Суздаль, и Спасо-Ефимиев монастырь – место несчастной для Василия II битвы 1445 г., повлекшей его пленение сыновьями Улу-Мухаммеда и многочисленные дальнейшие неприятности, называется Каменка, а не Калинка (с. 49).

Впрочем, все изложенное выше не меняет основного: заинтересованные читатели получили монографию, в которой представлен собранный воедино уникальный фактологический материал, и на основе его анализа создана концепция, объясняющая нюансы взаимодействия Московского государства с татарским миром на протяжении XV–XVI вв. Разумеется, многие положения, предложенные Б.Р. Рахимзяновым, вызовут серьезное обсуждение, возможно, вокруг них развернется научная дискуссия. Однако сейчас важно отметить другое – автору удалось создать обобщающий труд, который заполнил весьма значительную лауну историографии отечественной истории. Мысль о Москве как «наследнице» величия Золотой Орды, разумеется, высказывалась и ранее (укажем на пример евразийцев), но только в работе Б. Р. Рахимзянова это утверждение получило столь аргументированные доказательства. Кроме того, автор четко показал, почему факт такого «наследования» не желали признавать ни в татарских государствах, ни на Руси. Инерция такого «непризнания» отчасти сохраняется и поныне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев Ю.Г. Освобождение Руси от ордынского ига. Л.: Наука, 1989. 217 с.
2. Грамота митрополита Феогноста на Червленый Яр о принадлежности тамошнего края к Рязанской епархии // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. VI. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1886. Стб. 163–166, № 18.
3. Грамота митрополита Алексея туда же [на Червленый Яр] и о том же [о принадлежности к Рязанской епархии] // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. VI. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1886. Стб. 168–172, № 19.
4. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды. Л.: Наука, 1985. 245 с.
5. Кривошеев Ю.В. Ордынский царевич Петр и его род: некоторые бытовые и религиозные черты пребывания монголо-татар на Руси // Университетский историк. Альманах. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2002. С. 118–125.
6. Кривошеев Ю.В. Русь и монголы. Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. СПб.: Академия исследования культуры, 2003. 452 с.
7. Повесть о Петре, царевиче Ордынском // Древнерусские предания (XI–XVI вв.). М.: Советская Россия, 1982. С. 142–160.
8. Савицкий П.Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. 464 с.
9. Соколов Р.А. Русская Церковь во второй половине XIII – первой половине XIV вв. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2010. 232 с.
10. Шенников А.А. Червленый Яр. Исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV–XVI вв. Л.: Наука, 1987. 139 с.

*R.A. Sokolov***MUSCOVY AS A HEIR OF THE GOLDEN HORDE?**

ABOUT THE BOOK OF B.R. RAKHIMZIANOV «MUSCOVY AND THE TATAR WORLD:
COOPERATION AND CONFRONTATION IN THE AGE OF CHANGE, 15TH – 16TH CENTURIES»

St. Petersburg: Evraziya, 2016. 396 p.

The book under review presents the concept of relationship of Muscovy with the successor states of the Golden Horde, on the basis of considerable factual material. The author draws the general conclusion that among such «successors» there was also a Russian state created by efforts of descendants of Ivan Kalita. In the work of B.R. Rakhimzianov the emphasis is placed on peaceful aspects of interaction of Russian lands with the Crimea, the Great Horde, Astrakhan, Kazan, etc. Considerable attention is paid to «internal iurts» – to the cities with adjacent districts which Chinggisids received to control (Kasimov, etc.). It is shown how practice of such grants helped to achieve foreign policy goals facing the Russian sovereigns. At the same time, in the monograph there are some moments which can demand further discussion, namely: defined (however, very insignificant) gaps in the attracted historiography (especially in consideration of a problem of Chervlenny Yar), insufficiency of the analysis of existence/lack of communication between change of practice of a succession to the throne in the Horde and in Russia, and also the fact that the author did not consider the concept of relationship of Russia and the Golden Horde offered in Yu.V. Krivosheyev's works. It is necessary to emphasize that the comments stated above have no character of basic ones and do not reduce a favorable impression about the book by B.R. Rakhimzianov, which filled the major lacuna in a historiography of national history.

Keywords: Kasimov khanate, Crimean khanate, Golden Horde, Muscovy, Chervlenny Yar, Yu.V. Krivosheyev.

Сведения об авторе:

Соколов Роман Александрович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры исторического регионоведения Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург); romansokolow@mail.ru

Sokolov Roman – Doctor of Historical Sciences, Docent, Professor of the Department of Historical Regional Studies of Saint Petersburg State University (Saint Petersburg)

УДК 94(02)

МОЖНО ЛИ ПРИВАТИЗИРОВАТЬ ИСТОРИЮ? ОТВЕТ РЕЦЕНЗЕНТАМ КНИГИ

© 2017 г. *Б.Р. Рахимзянов*

Статья содержит ответ автора рецензируемой монографии на основные замечания рецензентов и разбор наиболее важных из них. Проводятся мысли о невозможности «приватизировать» отдельные сферы исторических исследований отдельными лицами, невозможности «единственно верного» взгляда на историческое прошлое нашей страны и необходимости плюрализма мнений в истории.

Ключевые слова: Московское государство, Золотая Орда, татарские ханства, дань, юрт.

В жизни каждого человека всегда присутствуют две стороны: материальная и духовная. Без материальной невозможно прожить в принципе, так как имеющееся у каждого тело требует его обслуживать, причем желательно качественно. Основой же всего является дух, то есть духовная составляющая человека. Без нее не было бы и тела. Эта духовная составляющая требует от нас совершать иногда странные, с точки зрения современного материального мира, вещи, такие, например, как написание книг. Материальных выгод от этого – никаких, а энергозатраты немалые. Однако что-то все же требует таких действий, и, полагаю, это не всегда только эго человека.

В этом контексте мне было весьма приятно получить столь широкий как по своей географии, так и по разбросу мнений отклик на свою монографическую работу. Сейчас, по прошествии времени, я понимаю, что где-то на подсознательном, нерациональном уровне я замыслил свою книгу скорее как повод задуматься. В этом плане я со своей задачей однозначно справился. Я искренне благодарю всех рецензентов за живой отклик на исследование. Как выражается научный редактор книги Дамир Исхаков, «каждый критик работает на критикуемого».

В.В. Пенской с присущей ему широтой взглядов сделал как обзор монографии в целом, так и указал на ее наиболее дискуссионные и, возможно, требующие дальнейших штудий моменты. И.Л. Измайлов сравнил появление работы «с дуновением рокового «ветра перемен», указав, что по заявленной автором тематике еще многое нужно сделать и переосмыслить. Р.А. Соколов отметил, что идея о Москве как об еще одном наследнике Золотой Орды не нова и предложена еще евразийцами, но оптимальное фактологическое наполнение она получила именно в рецензируемой монографии. Ф.Г. Ислаев акцентировал внимание читателя на том, что «автор монографии стремится донести до читателя понимание того, что история взаимоотношений Москвы с татарским миром – это неотъемлемая часть истории России»; по его мнению, работа «знаменует собой радикальный отказ от стандартов дореволюционной российской и советской историографии». Р.Ю. Почекаев с интеллектуальной едкостью строгого цензора тщательно исследовал монографию на присутствие в ней тематико-фактических минусов, не забыв при этом и про общие плюсы труда. С.А. Маслова, отметив, что «работа представляет собой независимый взгляд на роль Москвы в качестве игрока активной борьбы наследников Золотой Орды за власть», в финале своей рецензии пришла к выводу о том, что работа «заслуживает высокой оценки», что, безусловно, не может не льстить автору рецензируемой ей монографии. А.В. Аксанов досконально изучил ошибки и опечатки автора монографии и резюмировал, что основные выводы книги «сформулированы... на базе фактологических и концептуальных разработок последних десятилетий».

Учитывая изначально дискуссионный характер книги и твердую уверенность автора монографии в том, что окончательно разрешить исторические вопросы невозможно, я позволю себе абстрагироваться от мелких замечаний и отмечу наиболее важный, на мой взгляд, пункт дискуссии. Он был отмечен В.В. Пенским и И.Л. Измайловым. Это вопрос дани («выход» средневековых источников) в отношениях между Московским государством и татарскими политиями XV–XVI вв. и тесно связанная с ним тема взаимоположения Москвы и татарских государств в указанный период (была отмечена и другими рецензентами).

Этот пункт дискуссии имеет давнюю историю и вряд ли будет когда-либо «решен однозначно», как предлагают некоторые рецензенты. В книге я привел свое видение данного вопроса, ряд рецензентов, в том числе В.В. Пенской и в некоторых моментах И.Л. Измайлов, с рядом моих положений не согласились. И это нормально. И тот, и другой взгляды – интерпретация. Насколько она аргументирована, читатели могут судить сами. У меня нет желания «доказывать свою правоту». В то же время все заслуживающие внимания замечания рецензентов по этому (и другим) вопросам будут учтены мной в дальнейшей работе. Сам факт заострения внимания на этой тематике я отношу к плюсам своей работы.

Наиболее сильными эмоциями испокон веков являлись отрицательные. Это связано с природой человека, так как желание безопасности идет в эмоциональном ряду чувств первым. Поэтому неудивительно, что наибольшее количество печатных знаков в данном ответе будет связано с рецензией многоуважаемого коллеги, доктора исторических наук, в прошлом – доцента кафедры социально-культурного сервиса, туризма и межкультурных коммуникаций филиала Московского психолого-социального института в г. Рязани, ныне же – научного сотрудника Института российской истории Российской академии наук (г. Москва) Андрея Васильевича Белякова.

Если «отделить зерна от плевел», то содержательно постулаты А.В. Белякова, на мой взгляд, можно свести к следующим основным:

I. Текст книги полностью компилятивен и не несет самостоятельной научной ценности («нарезка из одного – двух десятков текстов разной степени переработанности с позаимствованными ссылками»); при такой авторской стратегии неудивительно, что у автора монографии налицо «некритичное отношение к заимствованным текстам» и «недостаточное владение материалом»;

II. Доказательная база исследования как таковая отсутствует: «Он (автор рецензируемой монографии. – *Б.Р.*) просто ссылается на авторитеты, не прибегая к собственной оценке того или иного явления».

К более мелким, но, тем не менее, «оставляющим странное послевкусие» недочетам работы можно отнести следующие:

A) Подбор использованной научной литературы крайне избирателен и игнорирует противоречащие концепции автора работы («За бортом обзора (историографического. – *Б.Р.*) оказались именно те исследования, которые явно противоречат концепции автора»);

Б) Автор не желает вступать в научную дискуссию с оппонентами и доказывать свою правоту («Данный факт можно объяснить нежеланием автора вступить в полемику и доказывать свою правоту»);

В) Автор монографии проводит чуждые российской ментальности ценности и установки: «... это делается для того чтобы быть ближе к «западной науке», к которой он (автор рецензируемой монографии. – *Б.Р.*) себя причисляет. Данный факт является своеобразной «родовой травмой» в судьбе автора как историка»;

Г) Идеи автора не выдерживают никакой критики признанными специалистами по истории татарского населения Московского государства (см. последние страницы рецензии А.В.Белякова).

При всем вышеуказанном автор монографии цинично пытается «придать большую академичность своему сочинению» путем «двойных отсылок», «жонглирования цитатами» и прочими ухищрениями, которые, впрочем, без труда выявляются рецензентом.

Рассмотрим, какие доказательства приводит А.В. Беляков в пользу своей точки зрения. Ведь он, в отличие от избравшего уклонистскую позицию Б.Р. Рахимзянова, явно желает «вступить в полемику и доказывать свою правоту».

Автор рецензии пишет, что в работе Б.Р. Рахимзянова имеются «заимствования из работ В.В. Тrepавлова, М.В. Моисеева, А.В. Виноградова и целого ряда других исследователей». Но это не самое главное, так как «в случае с А.В. Беляковым подобные «совпадения» обнаружить несколько легче, так как в ряде случаев структура подачи материала рецензируемой и его книг явно совпадает, но приведена в несколько сжатом виде и в ряде мест со значительными добавлениями (с. 35–118, 144–154 и др.) [Беляков, 2011, с. 50–80, 265–292 и др.]». Таким образом, автор рецензии сообщает нам, что автор монографии заимствовал текст его книги со страниц 50–80 и трансформировал (? – не могу подобрать точного термина, отражающего суть ситуации) его в страницы 35–118 своей книги.

Что здесь можно сказать? Самое лучшее – ничего не говорить, а просто предложить читателю прочитать вышеуказанные страницы обеих книг и сравнить текст. Даже при непрочтении удивляет

несоответствие объема страниц «оригинальной» и «заимствованной» книг. Но это мелочи, ведь версия Б.Р. Рахимзянова «приведена в несколько сжатом виде и в ряде мест со значительными добавлениями». То, что «несколько сжатый вид» и «значительные добавления» сами по себе противоречат друг другу, автора рецензии не смущает.

Рискну сделать предположение. Может быть, автор рецензии считает, что он первый писал по этому поводу? А как же другие авторы, как минимум В.В. Вельяминов-Зернов, да и некоторые другие исследователи, они ничего не писали по этой практически «хрестоматийной» проблематике? Или они тоже «заимствовали» у А.В. Белякова? Или А.В. Беляков заимствовал у них, а потом его «переиначил» Б.Р. Рахимзянов? Ответы могут появиться, как я уже сказал, после сравнительного прочтения этих как минимум трех книг.

Рискну сделать еще одно предположение. Возможно, автор рецензии считает, что по одному и тому же сюжету нельзя писать дважды, так как более позднее сочинение будет являться вторичным по отношению к более раннему. Но как в таком случае быть с тем, что все исследования субъективны, и каждый не может стопроцентно дублировать мысли другого человека? Не наблюдаем ли мы, в случае верности моего предположения, желание «приватизировать» некоторые темы исторических исследований и «застолбить» их только за собой?

Второй пример заимствования мы можем видеть в сравнении страниц 144–154 монографии Б.Р. Рахимзянова и 265–292 А.В. Белякова. Здесь ситуация принципиально иная, нежели в первом случае, и ее суть отражена в ссылке 615 (с. 284) монографии Б.Р. Рахимзянова, которая гласит: «Учитывая, что полный список и фактография владения этими городами татарской знатью была достаточно полно приведена А.В. Беляковым (см.: Беляков А.В. Чингисиды в России XV–XVII вв.: Просопографическое исследование. Рязань, 2011. С. 265–297), и в то же время имея в виду концептуальную значимость данного раздела для собственного исследования, я счел возможным опираться на его текст, внося необходимые дополнения, сокращения и исправления». Более того, далее по всему тексту идут постоянные (несмотря на уже имеющуюся ссылку 615) ссылки на монографию А.В. Белякова. К тому же текст Б.Р. Рахимзянова не вполне идентичен тексту А.В. Белякова, как и якобы «заимствованные» сноски, в чем читатель может опять-таки убедиться сам, прочитав оба варианта. Тем не менее это действительно заимствование, однако вполне корректное и оправданное.

Почему оправданное? Действительно, логично поставить вопрос: для чего Б.Р. Рахимзянов произвел это заимствование? Тут возможны два ответа: 1) автор монографии намеревался увеличить объем монографии с целью придания ему «большой академичности» (или, возможно, с целью получения большего гонорара от издательства?); 2) автор монографии думал в первую очередь о читателе книги – а именно о том, чтобы облегчить ему работу в плане поиска информации – как ученому, так и пресловутому «простому любителю истории». В какую версию поверить, выберет сам читатель книги и рецензии к ней.

Вообще же относительно заимствований скажу, что они в моей работе, безусловно, есть (возможно ли написать работу по столь широкой теме и *для широкого круга читателей* без учета историографического опыта, накопленного предыдущими исследователями?), однако все они имеют ссылку на источник заимствования и оправданы тематикой и *целью* собственного исследования. Согласно А.В. Белякову, автор монографии, судя по всему, является изобретателем нового стиля исторических исследований – «нарезки из чужих работ с собственными выводами». В чем «некорректность» произведенных автором монографии заимствований, А.В. Беляков не поясняет. Те самые дефиниции методологического характера, в отсутствии которых А.В. Беляков обвиняет автора рецензируемой монографии, в его *принципиальных*, судьбоносных, не побоюсь этого слова, обвинениях не обозначены. Это дает нам почву для размышлений о той самой «кухне» теперь уже автора рецензии.

Если отбросить в сторону оценочные прилагательные и проговорки в стиле «изобилует», «значительное (курсив мой. – Б.Р.) количество мелких недочетов и неточностей», «список замечаний *можно* продолжить. Мы не видим необходимости заострять внимание на них», «в отдельных случаях», «побоймся надоест читателю длинными цитатами», «при желании количество подобных примеров мы *можем* увеличить» и т.д., то автор привел только одно «доказательство» «некорректного заимствования».

Оно касается случая с «Новгородом на Оке». Однако А.В. Беляков почему-то «забыл» об упомянутой мной ссылке 615 моей книги (с. 284 моей монографии). Более того, автор рецензии забыл еще одну деталь. Этот действительно заимствованный Б.Р. Рахимзяновым у А.В. Белякова пассаж имеет у А.В. Белякова ссылки на работы Д.М. Исхакова, В.В. Вельяминова-Зернова, П.Н. Чермен-

ского, М.К. Любавского. Все они опубликованы и доступны заинтересованному читателю. Возникает логичный вопрос: а что мешало Б.Р. Рахимзянову выписать в библиотеке те же книги и поработать с ними самому? Возникает и ответ – ничего не мешало. Почему же в таком случае нельзя было сделать ссылки на эти работы, если автор рецензируемой монографии сам проработал (после А.В. Белякова, что и отражено в ссылке 615) эти исследования? Причем приведенный А.В. Беляковым пассаж касается исторических фактов, на которые и имеются отсылки к работам исследователей. Можно ли «приватизировать» данные источников и литературы (особенно если это опубликованные данные) и сами исторические факты?

В итоге, А.В. Беляков привел *одно* «доказательство» своей «правоты», которое разбивается о контраргументы. «Кухня» автора рецензии налицо.

Еще одно «концептуальное», по логике автора рецензии, упущение автора книги состоит в том, что доказательная база исследования отсутствует: «Он (автор рецензируемой монографии. – Б.Р.) просто ссылается на авторитеты, не прибегая к собственной оценке того или иного явления». Автор рецензии, видимо, вновь не улавливает сути обзорного обобщающего труда. В нем невозможно осветить все вопросы в одинаковой мере. Какие-то моменты, которые автор исследования мыслит как принципиальные, он аргументирует сам. Более же мелкие сюжеты, особенно если они уже получили адекватную оценку в историографии, он может доверить и «авторитетам» (термин А.В. Белякова), особенно если они таковыми, по мысли автора исследования, для него являются. Если, по мнению автора книги, В.Д. Назаров адекватно отрецензировал книгу А.В. Белякова и прибавить тут нечего, почему бы не сослаться на «авторитет»? Или принципиально важно заново изобретать велосипед?

При этом в данном вопросе автор рецензии противоречит сам себе. Говоря о второй главе книги Б.Р. Рахимзянова, в частности о параграфе три, он отмечает, что автор монографии занимается «спекуляциями путем жонглирования цитатами из источников». Значит, автор рецензируемой монографии все же поработал с источниками (хотя, впрочем, мог и «нарезать» их у кого-нибудь другого, сложно ли), правда, в своем «фирменном» стиле извратив саму суть исторического исследования. Ведь настоящие исследователи занимаются извлечением фундаментальной информации из источников, а фальшивые, эрзац-исследователи, материалами источников спекулируют и жонглируют, исходя из «заранее заданных установок». Кого же к какому лагерю отнести, читатель, видимо, должен решить после прочтения рецензии А.В. Белякова.

Перейдем к рассмотрению обвинений «меньшей тяжести». «Мостиком» между первой и второй группой нам послужит постулат автора рецензии о том, что автор рецензируемой работы не желает вступать в научную дискуссию с оппонентами и доказывать свою правоту: «Данный факт можно объяснить нежеланием автора вступать в полемику и доказывать свою правоту. Построить свою концепцию игнорируя «неудобные» исследования значительно проще».

Здесь А.В. Беляков узрел самую суть принципиальной позиции автора книги. Я действительно крайне неохотно вступаю в полемику и уж совсем не хочу никому доказывать свою правоту. Почему?

1) Полагаю, что полемика лучше всего воспринимается в письменном виде – или в виде рецензии, или, еще лучше, в виде концептуально оформленной позиции автора в статье в серьезном журнале или, лучше всего, в виде монографии. Нежели критиковать, лучше самому что-либо написать. Этот текст или внесет что-то новое, или не внесет. Кто-то согласится с мнением автора, сочтя его аргументы убедительными. Кто-то однозначно не согласится, приведя свои аргументы. Однако восприятие каждого аргумента все равно будет у каждого человека разным, в силу особенностей человеческой психики. Судить всегда читателям. Все, что я могу и хочу сказать, я оформляю в виде статей и книг. Вступать же в словесные баталии на конференциях, как и на страницах различных изданий, особого смысла не вижу. Каждый имеет право на свое мнение, которое мной всегда бывает услышано и учитывается (но не всегда используется). Я вообще придерживаюсь мысли о малоэффективности позиции «судья». По-моему, лучше выглядит позиция «игрок» (в нашем – академическом – случае – автор напечатанного текста).

2) Я не хочу и не могу «доказывать свою правоту» по причине того, что я не знаю, прав я или нет. Данным знанием владеют только высшие силы, но вряд ли как автор книги, так и автор рецензии и «примкнувшие к ним заинтересованные лица» напрямую подключены к ним и владеют высшим знанием, истиной, которая единственная позволяет говорить нам о том, кто прав, а кто нет. Кстати, психологи однозначно свидетельствуют, что желание кому-либо что-либо доказывать говорит о незрелости человеческой природы.

Автор рецензии отмечает, что подбор использованной Б.Р. Рахимзяновым научной литературы крайне избирателен и игнорирует противоречащие концепции автора работы: «за бортом обзора (историографического. – Б.Р.) оказались именно те исследования, которые явно противоречат концепции автора». Приводится пример – (Моисеев, 2011; Моисеев, 2012а; Моисеев, 2016). Последнюю работу автор рецензии сам отсеивает по причине невозможности познакомиться с ней до публикации. Выдвигается гипотеза, что подобный подход можно «объяснить их (авторов игнорируемых работ. – Б.Р.) принадлежностью, по классификации Б.Р. Рахимзянова, к «московско-рязанским коллегам» [Рахимзянов, 2012, с. 118]». Не вполне понятно, как «московско-рязанские коллеги» подвергаются игнорированию Б.Р. Рахимзяновым, ведь в историографическом разделе книги Б.Р. Рахимзянова содержится обзор работ А.В. Виноградова (с. 26), А.В. Белякова (с. 30).

Выбор – важнейшая функция исследователя. Именно автор исследования решает, какую информацию нужно использовать, а какую можно и оставить за бортом работы. Использовать все работы невозможно, иначе это будет не исследование, а бессистемная «каша» большого объема и отсутствующей генеральной линией исследования и рыхлой, исчезающей структурой, что мы иногда и наблюдаем. Это не значит, что «необозранные» работы не были прочитаны автором или что автор упрощает себе жизнь, не вступая в дискуссию. Автор отрезает лишнее и прибавляет нужное, способствующее раскрытию *обозначенной им цели* и решению *поставленных им задач*. А диспуты – это отдельный стиль, не входящий в приоритеты монографических исследований (по крайней мере моих).

Логика же А.В. Белякова по поводу неких «московско-рязанских коллег» мне кажется странной. Почему же тогда в историографическом обзоре также отсутствует упоминание работы Р.Ю. Почекаева (Почекаев, 2012), которого трудно отнести к «московско-рязанским коллегам» (автор живет и работает в Санкт-Петербурге), опубликованной в том же издании, что и работа М.В. Моисеева (Моисеев, 2012б), членом редколлегии которого является Б.Р. Рахимзянов? Информация об этих работах автору монографии была более чем доступна. А ведь работа Р.Ю. Почекаева концептуально стоит как раз на тех же позициях, которых придерживается Б.Р. Рахимзянов. Логика А.В. Белякова по поводу того, что «построить свою концепцию игнорируя «неудобные» исследования значительно проще», здесь вновь дает сбой.

Я не вступал в полемику с авторами достаточно большого количества прочитанных мной работ, с которыми я не согласен, не потому, что мне нечего сказать, а потому, что данная полемика существенно «утяжелила» бы восприятие текста читателями, как «простыми», так и «учеными» читателями. Полагаю, монография – неподходящее место для таких дискуссий. Эту полемику лучше вести в специально посвященных этому статьях в специализированных журналах.

Разобрав «огрехи» автора монографии и придя к выводу, что «перед нами в значительной степени нарезка из одного – двух десятков текстов разной степени переработанности с позаимствованными ссылками», автор рецензии перешел к «работе над выводами» (идеями) автора. Выглядит это нелогично. Ведь если работа Б.Р. Рахимзянова несамостоятельна, какой смысл разбирать ее идеи, раз они получены без работы с первоисточниками? Таким идеям грош цена. Логично было бы на этом поставить точку. Автор рецензии в своих логических построениях вновь противоречит сам себе.

Однако одну тенденцию, не касающуюся непосредственно автора этих строк, но от того не менее показательную, я хотел бы отметить. Она касается всех историков и подхода к исторической науке в целом. Касаясь вопроса дани, автор рецензии отмечает, что «без *однозначного* (sic! – Б.Р.) ее решения продуктивного движения вперед невозможно». Автор рецензии, видимо, забыл, что однажды история уже была «решена однозначно» в виде «Краткого курса истории ВКП(б)». Тогда у историков возможности для люфта и всяческих девиаций закончились. Положительным ли был тот советский опыт, мы знаем из дискуссий 1990-х годов.

Под занавес своего ответа отмечу некоторые заслуживающие внимания моменты авторского стиля и «исследовательского метода» А.В. Белякова.

Автор рецензии часто употребляет выражения и словесные обороты, которые, при отсутствии доказательной базы, видимо должны оставить «странное послевкусие» от работы Б.Р. Рахимзянова (или от текста рецензии?), как то: «список замечаний можно продолжить. Мы не видим необходимости заострять внимание на них» (читатели, думаю, увидели бы такую необходимость), «при желании количество подобных примеров мы можем увеличить» (но не увеличиваем), «здесь мы также вправе задать вопрос» (но не задаем, а что мешает это сделать?), «это замечание следует отнести и к иным разделам рецензируемой книги» (хотелось бы конкретики), «особо не афишировать

данный факт» (как это?), «как ни странно (курсив мой. – *Б.Р.*), Б.Р. Рахимзянов справился с поставленной перед собой задачей» (действительно, это странно).

Непонятно, что имеет в виду автор рецензии, называя себя во множественном лице.

Мне также весьма импонирует мягко подкраиваемая эволюция списка тех, у кого заимствовал Б.Р. Рахимзянов: если в начале рецензии это были «В.В. Трепавлов, М.В. Моисеев, А.В. Виноградов и целый ряд других исследователей», то в самом конце рецензии этот список сократился до «исследователя (курсив мой. – *Б.Р.*), по возможности подробно освятившего эти явления». О фамилии этого исследователя «мы можем только догадываться».

Заключая, могу сказать, что приватизировать отдельные сферы исторических исследований не получится, как бы ни хотелось этого некоторым «заинтересованным лицам». Мир идей в некоторых своих моментах принципиально отличается от мира материального. Жаль, что не все это понимают.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляков А.В. Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань: Рязань. Мир, 2011. 512 с.
2. Моисеев 2012а – Моисеев М.В. «Казанский вопрос» в русско-ногайских отношениях конца XV – первой половине XVI столетий // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2012. Вып. 4. С. 107–112.
3. Моисеев 2012б – Моисеев М.В. Некоторые аспекты взаимоотношений Московского государства с постордынскими государственными образованиями // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2012. Вып. 4. С. 204–213.
4. Моисеев М.В. Посольские дары – «поминки» в контексте взаимоотношений России с постордынскими государствами: проблемы изучения // От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв. М.; Вологда: Древности севера, 2016. С. 163–171.
5. Моисеев М.В. Эволюция и содержание посольских даров – «поминков» в Русско-Ногайских отношениях XVI века // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2011. №4. С. 17–31.
6. Почакаев Р.Ю. Дары или дань? К вопросу о «золотоордынском наследии» в отношениях Московского государства с тюрко-татарскими ханствами // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2012. Вып. 4. С. 200–203.

B.R. Rakhimzianov

IS IT POSSIBLE TO PRIVATIZE HISTORY? REPLY TO BOOK REVIEWERS

The article contains the answer of the author of the reviewed monograph to the basic objections of reviewers, and analysis of the most important ones of them. The main author's idea is impossibility of «privatization» of certain spheres of historical research by some ambitious academics. Also, it is an idea of necessity of pluralism in historical research.

Keywords: Muscovy, Golden Horde, Tatar khanates, tribute, iurt.

Сведения об авторе:

Рахимзянов Булат Раимович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела новой истории Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань); bulatraim@mail.ru

Rakhimzianov Bulat – Candidate of Historical Sciences, Senior Scholarly Researcher of the Department of Modern History, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan)

ДРУГИЕ РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(02)(574)

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ КӘРІБАЕВА Б.Б. «ҚАЗАҚ ХАНДЫҒЫНЫҢ КҮШЕЮІ (XV Ғ. СОҒҒЫ – XVI Ғ. АЛҒАШҚЫ ШИРЕКТЕРІ)» (УКРЕПЛЕНИЕ КАЗАХСКОГО ХАНСТВА (последняя четверть XV – первая четверть XVI вв.))

© 2017 г. Ж.М. Сабитов

В данной статье приводится рецензия на книгу об укреплении Казахского ханства в конце XV – первой четверти XVI вв. В рецензии выделены как мелкие фактологические, так и крупные методологические ошибки. К ним относятся: полное игнорирование современной историографии изучения данного периода, несовпадение названия монографии и ее содержания. Все это позволяет оценить выход этой книги как малозначительное в научном плане событие.

Ключевые слова: Казахское ханство, Улус Джучи, Касым-хан, Джанибек-хан, Керей-хан, Бурундук-хан, Мухаммед Шейбани.

За последние четверть века прирост научного знания в истории постордынских государств оказался столь значительным, что многие академические исследователи не успевают следить за новыми научными работами в своей узкой сфере. Особняком здесь стоит средневековая история Казахского ханства (до начала присоединения к Российской империи), прогресс в изучении которого не столь значителен, по сравнению с другими постордынскими ханствами. Вызвано это, конечно же, малым размером источниковой базы и малым количеством специалистов, которые исследуют данную тему.

В 2014–2015 годах вышли 4 книги профильных специалистов по средневековой истории Казахского ханства: книга Н.А. Атыгаева «Казахское ханство в потоке истории» (Атыгаев, 2015), которая была объектом нашей рецензии (Сабитов, 2016), книга М.Х. Абусейитовой «Қазақ хандығы» (Абусейітова, 2015), которая была издана видимо очень ограниченным тиражом для научного отчета (Сайт КН МОН РК, 2016), так как в продажу данная монография не поступила. Также вышли три книги Б.Б. Кәрібаева (Кәрібаев, 2014), (Кәрібаев, 2015), (Кәрібаев, 2016). На монографию 2014 года нами была написана рецензия (Сабитов, 2015). Ниже мы проанализируем научное качество новой научной монографии Б.Б. Кәрібаева, которая вышла в 2016 году (Кәрібаев, 2016).

Данная монография называется «Укрепление Казахского ханства (последняя четверть XV в. – первая четверть XVI в.)» и написана на казахском языке.

Монография состоит из трех глав и фактически описывает правление первых четырех казахских ханов (Джанибека, Керей, Бурундука, Касыма).

На 12–17 страницах автор перечисляет список источников, который он использовал при написании монографии.

К большому сожалению, из всех источников, перечисленных в этой части, около половины не имеет отношения к периоду «конец XV в. – первая четверть XVI в.», а касается либо более ранних, либо более поздних периодов. К тому же автор не знает видимо многих источников, которые были переведены и изданы за последние 20 лет. К примеру, переводы персидских летописей о Абулхайре, сыне Касым-хана или множество переводов, вышедших в рамках программы «Культурное наследие» в 2000-ые годы.

Далее автор на страницах 17–24 перечисляет историографию. Из 53 наименований научной литературы, перечисленной в историографии, 46 относится к периоду Российской империи и Советского союза, оставшиеся 7 были изданы в период 1991–1994 годов, что выглядит довольно странно в условиях, что после 1994 года вышло большое количество научной литературы, которую хотя бы формально стоило перечислить в историографической части. Но отгадка столь скудной

историографии кроется здесь в предисловии монографии, где написано, что данная монография является переделанной версией кандидатской диссертации автора, написанной им в 1995 году и защищенной в марте 1996 года (Кәрібаев, 2016, с. 3). Судя по всему, помимо названия в данном произведении мало что поменялось. Безусловно, автору необходимо было модернизировать рукопись, дописав туда современную историографию и современные источники, которые вышли за последние 20 лет.

В первом параграфе первой главы идет общее описание региона под названием Туркестан (Кәрібаев, 2016, с. 27–37) с VIII по XVII века. Во втором параграфе первой главы автор пишет о роли городов Туркестана в Казахском ханстве в XV–XVI веках (Кәрібаев, 2016, с. 38–58). Говоря о городе Сыгнак (Кәрібаев, 2016, с. 39–43), автор упоминает фантомное государство Ак орда и фантомного правителя Ерзена (Кәрібаев, 2016, с. 39). Как мы уже неоднократно писали, Ак орда – это не отдельное государство, а название ставки хана (Сабитов, Кушкумбаев, 2015, с. 33–42), а Мунтахаб ат-Таварих, упоминавший «потомков Орда-эджена», на самом деле очень ненадежный источник и генеалогия Урус-хана, возводящая его к Ерзену, ошибочна (Сабитов, 2010, с. 153–154). Далее автор использует эти «фантомные тезисы» в монографии, и мы не будем на них акцентировать далее внимание. К сожалению, говоря о Сыгнаке, автор вообще не упоминает ханов, правивших там после смерти Бердибека и до прихода к власти Урус-хана (потомки Тука-Тимура: Кара-Ногай, Мубарак-ходжа и их родственники). Как мы знаем Утемыш-хаджи, который давал сведения о Кара-Ногае, был опубликован в самом начале 1990-ых годов. Далее автор рассказывает о городах Сауран (Кәрібаев, 2016, с. 43–45), Яссы (Туркестан) (Кәрібаев, 2016, с. 45–48), Отрар (Кәрібаев, 2016, с. 48–52), Сайрам (Кәрібаев, 2016, с. 52–54), Сузак (Кәрібаев, 2016, с. 54–55), Аркук (Кәрібаев, 2016, с. 55–57), Узгенд, Ак-курбан, Иаканкент (Янгикент?, Икан?), Карасман, Ашнас, Оксус-Зернук (Кәрібаев, 2016, с. 57).

Третий параграф первой главы описывает важность присырдарьинского региона для Казахского ханства в XV–XVI веках (Кәрібаев, 2016, с. 59–70).

Вторая глава посвящена политическим взаимоотношениям Казахского ханства с Мавераннахром с 1470-ых годов до начала XVI века.

Первый параграф второй главы посвящен «борьбе» за туркестанский регион в 1470–1490-ых годах (Кәрібаев, 2016, с. 73–92). В этом параграфе автор описывает борьбу казахских ханов за Туркестанский регион. Но здесь есть одно но, «борьба» казахских ханов с Мухаммедом Шейбани за данный регион не являлась полноценной борьбой. Все исследователи, писавшие про эту «борьбу», находились в «плени шейбанидской историографии». Судя по опубликованным данным за последние 20 лет, даже в самом начале XVI века до начала завоевания Средней Азии у Мухаммеда Шейбани войск было мало, не более десяти тысяч человек, если же касаться 1470–1490-ых годов, то в то время Мухаммед Шейбани максимум мог иметь около одной тысячи сторонников, которые казаквали вместе с ним. Если сравнивать с казахскими ханами, то войска Мухаммеда Шейбани и близко не могли быть угрозой для казахских ханов, чье войско в десятки и сотни раз превышало военный отряд казаковавшего Мухаммеда Шейбани. Поэтому писать о борьбе Мухаммеда Шейбани и казахских ханов в 1470–1480-ых годах за Туркестан вообще не стоит. А в 1490-ых годах, Мухаммед Шейбани захватывал отдельные города в Туркестане, но не был в состоянии вести полноценную войну с казахскими султанами за данный регион. В итоге весь этот параграф является плохим некритически воспринятым пересказом устаревших советских представлений об истории этого региона в 1470–1490-ые годы. Второй параграф второй главы (Кәрібаев, 2016, с. 92–106) освящает отношения Казахского ханства и Мавераннахра в начале XVI века. Здесь опять же не использованы последние достижения (за последние 20 лет) отечественной историографии. К примеру рассказы об Абулхаире, сыне Касым-хана и его войнах с Мухаммедом Шейбани, а позже его помощь наследникам Мухаммеда Шейбани и совместная война с кызылбасами.

Первый параграф третьей главы (Кәрібаев, 2016, с. 109–125) посвящен взаимоотношениям Бурдука, с одной стороны, и Джанибека и его детей (в особенности Касыма), с другой стороны. Эта часть монографии соответствует названию самой монографии, поэтому смотрится «на своем месте».

Второй параграф третьей главы (Кәрібаев, 2016, с. 125–146) посвящен взаимоотношениям Касыма, сына Джанибек-хана с Мухаммедом Шейбани и его наследниками.

Третья глава, в целом, оставляет впечатление того, что она соответствует названию монографии, а с другой стороны – отсутствие учета новейших достижений исторической науки Казахстана по данному периоду и региону является главным недостатком как монографии в целом, так и главы в частности.

В итоге, после прочтения всех трех глав монографии, мы ничего нового не узнаем о «усилении Казахского ханства в конце XV – первой четверти XVI вв.».

В списке использованной литературы приведено 147 наименований первоисточников, научных статей и монографий. К огромному сожалению, в данном списке научной литературы нет ни одной научной статьи, книги или первоисточника, который был опубликован в XXI веке, то есть автор, когда писал данную монографию, не использовал научную литературу, которая вышла в 2000–2016 годах вообще. Этот факт очень прискорбен, так как в данной книге нарушен главный принцип науки. Как писали М.М. Соколов и К.Д. Титаев, главным императивом ученых является то, что ученые должны «поддерживать осведомленность» о научных дискуссиях и гипотезах коллег, то есть реагировать на эти дискуссии и гипотезы в своих научных статьях, монографиях и рецензиях.

Если просматривать историографию 1990-ых годов, то автор называет 33 из 147 названий научных статей, монографий и переводов, опубликованных в 1990-ые годы.

В списке использованной литературы также есть несколько мелких ошибок. К примеру, упоминаются по два раза один и тот же источник: Тарих-и Кипчаки (Кәрібаев, 2016, с. 149, 155), монография К.А. Пишулиной 1981 года (Кәрібаев, 2016, с. 148, 152), монография А.П. Чулошникова 1924 года (Кәрібаев, 2016, с. 150, 156), статья В.В. Бартольда о состоянии и задачах изучения истории Туркестана (Кәрібаев, 2016, с. 153–154), а также его отчет о поездке в Туркестан (Кәрібаев, 2016, с. 150, 156).

В списке использованной литературы идет параллельное перечисление источников из сборников материалов и отдельно самого сборника материалов. К примеру, в списке использованной литературы упоминаются отдельно два перевода, опубликованных в рамках материалов по истории туркмен и Туркмении и отдельно сама книга (Кәрібаев, 2016, с. 148–149). Также 6 переводов, входящих в сборник материалов по истории Золотой орды (СМИЗО, Том 2) (Кәрібаев, 2016, с. 148–150) и отдельно сам сборник, 12 переводов, входящих в материалы по истории казахских ханства и отдельно сам сборник (МИКХ) (Кәрібаев, 2016, с. 148–155). Непонятно, для чего необходимо было дублирование названий. Возможно, только для увеличения количества использованной литературы?

Также в глаза бросаются такие мелкие ошибки как неправильное написание фамилии исследователя (Жаппасбаева, а не Жапбасбаева) (Кәрібаев, 2016, с. 153), упоминание X тома В.В. Вельяминова-Зернова (Кәрібаев, 2016, с. 156), хотя известно, что про касимовских царевичей было написано только 4 тома, упоминание того, что грамоты из Сыгнака опубликованы в рамках МИКХ (Материалов по истории киргизов и Киргизии) (Кәрібаев, 2016, с. 149), хотя данный источник был опубликован в МИКХ (Материалах по истории Казахских ханств) и т.д.

Не ясным являются причины, побудившие авторы включить в состав монографии извлечения из двух источников, которые были опубликованы в 1969 году: Таварихи Гузидаи Нусрат-наме и Фатх-наме (Кәрібаев, 2016, с. 159–173). Извлечения даны на русском языке, а комментарии даны на казахском языке.

В итоге, подводя итоги рецензии, стоит отметить, что недоучет историографии и новых источников, вышедших с 1995 года, является главным недостатком этой монографии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атыгаев Н.А. Казахское ханство в потоке истории. Алматы: Елтаным, 2015. 384 с.
2. Әбусейітова М.Қ. Қазақ хандығы. Алматы: Дайк-Пресс, 2015. 420 с.
3. Кәрібаев Б.Б. Қазақ хандығының күшеюі (XV ғ. соңғы – XVI ғ. алғашқы ширектері). Алматы: Сардар, 2016. 176 с.
4. Кәрібаев Б.Б. Қазақ хандығының құрылу тарихы. Алматы: Сардар, 2014. 520 с.
5. Сайт КН МОН РК: РГКП «Институт востоковедения имени Р.Б.Сулейменова». <http://sc.edu.gov.kz/ru/about/organization/institut-vostokovedeniya-im-rbsuleimenova#73>
6. Сабитов Ж.М. Натанзи как источник по истории Золотой Орды // Золотоордынская цивилизация. Вып. 3. Казань. 2010. С.150–154.
7. Сабитов Ж.М. О книге Н.А. Атыгаева «Казахское ханство в потоке истории» // Средневековые тюрко-татарские государства. 2016. № 8. С. 49–55.
8. Сабитов Ж.М. О хронологии правления ханов в восточном Дешти-Кипчаке в 60–90-ые годы 15 века // История, экономика и культура Средневековых Тюрко-Татарских государств Западной Сибири. Материалы Международной Конференции (Курган, 21–22 апреля 2011 г.). Курган, 2011. С. 58–62.

9. Сабитов Ж.М. Рецензия на книгу Кәрібаева Б.Б. «Қазақ хандығының құрылу тарихы» (История образования Казахского ханства) // Средневековые тюрко-татарские государства. 2015. № 7. С. 192–198.

10. Сабитов Ж.М., Кушкумбаев А.К. Термины Ак-Орда и Кок-Орда в письменных и устных источниках (к вопросу о семантике терминов) // Научный Татарстан. № 3. 2015. С. 33–42.

Zh.M. Sabitov

**BOOK REVIEW: KARIBAEV B.B. QAZAQ HANDYGYNYN KUSHEUI
(XV F. SONGY – XVI F. ALGASHQY SHIREKTERI)
(STRENGTHENING OF THE KAZAKH KHANATE
(the last quarter of the XVth – the first quarters of the XVIth centuries))**

This article reviews the book on the strengthening of the Kazakh Khanate in the late XV – first quarter of the XVI centuries. In the review, both small factual errors and major methodological errors are identified. These include: complete disregard for modern historiography studies of this period, the discrepancy between the title of the monograph and its content. This all makes it possible to evaluate the output of this book as a minor event in the scientific plan.

Keywords: Kazakh Khanate, Ulus Jochi, Kasym Khan, Janibek Khan, Kerey Khan, Burunduk Khan, Muhammad Sheibani.

Сведения об авторе:

Сабитов Жаксылык Муратович – PhD (политические науки), доцент кафедры регионоведения, Евразийский Национальный университет им. Л.Н. Гумилева (г. Астана, Казахстан); babasan@yandex.ru

Sabitov Zhaxylyk – PhD (Political Sciences), Associate Professor of the Department of Regional Studies, L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 378.01"1998/2014"

ПОДГОТОВКА МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОТДЕЛЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ИМ. Ш.МАРДЖАНИ АН РТ (1998–2014 гг.)*

© 2017 г. И.К. Загидуллин

В статье анализируются научно-методическое руководство аспирантами в отделе средневековой истории Института истории им. Ш.Марджани АН РТ за период его существования, достижения и упущения в подготовке молодых специалистов-историков, приводятся сведения о численности аспирантов, тематике изысканий по историческим периодам, списки тем и авторефератов защищенных диссертаций.

Ключевые слова: татароведение, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, отдел средневековой истории, подготовка специалистов-историков.

Приметой гуманитарных наук в Татарстане является отсутствие научного направления по изучению древнетюркского периода, что было обусловлено, прежде всего, объективными трудностями.

В постсоветский период поиск новых подходов в изучении национальной истории стал возможен лишь в условиях отказа от коммунистической идеологии и классового подхода. Помимо этих факторов имелся ряд обстоятельств, которые оказывали воздействие на развитие гуманитарных наук в Татарстане. Прежде всего, границы дозволенного определялись статусом автономной республики в составе РСФСР.

Важно отметить, что в советский период научные изыскания осуществлялись в рамках автономной концепции, доминировавшей в советской исторической науке: изыскания ограничивались территориями Волго-Камья, т.е. Волжской Булгарией, Казанским ханством, Казанской губернией и ТАССР.

Во-вторых, отсутствовало само научное направление «История татар». В коллективных трудах, изданных в 1950-е – 1980-е гг. под названием «История ТАССР», освещалась история края, в контексте которой были представлены сюжеты о материальной и духовной культуре этноса в Волго-Камье в средние века, новое и новейшее время. Отсутствие методологии изучения национальной истории приводило к искаженным научным результатам, прежде всего, к делению этноса этнографами на различные этнографические группы и языковедами-диалектологами на группы по диалектам, что способствовало усилению тенденций деконсолидации.

В-третьих, в силу определенных идеологических установок некоторые темы считались невосприимчивыми. Скажем, в коллективных монографиях «История ТАССР» после раздела о первобытнообщинном строе, написанного по материалам археологических раскопок в Волго-Камье, сразу шел раздел по истории Волжской Булгарии. Отсутствовал целый пласт истории, связанный с древнетюркским миром. Также отсутствовал раздел о Золотой Орде, или же о ней упоминалось вскользь и непременно в негативном ключе – как было принято в учебниках по истории СССР. Таким образом, «территориальный подход», рекомендовавший изучать историю этноса в рамках границ национальной республики, и болгарская концепция этногенеза татар вплоть до конца 1980-х гг. не позволяли включать древнетюркский период и Золотую Орду в обобщающие труды по истории.

* Идея написания данной статьи появилась в процессе подготовки библиографических указателей, посвященных научной и организаторской деятельности сотрудников отдела (См.: Отдел средневековой истории, 2009; Отдел средневековой истории, 2015). Оказалось, что формат библиографического указателя не позволяет осветить вопрос подготовки молодых специалистов, который являлся важным направлением деятельности отдела, и одним из ключевых аспектов развития исторической науки в Татарстане.

Конец 1980-х – 1990-е гг. стали для гуманитарных наук временем переосмысления исторических судеб народов России, периодом отхода от догматических установок советской эпохи и конструирования новых теорий и методологий. Эти процессы довольно активно отражались и на состоянии татарстанской гуманитарной науки. В республике, по мере усиления интереса к истории Золотой Орды, произошел отход от болгаро-татарской теории происхождения татар. Глубоко символично, что первая в России научная конференция, посвященная истории Золотой Орды, была организована и проведена в 1992 г. в г.Казани доктором исторических наук Р.Г.Фахрутдиновым.

В первые годы суверенитета Татарстан стремился к статусу союзной республики, одновременно началась работа по созданию научно-образовательной структуры, соответствующей статусу союзной республики. Создание в 1991 г. Академии наук позволило мобилизовать ученых различных вузов и ИЯЛИ им.Г.Ибрагимова и координировать направления исследований. В 1989 г. в Казанском государственном университете были образованы факультет татарской филологии и истории и кафедра истории татарского народа, которой заведовал М.А.Усманов. В 1994 г. появился Институт Татарской энциклопедии, в 1997 г. из состава ИЯЛИ им.Г.Ибрагимова отделился Институт истории. Так постепенно развивалось гуманитарное сообщество Татарстана, появлялись новые штатные единицы для исследователей и новые научные направления.

Изменения затронули и Институт истории: здесь 1 сентября 1998 г. путем реорганизации отдела истории были созданы два отдела: отдел средневековой истории и отдел новой и новейшей истории, который возглавил бывший заведующий отделом истории д.и.н. Р.У.Амирханов.

Об отделе средневековой истории. Разделение отдела истории на две части выявил дефицит кадров по средневековому периоду. Первоначальный состав сотрудников был следующий: Загидуллин И.К. – зав. отделом (специалист по истории нового времени), гл. н.с. доктор ист. наук С.Х. Алишев (специалист по истории татар XV–XIX вв., кандидаты исторических наук старшие научные сотрудники А.А. Арсланова (специалист по истории Золотой Орды), Р.Г. Галлям (специалист по истории Казанского края XVI–XVII вв.), Н.С. Хамитбаева (специалист по истории Казанской губернии пореформенного периода), Г.Л. Файзрахманов (специалист по истории ТАССР 1960–1970-х гг., который в то время активно интересовался историей сибирских татар), м.н.с. Х.З. Багаутдинова, изучавшая историю Казанской губернии конца XIX – начала XX в., м.н.с. Э.А. Зарипова (специалист по современному Татарстану) и лаборант М.Н. Исламова. Итого – зав. отделом, 1 г.н.с., 4 с.н.с., 2 м.н.с. и 1 лаборант.

С учетом сложившихся реалий кадрового состава отдела между дирекцией Института истории и заведующим отделом новой и новейшей истории Р.У.Амирхановым была достигнута договоренность о продолжении прежних тем НИР, в том числе по подготовке аспирантов по средневековой и новой истории¹.

В первое время сотрудники отдела продолжали разрабатывать проблему «Этнос и его история». Впоследствии она была заменена новыми научными направлениями: «Источниковедение и историография татарского народа и Татарстана», «История формирования и развития татарской нации» и «История средневековых тюрко-татарских государств».

Дирекция поставила перед заведующим отделом задачу подготовки первых томов семитомной академической истории татар. С этой задачей сотрудники отдела справились успешно. Зав. отделом И.К.Загидуллин в 1999–2002 гг. в качестве ответственного секретаря совместно с научным редактором С.Г.Кляшторным координировал подготовку и издание книги «Народы степной Евразии в древности» (История татар с древнейших времен, т.1, 2002), в 2002–2005 гг. в качестве зам. ответственного редактора совместно с ответственным редактором Ф.Ш.Хузиным – подготовку книги «Волжская Булгария и Великая Степь» (История татар с древнейших времен, т.2, 2006). В 2002–2009 гг. с.н.с. А.А.Арсланова в качестве ответственного секретаря курировала подготовку коллек-

¹ Во вновь созданном отделе продолжали обучение и проходили аттестацию следующие аспиранты С.Х. Алишева: очной формы обучения Э.Ф. Сафин (тема «Население Золотой Орды»), А.Х. Аюпов (тема «Татарское предпринимательство в Среднем Поволжье во второй половине XIX в.»), заочной формы обучения К.И. Нигматуллиной (тема «Отпадение крещеных татар в мусульманство во второй половине XIX в.»), а также аспирант к.и.н. Г.Л. Файзрахманова – Р.З.Юлдашбаев (тема «Общественно-политическое движение за суверенитет Татарстана в 1988–1994 гг.») и др. У большинства из них имелись утвержденные отделом планы-проспекты диссертаций, однако никто из них не вышел на финишную прямую. Сведения об этих аспирантах, кроме Б.Л. Хамидуллина, ранее завершившего аспирантуру и защитившего диссертацию, не включены в наши подсчеты.

тивной монографии «Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – сер. XV вв.» (науч. редактор М.А.Усманов) (История татар с древнейших времен, т.3, 2009). В 2008–2012 гг. И.К.Загидуллин в качестве научного редактора руководил подготовкой 6-го тома «Истории татар с древнейших времен», который увидел свет в начале 2013 г. (История татар с древнейших времен, т.6, 2013).

Становление и развитие отдела осуществлялись, в том числе, и за счет подготовленных в отделе молодых специалистов. В 2009 г. штатное расписание отдела включало из 12 единиц: зав. отделом, 1 гл.н.с., 5 с.н.с., 3 н.с., 1 м.н.с. и 1 лаборант-исследователь; среди них – 3 доктора и 6 кандидатов исторических наук.

Дальнейшие изменения в штатном расписании отдела были обусловлены научно-организационной и кадровой политикой руководства института и другими причинами. Упразднение и учреждение в институте новых структурных подразделений также отражались на составе сотрудников, следовательно, и на тематике научных изысканий. Так, в 2010 г., был создан Центр изучения истории и культуры крещеных татар и нагайбаков, в него в качестве старшего научного сотрудника перешел н.с. Р.Р.Исхаков (ныне зав. центром), а с.н.с. И.М.Миргалеев был назначен руководителем вновь созданного Центра золотоордынских исследований, в том же году из расформированного центра этнологического мониторинга в отдел перешел к.и.н. Б.Р.Рахимзянов, специалист по истории Касимовского юрта.

Для реализации конкретных проектов в отделе по совместительству привлекались также специалисты со стороны. В частности, в 2011–2013 гг. по совместительству должность ведущего научного сотрудника занимал к.и.н. С.Г.Кляшторный, в 2013–2014 гг. должность младшего научного сотрудника – к.и.н. И.А. Мустакимов и т.д.

В 2014 г. произошло крупное сокращение штатных единиц отдела: были упразднены должности лаборанта-исследователя, младшего, старшего и 0,5 ставки ведущего научных сотрудников, уволены все совместители. В результате штатное расписание отдела средневековой истории сократилось до 8 единиц: зав.отделом, 5 старших научных сотрудников, ведущий научный сотрудник (0,5 ставки) и научный сотрудник, среди них – 1 доктор наук и 6 кандидатов исторических наук.

В 2015 г. отдел был преобразован в отдел новой истории и произошло сокращение штатов до 4,5 единиц. В частности, во вновь созданный отдел Золотой Орды и татарских ханств были переведены к.и.н. Б.Р.Рахимзянов и к.и.н. Л.Ф.Байбулатова, в Центр истории и теории национального образования – н.с. Х.З.Багаутдинова, из этого центра в отдел перешла к.и.н. А.В.Ахтямова (Загидуллин, 2009, с.3–11; Загидуллин, 2015, с.3–19).

Прием в аспирантуру

В 1990-е гг. в республике подготовка молодых специалистов по истории Татарстана и татарского народа осуществлялась в Институте истории, Институте Татарской энциклопедии, на кафедрах отечественной истории КГУ, КГПИ и ЕГПИ, а также на бывших кафедрах истории КПСС, которые существовали в казанских вузах. Среди них Институт истории позиционировал себя в качестве основного научного учреждения, специализировавшегося на изучении истории татарского этноса. Помимо нашего отдела подготовка специалистов собственно по средневековой истории татар осуществлялась в Национальном центре археологических исследований (НЦАИ) Института истории, на кафедре истории татарского народа КГУ и на профильных кафедрах исторических факультетов КГУ и КГПУ(ТГГПУ).

Если ранее, по сложившейся традиции, каждый отдел старался обеспечивать себя молодыми кадрами, которые впоследствии здесь же трудоустраивались, то в 1990-е гг. ситуация в сфере гуманитарных наук кардинально изменилась. В учебных планах всех вузов республики появились курсы «История татарского народа», или «История и культура татарского народа», или «История Татарстана». В научно-образовательном пространстве республики заявили о себе несколько десятков частных вузов, Татарский государственный гуманитарный институт, Татарско-американский колледж, которые также остро нуждались в специалистах с ученой степенью. Новые учебные дисциплины по истории татарского народа или Татарстана были введены во всех средних общеобразовательных школах. Существовала большая потребность в учебно-методических пособиях, преподавателях, квалифицированных специалистах (Загидуллин, 1996, с.25–30; Загидуллин, 1997, с.5–18; Загидуллин, 2002, с.108–112). Помимо подготовки специалистов для института, при определении численности поступающих в аспирантуру и тем диссертаций непременно учитывалась необходимость подготовки академической истории татар: вводимые соискателями в научный оборот материалы воспринимались как накопление научной информации для новых обобщающих трудов.

Взаимодействие с Академией наук РТ – с учредителем Института истории – позволяло на республиканском уровне успешно и оперативно решать вопросы финансирования, регулировать планы приема в аспирантуру, что создавало благоприятные условия для усиления подготовки молодых специалистов. Поэтому в основу подготовки специалистов была положена идея подготовки молодых профессиональных кадров, в которых нуждались научные, научно-образовательные, научно-просветительские учреждения республики.

В первые годы отделившийся от ИЯЛИ им.Г.Ибрагимов в 1997 г. Институт истории продолжил прием в аспирантуру по двум отраслям: «Исторические науки» (специальности: «07.00.02 – Отечественная история»; «07.00.06 – Археология», «07.00.07 – Этнография (этнология)») и «Философские науки» (специальности: «09.00.03 – История философии», «09.00.06 – Философия религии»).

Как известно, организация Института истории совпала с ликвидацией Татарского филиала Института национальных проблем образования Министерства образования РФ, в помещениях упраздненного НИИ разместился ряд подразделений Института (ул. Кремлевская, д. 9, 1-й этаж). Постановлением Кабинета Министров РТ № 948 от 11.11.1996 г. из группы сотрудников данного Научно-исследовательского института в Институте истории был организован Центр истории и теории национального образования, который, стараясь сохранять преемственность с бывшим НИИ национальных проблем образования, стал осуществлять прием в аспирантуру по отрасли «Педагогические науки» (специальность «13.00.02 – Теория и методика обучения»). С 2003/2004 учебного года вместо специальности «09.00.06 – Философия религии» начался прием на обучение по специальности «09.00.11 – Социальная философия», в 2005/2006 учебного года был произведен первый набор соискателей по специальности «17.00.04 – Изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура».

Согласно планам приема в аспирантуру, в 2001/2002 и 2004/2005 учебных годах также производились разовые приемы в аспирантуру Института по специальности «07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования». Итак, в рассматриваемый период Институт осуществлял подготовку научных кадров по восьми специальностям. Однако, в связи с отделением из его состава Национального центра археологических исследований им.А.Х.Халикова, реорганизованного в Институт археологии им. А.Х.Халикова АН РТ, прекратился прием по специальности «Археология».

К сожалению, в нашем личном архиве отсутствуют сведения за четыре года приема в аспирантуру Института истории по отрасли «Исторические науки» (за 1998/1999, 1999/2000, 2003/2004 и 2008/2009 учебные годы), что не позволяет представить целостную картину приема в аспирантуру за рассматриваемый период. Поэтому наши подсчеты распространяются лишь на 2000/2001–2005/2006, 2010–2011–2014–2015 учебные годы или на 11 приемов с 2000 г. по 2013 г.

Таблица № 1.

План приема в аспирантуру Института истории по отрасли науки «Исторические науки» в 2000–2013 гг.

Учеб. годы	«Отечественная история»			«Историография, источниковедение и методы исторического исследования»			«Археология»			«Этнография (этнология)»		
	оч.	заоч.	итого	оч.	заоч.	итого	оч.	заоч.	итого	оч.	заоч.	итого
2000/01	7	6	13	–	–	–	2	1	3	1	2	3
2001/02	7	4	11	1	–	1	2	1	3	2	2	4
2002/03	2	–	2	–	–	–	2	1	3	1	1	2
2004/05	7	–	7	1	–	1	2	1	3	2	1	3
2005/06	6	2	8	–	–	–	1	2	3	2	1	3
2006/07	8	2	10	–	–	–	1	1	2	2	2	4
2007/08	7	2	9	–	–	–	1	1	2	2	2	4
2009/10	8	3	11	–	–	–	2	4	6	2	4	6
2010/11	7	3	10	–	–	–	2	7	9	2	4	6
2011/12	7	1	8	–	–	–	2	4	6	2	2	4
2012/13	2	1	3	–	–	–	2	1	3	2	1	3
В среднем	6,2	2,2	8,4	0,2	–	0,2	1,7	2,2	3,9	1,8	2,0	3,8
Всего	68	24	92	2	–	2	19	24	43	20	22	42
Всего, в %	62,4	34,3	51,4	1,8	–	1,1	17,4	34,3	24,0	18,4	31,4	23,5
Итого, в %	74,0	26,0	100	100	–	100	44,0	56,0	100	47,6	52,4	100

Согласно нашим подсчетам, в рассматриваемый период более половины мест выделялось на специальность «Отечественная история» и чуть менее четверти – на специальности «Археология» и «Этнография (этнология)» (24 % и 23,5% соответственно). Если на заочную форму обучения на каждую из вышеуказанных специальностей выделялось примерно одинаковое количество мест (34,3 %, 34,3 % и 31,4 % соответственно), то в аспирантуру без отрыва от производства почти 2/3 всех бюджетных мест получали аспиранты-историки (62,4 %), по остальным двум специальностям эти показатели были в 3,5 раза ниже и примерно одинаковые (17,4 % и 18,4% соответственно). При сопоставлении численности аспирантов-историков с отрывом (74%) и без отрыва (26%) от производства эта особенность плана приема в аспирантуру проявляется еще более наглядно.

Как видно из данных таблицы 1, в рассматриваемый отрезок времени ежегодный прием в аспирантуру по специальности «Отечественная история» в среднем составлял по 8,4 чел., а по специальностям «Археология» и «Этнография (этнология)» – в два раза меньше (3,9 чел. и 3,8 чел. соответственно). Если по специальности «Отечественная история» изначально держались высокие показатели приема (от 13 до 7 чел.), которые, правда, в отдельные годы резко уменьшались (до 2–3 чел.), то начиная с 2009/2010 учебного года заведующие НЦАИ и отделом этнологии целенаправленно наращивали подготовку молодых специалистов.

В первые 10 и более лет прием аспирантов по специальностям «Отечественная история» и «Историография, источниковедение и методы исторического исследования» осуществлялся в отделе средневековой и новой и новейшей истории. После создания новых структурных подразделений – Центра золотоордынских исследований и Центра изучения истории и культуры крещеных татар и нагайбаков – соискатели распределялись между четырьмя структурными подразделениями, в случае подачи их руководителями заявок.

Заявки руководителей отделов и центров на прием в аспирантуру всегда поддерживались руководством Института истории и Президиумом Академии наук РТ. Лишь в 2012–2013 учебном году, вследствие невысоких показателей защиты диссертаций в Институте истории, Президиум Академии наук РТ сократил план приема по всем специальностям: «Отечественная история» – с 10 до 3 мест, «Археология» – с 6 до 3, «Этнография (этнология)» – с 4 до 3, «Философские науки» и «Философия религии» – с 2 до 1 соответственно, «Теория и методика обучения (по областям и уровням обучения)» – с 4 до 1, «Изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура» – с 2 до 1 места.

Таблица № 2.

Динамика численности аспирантов отдела средневековой истории в 1998–2014 гг.

Учеб. год	Специальность	С отрывом от пр-ва / план приема	Без отрыва от пр-ва / план приема	Итого/ план приема
1998/1999	«Отечественная история»	1	1	2
1999/2000	«Отечественная история»	4	2	6
2000/2001	«Отечественная история»	2/7	6/6	8/13
2001/2002	«Отечественная история»	1/7	2/4	3/11
	«Историография, источниковедение и методы исторического исследования»	1/1	–/–	1/1
2002/2003	«Отечественная история»	–/2	1/2	1/3
2003/2004	«Отечественная история»	2/	–/	2/
2004/2005	«Отечественная история»	3/7	–/–	3/7
2005/2006	«Отечественная история»	3/6	2/2	5/8
2006/2007	«Отечественная история»	3/8	1/2	4/10
2007/2008	«Отечественная история»	5/7	2/2	7/9
2008/2009	«Отечественная история»	2/	2/	4/
2009/2010	«Отечественная история»	3/8	2/8	5/11
2010/2011	«Отечественная история»	2/	–/	2/
2011/2012	«Отечественная история»	3/7	2/1 ²	5/8
2012/2013	«Отечественная история»	2/2	1/1	3
2013/2014	«Отечественная история»	1/2	1/1	2/3
2014/2015	«Отечественная история»	1/	–/	1/
В среднем		2,3	1,5	3,8
Всего		39	25	64
Всего, в %		61,0	39,0	100

² «Лишнее место» аспиранта с обучением без отрыва от производства по другой специальности было предоставлено нашему отделу.

Среди структурных подразделений института, готовивших научные кадры, отдел средневековой истории выделялся не только большим количеством обучающихся и разнообразием разрабатываемых соискателями тем, но и относительно успешной защитой соискателями квалификационных работ³.

За 1998–2014 гг. в аспирантуру отдела поступило 64 чел., из них 39 (61 %) обучались с отрывом от производства. В среднем ежегодно поступало 3,8 чел., а самый высокий показатель был зафиксирован в 2000/2001 (8 чел.) и 2007/2008 (7 чел.) учебных годах. Самые низкие показатели приходятся на 2002/2003 и 2014/2015 учебные годы (по 1 чел.). В первом случае так произошло вследствие уступки одного места обучения без отрыва от производства отделу новой и новейшей истории, во втором случае – в связи с выделением отделу лишь одного места. Примечательно, что в 2000/2001, 2005/2006, 2007/2008, 2011/2012 гг. более половины приема в аспирантуру по специальности «Отечественная история» приходилось на отдел средневековой истории.

Важно отметить, что за отдельные годы прием превышал число аспирантов, указанных в заявке зав. отделом. Это происходило по двум причинам. Благодаря профориентационной работе отдел всегда выполнял свой «план приема», указанный в заявке. В случае отсутствия соискателей по другому отделу или по другим специальностям и наличия лиц, желавших поступить в отдел средневековой истории, эти места отдавались нашему отделу. Несколько раз, из-за отсутствия соискателей, институт объявлял дополнительные приемы в аспирантуру, в таких случаях при появлении лиц, выразивших желание поступить в отдел средневековой истории, они также становились нашими аспирантами.

Научно-методическое руководство аспирантами

Профориентационная работа и подбор аспирантов осуществлялись, как правило, по личным каналам – через преподавателей вузов, а также по рекомендации коллег по отделу и институту, некоторые соискатели сами проявляли инициативу, поступали и некоторые из них успешно защищались. Первые 4–5 лет мы ориентировались, главным образом, на выпускников ТГПИ и факультета татарской филологии и истории КГУ. В последующие годы основной состав аспирантов комплектовался из числа выпускников исторических факультетов КГПУ (плюсь два соискателя из юрфака) и К(П)ФУ. Из К(П)ФУ также по одному соискателю поступили из журфака, юрфака, физкафа (защитился) и факультета востоковедения. В 2011–2013 гг. я был приглашен председателем ГЭК исторического факультета бывшего КГПУ (ТГГПУ). Участие на государственных экзаменах и защитах дипломных квалификационных работ позволило привлечь в аспирантуру отдела лучших выпускников тех лет.

Следует отметить, прежде всего, факторы, оказавшие существенное влияние на подготовку аспирантов в институте. Определенным стимулом для сотрудников, осуществлявших научное руководство, являлась дополнительная (почасовая) оплата за руководство аспирантами, которая выплачивалась вплоть до 2013 г. В бюджете института для командировок специально предусматривались средства, позволявшие аспирантам за период обучения один раз съездить на две недели в архивы и столичные библиотеки.

С целью активизации научных изысканий соискателей и поддержки молодых специалистов советом молодых ученых института в первые 10 и более лет систематически организовывались конференции аспирантов и молодых специалистов и издавались их материалы, что способствовало снятию напряженности с публикациями (Сборник материалов, 2001; Сборник материалов, 2002; Сборник материалов, 2003; Сборник материалов, 2009 и т.д.). Помимо этого, начиная с 2011 г. в отделе, как составная часть ежегодной аттестации, практиковались конференции аспирантов и соискателей в рамках отдела, на которых обсуждались их доклады. Аспиранты также принимали участие в ежегодных Итоговых конференциях отдела, и их доклады, переделанные в статьи, публиковались в научных ежегодниках и сборниках статей отдела.

Деятельность открытого в 2003 г. при Институте истории Совета по защите кандидатских и докторских диссертаций Д022.022.01 по специальностям «Отечественная история» и «Археология» существенно облегчала соискателям решение научно-организационных вопросов по защите квалификационных работ. Основная часть диссертаций были защищены в этом диссертационном совете.

³ В данной публикации не рассматривается научно-методическая работа с соискателями отдела. В список защищенных диссертаций включены работы двух соискателей, проходивших аспирантуру в других центрах, но подготовивших свои квалификационные работы в нашем отделе.

(До его открытия из числа 15 защитившихся двое успели защититься в диссертационном совете при КГУ, а после приостановления его деятельности приказом Минобрнауки РФ за № 218/нк от 26 февраля 2016 г. по одному соискателю успешно защитились в профильных диссертационных советах при К(П)ФУ и Чебоксарского гос. университета. – *И.З.*)

Большинство соискателей выходили на защиту квалификационных работ после завершения обучения, лишь 8 человек сумели завершить обучение с представлением диссертаций, из них Л.Ф.Байбулатова, Р.Р.Исхаков, И.М.Миргалеев, И.З.Файзрахманов и Р.Р.Аминов продолжают научную карьеру в институте.

Приметой подготовки молодых специалистов является издание монографий на основе диссертаций. На сегодняшний день в виде монографий опубликованы материалы 12 из 15 защищенных диссертаций (Хамидуллин, 2002; Миргалеев, 2003; Байбулатова, 2006; Султанов, 2004; Гариф, 2006; Насыров, 2007; Гибадиллина, 2008; Исхаков, 2011; Файзрахманов, 2013; Саматова, 2013; Владимирова, 2016; Аминов, 2017).

На престиж профессии историка и мотивацию молодых людей на поступление в аспирантуру повлияли кризисная социально-экономическая ситуация в стране 1990-х гг., низкая заработная плата научного сотрудника, в целом слабая социальная защищенность молодых специалистов. Лишь с 2010 г. наметилась тенденция роста заинтересованности выпускников вузов в продолжении обучения в аспирантуре.

Ситуация усугублялась также отсутствием у Института истории собственного общежития для молодых специалистов. Между тем, 37 из 64 аспирантов отдела являлись иногородними и нуждались во временной жилплощади. Аренда квартиры или общежития требовала значительных средств. Стипендию в 1 тыс. руб. в месяц лишь в 2013 г. подняли до общероссийского уровня (6 тыс. руб.). По сути, с учетом мизерной стипендии и необходимости аренды жилплощади, большинство аспирантов оказались в жестких условиях выживания. Поэтому каждую защищенную работу правомерно назвать трудовым подвигом молодого специалиста. Социальная незащищенность иногородних аспирантов, вынужденных выживать в труднейших условиях, совмещая учебу и работу в школе или магазине, стали главной причиной невыполнения индивидуального плана НИР, исключения (или ухода) из аспирантуры или отказа от научной карьеры. Это наше наблюдение касается, прежде всего, выпускников вузов. По нашим наблюдениям, успеха добивались те, кто в период обучения в аспирантуре не трудоустроивался и занимался исключительно диссертацией (5 чел.). Из 17 казанцев защитились 5 чел. Из числа иногородних, трудоустроившихся по совместительству в школу или магазин, лишь несколько человек сумели представить диссертации на обсуждение в отделе. Беспристрастные цифры свидетельствуют о том, что жилищный вопрос и экономические возможности соискателей сыграли ключевую роль в успешном становлении их научной карьеры. Этот наш тезис распространяется и на 6 аспирантов-заочников, успешно защитивших диссертации.

Предоставленная аспирантам льгота от воинской повинности играла в нашем случае порой негативную роль. По мере выявления истинной цели поступления в аспирантуру молодых людей-призывников, по итогам аттестаций они исключались из аспирантуры, но были среди них и те, кто имитировал научную деятельность и завершал обучение без представления квалификационной работы.

Обучение в аспирантуре девушек также содержало определенные риски, связанные с замужеством: с переездом на место работы (службы) супруга и (или) рождением ребенка. Следует отдать должное пяти аспиранткам (Ибатуллиной, Гафаровой (Фазылзяновой), Гимадиевой (Мухамедьяровой), Миначетиновой (Зыятдиновой), Владимировой), которые после административного отпуска в связи с рождением ребенка вновь восстанавливались и продолжали обучение, однако, к сожалению, большинство из них прекратили научно-исследовательскую деятельность. Некоторые после замужества были исключены из учебы в связи с невыполнением плана НИР, несколько человек после окончания аспирантуры выходили замуж и прекращали свои изыскания по теме диссертации. Всего таких среди аспиранток оказалось 10 человек (5 очников и 5 заочника).

Темы диссертационных исследований

При определении темы квалификационной работы аспиранта принимались во внимание вузовская специальность, навыки соискателя (знание татарского языка, старо-татарской грамоты, иностранных языков и т.д.), исследовательские предпочтения соискателя, научные направления деятельности отдела, новизна и актуальность тем, обеспеченность их источниками. Научные руко-

водители выносили на обсуждение рекомендуемые темы на заседания отдела, затем «защищали» их на ученом совете института, который принимал окончательное решение – утверждал тему диссертации.

Древнетюркский период. Территория современного Татарстана является периферией кочевого мира. В советский период изучение древнетюркского периода являлось прерогативой столичных ученых, и только Академии наук союзных республик бывшего СССР готовили через целевую аспирантуру в ведущих академических центрах молодых специалистов – национальные кадры. Казанские археологи, ограниченные в изысканиях за пределами республики, не имели возможность исследовать материальную и духовную культуру кочевников древнего и раннего средневекового периодов.

В постсоветский период в Казани были защищены всего два научных труда, имевшие отношение к древнетюркскому периоду. Прежде всего, следует отметить докторскую диссертацию Г.М.Давлетшина на тему «Духовная культура предков татарского народа: истоки, становление и развитие» (Казань, 2002 г.). В 1999 г. К.Г.Ахсанов под научным руководством профессора М.А.Усманова успешно защитил диссертацию «Проблема становления государственности тюрков-кочевников в домонгольский период в отечественной историографии» на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

Именно М.А.Усманов в 1998 г. порекомендовал в аспирантуру выпускницу КГУ Л.Х.Ибатуллин с темой «Вклад И.Бичурина в изучение и публикацию китайских источников по истории тюркских народов», став ее научным руководителем. В следующем году по нашей просьбе М.А.Усманов согласился осуществлять научное руководство над соискателем Н.Р.Хабибуллин⁴ (тема «Историография этногенеза татарского народа»). В 2001 г. к.и.н. К.Г.Ахсанов стал научным руководителем выпускницы ТГГУ Г.И.Билаловой (Хасановой), предложив в качестве темы диссертации проблему «Современная англоязычная историография о древнетюркских каганатах».

В 2005 г. с.н.с. отдела Г.Л.Файзрахманов (1930–8.09.2008) успешно защитил докторскую диссертацию по теме «Сибирские татары в составе Русского государства», ряд разделов его работы охватывал древний и средневековый периоды. В том же году он стал научным руководителем выпускника восточного факультета КГУ А.Р.Гатауллина (тема «Дипломатические отношения Тюркских каганатов с Китайской Империей VI–XI вв.»). После смерти Г.Л.Файзрахманова, С.Г.Кляшторный любезно согласился продолжить научное руководство и внес уточнение в тему диссертации: «Социально-политические и торгово-экономические отношения Первого тюркского каганата с северокитайскими княжествами в VI–VIII вв.». После завершения аспирантуры А.Р.Гатауллин был оставлен для работы в отделе, однако вскоре по болезни он оставил научное поприще.

Последним аспирантом, разрабатывавшим древнетюркскую тематику в отделе, был И.Н. Шарфутдинов (тема «Культура тюркоязычных кочевников домонгольского периода в отечественной историографии», науч. руководитель Г.М.Давлетшин), который до окончания учебы опубликовал несколько статей.

Итак, большинство тем квалификационных работ, разрабатываемых аспирантами, имели историографический или источниковедческий крен, что объяснялось сложившимися в Казани реалиями. К сожалению, попытки подготовки молодых специалистов в этой сфере по целому ряду причин не увенчались успехом.

Золотоордынский период. Подготовка молодых специалистов по золотоордынской тематике традиционно осуществлялась на кафедре истории татарского народа К(П)ФУ, где были успешно защищены несколько кандидатских диссертаций.

В отделе средневековой истории отсутствовали сотрудники, специализирующиеся по истории Джучиева Улуса. В этой связи я глубоко признателен своим старшим коллегам, принявшим на себя нелегкий труд научного руководителя. В начальный период деятельности отдела происходило активное сотрудничество с г.н.с. отдела этнологии Р.Г.Фахрутдиновым. Его первый аспирант И.М.Миргалеев в 2002 г. успешно защитил квалификационную работу на тему «Политическая история Золотой Орды периода правления Тохтамыш хана». В 1999 г. аспирантом Р.Г.Фахрутдинова стал А.А. Тазеев (тема «Образование и ранняя история Золотой Орды»). В 2000 г. золотоордынская тематика была продолжена аспирантом-заочником И.Г. Тазетдиновым (тема «Влияние Джучиева Улуса на развитие русского государства (XIII – XVII в.)»), науч. руководитель к.и.н. Р.Г.Галлямов). В 2005 г. Д.Ш. Галимуллин под руководством к.и.н. А.А.Арслановой начал разрабатывать тему

⁴ Погиб в автокатастрофе.

«Проблемы изучения материальной культуры Золотоордынских городов Поволжья в отечественной историографии XIX – начала XXI вв.».

Перешедший в 2007 г. из Министерства образования и науки РТ в отдел к.и.н. И.М.Миргалеев стал научным руководителем Р.Ф. Уразаева (тема «Политическая история Золотой Орды периода расцвета (1312–1359 гг.)» и одновременно с Р.Г.Фахрутдиновым начал курировать аспирантов И.А. Ахатова (тема «Взаимоотношения Золотоордынского государства и Большой Орды с Османской империей в XIV – начале XVI вв.») и Э.Р. Баграмова («Взаимоотношения Золотой Орды с государствами Европы (XIII – нач. XV вв.»). В том же учебном году под руководством д.и.н. И.К.Загидуллина аспирант М.Г.Давлетшин начал исследовать российскую историографию о духовной культуре Золотой Орды. В 2008 г. Н.Ф.Шайхиев начал разрабатывать тему «Политическая история Улуса Джучи в период становления (1207–1241 гг.)» (науч. руководитель И.М.Миргалеев). В 2009 г. сотрудник Центра этнологического мониторинга к.и.н. И.Л. Измайлов изъявил желание руководить аспирантом Ф.Р. Мубаракшиным (тема «История Западной части Улуса Джучи: Ногай и его время»). Последним аспирантом отдела по золотоордынской тематике был принятый в 2014 г. в очную аспирантуру Б.М.Саматов (тема «Взаимоотношения северо-восточных русских княжеств с Улусом Джучи в первой половине XV в.»), научным руководителем которого был определен к.и.н. Б.Р.Рахимзянов.

Подводя итог, отметим, что вследствие острого недостатка специалистов по золотоордынскому периоду в качестве научных руководителей половины аспирантов выступили коллеги из соседних структурных подразделений Института. К сожалению, из 10 молодых людей, поступивших в аспирантуру с отрывом от производства, защитился только один, аспирант-заочник впоследствии сменил тему, однако так и не довел свои изыскания до завершения.

Постзолотоордынский период. Прежде всего, в отделе была продолжена традиция изучения истории Казанского ханства. Заметным событием явилась успешная защита в 2004 г. бывшим аспирантом г.н.с. С.Х.Алишева Б.Л.Хамидуллиным диссертации на тему «Этносоциальная история Казанского ханства». В 2005 г. состоялась защита диссертации Н.Г.Гариповым (Гариф) на тему «Челнинский городок и его округа (опыт изучения вассально-феодальных отношений в Казанском ханстве)». Квалификационная работа была подготовлена под научным руководством г.н.с. НЦАИ Ф.Ш. Хузина и с.н.с. отдела Р.Г.Галлямова.

За истекший период по истории Казанского ханства аспирантами отдела разрабатывались еще три темы: «Политико-административное устройство Казанского ханства» (И.Р. Насыбуллин, прием 2000 г., науч. руководитель Р.Г.Галлямов), «Казанская война Московского государства в 1545–1552 гг.» (З.Дж. Шагдалеева, прием 2004 г., науч. руководитель С.Х.Алишев), «Культура и быт населения Казанского ханства» (Р.Латыпов, прием 2004 г.; Б.Р.Зайнуллин, прием 2009 г.; В.В. Саитгараев, прием 2010 г.; науч. руководитель Г.М.Давлетшин).

Были предприняты две попытки изучения других постзолотоордынских государственных образований: Ногайской Орды (И.Гайнутдинов, прием 2001 г., тема «Ногайско-казанские отношения (середина XV – середина XVI вв.)», науч. руководитель Р.Г.Галлямов) и Крымского ханства (Р.Ф.Баязитова, прием 2007 г., тема ««Мюхимме дефтерлере» как источник по истории Крымского ханства середины XVI – начала XVII вв.»), науч. руководитель М.А.Усманов).

Уместно отметить, что в 2016 г. отделом была рекомендована к защите диссертация Б.Р.Хисматуллина (прием 2012 г.) на тему «Сельская община и земельные правоотношения в Казанском ханстве (вторая пол. XV – сер. XVI вв.)» (науч. руководитель Р.Г.Галлямов) на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

История татар и Казанского края в XVI–XVII вв. По истории Казанского Поволжья соискателями разрабатывались темы, главным образом, по трем направлениям: 1) русские города-крепости; 2) расселение, формирование сети сельских поселений и земельные правоотношения в Казанском крае; 3) этносоциальные группы татар.

По первому направлению в 2004 г. состоялась успешная защита Р.И. Султановым диссертации, посвященной исторической географии Казани и ее предместий в XVI–XVII вв. (науч. руководитель Р.Г.Галлямов). В 2016 г. отделом была рекомендована к защите квалификационная работа Е.В.Пашиной на тему «Город Тетюши: военно-административный и социальный аспекты истории (последняя четверть XVI – первая четверть XVIII вв.)» (науч. руководитель И.К.Загидуллин). Незавершенной осталась диссертация на тему «Город-крепость Свияжск во второй половине XVI – начале XVIII вв.» (И.З.Ахметзянов, науч. руководитель Р.Г.Галлямов).

По второму направлению в 2005 г. Р.Г.Насыров успешно защитил диссертацию на тему «Сельское расселение Западного Закамья во второй половине XVI – начале XVIII вв.» (науч. руководители Р.Г.Галлямов и Р.Г.Фахрутдинов). Два соискателя не сумели представить в отдел на обсуждение свои квалификационные работы, посвященные вопросам формирования и развития поселенческой сети в крае: «Формирование сети «новокрещенских» поселений в Казанском Поволжье во второй половине XVI – середине XVII вв.» (В.Н.Андреев, науч. рук-ль Р.Г.Галлям), «Структура, размещение и развитие поселений в Казанском Поволжье во второй половине XVI – первой половине XVII вв.» (Л.И.Гарайева, науч. рук-ль И.К.Загидуллин). Также остались незавершенными темы «Монастыри и монастырские вотчины в Казанском Поволжье во второй половине XVI – начале XVIII вв.» (А.В.Баревин), «Поместно-вотчинное землевладение в Казанском уезде во второй половине XVI в.» (С.А.Гоголева), «Е.И.Чернышев как исследователь истории народов Среднего Поволжья XVI–XIX вв.» (Е.В. Горятова, науч. руководитель Р.Г.Галлям).

По третьему направлению разрабатывались две темы: «Астраханские татары: политическая и этно-социальная история (XVI–XVII вв.)» (И.Т.Рахманкулов, науч. руководитель С.Х.Алишев), «Мурзы и служилые татары Романовского уезда во второй половине XVI – начале XVIII вв.» (А.А.Сайфуллин, науч. руководитель М.Р.Белоусов).

Руководство соискателями, разрабатывающими различные аспекты истории татар и Казанского края в XVI–XVII вв., осуществлялось, главным образом, сотрудниками отдела.

История татар и Казанского края XVIII – первой половины XIX вв. По рассматриваемому периоду во главу угла ставилась задача изучения новых тем в рамках подготовки к написанию академической семитомной истории татар. Разрабатывалось пять тем. Из них три имели отношение к различным категориям татарского сельского населения Волго-Уральского региона («Социально-экономическое и правовое положение татар-лашман (20-е годы XVIII в. – первая половина XIX в.)» (И.Ф.Батриев), «Социально-правовое положение мещеряцкого военно-служилого сословия (середина XVIII в. – 60-е гг. XIX в.)» (Н.К.Низамиева), «Государственные крестьяне Казанской губернии в 40–50-е гг. XIX века», С.В.Шкапин) (науч. руководитель И.К.Загидуллин). Две темы завершились успешной защитой диссертаций: «Развитие мануфактурной промышленности Казанского края (вторая половина XVIII в. – первая половина XIX в.)» (И.З.Файзрахманов, науч. руководитель С.Х.Алишев) и «Торгово-промышленная деятельность татарского купечества Казанской губернии в первой половине XIX в.» (Н.А.Кореева, науч. руководитель И.К.Загидуллин).

История татар и Волго-Уральского региона конца XVIII – начала XX вв. Наличие значительного числа диссертаций по периоду конца XVIII – начала XX вв. объяснялось несколькими причинами; прежде всего, тематикой научных изысканий отдела и сотрудников, наличием в отделе квалифицированных специалистов, а также пассивностью некоторых специалистов по средневековью, воздерживавшихся от научного руководства аспирантами. Приметой изысканий аспирантов является ориентир на актуальные и научно значимые темы, что означало отказ от мелкотемья. Не случайно все диссертации имели большие хронологические рамки или полностью «закрывали» исследуемую проблему.

Условно следует выделить несколько направлений изысканий соискателей. Прежде всего, это анализ научно-исследовательской деятельности казанского краеведа Н.Я.Агафонова (Г.С.Зиатдинова) и миссионера Е.А.Малова (Г.Р.Зиннатуллина) (науч. руководитель И.К.Загидуллин). По этому направлению была успешно защищена диссертация о био-библиографическом своде «Асар» Р.Фахреддина (Л.Ф.Байбулатова, науч. руководитель М.А.Усманов). Следует также отметить попытки изучения общественно-политической деятельности оренбургских муфтиев М.Хусаинова (М.А.Мубаракзянов) и М.Султанова (И.Т.Ягудин) (науч. руководитель И.К.Загидуллин). Следующим направлением стали казанские газеты (А.Самотугина), «Тарджеман» (Л.Д.Вахитова), татарские народно-краеведческие сочинения (Г.К.Абдуллина) (науч. руководитель И.К.Загидуллин) как исторический источник по социальной истории татар Нового времени. В самостоятельное направление правомерно выделить и исследование англо-американской историографии в контексте освещения «татарского вопроса» в России (Г.В. Гаффарова (Фазылзянова) и «национального вопроса» в Волго-Камье периода модернизации (Р.М. Залялетдинова). Три диссертации касались различных аспектов городской жизни Нового времени: вопросы попечения и опеки (И.Г.Федоров), заштатные и уездные города Казанской губернии (И.А.Вафин), банковско-кредитные учреждения Казани (Д.Ф.Рахимова).

Под научным руководством И.К.Загидуллина были защищены работы, посвященные общественным институтам татар-мусульман: мусульманским приходам в Самарской губернии (Э.М.Ги-

бадуллина) и татарской крестьянской общине в Казанской губернии (Р.М. Муллағалиев), этнокофессиональной политике самодержавия в Среднем Поволжье: миссионерской деятельности Русской православной церкви (Р.Р. Исхаков) и школьной политике правительства в отношении татар-мусульман (Ч.Х. Саматова), сословной группе татар-казаков в Оренбургском казачьем войске (Р.Р. Аминов) и взаимоотношениям Самарского земства с местными крестьянами-мусульманами (Л.М. Владимирова), изучению в трудах ученых XIX – начала XX вв. образа татар-мусульман Казанской губернии (Р.Г. Мифтахов).

История татар в начале XX в. Большинство тем по началу XX в. касалось национальной периодической печати – газет «Баянель-хак» (З.И. Мухаммедьярова (Гимадеева), науч. руководитель И.К. Загидуллин) и «Вақыт» (науч. руководители Р.У. Амирханов, И.К. Загидуллин), а также казанской печати (1905–1918 гг.) (Г.Г. Сафиуллина, науч. руководитель Р.У. Амирханов). Выделяется также изучение особых межведомственных совещаний начала XX в., на которых обсуждались различные аспекты «татарского вопроса» в Волго-Уральском регионе (А.Г. Галиев, прием 2011 г.; Хасаншин, прием 2013 г.; науч. руководитель И.К. Загидуллин).

Таблица № 3.

Распределение тем диссертаций и аспирантов отдела средневековой истории (1998–2014 гг.) по условным историческим периодам

Периоды	Кол-во тем		Кол-во аспирантов		Защитившиеся аспиранты		Всего защитившиеся, с учетом соискателей	
	всего	в %	всего	в %	всего	в % к аспирантам	всего	в % к защитившимся
Древнетюркский период	5	8,2	5	7,8	–	–	–	–
Золотая Орда	11	18,0	11	17,2	1	9,1	1	6,7
Средневековые тюрко-татарские ханства	7	11,5	9	14,1	1	11,1	2	13,3
Вторая пол. XVI–XVII вв.	11	18,0	11	17,2	2	18,2	2	13,3
XVIII – пер. пол. XIX вв.	5	8,2	5	7,8	2	40	2	13,3
Конец XVIII – нач. XX вв.	18	29,5	18	28,1	6	33,3	8	53,4
Нач. XX в.	4	6,6	5	7,8	–	–	–	–
Всего	61	100	64	100	12	18,8	15	100

Таким образом, из 61 темы кандидатских диссертаций аспирантов отдела средневековой истории, утвержденный ученым советом Института истории, по 8,2% приходилось на древнетюркский период и на XVIII – пер. пол. XIX вв., по 18 % – на золотоордынский период и вторую половину XVI–XVII вв. Самое большое количество разрабатываемых тем относилось к концу XVIII – нач. XX вв. (29,5%), самое меньшее – к началу XX в. (6,6%).

Защитившихся аспирантов с темами диссертаций по древнетюркскому периоду и по началу XX в. не было. Удельный вес защитившихся ко всей численности обучавшихся соискателей по остальным периодам существенно разнятся. Так, самый лучший показатель за периодом XVIII – пер. пол. XIX вв. (40%), далее за периодами конца XVIII – нач. XX вв. (33,3 %) и второй пол. XVI – XVII вв. (18,2 %). Соотношение защитившихся ко всем соискателям по золотоордынскому и постзолотоордынскому периодам составляет соответственно 9,1% и 11,1%. С учетом трех соискателей, один из которых обучался ранее в аспирантуре отдела истории (Б.Л. Хамидуллин) и двух молодых специалистов (Ч.Х. Саматова, Р.Г. Мифтахов), которые прикрепилась к отделу после завершения аспирантуры и под научным руководством И.К. Загидуллина с новой темой и структурой квалификационной работы защитились, на период конца XVIII – нач. XX вв. приходится более половины защитившихся (53,4%) – 6 чел. Самый низкий показатель относится к золотоордынскому периоду (6,7%), по остальным периодам этот показатель одинаковый – по 2 чел., или по 13,3%.

Научными руководителями 2 защитившихся аспирантов стали доктора наук М.А. Усманов и Р.Г. Фахрутдинов. Остальные аспиранты были подготовлены, главным образом, сотрудниками отдела: зав. отделом И.К. Загидуллин (8 чел.), г.н.с. С.Х. Алишев (2 чел.) и с.н.с. Р.Г. Галлям (3 чел., из них у двоих соруководителями (консультантами) выступили Р.Г. Фахрутдинов и Ф.Ш. Хузин).

* * *

Итак, наряду с подготовкой коллективных трудов, различных сборников статей и документов, проведением многочисленных конференций различного уровня, подготовка молодых специалистов была одним из ключевых направлений деятельности отдела средневековой истории. Она стала общим проектом ведущих ученых Института истории им. Ш.Марджани и К(П)ФУ.

Из числа защитившихся 15 молодых специалистов пятеро олицетворяют сегодня преемственность поколений в Институте истории, другие трудятся в различных научных и образовательных учреждениях республики, повышают научную квалификацию, а самое главное – радуют новыми научными открытиями, публикациями. Надеюсь, что список защитившихся аспирантов на этом не закончится, в ближайшее время заявят о себе еще несколько соискателей, призванных на военную службу или находящихся в административном отпуске по воспитанию ребенка.

Успешная подготовка молодых кадров в стенах отдела стала возможной благодаря кооперации усилий с коллегами по Институту истории и из других научных учреждений, успешному взаимодействию с руководством института и президиумом Академии наук Татарстана. Благодаря научным изысканиям аспирантов объектом исследования стали новые темы по средневековой и новой истории, изучены конфессиональные группы и ряд сословно-социальных категорий татарского населения Волго-Уральского региона.

Приложение 1

Темы диссертаций аспирантов отдела средневековой истории (1998–2014 гг.)⁵

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Форма обучения	Год поступления	Науч. руководители	Тема диссертации
1	Ибатуллина Лейсан Хасановна	заочн.	1998	д.и.н. М.А.Усманов	«Вклад И.Бичурина в изучение и публикацию китайских источников по истории тюркских народов»
2	Миргалеев Ильнур Мидхатович	очн.	1998	д.и.н. Р.Г.Фахрутдинов	«Политическая история Золотой Орды периода правления Тохтамыш хана»
3	Тазиев Айдар Аннурович	очн.	1999	д.и.н. Р.Г.Фахрутдинов	«Образование и ранняя история Золотой Орды»
4	Мухаммедьярова (Гимадеева) Земфира Ильясовна	очн.	1999	к.и.н. И.К.Загидуллин	«Газета «Баянель-хак» (1906–1914 гг.) как исторический источник»
5	Байбулатова Лилия Фаритовна	очн.	1999	д.и.н. М.А.Усманов	«Био-библиографический свод "Асар" Р.Фахреддина»
6	Самотугина Асия Рафгатовна	очн.	1999	к.и.н. И.К.Загидуллин	«Общественно-культурная жизнь татар в казанской периодической печати в 1880–1905 гг.»
7	Султанов Ринат Ибрагимович	заочн.	1999	к.и.н. Р.Г.Галлям	«Историческая география города Казань и его предместья в XVI–XVII вв.»
8	Хабибуллин Нияз Рустамович	заочн.	1999	д.и.н. М.А.Усманов	«Историография этногенеза татарского народа»
9	Вахитова Лилия Давлетшаевна	очн.	2000	к.и.н. И.К.Загидуллин	«Проблемы трансформации татарской культуры в газете «Тарджеман (Переводчик)»
10	Гаффарова (Фазылзянова) Гульназ Вагизовна	очн.	2000	к.и.н. И.К.Загидуллин	«Англо-американская историография о "татарском вопросе" в России (вторая половина XIX – начало XX вв.)»
11	Зиннатуллина Гульнара Рашидовна	заочн.	2000	к.и.н. И.К.Загидуллин	«Е.А.Малов – исследователь общественно-культурной жизни татар»
12	Гарипов Нурулла Гимаевич	заочн.	2000	к.и.н. Р.Ф.Галлям, д.и.н. Ф.Ш.Хузин	«Челнинский городок и его округа (опыт изучения вассально-феодальных отношений в Казанском ханстве»
13	Тазетдинов Ирек Гаязович	заочн.	2000	к.и.н. Р.Г.Галлям	«Влияние Джучиева Улуса на развитие русского государства (XIII–XVII вв.)»

⁵ Таблица составлена по протоколам заседаний отдела средневековой истории за 1998–2014 гг.

14	Владимирова Лилия Михайловна	заочн.	2000	к.и.н. И.К.Загидуллин	«Земские учреждения и татарское население Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.»
15	Насыров Рафик Гумерович	заочн.	2000	к.и.н. Р.Ф.Галлямов, д.и.н. Р.Г.Фахрутдинов	«Сельское расселение Западного Закамья во второй половине XVI – начале XVIII вв.»
16	Насыбуллин Исафил Рахматуллович	КГУ заочн.	2000	к.и.н. Р.Ф.Галлямов	«Политико-административное устройство Казанского ханства»
17	Батриев Ильдус Фирдусович	очн.	2001	к.и.н. Загидуллин И.К.	«Социально-экономическое и правовое положение татар-лашман (20-е годы XVIII в. – первая половина XIX в.)».
18	Гайнутдинов Ильгиз Ильясович	очн.	2001	к.и.н. Галлямов Р.Ф.	«Ногайско-казанские отношения (середина XV – середина XVI вв.)»
19	Рахманкулов Искандер Талгатович	заочн.	2001	д.и.н. С.Х.Алишев	«Астраханские татары: политическая и этносоциальная история (XVI–XVII вв.)»
20	Билалова (Хасанова) Гульназ Ильдусовна	заочн.	2001	к.и.н. И.К.Загидуллин, к.и.н. К.Г.Ахсанов	«Современная англо-язычная историография о древнетюркских каганатах»
21.	Сафиуллина (Султанова) Гульнара Гумеровна	заочн.	2002	д.и.н. Р.У.Амирханов, к.и.н. И.К.Загидуллин	«Социокультурные и семейно-бытовые проблемы татарских женщин на страницах казанской национальной печати (1905–1918 гг.)»
22	Файзрахманов Ильшат Завдатович	очн.	2003	д.и.н. С.Х.Алишев	Развитие мануфактурной промышленности Казанского края (вторая половина XVIII в. – первая половина XIX в.)»
23	Сафин Ильнур Факилович	очн.	/2003	д.и.н. Р.У.Амирханов, к.и.н. И.К.Загидуллин	«Мусульманский вопрос» на страницах газеты «Вақыт» (1906–1918 гг.)»
24	Рахимова Диляра Файзулловна	очн.	2004	к.и.н. И.К.Загидуллин	«История развития банковско-кредитных учреждений в Казани во II трети XIX – начале XX веков»
25	Шагдалеева Зулфия Джавдатовна	очн.	2004	д.и.н. С.Х.Алишев	«Казанская война Московского государства в 1545–1552 гг.»
26	Латыпов Рузаль	очн.	2004	Г.М.Давлетшин	«Культура и быт населения Казанского ханства»
27	Исхаков Радик Равилович	очн.	2005	к.и.н. И.К.Загидуллин	«Миссионерская деятельность Русской православной церкви в отношении мусульман Среднего Поволжья XIX – начало XX вв. »
28	Гатауллин Алмаз Рифович	очн.	2005	д.и.н. Г.Л.Файзрахманов, к.и.н. С.Г.Кляшторный	«Дипломатические отношения Тюркских каганатов с Китайской Империей VI–XI вв. » «Социально-политические и торгово-экономические отношения Первого тюркского каганат с северокаитайскими княжествами в VI–VIII вв.»
29	Галимуллин Даниль Шамилович	очн.	2005	к.и.н. А.А.Арсланова	«Проблемы изучения материальной культуры Золотоордынских городов Поволжья в отечественной историографии XIX – начале XXI вв.»
30	Гоголева Светлана Анатольевна	заочн.	2005	к.и.н. Р.Г.Галлям	«Поместно-вотчинное землевладение в Казанском уезде во второй половине XVI в.»
31	Гибадуллина Эльза Маратовна	заочн.	2005	к.и.н. И.К.Загидуллин	«Городские и сельские приходы Самарской губернии: общее и особенное (вторая половина XIX – начало XX вв.)»
32	Горятова Елена Владимировна	заочн.	2006	к.и.н. Р.Г.Галлям	«Е.И.Чернышев как исследователь истории народов Среднего Поволжья в XVI–XIX вв.»
33	Муллагалиев Рустем Мансурович	очн.	2006	к.и.н. И.К.Загидуллин	«Социальная жизнь татарской крестьянской общины в Казанской губернии во второй пол. XIX века (60–90 гг.)»
34	Шарафутдинов Ильнур Наилевич	очн.	2006	д.и.н. Г.М.Давлетшин	«Культура тюркоязычных кочевников домонгольского периода в отечественной историографии»
35	Ягудин Ильдар Тагзимович	очн.	2006	д.и.н. И.К.Загидуллин	«Общественно-политическая деятельность оренбургского муфтия Мухамедьяра Султанова»

36	Вафин Ильнур Амирович	очн.	2007	к.и.н. Р.Г.Галлям	«Общее и особенное в развитии заштатного и уездных городов Казанской губернии последней четверти XVIII – нач. XX вв.»
37	Баграмов Эмиль Радикович	очн.	2007	д.и.н. Р.Г.Фахрутдинов, к.и.н. И.М.Миргалеев	«Взаимоотношения Золотой Орды с государствами Европы (XIII – нач. XV вв.)»
38	Гарайева Люция Илгизовна	очн.	2007	д.и.н. И.К.Загидуллин	«Структура, размещение и развитие поселений в Казанском Поволжье во второй половине XVI – первой половине XVII вв.»
39	Ахатов Ильяс Ахматович	очн.	2007	д.и.н. Р.Г.Фахрутдинов, к.и.н. И.М.Миргалеев	«Взаимоотношения Золотоордынского государства и Большой Орды с Османской империей в XIV – нач. XVI вв.»
40	Баязитова Римма Фаиловна	очн.	2007	д.и.н. М.А.Усманов	«Мюхимме дефтерлере» как источник по истории Крымского ханства середины XVI – начала XVII вв.»
41	Давлетшин Марат Гамирзанович	очн.	2007	д.и.н. И.К.Загидуллин	«Духовная культура Золотой Орды в российской историографии»
42	Уразаев Руслан Фаритович	очн.	2007	к.и.н. И.М.Миргалеев	«Политическая история Золотой Орды периода расцвета (1312–1359 гг.)»
43	Абдуллина Гузель Камилловна	очн.	2008	д.и.н. И.К.Загидуллин	«Социокультурная жизнь татар XIX – начала XX вв. в татарских народно-краеведческих сочинениях»
44	Шайхиев Наис Фанисович	очн.	2008	к.и.н. И.М.Миргалеев	«Политическая история Улуса Джучи в период становления (1207–1241 гг.)»
45	Мубаракзянов Марат Анисович	очн.	2008	д.и.н. И.К.Загидуллин	«М.Хусаинов – первый муфтий Оренбургского магометанского духовного собрания (последняя треть XVIII – первая четверть XIX в.)»
46	Кореева Наталья Анатольевна	заочн.	2008	д.и.н. И.К.Загидуллин	«Торгово-промышленная деятельность татарского купечества Казанской губернии в первой половине XIX в.»
47	Зайнуллин Булат Равилевич	заочн.	2009	д.и.н. Г.М.Давлетшин	«Культура и быт населения Казанского ханства»
48	Мубаракшин Фархат Рашитович	очн.	2009	к.и.н. И.Л.Измайлов	«История Западной части Улуса Джучи: Ногай и его время»
49	Шкапин Сергей Владимирович	очн.	2009	д.и.н. И.К.Загидуллин	«Государственные крестьяне Казанской губернии в 40–50-е гг. XIX века»
50	Федоров Игорь Александрович	очн.	2009	д.и.н. И.К.Загидуллин	«Попечение и опека в Казанской губернии в последней четверти XIX – начале XX вв.»
51	Зиятдинова Гузель Софияновна	заочн.	2009	д.и.н. И.К.Загидуллин	«Общественно-исследовательская и публицистическая деятельность Н.Я.Агафонова»
52	Низамиева Насима Камилевна	очн.	2010	д.и.н. И.К.Загидуллин	«Социально-правовое положение мещеряцкого военно-служилого сословия (середина XVIII в. – 60-е гг. XIX в.)»
53	Сайтгараев Вадим Васильевич	очн.	2010	д.и.н. Г.М.Давлетшин	«Культура и быт Казанского ханства»
54	Пашина Екатерина Владимировна	очн.	2011	д.и.н. И.К.Загидуллин	«Город Тетюши: военно-административный и социальный аспекты истории «малого города» Среднего Поволжья (последняя треть XVI – I четверть XVIII вв.)»
55	Рагмангулова (Заялетдина) Римма Марсовна	очн.	2011	д.и.н. И.К.Загидуллин	«"Национальный вопрос" в Волго-Камье в XIX – начале XX вв. в работах англоязычных историков»
56	Баревин Александр Викторович	заочн.	2011	к.и.н. Р.Г.Галлям	«Монастыри и монастырские вотчины в Казанском Поволжье во второй половине XVI – начале XVIII вв.»
57	Андреев Владимир Николаевич	очн.	2011	к.и.н. Р.Г.Галлям	«Формирование сети «новокрещенских» поселений в Казанском Поволжье во второй половине XVI – середине XVII вв.»
58	Галиев Алмаз Газинурович	заочн.	2011	д.и.н. И.К.Загидуллин	«Правительственные межведомственные совещания (конца XIX – начала XX вв. о «татарском вопросе» в Волго-Уральском регионе»

59	Аминов Рустем Равилевич	очн.	2012	д.и.н. И.К.Загидуллин	«Татары-казаки в составе Оренбургского казачьего войска (1748–1917 гг.)»
60	Хисматуллин Булат Ринатович	очн.	2012	к.и.н. Р.Г.Галлям	«Сельская община и земельные правоотношения в Казанском ханстве (вторая пол. XV – сер. XVI вв.)»
61	Сайфуллин Азат Айратович	заочн.	2012	д.и.н. И.К.Загидуллин, к.и.н. М.Р.Белоусов	«Мурзы и служилые татары Романовского уезда во второй половине XVI – начале XVIII вв.»
62	Ахметзянов Ильфар Зуфарович	очн.	2013	к.и.н. Р.Г.Галлям	«Город-крепость Свияжск во второй половине XVI – начале XVIII вв.»
63	Хасаншин Гадел Ринурович	заочн.	2013	д.и.н. И.К.Загидуллин	«Роль межведомственных совещаний в формировании внутривластного курса правительства в отношении татар-мусульман Волго-Уральского региона (конец XIX – начало XX в.)»
64	Саматов Булат Мидхатович	очн.	2014	к.и.н. Б.Р.Рахимзянов	«Взаимоотношения северо-восточных русских княжеств с Улусом Джучи в первой половине XV в.»

Приложение 2

Список авторефератов кандидатских диссертаций, подготовленных в отделе средневековой истории (Отдел средневековой истории, 2009, с.76; Отдел средневековой истории, 2015, с.108; Аминов, 2016; Кореева, 2016)

1. **Аминов Р.Р.** Татары-казаки в составе Оренбургского казачьего войска (1748–1917 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Казань, 2016. 22 с. (Науч. руководитель И.К.Загидуллин).
2. **Байбулатова Л.Ф.** Источниковая база библиографического свода «Асар» Р.Фахреддина: автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.09. Казань, 2004. 21 с. (Науч. рук-ль М.А.Усманов).
3. **Владимирова Л.М.** Роль земств Самарской губернии в жизни крестьян-мусульман (1865–1914 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Казань, 2011. 28 с. (Науч. руководитель И.К.Загидуллин).
4. **Гариф Н. Г.** Чаллынский улус в Казанском ханстве (опыт изучения феодально-вассальных отношений в постзолотоордынских тюрко-татарских государствах): автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Казань, 2005. 34 с. (Науч. руководитель Р.Ф.Галлямов, науч. консультант Ф.Ш.Хузин).
5. **Гибадуллина Э.М.** Мусульманские приходы в Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 – Отечественная история. Казань, 2006. 26 с. (Науч. руководитель И.К.Загидуллин).
6. **Исхаков Р.Р.** Миссионерская деятельность Русской православной церкви в отношении мусульман Среднего Поволжья в XIX – начале XX вв. (1800–1917 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Казань, 2008. 23 с. (Науч. руководитель И.К.Загидуллин).
7. **Кореева Н.А.** Торгово-промышленная деятельность татарского купечества Казанской губернии в первой половине XIX в.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Казань, 2016. 31 с. (Науч. руководитель И.К.Загидуллин).
8. **Миргалеев И.М.** Политическая история Золотой Орды периода Токтамыша: автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Казань, 2002. 19 с. (Науч. руководитель Р.Г.Фахрутдинов).
9. **Мифтахов Р.Г.** Образ татар-мусульман Казанской губернии в трудах современников XIX – начала XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Казань, 2011. 27 с. (Науч. руководитель З.З.Мифтахов, науч. консультант И.К.Загидуллин).
10. **Муллагалиев Р.М.** Социально-экономическая жизнь татарской крестьянской общины Казанской губернии в пореформенный период (60–90-е гг. XIX в.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Казань, 2012. 31 с. (Науч. руководитель И.К.Загидуллин).
11. **Насыров Р.Г.** Сельское расселение Западного Закамья во второй половине XVI–XVIII вв.: автореф. дисс. канд. ист. наук: 07.00.02 – Отечественная история. Казань, 2005. 34 с. (Науч. руководители Р.Г.Фахрутдинов, Р.Ф.Галлямов).
12. **Саматова Ч.Х.** Школьная политика самодержавия в отношении татар-мусульман во второй половине XIX – начале XX вв. (на пример Казанской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Казань, 2010. 27 с. (Науч. руководители И.К.Загидуллин, Р.У.Амирханов)

13. Султанов Р.И. Историческая география города Казани и его предместий в XVI–XVII вв.: автореф. дисс... канд. ист. наук: 07.00.02. Казань, 2004. 28 с. (Науч. руководитель Р.Ф.Галлямов).

14. Файзрахманов И.З. Развитие мануфактурной промышленности Казанского края во второй половине XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Казань, 2010. 27 с. (Науч. руководитель С.Х.Алишев).

15. Хамидуллин Б.Л. Этносоциальная история Казанского ханства: автореф. дисс... канд. ист. наук: 07.00.02. Казань, 2004. 28 с. (Науч. руководитель С.Х.Алишев).

ЛИТЕРАТУРА

1. Аминов Р.Р. Татары-казаки в составе Оренбургского казачьего войска (1748–1917 гг.) / Науч. ред. И.К.Загидуллин. Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2017. 348 с. (из серии «Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья». Вып.7).

2. Аминов Р.Р. Татары-казаки в составе Оренбургского казачьего войска (1748–1917 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Казань, 2016. 22 с.

3. Байбулатова Л.Ф. «Асар» Ризы Фахреддина: Источниковая основа и значение свода / Науч. ред. М.А.Усманов. Казань: Татар. кн. изд-во, 2006. 174 с.

4. Владимирова Л.М. Самарское земство и крестьяне-мусульмане губернии (1865–1914 гг.) / Науч. ред. И.К.Загидуллин. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани, 2016. 256 с. (из серии «Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья». Вып.6).

5. Гариф Н.Г. Казан ханлыгы: Оешу тарихы, идарэ системасы, административ бүленеше һәм феодал вассаллык мөнәсәбәтләре. Чаллы олысы мисалында Фәнни мөхәррирләр: Ф.Ш.Хужин, Р.Г.Галләм. Казан: Татар. кит. нәшр., 2006. 175 б.

6. Гибадуллина Э.М. Мусульманские приходы в Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. / Науч. ред. И.К.Загидуллин. Отв. ред. Д.В.Мухетдинов. Н. Новгород: ИД «Медина», 2008. 262 с.

7. Загидуллин И.К. Предисловие // Отдел средневековой истории Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан: десять лет деятельности (1998–2008 гг.): Библиография трудов сотрудников (1987–2008 гг.) / Авт. предисл., отв. ред. и сост. И.К.Загидуллин. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2009. С.3–11.

8. Загидуллин И.К. Предисловие // Отдел средневековой истории Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (2009–2014 гг.): деятельность отдела и библиография трудов сотрудников / Автор предисловия, отв. ред. и сост. И.К.Загидуллин. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015. С.3–19.

9. Загидуллин И.К. Становление системы национального высшего образования в Республике Татарстан (Из опыта работы Татарского государственного колледжа) // Татарстан. 1996. №3. С.25–30.

10. Загидуллин И.К. Дорогу осилит идущий (Татарскому государственному гуманитарному институту – пять лет) // Ученые записки Татарского государственного гуманитарного института. 1997. №1. С.5–18.

11. Загидуллин И.К. Учебно-методическая литература по курсу «История татарского народа и Татарстана» // Научный Татарстан. 2002. №3–4. С.108–112.

12. История татар с древнейших времен. В семи томах. Т.1. Народы степной Евразии в древности / Гл. редакторы Рафаэль Хакимов, Миркасым Усманов; науч. редактор тома Сергей Кляшторный; отв. секретарь Ильдус Загидуллин. Казань: «Рухият», 2002. 551 с.

13. История татар с древнейших времен. В семи томах. – Т.П. Волжская Булгария и Великая Степь. / Гл. редакторы Рафаэль Хакимов, Миркасым Усманов; редколлегия тома: Фаяз Хузин (отв. редактор), Ильдус Загидуллин (зам. отв. редактора), Сергей Кляшторный. Казань: Изд-во «РухИЛ», 2006. 959 с.

14. История татар с древнейших времен. В семи томах. Т.III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. / Гл. редакторы Рафаэль Хакимов, Миркасым Усманов; науч. редактор тома Миркасым Усманов; отв. секретарь Алсу Арсланова. Казань: Институт истории им.Ш.Марджани, 2009. 1055 с.

15. История татар с древнейших времен. В семи томах. Т.VI. Формирование татарской нации. XIX – начало XX в. / Гл. редакторы Рафаэль Хакимов, Миркасым Усманов; науч. редактор тома Ильдус Загидуллин; отв. секретарь Радик Исхаков. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2013. 1171 с.

16. Исхаков Р.Р. Миссионерство и мусульмане Волго-Камья (последняя треть в XVIII – начало XX в.) / Науч. ред. И.К.Загидуллин. Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. 222 с.

17. Кореева Н.А. Торгово-промышленная деятельность татарского купечества Казанской губернии в первой половине XIX в.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Казань, 2016. 31 с.

18. Миргалеев И.М. Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань: Алма-Лит, 2003. 164 с.

19. Насыров Р.Г. Сельское расселение в Западном Закамье (вторая пол. XVI – нач. XVIII вв.) / Науч. ред. Р.Г.Галлямов. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. 240 с.: ил.

20. Саматова Ч.Х. Имперская власть и татарская школа во второй половине XIX – начале XX века / Науч. ред. И.К.Загидуллин. Казань: Татар. кн. изд-во, 2013. 239 с.

21. Султанов Р.И. Историческая география города Казани и его предместья в XVI–XVII вв. / Науч. ред. Р.Ф.Галлямов. Казань: изд-во «Магариф», 2004. 271 с.
22. Отдел средневековой истории Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан: десять лет деятельности (1998–2008 гг.): Библиография трудов сотрудников (1987–2008 гг.) / Авт. предисл., отв. ред. и сост. И.К.Загидуллин. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2009. 143 с. + 8 с. вкл.
23. Отдел средневековой истории Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (2009–2014 гг.): деятельность отдела и библиография трудов сотрудников / Автор предисловия, отв. ред. и сост. И.К.Загидуллин. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015. 164 с. + 12 с. цв. вкл.
24. Сборник материалов итоговых конференций молодых ученых и аспирантов за 1999–2000 гг. / отв. ред.: Н. К. Гарипов. Казань: Мастер-Лайн, 2001. 311 с.
25. Сборник материалов итоговых научных конференций молодых ученых и аспирантов Института истории им. Ш. Марджани АН РТ за 2001–2002 гг. / отв. ред. Н.К. Гарипов. Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2002. 299 с.
26. Сборник материалов итоговой научной конференции молодых ученых и аспирантов Института истории им. Ш. Марджани АН РТ за 2003 год / Отв. редакторы: И.Р. Минуллин, Р.Р. Салихов, Н.К. Гарипов. Казань: Институт истории АН РТ, 2003. 199 с.
27. Сборник материалов итоговой конференции молодых ученых и аспирантов Института истории АН РТ за 2008 г. / Под ред. М.М. Гибатдинова, Б.И.Измайлова. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. 209 с.
28. Файзрахманов И.З. Развитие мануфактурной промышленности Казанского края во второй половине XVIII в. / Науч. ред. С.Х.Алишев. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2013. 208 с.
29. Хамидуллин Б.Л. Население Казанского ханства: этносоциологическое исследование. / Науч. ред. С.Х. Алишев, Р.Ф. Галлямов. Казань: Татар. кн. изд-во, 2002. 335 с.

I.K. Zagidullin

**TRAINING OF YOUNG SPECIALISTS IN THE DEPARTMENT
OF MEDIEVAL HISTORY OF SH.MARJANI INSTITUTE OF HISTORY
OF TATARSTAN ACADEMY OF SCIENCES (1998–2014 YEARS)**

The article analyzes the scientific and methodical management of graduate students in department of medieval history of Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences during its existence, achievement and omission in training of young specialists historians is analyzed, provides information on the number of graduate students, scope of researches on the historical periods, lists of subjects and autoabstract of dissertations are provided.

Keywords: tatarovedenie, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, department of medieval history, training of specialists historians.

Сведения об авторе:

Загидуллин Ильдус Котдусович – доктор исторических наук, заведующий Отделом новой истории Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан (г. Казань); zagik63@mail.ru

Zagidullin Idus – Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of Modern History, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan)

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Международная научная конференция «Внутренние периферии в международной перспективе, 1500–2015 гг.» (Австрия, г. Вена, 20–21 октября 2017 г.)

20–21 октября 2017 г. в городе Вена (Австрия) состоялась международная научная конференция «Внутренние периферии в международной перспективе, 1500–2015 гг.», организованная факультетом экономической и социальной истории университета Вены (Universität Wien) при поддержке австрийских и немецких научных фондов и организаций и муниципалитета Вены. Основными организаторами являлись доктора Клеменс Капс и Андреа Колмоши (Университет Вены) и профессор Ханс-Хейнрих Нолте (Ганновер).

Университет Вены – один из старейших в Европе (был основан в 1365 году). Это государственный университет. В университете учится около 92 000 студентов, что делает его крупнейшим по численности обучающихся студентов вузом немецкоязычного пространства. Исследователям России Венский университет известен тем, что в нем долгое время работал хорошо знакомый как историкам России, так и тюрко-татарского мира профессор Андреас Каппелер. Сейчас с университетом в разной мере аффилированы его многочисленные ученики.

Тематика конференции была следующей. Дискуссии о неравномерном экономическом развитии привели к появлению новой категории в исторических исследованиях в 1990-х гг.: внутренние периферии. Эта категория основана на системной структуре мира Иммануэля Валлерштайна, с одной стороны, и на исследованиях регионального дифференцирования с исторической точки зрения, которые происходили с 1960-х гг., с другой. Внутренние периферии, как заявляет ведущий спикер конференции профессор Ханс-Хейнрих Нолте, являются местами, созданными, чтобы приносить пользу людям, живущим в другом месте, т.е. в основной (центральной) области. Внутренние периферии, таким образом, определены с точки зрения экономической географии, и редко соответствуют условным политическим схемам, таким, к примеру, как отношения между столицей и пограничными районами.

На обсуждение были вынесены следующие темы:

- Торговля, миграция и производство между «основными» (центральными) территориями и внутренними перифериями;
- Пространство деятельности (Gestaltungsraum) для периферий? Участие в политической жизни и региональная политика;
- Диахронические сравнения регионального развития;
- Сложности пространственного и социального неравенства;
- Создание образов и видений (внутренних) периферий;
- Культурные стереотипы и политические методы.

Языком конференции для всех (в том числе и для австрийцев и немцев, которые преобладали среди участников) являлся английский. На каждого докладчика отводилось по 40 минут – 20 минут для выступления и 20 для вопросов. После секций была и общая дискуссия по секции, также как и финальная дискуссия по всей конференции. Секции представляли собой географическую разбивку: Восточная Европа (2 доклада), Европейский Юг (1), Германская империя и Германия (3), Габсбургская Центральная Европа (4). Участниками конференции были представители Европы (Австрия, Германия, Венгрия), России и США. Результаты конференции предполагается издать либо в виде книги на английском языке, либо в виде тематического выпуска журнала на немецком языке.

В конференции принял участие сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ Булат Рахимзянов. Его доклад назывался «Политический фронтир Московии: Касимовское ханство и другие».

Программу конференции можно найти здесь: https://dk-galizien.univie.ac.at/fileadmin/user_upload/dk_galizien/Dateien/Kaps_Flyer.pdf

**IX Международная научная конференция
«Комплексный подход в изучении Древней Руси»
(Москва, Институт российской истории РАН, 11–15 сентября 2017 г.)**

11–15 сентября 2017 года в Москве в здании Института российской истории РАН состоялась IX Международная научная конференция «Комплексный подход в изучении Древней Руси». Конференция имеет долгую историю – она проводится с 2001 года с периодичностью раз в два года. Организаторами конференции выступают научный журнал «Древняя Русь. Вопросы медиевистики», Институт Российской истории РАН, Институт славяноведения РАН, при поддержке РФФИ (грант № 17–01–14012). Основным организатором является главный редактор журнала «Древняя Русь. Вопросы медиевистики», доктор филологических наук Елена Леонидовна Конявская.

Участников конференции приветствовали Ю.А. Петров, д.и.н., директор Института российской истории РАН; К. В. Никифоров, д.и.н., директор Института славяноведения РАН; В. Б. Черкасский, к.ф.н., начальник Отдела – заместитель академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН по научно-организационной работе; В.П. Гребенюк, д.ф.н., начальник Управления гуманитарных наук РФФИ.

За 5 дней было заслушано 193 доклада. Многие постоянные участники отметили, что конференция переросла свой формат, и это уже научный форум медиевистов. Основная масса докладов построена по принципу т.н. *case studies* – когда исследователь берет небольшой сюжет, построенный, как правило, на материалах работы в архиве, и всячески «препарирует» его с разных сторон. Страны, представленные в программе, варьируются от года к году. Обычно это РФ (наибольшее количество докладов), Германия, Италия, Чехия, США, Греция, Белоруссия, др.

Удачным кажется принцип сочетания научной конференции с ярко выраженным тематическим «ядром» и периодического журнала – «Древняя Русь. Вопросы медиевистики» (издается с 2000 г.), отмечает один из постоянных участников конференции А.В. Мартынюк (Минск): «Данный подход дает ярко выраженный синергетический эффект, когда конференции задают общий вектор исследований, а журнал вносит в этот вектор живую динамику. Не случайно, что журнал «Древняя Русь. Вопросы медиевистики» занял место ведущего издания в области изучения истории восточнославянского Средневековья».

Перед каждой конференцией все тезисы печатаются в отдельном, специально выделенном для этого третьем номере журнала «Древняя Русь. Вопросы медиевистики», что, во-первых, дает возможность всем участникам ознакомиться с интересующими его материалами заранее, во-вторых, для авторов сообщений это еще и дополнительная «ВАКовская» публикация (журнал входит в Список ВАК). В дальнейшем самые интересные доклады можно издать в виде отдельной статьи в том же журнале.

В конференции приняли участие старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, к.и.н. Б.Р. Рахимзянов и М.М. Акчурина. Доклад Б.Р. Рахимзянова назывался «Приграничные зоны Московской Руси и наследников Золотой Орды. Некоторые аспекты темы», М.М. Акчурина – «Татарские подписи в утвержденной грамоте 1613 г.».

Программу конференции можно найти здесь: <http://drevnyaya.ru/conf/conf9/conf.php>

Тезисы конференции: http://drevnyaya.ru/vyp/2017_3/part_1.pdf

Сайт журнала «Древняя Русь. Вопросы медиевистики»: <http://drevnyaya.ru/>

Информацию подготовил **Б.Р. Рахимзянов**

**XI Всероссийская (с международным участием)
научно-практическая конференция «Историческая судьба Искера»
(Тобольск, Региональная татарская общественная организация
«Наследие» по Тюменской области, 21 июля 2017 г.)**

21 июля 2017 г. в Тобольске состоялась XI Всероссийская научно-практическая конференция «Историческая судьба Искера», которая состоялась в рамках Юбилейного X Международного фестиваля историко-культурного наследия сибирских татар «Искер-жыен» (Тобольск, 21–23 июля 2017 г.). Фестиваль и конференция были организованы Региональной татарской общественной организацией «Наследие» по Тюменской области. Основным организатором была бессменный лидер организации «Наследие» Луиза Алимчановна Шамсутдинова.

На конференции были рассмотрены следующие вопросы:

- сибирские татары и их роль в современной жизни;
- исследования священных мест сибирских татар;
- пути и перспективы строительства инфраструктуры вокруг Искера;
- механизмы реализации региональной политики в области национальной культуры;
- сохранение среды обитания и традиционного образа жизни сибирских татар Заболотья;
- изучение и популяризация языкового, исторического, этнографического и археологического наследия сибирских татар;
- проблемы изучения средневековой истории Западной Сибири;
- пути сохранения и увековечивания исторических памятников сибирских татар;

Участников конференции приветствовали заместитель главы города Иван Нефидов, председатель совета региональной татарской общественной организации «Наследие» по Тюменской области Луиза Шамсутдинова, имам Тобольской соборной мечети Ибрагим-хазрат (Сухов), лауреат государственной премии, профессор международной академии архитектуры Сагындык Джамбулатов (Казахстан, Астана), руководитель татарской организации женщин «Ак Калфак» Рашида Хамзина (Новосибирск).

На научном форуме, в котором приняло участие более 50 учёных, представителей татарской интеллигенции, общественных деятелей, было представлено 28 докладов. Внимание участников конференции и слушателей было заострено не только на судьбе Искера, но и на проблемах сохранения историко-культурного наследия в целом и на вопросах национального образования.

В конференции при финансовой поддержке Исполкома Всемирного конгресса татар приняли участие старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, к.и.н. Б.Р. Рахимзянов и доцент Казанского федерального университета, к.и.н. М.С. Гатин. Министерство культуры РТ командировало певца А. Габдинова и мастера художественного слова А. Хабибуллину. Все они, как ученые, так и артисты, принимали активное участие в течение всех трех дней фестиваля. Б.Р. Рахимзянов и А.М. Хабибуллина выступили с приветственными словами как представители Республики Татарстан на конференции; также все представители Казани выступили с краткими речами перед участниками сабантуя 22 июля и гала-концерта 23 июля.

Доклад Б.Р. Рахимзянова назывался «Искер и граница (?) между Московским государством и Сибирским ханством», М.С. Гатина – «Политика царского правительства второй половины XVI века по отношению к татарам в немецкой историографии». Доклад Б.Р. Рахимзянова вызвал интерес научной аудитории в силу того, что он охватывал такие актуальные для присутствующей аудитории вопросы, как территория, границы, население, столицы Сибирского ханства, хронология непосредственных политических и военных контактов Московского государства и Сибирского ханства во 2-й половине XVI в. (1555–1598).

Резолюция конференции выразила необходимость дальнейшего изучения судьбы столицы Сибирского ханства – Искера.

Информацию подготовил *Б.Р. Рахимзянов*

**III Всероссийская (с международным участием)
научная конференция «История, экономика и культура
средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири»
(Курган, Курганский государственный университет, 21–22 апреля 2017 г.)**

21–22 апреля 2017 г. в Кургане состоялась III всероссийская (с международным участием) научная конференция «История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири», организованная Курганским государственным университетом и Омским филиалом Института Археологии и этнографии Сибирского отделения РАН. Основным организатором был к.и.н., декан исторического факультета Курганского государственного университета Денис Николаевич Маслюженко.

На конференции были рассмотрены следующие вопросы:

1. Источники и историография «Улуса Шибана», Тюменского и Сибирского ханств
2. Владения Шибана и Шибанидов и их роль в истории Золотой Орды
3. Внутриполитическая история и институты государственной власти Тюменского и Сибирского ханств
4. Внешнеполитические отношения Тюменского и Сибирского ханств с соседями
5. Этнические процессы, материальная и духовная культура населения средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири

6. Средневековая татарская археология Западной Сибири

7. Тюркские народы Урало-Иртышского междуречья в XVII в.: наследие государственности

8. Угорские «княжества» Западной Сибири и их место в истории

Кроме того, предлагались к обсуждению следующие дискуссионные вопросы:

- 1) Прииртышье в XIII–XVI вв.: население и власть
- 2) Климатические и экологический фактор в истории Западной Сибири позднего средневековья
- 3) Хронология западносибирской государственности: когда исчезло Сибирское ханство?
- 4) Самоназвания и границы государств Западной Сибири

В конференции приняли участие сотрудники Института истории им. Ш. Марджани АН РТ – д.и.н. Д.М. Исхаков, к.и.н. Б.Р. Рахимзянов, к.и.н. А.В. Аксанов, аспирант И.Р. Нигматзянов. Доклад Д.М. Исхакова назывался «Арские князья на службе у московских государей: походы в Сибирь», Б.Р. Рахимзянова – «Казанский и Сибирский юрты в аннексионных планах Москвы», А.В. Аксанова – «К вопросу о власти Шибанидов в Булгарском улусе накануне образования Казанского ханства», И.Р. Нигматзянова – «Имагология хана Кучума в Есиповской летописи и исторические реалии». Они вызвали заинтересованность у представителей академической среды.

Материалы конференции были изданы к ее началу. См.: История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы III Всероссийской (с международным участием) научной конференции (Курган, 21–22 апреля 2017 г.). Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2017. 136 с.

Информацию подготовил **Б.Р. Рахимзянов**

Рахимзянов Булат Раимович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела новой истории Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань); bulatraim@mail.ru

Всероссийская научная конференция
«Ad marginem: тюркское казачество и служилые татары Османской империи,
Крымского ханства, Польско-Литовского государства и России»
(Казань, 29–30 ноября 2016 г.)

29–30 ноября 2016 г. в городе Казань (Российская Федерация) состоялась Всероссийская научная конференция «Ad marginem: тюркское казачество и служилые татары Османской империи, Крымского ханства, Польско-Литовского государства и России», организованная Институтом истории им. Ш. Марджани АН РТ.

В последнее время Институтом истории АН РТ уделяется особое внимание разработке проблемы тюркского казачества и служилых татар. В 2016 г. была защищена кандидатская диссертация научным сотрудником Института истории АН РТ – Рустемом Аминовым на тему: «Татары-казаки в составе Оренбургского казачьего войска (1748–1917 гг.)», под руководством заведующего отделом Новой истории Института истории АН РТ – Ильдуса Котдусовича Загидуллина, а в сентябре сего года вышла монография с аналогичным названием.

Несомненно, остается много и нераскрытых вопросов, связанных с различными аспектами истории тюркского казачества. К примеру, крайне слабо на сегодняшний день разработана проблема нахождения татар в составе Башкиро-Мещеряцкого войска. Недостаточно исследованы и сюжеты из истории татар-тюрков в составе Астраханского, Сибирского, Донского, Кубанского и, наконец, Уральского казачьих войск.

В рамках конференции были обсуждены следующие темы:

- Большеордынские, азовские, перекопские, очаковские, аккерманские (белгородские), мещерские казаки (татары), польско-литовские татары: возникновение, эволюция статуса, социальные функции, внутренняя жизнь общин;
- Взаимоотношения тюркского и славянского казачества;
- Казаки в средневековых тюрко-татарских государствах;
- «Мусульманские» иррегулярные войска Российской империи;
- Тюрки в иррегулярных войсках Российской империи;
- Служилые татары и служилые новокрещены в Московском государстве: расселение, динамика численности, региональные особенности в социально-правовом положении, хозяйственная деятельность;
- Служилые татары и служилые новокрещены на военной и дипломатической службе.

На конференции выступили крупнейшие специалисты – казаковеды, тюркологи из г. Казань (д.и.н. Д.М. Исхаков), г. Оренбург (к.и.н. Е.В. Годовова), г. Тольятти (д.и.н. А.М. Дубовиков), г. Москва (к.и.н. С.В. Думин), г. Новосибирск (д.и.н. Л.А. Бобров). Рабочим языком конференции являлись русский и татарский. На каждого докладчика отводилось по 15 минут. После секций была и общая дискуссия по секциям, также как и финальная дискуссия по всей конференции.

В рамках конференции прошел круглый стол на тему: «Тюрко-татарское и славянское казачество: общее и особенное (организация, взаимоотношения с центральными правительствами, взаимоотношения тюркского и славянского казачества)». С докладами выступили к.и.н., вице-предводитель и герольдмейстер Российского Дворянского Собрании (г. Москва) – Станислав Владимирович Думин с докладом: «Тюрко-татарское и славянское казачество (о татарах-казаках в Великом княжестве Литовском)» и к.и.н., старший научный сотрудник Института украинской археологии и источниковедения им. М.С. Грушевского НАН Украины (г. Киев, Украина) Владислав Владимирович Грибовский, который выступил на тему: «Концепция мужских союзов и возрастных классов Генриха Шурца в перспективе исследования казачьих сообществ».

Отрадно, что материалы конференции были изданы в журнале «Средневековые тюрко-татарские государства» №8, 2016 г. непосредственно к ее началу. Обращает на себя внимание широкий географический диапазон исследований. Несомненно положительным моментом является и обширные хронологические рамки сборника, затрагивающие период с XIII до начала XX вв.

Обратим внимание на наиболее значимые, на наш взгляд, работы, опубликованные в материалах конференции. В своей статье д.и.н., ведущий научный сотрудник Лаборатории гуманитарных

исследований Новосибирского государственного университета, доцент кафедры археологии и этнографии Новосибирского государственного университета Леонид Александрович Бобров, основываясь на комплексном анализе различных видов источников, таких как: письменные, вещественные, изобразительные воссоздает один из важнейших тактических приемов кочевников XIII–XVI вв., известный под названием «хоровод» конных лучников. Автор приходит к выводу, что на снижение боевой эффективности «хороводов» повлияло распространение огнестрельного оружия и изменение кавалерийской тактики номадов в XVII в.

Богатый фактический материал содержит статья А.В. Виноградова («Служилые татары Посольского приказа в осуществлении дипломатических связей Русского государства и Крымского ханства 60–90-х годов XVI века», с. 84–91 журнала). Несомненным достоинством данной работы является использование ученым архивных документов Российского государственного архива древних актов (РГАДА). Учитывая достаточно скудную архивную базу по исследуемому автором периоду, работа приобретает поистине знаковый и фундаментальный характер. Следует отметить и приводимые А.В. Виноградовым списки татарских гонимых, отправленных в Крым.

Казанский исследователь Марат Гатин изучил проблему происхождения казачества в работах современных исследователей, представителей немецкой историографии (с. 100–102) и пришел к выводу, что по мнению Андреаса Каппелера казаки изначально имели тюркское происхождение. И даже несмотря на то, что в дальнейшем в состав казачества была внедрена ощутимая прослойка восточного славянства, этноконфессиональный состав казачества еще долго продолжал оставаться довольно неоднородным.

Ученый из Казани Булат Рахимзянов в своей работе («Властные полномочия татарской элиты на пожалованных московских территориях: потенциалы и лимиты», с. 210–218) исследовал взаимоотношения татарской знати и Московского государства. Автор приходит к выводу, что на протяжении XV–XVII вв. положение татарской знати сильно зависело от внешней геополитической ситуации в Восточной Европе. Не совсем верным является, по мнению Б.Р. Рахимзянова, факт осознания татарских представителей в виде беспрекословных «слуг» великого князя.

Вопросы социально-правового статуса арских князей изучил известный казанский ученый Дамир Исаков («Статус арских князей в Вятской земле Московского княжества в первой половине XVI в.», с. 167–174), который приходит к выводу, что несмотря на то, что положение арских князей с течением времени менялось, до 1552 г. оно в целом оставалось устойчивым. Это выражено, прежде всего, сохранением права самостоятельно собирать ясак с подчиненного им населения.

Социальное положение новокрещен во второй половине XVI – начале XVII вв. сквозь призму христианского просвещения рассмотрено д.и.н. Ильдусом Загидуллиным («Социальные аспекты христианского просвещения новокрещен в Казанском крае во второй половине XVI – начале XVII вв.», с. 146–166). Ученый доказал, что на рубеже XVI–XVII вв. митрополит Гермоген сумел закрепить успех первых казанских миссионеров, изолировать новокрещен от бытовых и хозяйственных контактов с мусульманами, сформировав сеть новокрещенских селений.

В журнале, а также и на конференции довольно широко представлена тема казачества Южного Урала. Причем история тюркского казачества региона рассмотрена довольно разнопланово. Так, к.и.н. Рустем Аминов в своей работе («Обзор письменных источников по истории нагайбаков», с. 63–66) останавливается на кратком обзоре имеющихся письменных источников по истории нагайбаков. Автор заключает, что переезд нагайбаков в 1842 г. на Новую линию (современная Челябинская область РФ) способствовал тому, что при исследовании различных аспектов истории нагайбаков в составе ОКВ приходится обращаться к различным архивохранилищам страны. В то же время, обнаруживается дублирование материалов столичного архива РГАДА с региональными – ГАОО (Государственный архив Оренбургской области) и ЦИА РБ (Центральный исторический архив Республики Башкортостан)¹.

Е.В. Годовова в статье «Тюрки в составе Оренбургского казачьего войска: сохранение этноконфессиональной идентичности (исторический опыт XVIII–XIX вв.)» (с. 103–107) приводит данные о численности тюркского населения ОКВ в XIX в. и останавливается на особенностях повседневной жизни татар-казачков. Казанский этнограф Наиль Халиков, изучая традиционное хозяйство татар-казачков Южного Урала (с. 264–271) резюмирует, что в целом хозяйственная культура казачков имела общие черты с поволжскими татарами, но военный статус и налоговые льготы способствовали многоземелью казачков.

¹ Недавно этот архив был переименован в НА РБ – Национальный архив Республики Башкортостан.

Крупнейший исследователь Уральского казачьего войска, тольяттинский историк – Александр Дубовиков («Казачи-мусульмане Уральского войска на государевой службе» – с. 139–145) проанализировал роль казаков-мусульман из татар и башкир в истории УКВ. Ученый приводит численность мусульманского населения войска и данные об их участии в военных кампаниях Российской империи.

История представления статуса отдельного казачьего войска приазовским ногайцам освещена в статье украинского исследователя Владислава Грибовского «Ногайское казачье войско» (с. 108–129). В результате исследования автор приходит к выводу, что казачье войско представляет собой юридический конструкт, выражавший, как правило, автономное состояние разнородных обществ в составе Российской империи.

Сибирское казачество представлено статьями Я.Г. Солодкина и З.А. Тычинских. Я.Г. Солодкин изучил социально-правовое положение служилых татар (йомышлы) («Служилые татары и ранняя русская колонизация Сибири (конец XVI – начало XVII вв.): военные аспекты» – с. 233–239). Выясняется, что татары являлись довольно значительной боеспособной силой, прекрасно адаптированной к местным условиям. Их использовали при подавлении восстаний, различных экспедиций наряду с другими этническими группами.

Зайтуна Тычинских в статье «Служилые татары: генезис и трансформация этносословной страты (на материале Западной Сибири)» (с. 240–247) делит историю служилых татар Западной Сибири на три периода: 1 период – конец XVI – начало XVIII в. – этап формирования служилых татар как особой группы служилого сословия. 2 период – начало XVIII в. – 1822 г. – период существования подразделений служилых татар в составе казачьих гарнизонов (г. Тобольск, Тюмень, Тара). 3 период – 1822–1868 г. – завершающий период – в это время происходила унификация служилых татар с другими категориями казачества и перевод в дальнейшем в податное сословие. Кроме того, автор обращается к численности, вопросам жалованья, землевладения, функциям исследуемой группы населения.

Слабо изученной группе астраханских юртовских татар посвящена статья астраханского ученого – Ильи Торопицына («Участие астраханских юртовских татар в Русско-Польской войне 1609–1618 гг.» – с. 248–254). Высокий социально-правовой статус исследуемой этносословной группы подтверждается оплатой царскими воеводами услуг «юртовцев» в оборонительных и наступательных операциях.

Резюмируя, хочется отметить, что результаты конференции всесторонне воссоздают картину истории тюркского казачества и служилых татар нашей страны, существенно внося неопределимый вклад в общую копилку сохранения историко-культурного наследия российского казачества и тюркских народов. Вне всякого сомнения, необходимо и в дальнейшем проводить подобные научные мероприятия с целью еще более глубокого изучения проблемы и раскрытия неизвестных страниц истории российского казачества.

Информацию подготовил *Р.Р. Аминов*

Аминов Рустем Равилевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра изучения истории и культуры татар-кряшен и нагайбаков Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан (г. Казань); rustem_270988@mail.ru

IN MEMORIAM

УДК 929

ОДАРЕННЫЙ СЫН СВОЕГО НАРОДА: Р.Г. ФАХРУТДИНОВ (1937–2014)

© 2017 г. Д.Г. Мухаметшин

Исполнилось 80 лет со дня рождения крупнейшего татарского историка и археолога, доктора исторических наук Равиля Габдрахмановича Фахрутдинова.

Р.Г. Фахрутдинов родился 14 марта 1937 г. в селе Карелино Балтасинского района ТАССР. После окончания средней школы поступил в Казанский государственный педагогический институт. Еще в студенческие годы Равиль Габдрахманович увлекся историей Волжской Булгарии, участвовал в археологических экспедициях, опубликовал свои первые научные статьи. После окончания ВУЗа (1963) талантливого парня пригласили в аспирантуру при Институте языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР (с 1996 г. – Институт истории АН РТ). С 1966 года до конца своей жизни Р.Г. Фахрутдинов работал в данном институте в качестве младшего (1966–1974), старшего (1974–1992), ведущего (1993–1996), главного (с 1996) научного сотрудника.

Как руководитель разведочного отряда Татарской археологической экспедиции, он исследовал территорию Татарстана, юго-восточные районы Чувашской Республики, территорию Ульяновской и Самарской областей. Экспедицией были выявлены и обследованы более 1200 археологических памятников, в основном, периода Волжской Булгарии и Золотой Орды. Материалы экспедиций легли в основу его кандидатской, а в дальнейшем и докторской диссертаций.

Кандидатская диссертация «Территория Волжско-Камской Булгарии домонгольского и золотоордынского периодов (по археологическим и письменным источникам)» была успешно защищена в 1968 г., а докторская «Волжская Булгария. X–XIV вв. (Историко-археологическое исследование)» – в 1990 г.

Р.Г. Фахрутдинов участвовал в создании 6-томной «Археологической карты Татарской АССР», за что в составе группы авторов получил Государственную премию РТ в области науки и техники (1994). За многолетнюю активную научную деятельность ему было присвоено звание «Заслуженный деятель науки Республики Татарстан» (1997).

Р.Г. Фахрутдинов – автор более 300 научных и научно-популярных работ, в том числе 30 книг (монографии, учебники, учебные пособия). Научные труды Р.Г. Фахрутдинова посвящены исследованию древнего тюркского мира, эпохи тюркских каганатов, Волжской Булгарии, Золотой Орды, Казанского и других татарских ханств. По мнению Р.Г. Фахрутдинова, татарский этнос сформировался в XIII–XIV вв. путём объединения татар с родственными кипчаками, которые ассимилировали местное болгарское население.

В 70-е гг. XX столетия на страницах журнала «Советская археология» развернулась дискуссия о столице домонгольской Булгарии. Традиционная точка зрения, высказанная А.П. Смирновым, о расположении столицы Булгарии в X–XI вв. в Болгаре и переносе столицы в Биляр в XI–XII вв., в связи изменениями торговых путей, активно поддерживал Р.Г. Фахрутдинов. Выявленные новые материалы подтверждают данную точку зрения. Однако, вопрос возникновения и формирования городских центров на территории Среднего Поволжья и сегодня остается актуальным для болгарской археологии.

Особо интересовала Р.Г. Фахрутдинова роль Иске-Казани (Урматское селище, Камаевское городище) в формировании Казанского ханства.

В 1970–1980-х гг. он проводит стационарные раскопки на территории Иске-Казани (Высокогорский район РТ). В результате работ было выявлено значительное количество археологического

и нумизматического материала, который позволил ему датировать памятники XIII–XVI вв. и увязать Камаевское городище и Урматское селище с резиденцией князя Камая.

Равиль Габдрахманович был в курсе всех событий, связанных с археологией. Когда стало известно о находке монет в Кайбицком районе Татарской АССР, он организовал доставку и передачу монет в город Казань. Таким образом, уникальный Бурундуковский клад XIII в. сохранился для науки и был опубликован Г.А. Федоровым-Давыдовым.

Огромная заслуга Р.Г. Фахрутдинова в сохранении для науки крупнейшего в Восточной Европе Каратунского клада золотоордынских монет XIV в. Состоящий из 25 тысяч монет клад был определен Г.А. Федоровым-Давыдовым и передан на государственное хранение. С предисловием Р.Г. Фахрутдинова клад готовится к публикации. Оперативная работа Равиля Габдрахмановича спасла для науки ценнейшие музейные экспонаты – гуннские котлы, обнаруженные в Аксубаевском районе РТ. Сегодня, когда расцветает «черная археология», и обнаруженные материалы расходятся по рукам, свободно покупаются и продаются, эта сторона деятельности Р.Г. Фахрутдинова особенно ценна.

В 1997 г. он организовал новый проект – издание научного журнала «Татарская археология». Опубликованные материалы журнала не ограничивались только границами Татарстана, а охватывали территорию тюрко-татарских ханств и древнетюркский период истории татарского народа. На страницах журнала были напечатаны статьи известных археологов, историков, а также малодоступные сегодняшнему читателю работы Али Рахима, М.Г. Худякова, Х.Фаизханова, Н.Ф. Калинина, Ф.В. Баллода.

Р.Г. Фахрутдинов – непревзойденный популяризатор археологических достижений в науке, автор нескольких учебников и научно-популярных изданий. Его записки археолога были напечатаны в журналах, позднее вышли отдельными изданиями на русском и татарском языках. Он мог простым, доступным для широкой публики, языком писать о таких сложных понятиях, как образование и датировка культурных напластований, история городов Волжской Болгарии, происхождение народов, в том числе татарского народа.

Р.Г. Фахрутдинов продолжил работу, начатую историками-краеведами Г.Ахмаровым, Али-Рахимом и другими по созданию исторических работ на татарском языке. Он обращал большое внимание правильному употреблению исторических терминов. Когда исторические сочинения в подавляющем большинстве писались на русском языке, он своими работами показывал пример общения с читателями на татарском языке.

Ученый хорошо знал не только историю, но и этнографию, язык, фольклор, музыку татарского народа. Об этом говорит и написанная им монографическая работа о жизнедеятельности народного артиста Татарстана Илгана Шакирова. Его активная работа в этой области не осталась незамеченной. Он был принят в Союз писателей Татарстана.

Старшее поколение интеллигенции, научные работники помнят его увлекательные экскурсии по Болгарскому городищу. В 70–80-е гг. прошлого столетия казанские, альметьевские и набережно-челнинские творческие работники обращались к нему для ознакомления с памятниками Болгара и других средневековых городищ. Эти поездки оставляли у людей самые яркие впечатления.

Равиль Габдрахманович мечтал об организации музея-заповедника в Иске-Казани. Первый музей в здании школы, археологическая база, мост через реку Казанка, благоустройство святого источника были проведены благодаря стараниям Р.Г. Фахрутдинова. Иске-Казанский музей стал филиалом Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника, позднее самостоятельным историко-культурным и природным музеем-заповедником.

Участвуя с Равилем Габдрахмановичем в археологических разведочных работах ни один полевой сезон, я поражаюсь его огромной работоспособности. Проходя ежедневно по маршруту 30–40 и более километров, он оставался бодрым и при свете костра приводил свои мысли в порядок, записывал. Эти записи легли в основу его научно-популярных произведений. В работе он не щадил себя и был требователен к другим, в то же время мы всегда чувствовали его заботу и в бытовом плане, и в научной сфере. В выборе научной темы для диссертации в области эпиграфики его слово, слово старшего товарища, для меня было решающим.

Р.Г. Фахрутдинов оставил глубокий след в исторических и археологических исследованиях Среднего Поволжья и истории татарского народа. Он ввел в научный оборот большое количество новых материалов – археологических памятников. Его работы выделяются новизной, широтой анализа исследуемых объектов и на долгие годы останутся примером для археологов.

Основные труды Р.Г. Фахрутдинова

1. Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань: Таткнигоиздат, 1975. 219 с.
2. Фахрутдинов Р.Г. Задачи археологического изучения Казанского ханства // Советская археология. 1973. №4. С. 113–122.
3. Фахрутдинов Р.Г. История татарского народа и Татарстана: Учеб. для сред. общеобраз. школ, гимназий и лицеев. Ч. 1: Древность и средневековье. Казань: Магариф, 1995. 255 с.
4. Фахрутдинов Р.Г. Мелодия камней: история средневековых городов Татарии. Казань: Татарское книжное изд-во, 1986. 224 с.
5. Фахрутдинов Р.Г. Новые археологические памятники Волжской Булгарии в закамской Татарии // Советская археология. 1969. № 1. С. 224–236.
6. Фахрутдинов Р.Г. О столице домонгольской Булгарии // Советская археология. 1974. №2. С. 131–143.
7. Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии / отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1984. 216 с.
8. Фахрутдинов Р.Г. Шәһри Болгар = Великий Булгар = Great Bulgar: фотоальбом / соавт. Р.Мухамедзянов, Г.Эйдинов. Казань: Таттрансгаз РАО «Газпром», 1997. 48 с.
9. Фәхрәтдинов Р.Г. Татар тарихы: кыскача басма. Казан: Мәгариф, 1999. 111 б.
10. Фәхрәтдинов Р.Г. Кичке азан. Казан: Татар. кит. нәшр., 1997. 223 б.
11. Фәхрәтдинов Р.Г. Мондадыр безнең бабайлар: археолог язмалары. Казан: Татар. кит. нәшр., 1992. 176 б.
12. Фәхрәтдинов Р.Г. Татар халкы һәм Татарстан тарихы: гомуми урта белем мәкт., гимназияләр һәм лицейлар өчен. Кисәк 1: Борынгы заман һәм урта гасырлар / русчадан Г.Н. Шәрәфәтдинов, Р.Г. Фәхрәтдинов тәрж. Казан: Мәгариф, 1996. 255 б.

Сведения об авторе:

Мухаметшин Джамиль Габдрахимович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (г. Болгар, Республика Татарстан); djamil78@list.ru

Mukhametshin Jamil – Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher of the Bulgarian State Historical and Architectural Museum-Reserve (Bulgar, Republic of Tatarstan)

Фото 1. Экскурсия в Болгаре.
Май, 1981 г.

Фото 2. На Суварском
городище. Слева направо:
Р. Мухаметзянов, Р.Г. Фахрутдинов,
Н.М. Сагъдеева, Д.Г. Мухаметшин.
1999 г.

Фото 3. В Болгаре.
Слева направо:
Р.Г. Фахрутдинов,
З.Г. Баширов,
Д.Г. Мухаметшин.
1981 г.

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ является правообладателем
исключительных имущественных прав на свои издания.

Любое использование материала данного издания (размещение
в Интернете, перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Sh.Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
is a holder of exclusive property rights of its own publications.
Any use of the material of this publication (publishing online, reprint, republish, etc.),
in whole or in part, without permission of the rights holder is prohibited.

Средневековые тюрко-татарские государства

Medieval Turkic-Tatar States

2017. № 9

Подписано в печать 22.12.2017 г. Формат 60×84 ¹/₈
Усл. печ. листов 34,0 Тираж 100 экз.
Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета

420108, г. Казань, ул. Портовая, 25а
Тел./факс: (843) 231-05-46, 231-08-71, 231-04-19
E-mail: citlogos@mail.ru
www.logos-press.ru

Сайт

Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф